

Право любить

Архив публикаций

Раздел "Наука"

Наш сайт: <https://right-to-love.name> или <http://rightloveqoyz6ow.onion>

Содержание

[В чём разница между педофилом и насильником?](#)

[Проверка предположений о характере сексуальной эксплуатации детей на основе неклинических случаев](#)

[Збинев Лев-Старович. Нетипичный секс](#)

[Наталья Машарова: Детская сексуальность](#)

[Миф о похищении незнакомцами и сексуальных преступлениях против детей](#)

[Что является причиной педофилии?](#)

[Является ли педофилия отклонением?](#)

[Почему отношения между подростками и взрослыми противозаконны?](#)

[Оргазм у детей](#)

[Сексуальная революция Вильгельма Райха](#)

[Александр Нилл - Воспитание свободой](#)

[Сексуальные отношения с подростками – не педофилия](#)

[Сексуальное поведение маленьких детей](#)

[Педофилия и детская порнография в контексте современного общества](#)

[Возраст согласия: исторический обзор](#)

[Эмпирический анализ сексуальных отношений между подростками и взрослыми](#)

[Социальные реакции на секс с несовершеннолетними при «значительной разнице в возрасте»](#)

[Благословленный и запретный инцест](#)

[Честное исследование](#)

[Надо ли бояться порнографии?](#)

[Онанизм и сексуальное злоупотребление детьми: сравнительное исследование двух гипотез](#)

[Инцест](#)

[Замечания об отношении уголовного права к педосексуальности](#)

[Порнография и сексуальные преступления в Чешской Республике](#)

[О травмах и мифах](#)

[Сексу - да!](#)

[О ятрогенном характере дискурса о сексуальном злоупотреблении детьми](#)

[Наука против ортодоксии](#)

[Онанизм у детей](#)

[Секс с подростками](#)

[Что является причиной педосексуальности](#)

[Ребёнок как предполагаемая жертва и реальные жертвы сексуальных злоупотреблений \(фрагменты\)](#)

[Сексуальное влечение мужчин к девочкам-подросткам это норма](#)

[Сексуальная жизнь детей Тробрианских островов](#)

[Связь агрессивного поведения и подавления сексуальности в детстве](#)

[Является ли педофилия психическим расстройством?](#)

[Некоторые проблемы детской сексуальности](#)

[Общие вопросы современных реалий относительно педофилии](#)

[Работа Райнда и коллег 1998 г.: политически некорректна, научно корректна](#)

В чём разница между педофилом и насильником?

Перевод с английского. [Оригинал](#). Автор текста - Линдсей Эшфорд

В современном обществе, когда человек слышит о похищении или изнасиловании ребёнка, у него автоматически возникает мысль, что это сделал какой-то педофил. Так сложилось, что слово "педофил" стало синонимом понятия "насильник детей". Но насколько верна эта ассоциация? Многие специалисты в вопросах человеческой сексуальности совершенно чётко заявили, что между этими двумя понятиями есть существенная разница. Более того, они показали, что в большинстве случаев насилие над детьми совершается людьми, которые совсем не являются педофилами. Раз так, то кого стоит называть педофилом?

Определение педофилии

Американская психиатрическая ассоциация в своём основном руководстве по диагностике заболеваний (DSM-IV TR) определяет педофила как человека, у которого "в течение 6 месяцев появляются неоднократные возбуждающие фантазии большой интенсивности, сексуальные желания или образы поведения, включающие в себя сексуальную активность с ребёнком или детьми допубертатного возраста (обычно в возрасте до 13 лет включительно)". Также там сказано, что этот человек или совершал поступки на основе своих желаний или в результате их наличия испытывал отчётливые умственные страдания или трудности в межличностных отношениях. Другими словами, педофил мог пытаться как-то удовлетворить свои желания, но это не является обязательным условием. Исследователи сексуальности Ральф Андерюгер и Холида Уейкфилд в своём труде "Особые проблемы в случаях сексуальных злоупотреблений" пишут:

"Хотя понятия 'сексуальный преступник против малолетних' и 'педофил' употребляются как синонимы, необходимо проводить между ними различие. Первый термин означает преступное поведение в сексуальной сфере, а второй - аномальные сексуальные предпочтения. Многие педофилы никогда не пытаются реализовать свои желания. В то же время, не все люди, совершившие сексуальные преступления против малолетних являются педофилами."

В 2002 году четверо учёных - Фэган, Уайз, Шмидт и Берлин в своём труде под названием "педофилия" пишут:

"Такие термины как 'сексуальные злоупотребления против детей', 'инцест', 'насилие над детьми' и 'педерастия' не являются синонимом педофилии. Термины, которые обозначают секс с малолетними являются названиями преступлений, в то время как педофилия - это сексуальное влечение к детям. Не все из тех, кто совершает сексуальные злоупотребления в отношении малолетних являются педофилами. Например, некоторые из совершающих эти преступления выбирают детей просто по той причине, что они доступнее. Секс с малолетними не является неопровержимым фактом, доказывающим педофилию. Кроме того, не все люди, которые удовлетворяют диагностическим критериям педофилии, совершают сексуальные преступления в отношении детей."

Хотя в некоторых источниках педофилия считается психическим расстройством, она также признаётся как сексуальная ориентация, которая не выбирается человеком. Учёные во главе с Фэганом пишут:

"В процессе психосексуального развития ни один человек не принимает самостоятельного решения, к чему у него будет влечение: к мужчинам, к женщинам, к мальчикам или к девочкам. Напротив, люди просто обнаруживают, какая категория является для них сексуально привлекательной, т.е. свою сексуальную ориентацию."

Ситуационный преступник

Кеннет Ланнинг, автор руководства для следователей по вопросам данных преступлений, пишет:

"Судя по всему, ситуационные преступники вступают в сексуальные отношения с детьми по причинам, отличным от наличия у них подлинного предпочтения детей как сексуальных объектов. Дети здесь являются заменителем, и эти сексуальные злоупотребления практически не имеют никакого отношения к педофилии."

Из этого следует что, множество случаев сексуальных злоупотреблений в отношении детей совершается людьми, которые не являются педофилами. Раз так, то кто же такие эти насильники? Психиатрическое сообщество определяет "ситуационного преступника" как человека, который обычно испытывает влечение к взрослым, но по той или иной причине решил удовлетворить сексуальное желание с помощью ребёнка. У таких людей могут быть слабые социальные навыки, что затрудняет им поиск партнёра в своей предпочитаемой категории. Они могут состоять в отношениях со взрослым, в которых секс отсутствует. Они могут испытывать одиночество после расставания с партнёром. Как бы там ни было, они обычно находятся в ситуации, где присутствуют дети. Это могут быть дети, живущие в их доме или по соседству, с которыми они знакомы. Эти люди могут посещать церковь или участвовать в социальной группе, где они присутствуют. Затем возникает ситуация (или сам ситуационный преступник создаёт её), при которой он остаётся наедине с одним из этих детей. Возможно, под влиянием стресса, спиртного или наркотиков его уровень сдержанности снижается и он использует момент уединения с ребёнком, чтобы удовлетворить своё желание.

Ланнинг, являющийся сотрудником подразделения ФБР по вопросам поведения, в своём труде "Насильники детей: поведенческий анализ", опубликованном в 1987 году, пишет:

"У ситуационных преступников дети не являются предпочитаемыми партнёрами. Однако они могут совершить насилие над детьми под влиянием совершенно различных ситуационных причин. Эти люди обычно смотрят и возбуждаются от порнографии с участием взрослых, но в определённых ситуациях могут вступать в сексуальные отношения с детьми. Ситуационные преступники обычно подвергают насилию тех малолетних, к которым у них есть лёгкий доступ, таких как их собственные дети или те, с которыми они живут или которых опекают. Подростки, достигшие половой зрелости являются наиболее вероятными сексуальными объектами и поэтому находятся в зоне риска. Дети более младшего возраста также могут стать жертвами насилия, потому что они слабы, уязвимы и легко доступны. Морально неразборчивые ситуационные преступники могут предпочесть детей, особенно подростков, просто потому, что у них возникла такая возможность или они считают, что смогут избежать проблем. Люди, плохо приспособленные к жизни в обществе могут выбирать детей из чувства небезопасности и любопытства. У других просто низкая самооценка и они используют детей в качестве замены взрослым, к которым они в реальности испытывают влечение".

Именно такие случаи составляют значительное большинство среди всех сексуальных злоупотреблений в отношении детей. Ланнинг считает, что до 90% всех случаев сексуального насилия над детьми совершается ситуационными преступниками. Совершенно ясно, что эти люди не являются педофилами. У них сексуальные фантазии с участием детей возникают лишь в редких случаях, если вообще возникают. Ситуационные преступники просто используют возможность, которая сама собой представилась. Они могут неоднократно пользоваться доступностью ребёнка или детей, но на самом деле они предпочитают взрослых. Для них ребёнок - это лишь замена взрослому, а не предпочтительный сексуальный объект.

Совершают ли педофилы совращение малолетних?

Бывают случаи, когда педофилы также преступают законы о возрасте согласия, вступая в запрещённые сексуальные отношения с детьми. Однако в этих ситуациях их образ действий обычно совершенно отличается от поведения ситуационного преступника. В то время как последний просто использует сложившуюся ситуацию, при которой ребёнок доступен, для удовлетворения сексуальных потребностей, которые он не может удовлетворить в других условиях, педофил переходит черту в условиях отношений с ребёнком, которые развиваются уже определённое время. Ребёнок для педофила является предпочтительным сексуальным партнёром, и он желает не только и не столько сексуального удовлетворения, а в первую очередь любви. В то время как закон запрещает такие отношения, педофил считает их естественным продолжением, подлинным выражением любви, которая возникла между ним и ребёнком. Однако многие педофилы никогда не пересекают эту черту, осознавая заложенные в этом

опасности как для себя, так и для детей.

К сожалению, бывают случаи, когда педофилы из-за отчаяния или гнева проявляют нездоровое поведение и вступают в сексуальные отношения с несовершеннолетними не по любви, а из эгоизма. Давление, вызванное постоянной необходимостью скрывать свою сексуальную ориентацию может оказаться слишком сильным. У педофилов, имеющих влечение только исключительно к детям, накопившееся сексуальное напряжение может стать невыносимым. Другие факторы в их жизни могли привести к тому, что стресс накопился в огромном количестве. Как бы там ни было, их чувства, основанные на доброжелательности и любви к детям, временно отключаются и эти люди начинают действовать в агрессивной, принуждающей и насильственной манере.

Предотвращение сексуальных посягательств на детей: несколько практических шагов

Очевидно, что наиболее важной проблемой, которую надо решать в вопросе сексуальных злоупотреблений - это как предотвратить ситуационную преступность, поскольку именно она составляют наибольшую часть этих правонарушений. Поскольку дети не являются основной ориентацией ситуационных преступников, практически невозможно заранее их выявить. Следовательно, наилучшей стратегией будет постараться обучить широкие массы людей возможным последствиям стресса или неудач в сексуальной сфере, в надежде на то, что люди, попавшие в такие ситуации обратятся за помощью до того, как начнут вымещать свои неудачи на детях. Те, кто знаком с людьми, находящимися в этой группе риска могут также обратиться к ним из чувства любви и сострадания и попытаться убедить их обратиться за психологической помощью.

Обучение детей

Помимо мер прямого предотвращения, следующим лучшим препятствием к насилию над детьми, является дать им нужные знания. Насильники обычно действуют на основе убеждения, что их поступки не будут раскрыты. Насильник вряд ли решится совершить своё чёрное дело, если подозревает, что ребёнок сообщит другим о том, что с ним сделали. Обучение здесь означает объяснить детям, что сексуальные домогательства, которые могут совершаться по отношению к ним, не являются их собственной виной и что они не сделали ничего плохого, из-за чего эти явления могут происходить. Дети также должны усвоить, что при попытках вовлечь их в сексуальные отношения, в которых они не желают участвовать, можно сообщить об этом любому взрослому, не только своим родителям. Также дети должны понять, что если к сексу их принуждает кто-то из родителей или родственников, это всё равно недопустимо и что их любовь к этим людям была использована во зло, если имело место принуждение к поступкам, которые они не хотели совершать.

Реабилитация

Насильники часто испытывают сильные угрызения совести, поняв, сколько страданий они принесли, используя детей в своих целях. Они осознают, что навязывание своей воли детям и принуждение их к тому, что они не хотели делать, было ошибкой. Следовательно, частью процесса реабилитации, помимо тюремного заключения, должна быть терапия, направленная на то, чтобы дать им понять, что насилие не является правильным способом борьбы со стрессом или последствиями неудач и объяснить этим людям как можно найти более продуктивные и менее опасные методы борьбы с ними в будущем. Доктор Фред Берлин из Национального института предотвращения, изучения и лечения сексуальных травм, в своём интервью на Конференции католических епископов США, сказал:

"Мы говорим о причинах, которые усиливают влечения, испытываемые людьми, и подобно тому, как алкоголик в стрессовом состоянии выпивает с целью облегчить страдания, человек с трудностями в сексуальной сфере может прибегнуть к сексу, чтобы почувствовать себя лучше во время стресса, депрессии или даже скуки. Частью лечения является объяснить людям эти причины, включая как внутренние состояния, такие как стресс или скука, так и ситуации на внешнем уровне."

Как только отбывшие срок заключения люди возвращаются в общество, им должны быть доступны группы поддержки, куда они смогут обратиться во время жизненных кризисов и где им помогут вспомнить то, чему они научились. И самое главное, должны быть поддерживающие их семьи и друзья, способные помочь им оставаться позитивными людьми и содействовать в своевременном распознании признаков недомогания и обращении за помощью.

Важно также отметить, что клеймо человека, занесённого в "чёрный список" сексуальных преступников, также не является полезным в процессе реабилитации. Фэган и его коллеги пишут:

"Законодательство требует публичного раскрытия того факта, что определённый человек является зарегистрированным сексуальным преступником. Из соображений, что в этих условиях трудно найти жильё, работу и признание в обществе, такие правила могут сделать успешное лечение ещё более затруднительным."

Работа с педофилами

Что касается непосредственно педофилов, то нужна более разносторонняя программа. Дело в том, что педофилия является ориентацией на всю жизнь и с ней необходимо работать на постоянной основе. Поскольку общество требует от педофила, чтобы он всю жизнь подавлял свою сексуальную ориентацию, оно несёт ответственность не только за то, чтобы понять причины педофилии, но и за то, чтобы дать возможность педофилу жить нормальной жизнью.

Научные исследования

Сейчас мы очень мало знаем о причинах педофилии. Большинство существующих исследований основываются на данных, собранных из клинических или судебных источников. Данные этих исследований получены от людей, педофилов и непедофилов, которые были осуждены за сексуальные преступления в отношении детей или находились на лечении в психиатрических клиниках из-за нестандартных половых влечений. Но это лишь вершина айсберга. Ведь есть очень много педофилов, которые никогда не пытались реализовать свои сексуальные желания, и об этих людях почти ничего не известно.

Фэган и его коллеги пишут:

"Педофилия - это диагноз, применимый лишь к части лиц, совершивших сексуальные злоупотребления в отношении детей. Информация была взята из опубликованных исследований педофилии и сексуальных злоупотреблений, чтобы представить нынешний уровень знаний. Несмотря на немалый объём опубликованных и рецензированных статей на темы сексуальных злоупотреблений, насилия над детьми и сексуальных преступников, наши данные и база знаний о педофилии имеют значительные ограничения".

Тот факт, что мы знаем о педофилах мало или практически ничего, делает невозможным оказание помощи всем людям с подобными влечениями. Если мы хотим найти приемлемый способ жить в одном обществе с педофилами, нужно поддерживать научные исследования, а не препятствовать им и сделать возможным для педофилов участвовать в них без страха быть раскрытыми публично. Учитывая то, что в нашем обществе количество людей, испытывающих влечение к детям может составлять от 2 до 20% населения, или от 6 до 60 миллионов человек в одних США, это обязывает общество принять чёткие шаги в направлении понимания этих людей, вместо отчуждения и клеймления.

Деклассификация

В настоящий момент, американская психиатрическая ассоциация классифицирует педофилию как сексуальное расстройство. Безусловно, это не самая распространённая сексуальная ориентация, но делает ли её это расстройством? В работе "DSM-IV TR и парафилии: аргумент в пользу исключения" учёные Мозер и Клейнплатц пишут:

"Справочник заболеваний DSM-IV TR редакции 2000 года устанавливает свои стандарты по включению диагнозов и изменениям его текста. Раздел парафилий был подвергнут анализу на предмет того, как DSM соответствует этим стандартам. Концепция парафилии как психической патологии была проанализирована и подвергнута критическому рассмотрению, чтобы определить, соответствует ли она определению психического расстройства, представленному в данном справочнике. В результате оказалось, что это не так. Диагностическая категория парафилий была подвергнута критике с точки зрения логики, последовательности и ясности, а также в том, являются ли они каким-то отдельным психическим расстройством. В справочнике приводятся "факты", которые якобы подтверждают различные содержащиеся в нём утверждения. Достоверность этих "фактов" была также подвергнута тщательному рассмотрению. Было обнаружено мало подтверждающих их свидетельств. Были отмечены недостатки в сложившейся традиции приравнивать определённые сексуальные интересы к психическим нарушениям. Мы пришли к заключению, что раздел парафилий имеет столь много недостатков, что его следует исключить из справочника DSM."

Мозер и Клейнплатц сделали заключение, что данную классификацию нельзя считать допустимой, она лишь является следствием традиции, которая не выдерживает научного анализа:

"То, какие сексуальные интересы считаются ненормальными, часто меняется: мастурбация, оральный, анальный секс и гомосексуализм в прошлом считались психическими расстройствами или симптомами психических расстройств. Но сейчас они обычно считаются частью спектра здоровых проявлений сексуальности. Подобно этому, есть явления, которые в прошлом считались нормальными, но сейчас считаются нарушениями психики (напр. пониженное сексуальное желание, отвращение к сексу, аноргазмия у женщин и т.п.). Чрезвычайно трудно исключить исторические и другие культурные факторы из процесса категоризации необычных сексуальных влечений. В этих условиях, эмпирически обоснованные научные определения здорового и нездорового сексуального поведения будут и дальше ускользать от нас."

Если её основания опираются на общественные и культурные представления, а не на научные исследования, разве не стоит тогда вообще отказаться от классификации нестандартного сексуального поведения как патологий? Как получилось, что либеральная демократия, такая как существует в США, допускает такое положение дел?

Для педофилов результат этой ситуации весьма прискорбен. Даже в случаях, когда они не совершили никакого преступления, эта научно необоснованная классификация изолирует их и заставляет бояться за своё благополучие. Особенно в стране, где уже был прецедент, легализовавший превентивное помещение педофилов в психиатрические клиники, этих людей только глубже загоняют в подполье, заставляя делать всё возможное, чтобы ещё сильнее скрывать свою ориентацию. Вызываемый этим стресс ведёт помимо всего прочего к депрессии, низкой самооценке и пониженной трудоспособности. В особых случаях оно может даже привести к опасному поведению, о котором говорилось выше.

Консультирование

В настоящий момент общество требует, чтобы педофилы соблюдали установленные в нём законы, в то же время не предоставляя им никакого способа выразить свои чувства. Для людей, имеющих проблемы с другими видами поведения, которые общество считает недопустимыми или неприемлемыми, существует целый ряд возможностей для общения и лечения. Те, кто страдают болезненными привязанностями, могут обратиться за медицинской помощью, профессиональной консультацией или искать поддержки в религиозных учреждениях. То же самое относится к людям с расстройствами питания, навязчивыми состояниями, страдающим от депрессии или низкой самооценки. Даже люди с экстремистскими политическими воззрениями, такие как расисты, фашисты, анархисты и коммунисты, имеют возможность выражать свои взгляды, право на публичные собрания и другие виды распространения своих идей. Но из-за безумных предрассудков общества, у педофилов практически нет безопасного места, куда бы они могли обратиться. Лишь просто заявив о своей сексуальной ориентации, педофил рискует быть отвергнутым своей семьёй и друзьями, подвергнуться гонениям со стороны людей, рядом с которыми он живёт, потерять работу или жильё или даже подвергнуться выдуманному обвинению в преступлениях против детей. Фред Берлин пишет:

"Педофилам должно быть предоставлено больше возможностей получить помощь. Люди, испытывающие такие желания, должны знать, что помощь доступна. Общество столь репрессивно по отношению к этой проблеме и клеймит этих людей настолько, что нужно поощрять их стремление обращаться за помощью, убеждая, что им помогут, а не причинят страдания."

Общество поступает несправедливо, желая, чтобы педофил полностью отказал себе в реализации своей сексуальности, в то же время не дав ему ничего взамен. Поэтому его долгом является дать педофилам безопасную, анонимную и лишённую угроз возможность обсудить свои чувства и найти способ жить с ними. Нужно обучить специалистов в области психического здоровья и священнослужителей тому, чтобы с сочувствием и пониманием относиться к педофилам, а также, научить предлагать вместо [сомнительного] лечения решения и стратегии того, как педофилы могут справиться со своими чувствами. В конце концов, педофилия - это сексуальная ориентация, а не болезнь, которую можно излечить.

Фэган и его коллеги пишут:

"Исторически сложилось, что с учётом сложности проблемы и сопутствующего общественного порицания, для людей с педофилией сейчас существует относительно немного ресурсов по вопросам психического здоровья, и лишь немногие психиатры и психологи подготовлены достаточно, чтобы вести исследования или заниматься лечением пациентов."

В идеале, лучшим решением было бы полное снятие клейма с педофилии и педофилов. Даже если общество и дальше продолжит ставить сексуальное поведение педофилов вне закона, оно не должно делать фактически преступниками или отверженными тех из них, кто не совершил никаких преступлений. Если педофилы смогут открыто заявлять о имеющейся у них ориентации, без страха за свою безопасность, большая часть давления, которое им приходится сейчас терпеть, уйдёт и они смогут жить гораздо более плодотворной и удовлетворённой жизнью, чем сейчас.

Проверка предположений о характере сексуальной эксплуатации детей на основе неклинических случаев

Документ, представленный на симпозиум, спонсором которого выступает Паулус Керк.

Роттердам, Нидерланды, 18 декабря 1998 года

*Брюс Райнд, Ph. D.¹, отделение психологии Университета Темпл;
Роберт Баусерман, Ph. D., отделение здоровья и душевной гигиены, штат Мэриленд
и Филип Тромович, Ph. D. (кандидат), Высшая школа образования, Университет Пенсильвании.*

В Америке начиная с середины семидесятых профессионалы в области защиты (душевного) умственного здоровья, политики, сотрудники правоохранительных органов, СМИ и обыватели начали обращать значительное внимание на проблему Сексуальной Эксплуатации Детей (дословно с английского - (Child Sexual Abuse) сексуального злоупотребления ребенком. - Перев.) (педофилии), которая в этом исследовании будет сокращенно именоваться СЭД². Увы, это явление распространилось и на другие страны по всему миру, включая и Голландию. Основная часть внимания, уделяемого СЭД, посвящена ее возможному влиянию на психологическую адаптацию (adjustment). СМИ, популярная печать и литература все как один изображают СЭД как исключительно травмирующий опыт, как «особый разрушитель душевного здоровья взрослого человека». Например, в ведущем журнале Америки по клинической психологии авторы недавней статьи отмечают, что «СЭД является травмирующим событием (здесь и далее: для ребенка. - Перев.), по силе мало с чем сравнимым». Они очевидно подразумевают, что не может быть ничего хуже для молодого человека, чем такой опыт. Некоторые специалисты в области душевного здоровья даже пытаются объяснить большую часть взрослой психопатологии последствиями СЭД.

В последние два десятилетия распространилась точка зрения, что характерные черты СЭД таковы:

- 1) она причиняет вред
- 2) который сказывается на достаточно глубоком уровне
- 3) обычно весьма сильно
- 4) у мальчиков по меньшей мере столь же сильно, как у девочек.

Согласно этой точке зрения, данные свойства присущи любому случаю, говорим ли мы о пациентах (то есть о клинических случаях) или о людях, не обратившихся за медицинской помощью (неклинических случаях). Главной целью нашего исследования, проводившегося последние несколько лет, является проверка этих предполагаемых свойств СЭД. Вопрос, которым мы задались и на который попытаемся ответить в этой статье, таков: действительно ли людям обоего пола, имеющих опыт СЭД, этот опыт нанес сильный и многосторонний психологический вред?

Перед тем как описать наше исследование, важно обсудить терминологию. Термин «сексуальное злоупотребление ребенком» используется в психологической литературе для описания практически любых сексуальных контактов между детьми или подростками и людьми значительно старше их или между детьми или подростками одного возраста, но по принуждению. Недискриминирующее употребление этого термина и связанных с ним слов «жертва» и «преступник» критиковалось различными исследователями с точки зрения научной ценности. Как заметил один исследователь, обычно исследователям не удается отделить «злоупотребление» как зло, причиненное ребенку, от «злоупотребления» в смысле нарушения общественных норм, что усложняет проблему, пока не установлено, что нарушение общественных норм обязательно наносит вред. Как отмечают другие исследователи, наше общество склонно «неправильность» в половых вопросах приравнивать к вредности, хотя вредность вовсе не вытекает из «неправильности». Другой исследователь возражает: огульное использование терминов, подразумевающих применение силы, принуждение и вред, укрепляя уверенность, что эти действия всегда причиняют вред, мешает их объективной оценке. В более ранней работе мы показали на примерах, что люди, которые читают научные труды о неотрицательных половых контактах между подростками и взрослыми, получают предубеждение из-за использования терминов, в которых заложен отрицательный смысл, например, «сексуальная эксплуатация детей».

Проблемы научного смысла термина СЭД, пожалуй, яснее всего видны из рассмотрения двух совершенно разных случаев: повторное изнасилование пятилетней девочки ее отцом, где вред несомненен и

серьезен, и совращение зрелого пятнадцатилетнего мальчика с его согласия взрослым (не родственником), что тоже нарушает общественные нормы, однако может не причинить никакого вреда. Определяя эти совершенно разные случаи в одну категорию СЭД, мы ставим под угрозу научное понимание каждого из них.

С этими предостережениями, понимая ущербность термина СЭД, мы тем не менее продолжим им пользоваться, поскольку он очень широко используется авторами рассмотренных нами работ. Но мы еще вернемся к обсуждению значения этого термина после изложения наших данных и их анализа. С учетом всего сказанного, основываясь на типичном в данный момент толковании термина СЭД, ее можно определить как половое взаимодействие, включающее собственно половой контакт или не включающее его (например, эксгибиционизм), между ребенком или подростком и лицом значительно старше его или между двумя ровесниками - детьми или подростками, когда имеет место принуждение.

Литературные обзоры

В Америке начиная с конца 1970-х годов ученые начали очень добросовестно исследовать психологическую сторону СЭД. За короткое время было опубликовано множество таких исследований. Это в свою очередь привело к необходимости поиска и обобщения доступных работ, то есть в составлении обзоров литературы. В последние 15 лет появилось множество таких обзоров. Их авторы не были единодушны в своих выводах, хотя значительное их большинство придерживается стереотипов о причинности, всеобъемлющем характере (?), интенсивности и эквивалентности вреду, поддерживая тем самым популярный взгляд на СЭД. Проводились обзоры двух типов: качественные и количественные. Рассмотрим каждый из этих типов.

Качественные литобзоры

Первый тип обзора - качественные, когда исследователь собирает ряд трудов и суммирует то, о чем в них говорится, в форме повествования. Исследователь излагает читателю свою интерпретацию в целом этих трудов скорее словесно и красочно, чем математически.

Авторы этих качественных обзоров обычно приходят к выводу, что СЭД связана с широким рядом психологических проблем, включая злость, депрессию, беспокойство, пищеварительные расстройства, алкогольную и наркотическую зависимость, низкую самооценку, трудности в общении, неадекватное сексуальное поведение, агрессию, членовредительство, суицид, диссоциацию (рассеянность? - Перев.), посттравматический стресс и другие. Авторы чаще всего предполагают, что СЭД является причиной этих проблем, и утверждают или предполагают, что большинство людей с опытом СЭД будут страдать. Некоторые подчеркивают, что мальчики реагируют на это так же тяжело, как и девочки. Одна группа исследователей называет мифом то, что мальчики менее подвержены этому, чем девочки. Другой автор отвергает как «бесполезные упражнения» попытки определить, мальчики или девочки сильнее страдают от СЭД, и заключает, что СЭД «оказывает отчетливое двухстороннее действие на своих жертв, независимо от их пола». Не все ученые, однако, соглашались с этим выводом. Некоторые указывают, что при установлении такой причинности необходима осторожность: ничто так, как СЭД, не связано с семейными проблемами, поэтому невозможно сказать, что в действительности является причиной дезадаптации - СЭД или плохая обстановка в семье. Некоторые исследователи оспаривают это и утверждают, что последствия СЭД скорее вариативны, нежели однозначно глубоко негативны.

Например, автор одного из первых обзоров Константайн обнаружил, что у людей с опытом СЭД в неклинических случаях негативные последствия часто отсутствуют. Он заключил, что неизбежных последствий или реакций не существует и что реакция на СЭД вызывается несексуальными факторами, такими как осознанное согласие молодого человека на участие в половом контакте. И, наконец, несколько исследователей заметили, что мальчики склонны реагировать намного позитивнее или нейтральнее, чем девочки.

Недостатки качественных обзоров литературы

К каким заключениям мы можем прийти, рассмотрев качественные литобзоры, которые в целом разделяют популярные предубеждения по поводу СЭД? К весьма немногим - по нескольким причинам. Во-первых, их выводы не согласуются друг с другом. Во-вторых, и это даже более важно, эти обзоры в массе своей страдают тенденциозностью подбора примеров, и, в-третьих, они уязвимы, если отказаться от предубежденности и субъективизма.

Выборки с предубеждением

Все эти качественные обзоры, за исключением одного (который мы обсудим позже), основаны преимущественно на клинических или юридических случаях. Многие из них основаны на них целиком или почти целиком. Клинические или юридические выборки людей с опытом СЭД не могут считаться

репрезентативными для таких людей вообще. Это очень важный принцип, который достоин рассмотрения.

«Доказательство», что мастурбация вызывает умственное расстройство, было когда-то основано на том, что установленные психиатрические больные мастурбируют. «Доказательство» того, что гомосексуализм - это умственное расстройство, было основано на психиатрических и тюремных случаях. Когда рассмотрели неклинические случаи, возникли другие, гораздо более точные взгляды на мастурбацию и гомосексуализм. По аналогии, мы также должны рассмотреть СЭД у населения вне клиники, чтобы сделать вывод, является ли она всецело вредной и если да, то в какой степени.

Некоторые обзоры по СЭД основаны на большом количестве клинических случаев, приводя исследователей к выводу, что СЭД высоко деструктивна. Но большие числа не обязательно ведут к достоверному знанию. Посмотрите известный пример. В 1936 году в США кандидат-республиканец Альф Лэндон баллотировался против кандидата от демократов Франклина Рузвельта. За две недели до выборов «Литературный дайджест» разослал 12 миллионов открыток, спрашивая людей, за кого они будут голосовать. Было получено 2,5 млн. ответов: 57% собирались голосовать за Лэндона и 43% - за Рузвельта. А выборы показали совершенно другой результат. Что было не так? Журнал делал свою выборку по списку владельцев автомобилей и телефонного справочника. В 1936 году, в пик депрессии, люди с машинами и телефонами, скорее всего, имели деньги, а такие люди чаще являются республиканцами. Таким образом, выборка была предвзятой. И тот факт, что пришло такое огромное количество ответов (2,5 млн.), не компенсировал предвзятости выборки. Репрезентативная выборка в 1000 человек, которая обычно используется теперь, дает намного более достоверные результаты. Принцип таков: масштаб выборки никогда не заменит ее объективности.

Выводы 150 клинических исследований даже близко не стоят по информативности к одному репрезентативному исследованию. Концентрация внимания на клинических и юридических случаях показывает несостоятельность большинства качественных обзоров.

Сделать выводы, основываясь на клинических и юридических выборках, проблематично не только потому, что эти выборки не репрезентативны в том, что касается населения вообще, но и потому, что данные из этих выборок вполне могут оказаться недостоверными.

Одна из проблем связана со взглядами терапевта. Если терапевт убежден, как многие когда-то, что гомосексуализм ведет к дезадаптации, то у него не будет повода искать другие потенциальные причины дезадаптации пациента-гомосексуалиста. Таким образом терапевт еще более уверяется в своих взглядах. Тот же аргумент применим и к СЭД. В одном очень известном случае психиатр Фред Белин обследовал президента американского университета, который только что был арестован за непотребные телефонные звонки. Белин услышал от своего пациента, что в 11 лет тот имел инцест со своей матерью, но также и то, что в детстве его несколько раз жестоко избивали. Белин, убежденный, что СЭД вызывает патологию, остановился на инцесте как причине последующих проблем своего пациента, а затем использовал этот случай как очередной пример, подтверждающий, каким разрушительным действием обладает СЭД. Но в сочетании с гораздо более сильным физическим воздействием (избиением) его выводы смотрятся в лучшем случае как сомнительные.

Смысл этого примера в том, что вера психиатров во вредоносность СЭД усилилась от выборочного внимания к доказательству, которое не имеет научной силы. Этим примером мы хотим сказать не то, что СЭД не может вести к дезадаптации, а то, что ожидания терапевта могут серьезно повлиять на его вывод о СЭД как причине дезадаптации.

Субъективность и неточность

Качественные обзоры полностью повествовательны, поэтому делающий их исследователь склонен к субъективной интерпретации. Исследователи, убежденные, что СЭД является главной причиной взрослой психопатологии, могут пасть жертвой своей предвзятости, то есть они отмечают и описывают труды, показывающие вредное влияние, но игнорируют или уделяют меньше внимания данным, в которых описан нейтральный или позитивный эффект. Этим они укрепляют свою исходную уверенность. Аналогично на людей, которые верят в астрологию, оказывает сильное впечатление, когда их гороскоп оказывается верным, но они очень легко забывают огромное количество случаев, когда он не сбывался. Получая подтверждение своей изначальной уверенности, они убеждаются в предсказательной ценности астрологии. Примером подтверждения исходной предвзятости в исследовании СЭД может служить исследование Менделя, который провел обзор исследования в колледже на двух отдельных выборках мальчиков. В одном случае никакой связи между СЭД и проблемами адаптации обнаружено не было. Во втором, с меньшей выборкой, некоторые связи были найдены. Мендель проигнорировал результаты первой выборки и использовал вторую, чтобы доказать, что СЭД ведет к дезадаптации. Такое селективное внимание к подтверждающим результатам - серьезный недостаток многих качественных обзоров.

Другая проблема связана с точностью. В случае с Менделем, который мы только что обсудили, он использовал подтверждающий пример для доказательства, что СЭД приводит к депрессии, беспокойству и т. п. Но о чем он не сообщил, так это о том, что связь в этой выборке между СЭД и симптомами расстройств была слабой. Эта информация очень важна - хотя бы потому, что не позволяет по описанным результатам сделать вывод о сильном воздействии СЭД, а Мендель такой вывод сделал. В данных качественных литобзорах это постоянная проблема: исследования показывают малые, но статистически важные различия, а исследователи раздувают результаты, утверждая существование серьезных последствий. Что действительно необходимо исследователям, так это опираться на статистику, иначе они склонны преувеличивать результаты, будучи заранее уверены, что СЭД высоко деструктивна.

Количественные литобзоры

Чтобы избежать проблем, свойственных качественным обзорам, в середине 1990-х несколько исследователей начали делать количественные обзоры. Эти обзоры основывались на статистической процедуре, которая называется мета-анализ. В мета-анализе исследователь собирает ряд исследований, в которых имеется сравнение адаптации людей с СЭД и людей из контрольной группы. Затем исследователь берет статистику, полученную в каждом случае и по которой можно сравнить две группы, и конвертирует ее в обычную статистику. В итоге исследователь усредняет все эти результаты, чтобы увидеть, что же все эти исследования говорят по поводу связи между СЭД и адаптацией.

Обычный результат, извлеченный из каждого исследования в мета-анализе, который мы рассмотрим, называется (размер) масштаб эффекта, который говорит вам, как велика разница между СЭД и людьми из контрольной группы с точки зрения их адаптации. Это отличается от высказывания, что две группы показывают статистически значительную разницу, поскольку такая разница может быть очень малой или довольно большой.

Пример, отвлеченный, чуждый нашему сознанию

Для легкости представления, тем более, что многие из вас не знакомы со статистикой, мы будем описывать масштабы последствий следующим образом: представьте, что у нас есть группа людей; некоторые из них имеют СЭД, а некоторые - нет. Теперь вы можете представить, что в каждой из этих групп довольно вариаций относительно того, как разные индивидуумы приспособлены к среде. Некоторые будут очень хорошо приспособлены, другие - средне, третьи - не очень хорошо, а несколько - серьезно неприспособлены. Если СЭД имеет очень сильное влияние на адаптацию, тогда СЭД будет (должно) определять по крайней мере 50% вариаций степени адаптации среди всех субъектов. Если бы СЭД имела сильный эффект, она бы определяла как минимум 25%. Если СЭД имела средний эффект, она должна определять около 10%. И если бы СЭД имела только небольшое влияние, она должна была бы определять около 1% вероятностей адаптации.

Один исследователь по имени Джампер, в 1995-ом включила студенческие, общественные и клинические выборки в свой мета-анализ отношений (зависимости) между СЭД адаптацией. Она усреднила масштабы эффектов отдельно для каждого типа выборки. После корректировки некоторых погрешностей, она вывела результаты: СЭД определяет 0,8% адаптации в студенческую выборках, 2,25% в (общинной) общественной³ выборках и 7,3% в клинических выборках. Иными словами СЭД действительно имела отношение к адаптации, но это отношение было незначительным в неклинических случаях и средним в клинических.

В 1996 другая группа исследователей опубликовала второй мета-анализ. Они высчитали отдельно для клинических и неклинических случаев среднюю величину эффекта. Спектр вариабельности определенный СЭД, был 1,4% для неклинических выборок и 3,6% для клинических. Эти два количественных анализа корректируют качественные обзора по нескольким направлениям. Во-первых, они избежали субъективных интерпретаций. Во-вторых, они включили огромное множество неклинических случаев. В-третьих, они анализировали их по отдельности. Общая картина такова: клинические случаи четко отличаются от неклинических. Это электрически показывает, что несправедливо делать выводы для всего населения, основываясь на результатах клинических исследований СЭД. К тому же хотя СЭД имеет отношение к худшей адаптации в неклинических случаях, связи здесь незначительные. А это значит уверения, что СЭД влечет отставание, серьезную психологическую травму - сильно преувеличены.

В двух этих количественных исследованиях есть некоторые немаловажные слабые места (эти исследования, увы, единственные, опубликованные к прошлому году), что безусловно послужило основанием для проведения нашего мета-анализа.

Во-первых, очень немногие случаи с лицами мужского пола были изучены, во втором обзоре они и вовсе отсутствуют.

Во-вторых, не было анализа, направленного на то, чтобы выяснить, действительно ли связи обнаруженные между СЭД и адаптацией имеют первопричиной СЭД, а не другие факторы, такие как плохая обстановка в семье.

В-третьих, не получено никаких результатов, подтверждающих (указывающих) на всеобъемлющность (глубину) эффектов. К примеру, если СЭД действительно влияет, то влияет ли она на 100% всех людей с СЭД или на 50%, или на 10% или на какой-то иной процент людей?

И в-четвертых, не представлено никаких результатов реакций субъектов на их сексуальный опыт. Возможно, что некоторые из них или даже многие не реагировали негативно. Распространенные предрассудки не допускают такой возможности, но объективная наука должна быть в курсе, поскольку такая информация говорит о значительном влиянии стереотипов (общественных предубеждений) относительно СЭД.

Чтобы скорректировать и дополнить эти два мета-анализа, мы провели два своих. Мы провели их, чтобы проверить распространенное предупреждение, что, в общем, среди населения СЭД влечет значительный вред, который имеет глубокую направленность и одинаково чудовищен для мальчиков и девочек. Поскольку мы интересовались СЭД в обычном населении, мы сфокусировались исключительно на неклинических случаях. Эта сосредоточенность оправданна поскольку в только что рассмотренных двух мета-анализах показано, что клинические случаи не могут служить справедливым обобщением для большинства видов поведения. Узнать природу СЭД, выяснить, вредна ли она, можно только посредством людей из обычного населения, которых и следует изучать.

Выборки национальной вероятности⁴

Повторим, что наше общество пришло к уверенности, за последние два десятилетия, что СЭД является «специфическим разрушителем душевного здоровья взрослого человека». Это означает, что типичному человеку, будь то мужчине или женщине опыт СЭД причинит сильный вред. Лучший способ проверить это мнение - это изучить каждого представителя населения. Конечно же, мы не можем этого сделать. Лучшее из того, что нам доступно, это взять репрезентативную выборку населения и попытаться сделать из нее какие-нибудь выводы. Исследователи разных стран так и поступали: они получали «выборки национальной вероятности», которые представляют собой обычные выборки, которые были выбраны так, чтобы быть репрезентативными для населения данной нации (в знач. страны). Данные из этих выборок, указывающих связь между СЭД и адаптацией, очень важны, поскольку они намного лучше представляют обычный случай чем данные из клинических выборок.

Несколько лет назад мы собрали воедино результаты всех исследований, основанных на национальной выборке, которая проверяла связь между СЭД и адаптацией. Наша первая таблица (см. Таблица 1) является перечнем этих исследований и некоторых их атрибутов. Прежде всего, мы можем увидеть, что 4 исследования были проведены в США, а каждое последующее - в Канаде, Великобритании и Испании. Несколько исследований опирались на интервью лицом к лицу, другие были произведены по телефону, в двух случаях использована анкета, которую люди заполняли, пока исследователь ожидал их в сторонке; и одна - почтовый отчет. Два исследования изучают только СЭД, о которых опрашиваемые говорят, как о нежелательных; другие пять выборок изучают обе формы СЭД желаемую и нежелательную. Как можно увидеть из таблицы, значительное количество людей приняло участие в этих исследованиях. Процент субъектов, на себе испытавших СЭД варьируется между 6% и 36% для лиц мужского пола и от 14% до 51% для женщин. Столь большой разброс объясняется тем, что и определения СЭД в этих исследованиях также значительно варьируют. За исключением двух исследований, у которых определения, похоже, чересчур широкое (например, включающее, как случай СЭД, сексуальный опыт детей одних родителей по желанию), проценты варьируют от 6% до 15% для мужчин, со средним показателем 11% и с 14% до 28% для женщин, со средним показателем 19%. Таким образом в настоящий момент лучшими доступными оценками распространенности СЭД являются: 11% для мужчин и 19% для женщин.

Таблица 1.

Атрибуты семи исследований с использованием выборок национальной вероятности, для изучения психологических корреляций СЭД.

Study	Population of Interference	Data gathering	Definition of CSA ^a	Sample Size ^c		CSA Prevalence ^d		Response Rate
				Males	Females	Males	Females	
Badgley et al. (1984)	Canada Ages 18+	SAQ	Any unwanted sex; C, NC	1002	1006	31%	53%	94%
Baker & Duncan (1985)	Great Brit. Ages 15+	FTF	<16 ("sexually mature"); C, NC	834	923	9%	14%	87%
Bigler (1992)	US: ages 30 to 55	Mail	<18 (5+ family or coerced); C, NC	140	174	36%	51%	33%
Boney-McCoy & Finkelhor (1995)	US: ages 10 to 16	Tele	Any unwanted Sex; C, NC	987	911	6%	15%	72%
Finkelhor et al. (1989)	US: Ages 18+	Tele	<19; any sex now seen as SA; C, NC	1142	1476	15%	28%	76%
Laumann et al. (1994)	US: ages 18 to 59	FTF	<puberty (past puberty); C only	1311	1608	12%	17%	79%
López et al.	Spain: Ages 18 to 60	FTF, SAQ	< 17 (5+, or coercion); C, NC	462	433	15%	22%	82%

1) FTF= интервью в форме личного общения; SAQ= анкета; Mail= почтовая анкета, Tele= опрос по телефону.

2) Годы, квалифицируемые, как «детские» даны вначале; в скобках - годы другого человека (партнера) и другие условия: C= контактный секс, NC= бесконтактный сексуальный опыт.

2-1) Был ли у вас секс не по желанию контактный либо бесконтактный (учитываются оба случая).

2-2) < 16 («сексуальная зрелость») контактный, бесконтактный.

2-3) < 18 (5 + семейный или под принуждением). Контактный, бесконтактный.

2-4) Был ли секс не по желанию. Контактный, бесконтактный.

2-5) < 19, какой либо секс, который сейчас рассматриваете, как сексуальную эксплуатацию контакты, бесконтакты.

2-6) < пубертат (после пубертата); только контактный.

2-7) < 17 (5 + или принуждение); контактный, бесконтактный.

3) Число респондентов, использованных в анализе данных в исследованиях, допускающих корректировку; в других показывает количество действительных участников.

4) Основан на реальном числе респондентов, которые приняли участие в исследовании.

Эти исследования дают два типа результатов, которые весьма полезны для оценки популярных взглядов на СЭД. Один - ответы на вопрос самого человека о последствиях, которые, на его взгляд, имеют место; а именно как, на взгляд субъектов, на них повлиял этот сексуальный опыт: негативно, никак или позитивно.

Второй - объективные значения психологической или сексуальной адаптации.

Вначале давайте поговорим о последствиях, как их оценили сами опрошенные. Таблица 2 показывает результаты трех исследований. В исследовании Бедли, субъектов просили рассказать о первом сексуальном опыте, который они получили не по собственному желанию, если такой был. Когда их спросили о том, был ли им причинен эмоциональный или психологический вред этим опытом, только 7% мужчин с таким опытом сказали да, и 24% женщин. Заметьте, что это данные по нежеланному опыту, и что они показывают значительное половое различие.

Во втором исследовании, проведенном Бейкером и Дунканом в Великобритании, людей спросили об опыте СЭД и его последствиях, если все это случилось до 16 лет. Обнаружилось следующее распределение, принимая во внимание осознанные последствия (см. нижнюю часть таблицы 2): из мужчин, испытавших на себе СЭД, 4% сказали, что их опыт причинил им перманентный ущерб; 33% сказали, что он был ужасен в то время, но без продолжающихся последствий; 57% сказали, что никакого эффекта не было; и 6% сказали, что это изменило к лучшему качество их жизни. Распределение для женщин, испытавших СЭД выглядит так: 13% перманентный ущерб; 51% - ужасный в тот момент времени, 34% - без последствий; 2% сказали, что это изменило к лучшему качество их жизни. Эти результаты сильно противоречат популярным взглядам, что СЭД обычно преследует свои жертвы всю жизнь: только 4% мужчин и 13% женщин думают, что вред перманентный. Как можно видеть (в верхней части Таблицы 2), 37% мужчин почувствовали, что им причинен какой-то вред, а это значит, что 63% не почувствовали этого; эти проценты совершенно иные для женщин: 64% сказали, по крайней мере, что какой-то вред им был причинен. И опять мы видим различия в зависимости от пола. В последнем исследовании Лайманн спросил людей об опыте СЭД, в период до пубертата. У мужчин 45% отметили некоторый отрицательный эффект; 70% женщин также отметили некоторый отрицательный эффект.

Вновь мы видим разницу в зависимости от пола.

Таблица 2

Проценты мужчин и женщин отметивших для себя негативные последствия СЭД в национальных выборках.

Исследование	Временные рамки	М		Ж	
		%	N	%	N
Badgley et al. (1984) ^a	Только тогда	7	307	24	538
Baker & Duncan (1985) ^b	Тогда и сейчас	37	79	64	119
Laumann et al. (1994) ^c	Тогда и сейчас	45	134	70	273

а) Данные базируются на сообщениях о первом сексе не по желанию, около 2/3 которых попадает на период до 18 лет.

б) Данные, основанные на СЭД испытанной до 16 лет.

с) Данные основаны на сообщениях о сексуальных контактах до пубертата с более старшими людьми Baker & Duncan (1985) м (n=79) ж (n=119)

Baker & Duncan (1985)	м (n=79)	ж (n=119)
Перманентный ущерб	4%	13%
Ужасный в то время, но без продолжит. эффектов	33%	51%
Без эффекта	57%	34%
Изменила к лучшему качество жизни	6%	2%

Вместе, эти три исследования показывают, что только меньшинство мальчиков усматривают какой-либо негативный эффект, тогда как его усматривает большинство девочек. Дальнейший перманентный вред встречается редко. Эти результаты наводят на сомнение по поводу точки зрения, что вред, обычно, продолжителен, что вред глубок (особенно для мальчиков) и что мальчики и девочки реагируют на СЭД одинаковым образом.

Затем мы исследовали соотношение между СЭД и психологической или сексуальной адаптацией. Исследовали данные, которые позволяют сравнить людей с СЭД и людей из контрольной группы. Как показано в таблице 3, пять из этих исследований дали четкий результат. Масштабы эффекта показаны в таблице отдельно для мужчин и женщин. И вновь, масштаб эффекта определяет процент вариабельности адаптации среди всех субъектов, к которым относятся СЭД. Для мужчин это варьирует с 0,16% до 1,44%. Для женщин - от 0,25% до 4,00%. Усредненный масштаб эффекта был 0,49% для мужчин и 1,00% для женщин. Эти результаты показывают несколько вещей. Во-первых, и мужчины, и женщины с СЭД историей показывают меньшую адаптацию, чем контрольные субъекты. Во-вторых, хотя это и статистически важно, но различия эти невелики. Например, для мужчин, 99,51% вариабельности в данных об адаптации следует объяснить наличием факторов, отличных от СЭД. Этот результат, противоположный распространенным ожиданиям, не выводит СЭД как главный фактор, влияющий на психологическое или сексуальное состояние среднестатистического человека с подобным опытом.

Таблица 3

Вариации процентов адаптации, отнесенных на счет СЭД в исследованиях с использованием национальных выборок.

Study	Males		Females	
	N	%	N	%
Bigler (1992)	140	.49	174	2.89
Boney-McCoy & Finkelhor (1995)	987	1.44	911	4.00
Finkelhor et al. (1989)	1142	.25	1476	.49
Laumann et al. (1994)	1311	.49	1608	.25
López et al. (1995)	462	.16	433	.81
Totals	4042	.49*	4602	1.00*

* показывает статистически важный результат

Обобщая этот мета-анализ мы можем сделать следующее заключение. Во-первых, эти исследования значительно больше отвечают требованиям, которые нужны для понимания типичного случая СЭД в обычном населении (чем клинические). Результаты противоречат точке зрения о широком и длительном вреде. Далее эти результаты противоречат обычной уверенности что СЭД дает сильный вред - размер эффекта был мал, а для того, чтобы подтвердить сильный вред должен был бы быть большим или хотя бы средним. Кроме того, мальчики реагируют намного менее негативно, чем девочки, что противоречит установлению, что мальчики и девочки реагируют в одинаково отрицательной форме.

Финальный взгляд, который нуждается в проверке, это то являются ли небольшие, но статистические важные различия в адаптации, обнаруженные между субъектами, испытавшими СЭД и контрольными субъектами, показывают влияние СЭД, а именно действительно ли СЭД является причиной этой несколько худшей адаптации? Говоря о причинности, нам прежде всего следует рассмотреть некоторую основную методологию. В Соединенных Штатах индекс интеллектуального развития белых людей на 15 пунктов больше, чем IQ черных. Можете ли вы заключить, что раса определяет разницу IQ? Если да, вас

назовут расистом, и правильно сделают. Черные и белые отличаются друг от друга не только расой, но также и социоэкономическим статусом, действуют также и другие факторы. Очень может быть, что худшие условия дают такую разницу в IQ а вовсе не раса. Домашняя обстановка имеет действительно большое влияние на интеллектуальное развитие, она также может играть роль третьего составляющего, которое точно имеет отношение к главным двум - расе и IQ.

Разница в 15 пунктов в индексе IQ между расами может быть выражена следующим образом: раса объясняет 34% той разницы в IQ индексе между черными и белыми. В наших национальных выборках СЭД объясняет только 1% разницы в адаптации у женщин и только 1/2 1% у мужчин. По сравнению с СЭД, раса в 34-36 раз сильнее объясняет разницу IQ. Таким образом если мы утверждаем, что расовая разница в IQ следствие не расы, но худшей домашней атмосферы, тогда конечно же мы можем рассчитывать на то, чтобы применить этот аргумент и для СЭД: а именно, что незначительные различия в адаптации, которые были выявлены, могут иметь отношение к различию в домашней атмосфере. Это оправданная вероятность. Дети в сломанных семьях находятся под меньшим присмотром и более склонны, и имеют большее желание к асоциальному поведению, такому как употребление наркотиков, прогуливание школы, или участие в запретном сексе (таком как секс со взрослыми). В этой схеме, худшая обстановка в семье не только предопределяет их к участию в СЭД, но также предопределяет к тому, чтобы стать менее адаптированными. Этот сценарий предполагает, что то отношение, которое мы обнаружили между СЭД и адаптацией может быть спонтанным (случайным) (значит - фальшивым), или, если это отношение зависимости, даже слабее, чем есть.

Исследователь Финкельхор был привлечен к двум национальным исследованиям. Он и его коллеги использовали технологии статистики, чтобы выяснить или проконтролировать несколько других факторов, которые могут быть ответственными за статистически значительную связь между СЭД и адаптацией, которую они обнаружили. В обоих исследованиях эти связи остались статистически значительными после этой процедуры. Он и его коллеги утверждают, что это показывает что СЭД действительно является причиной худшей адаптации. Однако, в критике подхода Финкелхора, его группа не учла факторы, которые, как показали другие исследователи, могут объяснять связи СЭД и адаптации. Среди этих факторов - физическое насилие и эмоциональное давление, которые исследователи имеют тенденцию связывать с СЭД, потому только, что они случаются сопутствуют опыту СЭД. Исследователь Вишневски, к примеру, исследовал СЭД в 32 выборках, среди учащихся колледжей, сделанных так, чтобы быть репрезентативными, то есть отражать генеральную совокупность студентов в колледжах в Соединенных Штатах. Когда она обратилась к статистическому контролю, отбросив факторы несексуального насилия, она обнаружила, что соотношения между СЭД и адаптацией исчезли. Она заключила, что «данные не подтверждают того, что СЭД может быть специфическим объяснением текущего эмоционального дистресса. Данные лучше всего интерпретируются, как подтверждение того, что другие факторы, такие как насилие в семье... имеют величайшее влияние на текущую эмоциональную адаптацию. Мы вернемся к этому случаю причинности и статистического контроля, когда обобщим результаты нашего второго мета-анализа.

Колледжские выборки, (случаи)

Национальные пробы были полезны при проверке распространенных взглядов на СЭД. Однако, некоторые их недостатки состоят в том, что: таких исследований очень мало, такие исследования имеют очень малые данные по ответам и неадекватную информацию, чтобы судить мнение о причинности вреда. Потому мы и провели второй мета-анализ, основанный на другой группе неклинических случаев - колледжские выборки. Мы выбрали колледжские выборки по нескольким причинам. Одна из них состоит в том, что это представляет самое большое число неклинических выборок такого рода. Несмотря на тот факт, что люди с колледжским бэкграундом отличаются от других, мы почувствовали (нам показалось), что колледжские случаи будут полезны при ответе на вопросы о характеристиках населения - а именно, как типичный человек, испытавший СЭД, реагирует на это. К слову, в Соединенных Штатах, по крайней мере 50% взрослого населения имели какой-либо колледжский инцидент.

Другая ценность колледжских выборок состоит в том, что эти исследования были в массе своей проведены университетскими исследователями, которые хорошо спланировали свои исследования, всегда принимая во внимание факторы обстановки в семье. Эта информация, не всегда доступная в клинических исследованиях или даже в национальных исследованиях, весьма полезна для проверки причинной роли, которую может исполнять СЭД, в вызывании негативных эффектов. Кроме того, эти исследования обеспечивают богатый источник данных для проверки реакций на опыт СЭД, тогда как в другой литературе эти данные представлены не так хорошо. Эта информация полезна для проверки взглядов на СЭД, таких как всеобъемлемость и сила (эффектов) последствий, также как и гендерное сходство реакций.

Вместе мы взяли 49 полезных исследований, для проверки соотношений СЭД и адаптации последствий (реакций) и эффектов, о которых люди сами рассказывают. Для проверки соотношений между СЭД и адаптацией было использовано 54 выборки, которые включали 3.254 мужчины из 18 выборок и 12.570

женщин из 40 выборок. Реакции и эффекты, о которых люди сами рассказали базируются на данных по 783 мужчинам из 13 выборок и 2.353 женщинам из 14 выборок.

В этих исследованиях варьируют определения СЭД. Например, 20% ограничили свое определение тем, что включили в него только СЭД не пожеланию. Оставшиеся 80% включили и СЭД по желанию, и не по желанию, и чаще всего определяют СЭД как разницу в возрасте между партнерами в 5 или больше лет, когда младшему партнеру меньше 16-17 лет. Превалирующие данные по СЭД, основанной на разных определениях, следующие: Для мужчин базируются на 26 выборках, включающих 13.704 человека. О СЭД рассказали 14%. Для женщин, базируется на 45 выборках, включающих 21.999 человек, о СЭД рассказали 27%.

Некоторые исследователи утверждали, что данные колледжских выборок не информативны в том, что касается эффектов более жестоких форм СЭД, поскольку субъекты в колледже испытывают менее жесткие формы СЭД, чем люди обычного населения. Вернувшись к национальным выборкам *, взяв соответствующие данные *, просмотрев колледжские выборки и рассчитав соотношение, мы будем иметь возможность проверить это убеждение.

Таблица 4 показывает некоторые из этих результатов. Утверждалось, что жестокость увеличивается от бесконтактного СЭД, такого, как эксгибиционизм, к ласкам, оральному сексу и половому акту. По таблице можно заметить, что колледжские субъекты имеют столько же случаев половых актов, как и субъекты из национальных выборок - и намного больше в том случае, если это мужчины. Отношения между младшими и старшими участниками также всегда использовались как индикатор жестокости. С инцестом, как наиболее жестокой формой.

Таблица 5 показывает, что субъекты в колледже испытывают ровно столько же инцестов сколько субъекты в обычном населении.

Другой индикатор жестокости, который обычно используют, это частота, с которой случается СЭД, а именно повторяющиеся эпизоды принято рассматривать, как более жестокие, чем единичный эпизод. И в колледжских, и в национальных выборках около половина тех, кто испытал СЭД имеют повторные эпизоды, показывая опять же сходство в том, что касается жестокости. Наше заключение из этого сравнения состоит в следующем: поскольку характеристики СЭД практически идентичны в колледжских и национальных выборках, то использовать колледжские выборки для того, чтобы ответить на вопросы о СЭД в обычном населении представляется вполне оправданным.

Таблица 4

Sample/Gender	k	N	Эксгибиционизм	Ласки	Oral Sex	Intercourse ^a
College						
female	13	2172	32%	39%	3%	13%
male	9	506	22%	51%	14%	33%
combined ^b	26	2918	28%	42%	6%	17%
National^c						
female	3	590	38%	67%	9%	16%
male	3	366	25%	69%	22%	13%
combined	6	956	33%	68%	14%	15%

Примечания: К - количество выборок, а N - число респондентов, (которые когда-либо подвергались сексуальному насилию) в этих выборках, кот. Основаны на превалирующем делении по типу СЭД. Распространенная шкала типов основана на превалировании взята из индивидуальных выборок. Колледжские оценки взяты из исследований, включенных в последний обзор, национальные оценки взяты из 3-х исследований национальных выборок (Бейкер и Дункан, 1985; Леаманн et Al., 1994; Лопэз et al., 1995).

а) В некоторых колледжских и национальных исследованиях, половой акт включает в себя и попытку, и заверченный акт.

б) «и те, и другие» основаны на двух дополнительных исследованиях (с мужской и женской выборкой в каждом), отображает только смешанный результат.

с) Для эксгибиционизма есть только данные Лопеса et al. (женщины: K=1, N=203; мужчины: K=1; N=134; в сочетании: K=2, N=337); для орального секса есть только данные Лейманна et al. и Лопеса et al. (женщины: K=2; N= 476; мужчины: K=2, N=291: в сочетании: K=4; N=767).

Таблица 5

Распространенная шкала типов отношений между СЭД респондентами и партнерами/насилыниками в колледже и национальном населении

Gender	СЭД внутри семьи и с другими родственниками				СЭД только внутри семьи			
	College ^a		National ^b		College ^c		National ^b	
	N	%	N	%	N	%	N	%
female	2735	37	606	34	792	20	606	15
male	580	23	375	13	270	8	375	4
combined	3569	35	981	26	1275	16	981	11

Примечание: СЭД внутрисемейная включает сексуальные отношения с очень близкими родственниками (биологические или приемные родители, дедушки/бабушки, старшие братья/сестры). СЭД внутри семьи и с другими родственниками... (так и переведено). Превалирующий (распространенный) ряд оценок усиливает значения превалирующих данных из индивидуальных выборок. Колледжские калькуляции (оценки) взяты из исследований, включенных в последний обзор; национальные калькуляции (оценки) взяты из 3-х исследований национальных выборок (Бейкер и Дункан, 1985; Лейманн et al., 1994; Лопес et al., 1995)

- а) Основано на 21,9 и 33-х выборках среди женщин, мужчин и в сочетании, по преимуществу.
 б) Основано на 3.3 и 6 выборках среди женщин, мужчин и в сочетании, по преимуществу.
 в) Основано на 10.6 и 19 выборках для женщин, мужчин и в сочетании по преимуществу.

Проверим соотношение между СЭД и адаптацией, проанализировав результаты полученные из 54 выборок, которые обеспечивают полезные статистические данные. Основанный на 15.912 субъектах, приблизительный ряд вариабельности в адаптации обусловленный СЭД будет 0,81%, что означает, что СЭД не отвечает за 99,19% вариабельности в адаптации. Тем не менее эта небольшая разница в адаптации статистически важна, поскольку субъекты, испытавшие СЭД показывают несколько худшую адаптацию.

Мы подвергли мета-анализу соотношения между СЭД и адаптацией отдельно для мужчин и женщин. Как можно увидеть в таблице 6, СЭД ответственная за 0,49% адаптационной вариабельности у мужчин и 1,00% у женщин - точно такие же данные, как результаты в национальных выборках. Здесь необходимо подчеркнуть, что сравнимость колледжских выборок и национальных выборок вполне подходит по различным веским причинам; распространение рейтинги СЭД, типы СЭД и размер соотношений между СЭД и адаптацией. Эти исследования показывают, что колледжские данные значительно более ценны, чем клинические данные, поскольку первые пытаются понять природу СЭД в общем населении.

Таблица 6

Мета-анализ соотношений между СЭД и адаптацией на примере студентов колледжа (мужчин и женщин)

Модератор/уровень	K	N	% вариабельности
Пол:			
мужчины	14	2947	49
женщины	33	11631	1.00

Примечание: K - показывают количество выборок; N - общее кол-во субъектов в выборках; % - вариабельность; показывает настоящую вариабельность в адаптации, к которой относится СЭД.

Поскольку значительное меньшинство исследований свели свои определения СЭД к сексу без желания, и только. Мы сделали это отдельно для мужчин и женщин. Таблица 7 показывает результаты. Для мужчин, когда просто принимаются во внимание выборки, которые включают все типы СЭД (а именно, - и секс по желанию и против желания), мы обнаружили, что СЭД отвечает только за 0,16% адаптационной вариабельности, которая статистически не значима. Когда были рассмотрены случаи СЭД без желания, СЭД отвечала за 1,69% адаптационной вариабельности, что статистически значимо. (Эти данные значительно превосходят предыдущие фактором из десяти, который учитывает секс по желанию и секс не по желанию одновременно). <смысл предложения мне темен>.

Взятые вместе, эти два результата показывают, что для мальчиков вовлечение в СЭД по желанию не связано с худшей адаптацией. Для девочек с другой стороны, СЭД связана с худшей адаптацией, рассматривается ли СЭД вместе: по желанию / по принуждению; или рассматривается только СЭД по принуждению отдельно. В первом случае, СЭД отвечает за 1,21% вариабельности в адаптации, в последнем - за 0,64%. Мы сравнили четыре масштаба эффекта для этих четырех условий и обнаружили, что размер эффекта для мужчин, если учитывать одновременно СЭД по желанию и по принуждению, был значительно меньше статистически, чем размер эффекта в трех других условиях, которые были все статистически эквивалентны. Эта находка указывает на половую разницу и на то, что мальчики, которые были объектами СЭД по желанию, не должны рассматриваться в одной группе с девочками при обсуждении эффектов СЭД.

Таблица 7

Мета-анализ соотношений СЭД и адаптации среди студентов колледжа для каждого пола по комбинации «согласия».

Пол и Согласие ^а	K	N	%расхождения
Мужчины			
Все виды	10	1957	.16
По принуждению	4	990	1.69
Женщины			
Все виды	25	9363	1.21
По принуждению	8	2268	.64

Примечание: K - показывает количество выборок; N - общее количество субъектов в выборках K; % несоответствия - (представлен вместо отвечает за процент вариабельности в адаптации, за которую отвечает СЭД.

а) Все типы «согласия» (все виды) включают как СЭД по желанию, так и по принуждению; СЭД по принуждению - только нежеланный опыт.

Так в итоге, для мальчиков мы видим, что СЭД не имеет неизбежных последствий, но зависит от контекста в котором происходит. Для рассмотрения контекста в дальнейшем мы сфокусируемся просто на субъектах в колледжских выборках, которые имели опыт СЭД, чтобы увидеть какие факторы могут и какие не могут быть связанными с реакциями и симптомами. Контекстуальные факторы, которые мы рассмотрели это: частота СЭД эпизодов, их длительность во времени, применение силы, случилось ли вторжение и была ли СЭД инцестом.

Таблица 8 показывает результаты нашего анализа. В противоположность распространенному мнению, реакции были не на много негативны, и симптомы не намного больше, при значительно большем количестве эпизодов, большей длительности этих отношений или присутствие «вторжения»⁵. С другой стороны, применение силы и инцестуозные отношения были увязаны с большими негативными реакциями и большими симптомами.

Таблица 8

Мета-анализ отношений между аспектами опыта СЭД и последствиями среди студентов колледжа, которые участвовали в СЭД

Модератор/Последствие	K	N	% расхождения
Продолжительность			
Реакции/эффекты	4	473	(0.09)
Симптомы	2	82	4.41
Сила			
Реакции/эффекты	7	694	12.25*
Симптомы	4	295	1.21
Частота			
Реакции/эффекты	3	328	(0.04)
Симптомы	3	174	.64
Инцест			
Реакции/эффекты	4	394	1.69*
Симптомы	9	572	.81*
Вторжение			
Реакции/эффекты	2	253	(.09)
Симптомы	7	594	.25

Примечание: K - показывает кол-во выборок; N - кол-во (общее) субъектов в выборках K с опытом СЭД; % расхождения представлен за процент вариабельности в реакциях/эффектах или симптомах, которые указаны в модераторе. Цифры в скобках показывают, что пункт модератора был связан с менее негативными реакциями/эффектами или симптомами; * - показывает статистически значимый результат.

Имидж СЭД, если верить СМИ, это беспомощный, хрупкий ребенок в состоянии шока, после опустошения взрослым. Мы представляем данные, по которым можно оценить валидность этого образа.

Таблица 9 представляет результаты 10 женских выборок и 11 мужских по поводу того, как субъекты реагировали, в то время, когда это произошло, на свой опыт СЭД.

Из 1,421 мужчин, испытавших СЭД, 37% - отреагировали позитивно, 29% - нейтрально и 33% - негативно.

Результаты для мужчин серьезно противоречат только что описанному образу. Большинство мальчиков (2/3) не реагируют отрицательно. Для девочек - как раз наоборот, что показывает ясное половое отличие. Это еще раз представляет доказательство против мнения о гендерной эквивалентности - что мальчики и девочки реагируют одинаково. Относительно негативных реакций важно отметить, что они могут варьировать от умеренного дискомфорта до травматического шока. Процент мальчиков и девочек, которые реагируют в соответствии с распространенным образом травматического шока будет только небольшой частью из тех, кто показывает просто негативную реакцию.

Таблица 9

Ретроспективно восстановленная (вспомненная) моментальная реакция на опыт СЭД студентов колледжа.

Study	Females (%)				Males (%)			
	pos	neut	neg	N	pos	neut	neg	N
Brubaker, 1991	22	18	60	50	--	--	--	--
Brubaker, 1994	10	17	73	99	--	--	--	--
Condy et al., 1987	--	--	--	--	58	14 ^a	28	50
Finkelhor, 1979	7	27	66	119 ^b	n/a	n/a	38	23
Fischer, 1991	5	n/a	n/a	39	28	n/a	n/a	18
Fishman, 1991	--	--	--	--	27	43	30	30 ^b
Fromuth, 1984	28	12	60	130 ^b	--	--	--	--
Fromuth & Burkhart, 1989	--	--	--	--	60	28	12	81
Goldman & Goldman, 1988	17	16	68	188 ^b	39	32	30	40 ^b
Landis, 1956	2	16	82	493 ^b	8	39	54	183 ^b
Long & Jackson, 1993	4	28 ^a	69	137	--	--	--	--
O'Neill, 1991	10	6	84	83 ^b	43	9	48	46 ^b
Schultz & Jones, 1983	28	19	52	122 ^b	69	24	7	67 ^b
Urquiza, 1989	--	--	--	--	39	27	33	51
West & Woodhouse, 1993	--	--	--	--	45	29	26	58
Totals	11	18	72	1421	37	29	33	606

Примечание: pos - позитивн.; neut - нейтральн.; neg - негативн.; n/a (и пропуск) - показывает недоступную информацию. Обобщение включает только те выборки, для которых даны все 3 типа реакций.

Обобщение (%) усилены размером выборки; Обобщение (N) отражают комбинацию количества «опытов» и количество субъектов. Проценты не суммируются в 100, поскольку даны в округлении.

a) включает смешанные реакции.

b) показывает количество «опытов». Иначе, N показывает кол-во субъектов.

Мы не знаем, к какой группе это отнести, но в предположительно травматический шок должен закончиться негативными эффектами саморефлексии (самоосуждения?), возможно, длительной природы. Мы исследовали эффекты саморефлексии в колледжских выборках, чтобы разрешить этот вопрос. Таблица 10 показывает результаты исследований, которые содержат такую информацию. Длительные эффекты самоосуждения не типичны для мужчин.

В исследовании Конди, только 16% мужчин с (испытывших) СЭД чувствуют, что этот опыт негативно отразился на их нынешней сексуальной жизни.

В исследовании Фишмана, этот процент = 13, в исследовании Фрица = 10%, Ландиса = 0,4% а в исследовании Веста и Вудхауза только 1 или 2 из 67 чувствуют нынешнюю негативную реакцию в своей сексуальной жизни.

Относительно других типов продолжительных эффектов, в исследовании Ландиса ни один из мужчин не чувствовал, что был нанесен какой-то перманентный вред их эмоциональному развитию. В исследовании Фишмана, около четверти лиц мужского пола чувствовали некоторое негативное влияние на всю их жизнь.

Таблица 10

Эффекты, которые по словам опрошенных возникли вследствие опыта СЭД (опрос среди студентов колледжа).

Study	Sex	N	Type of effect	Response
Condy et al., 1987	m	51	Adult sex life	good = 37%; none = 28%; mixed = 9%; bad = 16%
Fisher, 1991	m	24	Stress then or now	no stress then or now = 21%; mean stress now = 2.12 on 1-10
Fritz et al., 1981	m	20	Current sex life	problems = 10%
Fishman, 1991	m	30 ^a	Overall life	positive = 17%; neutral = 57%; negative = 27%
			Current sex life	positive = 24%; neutral = 63%; negative = 13%
Landis, 1956	m	215 ^a	Time to recover	no shock = 68%; little/no = 10%; days to years = 22%; never = 0%
			Damage to emot. Developm.	none = 81%; temporary = 19%; permanent = 0%
			Affect on sex attitudes	none = 80%; temporary = 17%; permanent = 0.4%
West & Woodhouse, 1993	m	67	Lasting effects	"only one or two" out of 67 of a sexual nature

Fisher, 1991	f	54	Stress then or now	no stress then or now = 7%; mean stress now = 3.00 on 1-10 scale
Fritz et al., 1981	f	42	Current sex life	problems = 24%
Hradowy, 1987	f	107	Troubled over it now	minimal or trouble-free = 75%; moderately = 20%; very = 5%
Landis 1956	f	531 ^a	Time to recover	minimal or trouble-free = 75%; moderately = 20%; very = 5%
			Damage to emot. Developm.	none = 66%; temporary = 30%; permanent = 3%
			Affect on sex attitudes	none = 70%; temporary = 26%; permanent = 2.2%
Nash & West, 1985	f	50	How long affects	not at all/ weeks = 52%; months = 16%; year /+ = 10%; still = 22%

Женщины отличаются от мужчин, судя по приведенным выше данным самооценки негативных последствий. Относительно продолжительных эффектов, повлиявших на сексуальную жизнь фигурантов было 24% в исследовании Фитца и 2,2% в исследовании Лэндиса.

Относительно продолжительных негативных эффектов более общей природы, в исследовании Храбового, 20% ощущают себя затронутыми средне и по сей день, и 5% чувствуют себя очень (травмированными) затронутыми. В исследовании Лэнди, 4% чувствуют, что до сих пор не оклемались. В исследовании Нэша и Веста, 22% чувствуют, что на них до сих пор это действует негативно. Эти данные, общие для мужчин и для женщин показывают, что некоторые субъекты действительно получили серьезный вред от своего опыта, но только меньшинство.

Эти данные предполагают, что СЭД имеет возможность причинять вред, но и то, что серьезный вред не неотъемлемая часть СЭД.

Как (показал) предположил представленный ранее анализ, это контекст, такой же, как использование силы, или отсутствие желания со стороны младшего, или вовлечение, потенциально инцестуозное, которое сочетается с СЭД, который влечет тяжелые последствия.

Семейная обстановка

Ответы об осознанных негативных последствиях, особенно продолжительного характера конечно же предполагают, что СЭД может быть причиной вреда для некоторых людей, которые испытали определенные типы СЭД опыта. Однако, предмет, на котором мы заостряем здесь внимание - действительно ли СЭД типично причиняет вред. Ранее мы могли заметить, что СЭД статистически значительно коррелирует с худшей адаптацией, хотя величина этого отношения была незначительной.

Один из самых важных принципов в научной методологии заключается в том, что корреляция еще не означает причинности (причинно-следственной связи). Так, например, хоть раса и коррелирует с IQ, это не означает, что раса является причиной разницы в IQ. Может оказаться что какой-то третий фактор, такой как семейная обстановка или социоэкономический статус ответственны за связи: раса - IQ.

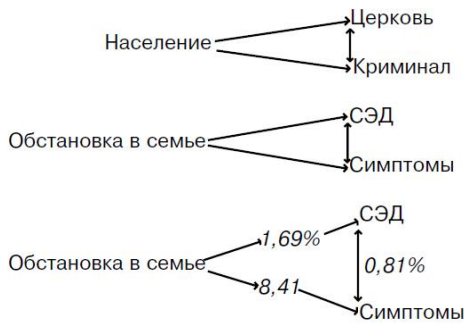
Для иллюстрации, давайте возьмем следующий упрощенный пример, показанный на рис. 1. По мере продвижения от городишек к городкам и большим городам, количество церквей в них увеличится.

В то же время, увеличивается и спектр преступности. Означает ли это, что строительство новых церквей увеличит количество преступлений, или снос некоторых из них уменьшит число преступлений?

Нет, поскольку имеется третий показатель - население, тот, который отвечает за оба явления. С ростом населения строится большее количество церквей и происходит большее количество преступлений. Если мы отбросим численность населения, в этом примере, корреляция между количеством церквей и преступлений, возможно, исчезнет.

Рис.1

Корреляция может и не отражать причинно-следственную связь поскольку возможен и третий показатель.

Используя эту идею, мы рассмотрели отношение между СЭД и симптомами. В этом случае третьим показателем, который может определять два других, является обстановка в семье.

Сломанная семья или дом, в котором процветает физическое насилие, или эмоциональное давление могут предрасположить детей или тинейджеров к ненормативному поведению, такому как употребление наркотиков или вступление в сексуальные отношения, которые могут быть классифицированы, как СЭД. Сломанная семья также может повлиять на адаптацию. Таким образом отношение между СЭД и симптомами, которое мы обнаружили в своем мета-анализе, может быть результатом семейной обстановки, в большей степени, чем СЭД опыта.

Из предыдущих мета-анализов нам известно, что для учеников колледжа СЭД отвечает за 0,81% вариабельности в адаптации. Мы провели серию мета-анализов, чтобы определить, какой процент вариабельности в СЭД находится на счету семейного окружения. Результат 1,69%. Затем мы провели серию мета-анализов, чтобы определить, за какой процент вариабельности в адаптации отвечает семейная обстановка. Результат 8,41%. Другими словами, эти результаты показывают, что семейная обстановка значительно более важна в том, что касается вариабельности в адаптации, а СЭД - фактор десятый.

Эти результаты также показывают, что СЭД конечно же, связана с обстановкой в семье те, кто сталкивался с СЭД, обычно, выходцы из более бедных, более дисорганизованных семейных ячеек. Эти данные в общем предполагают, что статистически значительное, но малое соотношение между СЭД и адаптацией может быть и не причинно-следственным.

Тринадцать из колледжских исследований использовали статистические приемы, чтобы отбросить или держать статистически постоянной семейную обстановку, в процессе исследования отношений между СЭД и адаптацией (см. Таблицу 11). 14 выборок из этих исследований рассмотрели 83 соотношения между СЭД и адаптацией. Перед статистической проверкой 41% этих соотношений были статистически значимыми. После статистической проверки, а именно после удаления последствий (эффектов) семейной обстановки - только 17% остались статистически значимыми. Это означает 59-ти процентную редукцию. С того момента, как соотношения СЭД и адаптации возымели тенденцию, в рамках этого исследования, быть коррелятивными, мы рассчитали процент редукции в статистической значимости, используя один общий результат на каждое исследование. Высчитанная таким образом редукция в статистически значимых результатах возросла до 83%. Эти находки являются сильной поддержкой той возможности, что многие пункты статистически значимых соотношений между СЭД и адаптацией - ложны. В частности эти исследования свидетельствуют против распространенного взгляда, что СЭД (обычно) типично причиняет вред.

Таблица 11

Результаты статистической проверки данных по соотношениям СЭД и симптомов

Study	Type of control	N	Significant results		
			Before	After	% reduction
Brubaker, 1991	Separated categories	1	1	0	100
Cole, 1988	Hierarch. regression	5	3	0	100
Collings, 1995	ANCOVA	10	8	6	25
Fromuth & Burk., 1989, mw	Hierarch. regression	13	6	6	0
Fromuth & Burk., 1989, se	Hierarch. regression	13	0	0	--
Fromuth, 1986	Hierarch. regression	13	4	1	75
Gidycz et al., 1995	Path analysis	3	0	0	--
Greenwald, 1994	Hierarch. regression	1	0	0	--
Harter et al., 1988	Path analysis	2	1	0	100
Higgins & McCabe, 1994	Hierarch. regression	2	2	0	100
Lam, 1995	Multiple regression	3	0	0	--
Long, 1993	Multiple regression	2	1	0	100
Pallotta, 1992	ANCOVA	13	6	0	100
Yama et al., 1992	ANCOVA	2	2	1	50
Totals		83	34	14	59^a

Примечание: N - показывает кол-во мер симптомов, чье соотношение с СЭД было исследовано (или намечалось исследовать авторами работы) с применением статистической проверки; «До» - показывает кол-во соотношений значительных до применения статистического контроля; «После» - показывает колво значимых соотношений после применения статистического контроля. «Редукция» - показывает процент значимых соотношений, которые перестали быть значимыми после статистической проверки.

а) Основано на проценте общих значимых соотношений, которые стали не значимыми после проверки. Неотягощенная (непреувеличенная) редукция = 83%.

Дискуссия

Наш мета-анализ соотношений между СЭД и адаптацией, как в национальных выборках, так и в колледжских показал, что СЭД статистически значительно имеет отношение к худшей адаптации, однако это соотношение мало. Для мальчиков, СЭД отвечает за всего лишь 1/2 от 1% вариабельности в адаптации, тогда как для девочек, отвечает всего за 1%. Эти незначительные масштабы эффекта несовместимы с утверждением, что СЭД производит значительные эффекты.

Рассмотрение эффектов и реакций, о которых рассказывали сами опрошенные противоречит взгляду, что СЭД имеет глубинный эффект. Анализ эффектов, о которых рассказали сами опрошенные, также как и роль, которую играет семейная обстановка в соотношении СЭД и адаптации, не поддерживает убеждения, что СЭД типично приносит вред. Эти данные поддерживают то, что СЭД влечет за собой вред в специфических случаях, но это доказательство идет вразрез с тем, что вред, якобы, причиняется СЭД в типичных случаях. В итоге, ясная и четкая разница оказалась между тем, как мальчики и девочки отвечают на опыт, классифицированный как СЭД. Только меньшинство мальчиков реагировали негативно, или чувствовали, что им нанесен вред этими эпизодами из их жизни, совершенно обратная ситуация для женщин. В колледжских выборках, мальчики, которые охотно участвовали в своих СЭД эпизодах, не дали никакого подтверждения тому, что им был причинен вред, обратная ситуация для девочек. Эти результаты дают сильное предположение, что взгляд, согласно которому мальчики и девочки реагируют на СЭД в сходной манере должен быть отринут (отменен).

Принимая во внимание различия в реакциях мальчиков и девочек стоит обобщить то, что некоторые из авторов колледжских исследований пришлось отметить. Шульц и Джонс отмечают что у мужчин есть тенденция рассматривать этот сексуальный опыт, как приключение и как удовлетворение любопытства, тогда как большинство женщин смотрят на это, как на захват своего тела и моральное нарушение. Вест и Вудхаус заметили, что «реакция женщин в момент инцидента в большинстве случаев - страх, неприятное смущение и подавленность... [тогда как реакция мужчин] - как они вспоминают или, в большинстве случаев, безразличие, связанное, может быть с небольшим беспокойством, или положительное удовольствие, последнее в особенности очевидно при контакте с противоположным полом».

Эти гендерные различия в реакциях на СЭД опыт сочетаются с более общими гендерными различиями в реакции на секс между юными особами.

Например, мальчики и девочки показывают очень разные реакции на свой первый сексуальный опыт, причем девочки обычно говорят о негативной реакции, такой как страх, вина, ощущение собственной использованности, а мальчики, в большинстве, говорят о позитивной реакции: заинтересованности, радости и возмужании. Важно добавить, что мужчины и женщины могут по-разному реагировать на СЭД потому, что они имеют тенденцию испытывать разные ее виды. Бейкер и Дункан сообщают, что девочки в своем национальном окружении в Великобритании могут посчитать свой опыт СЭД более разрушительным, чем мальчики, поскольку они (девочки) сталкиваются чаще с инцестуозной формой СЭД и испытывают СЭД в более раннем возрасте. Ученики и ученицы колледжа также имеют тенденцию

сталкиваться с разным опытом СЭД; женщины испытывают инцест более, чем в два раза чаще, чем мужчины и испытывают применение физической силы примерно в два раза чаще.

Несколько дополнительных комментариев о причинности стоит привести. Находка, что семейная обстановка в 10 раз более важна, чем СЭД, в том, что касается адаптации среди учащихся колледжа, сочетается с результатами нескольких последних исследований, в которых фигурируют субъекты не из колледжа. В одном исследовании, проведенном Экенродом и его коллегами, опубликованном в 1993 г., исследователи категоризировали детей и подростков из большой репрезентативной выборки одного сообщества небольшого городка Нью-Йоркского округа на 6 групп:

- не испытывавшие насилия
- СЭД
- физическое насилие
- пренебрежение
- физическое насилие и пренебрежение.

Они обнаружили, что дети и подростки, испытывавшие СЭД, проявляли себя в школе также как и не испытывавшие насилия, по всем параметрам, включая стандартные результаты тестов школьное проявление и поведение. Пренебрежение и физическое насилие, с другой стороны были связаны с худшим самопроявлением и большими проблемами с поведением.

В другом исследовании, проведенном Неем и его коллегами, опубликованном в 1994 году исследователи разделили свою по большей части клиническую выборку детей и подростков на категории: СЭД, физическое насилие, словесное насилие, эмоциональное пренебрежение (давление) и смешанную категорию. Они обнаружили, что комбинация насилия, которая наиболее сильно коррелирует с проблемами адаптации, - это физическое насилие, физическое давление и словесное давление. На вершине из десяти наихудших сочетаний, словесное насилие появлялось 7 раз, физическое давление - 6 раз, физическое насилие и эмоциональное давление - 5 раз каждое, тогда как СЭД появлялось только раз.

Эти результаты хорошо согласуются с заключением Вишневски, которое мы ранее представили. Напомним, она изучила 32 выборки из учащихся колледжей по Соединенным Штатам, выбранных как репрезентативные для учащихся колледжей США. Она пришла к заключению, что если брать во внимание другие формы насилия, СЭД не относится к проблемам адаптации. Она отметила, что не СЭД, а плохое обращение, такое как физическое насилие, влияет напрямую на адаптацию.

В 1974 году Конгресс Соединенных Штатов одобрил Акт о предотвращении насилия над детьми и заботе о них. В нем особо подчеркивалось, что нужно что-то предпринимать в связи с проблемами физического насилия и унижения. Эта инициатива впервые определила (назвала) то, что стало, как многие это называют, индустрией по эксплуатации детей, которая существует и по сей день и успела распространиться на другие страны мира. Однако буквально за несколько лет после ее (инициативы) одобрения основное внимание этого акта сместилось в основном на СЭД. Это случилось по ряду причин. Одна из них состоит в том, что женские движения в Америке начали стимулировать общественное осознание в том, что касается изнасилования и инцеста (в начале 70-х). Вторая причина в том, что запрещенный секс - намного более нагнетающий эмоции пункт, чем физическое насилие (эксплуатация) или эмоциональное унижение. В качестве такого пункта СЭД получила больше внимания СМИ и политиков и, увы, вызвала большее рвение и внимания в кругах защитников детей. Результаты нашего исследования, также как и результаты других изысканий только что упомянутых, предполагают, что смещение внимания от физической эксплуатации (насилия) и унижения к СЭД неоправданно (ложный путь).

Пересмотр категории «СЭД»

В начале нашего труда, мы обсудили проблемы, которые касаются термина сексуальная эксплуатация детей. Сейчас самое время вернуться к этой теме в свете эмпирических данных, которые мы только что представили. Эти данные сильно поддерживают то мнение, что маркировать повторное изнасилование маленькой девочки - инцест и добровольную сексуальную связь между зрелым подростком мужского пола и взрослым не родственником, как СЭД - неправильно (ошибочно), поскольку «эксплуатация» означает вред для индивида.

Эмпирические данные, основанные на обобщенных выборках, которые мы представили ясно предполагают, что только первый из указанных сценариев скорее всего причинит вред индивидууму. Второй же случай является «эксплуатацией» только потому, что входит в противоречие с современными социальными нормами.

Что проблематично, так это использование термина СЭД во втором случае, используют ли его СМИ, законодатели, или профессионалы в области душевного здоровья, ассоциируя вред личности с

нарушением общественных норм. Это, в свою очередь, неправильно усиливает представление, что подросток в таком эпизоде, действительно был эмоционально и психологически поврежден. В этом случае подростка выставляют жертвой и обращаются с ним, как с жертвой что может стать самореализующейся программой и подросток станет жертвой, как и предполагалось.

Реальность шаблонных эффектов хорошо подтверждена в психологии и социологии. История взглядов на секс, дает множество тому примеров. На мастурбацию раньше навешивали ярлык «самоэксплуатации» после того, как в XVIII веке швейцарский целитель Тиссо трансформировал ее из моральной проблемы в медицинскую. С середины 1700-х до ранних 1900-х медики, в основном, были представлены целителями, которые верили, что мастурбация приносит кучу несчастий - от прыщей до летального исхода. Мастурбацию в 1800-х в Америке видели настолько деструктивной, что изобретатели создавали клетки с замками и ключами, чтобы удержать детские руки подальше от гениталий, мальчики подвергались обрезанию почти повсеместно, так чтобы им не приходилось мыть свою крайнюю плоть и тем самым потенциально «эксплуатировать» себя, а такие целители, как Дж.Х.Келлог создавали продукты, например, хлопья Келлогга, чтобы защитить мальчиков от вовлечения в «самоэксплуатацию».

Бесчисленное количество людей испытывали боль вины за это и были смертельно запуганы возможностью развития какого-нибудь заболевания или отклонения. К примеру, знаменитый сексолог Хэвлок Эллис отыскала случай респектабельной замужней женщины, которая участвовала в движении за общественную чистоту. Читая брошюру о мастурбации, она осознала, что когда-то по простоте душевной этим занималась. По замечанию Эллис: «Полное отчаяние и безнадежный гнев этой женщины перед лицом того, что она считала моральным крахом всей ее жизни, - трудно описать».

Сексолог Альфред Кинси полвека назад жаловался, что научные классификации сексуального поведения в его дни были основаны на теологии, а не на биологии. В 1952 в первом издании (диагностического и статистического) Перечня умственных отклонений Американской ассоциации психиатров, известном как DSM - сексуальное поведение, такое как мастурбация, гомосексуализм, fellatio, cunnilingus, и сексуальный промискуитет были перекодированы как патологические - как формы умственных заболеваний. Бесчисленные гомосексуалисты страдали, поскольку их желания были маркированы медиками и обычной публикой так же, как извращения. Конечно, история отношений к сексу показывает, что навешивание ярлыков на виды сексуального поведения, в общем, основывалась на морали, а не науке, даже тогда, когда ярлыки использовали не обыватели, а сами ученые, и что навешивание ярлыков может иметь негативные последствия.

В науке «эксплуатация» подразумевает, что вред скорее всего вытекает из поведения. Результаты для студентов колледжа мужского пола, у которых был опыт, определенный как СЭД высвечивает проблематичную валидность придуманной сексуальной эксплуатации детей, как это определено и по-прежнему фигурирует в профессиональной литературе. Для этих субъектов мужского пола: 37% оценили свой опыт СЭД, как позитивный, на тот момент, когда это произошло. В двух исследованиях, в которых задают вопрос о позитивном эффекте, от 24% до 37% рассматривают СЭД опыт, как позитивное влияние на их сексуальную жизнь теперь. Важно отметить, что лица мужского пола, которые добровольно участвовали в своих СЭД-эпизодах, психологически адаптированы также хорошо, как и контрольные субъекты. Позитивные данные о последствиях и влиянии, вместе с нормальной адаптацией добровольных участников научно не совпадает с классификацией этих учащихся, как эксплуатируемых. Их опыт не был связан с вредом и похоже нет никаких научных причин ожидать такой связи. С другой стороны, меньшинство лиц мужского пола действительно сообщили о негативных реакциях и негативных эффектах, которые они в себе заметили; более того, СЭД без желания связан с проблемами в адаптации. Для таких студентов термин «эксплуатация» кажется куда более подходящим.

Некоторые исследователи задавались вопросами по поводу своих определений СЭД, после получения результатов. Например, Фишман определил сексуальную эксплуатацию мальчиков по большей части на основе разницы в возрасте (это секс между мальчиком 12 или меньше лет и кем-либо, кто, как минимум, на 5 лет старше, или мальчиком 13-16 лет с кем-либо, кто, как минимум, на 10 лет старше); установление таких возрастных различий означает значительное противоречие между зрелостью развития и знанием, чтобы выявить, кто жертва. Он обнаружил, что мужчины с СЭД опытом в его исследовании не отличались от контрольной группы по степени адаптации, и что они отмечали большой спектр реакций на свой опыт СЭД (по большей части позитивный или нейтральный). Более глубокие интервью подтвердили и выработали количественные обнаружения, что привело Фишмана к тому, чтобы задаться вопросом относительно своих оригинальных мнений. Он отметил, что истории мужчин отличаются от универсальной уверенности о влиянии несоответственного сексуального опыта на детей, и установил, что «ограниченное определение, спроецированное на чей-либо опыт, совершенно ничего не меняет в реалиях этого опыта для конкретной личности». В заключении Фишман высказался за использование более нейтрального языка вместо ярлыков, таких как «эксплуатация», «жертва» и «приставание» (домогательство) и т. д., за использование эмпирических феноменологических критериев в концептуализировании ранних сексуальных связей, вместо использования юридических или моральных критериев.

Данное обсуждение не означает, что категория «сексуальная эксплуатация детей» должна быть отменена, но только то, что она должна использоваться менее дискриминационно, для достижения большей научной валидности. Ее использование с научной точки зрения более оправданно, когда ранние сексуальные эпизоды происходят не по желанию и переносятся негативно - сочетание, обычно встречающееся, например, в случаях инцеста (отец - дочь). В общем же исследования из обзора колледжских студентов предполагают, что социо-юридические определения СЭД имеют больше научной ценности в случае с девочками-детьми и подростками, и показывают большее количество негативных и нежелательных инцидентов в случае девочек. Тем не менее, поскольку некоторые женщины оценивают свой ранний опыт, как позитивный, не определяя себя в качестве жертв, и не проявляя психологических нарушений, важно быть осторожным в определении «эксплуатации» для обоих полов и пытаться объективно (оценивать) понимать этот сексуальный опыт.

Неклинические примеры секса между мальчиками и взрослыми

Перед тем, как мы провели два количественных литературных обзора, которые мы только что обсудили, мы провели наш собственный качественный литературный обзор. Мы собрали воедино все исследования, посвященные сексуальному опыту мальчиков со взрослыми, основанные на неклинических случаях. Смысл в проведении такого исследования - двойной. Во-первых, предыдущие ученые, обзоревающие литературу, в большинстве своем либо опускали сексуальный опыт мальчиков со взрослыми, фокусируя внимание на опыте девочек, либо просто выводили, что опыт мальчиков такой же, как и у девочек. Во-вторых, предыдущие обзореватели когда они все же уделяли внимание сексуальному опыту мальчиков со взрослыми, концентрировались на клинических случаях. Эти недостатки показывают необходимость сконцентрироваться на опыте мальчиков со взрослыми, в особенности, во внеклиническом населении. Мы хотим вновь подчеркнуть, что для достижения объективного (валидного) понимания этого вида секса, или любого другого вида, мы не можем целиком опереться на клинические случаи, из-за огромного количества проблем, которые мы ранее обсудили в этом исследовании.

Всего мы выбрали (локализовали) 35 полезных исследований для анализа. 16 из них базируются на колледжских выборках и 4 основаны на национальных выборках. Эти исследования также включают два наших мета-анализа. В оставшихся 15 исследованиях используются выборки, полученные различными путями. Несколько основаны на выборке из сообщества; другие - на ответах на опечатанные бланки; тогда как третьи - на персональных разговорах с опрашиваемыми; одно основано на ответах на компьютерную анкету.

Последние выборки являются как мы их называем: «выборки по удобству» («удобные выборки») - в которых используются все доступные способы получить ответ. Эти выборки нельзя считать репрезентативными для населения, также как и клинические выборки. Тем не менее они предоставляют другую возможность изучить сексуальный опыт мальчиков со взрослыми в отдельности от традиционного подхода, который сосредоточен на клиническом населении.

Мы уже скрупулезно обобщили реакции и психологические корреляции из национальных и колледжских выборок в мета-анализе. Теперь давайте продвинемся дальше и поговорим о результатах «удобных выборок». Исследование, основанное на компьютерной анкете показало, что 58% мужчин считают свой сексуальный опыт (когда они были мальчиками) позитивным, тогда как 27% считают его негативным. В удобной выборке из Ноксвила, Теннесси 36% мужчин посчитали этот опыт позитивным, 24% - нейтральным, и 40% - негативным. 66% оценили опыт, как не имеющий негативного эффекта на их текущую сексуальную жизнь, тогда как 34% оценили его как имеющий негативный эффект. Другое исследование, материал которого - гомосексуалисты, взятые из клиник по лечению сексуальных заболеваний, - 58% оценивают свой ранний сексуальный опыт, как негативный. В этом исследовании большой процент (50%) был принужден к раннему опыту силой, что может сказываться на более высоком, нетипичном проценте.

В этих трех исследованиях, первое и третье имеют высший и низший уровень преимущественно позитивных откликов, тогда как второе исследование имеет профиль очень похожий на колледжские случаи, обсужденные ранее. Другие «удобные выборки» показывают преимущественно позитивные реакции.

Сэндфорт в Нидерландах обнаружил, что 24 из 25 мальчиков, которых он опрашивал, выразили по большей части позитивные эмоции о сексуальном аспекте своих отношений с мужчинами.

У критиков есть тенденция отвергать это исследование, как не валидное по нескольким причинам, одна из которых состоит в том, что мальчики были вовлечены в исследование своими взрослыми партнерами, у которых могли быть и намерения. Многие из этих критиков приходят к мысли, что отношения эти должны быть негативными, заявляя, что на мальчиков надавили, чтобы получить позитивные результаты. Наш обзор исследований в колледжах, также как и данные из других «удобных выборок», только что представленных, ясно предполагают, что значительное меньшинство мальчиков получают этот опыт

позитивно, что свидетельствует о валидности данных Сэндфорда. Необычно высокий процент позитивных реакций в его исследовании, возможно, связан с тем фактом, что эти сексуальные контакты случились в контексте дружбы. Другие «удобные выборки» из мальчиков, практикующих секс со взрослыми в контексте дружеских отношений, показывают, в общем, те же результаты. Одно такое исследование было представлено в Англии Фазером Ингремом; другое - в США психологом Тиндаллом.

Исследователи детской эксплуатации всегда приводят случаи из жизни, из случаев исследования, чтобы лучше проиллюстрировать «ужасы секса между детьми и взрослыми». Например в случае с мальчиками Финкельхор в 1979 в своем докладе по исследованию, основанному на колледжской выборке отметил, что 38% мальчиков реагировали негативно, подразумевая, что большинство, 62% реагировали позитивно или нейтрально. Парадоксально, но для эпизодов случившихся между 12 и 15 годами, Финкельхор осведомлялся только о насильственных случаях которые несомненно повлияли на процент негативного опыта. Финкельхор не осведомил нас о неотрицательных случаях, но представил несколько примеров негативного опыта. В одном интервьюирующий просит студента сравнить свою детскую связь со взрослым с другим жизненным опытом. Студент отвечает: «Намного более травматичен в то время. Очень беспокоящий. Возможно ничего более беспокоящего в моей жизни не было». Затем интервьюирующий спрашивает, было ли это самой большой травмой в его жизни. Студент отвечает: «О, без сомнения. По большей части потому, что около двух месяцев я этого избегал. Я вполне осознавал где я и с кем я, и группа была достаточно большой, так что он не мог меня выделить, и, вы знаете, это было довольно страшно. «Могу я стать аутсайдером? Безопасно ли это, стать аутсайдером?» Ничего более травмирующего, чем это».

Этот случай ярко показывает, то во что большинство исследователей детской эксплуатации верят, как в типичную реакцию мальчика. Но некоторые, даже в исследовании самого Финкельхора, показывают, что это не типичная реакция. На самом деле существует спектр реакций.

Важно также показывать случаи, которые представляют другие типы реакций, чтобы получить полную картину опыта мальчика со взрослым. К сожалению, исследователи СЭД редко, если вообще когда-то поставляют нам нейтральные или позитивные истории. Эффект получается такой, что не критически настроенный читатель может заметить, что большинство реагирует не отрицательно, но (красочность) широта негативных случаев запечатлется в памяти, определяя его восприятие этих отношений.

В психологии это влияние на запечатление - хорошо утвердившийся феномен и к нему относятся, как к широко распространенному эффекту. Яркость этой памяти в свою очередь создает иллюзорную корреляцию, которая в данном случае означает преувеличенное впечатление о связи между сексом между мальчиками и взрослыми и вредом. Чтобы поддержать баланс, мы теперь представим позитивный случай из неклинической литературы, чтобы дать более полную картину того, как могут реагировать мальчики. Это пример от Тиндалла (1978), который собрал 200 случаев исследований отношений между мальчиками и мужчинами, основываясь на своих интервью школьного психолога за многие декады работы. Во многих этих случаях Тиндалл также прослеживает то, как мальчик становится взрослым.

Денвер в 13 лет был изгнан из школы за участие в акте вандализма, за чем последовал побег из дома. Он был средних способностей и читал на начальном уровне. Интересовался машинами и механикой.

Денвер достиг зрелости к 14 годам. Он был вовлечен во взаимную мастурбацию своими сверстниками в 13 лет, некоторые из них в сексуальном плане были более развитыми. На 14-м году жизни он начал проводить свободное время у станции техобслуживания, где познакомился с мастером-механиком, которому тогда было 40 лет, женатым и бездетным. Денвер и механик стали проводить свободное время вместе. Во время рыбалки, на привале, на острове, они начали разговаривать о сексе, что привело к тому, что механик вступил с ним в связь, а Денвер помог ему с мастурбацией. Следующие 5 лет взаимные половые связи случались 2-3 раза в неделю. Сексуальная жизнь с механиком прекратилась, когда Денверу стало 19 лет, но близкие отношения продолжались до самой смерти механика.

Денверу теперь 44 года. Он женился и воспитывает двух сыновей. Он и его первая жена разошлись и он воспитал двух мальчиков. Один мальчик пришел в колледж, другой - в тех. школу (ПТУ). Денвер вступил в повторный брак и на протяжении 20 лет является ценным механиком в одной и той же компании. У него положение супервизора (мастера) и он убежден, что его отношения с друзьями-механиками помогут ему достичь своих целей. Он говорит, что одобрит похожие отношения для любого из своих сыновей, если узнает о такой ситуации. Он не выражает никакого желания иметь секс с мужчинами с тех пор, как ему исполнилось 20.

Этот случай резко контрастирует с тем, что привел Финкельхор. Он показывает добровольные продолжительные сексуальные отношения, которые были частью дружбы. Вместо того, чтобы бояться мужчину, как в истории Финкельхора, мальчик в данном случае развил отношения. Он взял механика за образец и успешно стал профессионалом. Случай также показывает, что мальчик был правонарушителем до того, как встретил этого человека. Это вполне соответствует нашему предыдущему замечанию о том,

что семейная обстановка, которая влияет на правонарушения, предрасполагает молодых людей к ненормативному поведению, такому как секс со взрослыми, например.

Оба эти случая представляют реальные опыты. Некоторые мальчики реагируют со страхом как в первом случае. Другие реагируют с удовольствием, как во втором. Много других примеров второго типа можно привести из других «удобных выборок», включенных в наш обзор. Что проблематично, так это то, что исследователи детской эксплуатации, СМИ и обыватели, похоже готовы признать валидность только в первом случае - в случае негативном. Они могут думать таким образом, поскольку им кажется, что позитивные примеры настолько редки, что либо они не достоверны, либо даже если что-то правдивое в них и есть, - они могут быть в сумме своей отринуты, как безотносительные. Но наши данные из большого количества выборок демонстрируют, что позитивные случаи примерно так же часто происходят, как и негативные, таким образом оба типа надо признать. Делать иначе - исказить реальность. Признав, что обе - негативная и позитивная реакция случаются, вопрос смещается к тому, что делает одно отношение позитивным, а другое - негативным.

В 1981 году Константайн представил полезную модель, отвечающую за эти позитивные и негативные реакции. Эта модель утверждает, что два ключевых элемента являются критичными.

Первый - детская или подростковая осознанная добрая воля в сексуальном общении. Осознанная добрая воля означает свободу - участвовать или сказать нет.

Константайн заключил из своего собственного обзора литературы доступной в то время что эта добрая воля к участию сильно связана с реакцией: позитивные реакции ассоциируются с добровольными отношениями, негативные следовали за применением силы или за принуждением, или за вовлечением в секс обманным путем.

Второй - это знание молодого человека о сексе. Полное неведение может вести к беспокойству во время или после эпизода; усвоение «конвенциональных моральных негативов» о сексе - а именно, что это плохо или грязно - также может привести к чувству вины или стыда и другим негативным реакциям. Результаты нашего обзора секса между мальчиками и взрослыми основаны на неклинической литературе и соответствуют этой модели. Проявление силы или принуждение в этих исследованиях, которые мы обзоревали неизбежно ассоциируются с негативными реакциями, но добровольное участие - нет. Невежество и чувство стыда по поводу секса также связаны с негативными реакциями, но знание о сексе и отсутствие чувства стыда - нет.

Таблица 13

Детские и подростковые добровольные ответы на вопрос вступления в сексуальные отношения со взрослыми лицами мужского пола (основано на легальной (юридической) выборке Гебхард et al., 1965).

Пол и возраст молодого человека	Одобрительно %	Пассивно %	С сопротивлением %	Количество случаев
Лица мужского пола				
Дети (< 11 лет)	52.3	6.8	40.9	44
Подростки (12—15 лет)	70.3	11.0	16.5	91
Лица женского пола				
Дети (< 11 лет)	13.4	11.0	16.5	82
Подростки (12—15 лет)	69.0	0.7	30.0	142

Таблица 14

Вина (ощущение вины) и беспокойство как функции добровольности и знания в детском сексуальном опыте (Константайн, 1981)

Детское знание (осведомленность)	Детское участие		
	Принужденное	Пассивное согласие	Согласие
Невежество и беспокойство	Высокое беспокойство Низкое чувство вины	Сильное беспокойство Низкое чувство вины	Среднее беспокойство Низкое чувство вины
Знание о табу Беспокойство	Сильное беспокойство Низкое чувство вины	Сильное беспокойство Сильное чувство вины	Умеренное Умеренное
Сексуально- росвещенные	Сильное беспокойство Низкое чувство вины	Умеренное беспокойство Низкое чувство вины	Низкое беспокойство Низкое чувство вины
Просвещенные и знающие о табу	Сильное беспокойство Низкое чувство вины	Умеренное беспокойство Высокое чувство вины	Низкое беспокойство Умеренное чувство вины

Пункт добровольности, под которым мы подразумеваем желание участвовать - важен для понимания (сексуальных) гендерных различий в реакциях, которые мы только что описали.

Исследователи детской эксплуатации обычно настаивают на том, что добровольность - не является вероятностью, а потому игнорируют этот спектр. Однако настойчивость основана на социо-юридических определениях и на концентрации внимания на «информированную добровольность», которая бывает разной. Простая добровольность - возможность сказать да или нет - которая точно повлечет реакцию. Таким образом существует спектр, на котором нужно сосредоточиться ученым. До развития детской эксплуатационной индустрии некоторые исследователи однако учитывали разные градации обычной добровольности.

В таблице 13 мы видим результаты широкомасштабного исследования, представленного Институтом Кинси в 1960-х. Основываясь на судебных записях, исследователи классифицировали уровни добровольности мальчиков и девочек в сексуальных связях с мужчинами, как: одобряющую, пассивную и протестующую. Как можно увидеть существует большая гендерная разница для детей до 12-ти лет: незначительное большинство (52%) мальчиков реагировали одобрительно и только 13% девочек. С другой стороны женщины сопротивляются в два раза чаще, чем мужчины (80% к 40%). Для детей 12-15 лет большинство лиц мужского и женского пола реагируют одобрительно (70%), но опять же сопротивление оказывают в два раза больше женщин, чем мужчин (30%, 16%). Эти цифры из юридической выборки сочетаются с более сильным желанием мальчиков участвовать, и их, в основном, более нейтральном или позитивном реагировании, что было множество раз представлено в литературе о неклинических случаях.

Заключение

Мартин Селигман - в настоящее время президент Американской психологической ассоциации, написал о своем позитивном опыте в 9 лет в 1950-х с распространителем газет, которого он каждый день встречал по дороге в школу. Контакт, который произошел между ними, по замечанию Селигмана, теперь был бы обозначен, как сексуальная эксплуатация ребенка.

Но для него это не было эксплуатацией. Это был первый взрослый, который воспринял его всерьез, который готов был обсуждать с ним мировые темы (взятые из газет, которые он продавал). Селигман написал, что если бы затем вмешались власти и стали спрашивать его об этом человеке, если бы его родители перестарались и заставили посетить терапевта, который бы настоял, что мальчик является жертвой, тогда бы весь опыт целиком стал бы негативным, хотя теперь он остается позитивным и по сей день.

В одной из своих последних книг Селигман сделал обзор нескольких исследований корреляций СЭД и пришел к заключению, такому же, как и у нас, что исследователи душевного здоровья сильно преувеличили вредоносный потенциал СЭД. Он высказался в том плане, что «настало время сделать звук потише» по этому поводу, поскольку теперь он звучит на истерической частоте. Затем он отметил, что дети, с которыми действительно плохо обращаются и которые страдают, требуют большего внимания, им-то и нужно помочь и именно их нужно рассматривать, как жертвы. Но распространять этот взгляд на тех, кто не чувствует себя жертвой, значит стимулировать виктимность, а именно вызывать симптомы, которые не обусловлены реальным случаем.

Мы целиком согласны с наблюдениями Селигмана. Результаты наших обзоров ясно показывают, что убеждения большинства специалистов области душевного здоровья, законодателей сотрудников правоохранительных органов и СМИ, а также обывателей в том, что сексуальные связи, определенные как СЭД, приносят сильный вред одинаково для девочек и мальчиков сильно преувеличены. Это преувеличение является частью и подразделением нового типа черно-белого мышления, которое не

позволяет существовать такому оттенку, как серый. Это мышление, в свою очередь, подстегивает истерическую реакцию, которая вполне обычна в Америке и началась еще в 1980-х. Один впечатляющий пример - сатанинский секс в детском центре дневного содержания, о котором так много говорили в США 15 лет назад. Чтобы понять основы истерии по поводу сексуальной эксплуатации, основанной на сильно преувеличенной уверенности (предубежденности) по поводу СЭД, давайте рассмотрим некоторые примеры.

В 1983 в Манхэттенбич, в Калифорнии, мать двухлетнего мальчика заявила, что ее сына сексуально использовал в яслях Мак-Мартина некто Рэй Баки, работник и внук владельца яслей. Несколькими месяцами позже ее обвинения стали более чем причудливыми. Она заявила, что ее сына увезли на самолете в другой город, где был сатир. Там Рэй Баки летал по воздуху; его мать была одета, как ведьма и сделала клизму маленькому ребенку; спицы вставляли в уши ребенку и в его язык, ножницы в его глаза. Зверей там обезглавливали; отрезали голову какого-то ребенка и заставили младенца выпить кровь.

Мать двухлетнего мальчика была явно не в себе, но позиция и терапевты не проявили скептицизма. Напротив они бросились расследовать это дело и выяснять, были ли вовлечены другие дети. Родители, перепуганные подозрением, что их дети тоже были жертвами, несколько раз их допрашивают. Полиция и социальные работники опрашивают 400 детей, из тех, что были в яслях Мак-Мартина или когда-то в них были. Все дети поначалу отрицают какие-либо случаи эксплуатации. Но социальные работники давят на них до тех пор, пока не добиваются обвинительных показаний от большинства из них, которые включают дикие рассказы о похищениях некими темными фигурами, ритуальных убийствах животных и детей и сексуальных оргиях в туннелях под строением яслей Мак-Мартина. Чтобы подтвердить эти обвинения социальные работники всю использовали дезинформацию, принуждение, подлог и подтасовку, среди прочих методов. Чтобы получить представление об этих методах и об их силе и эффективности в производстве ложных воспоминаний обратитесь к статье Гарвена и его коллег (1998) в журнале прикладной психологии (том 83, 34-359). В конце концов после двух судов, которые продолжались 7 лет и стоили около 20 млн. долларов, что сделало их самыми долгими и разорительными в истории американской уголовной юриспруденции, никаких подтверждений обвинений найдено не было. Тем не менее Рэю Баки пришлось провести 5 лет в заключении, перед тем как добиться свободы.

Возьмем и еще один дополнительный пример. В 1985 в Нью-Джерси, Келли Мичалз обвинили в том, что она третирует своих дошкольников тем, что мажет их маслом земляного ореха, использует также мечи, кровавые тампоны, мочу, фекалии и то и дело угрожает им смертью. Про нее сказали, что она совершила все эти преступления против дюжины детей каждый день в течение семи месяцев в людном месте, причем так, что никто из взрослых ее не заметил и без каких-либо физических улик. Судебное жюри (присяжные) поверили в обвинения; она была осуждена и приговорена к примерно 50 годам тюрьмы. После того, как она провела 5 лет в тюрьме, обвинения были сняты.

Дэйл Акини, бывший школьный учитель в Сан-Диего был обвинен учениками младших классов в том, что он приносит в жертву кроликов, убил слона и жирафа, содомизировал детей щипцами для завивки, помещал их в душ и сменой холодной и горячей воды доводил их до рвоты засовывал их головой в унитаз, принуждал есть фекалии и пить мочу, а также в том, что он убил ребенка и заставил их пить его кровь. Как и в случае с Келли Мичалз, предполагалось, что все это происходило, когда другие взрослые были поблизости и ничего не заметили. И так же как в случае с Келли, не было ни на йоту физических улик. Тем не менее обвинители поволокли его в суд требуя пожизненного заключения. Но он был счастливее - он был оправдан, проведя всего 2,5 года в тюрьме.

Роберт Келли, совладелец центра по дневному содержанию детей «Литтл Раскалз» в Северной Каролине был осужден по тем же обвинениям в самом длинном и разорительном уголовном судебном процессе в истории, он был осужден и приговорен к 12-ти пожизненным срокам в тюрьме. Его осуждение было отменено после того, как он провел 5 лет в тюрьме.

...В один прекрасный день в 1989 году, собираясь пойти на работу и уже надевая свою форму, Бобби (Tijnje) - голландский гражданин - был арестован в своем доме в южной Флориде по обвинению в домогательстве и эксплуатации детей в сатанинских ритуалах, тех детей, с которыми его нанимали нянчиться. Что делает этот случай незабываемым, так это то, что Бобби было 14 лет в то время... Несмотря на это полиция, СМИ и обвинители не сделали для него никаких скидок. Как Бобби вспоминал позднее, офицер, который его арестовывал - детектив Мартинез сказал ему, пока конвоировал в машину: «Уже перед тем, как я узнал тебя, я знал, что ты виновен. Но теперь, когда я тебя увидел, я точно знаю, что это так!»

Атаки прессы на Бобби не утихали. Вскоре СМИ рассказали, что родители Бобби были членами международного порнографического кружка и что Бобби вовлекал детей в чудовищные ритуалы, которые включали варку ребенка. Обвинители судили его, как взрослого, намекая что если он будет осужден даже по одному из семи пунктов обвинения, он будет осужден пожизненно и направлен в тюрьму строгого режима, без права на амнистию или досрочное освобождение. Во время суда обвинители сделали все

возможное, чтобы сделать из ребенка монстра. Их решимость сделать так, чтобы мальчик умер в тюрьме от старости подтверждается хотя бы тем, что они потратили 3 млн. \$ на процесс, что сделала его самым разорительным судом во Флориде.

В итоге, после того, как он провел в тюрьме около двух лет, выдержав 3-месячный процесс с Бобби были сняты все обвинения. Решающим было свидетельство доктора Стефана Цеси, психолога, специализирующегося на развитии в Корнельском университете, который провел исследование, выбившее почву из-под ног обвинителей, оно показало, как предвзятые люди, задающие вопросы могут имплантировать ложные воспоминания в детей и тем самым вызвать к жизни фальшивое обвинение в эксплуатации. С тех пор его исследование составило основу для проверки бесчисленных случаев детской эксплуатации, в которых обвинялись работники яслей и сиделки по всем Соединенным Штатам. Ответственной за неоправданные обвинения против Бобби была Дженет Рено - теперь верховный прокурор в Южной Флориде. Она была своеобразным крестоносцем за детей, которых касались дела по сексуальной эксплуатации и верила, что сексуальная эксплуатация - это всегда вред и что дети никогда не врут о сексуальной эксплуатации. Ее «майамский метод», который затем так назвали прокуроры по всей стране, заключался в агрессивном опросе ребенка, который использовали и в случае Мак-Мартина. Метод Рено, однако, был более подходящим для того, чтобы посеять «многочисленные семена в сознании детей», (как была названа последняя статья в «Нью-Йорк Таймс»), чем для того, чтобы освежить воспоминания.

Рено лично надзидала за обвинением Бобби (Tijnj). Когда настала пора присяжным выносить решение, Бобби пришлось ждать два с половиной часа и как будто бы слышал, как Рено брала на себя персональную ответственность за обвинение. Благодаря свидетельству Сеси, который показал, как эксперты по детской эксплуатации подделали показания детей, приход Рено в суд был безрезультатным. В последнем интервью с Бобби, которому теперь 20 лет, показанному по американскому телевидению в октябре этого года, Бобби спросили, что бы он сказал Рено сегодня, если бы у него была возможность поговорить с ней. Его ответ был следующим:

Почему вы потратили так много денег, пытаясь обвинить 14-летнего ребенка? Почему пытались засадить 14-летнего на максимальный срок? Почему вы вообще думали об этом, если вы крестоносец за детские права?

Рено так и не извинилась за свои агрессивные обвинения, и даже не признала их неправильными в какой-то форме за свои инквизиторские наклонности ее назначили Генеральным... высшим правоохранительным чиновником Америки. Месяцем позже в 1993 Рено приказала штурмовать общину религиозного культа близ Вако, Техас, при помощи танка и слезоточивого газа услышав от ФБР, что там происходил секс между взрослыми и девочками-подростками. Все эти девочки также как и другие члены культа, умерли во время этой атаки. В итоге выяснилось, что сообщения ФБР об эксплуатации были необоснованными. Вновь рвение Рено к спасению детей вызвало трагедию.

Эти случаи помешательства - всего лишь некоторые среди огромного количества таких же случаев по США, 1980-х, которые, к сожалению, распространены во всех частях мира, включая и Голландию. Это сумасшествие основано на сильно преувеличенном восприятии того, что СЭД очень деструктивный эффект и что должны быть приняты все меры, без смягчения, чтобы выкорчевать это зло. Эта истерия не ограничилась центрами дневного содержания; в поздних 1980-х движение по освежению памяти набрало силу, основываясь на том, что СЭД настолько травматично, что дети подавляют эти воспоминания, если их просят об этом рассказать. Многие терапевты стали пробовать агрессивный поход к своим пациентам, - в особенности к их детству, в поисках спрятанных воспоминаний о СЭД. Они верят, что это послужило причиной всех дальнейших проблем пациентов. Используя ту же насильственную технологию в исследованиях в центрах дневного содержания, эти терапевты имплантировали фальшивые воспоминания во многих невольных пациентов. Взрослые пациенты в свою очередь стали обвинять и привлекать к суду своих родителей, разваливая семьи. Как оказалось нет никакой научной основы под идеей освежения памяти, просто необузданное желание, которое подхлестывает преувеличение насчет СЭД.

Что касается психологических перспектив, задокументировано, что у детей, которым создали фальшивые воспоминания об изнасиловании в туннелях и содомизировании щипцами для завивки, развились различные патологические симптомы, причем после, а не до, вмешательства защитников детей. Также хорошо задокументировано, что у пациентов, которым восстановили память, дела пошли хуже, а не лучше, после того как началось «лечение». Эти данные о патологиях в случаях с детьми и пациентами ясно отражают эффекты интервенции. Что делает эту проблему еще хуже, это то, что исследователи индустрии эксплуатации детей (используют) ухватились за эти вновь развивающиеся симптомы, как за дальнейшее доказательство, что СЭД следует считать патологией.

В завершение мы бы хотели подчеркнуть, что наше исследование не следует считать защитой СЭД. Но мы также хотим подчеркнуть, что преувеличение природы СЭД неприемлемо, поскольку также

значительно усиливает проблему. Очень важно, чтобы социальные представления о поведении, обозначенном как СЭД, были рационально обоснованы, в большей мере, чем эмоционально. Иначе проблемы типа тех, что мы только что обсудили, могут продолжаться. Как сказал социальный критик Гойя в одном из своих скетчей: «Сон разума рождает чудовищ».

1. Ph. D. - доктор философии; Ph. D. отделения психологии примерно соответствует нашему доктору психологии.

2. Особенность терминологии: у них сексуальная эксплуатация детей = педофилия, рассматривают, как зависимость (например, алкогольную) (Alcohol abuse). В англ. термине подразумевается явное зло. В русском - «Педофилия» звучит по-научному, нейтрально. У них - большие споры в этой связи о научной ценности термина: дескать, не всегда зло. Этому по сути и посвящен материал.

3. Скорее всего - выборка в определенном сообществе

4. National Probability Samples - специфический термин социологии. (Я не английский социолог).

5. «Вторжения» :-). Они не называют вещи своими именами

Перевод и право публикации
АБР (С) 1999

Збинец Лев-Старович. Нетипичный секс

Нетипичные сексуальные ориентации (девиации)

Из более чем 20 известных сексуальных девиаций в настоящей работе рассмотрены те, с которыми приходится сталкиваться чаще всего, - им посвящены отдельные подразделы. Подробно описаны также и более редкие девиации, что же касается тех, которые встречаются спорадически, я позволил себе ограничиться лишь упоминанием их названия.

Некоторые из рассматриваемых девиаций представлены на основании моего собственного терапевтического и судебного опыта, иллюстрацией к которому служат конкретные примеры, а иногда и цитируемые письма. По понятным причинам при описании девиаций все данные, касающиеся упоминаемого лица, местности, важных подробностей, способствующих идентификации этого лица, подверглись преднамеренному изменению. Одними мною примерами девиаций не исчерпывают темы: со временем их число будет возрастать, поскольку по мере развития техники появляются новые сексуальные возбудители, приспособления и формы удовлетворения интимных потребностей. Врачи также встречаются с ранее неизвестными видами девиационного поведения и дают им соответствующие названия.

Приведенный ниже обзор разновидностей такого поведения наверняка вызовет у читателя неоднозначную реакцию - от снисходительной улыбки до неприятия, даже омерзения и отвращения. Однако необходимо помнить о том, что за каждой из этих девиаций стоит конкретный человек, развитие потребностей и поведения которого, отличающихся от принятых норм, могло быть связано с различными болезнями; механизмами, возникшими еще в детстве, в период созревания; наконец, с воздействием на него окружающих людей, жизненных ситуаций, увиденного им.

ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ

В трактовке сексуальных девиаций зачастую ощущается привкус сенсационности и глубокого непонимания, которому наряду с прочим способствовали недостаточное знание предмета и сильное влияние позиции, занимаемой обществом, его моральных оценок, отождествляющих девиационность с сознательно реализуемым злом. Девиант рассматривается в качестве "чужака", нарушающего общепринятые нормы. Для блага общества его надлежит карать, изолировать и даже ликвидировать физически. Правда, столь жесткое отношение к девиантам во многих странах начинает уступать место определенной толерантности и попыткам понять их, но польское общество по-прежнему недостаточно либерально в этих вопросах.

Выдающийся знаток девиаций Кристи Браун подчеркивает, что с ними связано несколько типичных проблем, которым я и хочу уделить немного внимания. Первая - это определение.

Представление о том, что такое ненормальное, девиационное сексуальное поведение, претерпевало изменение и тесно увязывалось с социальным и моральным климатом данной эпохи, ее культурой.

Известный ученый Крафт-Эбинг в 1906 г. так высказался на тему прелюбодеяния: "Неверность жены с моральной точки зрения имеет по сравнению с неверностью мужа куда более серьезные последствия и всегда заслуживает более суровой кары со стороны закона". Он же определял сексуальную девиацию (именовавшуюся тогда перверзией) как "любое проявление полового инстинкта, которое не соответствует главной цели природы, т.е. размножению". Спустя 74 года Американское психиатрическое общество классифицировало сексуальные девиации как "серьезные нарушения, при которых для полового возбуждения необходимы необычные изображения или действия". Это наглядный пример того, насколько радикально в одном и том же столетии изменился взгляд на девиации, а также супружеские измены, подтверждение чего могут служить современная повседневная жизнь и юридическая практика. Раньше сексуальные девиации рассматривались в качестве болезни, явно отличающейся от понятия нормы. Ныне, когда наши познания о сути девиационности расширились, оказалось, что таких отчетливо выраженных границ не существует, а между девиационным и так называемым нормальным поведением существует определенная связь.

Другой проблемой, по К. Брауну, является эпидемиология сексуальных девиаций. Наши взгляды на этот предмет чаще всего определяются клиническим опытом, накопленным на основе наблюдений за популяцией, обращающейся к терапевтам или направляемой судебными инстанциями. Истина же заключается в том, что эта группа представляет собой лишь крохотную часть контингента, оставшегося

вне поля зрения врачей, а кроме того, характеризуется некоторыми нетипичными чертами, - например, в ней отмечается связь между девиационностью и психическими нарушениями. Мы не знаем, что представляют собой обладающие девиационными особенностями люди, которые никогда не обращались за помощью к врачам и не нарушали законов. Проводились, правда, разнообразные научные наблюдения за девиантами, но они охватывали лишь тех, кто заявил о себе сам. В 1980 г. Уилсон и Госслин с помощью специальных вопросников и тестов обследовали различные группы девиантов, но оказалось, что из 1200 фетишистов на их вопросы согласились ответить лишь 125, а из 600 садистов - 132.

Результаты изучения легализовавшейся части популяции не дают объективной картины, и следует полагать, что ключ к познанию девиационности находится в руках как раз той части, которая осталась неизвестной. Однако проведение полномасштабных исследований в настоящее время представляется очень трудной задачей, поскольку все еще отсутствует благоприятный социальный климат, способствующий выявлению собственных девиационных потребностей и поведения. Кроме того, многие считают себя совершенно нормальными и не видят необходимости раскрывать свое Я кому-либо за исключением возможного партнера.

Еще одну проблему таит в себе неоднозначность внешнего проявления девиации. Достаточно долго бытовало мнение, что у данного лица может наблюдаться только одна конкретная форма девиации и лишь единицам свойственна мультидевиационность. Однако вопрос оказался более сложным, чем это представлялось. У многих людей одновременно имеются различные формы девиаций, но мы даже примерно не знаем, каков диапазон этого явления. Исполняя обязанности судебного эксперта, я столкнулся с 3 лицами, у которых сразу отмечались более чем 5 различных девиаций. У 9 человек уживались 3-4 отклонения, а у 21 - 2. А ведь это были люди, вступившие в конфликт с законом и выявленные только благодаря этому. Ответить на вопрос, насколько широко распространено в обществе это явление, пока не в состоянии никто.

Очередную проблему представляет собой интенсивность девиационных потребностей и поведения. Об этом мы также знаем очень мало. У одного человека девиационное поведение является исключительно формой реализации сексуальных потребностей, у другого - в различной степени сосуществует с так называемой нормальной половой жизнью, у третьего - носит характер эпизодических сексуальных экспериментов.

Известно также, что многие из считающихся нормальными людей очень часто воображают себя участниками носящих девиационный характер эпизодов, хотя и не реализуют их на практике. Это может быть как следствием отсутствия таких потребностей, так и результатом их преднамеренного подавления, обусловленного страхом наказания или неблагоприятным социальным климатом.

Если гипотетически предположить, что в данном обществе стали одобряться все виды сексуальной активности, сколько людей начало бы демонстрировать девиационное поведение и для скольких оно оказалось бы желанной и основной формой половой жизни? Вопросы такого рода можно ставить без конца, но пока они остаются без ответа.

Следующая проблема заключается в механизме возникновения сексуальных девиаций. Существование множества связанных с этим теорий доказывает одно - это явление еще не полностью изучено. Применительно к некоторым лицам можно говорить о врожденных механизмах, применительно к другим - о нейрогормональных, выученных и т.п. Сейчас, много пишется о ранних стереотипах, т.е. о возбудителях девиационного типа, с которыми индивидуум случайно столкнулся в детстве. Возникшие стереотипы проявляют особую тенденцию к закреплению у лиц, замкнутых в себе и воспитывающихся в ригористических условиях, которые препятствуют ликвидации возникших нарушений. Дело в том, что добраться до этих ранних стереотипов нередко бывает очень трудно, так как они могут быть стерты в памяти, подавлены и т.д.

Связи между девиациями и партнерскими отношениями дифференцированы. У некоторых лиц девиационное поведение наблюдается при отсутствии каких-либо партнерских уз, например трансвестит, переодевающийся в одежду противоположного пола, бывает сексуально "независим" и не нуждается в контакте с кем-то еще. У других бытует параллельность девиационного поведения и типичных (так называемых нормальных) партнерских отношений, напоминая (кстати, так часто и бывает) раздвоение личности. Партнеру кажется, будто близкий человек известен ему до мельчайших деталей. Он даже не подозревает, что тот ведет другую, скрытую жизнь. Уилсон установил: что 69% фетишистов состоят в постоянных гетеросексуальных союзах, лишенных даже малейшего налета девиационности,

точно так же дело обстоит и в случаях иных девиаций. Обнаружение партнером этой второй природы чаще всего бывает делом случая (недавно ко мне обратилась потрясенная женщина, которая после 7 лет удачного брака узнала, что ее муж - трансвестит: вернувшись как-то домой необычно рано, она неожиданно для себя застала его "с поличным", и он признался ей, что занимается этим еще с добрых времен, причем часто и систематически). Открытие подобного рода может стать подлинным шоком, например, когда жена узнает, что ее партнер, являвшийся для нее эталоном прекрасного мужа и любовника, оказался опасным сексуальным преступником. В других случаях девиационное поведение включается в партнерские отношения, и затронутые им люди относятся к нему как к неопасному чудачеству, которое им лично не мешает. В конце концов встречаются даже партнерские союзы, базирующиеся на взаимных девиационных потребностях (пара садист - мазохистка или наоборот).

В связи со сказанным встает новая проблема: можно ли ограничить девиационность так называемой партнерской нормой? Здесь речь идет об утверждении, что все нравящееся партнерам и дающее им взаимное удовлетворение может считаться нормальным. Однако дело обстоит не так просто, ведь тут же возникают сомнения: оказывает ли девиационность влияние (и если да, то какое) на отцовство-материнство, на воспитательную функцию и не попадают ли дети, родившиеся в таких союзах, в неподходящую воспитательную среду? Следует ли из этого, что девианты не должны иметь детей и их следовало бы лишать родительских прав? На эти вопросы нельзя ответить однозначно, необходимо учитывать специфику каждого случая, а это очень нелегко. Кто должен заниматься подобной оценкой и какими критериями руководствоваться?

Вопросы и проблемы, связанные с сексуальными девиациями, можно продолжать до бесконечности, что свидетельствует о важности затронутой темы. В заключение остановимся на задачах их лечения. Как я уже упоминал, лишь часть лиц с сексуальными девиациями ощущает потребность в нем, других к этому принуждают по требованию партнера, судебных инстанций, под страхом наказания. При этом важны как мотивация лечения, так и реальные шансы его поведения. Терапевтов, обладающих опытом в рассматриваемой области, немного, однако не это главное. Применяемое в настоящее время лечение представляет собой главным образом динамическую, поведенческую (последняя имеет особенно много сторонников) психотерапию. При наличии девиаций, несущих в себе опасность для правопорядка, применяется лечение с помощью антиандрогенных препаратов. Прибегали также к хирургическим операциям (на добровольной основе), но вследствие многочисленных протестов против таких операций в большинстве стран от них отказались.

Современный уровень знаний о девиациях и лечебные возможности во многих случаях обеспечивают получение хороших результатов, хотя при этом необходимы соответствующая мотивация и продолжительное выполнение многочисленных процедур. Впрочем, сам лечебный процесс тоже не свободен от проблем. Должен ли он служить тому, чтобы приспособить девианта к обществу, помочь ему достичь социальной нормы или чтобы способствовать приятию собственного Я, сложившихся партнерских отношений? Многие из этих вопросов по-прежнему остаются открытыми и спорными.

Педофилия

Педофилия относится к одной из наиболее распространенных сексуальных девиаций. Она характеризуется склонностью к сексуальным контактам с детьми. Диапазон таких контактов бывает разным: ребенок становится объектом эротических ласк, его склоняют к сексуальному самовозбуждению или возбуждению инициатора этих действий, к петтингу, половым, оральным или анальным сношениям. Чаще всего различают гомосексуальную и гетеросексуальную педофилию, но встречается также бисексуальная. Случается, что педофильные акты носят кровосмесительный характер. Иногда они бывают связаны с другими девиациями, например с эггбиционизмом и вуайеризмом.

В мае 1984 г.в "Ньюсуик" появилась тревожная статья, в которой рост общераспространенности педофильных действий сравнивался с эпидемией. Разные источники сообщают, что их объектом стали около 500 тысяч детей. Исследования показывают, что почти 9% американцев и 19% американок подвергались в детстве сексуальному возбуждению, а от 2 до 5 миллионов из числа жителей США пережили кровосмесительные контакты.

В Польше с педофилией столкнулось от 1 до 3% популяции. Среди осужденных за сексуальные преступления около 45% (приблизительно 500 человек в год) составляют педофилы. Многие из случаев педофилии не выявляются, поэтому трудно сказать, каковы истинные масштабы ее распространения.

Многие научные работы были посвящены изучению порождающих педофильное поведение механизмов; личностей педофилов; последствий, которые действия подобного рода могут иметь для детей, ставших их жертвами. Большинство исследователей единодушно подчеркивают, что причиной педофилии служат

различного рода осложнения в сексуальной сфере, отсутствие уверенности в себе, комплексы, алкоголизм, воспитание чрезмерно заботливыми матерями, отсутствие контактов с ровесниками.

В качестве судебного эксперта мне нередко представлялась возможность обследовать педофилов. Оказалось, что у большинства из них отмечаются всевозможные проблемы с ощущением собственной мужественности, они не уверены в себе, чаще всего отрицательно оценивают своих отцов, подчеркивая в то же время очень хороший контакт с матерями, а также сознание психического и физического сходства с ними. По отношению к женщинам они, как правило, демонстрировали робость, страх, ощущение угрозы, неумение освоиться с их наготой, отсутствие сексуального опыта либо наличие такого, который не благоприятствовал выработке чувства своей мужской ценности. Во многих случаях проблемы педофилов с ощущением собственной мужественности были связаны с бисексуализмом.

Очень часто педофильные действия представляют собой завершающий этап вполне определенной цепочки, например: бисексуализм - поиск гомосексуальных связей - страх перед мнением окружающих - поиски контактов с детьми. Бывают также, что гомо- или гетеросексуальные действия потенциального педофила стали источником стресса, способствовали углублению ощущения собственной неполноценности, и тогда выбор ребенка в качестве эротического объекта служит своеобразной защитной реакцией ("Выбираю то, чего меньше боюсь").

Во многих случаях педофильные тенденции существуют и у так называемых нормальных людей. Проводилось, например, изучение воздействия на зрителей порнографии с педофильным содержанием. Оказалось, что сексуальным возбуждением на увиденное реагировали лица, которые никогда не имели практического опыта таких контактов. Следовательно, можно сказать, что скрытые педофильные потребности не реализовались на практике благодаря их подавлению, которое наверняка обусловлено общественным табу на сексуальные контакты с детьми.

Жертвами педофильных проявлений чаще всего бывают дети в возрасте 11-14 лет, потом 7-11 и очень редко моложе 7 лет. При этом оказывается, что среди детей старшего возраста примерно половина девочек демонстрировала кокетливое, провокационное и даже поощряющее поведение. Те, кому оно было свойственно, чаще всего росли в неблагополучных семьях, отвечали чрезмерной доверчивостью на проявляемый к ним интерес, рано начинали испытывать желание стать женщинами, а иногда проявляли повышенный интерес к вопросам секса в связи с полным отсутствием знаний в этой области жизни. К педофилам относятся как к самым опасным преступникам, общественное мнение приписывает им самые худшие черты, а в качестве метода лечения рекомендует... кастрацию. Во многих случаях установление факта педофилии самими родителями или в результате тревоги, поднятой ребенком, приводило к погоне за виновником в стиле, напоминающем гангстерские фильмы и вестерны. Нередко дело едва не заканчивалось самосудом.

Распространено мнение, что дети в результате сексуальных действий подобного рода становятся ненормальными, заболевают психически, испытывают глубокие нарушения в сексуальной сфере, которые накладывают несмыслимый отпечаток на будущую половую роль. Следует сказать, что научные исследования вовсе не подтверждают этой апокалиптической картины. Оказалось, что большинство пострадавших детей во взрослой жизни обладают вполне удовлетворительным психическим здоровьем, не несящим следов каких-либо травм и ведут нормальную половую жизнь. У части таких детей позднее проявляется тенденция выбирать в спутники жизни человека старше себя по возрасту, т.е. как бы дает о себе знать закодированный в подсознании образ более взрослого партнера. Лишь примерно у 15% детей развиваются отрицательные последствия: сексуальная заторможенность, невроз, страх, неприязнь и отвращение к представителям противоположного пола, гомосексуализм и т.п. Вопрос состоит в том, в какой степени эти последствия связаны с самим педофильным актом, а в какой - с его закреплением в детской памяти благодаря поведению родителей, допросам, судебному разбирательству и т.п.

Нейтрализация возможных отрицательных результатов педофилии - в основном задача родителей ребенка; помощь детского психолога необходима здесь лишь в отдельных случаях. Хуже обстоит дело с гомосексуальной педофилией, составляющей около 30% от общего количества случаев данной девиации, после такого контакта у ребенка действительно может развиваться гомосексуализм.

Тревога, поднятая "Ньюсуик", - не только газетная сенсация. Много других данных указывает на эскалацию на Западе, разнообразных форм недопустимого обращения с детьми, например их истязания или вовлечения в выпуск все возрастающего числа порнографических изданий с педофильной тематикой. Обобщая, можно сказать, что это результат семейной патологии, конфликтов с ощущением собственной мужественности, страха перед миром женщин, отношения к ребенку как вещи. Правда, пока данная проблема носит социальный характер на Западе, а не у нас, но давайте не будем пренебрегать даже отдельными тревожными сигналами.

Наталия Машарова: Детская сексуальность

Проекция взрослого или самосознание ребенка

Детство – неизведанная пора для исследователей пола, поскольку надежные данные относительно поведения человеческих существ в этот период по объективным причинам отсутствуют. Выводы, основанные на опросах взрослых, недостоверны - зачастую люди не помнят свои детские ощущения или же скрывают отдельные воспоминания, чтобы выглядеть «нормальными». Общество пресекает любые попытки устного опроса или анкетирования детей с целью получения информации о половых ощущениях и поведении, усматривая в подобных исследованиях подрыв своих моральных основ. Разбираться в вопросе детской сексуальности приходится, опираясь лишь на догадки и абстрактные выводы.

Несмотря на общественное табу по отношению к детской сексуальности, меня интересуют корни этого вопроса. Что означает словосочетание «детская сексуальность» - это оценка взрослого или оценка ребенком самого себя, и, что более важно, осознанная или не осознанная эта сексуальность? Ответ на этот вопрос я буду искать в уже существующих источниках и исследованиях. Также меня интересует обратная сторона «медали» этого вопроса – сексуальная привлекательность детей для взрослых и связанная с этим общественная паранойя.

Сразу обозначу, что в данной работе я рассматриваю сексуальное развитие и сексуальность детей только допубертатного возраста. Это связано с тем, что в период полового созревания вопрос сексуальности уже не подлежит тревожному взгляду социума. В некоторых обществах в пубертатном возрасте уже разрешается брак, да и вообще, подростковый интерес к сексу едва ли может вызывать удивление и беспокойство.

Детская сексуальность

Для начала разберемся с понятием «детская сексуальность». Для большинства это словосочетание взаимоисключающее и шокирующее. Но дело в том, что благодаря работам Фрейда, под сексуальностью начали понимать не конкретное половое влечение к сексуальному партнеру с конечной целью в виде коитуса, а всё то, зачастую неосознанное, что связано с проблемой принадлежности к тому или другому полу. Сам Фрейд говорил, что никому не придет в голову утверждать, что половые органы появляются только в период полового созревания, но в то же время с легкостью утверждает, что до полового созревания ребенок не знаком с сексуальными чувствами и переживаниями. К тому же, речь не идет об отдельной системе половых органов человека, а именно про её сексуальную функцию, которая определяется наследственностью, работой гормональных систем, мозга, первыми чувствами и впечатлениями, атмосферой, в которой формируется личность.

До появления работ Фрейда считалось, что сексуальность у детей отсутствует, или, признавая её существование, исследователи зачастую умалчивали об этом феномене, оценивая его как греховный и опасный. Эти противоречивые взгляды сохраняются и по сей день, однако хотя бы некоторые родители рассматривают развивающуюся сексуальность у своих детей как нечто естественное и не вызывающее негативное отношение. Часть родителей и сегодня ощущают дискомфорт из-за любых проявлений сексуального интереса у ребенка. На это есть несколько причин. Во-первых, это считается ненормальным; во-вторых, родители не знают как себя вести в таких ситуациях. В конце концов, у них могут быть собственные сексуальные проблемы.

Понятие «детская сексуальность» достаточно размытое, и в его пояснении существуют две типичные ошибки:

- 1. Любое детское поведение, так или иначе связанное с половыми органами, объясняется по аналогии с взрослым поведением и описывается в тех же терминах: если ребенок подсматривает за сексуальными действиями других, это называют вуайеризмом; если демонстрирует свои половые органы – эксгибиционизмом и т.д. Специалисты понимают условность подобных ярлыков, но у большинства они вызывают неуместные опасения, мысли о патологии. Поэтому этих терминов лучше избегать.*
- 2. Принципиальное отрицание возможности эротических переживаний до начала полового созревания.*

К примеру, французский психоаналитик Пьер Дако подчеркивал: «Детскую сексуальность нельзя отождествлять с реализацией половой функции, ибо сама эта функция в детском организме ещё не сформировалась. Ребенок не может стремиться к половому удовольствию, поскольку попросту ещё не созрел до этого. Поведение ребенка действительно с малых лет определяется его принадлежностью к своему полу и в этом смысле имеет половой окрас. Именно в таком значении следует говорить о детской сексуальности, а акцентирование эротических моментов было бы неоправданным преувеличением».

Раньше считали, что до начала полового созревания выделение гормонов в детском организме находится на минимальном, «детском» уровне. Но в последние годы эти суждения опровергаются. Выяснено, что существуют критические периоды (6 месяцев, 1 год, 3 года и 5 лет) у ребенка, когда соотношение гормонов у мальчика практически такое же, как и у взрослых мужчин (у девочек эти периоды – 5, 6 и 9 лет).

Результаты ультразвукового исследования свидетельствуют о том, что рефлекторная эрекция у плодов мужского пола происходит за несколько месяцев до рождения, то есть в период внутриутробного развития. У многих новорожденных мальчиков эрекцию наблюдали на протяжении первых минут после родов, иногда даже до перерезания пуповины. Точно также у новорожденных девочек на протяжении первых суток возможны увлажнения влагалища и эрекция клитора. Таким образом, очевидно, что половые рефлексы появляются не только в раннем детском периоде, но даже во время внутриутробного развития.

Совсем маленькие дети совершенно естественно реагируют на разнообразные источники физических ощущений теми или иными формами полового возбуждения. Например, при кормлении ребенка грудью мать нередко замечает сильно выраженную эрекцию, что не редко вызывает тревогу и полагается ненормальным явлением. На самом же деле, ощущение тепла и мягкости материнского тела, к которому прижимают ребенка, вместе с интенсивной нервной стимуляцией, источником которой является сосание (в губах очень много чувствительных нервных окончаний), вызывает поток сигналов, направленных в мозг, где они интерпретируются как приятные и активируют половые рефлексы. Настолько же естественная эрекция клитора и увлажнение влагалища во время кормления новорожденных девочек. Таким образом, это явление не свойственно какому-то одному полу, хотя эрекция полового члена выражена значительно сильнее и, соответственно, лучше заметна. Похожие проявления рефлекторной половой активности наблюдаются при купании, припудривании, пеленании или игривом подбрасывании ребенка. Важно, однако, подчеркнуть, что ребенок ещё слишком мал, чтобы осознать то, что происходит, в связи с чем

нельзя говорить о пробуждении в нем каких-либо социально и сексуально обусловленных эротических переживаний. **Реакция родителей, которые наблюдают все эти половые рефлексы, послужит важным компонентом раннего сексуального воспитания ребенка. От матери или отца, которые проявляют излишнее беспокойство или неодобрение относительно увиденного, ребенку могут передаваться состояние дискомфорта, тогда как от спокойно реагирующих родителей ребенок получает сигнал поощрения своей сексуальности.**

Раздражение и стимуляция гениталий вызывают у детей приятные ощущения и интерес к другим частям тела, поэтому педиатры рекомендуют родителям избегать таких касаний, а также выбирать для детей свободную одежду и т.д.

До двухлетнего возраста большинство детей начинают ходить, говорить, а также ощущать себя мальчиком или девочкой. Они проявляют неутолимый интерес, изучая разные части своего тела, к тому же большинство открывает для себя (если не сделали это раньше), что стимуляция половых органов приносит приятные ощущения. Дети могут тереть пенис или клитор руками, а также использовать для этой цели куклу, подушку, одеяло и другие предметы.

Уже с 5-6-месячного возраста у младенцев (к тому же у девочек несколько чаще) наблюдаются элементы мастурбации, картина которой достаточно типичная: ребенок лежит на спине со сведенными или скрещенными ногами, мышцы бедер сжимаются и расслабляются, тело напрягается и вытягивается, таз поднимается ритмично (это напоминает гимнастический «мостик»). При этом младенец напрягается, краснеет, потеет, отчужден от окружающего. Эти явления длятся от десятков секунд до нескольких минут и всегда заканчиваются удовлетворенным расслаблением с заметным чувством удовольствия и облегчения. Разве это ничего не напоминает?

Беседы с трехлетними девочками и мальчиками показывают, что им достаточно хорошо известны чувства от касания к внешним половым органам, хотя они и не воспринимают их как эротические или сексуальные, поскольку ещё не способны производить концептуальных понятий.

Трехлетняя девочка: «Когда я тру пиписку, мне тепло и приятно. Иногда щекотно, а иногда просто горячо». Трехлетний мальчик: «Посмотри на мою колбаску. Она может подниматься. Я тру её, она поднимается, и мне приятно. Иногда я тру её очень долго, и тогда мне становится очень, очень хорошо».

Сначала игра гениталиями является индивидуальным занятием, но постепенно она превращается в игру в «доктора» или «маму-папу». Игры, которые включают показ или ощупывание гениталий, с ровесниками противоположного пола в своем детском (допубертатном) возрасте ретроспективно определяли половина мужчин и более трети женщин из «очищенной» выборки Кинси, с ровесниками собственного пола – 54,4% мужчин и 34,8% женщин. При непосредственном опросе допубертатных мальчиков (212 человек) цифры возрастают до 70% в первом и до 60% во втором варианте. Коитальные попытки и орально- или анально-генитальные контакты встречаются у детей значительно реже; тем не менее коитальные попытки в детском возрасте признали от 13 до 21% опрошенных Кинси мужчин и более 5% женщин (Kinsey 1953).

Конечно, распространенность детских генитальных игр и их техника могут быть существенно разными в разной социальной, культурной и этнической среде; у Кинси эти показатели в значительной мере взаимосвязаны с уровнем образованности респондентов. Сами термины «коитальная игра», «гомосексуальная игра» - условные и неточные, так как описывают поведение, не раскрывая его сути. **Мотивы участия в таких играх могут быть абсолютно разными. Очень часто в них нет ничего эротического, это лишь «исследовательская деятельность» или простая ролевая игра, в ходе которой ребенок осваивает определенные социальные роли и ситуации.**

В возрасте пяти лет, когда большинство детей начинают посещать детский сад, необходимость строить отношения со сверстниками в структурированной среде вырабатывает скромность и приводит к снижению количества игр, имеющих сексуальный окрас. В этом возрасте дети с восхищением узнают о названиях сексуальных органов, про которые раньше никогда не слышали. Среди них начинают распространяться шутки о предназначении гениталий и на другие половые темы, которые они сначала слышат от старших товарищей, а потом повторяют. Пятилетка может и не понимать шутки, но громко смеяться, чтобы скрыть это. Если ребенку недоступна обычная, откровенная информация о поле, основным источником полового образования становятся соответствующие анекдоты. Поскольку даже очень маленький ребенок быстро узнает про разницу между «грязной» и «чистой» шуткой, это ведет к выработке представления о сексе, как о чем-то «непристойном».

В этом возрасте дети начинают формулировать представление о сексуальных отношениях, исходя из

собственных наблюдений за взрослыми. Видя, как мать с отцом обнимаются и целуются, очевидно, получая от этого удовольствие, ребенок постепенно начинает понимать, что физическая и эмоциональная близость приносят приятные ощущения. С другой стороны, если ребенок постоянно видит, как родители ругаются друг с другом или слышит возгласы «Не трогай меня!», у него может развиться абсолютно противоположный взгляд на близкие отношения.

Сексуальный опыт детей более старшего возраста может быть неупорядоченным и не таким существенным, как другие события их жизни, но, тем не менее, может включать в себя весь комплекс возможных сексуальных действий, вплоть до попыток сексуальных сношений, иногда успешных.

Дети занимаются мастурбацией наедине, или в гетеросексуальных и гомосексуальных парах и группах. Отмечаются случаи игр с животными и предметами, а также случаи орального и анального секса.

Нет сомнений, что до восьми- или девятилетнего возраста дети уже осведомлены об эротическом элементе таких форм поведения, поэтому необязательно рассматривать их как «игру». Половое возбуждение является чем-то большим, нежели побочным продуктом такого целеустремленного поведения. Это не случайное явление – дети настойчиво пытаются достичь эротического возбуждения, которое может сопровождаться сексуальными фантазиями и привести к влюбленности.

Другой распространенной формой сексуального поведения в детском возрасте являются сексуальные контакты между детьми одной семьи. Хотя теоретически такое поведение можно обозначить термином инцест, вряд ли следует в такой тяжелой, уничтожающей форме характеризовать игры пятилетнего мальчика с его шестилетней сестрой, которые заключаются в рассматривании внешних гениталий друг дружки. Тем не менее, не всегда легко решить, в каких случаях такие контакты можно рассматривать как способ познания своего тела, а в каких – как явление, которое требует вмешательства родителей.

Интересные данные по этому поводу содержатся в работе Гринвальда и Лейтенберга 1989 года. Они установили, что 17% из 526 опрошенных студентов колледжей ощущали в возрасте до 13 лет сексуальный интерес к братьям и или сестрам. Средний возраст, в котором имели место быть такие контакты, составлял 8 лет, и только у 18% случаев про них знали родители. **Исследователи не обнаружили негативного влияния сексуального опыта в препубертатном возрасте у детей одной семьи на формирование сексуальности в зрелом возрасте даже в тех случаях, когда имели место генитальные контакты.** Помимо этого, авторы зафиксировали крайне маленькую частоту принуждения в случаях сексуальных игр между детьми одной семьи: только в 2% эпизодов применялась сила и только в 6% - те или иные угрозы.

На протяжении последнего десятилетия взгляды на половое воспитание стали ещё более противоречивыми. Все согласны с необходимостью вырабатывать у детей правильное отношение к половым вопросам, однако у каждого своё мнение по поводу того, чему следует учить, кто и где должен этим заниматься.

«Но как бы нам не хотелось обратного, дети рождаются сексуально-мотивированными, и родители постоянно дают им уроки полового воспитания, сознательно или нет. Ключевой вопрос полового воспитания заключается в том, как родители воспринимают врожденную сексуальность ребенка и в какой степени дают ей раскрыться. Отношение родителей к этой проблеме значительно важнее для формирования полового поведения ребенка, чем вся информация или дезинформация, которую они могут найти по данному вопросу» (Ehrenberg, Ehrenberg, 1988).

Указанные авторы также описывали четыре основных типа отношения родителей к вопросам пола, которые проявляются в семейной жизни:

Репрессивный тип отношения охватывает случаи, когда родители строго навязывают детям, что секс – это зло и непристойность. Зачастую в такой семье запрещено говорить «плохие слова», двусмысленно шутить и ходить по дому в нижнем белье. Половое воспитание сводится к нескольким фразам: «это непристойно», «это опасно» и «подожди, пока женишься». Касательно этого типа следует вспомнить суждение Вильгельма Райха («Психология масс и фашизм», 1933). Он рассматривает подавление семейной сексуальности у детей, как распоряжение некоторых авторитарных структур, которые не в состоянии контролировать проявления сексуальности у ребенка после его взросления. «Это ослабляет силы, которые выступают против подобных структур, так как любое недовольство можно подавить страхом; подавление у ребенка сексуального интереса и размышлений на сексуальные темы вызывает, в свою очередь, подавление в нем разнообразных опасных способностей, в том числе и способности мыслить вообще... **Создание авторитарной структуры происходит с помощью закрепления сексуальных**

комплексов и страхов».

При **избегающем типе** родители проявляют более разумное и терпимое отношение к сексуальности. Они рассматривают это явление скорее как полезное, нежели вредное, но абсолютно теряются, когда речь заходит о конкретных половых вопросах. Такие родители избегают прямого обсуждения этой темы со своими детьми или превращают такое обсуждение в нудную лекцию.

При **навязчивом типе** отношения к сексуальности родители смотрят на секс как на полезное и здоровое явление, но перегибают палку и ставят секс в центр семейной жизни. Они слишком либеральны во всем, что касается сексуальной активности и иногда настолько явно выставляют напоказ свою половую жизнь, что приводят в замешательство собственных детей. **Чрезмерное внимание в отношении половых вопросов может раздражать детей или вызывать у них чувство подавленности.** Так, например, если отец 8-летнего мальчика будет каждый месяц показывать сыну «Playboy», ребенку будет неприятен сам вид этого журнала.

Родители, чье отношение к половым вопросам можно охарактеризовать как экспрессивное, рассматривают секс как нечто естественное, при необходимости открыто обсуждают эту тему, но устанавливают рамки для проявлений сексуальной активности детей (так же, как и других форм поведения). Они пытаются навязать детям, что сексуальность - это положительное и здоровое явление, которое, однако, не заслуживает того, чтобы концентрировать на нем все свои помыслы.

Проведенные исследования показали, что лишь некоторые родители способны правильно организовать половое воспитание детей. Данные опросов американских подростков свидетельствуют о том, что основную часть информации о сексе они получают не в семье, а от друзей (Gebhard, 1977; Kirby, Alter, Scales, 1979; Kallen, Stephenson, Doughty, 1983).

Сексуальная привлекательность детей

Когда речь заходит о детской сексуальности, в голову лезут мысли об одном из главных страхов современного мира – педофилии. Но попробуем разобраться, так ли страшен черт, каким его малюют. Я бы хотела рассмотреть исторический контекст этого вопроса, который, как мне кажется, может изменить само отношение к этому явлению, а также современную ситуацию в мире, связанную с сексуальностью детей и их сексуальной привлекательностью для взрослых.

Если взрослых закон защищает лишь от сексуального принуждения, то детей он защищает от любых сексуальных покушений (sexual molestation), злоупотреблений (sexual abuse) и эксплуатации со стороны взрослых.

Понятия эти не имеют строгого разграничения. Дэвид Финкелхор условно разделяет их на три категории:

- *сексуальную эксплуатацию детей, злоупотребления их беспомощностью с целью непосредственного удовлетворения собственных сексуальных потребностей взрослого или в коммерческих целях;*
- *подавления детской сексуальности, будь-то физическое калечение половых органов ребенка, или срамление и подавление его нормальных сексуальных интересов;*

• эротизацию детей, то есть создания среды, которая может искусственно стимулировать детскую сексуальность в ущерб другим задачам развития.

Мировое уголовное право наказывает только за действия первого типа. Подавления детской сексуальности без физического насилия над ребенком антисексуальные культуры и религии считают не преступлением, а добродетелью.

Сексуальные права детей и подростков, включая право на информацию, практически нигде не признаются, ребенок считается не субъектом, а объектом сексуального поведения.

Что же касается искусственной «эротизации» детей, то это понятие слишком неопределенное. С точки зрения христианско-коммунистических фундаменталистов, любая сексуальная информация и сексуальное образование, включая элементарную анатомическую информацию, является криминальной «эротизацией», в то время как «сексуальные радикалы» протестуют против любых возрастных ограничений.

Некоторые юристы считают «развратными действиями» по отношению к несовершеннолетним только те действия, которые направлены на удовлетворение полового влечения лица, которое их осуществляет. То есть, необходимым условием наступления уголовной ответственности есть наличие реализованного намерения. Другие же подводят под эту категорию любые «поступки интеллектуального характера (циничные беседы на сексуальные темы, демонстрация порнографических объектов и т.д.), способные «возбуждать сексуальное любопытство» и включающие «моральное развращение потерпевших несовершеннолетних». Но какие именно беседы признать «циничными» и как объективно установить факт «морального развращения»? Под такие формулировки можно подвести все, что угодно, вплоть до учебников анатомии и физиологии.

Многие люди считают, что инцест и сексуальные покушения на детей - редкое явление, а их наличие свидетельствует о моральном распаде и деградации общества. На самом деле, эти явления существовали всегда, еще древнейшие законодательства старались пресечь их путем крупных денежных штрафов и других наказаний. Некоторые действия, которые мы сегодня строго осуждаем, такие как обнажение и сексуальное стимулирование ребенка (например, игра с гениталиями мальчика), в прошлом вообще не воспринимались всерьез и широко практиковались даже родителями и воспитателями.

По американским данным, каждая четвертая или пятая девочка и каждый седьмой или девятый мальчик младше 18 лет подвергались сексуальным покушениям. Чаще всего цепляются к подросткам, но четверть случаев приходится на частичку детей младше 7 лет.

Как это не удивительно, но в Великобритании некоторые дети уже клеймятся как лица, совершившие преступление на сексуальной почве. В статье, которая была опубликована в газете «Daily Telegraph», написано о 12-летней девочке, которая три раза старалась изнасиловать четырех-, пяти- и шестилетних мальчиков и два раза подстрекала 13-летнюю девочку к непристойным действиям.

Общество убеждено, что все взрослые, которые насилуют и/или соблазняют детей, - сексуально больные люди, педофилы и/или психотики. На самом деле педофилы, которых влекут исключительно дети, составляют среди них незначительное меньшинство.

Само значение понятия «педофилия», как и понятия «ребенок», крайне размыто. Отечественная сексопатология различает педофилию (половое влечение к детям) и эфебофилию (влечение к лицам подросткового и юношеского возраста), считая последнюю менее патологической. В канадском Психиатрическом Институте Кларка, ведущем мировом центре по изучению детской сексуальности, приняты три градации:

- педофилия - влечение к допубертатным детям;
- гебефилия - влечение к пубертатным, 12-14 летним подросткам;
- эфебофилия - влечение к постпубертатным, от 14 лет, подросткам, причем последняя категория никогда не употребляется в качестве диагноза и не ассоциируется с сексопатологией.

Сексуальные посягательства на детей происходят во всех прослойках общества, с любым уровнем образования и прибыли, во всех этнических и религиозных группах. Для девочек факторы повышенного риска - а) наличие отчима и б) сексуальная нетерпимость матери, которая всячески подавляет сексуальные интересы детей, наказывает за мастурбацию, рассматривания эротических картинок и т.д. За данными Финкелхора, такие материнские установки на 75% увеличивают вероятность сексуального обольщения дочери.

Сексуальные контакты с ровесниками по большей мере воспринимаются подростками не как изнасилование, а как обычная силовая игра и сексуальное экспериментирование. Объяснять и профилировать такое поведение нужно не в ключе психо- или сексопатологии, а с точки зрения особенностей соответствующей подростковой субкультуры. Однако эти «игры» имеют серьезные социальные и психологические последствия. Девушка, которая один раз побыла «общей», обратного пути уже не имеет. «Общие девчонки», в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы аналогичный опыт пережили другие, и добиваются этого с утонченной жестокостью, превосходя в этом отношении ребят.

Дети не врут?

Когда речь заходит о маленьких детях, особого значения обретает степень достоверности их рассказов о сексуальных покушениях. Классический психоанализ, начиная с Фрейда, склонен считать, что дети врут, выдавая вымысел за действительность. В 1980-х годах в западной сексологии взяла верх новая мода - первым правилом стало требование «Поверьте ребенку». Но после того, как завалились несколько скандальных судебных процессов, построенных на вымученных недобросовестными и предубежденными следователями и психологами детских показаниях, маятник снова отклонился в противоположную сторону.

В июне 1997 г. суд в Майнце оправдал всех обвиняемых по наиболее громкому в истории Германии 3- годовому процессу, в ходе которого 24 мужчины обвинялись в искушении 16 шести- восьмилетних детей. «Несомненно, все эти дети - жертвы, - озвучил приговор председатель суда. - Они жертвы этого процесса и тех, кто его начал».

В 1984 г. в США три члена семьи Амиролт (мать, сын и дочь) были осуждены за сексуальное искушение группы доверенных им детей. Хотя виновными себя они не признали, верховный суд штата дважды отказал в пересмотре дела. Вайолет Амиролт (мать) успела умереть в тюрьме, а прокурор, который вел скандальное дело, сделал на нем блестящую карьеру и сейчас добивается избрания губернатором штата Массачусетс. Но как только за дело взялся непредубежденный судья, выяснилось, что обвинения бездоказательные.

В середине 1990-х годов, отойдя от террора консервативных средств массовой информации, которые уверяли, что дети якобы никогда не врут, американские психологи вспомнили, что **3-5-годовые дети не всегда отличают фантазию от действительности и вдобавок очень легко поддаются влиянию. Если взрослый несколько раз задает ребенку один и тот же вопрос, ребенок начинает отвечать по подсказке.** В одном из экспериментов в Корнельском университете трехлетние дети проходили медицинский осмотр, врач их раздевал, но не касался их половых органов. Все это фиксировала видеокамера. Но когда потом детей спрашивали, показывая половые органы на кукле, «А тут доктор тебя трогал?», 38% детей ответили «да». Без куклы, при вопросе на «детском» языке, количество ошибочных ответов достигало 70%. Это означает, что к детским показаниям нужно относиться осторожно и ни в каком случае не внушать детям того, что ожидает от них следователь.

В этом контексте следует также вспомнить знаменитый скандал и обвинения поп-идола Майкла Джексона в педофилии. Короля поп-музыки обвиняли в 10 случаях нарушения закона: развратные

действия с несовершеннолетними и спаивание их спиртными напитками, попытка осуществить развратные действия и удержание детей против их воли, запугивание. В случае признания виновным по всем пунктам Майклу угрожало 20 лет тюремного заключения. Процесс начался осенью 2003 года. Чтобы показать присяжным солидный стаж господина Джексона в деле растления детей, был устроен «суд внутри суда» - разбирались случаи с другими малолетними гостями, которые побывали на ранчо Майкла еще в начале 1990-х лет. При попытке начать судебный процесс их родители получали большую сумму денег и бросали свои намерения. Интересно, что большая часть материалов базировалась на словах второстепенных действующих лиц, а сами дети не подтверждали, что терпели домогательство со стороны звезды.

Адвокаты не раз ловили главного свидетеля и его семью на лжи и обнаружили огромное количество нестыковок в их рассказах. Позиция защиты была такая: все эти люди хотят или очернить Джексона, или выманить у него как можно больше денег. Таким образом, в 2005 году все обвинения Майкла Джексона в педофилии были сняты. А сам случай может быть примером того, как легко теперь спекулировать на почве педофилии.

Историческая справка

Всеобщий позор превратил педофилов в универсальных «пугал» и объекты ненависти, а также отделил их от других людей, назвав их самой отвратительной группой сексуальных преступников. На сегодняшний день, в соответствии с юридическими и моральными законами, наблюдению подлежит каждая их мысль, каждый шаг и любое действие. Но так было не всегда.

В качестве доказательств существования педерастической практики в доисторический период можно упомянуть о ритуальных традициях воспитания детей в племени самба в Новой Гвинее, которое почитало сперму и считало ее субстанцией, которая поддерживает жизнь в не меньшей степени, чем грудное молоко. Семилетние дети клана мужского пола отделялись от своих матерей для того, чтобы жить исключительно с взрослыми мужчинами и другими мальчиками. Считая, что половая зрелость не настанет до тех пор, пока они не будут в достаточном количестве напоены спермой, опытные мужчины занимались с ними оральным сексом, что было частью ритуала посвящения. Так происходило до тех пор, пока дети не вырастали, и им не присваивался статус полноправных охотников.

Аристотель упоминал о первом официальном педерастическом ритуале инициации, как о средстве, выведенном царем Миносом на острове Крит для ограничения рождаемости. Требовалось изолировать детей от женщин и объединить их с мужчинами.

Педерастия активно поощрялась философами, например Платоном, Сократом и Гомером, который считал, что педофилические отношения стояли выше, чем простое воспроизведение рода мужчиной и женщиной, так как их целью было образование и обучение философии.

В викторианскую эпоху дети рассматривались просто как «маленькие взрослые», а термина «ребенок» вообще не существовало. В книге Джеймса Кинкейда «Любовь к ребенку», посвященной викторианской культуре, в центре которой находился ребенок, выдвигается предположение, что изменение отношения к ребенку было связано лишь с детской сексуальностью. Автор отмечает, что сначала термин «ребенок» был определен в третьем издании научной работы Вильяма Ектона «Функции и расстройства репродуктивных органов в детстве, юношестве, взрослом возрасте» как стадия человеческого развития. Другие биологи в скором времени наследовали этот пример, определяя детство как бесполое состояние, которое предшествует половой зрелости и заканчивается тогда, когда организм начинает выделять вещества (менструации у женщин, эякуляции у мужчин). Все это, по мнению Кинкейда, дело немедленного результата в виде законов о совершеннолетии и брачном возрасте, который в 1861 году увеличился с 10 до 12 лет, а к 1885 году - до 16 лет. После определения ребенка как бесполого существа, «пустого сосуда», его наполняли разными цивилизованными представлениями. Одна из идей состояла в том, что дети по своей сути очень похожи на Адама, «полные замыслов» и «крайне испорченны от рождения». Рядом с подобными изображениями ребенка как «примитивного, нецивилизованного дикаря», появились соответствующие детям особенности, такие как невиновность, непорочность и привлекательность, которые сопровождают их сегодня.

В 1885 году, У. Т. Стед, убежденный пуританин и редактор «Pall Mall Gazette», популярной малоформатной бульварной газеты, начал публикацию серии статей о детской проституции в Лондоне викторианской эпохи, под заголовком «Первая дань современному Вавилону». Стед раскрыл перед читателем ад, полный садизма и секса, в котором дети постоянно покупались, продавались, насиловались развратными аристократами. Он писал свои статьи в духе пасмурной порнографической прозы, и хвастался тем, что за 5 фунтов купил на улицах Лондона тринадцатилетнюю нетронутую Лили.

Цикл его статей породил повсеместную истерию и массовый беспорядок. Парламент отреагировал на это поправками к уголовному законодательству с 1885 года, которые не только подняли возраст совершеннолетия с 13 до 16 лет, но и дали милиции полномочия сократить активность уличных проституток и содержателей публичных домов. Однако в скором времени Стед вместе с Жозефиной Батлер (учредительницей национальной женской ассоциации) и Екатериной Буз (из Армии спасения) признали виновными в насильническом похищении той самой Лили.

Роль ребенка

Очень важен вопрос и о роли самого ребенка. В свете традиционных наивных представлений про имманентную детскую «чистоту» и асексуальность, ребенок - лишь пассивный объект сексуальных посягательств взрослого.

На самом деле, некоторые рано созревшие дети самостоятельно склоняют взрослых к сексуальным контактам, иницируя приятные эротические игры, добиваясь соответствующих прикосновений и ласк. Иногда это делается несознательно, а иногда, в особенности подростками, абсолютно сознательно, поскольку это дает им неограниченную власть над старшими. Слово «совершение» не всегда правильно отражает характер таких отношений.

Субъективные реакции детей на сексуальный контакт со взрослыми также неоднозначны. 52% американских студентов восприняли этот опыт отрицательно, 18% - нейтрально и 30% - положительно. Прежде всего, реакция зависит от возрастного различия между ребенком и взрослым, от общего характера взаимоотношений между ними и от конкретной ситуации контакта. **Грубое насилие и причинения боли вызовут у ребенка страх и отвращение, тогда как эротическая игра, мастурбация, ласковые прикосновения к половым органам часто воспринимаются положительно.**

Причем если сексуальный контакт с родителями и другими взрослыми воспринимается как грубое нарушение правил, то секс со старшими братьями и сестрами или с товарищами, даже с применением принуждения, часто кажутся подросткам нормальной игровой активностью и не вызывают болезненных переживаний.

По данным ряда клинических исследований, некоторые женщины, которые в детстве были жертвами сексуального насилия или совершения, испытывают трудности в установлении интимных отношений с мужчинами, их сексуальные контакты лишены эмоциональной полноты и не приносят чувственного удовлетворения. Некоторые сексуально-травмированные дети, став взрослыми, отличаются пониженным самоуважением, гипертрофированными чувствами вины и стыда, чувством отчуждения от других, отвращением к прикосновениям, склонностью к пьянству и наркомании, высоким процентом самоубийств и склонностью к виктимизации - к тому, чтобы становиться жертвами любого рода неприятностей и злоупотреблений.

Однако эта зависимость не универсальна и не фатальна. Причинно-следственная связь между детским сексуальным опытом и более поздними невротами не доказана. Нередко это всего лишь ретроспективная рационализация неудовлетворенности собой и своей жизнью: «Я такая, потому что со мной так поступили». Другие женщины, которые пережили в детстве нежелательные сексуальные контакты, свободны от такой симптоматики.

Детская порнография - провокация педофилии

С момента принятия закона о запрете на детскую порнографию в Америке (1995) создание изображений, которые сколь либо напоминают детскую порнографию, стало незаконным, независимо от того, компьютерные ли это картинки, рисунки, граффити или изображения, созданные как-то иначе. **Этот закон полностью наделяет полномочиями обвинителя, относительно определения того, что есть невинным, а что пересекает эту неясную границу, за которой и родители, и художники неожиданно**

становятся извращенцами и принимают участие в преступлении, которое заслуживает долгих лет заключения.

Именно истерия по поводу детской порнографии является причиной арестов матерей, которые совершили преступление, с точки зрения ФБР, сфотографировав своих детей, играющих в ванной, и отдав пленку на проявку в местный магазин, где, как минимум, хотя бы его работники видели это запрещенное законом отклонение (приветы [Салли Манн](#) и [Тьерни Gearon](#)). Библиотека Ватикана обладает самой большой в мире коллекцией порнографического материала. Да и само ФБР стало главным поставщиком детской порнографии в Интернете. Однако у ФБР есть несомненное оправдание этого факта, которое заключается в том, что Бюро может таким образом отслеживать и арестовывать тех, кого привлекают подставные детские порносайты. Насколько же расплывчатой становится граница между провокацией извращения и самим извращением?

Вывод

На данный момент в обществе наблюдается настоящая паранойя, вызванная чрезмерным массированием случаев педофилии через средства массовой информации, изданием специальных брошюр о том, как необходимо вести себя детям с взрослыми и т.п. Избыточная информация о том, что детей соблазняют буквально все, - родители, родственники, учителя, тренеры, священники, даже сексотерапевты, - вызовет волну подозрительности и паники, которая отравит жизнь и взрослых и детей? Уже сейчас взрослый попадает под большое подозрение, когда общается с ребенком, и соответственно родители ребенка стараются запрограммировать свое чадо на отторжение любой доброжелательности со стороны взрослого человека. Да, конечно, «на бога надейся, сам не плошай», но не превратимся ли мы со временем в истеричных нервных шизофреников. Не выйдет ли, что родители, крайне напуганные информацией о вездесущих педофилах, станут избегать телесного контакта с детьми, от греха подальше? Это было бы реальной катастрофой, так как прикосновение – важнейший способ передачи эмоционального тепла, в котором человек вообще, и ребенок тем более нуждается особенно. Инцест и сексуальные посягательства на детей существовали всегда, никакая пропагандистская кампания их не уничтожит.

Таким образом, могу ответить на вопрос, который был поставлен в начале данной работы: Детская сексуальность - это не прихоть извращенных маньяков-педофилов, не гипотезы и не рассказы психологов и сексологов, а реальность, которую нужно научиться адекватно воспринимать, о которой необходимо говорить и на которой необходимо акцентировать внимание - родителей, учителей, всех, кто имеет дело с детьми. От этого зависит не только психологическое и сексуальное здоровье ребенка, но и здоровье общества в целом. Довольно уже воспринимать сексуальность как недостаток, как что-то запрещенное, греховное - это настолько же естественно, как и все другие процессы человеческого организма. Именно эта информация должна была бы массироваться в обществе всеми средствами массовой информации, а не факты очередных случаев педофилии и распространения порнографии.

Перевод с украинского Анатолия Ульянова

Иллюстрации: Mike Cockrill

Миф о похищении незнакомцами и сексуальных преступлениях против детей

Перевод с английского. [Оригинал](#). Автор текста - Линдсей Эшфорд

Введение

Следом за трагической смертью Карли Брусии в феврале мы стали свидетелями очередных законодательных усилий в попытках защитить других детей от такой печальной участи. Хотя предотвращение похищения и убийства детей является благородным мотивом, призванные решить эту проблему новые законы зачастую направлены совсем не туда куда нужно, потому что они не решают реальных проблем, приводящих к таким печальным событиям. Подобно "закону Меган" (о регистрации сексуальных преступников по месту жительства), маловероятно, что предлагаемый "закон Карли" сможет предотвратить похищения, кроме того, предлагаемые в нём меры очень похожи на наложение второго наказания за одно преступление. Более того, он полностью игнорирует тот факт, что похищение незнакомцем является чрезвычайно редким событием. Дабы предотвратить насилие, общество должно признать факт, что в подавляющем большинстве случаев сила против ребёнка применяется друзьями и членами его семьи, а не посторонними людьми.

Дискриминационное законодательство

В 1994 году ранее судимый за развратные действия человек, поселившийся в доме, напротив которого жила семилетняя девочка по имени Меган Канка, похитил, изнасиловал и убил её. За этим последовала волна народного гнева, а многие были просто шокированы самой возможностью, что такой опасный человек поселился и никто по соседству не знал об этом. Благодаря широкой общественной кампании, инициированной родителями девочки, были приняты законы по открытой публикации местонахождения судимых за сексуальные контакты с детьми. После этого подобное законодательство было принято в каждом штате США.

У этих законов есть несколько серьёзных недостатков. Во-первых, данное законодательство устанавливает [недопустимую в демократическом обществе] дискриминацию. Во-вторых, такая обязанность регистрации является вторым наказанием за одно и то же преступление. В-третьих, этот закон удобно игнорирует тот факт, что большинство сексуальных посягательств на детей совершается друзьями и членами семьи, а не посторонними людьми.

В современном гражданском обществе осуждённый преступник, вышедший на свободу из мест заключения, технически считается искупившим свою вину. Следовательно, по идее ему должно быть позволено жить дальше без какого-либо клеймения или гонений со стороны общества. Поэтому законы, обязывающие такого человека заявлять о своём местонахождении, чтобы люди, с которыми он живёт, могли знать о его криминальном прошлом, являются дискриминационными, а то и просто противоречащими конституции.

Хоть один человек, совершивший другие правонарушения, подвергается такой слежке и унижению со стороны общества? Множество других потенциально опасных людей, освободившихся из мест заключения, выходят на свободу без какого-либо требования регистрации. Если общество хочет знать о местонахождении людей, совершивших сексуальные посягательства на детей, почему же оно не настаивает на регистрации местонахождения убийц, насильников взрослых и других опасных преступников, у которых процент рецидива выше?

В то время как на 1000 детей приходится 0,0017 похищений незнакомцами с применением насилия в год, по данным Министерства Юстиции США за 2002 год количество краж со взломом составило 27,7, краж 122,3, а угонов автомобилей - 9 на 1000 человек в год.

В ноябре 2003 года Бюро судебной статистики Минюста США распространило пресс-релиз, по которому сексуальные преступники, освободившиеся в 1994 году в 43% случаев совершили новое преступление, но только примерно 3,3% из 4300 освободившихся, осуждённых за сексуальные отношения с детьми, были в течение трёх лет снова арестованы за аналогичное преступление. Следовательно, сексуальные посягательства на детей со стороны незнакомцев не только чрезвычайно редки, но и сами правонарушители не склонны к рецидивизму.

Миф об угрожающем масштабе похищений детей незнакомыми людьми

Любые убеждения, что такие законы позволят предотвратить похищения или убийства детей, являются абсурдными. В исследовании Национального статистического центра по здравоохранению США говорится, что за год 255 детей в возрасте от года до 19 умерли от гриппа и пневмонии, 452 ребёнка умерло от сердечно-сосудистых заболеваний, 1921 совершил самоубийство и 11560 погибло в результате несчастных случаев. Другими словами, у ребёнка в 2 раза больше шанс умереть от гриппа или пневмонии, в 4 раза больше - от сердечно-сосудистого заболевания, в 17 раз выше шанс совершения им самоубийства и в 100 раз больше вероятность умереть в результате несчастного случая, чем стать жертвой похищения данного вида (т.е. незнакомцем). Хотя шанс похищения ребёнка незнакомым человеком составляет 1 к 610000, шанс гибели в авиакатастрофе составляет 1 к 310000 (в два раза больше), вероятность гибели от удара молнии - 1 к 240000 (в 2,5 раза больше) а шанс для пешехода быть насмерть сбитым машиной составляет 1 к 47000 (в 13 раз больше).

Эта статистика показывает нам две вещи. Во-первых, если мы всерьёз решили бороться с похищениями детей, нам нужно исследовать основную группу потенциальных преступников - членов семьи ребёнка. Из 69000 случаев похищений, произошедших в 1999 году, 82% были совершены членами семьи. Ещё 11,3% совершены друзьями семьи или другими хорошо знакомыми ребёнку людьми. Раз так, то очевиден вывод, что в первую очередь нужно принять меры по предотвращению похищений со стороны членов семьи, что в целом является гораздо более серьёзной проблемой, чем такие же преступления, совершённые посторонними.

Во-вторых, из вышеприведённой статистики совершенно ясно, что есть куда более серьёзные причины смерти детей, чем похищения незнакомцами. Количество самоубийств среди несовершеннолетних в 16,7 раза больше, чем такого рода похищений. Из числа насильственных смертей среди детей, смерть при похищении незнакомцами составляют лишь 4,3%. Хотя предотвращение похищений и снижение числа случаев гибели детей от рук незнакомцев является желательным, куда более насущной задачей является работа над гораздо более распространёнными причинами смерти. Поиск причин самоубийств у подростков и способов их предупреждения, предотвращение других форм насильственной смерти детей, а также трагических несчастных случаев является более эффективным способом защитить их, чем принятие дискриминационного законодательства, такого как "закон Меган".

Миф о сексуальных преступлениях, совершаемых незнакомыми людьми

Общество столь заиклилось на похищении незнакомцами и на мифе о них как о главных источниках опасности, что полностью упускает из виду один неприятный факт: большинство сексуальных посягательств на детей совершается членами семьи и знакомыми. Обществу видимо проще найти козла отпущения, чтобы свалить на него вину за эти преступления, чем исследовать причину, почему дети в масштабах эпидемии подвергаются насилию со стороны своих собственных семей.

Однако статистика снова полностью опровергает этот миф. В исследовании сексуальных посягательств на детей, опубликованном в июле 2000 года Национальным центром ювенальной юстиции, значится, что 34,2% правонарушителей были членами семьи, а 58,7% - знакомыми ребёнка, в то время как незнакомые люди составили лишь 7%. В отношении детей более младшего возраста доля членов семьи составила 48,6%, когда жертвам было 0 до 5 лет, и 42,4% в отношении детей от 6 до 12 лет. Для этих возрастных категорий количество сексуальных посягательств, совершённых незнакомыми людьми составило 3,1 и 4,7% соответственно.

Но даже эта статистика не раскрывает всего масштаба проблемы дурного обращения с детьми в США. В сентябре 2003 года организация "Child Help USA" проанализировала данные из министерства здравоохранения США. В результате анализа получилось, что из всех случаев дурного обращения с детьми в 2001 году, сексуальные посягательства составили лишь 10%. Основными формами правонарушений были неисполнение родительских обязанностей (59%), включая необеспечение медицинской помощи и физическое насилие (19%). 81% всех правонарушителей составили родители ребёнка, а 59% были женщинами.

Вся эта масса свидетельств однозначно наводит на мысль, что корень проблемы надо искать у ребёнка дома. Только когда общество научится задавать себе неприятный вопрос, почему дурное обращение с детьми стало столь массовым и почему семьи, которые должны быть для детей островком безопасности, являются источником насилия по отношению к ним, только тогда оно сможет преодолеть эту эпидемию насилия. Пришло время для всех нас перестать искать козлов отпущения и посмотреть, наконец, в зеркало.

Что является причиной педофилии?

Перевод с английского. [Оригинал](#). Автор текста - Линдсей Эшфорд

Среди всех задаваемых мне вопросов, наиболее часто встречается такой: "как вы считаете, почему вы являетесь педофилом?". На самом деле я и сам нередко задаю себе этот вопрос. Однако, изучив результаты ряда научных исследований, я пришёл к выводу, что, к сожалению, никто на самом деле не знает ответа на него. Хотя на предмет возникновения педосексуальной ориентации существует целый ряд теорий, ни одна из них не была строго доказана. Неудивительно, что мой интерес вновь был подогрет на прошлой неделе, когда я прочёл результаты исследований канадских учёных, которые открыли, что мужчины, для которых дети являются основным объектом сексуальной привлекательности, гораздо чаще бывают левшами, по сравнению с показателем в среднем по населению. Сам будучи левшой, я счёл это открытие поразительным. Но на более глубоком уровне, гипотеза о неврологической составляющей педофилии заставляет нас подвергнуть сомнению распространённые теории о её происхождении. Более того, это предположение взывает к проведению дальнейших исследований и анализа.

В процессе проведения исследования на тему "леворукость в педофилии и гебефилии", учёные центра по маниям и психическому здоровью города Торонто обследовали 400 сексуальных преступников. Исследователи во главе с доктором Джеймсом Кантором при помощи фаллометрического тестирования выявили предпочтительный сексуальный объект каждого их участников, а также опросили их на предмет того, являются ли они левшами или правшами. Учёные обнаружили, что целых 30% тех, чей основной интерес составляют дети младше 12 лет, были левшами. Этот процент левшей в три раза выше по сравнению с цифрами в среднем по населению, а также по отношению к преступникам, совершившим сексуальные посягательства на взрослых. В результате исследования также была выявлена определённая связь между леворукостью и гебефилией - тягой к подросткам.

Хотя выводы этого исследования нельзя считать неопровержимым доказательством неврологической связи леворукости с педофилией, в нём безусловно присутствуют достаточно веские основания считать такую связь возможной. Джеймс Кантор и коллеги предположили, что какие-то неврологические факторы, возможно, присутствовавшие во время беременности, могут наряду с другими факторами способствовать развитию педофилии у человека. Если так и есть на самом деле, то необходимо проанализировать все основополагающие принципы, лежащие в основе современных методов "лечения" педофилов. И более того, классификация педофилии как девиации должна быть также пересмотрена.

И по этому поводу сам Кантор признаёт, что нужны дополнительные исследования. Вместо того, чтобы продолжать держаться старых стереотипов, возникших в основном по данным судебных и клинических источников, необходимо провести новые исследования данного вопроса. Уже сейчас проводятся удивительные исследования гомосексуализма, такие как эксперименты доктора Чарльза Розелли, которые он проводит на овцах в штате Орегон. При помощи своих исследований доктор Розелли пытается найти связь между гормональным фоном во время беременности и тягой к своему полу у взрослых особей. Управляя гормонами овцы он стремится вывести гомосексуальных баранов. Дальнейшим развитием подобных исследований мог бы быть поиск связи между уровнем гормонов и педофилией, а также другими девиациями. Австрийские учёные недавно открыли, что одна единственная генетическая мутация приводит к тому, что самки фруктовой мухи выбирали для размножения партнёров женского пола. Кроме того, шведские исследователи выяснили, что мужские феромоны воздействуют на определённые участки головного мозга гомосексуалистов, в то время как аналогичные женские феромоны не оказывают никакого влияния.

В настоящий момент настоящим препятствием к проведению подобных исследований является страх многих учёных обращаться к данной теме. Доктор Розелли отмечает, что наибольшее количество интересных исследований гомосексуализма проводится в Европе, в то время как американским учёным просто невозможно получить гранты на их проведение. Несмотря на то, что гомосексуализм был признан во многих частях американского общества, повешенное на него клеймо ещё в немалой степени сохранилось из-за возможности религиозной части правого крыла заставить многих спонсоров опасаться финансировать подобные исследования. Если уж трудно найти финансирование для изучения гомосексуализма, будет ещё сложнее найти его для исследований педофилии. И действительно, есть множество примеров, когда учёных подвергают преследованиям за публикации, якобы агитирующие "за педофилию". Наиболее заметной в этом отношении была работа докторов Райнда, Тромовича и Баузермана, вышедшая в 1998 году под названием "Мета-аналитическое исследование предполагаемых характеристик сексуальных посягательств на несовершеннолетних на основе данных по учащимся колледжей". В последние годы под огонь критики попала писательница Джудит Левин за книгу "Опасно для несовершеннолетних" и профессор Харрис Миркин за труд "Образ сексуальной политики: феминизм, гомосексуализм и педофилия".

Риск в проведении исследований состоит в том, что получение ясного ответа на вопрос о причине педофилии может привести к попыткам найти "лекарство" или заранее предотвращать само её возникновение. Если будут выявлены гормональные причины, некоторые могут предложить меры дородовой "гормональной терапии", дабы предотвратить данное явление как таковое. У человеческого эмбриона могут быть обнаружены генетические предпосылки и будет приниматься решение что с ним делать дальше. Очень интересно будет посмотреть, как это воспримут "религиозные правые", жёстко возражающие против генной инженерии и планирования семьи, когда станет ясно, что имеется возможность ещё до рождения "уничтожить" или "излечить" то, что они считают величайшим злом. Действительно ли приближаются времена, когда нас будут обследовать с целью обнаружения "гена педофилии" и уничтожать или вмешиваться в его действие ещё до того, как он начнёт проявляться? Решит ли общество, что вся возможная польза генетических или гормональных причин, которые порождают педосексуальные желания, не перевешивает оцениваемый вред от присутствия педофилов в обществе, по сути, вынося нам смертный приговор ещё до рождения? Постигнет ли нас истребление обществом, которое предпочтёт безопасность и послушание, идущее от этического единообразия, неопределённости, порождённой различиями между людьми? Судя по всё растущему желанию единообразия вместо оригинальности, которое мы замечаем во множестве аспектов американского общества, будущее действительно выглядит мрачным.

Является ли педофилия отклонением?

Перевод с английского. [Оригинал](#). Автор текста - Линдсей Эшфорд.

Один изучающий социологию студент недавно рассказал мне, что в среде социологов широко распространено отношение к педофилии как к психическому отклонению. К этому я могу также добавить, что и Американская психиатрическая ассоциация в своём руководстве по диагностике заболеваний DSM-IV считает педофилию одной из парафилий, то есть ненормальным сексуальным поведением или расстройством. Исходя из этого я хотел бы привести свои соображения.

Во-первых, психология и социология совсем не являются точными науками. Работа специалистов в этих областях заключается в наблюдении за поведением, выявлении моделей поведения, а также классификации и выявлении причинных факторов, связанных с конкретным поведением. Хотя и возможно использовать методы статистики для обнаружения тенденций в поведении, они не способны неопровержимо доказать предлагаемые социологами теории.

Более того, поскольку эти науки не являются точными и подвержены переменам, терминология и заключения, даваемые учёными, могут испытывать влияние общественного мнения. Педофилия до сих пор считается отклонением. Однако, если мы вернёмся всего на несколько десятилетий назад, в 20 век, то увидим, что гомосексуализм тогда тоже считали психическим отклонением. Наиболее важно то, как определяется девиация, т.е. поведение, идущее против норм и ценностей общества. Поскольку общество само по себе переменчиво, взгляд на то, что считать отклонением, также изменяется со временем. Из истории мы видим, что великое множество форм поведения, которые сейчас считаются вполне приемлемыми, в прошлом считались ненормальными. В качестве примера можно привести секс до брака и вне брака, право голоса для женщин, свободу вероисповедания, протестантизм, демократию, профсоюзы и прослушивание рок-музыки. Хотя и не всё из этого списка было официально объявлено социологами ненормальным поведением, такое отношение было распространено в обществе и эти поступки подвергались открытому клеймлению.

Чаще всего люди высмеивают различные виды нестандартного поведения по причине ошибочного понимания или культурных предрассудков. С течением времени большинство вышеперечисленных поступков стали приемлемыми благодаря развитию образования и большей терпимости. С развитием науки и научных знаний было установлено, что множество культурных предрассудков, которых мы ранее придерживались, являются безосновательными. Многие из того, что мы ранее не понимали, теперь стало ясным, и это позволило лучше понимать окружающий нас мир и точнее распознать суть происходящего.

Ещё одним способом оценки поведения как ненормального является наличие противоречий естественному порядку. Студент-социолог рассказал мне, что по этому определению секс с девочками до подросткового возраста считается отклонением, поскольку он не может привести к продолжению рода (поскольку девочка ещё не достигла половой зрелости и не может забеременеть). На этот счёт я могу сделать два замечания. Во-первых, я не призываю к сексу с проникновением между взрослыми и детьми, не достигших половой зрелости. Причина в том, что тело ребёнка в этом возрасте ещё не готово к половому акту и я ни при каких условиях не призываю к совершению действий, способных нанести ей/ему серьёзные травмы. Хотя я и выступаю за сексуальные отношения между взрослыми и детьми, у них есть достаточно таких форм интимных отношений, которые приятны обоим участникам и не включают в себя проникновение. Во-вторых я хочу отметить, что, хотя подобный секс по вышеприведённому определению может быть сочтён ненормальным, то и великое множество других распространённых форм сексуального поведения, таких как мастурбация, анальный и оральный секс, также следует считать отклонением. Следовательно, я считаю, что это второе определение ненормального поведения не должно применяться к сексуальной сфере, поскольку основной причиной, по которой люди вступают в сексуальные отношения, является удовольствие, а не размножение.

Почему отношения между подростками и взрослыми противозаконны?

Перевод с английского. [Оригинал](#).

Уважаемые господа д-р Волак, д-р Финкельхор и д-р Митчелл,

в 2004 г. вы опубликовали научную статью, в которой подробно описали особенности возникновения и развития сексуальных связей между взрослыми и подростками, которые они завязывают, знакомясь через Интернет. Факты, которые вы выявили в этом исследовании, озаглавленном «*Сексуальные преступления против несовершеннолетних с использованием Интернета: возможные меры профилактики по результатам исследования на основе общенациональной выборки*», опровергают распространенные в обществе заблуждения. Вопреки укоренившемуся представлению, что взрослые заманивают подростков в «сексуальные ловушки» путем обмана, ваше исследование демонстрирует, что обычно это не так. Напротив, из него следует, что большинство подростков, вступая в отношения со взрослыми, прекрасно осознают, что эти отношения будут иметь сексуальный характер. Более того, из него явствует, что секс не травмирует подростков настолько, насколько их травмируют те драматические события, которые разыгрываются в результате раскрытия этих связей другими взрослыми. В самом деле, 73% подростков в вашем исследовании встречались со своими взрослыми любовниками неоднократно, 59% - три или более раз.

Однако, несмотря на эти факты, вы пришли к заключению, что требуется улучшение просвещения подростков с целью донести до них всю опасность и рискованность таких связей. В частности, вы пишете, что подростки должны понимать, что в результате их же действий их любовники могут угодить в тюрьму, а подробности отношений - оказаться предметом судебного разбирательства. Также вы указываете на то, что участие в подобных связях может увеличить риск для других подростков - и это несмотря на то, что вы же сами обнаружили, что взрослые редко используют в отношениях с подростками насилие или обман. Вызывает недоумение тот факт, что вы позволили себе роскошь морализировать и спекулировать в работе, которая в остальном безупречна в своей объективности и методологии. Какая была необходимость в том, чтобы, противореча самим себе, в качестве главного риска называть раскрытие отношений и уголовное преследование взрослого? Если многие подростки охотно вступают в такие отношения и получают от них удовлетворение, почему эти отношения считаются противозаконными? Почему бы, вместо того чтобы пытаться «профилактировать» и запрещать такие отношения, не задуматься над вопросом, почему и зачем вообще существуют подобные запретительные законы?

Обман не является фактором

Массовое сознание представляет себе «интернетных хищников» как обманщиков, заманивающих своих жертв путем сокрытия своих истинных мотивов и возраста. Ваш доклад полностью опровергает этот миф. Вы установили, что взрослые в вашем исследовании совершенно открыто говорили на сексуальные темы, поднимая их в 80% случаев. Лишь 21% из них пытались скрыть свой сексуальный мотив. Учитывая разницу в возрасте между многими из них и подростками, они были в общем и целом весьма откровенны и в отношении своего возраста. Всего 5% из них притворялись несовершеннолетними. Более распространенным видом обмана (25%) было занижение своего возраста, который тем не менее назывался ими как значительно более старший, чем возраст подростков, при том, что они прекрасно знали, что общаются с несовершеннолетними. Из подростков только 9% притворялись взрослыми.

Принуждение не является фактором

В 76% исследованных вами случаев общение через Интернет заканчивалось личными встречами. Несмотря на разницу в возрасте, личные встречи подростков не отпугнули. Вместо этого в 93% случаев состоялись те или иные виды сексуальных контактов. Хотя 46% первых встреч происходили в публичных местах, обычно их юные участники выражали готовность продолжать общение в более уединенной обстановке. Целых 83% охотно совершили автомобильную поездку со взрослым, 41% процент из них остались у него на ночь.

Первые встречи не травматичны

Логично предположить, что если бы первые встречи были для подростков неприятны или травматичны, они не согласились бы на последующие встречи. Однако из вашего доклада следует, что подавляющее большинство из них предпочли продолжать отношения: 73% явились на второе свидание, 13% имели по два свидания, 39% - по три или более, каждый пятый даже переселился к своему взрослому любовнику

на некоторое время.

Ухаживание является фактором

Вопреки расхожему стереотипу, что взрослых в таких отношениях интересует исключительно секс, ваше исследование свидетельствует об обратном. Только в 27% случаев личная встреча произошла в течение первого месяца после первоначального знакомства по Интернету, зато почти в половине случаев (48%) - через 1-6 месяцев переписки. 47% взрослых давали подросткам деньги или подарки. Целых 50% подростков заявили, что влюблены в этих людей или испытывают к ним глубокую симпатию. Уже тот факт, что почти три четверти подростков после первого свидания пришли и на последующие, говорит о том, что взрослым в этих отношениях удалось сформировать нечто большее, чем некую эгоистическую сексуальную связь.

Анализ

Когда видишь, что ваш анализ и выводы находятся в вопиющем противоречии с теми же представленными фактами, хочется задать вам несколько вопросов по поводу некоторых из ваших высказываний:

Большинству виновных потребовалось некоторое время, чтобы выстроить отношения с жертвой. 64% из них поддерживали общение со своими жертвами в течение месяца или более длительное время.

Такая модель поведения ничем не отличается от обычного «ухаживания по Интернету», происходящего между двумя взрослыми или между двумя подростками. Что же в ней такого, что делает выстраивание отношений чем-то дурным, и свидетельствует ли что-либо о том, что отношения со взрослыми вредны для подростков?

Итак, сексуальные преступления с использованием Интернета были направлены против подростков, слишком молодых, чтобы дать согласие на секс, которых респонденты описывали как влюбленных в лиц, совершивших эти преступления, с которыми жертвы познакомились по Интернету, или как близких этим лицам.

Почему подростки считаются неспособными дать согласие на секс? Очевидно, что подростки в вашем исследовании приняли решение заняться сексом, причем не сиюминутное, а созревшее у них в течение определенного периода времени. Почему их согласие считается недействительным? В чем вред влюбленности? Если подростки испытывают в этих отношениях подлинную любовь, в чем смысл запрета на них? Свидетельствует ли что-либо о том, что взрослые в этих отношениях менее искренни, чем были бы на их месте другие подростки?

Это были ненасильственные преступления, совершенные мужчинами, которые были значительно старше своих жертв. Жертвы знали, что имеют дело со взрослыми, имеющими к ним сексуальный интерес. Продолжительность и разнообразие посланий, которыми они обменивались друг с другом, а в большинстве случаев и неоднократные личные встречи свидетельствуют о том, что многие жертвы рассматривали свое взаимодействие с этими людьми как некую форму желанных отношений.

Опять-таки, не понятно, почему эти отношения считаются вредными. Кроме тех событий, которые разыгрывались в результате раскрытия этих отношений, и возможной необходимости их скрывать, что в этих желанных для подростков отношениях причинило им вред? Представленные вами факты говорят о том, что даже младшие подростки прекрасно способны понимать динамику любовных отношений и решать самим, чего они желают. Почему же вы призываете к «профилактике» таких отношений, поддерживая соответствующие законы?

Хотя они, несомненно, манипулировали подростками целым рядом способов, лица, совершившие эти преступления с использованием Интернета, в общем и целом не вводили своих жертв в заблуждение относительно своего значительно старшего, взрослого возраста и желания

вступить в сексуальные отношения. Жертвы обычно знали об этом еще до первой встречи с ними.

[подчёркнуто мой - L.A.]

Где у вас свидетельства этой «несомненной манипуляции» со стороны взрослых? Что это за «целый ряд способов» манипуляции, какие именно это способы? Отличаются ли эти «манипулятивные» способы от способов обычного ухода, применяемых взрослыми ко взрослым или подростками к подросткам? Есть ли какие-либо свидетельства, дающие основания полагать, что подростки не могли справиться с этими способами или сами не ухаживали за взрослыми?

Эти данные говорят о том, что серьезную проблему для профилактики представляет собой популяция подростков, готовая по собственной воле вступить в сексуальные отношения со взрослыми, знакомясь с ними через Интернет.

Если это так, чем думать о «профилактике», не лучше ли было бы попытаться разобраться, почему подростки стремятся к отношениям со взрослыми? Не было бы разумнее задуматься об обоснованности и осмысленности законов о возрасте согласия? Не дискриминируют ли эти законы тех подростков и тех взрослых, которые стремятся друг к другу?

Одним из способов профилактики могло бы быть непосредственное просвещение подростков о том, почему такие отношения крайне опасны и нежелательны. Подростки могут не вполне задумываться о том, что взрослые, вступая в сексуальные отношения с ними, совершают преступление и могут попасть в тюрьму. Они, вероятно, и не представляют себе, насколько широкая огласка и публичное «копание в грязном белье», обычно сопровождающие раскрытие подобных отношений, могут поломать их собственную жизнь.

Получается, что самый сильный аргумент из выдвигаемых вами против такого рода отношений основан исключительно на внешних факторах, являющихся не частью самих отношений, а лишь результатом законодательства, объявляющего эти отношения преступлением. С другой стороны, ваше исследование показывает, что подростки, вступающие в такие отношения, сами желают их. Если это так, не следует ли устранить эти внешние негативные факторы, чтобы подростки и взрослые могли вступать в желанные для них и других отношения, не боясь вторжения этих негативных факторов?

Им будет полезно понять те способы манипуляции, к которым прибегают взрослые преступники, а также тот факт, что те взрослые, которым не безразлично благополучие подростков, не предлагают им секс и не приглашают на рискованные свидания.

В вашем исследовании ничто не свидетельствует о том, что имел место какой-либо обман или манипуляция. На каком основании вы делаете вывод о манипулятивном характере этих отношений? На чем основано ваше утверждение, что заботливые взрослые никогда не могут быть заинтересованы в сексуальных отношениях с подростками? Являются ли свидания между ними рискованными лишь из-за внешних факторов? Если это так, не следует ли усомниться в целесообразности существования этих внешних факторов?

Им следует знать, что переписка со взрослыми, вышедшими в Интернет, чтобы пожить с подростками, поощряет преступников и подвергает опасности других подростков, даже если отношения данного конкретного подростка с данным конкретным взрослым и не выходят за рамки общения по Интернету.

Где доказательства, что такие отношения подвергают подростков опасности? Из вашего доклада следует, что опасность для подростков в таких отношениях почти целиком состоит в возможности их раскрытия. Может быть, влюбляться опасно?

Помимо отслеживания нездоровых контактов со взрослыми в Интернете, родителям и профессионалам, работающим с детьми, необходимо обсуждать с ними истинную реальность и неразумность таких контактов.

Что в этих контактах такого нездорового и неразумного, кроме внешних факторов? Что за «реальность» необходимо обсуждать? Что многие подростки охотно вступают в них, желают их и наслаждаются ими? (Такое обсуждение едва ли окажет должный профилактический эффект.)

Дальнейшие исследования природы и особенностей Интернет-знакомств вообще позволят качественно отличить здоровые знакомства от нездоровых, чтобы лучше профилировать вторые, не мешая завязыванию и развитию первых.

Каковы должны быть критерии «здоровых» и «нездоровых» знакомств? Будут ли они основаны на том, что на самом деле полезно и желанно для подростка, или же на том, не нарушают ли эти знакомства внешних ограничений, таких, как законы о возрасте согласия?

Нам также необходимо произвести оценку того виктимизирующего эффекта, который ненасильственные сексуальные преступления оказывают на подростков. Преступления с использованием Интернета, особенно совершенные против наивных подростков, могут включать в себя элементы проецирования и измены, которые усугубляют причиняемый им вред.

Есть ли какие-либо свидетельства того, что подросток, вступивший в отношения со взрослым, подвергается большему риску разочарования или измены, чем подросток, вступивший в отношения со сверстником? Говорит ли что-либо в пользу наивности этих подростков? Судя по вашему исследованию, подростки достаточно продвинуты, чтобы самостоятельно принимать такие решения.

Заключение

Из вашего исследования напрашивается вывод, что основным фактором риска в сексуальных отношениях взрослых с подростками является возможность их раскрытия другими взрослыми, в результате которого о них становится известно полиции, взрослого любовника арестовывают, отношения предаются огласке, а их подробности становятся предметом разбирательства в суде. Иными словами, почти весь возможный вред от таких отношений является результатом их неприятия обществом, а также законов, которые оно приняло, чтобы препятствовать таким отношениям. Более того, хотя эти законы существуют якобы для того, чтобы защищать несовершеннолетних от взрослых «хищников», единственное, в чем они преуспели, - в криминализации добровольных и взаимно полезных любовных отношений подростков со взрослыми. Что нам действительно необходимо - это исследование негативных последствий применения законов о возрасте согласия для самих подростков, а также того, как скандальная реакция общества на раскрытие таких отношений причиняет подросткам вред и наносит им душевные раны.

С совершенным почтением, Линдсей Эшфорд

Оргазм у детей

Многие противники педофилии аргументируют свою позицию тем, что секс допустим не раньше, чем произойдет половое созревание. Они считают, что именно возраст полового созревания предначертан самой Природой как благоприятный для начала половой жизни. Такая аргументация что-то бы значила, если бы у секса была исключительно детородная функция. Но уже у высших животных, а, тем более, у человека, секс – нечто большее, чем размножение. Секс имеет огромное социальное и психологическое значение. И сексу *надо учиться*.

Возраст, благоприятный для начала половой жизни, это тот возраст, начиная с которого человек способен откликнуться на сексуальную ласку и испытывать сексуальное удовлетворение. Итак, с какого же возраста люди могут испытывать оргазм?

У многих современных подростков первый оргазм случается где-то между 10 и 14 годами, в процессе осознанной мастурбации. Но это не отвечает на наш вопрос. Нас интересует, с какого возраста ребенок в *принципе* способен к достижению сексуального удовлетворения. Есть ли такая способность у восьмилетнего ребенка? А у пятилетнего?

Оказывается, ответ положительный.

Заметим, что в настоящее время какие бы то ни было научные исследования данного вопроса просто не возможны, так как любая попытка довести ребенка до оргазма является уголовным преступлением. Конечно, есть масса людей, которые наверняка знают ответ на интересующий нас вопрос. Некоторые из них сидят в местах не столь отдаленных, а остальные помалкивают, не желая туда попасть. Получается, что у нас нет никакой информации? Это, к счастью, не так.

Альфред Чарлз Кинси (1894 - 1956) – американский биолог, профессор энтомологии и зоологии, основатель института по изучению секса, пола и воспроизводства при Индианском университете в Блумингтоне, носящего сейчас имя Кинси. О Кинси говорят, что он «сделал для секса то, что сделал Колумб для географии».

Кинси проводил собеседования на тему сексуальной жизни с тысячами мужчин и женщин, живущих в США. Свои результаты он опубликовал в двух книгах: «Сексуальное поведение мужчины» и «Сексуальное поведение женщины». Несмотря на то, что Кинси и его коллеги ограничивались описанием сексуального поведения человека, не давая при этом никаких нравственных или медицинских оценок, их книга вызвала суровую критику в методологическом и моральном плане. Престижный журнал «Лайф» счел ее «атакой на семью как основную ячейку общества, отрицанием моральных принципов и прославлением распущенности». Служители церкви и педагоги называли материалы Кинси аморальными, направленными против семьи и даже имеющими коммунистическую окраску. Тем не менее, в последствие все результаты Кинси стали общепризнанными.

Кинси сам наблюдал оргазм у пятимесячных мальчиков. Но откуда мы знаем, что младенец в столь нежном возрасте действительно испытывает то, к чему можно применить термин оргазм? Только из наблюдений за поведением ребёнка. Вполне обоснованное заключение об оргазме у мальчика четырёх месяцев раз и навсегда закрывает вопрос о сексуальности младенцев.

Женщины, при определённых обстоятельствах опережающие мужчин по частоте оргазмов, опережают их и по возрасту, в котором они способны впервые его испытывать. Следует ожидать, что по некоторым показателям развитие девочек будет опережать развитие мальчиков. Например, специалисты, занимающиеся изучением этих проблем, считают, что девочки раньше начинают говорить. Они также способны раньше испытать первый оргазм. В обследовании, проведённом Кинси, была описана девочка, которая испытала первый оргазм в возрасте всего лишь четырёх месяцев. Кроме того, у Кинси [имеется описание](#) оргазма трёхлетней девочки:

Лёжа лицом вниз на кровати с поджатыми коленями, она начала ритмично двигать тазом с интервалом между толчками не более одной секунды. Толчки совершались исключительно одним тазом, ноги же оставались напряжёнными и совершенно неподвижными. Толчки вперёд подчинялись чёткому плавному ритму с мгновенными паузами, во время которых гениталии занимали новое положение относительно куклы, к которой они были прижаты; возврат назад после каждого толчка был судорожным, конвульсивным. Всего было сделано 44 толчка в ровном ритме, потом, после мгновенной паузы, ещё 87 толчков, снова небольшая пауза, затем 10

толчков, и, наконец, прекращение всяческого движения. Была заметна сильная сосредоточенность и ускоренное дыхание, сопровождаемое резкими содроганиями в момент достижения оргазма. Она была полностью отключена ото всего на последних стадиях её занятия. Глаза её блестели, а взгляд был отсутствующим и устремлённым в никуда. После оргазма наблюдались сброс напряжения и расслабление. Повторные движения начались две минуты спустя — сериями в 48, 18 и 57 толчков с мгновенными паузами между сериями. С нарастанием возбуждения стали явно слышны придыхания, но как только движения тазом прекратились, последовало полное расслабление, и с этого момента движения стали бессистемными.

Кинси также приводит и детальное описание оргазма у мальчиков-младенцев:

Оргазм маленького мальчика — точная копия оргазма взрослого, за исключением отсутствия эякуляции. Такое поведение характеризуется серией постепенных физиологических изменений, появлением ритмичных движений тела с четко выраженной пульсацией пениса и тазовыми толчками, явным изменением чувствительности к внешним раздражителям, финальным напряжением мышц (в особенности — живота, бедер и спины), а также внезапным расслаблением, сопровождающимся судорогами (включая ритмичные сокращения ануса). После этого все симптомы исчезают. Под воздействием сексуальной стимуляции капризный малыш успокаивается, отвлекается от других занятий, начинает ритмично двигать тазом, напрягается по мере достижения критической точки, и его тело охватывает судорога. Нередко он совершает неистовые движения руками и ногами и иногда кричит в момент кульминации.

Более подробную информацию о детской сексуальности вы можете найти в публикации ["Сексуальное поведение маленьких детей"](#).

Сексуальная революция Вильгельма Райха

Сексуальная революция в исполнении Вильгельма Райха
(отрывок из книги Андрея Курпатова "[5 великих тайн мужчины и женщины](#)")

Райх был первым клиническим ассистентом Фрейда и вице-директором его клиники. Он возглавлял первый учебный институт психоанализа, создал первые клиники сексуальной гигиены для малоимущих. Он сделал еще немало других дел, достаточных для того, чтобы без труда войти в историю, но... Он пытался соединить несоединимое – учение Маркса с теорией Фрейда. Райх настаивал: достижение истинных человеческих ценностей невозможно до тех пор, пока общество больно неврозом, а человек находится не в ладах со своей сексуальностью, т. е., по словам самого Райха, «до тех пор, пока он не способен к полноценному переживанию оргазма». Вследствие этой своей убежденности Райх и был со скандалом исключен как из коммунистической партии Германии, в которой находился какое-то время на высших, руководящих постах, так и из Международного психоаналитического движения.

Задолго до Второй мировой войны, работая со своими пациентами, **Райх выясняет, что если человек научится испытывать полноценный оргазм (а оргазм по Райху – это о-го-го!), то улучшится не только его душевное состояние, но и наладится работа всего организма, а кроме того, человек станет более открытым, честным, порядочным и добросердечным. Это ли не идеал?..** Но сколько на пути его достижения стоит препятствий! И прежде всего, мораль, ханжеская сексуальная культура, брак, отсутствующее половое воспитание подрастающего поколения. Как вы, наверное, догадываетесь, с подобными утверждениями не могли согласиться ни поверхностные марксисты, ни слишком щепетильные психоаналитики.

В 1933 году, задолго до того, как сексуальная революция захлестнет Запад, Райх пишет книгу, которая так и называется: **«Сексуальная революция»**. Он разоблачает в ней все социальные институты, включая и принудительный брак, регулируемый церковью и государством. Принудительный брак, по мнению Райха, особенно препятствует естественному функционированию человеческой сексуальности, являясь, таким образом, главным препятствием к открытости, честности, порядочности и добросердечности конкретного человека. Именно эти человеческие качества должны были стать итогом «сексуальной революции по Райху». И не его вина в том, что этого не произошло, ведь он не был революционером — он был ученым, врачом и в каком-то смысле слегка сумасшедшим проповедником. Тогда же, в 30-е годы, Райх открывает некую энергию, которую называет «энергией оргона». По мнению Райха, оргон является частью универсальной природной энергии, которая управляет человеческим организмом и его эмоциями. Райх (так ему, по крайней мере, казалось) научился высвобождать энергию оргона посредством своей терапии. Проще говоря, Райх лечил неврозы, обучая человека полноценному оргазму, в момент которого энергия оргона, если верить этому великому бунтарю, и дает себя знать. Райхом были созданы даже специальные аккумуляторы оргонной энергии. Кстати, он показал их, вы не поверите, Альберту Эйнштейну! И судя по всему, тот одобрил его работу. Но у Райха всегда было больше завистников и врагов, нежели сподвижников и доброжелателей, поэтому контакты с Эйнштейном оказались прерваны.

С 1939 года Райх жил в США. В 1954 году он вошел в конфликт с лекарственно-пищевым управлением этой сверхдержавы из-за своего «аккумулятора оргонной энергии». Оргонные аккумуляторы, а также большинство книг и журналов Райха были запрещены. Но Райх, следуя своему духу исследователя и ученого, понимает, игнорировал наложенные на его деятельность ограничения. В конце концов он был обвинен в неуважении к суду и заключен в тюрьму. Кроме того, были сожжены все его работы, относящиеся к аккумулятору оргонной энергии.

Райх умер от сердечного приступа в 1957 году в федеральной тюрьме США. В литературе вы найдете самую разнузданную критику его работ по энергии оргона. Но ни в одной научной публикации нет опровержения его поистине фантастических экспериментов. Кто знает, может быть, в загадочном приборе Вильгельма Райха, который нам никогда не суждено испытать, таилось нечто, что могло принести человечеству счастье? Кто знает?..

Сексуальная революция
(отрывок из "[Популярной психологической энциклопедии](#)" С. Степанова)

Теория Райха и его попытки воплотить ее в жизнь пришлось не по вкусу как его коллегам-психоаналитикам, так и товарищам по партии. Почти одновременно он был исключен из Психоаналитической ассоциации и из компартии. И все последующие годы проповедник сексуальной революции претерпевал сплошную череду гонений и лишений и в середине просвещенного XX вв. кончил жизнь в захолустной американской тюрьме.

Отчего же и марксисты, и фрейдисты так ополчились на своего соратника? Все дело в том, что сама идея сексуальной революции абсолютна чужда и тем, и другим.

Вопреки обывательскому мнению, фрейдистский психоанализ – вовсе не апология сексуальности, но ее критика. Фрейд писал: "Психоанализ освобождает невротика от оков сексуальности", имея при этом в виду отнюдь не сексуальное раскрепощение. Вся процедура психоанализа направлена на осознание глубинных комплексов с целью избавления от них. Бессознательные влечения, сексуальные по своей сути, должны быть преодолены, а их энергия – сублимирована, то есть направлена в полезное, приемлемое русло.

Коммунистам идея освобождения сексуальности явно претила. Авторитарному обществу свободная сексуальность оказалась противопоказана, ибо сексуальность по природе своей индивидуальна, а индивидуальность неподконтрольна. Советская идеология в этой сфере, по существу дела, оставалась на протяжении десятилетий сугубо фрейдистской. Хотя упоминать о самом Фрейде и его идеях считалось дурным тоном, принцип сублимации половой энергии фактически был поднят на щит. Если почитать ["Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата"](#), написанные Ароном Залкиндом еще в начале 20-х, становится понятно, отчего в нашей стране "не было секса". Сам Залкинд, в дореволюционные годы активно увлекавшийся фрейдизмом, впоследствии поспешно отошел от вышедшего из моды учения и даже публично каялся в прошлых заблуждениях, однако фактически сохранил приверженность фрейдистской доктрине. Согласно его тезисам утоление половых нужд не должно отвлекать революционный пролетариат от исполнения его исторической миссии, классовые интересы должны преобладать. Соответственно должен осуществляться и половой подбор – исходя из принципов классовой, революционной целесообразности. Причем общество вправе даже вмешаться, если индивид допускает ошибку в своем выборе. Куда уж там Райху с его свободной любовью! Секс, по Залкинду, допустим в умеренных (читай – весьма скромных) количествах в моногамном браке ради того, чтобы дать жизнь новым пахарям и воинам во имя мировой революции. Так, по Залкинду, мы и жили 70 лет.

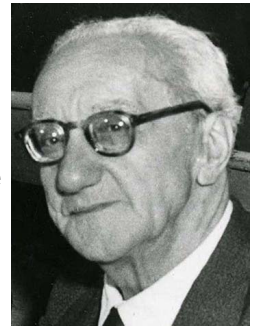
Отрывор из ["Сексуальной революции"](#) Райха

Последовательное устранение генитальных препятствий и страхов дает больному способность к совершенному – вплоть до оргазма – удовлетворению, к обретению подходящего партнера. В этом случае наблюдаются, как правило, значительные и во многих случаях ошеломляющие изменения общего поведения больного. Важнейшими среди этих изменений являются следующие:

- если прежде все поведение и мышление больного находилось под более или менее острым и тормозящим влиянием бессознательных, иррациональных мотивов, то теперь все более расширяется его возможность реагировать не в соответствии с несознательными, иррациональными мотивами, а согласно причинам, порождаемым действительностью. Например, в ходе этого процесса утрачиваются сами, без "воспитания" больного, склонность к мистицизму, религиозность, несамостоятельность, суеверия и т.д.
- если прежде больной был жестко изолирован, не имея контакта с самим собой и своим окружением или обладая только запасными функциями неестественного характера, то теперь он все более приобретает способность к непосредственному контакту как со своими инстинктами и потребностями, так и с миром. Следствием этого процесса является ясно видимое формирование непосредственного, естественного поведения вместо прежнего неестественного.

Александр Нилл - Воспитание свободой

[Александр Нилл](#) – классик педагогики 20 века. Его часто называют философом педагогики, хотя профессиональным философом он, конечно, не был – он просто хотел создать (и создал) школу [Саммерхилл](#), которая решительно противостояла традиционной системе образования. В обыкновенной школе Нилла возмущала сама идея "главное – знания"; он говорил о том, что заурядная школа не обращает внимание на самое главное: все на свете греческие языки, математики и истории не помогут сделать семью более любящей, детей – свободными от подавления, а родителей – свободными от неврозов. Александр Нилл писал:

Я полагаю, что ребенок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, оставить безо всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьется настолько, насколько способен развиваться.

Школа, настаивал Нилл, должна обеспечивать детям свободу быть самими собой, – в Саммерхилле он отказался от всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления. Успехи учеников оказались потрясающими.

ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ К СЕКСУ

(отрывки из 3-й главы книги Александра Нилла "[Саммерхилл - воспитание свободой](#)")

В самом раннем детстве ребенок узнает, что секс – это великий грех. Родители строжайшим образом наказывают всякое нарушение сексуальных запретов. Люди, которые бранят Фрейда за то, что он «во всем видит секс», – именно они рассказывают сексуальные анекдоты, слушают их и смеются над ними. Всякий, кто побывал в армии, знает, что ее язык – сексуальный язык. Чуть ли не все любят читать скабрзные отчеты о разводах или преступлениях на сексуальной почве в воскресных газетах, и большинство мужчин с удовольствием пересказывают своим женам истории, услышанные в мужских клубах.

<...>

Осуждение взрослыми сексуального интереса в ребенке лицемерно и притворно. Это осуждение – проекция, перебрасывание своей вины на других. Родители строго наказывают за сексуальные проступки, потому что сами насущно, если не сказать – нездорово, заинтересованы в таких проступках.

<...>

Секс лежит в основе всех негативных отношений в жизни. Дети, не имеющие чувства вины в отношении секса, никогда не обращаются ни к религии, ни к какой-либо мистике. И хотя секс и считается великим грехом, дети, свободные от сексуального страха или стыда, не нуждаются в Боге, которого можно было бы просить о прощении или милости, потому что они не чувствуют себя виноватыми.

Когда мне было 6 лет, мы с сестрой обнаружили друг у друга гениталии и, естественно, играли друг с другом. Застигнутые матерью, мы были жестоко выпороты. Меня к тому же на долгие часы заперли в темной комнате, а потом заставили встать на колени и просить прощения у Бога. На преодоление последствий этого детского потрясения у меня ушли десятилетия. И я даже сейчас порой сомневаюсь, что мне действительно вполне удалось преодолеть их. Сколько из сегодняшних взрослых имели похожий опыт? У скольких из нынешних детей вся их естественная любовь к жизни превращается в ненависть и агрессию вследствие такого обращения? Им говорят, что прикосновение к гениталиям скверно или греховно, а естественные отправления тела отвратительны.

<...>

В своей известной работе [«Анализ характера»](#) Вильгельм Райх показал, что воспитатель-моралист мешает не только интеллектуальному развитию ребенка, но и физическому. Такое воспитание закрепощает осанку и создает напряжение в области таза. Я согласен с Райхом. Много лет наблюдая самых разных детей в Саммерхилле, я заметил, что, когда страх не сковывает мускулатуру, дети замечательно грациозны в беге, прыжках и играх.

<...>

Сегодня многие родители уже не налагают запрета на мастурбацию. Они считают ее естественной и знают, что запрещать ее опасно. Отлично. Просто прекрасно. Но некоторые из этих просвещенных родителей останавливаются перед следующим шагом. Они не возражают, если их маленькие сыновья играют в сексуальную игру со своими сверстниками, но их охватывает тревога, если в сексуальную игру играют маленькие мальчик и девочка. Если бы моя добрая и добра желавшая мать проигнорировала нашу с сестрой, которая была на год младше меня, сексуальную игру, у нас были бы неплохие шансы вырасти людьми, более или менее здоровыми в отношении секса.

Не знаю, сколько случаев импотенции и фригидности у взрослых началось с первого вмешательства в гетеросексуальные отношения раннего детства. И интересно, в какой мере гомосексуальность восходит к терпимости в отношении гомосексуальной игры и запрету гетеросексуальную игру. А гетеросексуальная игра в детстве, я полагаю, – столбовая дорога, к здоровой, уравновешенной взрослой сексуальной жизни. Дети, не испытывавшие напыщенных нравов в отношении секса, достигают здорового отрочества, а не отрочества беспорядочных связей.

<...>

Те же табу и страхи, которые формируют сексуальное поведение, создают и извращенцев, насилующих маленьких девочек в парках, и садистов, пытающих евреев и негров.

<...>

В несвободной семье процветает подавление. Оно помогает взрослым сохранять власть, но достигается это ценой множества разнообразных неврозов. Если бы сексуальному интересу было позволено перешагнуть через ограду участка к мальчику или девочке из соседнего дома, власть семьи оказалась бы под угрозой; связь с отцом или матерью ослабла, и ребенок эмоционально оторвался бы от семьи. Возможно, мои слова прозвучат абсурдно, но связь ребенка с родителями – неперемнная опора авторитарного государства, так же как проституция необходима для того, чтобы сберечь нравственность примерных девочек из хороших семей. Отмените сексуальное подавление, и молодежь будет потеряна для власти.

<...>

Серьезные неврозы у человека берут начало с самого раннего генитального запрета: не прикасайся! Импотенция, фригидность, тревожность в дальнейшей жизни начинаются со связывания рук или их отодвигания, как правило сопровождаемых шлепком. Ребенок, которому не мешают касаться своих гениталий, имеет все шансы вырасти с естественным, счастливым отношением к сексу. Сексуальная игра среди маленьких детей – естественное здоровое действие, на которое не нужно смотреть косо. Напротив, ее следует поощрять как прелюдию к здоровым отрочеству и взрослой жизни. Вывести сексуальную игру из укромных уголков – вот то единственно здоровое, что следует сделать. В мире было бы бесконечно меньше преступлений на сексуальной почве, если бы сексуальная игра детей принималась как норма. Именно этого и не видят высоконравственные родители, они не могут или не смеют признать что сексуальные преступления и аномалии всякого рода являются прямым результатом неприятия секса в раннем детстве.

Знаменитый антрополог Малиновский рассказывает, что у жителей островов Тробриан не существовало гомосексуализма до тех пор, пока шокированные миссионеры не разделили мальчиков и девочек по отдельным помещениям. У них, не было ни насилия, ни сексуальных преступлений. Почему? Потому что маленьким детям было неведомо подавление секса.

<...>

Если родители выбирают общепринятый стандарт морали, им не следует жаловаться на убожество сексуально извращенного общества, потому что оно есть продукт этой самой морали. Родители тогда не должны ненавидеть войну, потому что ненависть к себе, которую они возвращают у своих детей, будет выражаться в войне. Человечество больно, духовно больно из-за тревоги и вины, приобретенных в детстве. Это просто бич нашего общества.

<...>

Крайние формы ненависти к сексу обнаруживаются в садизме. Ни один человек с благополучной сексуальной жизнью не смог бы мучить животное, пытаться человека или отстаивать существование тюрем. Ни одна сексуально удовлетворенная женщина никогда не осудила бы мать незаконнорожденного ребенка.

<...>

Почти все наши фильмы связаны с любовью, и это доказывает, что секс – самый важный фактор в жизни человека. Интерес к подобным фильмам в основном невротический, это интерес людей, испытывающих в связи с сексом чувство вины и фрустрации. Не способные вследствие чувства сексуальной вины любить естественно, они толпой идут на фильмы, изображающие любовь романтической и даже красивой. Люди с подавленной сексуальной жизнью изживают свой интерес к сексу, перенося его на других. Ни одному мужчине, ни одной женщине с полноценной любовной жизнью не пришлось бы в голову сидеть дважды в неделю в кинотеатре, глядя на дрянные картинки, являющиеся лишь имитацией реальной жизни.

Точно так же обстоят дела и с популярными романами. Речь в них обычно идет либо о сексе, либо о преступлении, а как правило, о сочетании того и другого. Очень популярный роман «Унесенные ветром» был здесь на первом месте не потому, что действие разворачивается на фоне трагедии гражданской войны и рабства, а из-за того, что в центре этой истории была скучная эгоцентричная девица и ее любовные похождения.

Журналы мод, косметика, полуголые шоу, утонченные изощренные ревью, сексуальные анекдоты – все это прямые свидетельства того, что секс – важнейшая вещь в жизни. И в то же время все эти книги, фильмы и голоногие шоу показывают только одобренные обществом внешние стороны секса.

Один только [Лоуренс](#) показал всю неправду сексуальных фильмов, изобразив, как сексуально подавленный юноша, полный страха перед девушками своего круга, изливает все свои сексуальные чувства на голливудскую звезду, а потом отправляется домой мастурбировать. Лоуренс, конечно, не имел в виду, что мастурбировать нельзя, он продемонстрировал, что именно нездоровая сексуальная жизнь вынуждает прибегать к мастурбации в сочетании с фантазиями о кинозвездах. Здоровый секс наверняка искал бы себе партнера поближе.

Подумайте об огромных прибылях, которые извлекают из подавленного секса люди, занятые в индустрии моды, торговцы помадой, церковь, театр и кинематограф, авторы бестселлеров и производители чулок.

<...>

Возненавидьте секс – и вы возненавидите жизнь. Возненавидьте секс – и вы не сможете любить своего ближнего. Если вы ненавидите секс, ваша сексуальная жизнь будет в лучшем случае неполной, в худшем вас ждут импотенция или фригидность.

<...>

Известный вопрос, задаваемый критиками детской свободы, таков: а почему бы тогда не позволить маленьким детям наблюдать сексуальные акты? Ответ, что это может причинить травму, жестокое нервное потрясение, неверен. У жителей островов Тробриан, по Малиновскому, дети видят не только сексуальные акты родителей, но рождение и смерть и относятся ко всему происходящему как к чему-то обыденному, и это не причиняет им никакого вреда. Не думаю, что наблюдение сексуального совокупления причинило бы какой-нибудь вред эмоциональной сфере саморегулирующегося ребенка. Единственно честный ответ на этот вопрос состоит в том, что любовь в нашей культуре не является публичным делом.

Я не забываю о том, что многие родители по религиозным или иным соображениям отрицательно относятся к сексу, считают его греховным. С ними ничего не поделаешь. Их нельзя обратить в нашу веру. Но мы должны бороться, когда они покушаются на право наших собственных детей на свободу – генитальную или любую другую.

Сексуальные отношения с подростками – не педофилия

Влечение к постпубертатным, от 14 лет, подросткам и юношам <...> никогда не употребляется в качестве диагноза и не ассоциируется с сексопатологией.

И. С. Кон

[Возраст согласия](#) (ВС), то есть возраст, начиная с которого закон разрешает половое сношение взрослого с подростком, в половине стран Европы составляет 14 лет, еще четверть стран – 15 лет. А в Ватикане(!) – 12 лет. В нашей стране коммунисты пытались протащить через Госдуму закон, запрещающий секс до 18 лет. Подробнее в статье ["Идиотизмы вокруг законов"](#).

Самый авторитетный в нашей стране специалист в области сексологии профессор Игорь Семенович Кон [писал](#):

Возраст между 14 и 16 годами во всем мире сексуально весьма активен. Представление, что подростки начинают интересоваться сексуальностью только потому, что их к этому побуждают зловерные педофилы (они же – сексологи, наймиты фармацевтических компаний и агенты ЦРУ) и безнравственные СМИ, принадлежит к числу самых антинаучных.. Подростковая гиперсексуальность – универсальное биологическое явление. Никакими запретами с ней не справиться. Динамика сексуальной активности российских подростков вполне сравнима с тем, что происходит в остальном мире. Многие сексуальные контакты подростков являются разновозрастными. Первый партнер девушек, переживших свой первый половой акт в 14 лет, был старше их на два и более года у 70%, среди пятнадцатилетних - у 75 %. У мальчиков соответствующие цифры составляют 51% и 31%. Зарубежные данные того же порядка.

Ранние роды

Обобщающие данные о беременности и родоразрешении у девочек 11-15 лет приводят авторы М. Шаш и Л. Ковач. Они отмечают, что при беременности, наступившей у рожавших девочек моложе 16 лет, происходит более быстрое физическое развитие. Роды у несовершеннолетних не вызывают никаких вредных последствий и не влияют отрицательно на дальнейшее их развитие. Беременность и роды у таких лиц протекают благополучно, а продолжительность родов даже меньше, чем у взрослых женщин. Отрицательным фактором воздействия является лишь отношение общества к акселераткам роженицам.

Глубокое заблуждение, что ранняя беременность вредна. Под ранней будем понимать беременность в период с 14 до 16 лет. Девушка в этом возрасте уже полностью сформировалась как будущая мать – у нее есть все для рождения ребенка. Согласно последним исследованиям, именно на этот период приходится пик гормональной активности организма женщины. Это уникальный период! Ибо в организме в это время больше всего эндорфинов, тестостеронов, иммунная система работает очень мощно. Период гиперсексуальности и есть самый благоприятный период для зачатия первого ребенка. Чем сильнее чувство и страсть, тем здоровей и жизнерадостней будет ребенок. А что будет, если первая беременность будет в 25, а то и в 30 лет, как это происходит во многих современных "развитых" странах, в том числе и в России? При современной экологической ситуации, когда практически не существует здоровых продуктов питания, организм женщины накопит критическую массу патогенных веществ, которые могут самым пагубным образом повлиять на формирование плода. Это если учесть, что девушка будет вести здоровый образ жизни. А ведь они сейчас многие курят, пьют пиво, всякие мерзкие коктейли, глотают экстази. Представляете, сколько дряни будет в ее организме к 30 годам?

Самыми главными аргументами против ранних родов обычно является утверждения: "Она еще сама ребенок!" и "Кто будет обеспечивать?" На первый аргумент ответим так – природой предусмотрен механизм психического взросления особи, как только у нее включается программа вынашивания и выкармливания. То есть девушка в 15 лет, родившая ребенка, будет чувствовать и вести себя, как взрослая женщина, и по уровню ответственности будет намного превосходить свою нерожавшую сверстницу.

Каким должен быть ВС

С научной точки зрения, ВС устанавливается на уровне того возраста, с которого человек может самостоятельно руководить своим сексуальным поведением, в котором его не легче "совратить", чем взрослого, и, соответственно, он не считает себя жертвой и не просит, чтобы его защищали от "педофилов". По мнению большинства специалистов (психологов, криминологов – европейских, наших вряд ли) это 14 лет. С другой стороны, в этом возрасте подросток может не только руководить своим поведением, но и шантажировать взрослого, предварительно "совратив" его. Поэтому давать ему право решать (типа права вето), считает ли он себя жертвой или не считает, то есть засадить взрослого в тюрьму по собственной прихоти, с этого возраста, мягко говоря, нецелесообразно. ВС выше 14 лет (хоть с правом вето, хоть без него) – это, по сути, поощрение проституции несовершеннолетних. С третьей стороны, ясно, что любая возрастная граница условна и дети/подростки младше нее тоже могут вступать в сексуальные контакты абсолютно добровольно, в том числе по собственной инициативе (особенно это касается 12-13 летних). Преследовать добровольные сексуальные контакты с лицами младше ВС нецелесообразно (да и просто аморально) по тем же причинам, по которым нецелесообразно и аморально преследовать секс. контакты с лицами старше ВС. Поэтому большинство специалистов рекомендуют предоставить "жертвам" младше 14 лет право вето (по крайней мере 12-13-летним) и предусмотреть в законодательстве другие механизмы "фильтрации" случаев, не требующих наказания, в том числе тех, где преследование просто принесет жертве (даже если она реальная жертва) больше вреда, чем пользы.

Раннее созревание

(из статьи ["В Германии число беременностей среди девочек-подростков растет: аборты делают 10-14-летние"](#))

Они сами еще дети, но у них рождаются собственные младенцы: в Германии все больше девочек беременеют все раньше – и все чаще делают аборты. Это вытекает из исследования, проведенного ученым-сексологом Норбертом Клуге.

Клуге объясняет эту тенденцию все раньше наступающей половой зрелостью. Этот процесс продолжался и в последние годы: еще 100 лет назад месячные у девушек начинались приблизительно в 16 лет, а в 1980 году – уже в двенадцать с половиной. "В 2010 году менструация будет начинаться у девочек примерно в 10 лет", – прогнозирует Клуге.

Более хорошее питание, лучшее здоровье, более высокий уровень гормонов – все это способствует более раннему половому созреванию. К этому следует добавить внешние факторы: тема секса все чаще освещается в средствах массовой информации и, соответственно, вызывает интерес у молодежи. Возрастает любопытство, а также давление со стороны сверстников. "Когда речь в компании заходит о сексуальных вопросах, высказаться желает каждый", – говорит сексолог.

Из-за раннего наступления половой зрелости сегодня многие подростки намного раньше набираются сексуального опыта. Проблема, по мнению Клуге, заключается в отсутствии у подростков соответствующей информации. "Молодые люди имеют инструмент, однако у них нет инструкции по его эксплуатации", – говорит Клуге. У многих 10-14-летних половые отношения базируются на основе недостоверной информации и домыслов. "Мы думали, в первый раз ничего не бывает" – это наивное предположение, как утверждает Клуге, многие подростки считают истиной. Таким образом, нежелательная беременность – запрограммирована.

Поэтому ученый-сексолог требует более раннего и, прежде всего, более основательного просвещения подростков в родительском доме и в школе. "Родители и учителя наконец должны признать, что сегодня молодые люди созревают раньше, чем они сами, и соответственно действуют". Однократной беседы недостаточно. "Молодых людей необходимо воспитывать для сексуальной жизни: это должен быть непрерывный процесс". На вопросы следует отвечать откровенно, необходимо вести обстоятельные разговоры на сексуальные темы, причем уже в начальной школе. "Если забеременеть могут уже десятилетние девочки, то это должны учитываться программами по сексуальному воспитанию, соответственно, необходимо скорректировать учебные планы". Надо, чтобы подростки поняли, что вследствие их сексуальных отношений на свет могут появиться дети.

Клуге также обращается к родителям: "В большинстве случаев девочек просвещают их матери, а мальчики остаются в стороне". Здесь на помощь должны прийти, прежде всего, отцы, считает он.

То, что просвещение существенным образом способствует предотвращению нежелательных беременностей и тем самым также снижает число абортов, указывает статистика по 15-17-летним. В этой возрастной группе, которая лучше информирована, чем более младшая, число абортов в прошлом году

составило 6682, что на 227 меньше, чем годом раньше. А каждое десятое прерывание беременности у несовершеннолетних сегодня выпадает на группу 10-14-летних.

Последние статистические данные: еще в 1996 году случаи прерывания беременности у десятилетних были в Германии неизвестны, в 1999 году официально было зарегистрировано шесть абортов у десятилетних девочек, а в 2002 году - уже 20, у 14-летних - 587. По данным Клуге, в тот же временной промежуток увеличивалось число детей, рожденных несовершеннолетними, хотя и не в том же темпе. Так, в 1996 году среди матерей моложе 18 лет было зарегистрировано 4766 родов. К 2001 году их число увеличилось до 5240.

Если сложить данные по абортам и родам, то, согласно исследованию Клуге, число подростковых беременностей с 1996 по 2001 год возросло в общей сложности примерно на 35,4% и составило 12845 случаев.

Сексуальное поведение маленьких детей

Отрывок из книги Роберта Крукса и Карлы Баур "[Сексуальность](#)"

Мои первые воспоминания о переживаниях, которые можно считать сексуальными по своей природе, — это то, как я тискал подушку в детской кроватке. Мне было очень приятно. Сейчас я думаю, что это был оргазм (я помню, что делал это много раз). Мне было около двух лет (плюс-минус несколько месяцев). Станным было то, что я отчетливо помню, что спал в комнате родителей, но меня никогда не ругали за такое поведение. Или сон моих родителей был очень крепок, или они имели очень «продвинутые» взгляды на секс. Зная моих родителей, я предполагаю, что верно второе. (Из авторских архивов)

Во многих западных сообществах (включая США) когда-то считалось, что в период от рождения до пубертата сексуальность никак не проявляется. Однако многие из вас, без сомнения, на основе собственного опыта могут подтвердить, что ранние этапы жизни отнюдь не являются периодом сексуального «покоя». Может быть, вы даже сможете вспомнить чувственно-сексуальные переживания (аналогичные описанным выше), относящиеся к первым годам вашей жизни. В этой главе рассматриваются многие сексуальные практики и проявления, типичные для развивающегося организма, — от младенчества до подросткового возраста включительно.

Исследования последних десятилетий убедительно показали, что многие поступки и функции организма (включая сексуальный эротизм) развиваются уже в младенчестве. Иногда сексуальность в этом периоде особенно важна. Ведь многие впечатления этих лет оказывают большое влияние на проявление сексуальности во взрослом возрасте. В первом разделе этой главы мы вкратце рассмотрим некоторые типичные виды сексуального поведения маленьких детей.

Младенческая сексуальность

В первые два года жизни (период, называемый младенчеством) многие девочки и мальчики обнаруживают, что стимуляция гениталий приятна (Lidster & Horsbrugh, 1994). Как описано в открывающей главу цитате из авторских архивов, подобные действия часто представляют собой прижимание или трение области гениталий о какую-либо вещь вроде подушки или куклы. Движения таза и другие признаки полового возбуждения у младенцев (например, выделение влагалищной смазки или эрекция пениса) часто проходят незамеченными или трактуются неверно. Вместе с тем внимательный наблюдатель может заметить эти признаки сексуальности даже у очень маленьких детей (Lively & Lively, 1991; Montauk & Clasen, 1989; Ryan, 2000). В некоторых случаях младенцы (как мальчики, так и девочки) испытывают оргазм. Несомненно, ребенок этого возраста не способен устно подтвердить сексуальную природу этих реакций. Однако это поведение настолько похоже на сексуальные реакции взрослых, что почти не возникает сомнений по поводу его сексуальной природы. Приведенная ниже цитата из книги о женской сексуальности Альфреда Кинси и соавторов подробно описывает наблюдения одной матери, которая нередко заставляла свою маленькую дочь за действиями, которые безошибочно трактуются как мастурбация:

Лежа на животе, вниз лицом, с задранными ногами, она начинает ритмичные движения тазом (с частотой около одного раза в секунду). Толчки осуществляются в первую очередь тазом, а ноги в это время напряжены в фиксированном положении. Толкающие движения выполняются в мягком и постоянном ритме, который нарушается лишь редкими короткими паузами, во время которых гениталии прижаты к кукле или к чему-то другому. Возврат же после каждого толчка судорожный, резкий. Она делает 44 толчка, затем короткая пауза, 87 толчков, затем короткая пауза. Затем наблюдаются концентрация и интенсивное дыхание с внезапными резкими движениями в момент наступления оргазма. После этого девочка обычно становилась абсолютно отрешенной. Ее глаза делались «стеклянными» и смотрели в пустоту. Это было заметное расслабление, характерное после наступления оргазма (Kinsey et al., 1953, p. 104-105).

Кинси также приводит и детальное описание сексуальности мальчиков-младенцев:

Оргазм маленького мальчика — точная копия оргазма взрослого, за исключением отсутствия эякуляции. Такое поведение характеризуется серией постепенных физиологических изменений, появлением ритмичных движений тела с четко выраженной пульсацией пениса и тазовыми толчками, явным изменением чувствительности к внешним раздражителям, финальным напряжением мышц (в особенности — живота, бедер и спины), а также внезапным расслаблением, сопровождающимся судорогами (включая ритмичные сокращения ануса). После этого все симптомы исчезают. Под воздействием сексуальной стимуляции капризный малыш успокаивается, отвлекается от других занятий, начинает ритмично двигать тазом, напрягается по мере достижения критической точки, и его тело охватывает судорога. Нередко он совершает неистовые движения руками и ногами и иногда кричит в момент кульминации (Kinseyetal., 1948, p. 177).

Невозможно установить, какую роль для младенца играют такие ранние сексуальные впечатления, но очевидно, что они доставляют ему удовольствие. Для многих маленьких мальчиков и девочек достаточно естественно заниматься самоудовлетворением, если такое поведение не вызывает резкой негативной реакции со стороны родителей или воспитателей.

Конечно, младенец не способен отличить сексуальное удовольствие от других форм приятных ощущений. Многие компоненты повседневной заботы о малыше (купание, кормление грудью) содержат в себе приятную тактильную стимуляцию, которая (несмотря на свою чисто осязательную природу) может вызывать генитальную или сексуальную реакцию (Frayser, 1994). Это отражено в следующей цитате:

Многие действия, связанные с уходом за ребенком и его гигиеной, очень интимны и полны ощущений, так как включают в себя контакт с чувствительными органами (губами, ртом, анусом и гениталиями). А это, в свою очередь, может вызвать у младенца физиологические реакции чувственно-сексуальной природы. К этим действиям относится (помимо кормления грудью) приучение к туалету, купание и мывание, пеленание (Martison, 1994, p. 11).

Детская сексуальность

В чем заключается нормальное и здоровое сексуальное поведение у детей? Это сложный вопрос, на который у нас нет определенного ответа из-за скудности данных по детской сексуальности. Исследования в этой области ограничены множеством факторов. Не последним из них являются политические спекуляции по поводу того, что «может расцениваться как эксплуатация детей или внушение им сексуальных идей» (ContemporarySexuality, 1998, p. 1). Получить финансовую поддержку для исследования детской сексуальности сложно, а федеральные программы США запрещают или значительно затрудняют проведение подобных исследований. Вследствие этого наиболее достоверная и доступная информация по этой теме получена в результате наблюдений за пределами Америки, особенно в странах Европы (ContemporarySexuality, 1998). В настоящее время группа исследователей обошла ряд упомянутых выше затруднений, опросив большую выборку матерей детей от 2 до 12 лет. Результаты этого информативного исследования описаны во вставке «Нормативное половое поведение у детей: современная модель».

На грани. Нормативное половое поведение у детей: современная модель

Не так давно психолог Вильям Фридрих и его коллеги (1998) из клиники Майо провели опрос большого количества матерей на предмет полового поведения, которое они могли наблюдать у своих детей. В результате были получены данные о поступках сексуального характера у 834 детей от 2 до 12 лет. (Этих детей обследовали на предмет сексуальных злоупотреблений.) Матерей расспрашивали о том, насколько часто они наблюдали 38 различных вариантов полового поведения у своих детей за последние 6 месяцев. Если о каком-либо типе поведения сообщали 20 или более матерей, Фридрих и его коллеги рассматривали его как нормальную форму проявления детской сексуальности в процессе развития. Некоторые из ключевых результатов этого важного исследования приведены в следующих разделах.

За весь возрастной период, представленный в исследовании, был изучен широкий диапазон типов сексуального поведения с разными частотами встречаемости (см. таблицу). Наиболее частыми были самостимуляция, эксгибиционизм (часто — это демонстрация интимных частей тела другому ребенку во время «игры в доктора») и поведение, имеющее отношение к «нарушению личных границ» (например, трение о другого человека). Сексуально экспансивные поступки, такие как прикосновение к груди матери (или другой женщины) или взятие в рот гениталий другого ребенка, отмечались менее часто.

Частота изучаемых типов полового поведения имела сильную обратную зависимость от возраста. Пик общей частоты приходился на возраст 5 лет для обоих полов. Затем же в течение следующих 7 лет наблюдался спад сексуальной активности. Двухлетние дети обоего пола из наблюдаемой группы были более сексуальны, чем 10-12-летние дети. Количество отмечаемых поступков сексуального характера повышалось у мальчиков и девочек до 5 лет, а затем начинало уменьшаться. Наблюдаемое снижение активности полового поведения после 5 лет не обязательно означает, что дети действительно реже совершают сексуальные поступки по мере взросления. Скорее, предполагают авторы, они становятся более скрытными в проявлении сексуальности. Кроме этого, дети более старшего возраста проводят больше времени со своими сверстниками, поэтому у родителей меньше возможностей для наблюдения.

Этническая принадлежность существенно не влияла на описанные случаи полового поведения. Однако имелась положительная корреляция между отношением матери к сексуальности и частотой полового поведения. Матери, которые, по их словам, «спокойно» относятся к таким вещам, как нагота в кругу семьи, совместный сон и/или принятие ванны со своими детьми, отмечали более высокий уровень сексуальной активности у своих детей. Половое поведение у детей сильно зависело и от уровня образованности их матерей и отношения последних к детской сексуальности. Матери с более высоким уровнем образования, а также считавшие, что сексуальные чувства и поступки детей — это нормально, сообщали о более частых случаях сексуального поведения у своих чад.

Авторы этого важного исследования считают, что открытое сексуальное поведение у детей, в особенности у маленьких детей, является нормальной составляющей развития. Это мнение особенно существенно в годы, когда родителей, преподавателей и врачей очень беспокоит (по понятным причинам) проблема сексуальных злоупотреблений в отношении детей. В заключительном комментарии Фридрих и его коллеги обращают внимание, что для родителей (и других взрослых) важно понимать, что «если пятилетний мальчик время от времени трогает свои половые органы, даже после выходных, проведенных с одним из разведенных родителей, это не значит, что им сексуально злоупотребляют. Это – поведение, наблюдаемое почти у двух третей мальчиков этого возраста».

По тоже вполне понятным причинам авторы книги не задаются в ней вопросом: если детям в такой значительной степени свойственна сексуальность и эротизм, то, быть может, взрослые люди, играющие с детьми в сексуальные игры и доставляющие при этом себе и детям сексуальное удовлетворение, не делают ничего противоестественного и заслуживающего тюремного заключения? – dodo

Ребенок может научиться выражать свою симпатию и чувства через такие действия, как поцелуи и объятия. Реакции, которые ребенок получал в ответ на подобные проявления, могут иметь сильное влияние на его сексуальное поведение в более позднем возрасте. Склонности дарить и принимать любовь у нас, взрослых, могут быть связаны с воспоминаниями о теплом, приятном контакте со значимыми людьми в детстве (в особенности — с родителями) (Hatfield, 1994; Montauk & Classen, 1989; Prescott, 1989). Многие исследователи полагают, что дети, испытывавшие недостаток «ласкового контакта» (прикосновений и объятий со стороны других) в первые месяцы и годы жизни, могут иметь проблемы с установлением интимных отношений в дальнейшем (Harlow & Harlow, 1962; Montagu & Matson, 1979; Prescott, 1989). Более того, другие наблюдения свидетельствуют, что любовь и насилие в некотором роде взаимоисключающи. Например, при изучении 49 изолированных социумов было обнаружено, что в культурах, где детей воспитывали, применяя телесную ласку, крайне редки случаи насилия, совершаемого во взрослом возрасте. И наоборот, высокий уровень насилия среди взрослых отмечался в тех культурах, в которых детям не хватало ласки (Prescott, 1975).

Детская мастурбация

Младенцы могут ласкать свои гениталии и мастурбировать путем трения или толчков областью половых органов об игрушку или подушку. Однако ритмичная манипуляция гениталиями, ассоциируемая с мастурбацией у взрослых, не встречается у детей до возраста 2,5-3 лет (Martison, 1994).

Мастурбация — одно из наиболее распространенных сексуальных проявлений в детском возрасте. В исследовании, описанном во вставке, показано, что около 16% матерей отмечали, что их 2-5-летние дети мастурбировали при помощи рук (Friedrich et al., 1998). Во многих других работах приводились данные о том, что примерно одна треть опрошенных женщин и две трети мужчин упоминали о собственной мастурбации до подросткового возраста (Elias & Gebhard, 1969; Friedrich et al., 1991; Hunt, 1974).

Задайте себе вопрос. Если это возможно, вспомните, откуда вы впервые узнали о мастурбации? Знали ли о том, что вы занимаетесь этим, ваши родители или другие взрослые? Если да, то как они реагировали?

Большинство мальчиков узнают о мастурбации от друзей, а некоторые даже получают инструкции по методам самостимуляции, как в следующем рассказе:

Старший товарищ рассказал мне о мастурбации. Однажды в его доме, когда мы переодевались после бассейна, он спросил меня, пробовал ли я когда-нибудь онанировать. Я ответил, что нет. Он намылил свой пенис и показал, как это делается. Когда я попробовал то же самое, ощущения были приятными. Но в отличие от пениса моего друга, из моего ничего не вышло. Он сказал мне, что надо продолжать практиковаться. Я последовал его совету. Через несколько месяцев у меня произошла моя первая эякуляция. (Из авторских архивов)

В отличие от мальчиков девочки не обсуждают мастурбацию с подругами. Для них открытие этого явления обычно происходит в одиночестве и часто — случайным образом:

Я узнала, как мастурбировать, когда мне было восемь лет. Моя мать всегда требовала, чтобы я тщательно мыла свое «хозяйство». Однажды я решила отмыть их «до скрипа». Я присела над сеткой душа и направила поток теплой воды себе во влагалище. Вау! Это был тот тип мытья, который мне действительно понравился. Если честно, я испытала свой первый оргазм, хотя еще не знала, что он так называется. Скоро я разработала все варианты стимуляции клитора струей воды. (Из авторских архивов)

Реакция родителей на самоудовлетворение своих детей может оказать сильное влияние на развивающуюся сексуальность. В американском обществе большинство родителей и воспитателей склонны ругать или запрещать подобные действия. Иногда они даже рассказывают об этом другим взрослым как о ненормальности или проблемах (Ryan, 2000). Замечания, которые делают родители своим детям по поводу мастурбации, либо негативны, либо и вовсе отсутствуют. Вспомните свои юные годы. Показывали ли как-то ваши родители, что они приемлют такие действия? Или у вас было интуитивное чувство, что ваши родители вполне одобряют или ничего не имеют против самоудовлетворения своих детей? Вероятно, нет. Наиболее часто в ответ на мастурбацию дети получают фразу «прекрати делать это», неодобрительный взгляд или их бьют по рукам. Такие жесты понятны даже очень маленькому ребенку, еще не овладевшему как следует речью.

Как родители могут выразить свое приятие этой вполне естественной и нормальной формы самоизучения? Один из методов — это прекратить негативно реагировать на манипуляции с гениталиями, естественные для младенцев и маленьких детей. Позднее, когда мы будем отвечать на вопросы ребенка о его(ее) теле, совсем неплохо упомянуть потенциальное удовольствие, заложенное в анатомии наших гениталий («к этому приятно прикасаться»). Уважение к личной жизни — например, стук в дверь перед входом в комнату ребенка, — другой способ избежать неудобств в отношении этой весьма личной деятельности. Возможно, вам будет легче на душе, если вы отреагируете на самоудовлетворение своих детей не в негативной форме, а, например, так, как это сделал один отец из следующего рассказа:

Однажды мой семилетний сын подсел ко мне на диван, чтобы посмотреть футбол. Он еще продолжал вытираться полотенцем после душа. Он казался поглощенным действием на экране, но я заметил, что одна из его рук шлепала по пенису. Внезапно он перехватил мой изучающий взгляд. Его лицо пересекла неловкая полуулыбка. Я не был уверен, как реагировать, поэтому я просто сказал: «Это приятно, не правда ли?» Он ничего не сказал и не возобновил своих действий, но его улыбка стала немного шире. Я должен заметить, что мне вначале было нелегко открыто выразить мое одобрение такого поведения. Я боялся, что он начнет открыто мастурбировать в присутствии других людей. Однако мои опасения оказались беспочвенными, он продолжал заниматься этим лишь в одиночестве. Приятно осознавать, что он может испытывать удовольствие от своего тела без того ужасного чувства вины, с которым вырос его отец. (Из авторских архивов)

Многие родители не хотят открыто выражать свое согласие с мастурбацией. Они боятся, что их дети, воодушевленные одобрением родителей, будут удаляться в укромное место и часами мастурбировать там. Хотя их опасения и понятны, доступные данные не подтверждают вероятности такой реакции. У детей есть много других занятий.

Правильным отношением родителей к мастурбации детей будет, на мой взгляд, такое отношение, когда дети от родителей впервые и узнают о ней – dodo

Другая причина для беспокойства (упомянутая в предыдущей истории) — это опасение, что дети начнут открыто мастурбировать при посторонних, если поймут, что их родители приемлют подобное поведение.

Этот страх тоже объясним. Не многие из нас испытывают энтузиазм по поводу решения проблемы, которая возникнет, когда Джонни или Сьюзи, к примеру, начнут мастурбировать перед бабушкой. Однако дети в целом достаточно хорошо осознают социальную необходимость высокой интимности чего-то столь эмоционально насыщенного и личного, как самоудовлетворение.

Совершенно очевидно, что необходимость высокой интимности при мастурбации не может быть объяснена эмоциональной насыщенностью. Можно привести массу примеров: танцы на дискотеке, скандирование лозунгов на митинге, хохот на концерте юмориста – все это может быть сопряжено с сильными эмоциями. Тем не менее, эти действия совершенно публичны и не требуют никакой интимности. Необходимость скрывать свою мастурбацию связана с общественным табу на все, связанное с сексом. Нашему обществу эти табу не нужны – они лишь мешают нам быть свободными и счастливыми людьми – dodo

Педофилия и детская порнография в контексте современного общества

Скромная работа анонимного исследователя¹

Большинство людей скорее умрут, чем начнут думать. Многие так и делают.
Бертран Рассел

Безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времен – правило.
Фридрих Ницше

¹ Автор благодарит других членов анонимного сообщества за комментарии и помощь в создании данной работы.

Аннотация

О проблеме педофилии и детской порнографии заговорили в США в конце 1970-х годов². С тех пор эта тема переросла в настоящую социальную панику почти во всех развитых странах (США, Канада, Австралия, страны Европы). Люди в большинстве своем поддерживают борьбу с педофилами, которая стала горячей политической темой; борющиеся с педофилами и детской порнографией снискали себе уважение и затрачивают на свою деятельность много средств, времени и сил.

В общем виде, сколько можно судить по новостям и заявлениям официальных лиц, основные идеи нынешнего движения по борьбе с педофилами и детской порнографией сводятся к нескольким центральным тезисам. Я последовательно рассмотрю эти тезисы и обсужу некоторые общие соображения и факты, которые представляются мне крайне важными. Я буду ссылаться на ряд научных исследований, среди которых преобладают англоязычные статьи и монографии, вышедшие в реферируемых научных журналах и изданиях. Непосредственный перевод англоязычных цитат дается в квадратных скобках^(*). Я обычно не указываю номер, страницы и т.д. в ссылках, т.к. эти работы очень легко находятся в интернете (рекомендуется использовать [Google Scholar](#)), а соответствующую цитату легко обнаружить, скопировав ее в диалоговое окно электронного поиска по документу; общие выводы авторов почти всегда изложены в аннотации (abstract) к их публикации. Итогом данной работы должен стать объективный взгляд на проблему, основанный на научных данных.

² "Public and professional acknowledgement that significant numbers of children are sexually abused by their relatives and caretakers did not really begin to emerge until the mid-1970s [общественное и профессиональное признание того факта, что большое количество детей подвергается сексуальным злоупотреблениям, совершаемым родственниками и теми, кто об этих детях заботится, впервые прослеживается в середине 1970-х]", *Clinical Intervention in Child Sexual Abuse*, S.M. Sgroi.

^(*) Для облегчения восприятия английские цитаты перенесены в сноски. В основном тексте оставлены только их русские переводы – dodo.

Определение и общие сведения

Начать обсуждение следует с определения термина «педофил». Если допытываться у обывателя, что же это за субъект, то обыватель, скорее всего, ответит, что это тот, кто насилует детей. Подобное определение, однако, очень далеко от научного. В то время как закон имеет дело с действиями по факту; сексология имеет дело с влечением, т.е. психическим представлением соматического раздражения. Именно та или иная организация влечения дает нам право называть кого-то соответствующим научным термином. В общем виде педофил – это человек, чьим единственным или сильно преобладающим долгое время сексуальным влечением является такое влечение, которое требует в качестве объекта ребенка. Возраст объекта этого влечения не имеет никакого значения (влечение интересуется определенными признаками – внешними, поведенческими и т.д., а не датой в паспорте).³ Определения разнятся, но все

они в той или иной форме отражают эту идею; отличия заключаются в уточняющих обстоятельствах, определениях ребенка.

M. Steto определяет педофилию как "устойчивый сексуальный интерес к детям допубертатного возраста".⁴ K.V. Lanning определяет педофила так: "значительно более взрослый индивид, предпочитающий половые сношения с лицами, являющимися в правовом отношении детьми".⁵ Очевиден конфликт этих двух определений, т.к. первое обращает внимание на отсутствие признаков полового созревания, а второе включает в список объектов педофильного влечения лиц, не достигших возраста согласия.

Строго говоря, правового определения педофила не существует и не применяется.⁶ Обратимся к МКБ-10 (ICD-10) с целью получить медицинское определение, с которым согласно большинство специалистов. Под кодом F65.4 значится педофилия, которая относится к блоку расстройств личности и поведения в зрелом возрасте класса психических расстройств и расстройств поведения и определяется как "предпочтение детей – мальчиков, девочек или детей обоих полов – обычно допубертатного или раннепубертатного возраста в качестве сексуальных объектов".⁷ В DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders – американское руководство по диагностике и статистике психических расстройств) педофилом называется человек, который сексуально фантазирует о детях, которого сексуально возбуждают дети или который испытывает побуждения к сексуальным действиям с лицами допубертатного возраста на протяжении 6 или более месяцев при условии, что ему есть хотя бы 16 лет, а объекты его влечения младше его хотя бы на пять лет.⁸ Как видно, определения говорят об организации влечения, а не о том, совершает лицо те или иные действия или нет.

Несмотря на то, что по большей части сегодня педофилия определяется как болезнь или расстройство, вопрос о том, считать ли педофила больным или здоровым, решить очень непросто. Статистическая норма, как, разумеется, и моральная никак не могут служить основанием для определения медицинской нормы. Обычно в медицине болезненным, патологичным называют такое состояние или процесс, которые

- a. причиняют страдание индивиду как таковые,
- b. снижают жизнеспособность индивида.

Ясно, почему перелом ноги есть разновидность нездоровья. Однако когда речь заходит о тех или иных организациях сексуального влечения, то тут вопрос о критерии психиатрической и сексологической нормы встает особо. Если строго держаться выше данного общемедицинского критерия, то ни педофила, ни некрофила, ни садиста, ни гомосексуально ориентированного индивида нельзя назвать больными. Гомосексуально ориентированного человека можно будет зачислить в больные, только прибавив к определению патологии дисфункцию (неспособность зачать потомство), но это породит ряд еще более трудных дополнительных вопросов. А как быть с экстремальным мазохистом или асфиксифилом? Их влечения снижают их жизнеспособность, ведут к увечьям, причиняют боль, однако для них они – пререквизит к получению удовольствия. Больны ли они? Следует ли нам закрепить примат критерия снижения жизнеспособности над критерием причинения состоянием или процессом мучений как такового? Эти вопросы и целый ряд других как нельзя лучше показывают, как тяжело реализовать общемедицинский критерий нормы в области психиатрии и сексологии. Разброс среди исследователей по данным вопросам очень велик; многие авторы выделяют разные виды норм (личную, партнерскую и т.д.), некоторые держатся той идеи, что любая сексуальная норма – есть продукт социальной жизни и общественного сознания и не связана с какими-то аспектами объективной реальности.⁹ Кроме того, было бы странно, если бы гастроэнтерологическая норма варьировала от континента к континенту и от эпохи к эпохе, почему же сексуальная должна? Из огромных массивов опытных данных антропологии мы узнаем, что даже самые дикие (с нашей точки зрения) формы сексуальных практик являются веками устоявшейся культурной нормой в других местах. Можно ли целые культуры называть больными? Могут ли состоящие из одних больных людей сообщества существовать веками? Могут ли одни и те же сексуальные действия быть по медицинским меркам здоровьем и болезнью в зависимости от страны, времени? Я не могу дать ответа на эти вопросы; я лишь обозначаю проблемы, связанные с признанием тех или иных организаций человеческого либидо патологическими. Только обывателю кажется, что педофил или некрофил, конечно, больны – в его сознании понятие медицинской нормы подменено понятием моральной нормы, статистической нормы, эстетической нормы; он не мирится с идеей о том, что что-то омерзительное, редкое, предосудительное может быть нормальным. В силу всех этих технических сложностей, я воздержусь от решения вопроса о том, является ли педофилия разновидностью нормы или нет.¹⁰ Среди работ, которые содержат подробный обзор антропологических данных (которые должны представляться борющимся с педофилами несказанно шокирующими) о педосексуальных действиях, следует особо выделить статью Г.Б. Дерягина¹¹. Другие авторы¹² также уделяют антропологическим данным большое внимание.

Оставляя вопрос о патологичности педофилии, следует отметить, что если признаки полового созревания у объекта влечения наличествуют, то влечение взрослого индивида к такому созревающему ребенку – совершенно здорово. Если возраст, неопытность или слабая степень выраженности признаков полового созревания все же имеют значение для половозрелого индивида, испытывающего влечение, то речь идет о варианте сексуального предпочтения – эфебофилии, которая не выделяется в самостоятельную нозологическую единицу. Мужчина, испытывающий влечение к 15-летней девушке, демонстрирующей признаки полового созревания, или вступающий с нею в половой контакт, никак не может быть назван больным; однако ясно, что СМИ немедленно навесят ярлык «педофил» на этого мужчину. В сущности, создается впечатление, что само слово «педофил» чаще всего всплывает именно в тех ситуациях, когда речь идет о половых контактах между половозрелыми взрослыми людьми и подростками, которые явно отличаются от детей тем, что находятся в состоянии полового созревания. Попросту говоря, речь идет о здоровой с медицинской точки зрения половой связи обычных здоровых людей, в частности о здоровом же предпочтении в форме эфебофилии. К педофилии это не имеет отношения.

Нет никаких четких границ между педофилом и не-педофилом; законодатель пытается сказать, что эта граница существует в форме «возраста согласия», однако, этот возраст варьирует очень сильно от страны к стране и от штата к штату, так что тот, кого в США СМИ окрестят педофилом и маньяком-извращенцем не привлечет к себе никакого внимания в Испании.¹³ Что касается самого влечения, то оно не дискретно ни по каким значениям параметров своего объекта: существует бесконечное количество возможных градаций, поэтому четко отделить – даже в медицинском, научном смысле – педофила от эфебофила не представляется возможным.¹⁴

В связи с определением следует рассмотреть связь между педофилами и теми, кто совершает те или иные педосексуальные действия.

Является ли лицо, совершившее *педосексуальные действия* педофилом, или нет – вопрос, который должен решаться в каждом отдельном случае. Можно быть педофилом, но не совершать никаких педосексуальных действий, можно совершать их и не быть педофилом. Исследования говорят об этом прямо:

Исследование педофилов¹⁵, несомненно, затрудняется тем обстоятельством, что не все педофилы домогаются детей, и не все лица, домогающиеся детей, являются педофилами.¹⁶

Аналогично и в другой статье читаем:

Вопреки популярному мнению, не все сексуальные преступники, выбирающие детей в качестве жертв, являются педофилами, и не все педофилы совершают сексуальные правонарушения.¹⁷

В общем виде это относится к любым сексуальным действиям извращенного характера:

Извращение полового влечения, как это видно будет из нижеследующего, не должно быть смешиваемо с извращенностью половых действий, так как последняя может быть обусловлена и не психопатологическими условиями. Конкретное извращенное действие, как бы чудовищно оно ни было, еще ничего не доказывает. Для того чтобы отличить болезнь (извращение) от порока (извращенность), нужно рассмотреть всю личность данного индивида и мотивы его извращенного действия: в этом именно и заключается ключ к диагностике.¹⁸

Множество педофилов и множество совершающих педосексуальные действия людей, таким образом, пересекаются лишь частично. Причины совершения педосексуальных действий не-педофилом может быть масса: алкогольная интоксикация, врожденный умственный дефект, пресыщение привычным сексуальным объектом и жажда разнообразия, замена привычного объекта ребенком в качестве хоть и малоценного, но субститута для удовлетворения¹⁹, месть родственнику ребенка²⁰, удобная или побуждающая ситуация²¹ и т.д. и т.п.

К сожалению, приходится сознаться, что немалая доля подобных преступлений, и притом как раз наиболее отвратительные из них, совершается не душевнобольными, а здоровыми людьми,

*забывающими свое человеческое достоинство под влиянием пресыщения естественными половыми сношениями, уродливого сладострастия, огрубения, а подчас и опьянения.*²²

*Насильственные преступления против сексуальной неприкосновенности детей чаще всего совершают не педофилы, а лица с преимущественно садистскими сексуальными потребностями: сексуальные садисты, сексуальные убийцы, а также просто фрустрирующие садисты, для которых обычно не важен ни возраст, ни пол жертвы, даже не важен биологический вид – человек или животное.*²³

Типизации лиц, совершающих педосексуальные действия, обычно выделяют два типа: собственно педофилы и не-педофилы, совершившие педосексуальные действия. Педофилов возбуждают исключительно дети, в то время как остальных также привлекают и половозрелые люди.²⁴ Исследование 2429 лиц, совершавших педосексуальные действия, показало, что только 7% из них характеризовались собственно педофилией²⁵; остальные испытывали влечение также к половозрелым людям. Стоит, однако, заметить, что, по некоторым данным²⁶, среди лиц, совершающих те или иные педосексуальные действия, собственно педофилы ответственны за большую долю подобных действий, чем не-педофилы.

Некоторые исследователи видят в сексуальном использовании детей проблему, куда большую, чем просто сексуальную, и рассматривают ее как проблему отношения и силы между взрослым и ребенком, видя в сексуальном аспекте нечто вторичное:

*Злоумышленник, по всей вероятности, сексуально злоупотребляет ребенком с целью удовлетворения несексуальных потребностей.*²⁷

В каждом отдельном случае следует выяснять мотивацию и медицинский статус лица, совершающего те или иные действия. Современная практика навешивания ярлыка "педофил" по поводу и без повода выглядит жесточайшей профанацией научной терминологии, логики и здравого смысла. В той или иной форме это отмечает большая часть исследователей.

Примерно у 20-22% взрослых гетеросексуальных мужчин и 2.8-4% женщин обнаруживается определенная сексуальная реакция на маленьких детей.²⁸ Верно, что ее сила убывает по мере снижения возраста ребенка, а также то, что она меньше силы реакции на взрослых людей. Приходится признать, что примерно каждый пятый взрослый мужчина и примерно три-четыре женщины из каждой сотни сексуально не равнодушны к детям; но у них влечение к ним не является превалирующим и обычно не приводит к совершению каких-то конкретных действий. Таким образом, при сравнительной редкости педофилов в медицинском смысле сам по себе сексуальный интерес к детям без соответствующих действий представлен довольно широко среди здоровых половозрелых людей.

*Хотя педофилами часто пренебрегают как незначительным, отклоняющимся меньшинством, их увлеченность детскими сексуальными фантазиями и ощущениями, очень вероятно, разделяется весьма большим количеством людей, хотя и в значительно меньшей степени.*²⁹

Что же касается влечения взрослых людей к подросткам, которые биологически уже не являются детьми, но считаются таковыми по закону, то нет никакой нужды отыскивать свидетельства огромному спросу на подростковую сексуальность: количество порнографии, посвященной имитации образа школьницы, девственницы и т.д. зашкаливает, и каждый потребитель порнографии сталкивается с этим постоянно.

Также следует помнить о том, что множество педофилов-насильников, а уже тем более сексуальных убийц детей, является очень малой частью что множества педофилов, что множества людей, совершающих педосексуальные действия. Ассоциировать педофила с насильником так же странно и неоправданно, как ассоциировать с насильником обычного взрослого гетеросексуально ориентированного мужчину.³⁰ В большинстве случаев педофилы не предпринимают насильственных действий, а преподносят свои действия в форме игры, без принуждения:

*Чаще всего педофилы ограничиваются прикосновениями, ласками, шлепками по ягодицам, показом порнографических картинок или беседами на эротические темы.*³¹

Это же констатируют другие исследователи.³² Более точные данные дает Finkelhor:

*Наиболее часто совершаемыми действиями, согласно большинству исследований, являются ощупывания и ласки детей через одежду или под нею. Только в 16-29% случаев злоупотребление заключается в совершении полового сношения или попытке такового.*³³

Нельзя отрицать насильственный характер действий определенного количества лиц, совершающих педосексуальные действия, вне зависимости от того, педофилы они или нет; однако неверно заведомо считать все педосексуальные действия насильственными, жестокими или принудительными.

Ассоциировать педофила исключительно с человеком мужского пола неоправданно, существует определенное количество женщин-педофилов и женщин, совершающих педосексуальные действия, как и женщин, характеризующихся эфебофилией. Среди выявленных людей, совершавших педосексуальные действия, женщины составляют не более 5% от общего числа случаев, где объектом выступала девочка, и около 20% случаев, где объектом выступал мальчик.³⁴ Некоторые авторы отмечают, что количество женщин-педофилов и женщин, совершающих педосексуальные действия, вероятно, недооценено.³⁵ Ассоциировать педофила с маньяком, скитающимся по улицам в поисках жертв также нет никаких оснований:

*Чаще всего совратители детей являются их знакомыми, родственниками или даже членами семьи (например, отчим или сводный брат).*³⁶

Другие авторы также отмечают это:

*50% правонарушений против детей моложе 6 лет совершались членами их семей, как и 42% правонарушений против детей в возрасте от 6 до 11 лет.*³⁷

*93% людей, сексуально злоупотребляющих детьми, хорошо известны своим жертвам; около 34% из них – члены семьи, а 59% – знакомые.*³⁸

Что касается множества людей, совершающих педосексуальные действия, то многие из них никак не могут подпасть под определение педофила, т.к. им еще нет 16 лет и/или не выполняется критерий пяти лет разницы в возрасте. Из всех педосексуальных действий, совершаемых с детьми до 12 лет, около 40% совершаются подростками; чаще всего это делают лица в возрасте около 14 лет.³⁹ Таким образом, неверно всегда ассоциировать лицо, совершающее педосексуальные действия, со взрослым человеком.

Замечательный обзор результатов научных исследований педофилов и педосексуальных действий дан в работе C.W. Ryan, R.C.W. Hall "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues", содержащей ссылки на 117 других статей и монографий.

³ Путаница с определениями и то, как она затрудняет изучение этиологических аспектов педофилии, обсуждается в Ames, Houston "Legal, social, and biological definitions of pedophilia"

⁴ "a persistent sexual interest in prepubescent children", M.C. Steto "Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention"

⁵ "a significantly older individual who prefers to have sex with individuals legally considered children", K.V. Lanning "Cyber "Pedophiles": A Behavioral Perspective"

⁶ C.W. Ryan, R.C.W. Hall "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

⁷ "a sexual preference for children, boys or girls or both, usually of prepubertal or early pubertal age", ICD-10 as provided by the WHO website // <http://apps.who.int/classifications/icd10/browse/2010/en#/F65.4>

⁸ American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Revised 4th ed. Washington, DC: American Psychiatric Association; 2000.

⁹ Не только в области сексологии, но и вообще в рамках медицинской практики понятие болезни (патологии) не имеет четкого общего определения. См., например, H. Merskey "Variable Meanings for the Definition of Disease": "It is argued that there is no agreed definition of disease. Purely biological definitions are inadequate and combined biological and social definitions are not yet satisfactory".

¹⁰ Следует отметить, что некоторые эксперты называют педофилию сексуальной ориентацией. См., например, R. Millette "Pedophilia a 'sexual orientation' experts tell Parliament" // <http://www.lifesitenews.com/news/pedophilia-a-sexual-orientation-experts-tell-parliament/>

¹¹ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (авторская редакция 2011 г.)

¹² См., например, R. Green "Is Pedophilia a Mental Disorder?"

¹³ Таким образом, сам запрет в форме возраста согласия – пример mala prohibita.

¹⁴ P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet", P.25

¹⁵ Имеется в виду плетизмография (метод измерения тумесценции).

¹⁶ "Research on the assessment of pedophiles has undoubtedly been complicated by the fact that not all pedophiles are child molesters and not all child molesters are pedophiles", Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky "Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues"

¹⁷ "Contrary to popular belief, not all sex offenders who target children are pedophiles, and not all pedophiles commit sexual offenses", M.C. Steto "Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention" а также K.V. Lanning "Cyber "Pedophiles": A Behavioral Perspective"

¹⁸ Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»

¹⁹ K.V. Lanning "Cyber "Pedophiles": A Behavioral Perspective"

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»

²³ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (в авторской редакции 2011 г.)

²⁴ Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky "Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues" содержит неплохой обзор исследований на данную тему.

²⁵ G.G. Abel, N. Harlow "The Abel and Harlow child molestation prevention study. Excerpted from The Stop Child Molestation Book"

²⁶ Hall, MD, Ryan C. W.; Richard C. W. Hall, MD, PA. "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

²⁷ "The perpetrator, in all likelihood, is sexually abusing the child in order to meet nonsexual needs", S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", Conceptual Framework

[28](#) Smiljanich, Kathy, Briere, John "Self-Reported Sexual Interest in Children: Sex Differences and Psychosocial Correlates in a University Sample"; J. Briere, M. Runtz "University males' sexual interest in children: Predicting potential indices of "pedophilia" in a nonforensic sample"; M. Freel "Child Sexual Abuse and the Male Monopoly: An Empirical Exploration of Gender and a Sexual Interest in Children".

[29](#) "Though pedophiles are often dismissed as a tiny, aberrant minority, their fascination with childhood sexual fantasies and experiences may be quite widely shared, though to a far milder degree", P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet"

[30](#) Расхожие и неверные определения педофилии и их использование вносят существенную путаницу в изучение проблемы, смешивая различные группы правонарушений, см. Ames, Houston "Legal, social, and biological definitions of pedophilia"

[31](#) Д. Еникеева «Сексуальные извращения»; также S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", A Conceptual Framework

[32](#) J.B. Murray "Psychological profile of pedophiles and child molesters". J Psychol. 2000, A.K. Fuller "Child molestation and pedophilia: an overview for the physician", L.J. Cohen, I.I. Galynker "Clinical features of pedophilia and implications for treatment"

[33](#) "The largest category of abuse in most studies involves groping or fondling of children's bodies on top of or underneath the clothing. Only 16-29 percent of the abuse involves intercourse or attempted intercourse", David Finkelhor "Child Sexual Abuse"

[34](#) Там же.

[35](#) Lisa J. Cohen, PhD and Igor Galynker "Psychopathology and Personality Traits of Pedophiles"

[36](#) Д. Еникеева «Сексуальные извращения»; также S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", A Conceptual Framework

[37](#) "Fifty percent of offenses committed against children younger than 6 years were committed by a family member, as were 42% of acts committed against children 6 to 11 years old", H.N. Snyder "Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics". Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000.

[38](#) "Actually, 93% of child sexual abusers are well known to their victims (Berliner, Schram, Miller, & Milloy, 1995; Bureau of Justice Statistics, 2000); about 34% are family members and 59% are acquaintances (Bureau of Justice Statistics, 2000)", Stacey Katz-Schiavone "Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention"

[39](#) H.N. Snyder "Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics". Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000.

Обсуждение

В общественном сознании прочно укоренились некоторые воззрения, касающиеся педофилов, детской порнографии и борьбы с этими явлениями. Ниже перечислены самые основные из них:

1. Количество педофилов быстро увеличивается, педофилия быстро распространяется, несмотря на усилия по борьбе с ней.
2. Любые действия педофилов всегда наносят ребенку серьезную травму, влекущую непоправимые последствия для психики.
3. Злоумышленники производят в промышленных масштабах детское порно, насилия и растлевая детей, и продают его на черном рынке, зарабатывая миллиарды долларов; количество детской порнографии быстро возрастает.
4. Производство, хранение и распространение детской порнографии должно быть незаконно во всех случаях; это также верно относительно симулированной детской порнографии⁴⁰ и всего, что можно истолковать как таковую.
5. Детская проституция процветает и активно распространяется.
6. Дети невинны и асексуальны; ребенок может являться только объектом – но никогда субъектом сексуального влечения.

7. Ребенком считается любое лицо, не достигшее «возраста согласия».
8. Дети по природе наивны, незрелы и в принципе не могут распоряжаться своим телом, не могут соглашаться на определенные действия или принимать решения до возраста согласия, достигнув которого они могут вступать в половые сношения сознательно и обдуманно; возраст согласия – необходимый элемент регулирования сексуальных отношений в обществе.
9. В борьбе с педофилами хороши любые (а особенно крайне жестокие) средства.
10. Любой, кто выражает сомнения в верности этих воззрений, должен быть заподозрен в педофилии и производстве детской порнографии, т.к. каждому нормальному человеку не придет в голову сомневаться в вышеприведенных высказываниях.

Теперь рассмотрим приведенные выше тезисы, активно поддерживаемые симпатизирующими борьбе с педофилией и детской порнографией людьми. Относительно каждой идеи попробуем установить, имеет ли она свидетельства в свою пользу и насколько она лежит в согласии с научными данными.

⁴⁰ Имеются в виду любые изображения, видео и прочие продукты, в которых фигурируют напоминающие детей рисованные персонажи притом, что реальные дети или подростки никак не вовлечены в производство этих продуктов.

1-й тезис: количество педофилов быстро увеличивается

«Количество педофилов быстро увеличивается, педофилия быстро распространяется, несмотря на усилия по борьбе с ней»

Сколько мы можем судить, борющиеся с педофилами не предоставляют непротиворечивых и убедительных академических свидетельств в пользу идеи о том, что педофилов в медицинском смысле стало больше за последние десятилетия; единственное, что они предоставляют, так это статистику, свидетельствующую об увеличивающемся количестве выявленных педосексуальных действий и о количестве осужденных по различным статьям о педофилии и детской порнографии. Однако даже если реально растёт количество педосексуальных действий, это еще *per se* ничего не сообщает об изменении количества педофилов. Еще более существенно то, что год от года постоянно меняется законодательство (особенно в западных странах), а также критерии в рамках создаваемых прецедентов, поэтому статистика относительно числа осужденных от года к году становится не сопоставимой и нуждается, чтобы сохранить силу, в соответствующих поправках, о которых не идет речи. СМИ и правоохранительные органы констатируют увеличение контингента тюрем в связи с деятельностью по борьбе с педофилами и детской порнографией; о реальном количестве педосексуальных действий или педофилов это мало что сообщает. В научном отношении идея о том, что количество педофилов выросло во много раз, выглядит не менее гипотетичной, чем идея о том, что количество некрофетишистов или апотемнофилов выросло во много раз. Бремя предоставления свидетельств в пользу подобных высказываний возлежит всецело на утверждающих это – как и во всех остальных случаях, в согласии с принципами логики и научного познания. Крайне резкое увеличение случаев сексуального злоупотребления детьми в США в начале 1980-х годов, о котором часто говорят, очень вероятно, показывает лишь, что выросла та часть, вероятно, не меняющегося от времени количества педосексуальных действий, которая попала в поле зрения, т.к. этими вещами заинтересовались.⁴¹ Сама доля педосексуальных действий от общего числа вообще всяких сексуальных действий, скорее всего, не меняется существенно со временем. С повышением интереса к этой теме в начале 1980-х годов просто большая часть этой доли стала попадать привлекать внимание правоохранительных органов. Одно из исследований прямо обнаруживает, что частота педосексуальных действий не изменилась с 1960-х годов.⁴² Автор также замечает, что оценки количества этих действий могут очень сильно различаться в зависимости от определений и методов. Педосексуальные действия, также как и педофилы, обнаруживаются на протяжении всей человеческой истории. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из истории, в частности истории порнографии⁴³, а также и из медицинских и прочих источников.⁴⁴

Обсуждая проблему оценок истинных масштабов изучаемых явлений, S.D. Peters, G.E. Wyatt и D. Finkelhor констатируют факт большой путаницы и противоречивости в оценках 1980-х годов, на которые пришелся первый расцвет общественного внимания к этой теме.⁴⁵ Надо отдать должное данной группе авторов: они со всей академической добросовестностью проделали очень тщательную работу, создав крайне неплохой обзор имевшихся на 1985 год оценок масштабов проблемы и, что много важнее, обрисовав методологические проблемы, с ними связанные. Современные исследования в основном посвящены попыткам оценки частоты педосексуальных действий, т.к. оценить собственно количество педофилов едва ли представляется возможным в силу самых разных причин (начиная с того, что они не всегда предпринимают какие-либо действия).⁴⁶ Что касается современных данных о количестве педосексуальных действий, то согласно одним оценкам, около 32% женщин и 15.6% процентов мужчин

вспоминают о каком-либо "нежеланном сексуальном акте", имевшем место до того, как им исполнилось 17 лет.⁴⁷ Из исследованных женщин, 6.8% подвергались действиям, продолжавшимся более недели.⁴⁸ По другим данным, 17-31% женщин и 7- 16% мужчин испытали подобное в возрасте до 18 лет.⁴⁹ Схожие оценки предлагает ВОЗ.⁵⁰

Подводя итог в данной секции, отметим следующее:

- a. Оценить количество педофилов едва ли вообще представляется возможным в силу того, что в поле зрения попадают люди, совершающие те или иные действия, а не характеризующиеся тем или иным влечением.
- b. Оценить количество педосексуальных действий и сексуальных действий, совершаемых с подростками, также тяжело, т.к. правовые определения ребенка, смешивающие подростков и детей, препятствуют разделению педосексуальных и эфебофильных действий.
- c. При сравнительно большой установленной частоте педосексуальных действий и сексуальных действий с подростками, тяжело установить долю вредных и травматичных действий среди них⁵¹ в силу целого ряда причин: разнообразие мотивов и категорий лиц, совершающих подобные действия (среди которых есть и сами подростки), степень принуждения, степень насильственности, характер самих этих действий, их длительность и вероятность возобновления и т.д.
- d. Невозможно однозначно судить об изменении количества педофилов как и количества педосексуальных действий или сексуальных действий с подростками с течением времени; идея о том, что количество этих вещей сильно возросло, не находит однозначных и достаточных академических свидетельств и сопряжена с едва ли преодолимыми методологическими трудностями; есть основания полагать, что количество педофилов и педосексуальных действий очень мало изменилось за последние полвека.

⁴¹ David Finkelhor "Child Sexual Abuse"

⁴² N. McConaghy "Paedophilia: a review of the evidence"

⁴³ Addams "A New Conscience and an Ancient Evil"; H. Hyde "A History of Pornography"; D. Pivar "Purity Crusade, Sexual Morality and Social Control"

⁴⁴ См., например, Ш. Ференци "Путаница языков взрослых и ребенка".

⁴⁵ D. Finkelhor, S. Araki "A Sourcebook on Child Sexual Abuse", Chapter I Prevalence

⁴⁶ R. Blanchard, M.S. Watson. A. Choy "Pedophiles: mental retardation, maternal age, and sexual orientation"

⁴⁷ "unwanted sexual contact", Bagley C. "The prevalence and mental health sequels of child sexual abuse in a community sample of women aged 18 to 27"

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ N. McConaghy "Paedophilia: a review of the evidence", C.F. Johnson "Child sexual abuse"

⁵⁰ <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs150/en/>

⁵¹ См. следующую секцию.

2-й тезис: действия педофилов всегда наносят травму

«Любые действия педофилов всегда наносят ребенку серьезную травму, влекущую непоправимые последствия для психики»

Само понятие психической травмы очень размыто. Часто, по-видимому, слово «травма» используется здесь фигурально или в каком-то другом смысле: имеется в виду, что ребенок приобретает различные психические проблемы в результате педосексуальных действий. Эта идея имеет многочисленные клинические подтверждения, список перечисляемых симптомов часто крайне широк.

Spataro и Mullen демонстрируют корреляцию между педосексуальными действиями и последующей высокой частотой (в сравнении с не имевшими подобного сексуального опыта) психических расстройств.⁵² Большая часть исследований 1980-х годов сходится в том, что причиняемый психике ребенка вред ярче всего выражен в случаях с насильственными, принудительными действиями, а также

при инцестуозных педосексуальных отношениях с участием отца или отчима.⁵³ Однако, авторы одной из статей 1989 года, обсуждающей имевшиеся на тот момент исследования и их методологические проблемы, замечают:

Высокая частота разводов и психопатологий, наблюдающихся у родителей, чьи дети подвергаются сексуальным злоупотреблениям, крайне затрудняет определение последствий собственно сексуальных действий, т.к. их воздействие трудно отделить от воздействия нездорового семейного климата. В виду широкого спектра возможных исходов, а также методологических проблем, обнаруживающихся в изрядной части рассмотренных исследований, на данный момент представляется невозможным говорить о существовании «синдрома пережитого сексуального злоупотребления» с конкретным набором последствий.⁵⁴

Одна из статей 1984 года обнаруживает, что мальчики 10-16 лет, вовлекавшиеся в педосексуальные отношения со взрослыми мужчинами, по большей части положительно оценивали свой опыт и не считали произошедшее с ними злоупотреблением.⁵⁵ Следует, однако, отметить небольшой размер исследованной выборки ($n = 25$).

С появлением в 1990-х более детальных исследований, мнение академического сообщества несколько изменилось. Крупное метааналитическое исследование 1998 года⁵⁶, выполненное Rind и Tromovitch (APA), пришло к заключению, находившемся в остром противоречии с уже сложившимся к тому моменту общественным восприятием проблемы. Это исследование было в известной степени спровоцировано драконовским законодательством в США (CPPA of 1996), а когда оно вышло, то американский Конгресс специально собрался для того, чтобы подвергнуть его авторов остракизму и объяснить, почему они не могут быть правы(!).⁵⁷ В аннотации читаем:

Метаанализ показал, что студенты, подвергавшиеся сексуальным злоупотреблениям, оказывались в среднем чуть хуже социально адаптированными, чем члены контрольной группы. Тем не менее, этот факт нельзя относить на счет сексуальных злоупотреблений, т.к. семейный климат крайне сильно смешан⁵⁹ с ними и объясняет значительно большую часть вариации в уровне социальной адаптированности. Связь между сексуальными злоупотреблениями и социальной адаптацией становится незначительной⁶⁰ при учете влияния семейного климата. Описанные самими студентами реакции на сексуальные действия, как влияние этих действий не обнаруживают глубоких или ярко выраженных последствий. Мальчики демонстрируют намного менее отрицательные реакции, чем девочки. Эти данные, полученные при изучении студентов университетов, находятся в согласии с данными, полученными при изучении общенациональных выборок. Воззрения относительно (последствий) сексуальных злоупотреблений детьми во всей генеральной совокупности не подтвердились.

Исследование этих же авторов за 1997 год отмечает, что у 11% девочек и 37% мальчиков изначальная реакция на педосексуальные действия была положительной.⁶¹ Авторы статьи за 1993 год заключают:

Некоторые симптомы оказываются характерными для определенных возрастных групп; примерно треть жертв не имеет никаких симптомов. Пенетрация, продолжительность и частота злоупотреблений, степень принуждения, отношения между правонарушителем и ребенком, а также материнская поддержка оказывают влияние на степень выраженности симптомов. Около двух третей подвергшихся сексуальным злоупотреблениям детей возвращаются в нормальное, здоровое состояние в течение первых 12-28 месяцев. Данные свидетельствуют об отсутствии конкретного синдрома или единого травматического процесса у таких детей.⁶²

Исследование 2001 года сообщает:

Хотя обычно жертвы страдают от сексуальных злоупотреблений, как это ни удивительно, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что жертвы сексуальных злоупотреблений могут

*демонстрировать нейтральные и даже положительные реакции – неоднозначный факт, который имеет множество потенциальных объяснений.*⁶³

Исследование 1998 года замечает: "Большинство мальчиков не расценивает допубертатные сношения со старшими женщинами как злоупотребления".⁶⁴

Авторы работы 2007 года замечают:

*Некоторые из них адаптируются к социальной жизни и отличаются сравнительно более высоким уровнем устойчивости к внешним воздействиям, в то время как другие приобретают глубокие негативные изменения.*⁶⁵

Авторы отмечают, что нельзя сбрасывать со счетов некоторый набор установленных корреляций педосексуальных действий с впоследствии обнаруживаемыми расстройствами разного рода. Дети, которые были вовлечены в педосексуальные действия, с большей вероятностью характеризуются депрессией⁶⁶, склонностью к употреблению алкоголя⁶⁷, а также трудностями в интимной жизни во взрослом возрасте⁶⁸ и многими другими симптомами, чем те, с кем этого не случилось. Однако наличие других потенциальных объяснений этих последних явлений, а также методологические трудности препятствуют уверенным суждениям о причинно-следственной связи. Это особенно хорошо видно на примере того факта, что дети, вовлекаясь в педосексуальные действия, имеют больше шансов быть безработными во взрослой жизни⁶⁹; сами исследователи обсуждают всю сложность суждений о причинности в данной ситуации.⁷⁰

Как видно из приведенных научных работ, вопрос о долгосрочных последствиях педосексуальных сношений для психики детей оказался остро политическим, а мнение академического сообщества изменилось с полного отрицания возможности положительных влияний педосексуальных действий на детей (Sgroi⁷¹) до существенных сомнений в том, причиняют ли они всегда заметный вред; даже если вред после педосексуальных действий наличествует, то не ясно, в какой степени он причинно обусловлен педосексуальными действиями, а не прочими семейными обстоятельствами или другими факторами. Любому добросовестному исследователю известно, как сложно перейти от констатации корреляции к суждению о причинности, и, конечно, корреляция во времени сама по себе о причинности никогда ничего не сообщает. Отдельные исследования не обнаружили никаких отрицательных воздействий у изрядной доли изученных детей, а некоторые описывают случаи оценки самими детьми педосексуальных действий, как имевших положительный эффект.⁷²

Обыватель и борцы с педофилами же с поразительным упорством стоят – безо всяких научных исследований – за то, что любые педосексуальные действия для них должны иметь необратимые психические последствия. Это воззрение очень странно. Люди очень разнятся друг от друга по своим личным особенностям и реакциям на различные стимулы, также как сами стимулы эти и потенциально или фактически травматические ситуации характеризуются большим разнообразием. Поэтому ясно, что то, какой именно эффект произведет то или иное событие на каждого отдельного человека, уникально в каждом отдельном случае. Было бы крайне странно за всех переживших железнодорожную катастрофу людей априори решать, что они будут этим непоправимо травмированы: кто-то переживет это, а кто-то не сядет больше никогда в поезд. Также было бы странно относительно всех найденных мертвых людей априори подразумевать, что причина смерти во всех этих случаях – асфиксия, а смерть наступила по умолчанию столько-то часов назад. Однако борцам с педофилией кажется совершенно нормальным за всех детей и применительно ко всем педосексуальным действиям априори разуметь, что дети заработают некую глубокую гомогенную «травму», конкретные проявления которой они по каким-то причинам не любят в деталях описывать.⁷³

И, тем не менее, идея о том, что педосексуальные действия в принципе не могут пройти без необратимых жестоких последствий, очень прочно укоренилась в общественном сознании. Альфред Кинси, автор знаменитых монографий по человеческой сексуальности, был подвергнут остракизму как аморальный субъект и фактически демонизирован в общественном сознании. Хотя, по всей видимости, и не главной, но одной из причин было то, что согласно его исследованиям, многие подвергшиеся педосексуальным действиям мальчики не имели никаких тяжелых психических проблем вследствие этого.⁷⁴ Такому же осуждению и беспочвенным обвинениям подвергаются и ныне люди, которые осмеливаются беспристрастно подходить к исследованию проблемы (подробнее о проявлениях общественной моральной паники речь пойдет ниже).

Отвлекаясь от академических исследований и обращаясь к конкретной судебной практике, следовало бы вести себя также последовательно и аккуратно. В каждом отдельном случае требуется проводить судебно-медицинскую экспертизу с целью установления того, был ли причинен вред психический, вред физический, и если да, то в каком масштабе. Точно так же мы в случае каждого обнаруженного трупа проводим аутопсию с целью выяснения причины и времени смерти. Любые отступления от этого при полном игнорировании научных опытных данных и принятых в медицине практик не только идут вразрез со здравым смыслом, но и, по сути, являются нарушением презумпции невиновности – ведь любые действия, что поглаживания, что поцелуи, уже по умолчанию наносят «травму» не меньшую, чем изнасилования с особой жестокостью.

Наконец, крайне важно остановиться еще на одном пункте. Вопрос, который требует решения, когда речь идет о педофилии и травме от педосексуальных действий, и который немедленно возникает в голове, следующий: в какой мере педосексуальные действия *per se* травматичны, а в какой степени травму создает общественное отношение к подобному факту биографии, когда ребенок знакомится с этим отношением?⁷⁵ Невозможно переоценить важность этого вопроса. К сожалению, невозможно обнаружить научных исследований, которые пытались бы отделить влияние педосексуальных действий как таковых от влияния общественного отношения к ним. Отношение это, надо сказать, не самое лучшее. Эта ситуация в чем-то напоминает ситуацию с просмотром детьми порнографии. Даже если сама порнография не причиняет какого-то вреда, потом моралист-воспитатель выясняет, что ребенок ее видел, и внушает ему чувство вины, всячески давая понять, что ребенок созерцал что-то ужасное. А внушив это чувство вины и прочие неприятные переживания, моралист часто утверждает, что эту «травму» создала порнография сама по себе, а вовсе не моралистское отношение к факту ее просмотра. С педосексуальными действиями и самосознанием и самооценкой людей, которые участвовали в педосексуальных действиях, имеется ровно эта же проблема. В свете выше предложенного обсуждения вопроса о патологичности педофилии и научных данных о последствиях педосексуальных действий, совсем небезосновательной выглядит гипотеза о том, что сами по себе педосексуальные действия как таковые причиняют ребенку в определенных случаях куда меньший психологический вред, чем моралисты, общественное мнение и борцы с педофилами, которые *ex post* внушают ребенку, что с ним произошло что-то ужасное, и что он должен ощущать себя жертвой, даже если до этого он себя таковой не ощущал. Антропологические данные свидетельствуют, что даже инцестуозные педосексуальные действия в рамках определенных человеческих обществ являются культурной нормой и, сколько мы вообще можем судить, не порождают страшных шрамов на детской психике – также как публичная детская нагота, публичные гомосексуальные сношения и т.д. Поэтому самая общая модель постановки проблемы исследования последствий педосексуальных действий должна быть кросскультурной. Подобно тому, как академическое сообщество давно занялось кросскультурным сравнением типичных детских страхов, оно могло бы заняться исследованиями влияния педосексуальных действий на психику детей одновременно в разных цивилизационных контекстах с тем, чтобы, наконец, изолировать влияние педосексуальных действий *per se* от влияния на психику их общественного восприятия как факта биографии.

Следует отметить, что общественное отношение и моральные установки, стыд и чувство вины очень сильно препятствуют нормальному научному изучению педосексуальных действий. Исследователь не может не замечать этого:

*Сексуальные злоупотребления очень тяжело изучать. Вследствие стыда и позора, которые их окружают, жертвы, правонарушители и их семьи не готовы идти навстречу исследователю. Этические дилеммы осложняют многие прямые и простые подходы к поиску ответов на важные вопросы.*⁷⁶

⁵² J. Spataro, P. Mullen "Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study on males and females"

⁵³ См., например, Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. DaCosta, Donna Akman, Erika Cassavia "A review of the long-term effects of child sexual abuse"; Finkelhor, Browne "Impact of child sexual abuse: A review of the research"

⁵⁴ "The high prevalence of marital breakdown and psychopathology among parents of children who are sexually abused makes it difficult to determine the specific impact of sexual abuse over and above the effects of a disturbed home environment. Given the broad range of outcome among sexual abuse victims, as well as the methodological weaknesses present in many of the studies reviewed, it is not possible at this time to postulate the existence of a "post-sexual-abuse-syndrome" with a specific course or outcome", Joseph H. Beitchman,

Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. daCosta, Donna Akman "A review of the short-term effects of child sexual abuse"

[55](#) T.G.M. Sandfort "Sex in pedophilic Relationships: An empirical Investigation Among a Nonrepresentative Group of Boys"

[56](#) Bruce Rind, Philip Tromovitch "A meta-analytic examination of assumed properties of child sexual abuse using college samples". Отрывок из аннотации, цитируемый далее по тексту статьи: "Meta-analyses revealed that students with CSA⁵⁸ were, on average, slightly less well adjusted than controls. However, this poorer adjustment could not be attributed to CSA because family environment (FE) was consistently confounded with CSA, FE explained considerably more adjustment variance than CSA, and CSA-adjustment relations generally became nonsignificant when studies controlled for FE. Self-reported reactions to and effects from CSA indicated that negative effects were neither pervasive nor typically intense, and that men reacted much less negatively than women. The college data were completely consistent with data from national samples. Basic beliefs about CSA in the general population were not supported".

[57](#) H. Wakefield "The Effects of Child Sexual Abuse: Truth versus Political Correctness"

[58](#) Имеется в виду Child Sexual Abuse

[59](#) В данном случае "confound" означает смешивание факторов в статистическом анализе.

[60](#) По всей вероятности, имеется в виду падение устанавливаемой с помощью t-теста статистической значимости (statistical significance) оцененного коэффициента уравнения регрессии при добавлении дополнительного предиктора.

[61](#) Bauserman, R., & Rind, B. "Psychological correlates of male child and adolescent sexual experiences with adults: A review of the nonclinical literature"

[62](#) Some symptoms were specific to certain ages, and approximately one-third of victims had no symptoms. Penetration, the duration and frequency of the abuse, force, the relationship of the perpetrator to the child, and maternal support affected the degree of symptomatology. About two-thirds of the victimized children showed recovery during the 1st 12–28 mo. The findings suggest the absence of any specific syndrome in children who have been sexually abused and no single traumatizing process", Kendall-Tackett, Kathleen A., Williams, Linda M., Finkelhor, David "Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies"

[63](#) "Although victims typically suffer from sexual abuse, surprisingly, some evidence suggests that victims of sexual abuse can exhibit neutral or even positive outcomes, a controversial finding that has numerous possible explanations", D.S. Bromberg, B.T. Johnson "Sexual interest in children, child sexual abuse, and psychological sequelae for children"

[64](#) "most boys do not consider their prepubertal experiences with older women abusive", N. McConaghy "Paedophilia: a review of the evidence"

[65](#) "The specific long-term effects on abused children as they grow into adulthood are difficult to predict. Some individuals adapt and have a higher degree of resilience, whereas others are profoundly and negatively changed", Ryan C. W. Hall; Richard C. W. Hall (2007-04) "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

[66](#) C. Bagley "The Prevalence of Mental Health Sequels of Child Sexual Abuse in a Community Sample of Women Aged 18 to 27"

[67](#) H.H. Filipas, S.E. Ullman "Child sexual abuse, coping responses, self-blame, posttraumatic stress disorder, and adult sexual revictimization"

[68](#) M. Testa, C. VanZile-Tamsen, J.A. Livingston "Childhood sexual abuse, relationship satisfaction, and sexual risk taking in a community sample of women"

[69](#) C. Bagley, M. Wood, L. Young "Victim to abuser: mental health and behavioral sequelae of child sexual abuse in a community survey of young adult males"

[70](#) Там же.

⁷¹ S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", A Conceptual Framework

⁷² Berliner & Conte, 1993; Beitchman, et al, 1991, 1992; Dolezal, & Carballo-Diequez, 2002; Finkelhor, 1990; Friedrich, Whiteside, & Talley, 2004; Levitt & Pinnell, 1995; Parker & Parker, 1991; Pope & Hudson, 1992; Runtz, 2002; Stander, Olson, & Merrill, 2002

⁷³ Даже авторы 1980-х отмечали отсутствие какой-то единой симптоматической картины или четкого прослеживающегося единообразного травматического процесса в отличие от картины PTSD (posttraumatic stress disorder).

⁷⁴ H. Wakefield "The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness"

⁷⁵ C. Crosson-Tower "Understanding child Abuse and Neglect"

⁷⁶ "Sexual abuse is an extremely difficult problem to study. Because of the shame and stigma that surround it, victims, offenders, and their families are not eager and cooperative research subjects. Ethical dilemmas hamper and complicate many direct and simple approaches to answering important questions", D. Finkelhor, S. Araki "A Sourcebook on Child Sexual Abuse"

3-й тезис: детская порнография широко распространена

«Злоумышленники производят в промышленных масштабах детское порно, насилия и растлевая детей, и продают его на черном рынке, зарабатывая миллиарды долларов; количество детской порнографии быстро возрастает»

Также как и сам термин «педофил», «детская порнография» является крайне вольготно трактуемым термином. Не требуется вспоминать всю проблематичность вообще любых правовых определений порнографии и прояснений ее статуса; в случае с детской порнографией ситуация очевидно усугубляется определением слова «детская».

Детская порнография имеет долгую историю. Ее появление в интернете знаменует лишь последнюю фазу этой истории.⁷⁷ Фотоматериалы с обнаженными детьми активно производились в викторианскую эпоху и на протяжении 20 века⁷⁸, когда к ним прибавились также киноматериалы.⁷⁹ Порнографическая литература⁸⁰ не отставала, а равно и гравюры и вообще изобразительное искусство.⁸¹ С легализацией порнографии в большей части цивилизованных стран в самом конце 1960-х – начале 1970-х, возник новый виток в производстве того, что сейчас обычно называется детским порно. Из художественных фильмов можно вспомнить драму «Распутное детство» (1977) (ныне запрещена как порнографическая), а из коммерческой порнографии – серию выпусков "Teenage Sex" от студии Color Climax, в которых участвовали подростки (многие выпуски ныне также ретроспективно признаны детской порнографией и запрещены). С принятием первых законов о детской порнографии в конце 1970-х в США производство подобных видеоматериалов (имевшее место преимущественно в Скандинавии) начало исчезать. Подростковая порнография не привлекала к себе никакого внимания в 70-е и не вызывала осуждения; эти явления обнаруживаются с 1980-х годов и продолжают и поныне. Что касается порнографии с участием детей допубертатного возраста, то о ее количестве и его динамике довольно трудно судить. Здесь возникает та же проблема, что и с оценкой количества педофилов и педосексуальных действий: нельзя наверняка знать, стало ли детской порнографии реально больше производиться, или дело в том, что – хотя ее количество могло остаться, например, и неизменным – большая часть этого количества стала попадать в поле зрения правоохранительных органов с повышением внимания к этой теме. Некоторые же авторы указывают, что производство детской порнографии фактически прекратилось в 1978 с принятием первых законов, а истории об увеличении ее количества в 1980-х являются плодом социальной паники.⁸² С другой стороны, с появлением интернета большая часть исследователей стала держаться того мнения, что ее количество растет.⁸³ При этом акцент в изучении проблемы почти полностью смещается в сторону рассмотрения ее в контексте возможностей, предоставляемых компьютерами и новыми средствами коммуникации:

*Эти средства коммуникации существенно способствуют производству, воспроизводству и распространению детской порнографии, а равно и сокрытию этой деятельности от правоохранительных органов.*⁸⁴

Однако исследование 2002 года говорит о недостатке данных и малой изученности масштабов производства детской порнографии.⁸⁵

Также как и о педофилах, о детской порнографии широкая общественность ничего не слышала и не знала до конца 1970-х годов. С момента появления первых законов о детской порнографии в США в конце 70-х, подобные законы были приняты во многих других странах мира и претерпели очень сложную эволюцию. Детской порнографией суды США признавали весь спектр вещей: от видео изнасилований детей (что вполне разумно) до компьютерных рисунков, в том числе с персонажами мультфильмов (которые, напомним, не являются субъектами права, т.к. не являются реальными личностями). Вообще те изображения взрослых людей, которые большинство людей сочтет эротическими, а не порнографическими, в случае с детьми и подростками (которые, хоть биологически и не дети, но «дети» по закону в силу «возраста согласия») все равно всегда объявляются порнографическими. Термин «детская эротика» услышать практически невозможно. Подробная история развития законов о детской порнографии и всех сопряженных с ней и крайне экстравагантных правовых практик подробно описана в одной из академических статей, посвященных данной теме.⁸⁶ Приводимые автором примеры процессов и решений суда демонстрируют очень странную тенденцию: в отличие от обычного сужения определений в рамках создания прецедентов (что всегда было характерно для американской правовой практики), в случае с детской порнографией имеет место прямо обратное: с течением времени судьи все шире и шире толкуют детскую порнографию, признавая таковой практически все, что угодно. В 1993 году⁸⁷ суд признал детской порнографией видеозаписи с участием одетых детей.⁸⁸

В 1996 году в США был принят закон, озаглавленный Child Pornography Prevention Act (CPPA). Согласно ему, детской порнографией признавались даже материалы (например, рисунки), которые не запечатлевали никаких реальных детей или подростков⁸⁹, т.к. не являлись видео- или фотоматериалами. Тем не менее, они признавались детской порнографией, несмотря на тот факт, что при их производстве не использовались (и уж точно не страдали) дети или подростки. Этот закон вызвал череду скандалов, а его конституциональность была подвергнута сомнению. Спустя шесть лет разбирательств, Верховный Суд США уничтожил этот закон как неконституционный, и забавные порнографические картинки, например, с принцессой Айлонви из диснеевского мультфильма 1985 года перестали считаться детской порнографией. На протяжении периода с 1996 по 2002 год человек, у которого подобные картинки были обнаружены, имел все шансы сесть в тюрьму как преступник, а государство (в конечном счете, налогоплательщики) оплачивало бы содержание его там.

В Британии первый закон о детской порнографии был принят в 1978 году⁹⁰; он был дополнен новым актом в 1994 году⁹¹, который сделал нелегальным производство псевдофотографий (pseudo-photographs) детей, т.е. материалов, получавшихся при компьютерном наложении лица ребенка на эротические или порнографические фотографии взрослых людей. Закон 2003 года повышает минимальный возраст лица, могущего легально сниматься в порнографии с 16 до 18 лет.⁹²

В Германии симулированная (виртуальная) детская порнография в настоящий момент незаконна, и ее распространение может окончиться для человека пятью годами тюрьмы.⁹³ В Австралии порнографические изображения с Бартом и Лизой Симпсонами были признаны детской порнографией.⁹⁴ Судья заметил, что "Тот факт, что они не являются реалистичными изображениями людей, не означает, что они не могут рассматриваться как люди".⁹⁵ В ЮАР обладателя подобной картинки, также классифицируемой как детская порнография, ожидает минимум 10 лет тюрьмы.⁹⁶ В Канаде под определение детской порнографии подпадет также текстовое описание секса Барта с Лизой.⁹⁷ Оно рассматривается также как видеозаписи сексуальных истязаний, его хранение или производство влечет сходные последствия. Хранение и загрузка детской порнографии не предусматривают ее сохранения и загрузки на компьютер: хранением считается даже просмотр материала в сети.⁹⁸

В России на рассмотрение Госдумы поступил законопроект, согласно которому, детской порнографией признается даже описание совершеннолетнего лица, имитирующего несовершеннолетнего (до 18 лет).⁹⁹ Закон принят в первом и втором чтениях.¹⁰⁰

Эти факты как нельзя лучше показывают всю странность и широту определений детской порнографии и понятий, связанных с нею, в разных странах. Во многих случаях сами законодатели и судьи не могут разобраться, отдавать ли им предпочтение критериям сексуальности или непристойности (obscenity) при решении вопроса о том, является ли что-то детской порнографией или нет.¹⁰¹ Исследователи отмечают, что вместо изменения законов в сторону их большей конкретности и более точных определений, имеют место нарочитые и бесполезные обсуждения того, как надлежит интерпретировать имеющиеся законы, что приводит к их практической бесполезности.¹⁰²

Нет необходимости снова подробно останавливаться на том, что постоянные изменения законодательных определений вредят сопоставимости статистических данных за разные периоды. Особенно проблема определений оказывается трудна в случае с оценками количества детской порнографии в интернете:

*Это проблема встает особо в случае с Интернетом, т.к. в таком глобальном сообществе культурные, моральные и правовые различия затрудняют определение «порнографичности».*¹⁰³

Подводя итог, необходимо сказать, что, как и в случае с оценками количества педофилов и педосексуальных действий, невозможно сделать никаких категоричных однозначных выводов. Неакадемические публикации пестрят астрономическими темпами роста при фактически полном отсутствии обсуждения определений и методов оценки; академические публикации более умеренны в приводимых цифрах, несколько противоречивы и идентифицируют ряд методологических проблем. Почти все эти публикации ныне в большей степени посвящены оценке масштабов проблемы в интернете. Помимо изменяющихся и сильно варьирующих определений детской порнографии, мешает однозначности выводов неясность относительно того, стало ли больше в интернете новой порнографии, или увеличивается количество передач и копий уже имеющейся, как и относительно того, следует ли считать увеличением количества порнографии ситуацию, при которой не существовавшие в интернете материалы были оцифрованы и загружены туда. Ведь оценить количество детской порнографии в эпоху до интернета, когда она имела очень узкие каналы распространения, представляется совсем затруднительным. Кроме того, фильмы, подобные снятым студией Color Climax и ретроспективно признанные детской порнографией, с возникновением интернета были туда загружены, а ныне передаются и распространяются, скорее всего, во все большем масштабе просто за счет интереса к ним как к «винтажным» (это касается огромного количества других эротических и порноматериалов) и развития P2P-сетей. Поэтому с методологической точки зрения, корректнее было бы фокусировать свое внимание на том, сколько новой, недавно произведенной детской порнографии появляется. Упущение из виду этого момента запросто приводит к смешению изучения роста интернета и данных в нем вообще и изучения возникновения новых материалов безотносительно того, попадают они туда или нет.

Что касается оценки масштабов рынка детской порнографии, то за неимением каких бы то ни было точных или даже приблизительных академических данных я воздержусь от любых оценок. Неакадемические публикации проводят идею о том, что детская порнография – самая быстро растущая отрасль бизнеса в сети и имеет многомиллиардные обороты.¹⁰⁴ Академических данных на этот счет обнаружить практически невозможно. За неимением средств к суждению, я оставляю вопрос о том, так это или нет, открытым. Тут, однако, следует считаться с тем фактом, что в сети почти никто никогда не платит за доступ к порнографии. Так как почти все передачи ее от одного пользователя к другому осуществляются на бесплатной основе (как и передачи практически любых других материалов), то оценка количества передач детской порнографии едва ли может служить хорошим приближением количества первичных распространений (бесплатных или платных).

Обыватель не задумывается о проблемах определения и методологии, поэтому большинство людей верит, что количество детской порнографии резко увеличивается день ото дня и что достать ее очень просто.¹⁰⁵ Вероятно, в какой-то степени причина этого заблуждения кроется в большом количестве сайтов, которые обещают детскую или подростковую порнографию, однако, предоставляют материалы со взрослыми людьми: "В сущности, все так называемые «Лолита-сайты», которые легко обнаружить в Интернете, содержат материалы с существенно более взрослыми женщинами".¹⁰⁶ В реальности же истории о повсеместно легкодоступной детской порнографии в интернете примерно также правдоподобны, как истории о покупке оружейного плутония или химического оружия в супермаркете. Исследователи подчеркивают скрытность распространителей и трудность обнаружения детской порнографии в интернете.¹⁰⁷ Она оказывается крайне редкой на общедоступных ресурсах в сети.¹⁰⁸

⁷⁷ P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet", P.23; R. Wortley, S. Smallbone "Child Pornography on the Internet", US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

⁷⁸ Baron Wilhelm Von Gloeden "Taormina"

⁷⁹ Первый порнографический фильм с детьми (Preteen Slut: The Motion Picture) был выпущен в 1915 году.

⁸⁰ Достаточно указать 11-томный (!) порнобестселлер "My Secret Life" (около 1888 года), описывающий, помимо всего прочего, педосексуальные сношения.

⁸¹ Можно обратиться к гравюрам Martin'a Von Maele (1863–1926), в частности серии La Grande Danse Macabre de Vifs, также работам художников Franz von Bayros (1866–1924) и Luc Lafnet (1899–1939).

⁸² L.A. Stanley "The Child Porn Myth"

- [83](#) R. Wortley, S. Smallbone "Child Pornography on the Internet", US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41
- [84](#) "These communications media have markedly facilitated the production, reproduction, and dissemination of child pornography as well as the concealment of this activity from law enforcement", A. Grant, F. David, P. Grabovsky "Child Pornography in the Digital Age", 1997
- [85](#) R.L. Pierce "Child pornography: A hidden dimension of child abuse"
- [86](#) A. Adler "The Perverse Law of Child Pornography"
- [87](#) United States v. Knox
- [88](#) Jenkins, P. (2001), "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet"
- [89](#) Это обычно называется simulated child pornography (SCP) («симулированная детская порнография») или virtual child pornography (VCP) («виртуальная детская порнография»).
- [90](#) Protection of Children Act (1978)
- [91](#) Criminal Justice and Public Order Act (1994)
- [92](#) Sexual Offences Act (2003)
- [93](#) C. Johnson "Brave new world or virtual pedophile paradise? Second Life falls foul of law"
- [94](#) <http://www.metro.co.uk/news/436091-fake-simpsons-cartoon-is-child-porn>
- [95](#) "the fact they were not realistic representations of human beings did not mean that they could not be considered people", там же.
- [96](#) Films and Publications Amendment Bill (2003)
- [97](#) Criminal Code of Canada // <http://www.efc.ca/pages/law/cc/cc.163.1.html>
- [98](#) R. Wortley, S. Smallbone "Child Pornography on the Internet", US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41
- [99](#) Законопроект № 349188-5 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=349188-5&02>
- [100](#) Там же.
- [101](#) M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime"
- [102](#) L.N. Strayer "Ambiguous Laws Do Little to Erase 'Kiddie Porn'"
- [103](#) "This is a particular problem in relation to the Internet, where cultural, moral, and legal variations make it difficult to define "pornographic" in such a global society", Quayle, Taylor, Holland "Child Pornography: The Internet and Offending"
- [104](#) Смотри, например, J. Climaco "'Kiddie Porn': More Than You Think It Is"
- [105](#) Подобные же идеи прослеживаются и у некоторых правоведов. См., например, A. Rogers "Child Pornography's Forgotten Victims"
- [106](#) "Virtually all the so-called Lolita sites that are easily discovered on the Internet do, in fact, involve much older women", P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet"
- [107](#) B.H. Schell, M.V. Martin, P.C.K. Hung, L. Rueda "Cyber child pornography: A review paper of the social and legal issues and remedies – and a proposed technological solution"
- [108](#) Forde and Patterson (1998); Jenkins (2001); Lesce (1999)

4-й тезис: детская порнография должна быть незаконна

«Производство, хранение и распространение детской порнографии должно быть незаконно во всех случаях; это также верно относительно симулированной детской порнографии и всего, что можно истолковать как таковую»

Зададимся вопросом о том, почему вообще детская порнография запрещается. Обычно на этот вопрос дается несколько ответов, которые касаются отдельно производства и хранения, использования и распространения подобных материалов. Рассмотрим эти ответы последовательно.

А) Утверждается, что при производстве детской порнографии страдают дети и подростки («дети» в правовом отношении), которые в них участвуют.

Тут, как и в случае с любыми педосексуальными действиями, следует воздержаться от любых разумений по умолчанию. В данном случае сохраняет силу все сказанное выше при обсуждении вообще вреда педосексуальных действий (перед камерой они происходят или нет). К этому следует прибавить обсуждение того, наносится ли детям вред при производстве детской эротики (которую неразборчивый обыватель и прокурор неизменно тоже именуют порнографией) или нет. Этот вопрос я оставляю открытым как нуждающийся в академическом внимании. В общем и целом, тут приходится также предполагать, что для одних детей последствия будут отрицательны, для других они вообще могут отсутствовать. Степень принуждения и частота каждого элемента всего спектра педосексуальных действий, представленных в детской порнографии, нуждаются в отдельном скрупулезном изучении. Без данных на этот счет, мы не можем уверенно судить о том, что по факту содержит детская порнография (доступная очень узкому кругу работников правоохранительных органов). Насколько часто в ней представлено собственно половое сношение, а насколько часто ласки без попыток коитуса? В зависимости от ответа на этот и подобные вопросы мы и должны строить свое отношение к детской порнографии – при условии, что мы уже знаем, какие педосексуальные действия какими последствиями характеризуются. В этой связи можно привести одно исследование 2007 года¹⁰⁹, авторы которого изучили состав порнографических материалов, изъятых у владельцев. В 44% случаев самыми жесткими оказывались изображения обнаженных или просто позирующих детей; в 7% – изображение сексуальной активности между детьми; в 7% – изображения сексуальной активности между взрослыми и ребенком без собственно коитуса; в 37% – собственно коитус между взрослым и ребенком; в 5% – садистические или зоопедосексуальные действия. Как видно из приведенных данных, было бы неверно полагать, будто материалы, именуемые детской порнографией, всегда содержат сцены насилия или даже полового акта. В силу этого факта, в рамках правовой практики возникли различные шкалы оценки жесткости детской порнографии и эротики: шкала COPINE (1997, 10 градаций от "indicative" [зд. «намекающий»] до "sadistic/bestiality" [садизм/сношения с животными]) и шкала SAP (2002, 5 градаций от "Nudity or erotic posing with no sexual activity" [нагота или эротические позы без сексуальной активности] до "Sadism or bestiality" [садизм или сношения с животными]). Примечательно, что в рамках первой шкалы даже самые невинные, а также легальные нудистские фотографии, тем не менее, получают статус abuse images. В большинстве своем дети, фигурирующие в детской порнографии, не были для этого похищены или силой принуждены к участию.¹¹⁰

Что касается симулированной (виртуальной) детской порнографии, то, очевидно, вышеозначенный аргумент полностью теряет силу, т.к. никакие реальные дети или подростки вообще не участвуют в ее производстве.

Б) Утверждается, что просмотр детской порнографии (даже симулированной) причинно обуславливает рост количества педосексуальных действий в реальном мире, превращая в активных педофилов тех, кто ими не являлся, или бездействующих педофилов побуждая к действию. Этим обычно обосновывают запрет на ее хранение и распространение в любых целях, включая некоммерческие.

Само приведенное высказывание ничем по своей сути не отличается от идеи о том, что кинохроника второй мировой войны способствует началу третьей. Однако, как и всегда, обратимся к научным данным. Изучение влияния любой порнографии на дальнейшее поведение и психическое здоровье сопряжено с рядом неодолимых трудностей, из которых наиболее очевидной является трудность перехода от установления корреляций к суждениям о причинности, в частности в силу наличия большего количества конкурирующих предикторов тех или иных расстройств или тревожных явлений.¹¹¹ Ситуация также затрудняется этическими проблемами, связанными с проведением эксперимента в данной области.¹¹² Что касается изучения связи детской порнографии с сексуальными злоупотреблениями детьми, то никакой четкой причинной связи однозначно проследить не удается: "Обзор исследовательских работ подсказывает нам, что порнография является незначительным фактором, лишь косвенно влияющим на сексуальные злоупотребления детьми".¹¹³ Другие авторы также указывают на то, что сложно судить о том, насколько часто просматривающие детскую порнографию лица переходят к реальным действиям, а

также, сколько из тех, кто переходит к ним, не перешел бы к ним без детской порнографии.¹¹⁴ Некоторые исследователи, тем не менее, отмечают, что просмотр детской порнографии может повысить риск совершения педосексуальных действий.¹¹⁵

Нельзя также отбросить идею о том, что детская порнография, вероятно, не увеличивает, а напротив, снижает количество педосексуальных действий в реальном мире, т.к. дает педофилам и другим людям, которые имели какую-то тягу к совершению педосексуальных действий, своеобразную отдушину для изживания их влечений перед монитором, а не в реальной жизни.¹¹⁶ В этой связи следует вспомнить тот факт, что легализация порнографии и повышение ее доступности вообще обычно сопровождаются снижением всех форм сексуальной преступности. Тут можно указать на Данию в 1970-е¹¹⁷, а также на опыт Японии¹¹⁸ и США¹¹⁹. Пример Дании особенно показателен, т.к. было установлено, что легализация подростковой порнографии ответственна за снижение числа сексуальных преступлений против детей и подростков.¹²⁰

Вообще же стоит отметить, что обсуждаемый тут аргумент против детской порнографии выглядит крайне странно в свете многих фактов социальной реальности. Например, не слышно выступлений борцов с педофилами против того, чтобы у многих родителей дети в голем виде находились в общественных местах. Обнаженных детей разных возрастов несложно встретить на любом пляже. Но ведь если обсуждаемый аргумент верен, и детская порнография действительно причинно обуславливает рост количества педосексуальных действий и рост числа педофилов, то уж живая физически реальная детская натура должна была бы обращать в педофилов всех посетителей пляжей в огромном радиусе. Выходит, реального педофила нельзя привлечь к суду, если он отправится на пляж и будет, прикрывшись, онанировать на обнаженных детей, однако можно привлечь к суду родителя-непедофила за фотографию ребенка в ванной для семейного альбома. Неясно, как быть с фотографиями нудистов и их детей, которые легальны и доступны в сети и как может фотография целой группы обнаженных детей-нудистов не считаться детской порнографией¹²¹, притом, что даже рисунки персонажей мультфильмов считаются таковой. Не понятно также, кого карать в случаях, когда дети сами¹²² производят и распространяют детскую порнографию, как и то, кто в таких ситуациях кем сексуально злоупотребляет.

Если бы борцы с детской порнографией были последовательны в своих устремлениях, закономерным концом их борьбы был бы запрет на детей в реальном физическом мире, ведь кто, если не они, больше всего провоцирует педофилов? Также непонятно отсутствие выступлений борющихся с педофилами и детской порнографией против компаний, выпускающих детскую косметику и все более и более сексуализированную и откровенную детскую одежду, против постановки музыкальных и прочих театральных номеров с танцующими в весьма откровенных нарядах детьми.¹²³ Сексуализация детской одежды и детская косметика (которые также должны, несомненно, по логике общественных активистов, провоцировать педосексуальные действия) не привлекают внимание борющихся за права детей и их половую неприкосновенность. Вероятно, дело в том, что эти активисты выбирают более легкие мишени, чем огромные корпорации, молчаливо закрывая глаза на последние.

Сторонний наблюдатель не может не замечать, что дело не только в драконовском законотворчестве, неразберихе с определениями и путанице со статистикой; дело еще и в том, как все это выглядит в контексте современного общества на фоне многих его реалий, в частности на фоне заметной сексуализации детей индустрией моды. Вопрос о том, может ли 12-летняя девочка соглашаться, сознательно решать использовать косметику или откровенно одеваться, будет оставлен здесь без ответа, но это очень хороший вопрос.

В) Утверждается, что при совращении люди, совершающие педосексуальные действия, могут использовать детскую порнографию, чтобы убедить ребенка или подростка, что предлагаемое ему – нормально.

Мы точно знаем, что определенное количество ножей, топоров и молотков может и будет использовано для убийства. Не оправданно и странно, однако, было бы на этом основании запретить их производство, хранение, распространение. Столь же странно выглядит выше приведенное высказывание, особенно в свете того факта, что для совращения детей с тем же успехом используются обычные книги о человеческой сексуальности и служащие целям сексуального образования.¹²⁴ Если следовать образу мышления борцов с детской порнографией, то эти книги следует также признать нелегальными.

Г) Утверждается, что совершающие педосексуальные действия лица, производя детскую порнографию, используют ее для последующего шантажа ребенка с целью принуждения его к сохранению факта педосексуальных действий в тайне.

Один из наиболее редких аргументов. Он выглядит резонным, однако следует выяснить, насколько распространена эта ситуация, т.е. какую долю во множестве известных мотивов для хранения детской

порнографии занимает данный мотив. Кроме того, данный аргумент не распространяется ни на кого, кроме лиц, совершающих педосексуальные действия и хранящих и производящих детскую порнографию с теми детьми, которые в этих действиях участвуют.

В данной секции хотелось бы также обратить внимание на аудиторию детской порнографии, чья структура достойна отдельного обсуждения. Вопреки возможному заблуждению, не каждый, кто просматривает, ищет или хранит детскую порнографию или симулированную детскую порнографию, является педофилом или человеком, желающим совершать или склонным к совершению педосексуальных действий. Нет также причин, по которым каждый педофил должен был бы иметь детскую порнографию.¹²⁵ Так как, изучая данный вопрос, мы сталкиваемся с пересечением как минимум трех множеств людей, отношения между ними удобно представить на диаграмме Эйлера-Венна.

Трудно судить о соотносительных размерах этих множеств и их пересечений. Относительно пересечения множества лиц, хранящих детскую порнографию и множества лиц, совершающих педосексуальные действия, мы имеем основания считать, что оно составляет примерно 40% от всего множества лиц, хранящих детскую порнографию.¹²⁶ Сложность структуры множества всех обладателей детской порнографии или ищущих ее лиц отражена в соответствующих исследованиях: "Тяжело описать типичного обладателя детской порнографии, т.к. не существует какого-то одного типа лица, повинного в ее хранении".¹²⁷ Некоторые авторы предпринимают попытки создания подробных типизаций лиц, ищущих и хранящих детскую порнографию.¹²⁸ Исследователи

выделяют самые разные мотивы к поиску детской порнографии – от сексуального удовлетворения до жажды разнообразия, любопытства и либерального убеждения в том, что любая информация должна быть доступна.¹²⁹ Сравнение лиц, совершивших педосексуальные действия с лицами, хранившими детскую порнографию (две исследованные группы не пересекались) показало, что вторые имели значительно меньшую склонность к рецидивизму, чем первые; тем не менее, исследование обнаружило определенные психологические сходства двух групп.¹³⁰ Исследователи отмечают заметный рост количества лиц, ищущих детскую порнографию в сети на протяжении 1990-х годов¹³¹; об изменении количества педофилов и лиц, совершающих педосексуальные действия это, в сущности, ничего не сообщает: это ясно в свете широкого спектра возможных мотивов к поиску. При нагнетании общественной паники не исключено, что горячее обсуждение детской порнографии законодателями, полицией и СМИ ответственно за какую-то часть новых заинтересовавшихся детской порнографией людей, которые без этого обсуждения никогда даже не задумались бы о детях, как о сексуальных объектах. То, в какой мере законы о педосексуальных действиях и детской порнографии, а также сопряженная с ними практика, в действительности сексуализируют детей в общественном сознании, остается крайне интересным вопросом. Некоторые исследователи специально подробно останавливаются на нем.¹³² Здравый смысл подсказывает, что, случись иметь место постоянному муссированию темы порнографии с трупами в СМИ, некоторое количество людей из чистого любопытства пожелало бы найти и самим посмотреть подобные материалы, чтобы узнать, о чем же именно столько шума. Нет нужды напоминать, какой популярностью в сети среди обывателей пользуются любые шокирующие материалы.

Также следует отметить, что люди, действительно являющиеся педофилами, могут собирать обычные, ничуть не порнографические и не эротические фотографии детей¹³³, т.к. они также их возбуждают. Если быть последовательным, то в свете этого факта «логику» борцов с детской порнографией следовало бы распространить на вообще любые изображения детей (любые фотографии, фильмы, рисунки, гравюры, скульптуры) и запретить их все вовсе.

В связи с обсуждением детской порнографии и идеями борцов с нею относительно того, почему она должна быть запрещена, хочется провести одну замечательную аналогию. В сети существует большое количество ресурсов, посвященных никак не цензурированным фото- и видеоматериалам, на которых запечатлены пытки, казни, убийства, геноцид, истязания, самоубийства, аварии и катастрофы, редкие и особо впечатляющие своей жестокостью сцены войны и т.д. Эти ресурсы посещаются большим количеством людей каждый день, при этом не попадая практически никогда в поле зрения СМИ или моралистов. Подобные материалы никто или почти никто не пытается запретить: здравый смысл подсказывает, что преследовать следует тех, кто на кадрах хроники отрезает головы или хоронит людей заживо, в то время как просматривающий, сохраняющий или ищущий подобные материалы сам не совершает никаких противоправных действий и не причиняет никому вреда. Также абсурдной выглядит идея о том, что кадры авиакатастроф провоцируют новые авиакатастрофы, кадры обезглавливания в

горах Вазиристана – новые обезглавливания, кадры войны – новые войны, фотографии жертв отряда 731 – новые вскрытия детей и беременных заживо без анестезии. Тем не менее, применительно к детской порнографии высказываются ровно эти идеи. Особенно стоит отметить огромное количество медиапродуктов с насилием, не говоря уже о целом жанре японской порнографии садистического толка (guro), который насчитывает сотни тысяч изображений. Если бы образ мышления борцов с детской порнографией был распространен на все это, то ныне даже хранение старой видеокассеты с классическим американским боевиком или DVD с игрой Prince of Persia должно было бы быть незаконным. Вся абсурдность подобных запретов при отсутствии достаточных академических оснований в данном случае очевидна; в области детской порнографии абсурдность нынешних законов и мер ничуть не меньшая, обыватель не замечает ее, т.к. привык поддерживать эти законы и меры.

Обсуждение симулированной (виртуальной) детской порнографии в сравнении с медиапродуктами с насилием приводится в одной из статей о проблеме подобной порнографии. Автор справедливо замечает:

*В то время как я не пытаюсь утверждать, что виртуальная детская порнография является морально допустимой, я хочу донести ту мысль, что если это так, то существенная часть популярных развлекательных продуктов (которые содержат изображения убийств) также должна быть рассмотрена с подобных позиций. Таким образом, поднимаемые вопросы затрагивают не только людей, играющих в компьютерные игры, но и большую часть массовой культуры.*¹³⁴

¹⁰⁹ Claire Milner, Ian O'Donnel "Child Pornography: Crime, Computers and Society"

¹¹⁰ Lanning, K., and A. Burgess (1989). "Child Pornography and Sex Rings"

¹¹¹ D. Zillmann, J. Bryant "Pornography: Research Advances and Policy Considerations", P.397

¹¹² Там же.

¹¹³ "An assessment of the research literature suggests that pornography is a minor and indirect influence on child sexual maltreatment", D.D. Knudsen "Child sexual abuse and pornography: Is there a relationship?"

¹¹⁴ Ryan C. W. Hall; Richard C. W. Hall (2007-04). "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"

¹¹⁵ Linz and Imrich (2001); Marshall (2000).

¹¹⁶ Kennedy-Souza, B.L. (1998). "Internet Addiction Order"

¹¹⁷ B. Kutchinskiy "The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience"

¹¹⁸ Milton Diamond, Ph.D. and Ayako Uchiyama "Pornography, Rape and Sex Crimes in Japan"

¹¹⁹ Rape, Porn and Criminality: Political Truth on Trial // <http://jurist.law.pitt.edu/forumy/2006/06/rape-porn-and-criminality-political.php>

¹²⁰ B. Kutchinskiy "The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience"

¹²¹ M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime", P.4

¹²² M.G. Leary "Self-Produced Child Pornography: The Appropriate Societal Response to Juvenile Self-Sexual Exploitation"

¹²³ <http://www.youtube.com/watch?v=TYRIYL5uP6w&feature=related>

¹²⁴ D. Zillmann, B. Jennings "Pornography: Research Advances and Policy Considerations": "Books on human sexuality, sex education, and sex manuals are also used to lower [children's] inhibitions [Книги о человеческой

сексуальности, сексуальном образовании, а также сексуальные пособия также используются для снижения психологических барьеров [у детей]]".

[125](#) R. Wortley, S. Smallbone "Child Pornography on the Internet", US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41

[126](#) Janis Wolak, David Finkelhor, and Kimberly Mitchell "Child-Pornography Possessors Arrested in Internet-Related Crimes: Findings From the National Juvenile Online Victimization Study (Alexandria, Virginia: National Center for Missing & Exploited Children"

[127](#) "It is difficult to describe a "typical" child pornography possessor because there is not just one type of person who commits this crime", What Is Child Pornography? // http://www.missingkids.com/missingkids/servlet/PageServlet?LanguageCountry=en_US&PageId=1504

[128](#) T. Krone "A Typology of Online Child Pornography Offending"

[129](#) Taylor M 1999. "The nature and dimensions of child pornography on the Internet Combating child pornography" on the Internet conference, Vienna

[130](#) L. Webb, J. Craissati and S. Keen "Characteristics of Internet Child Pornography Offenders: A Comparison with Child Molesters"

[131](#) P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet", P.74

[132](#) A. Adler "The Perverse Law of Child Pornography"

[133](#) M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime", P.6

[134](#) "Whilst I am not suggesting that virtual paedophilia should be deemed morally permissible, I do wish to make it clear that if it is not, then a significant portion of popular entertainment (those which feature representations of murder) may also be brought into question. Consequently, the questions raised concern not only players of computer games, but most members of popular culture", M. Luck "The Gamer's Dilemma: An analysis of the arguments for the moral distinction between virtual murder and virtual paedophilia", P.6

5-й тезис: детская проституция процветает

«Детская проституция процветает и активно распространяется»

Проблема детской проституции содержит такое количество сложных вопросов, что я должен здесь воздержаться от ее подробного обсуждения. Это же, в сущности, следует сказать о проблеме проституции вообще. История учит нас, что уничтожить проституцию невозможно также как порнографию, поэтому приходится признать, что это явления постоянные и непобедимые (вопрос о динамике их масштаба я не рассматриваю). В свете этих фактов представляется вполне вероятным, что и детская проституция, как часть вообще всякой проституции, также никогда не будет побеждена. Трудно поверить, конечно, что борцы за права и неприкосновенность детей смиряются с этим. Легко представить себе всю тяжесть положения сексуально эксплуатируемых детей. Однако, не располагая опытом и научными данными на этот счет, мы не можем и предлагать решений, которые бы позволили уменьшить масштаб проблемы.

Лишь одну мысль хотелось бы подчеркнуть в этой связи: воздействовать необходимо на причину, а не на следствие. Трудно судить, каковы главные причины детской проституции, но едва ли это огромное количество педофилов и их деятельность. Необходимо тщательно изучить возрастной и половой состав проституирующих детей и подростков, а также их социальный статус, семейные обстоятельства и т.д. прежде, чем можно будет ясно осознать, какие именно социальные явления обуславливают нынешнее положение вещей. Если, к примеру, проституция для миллионов бездомных детей нашей страны есть средство заработка, то никакая война с сутенерами, очевидно, не поможет; поможет внимание институту семьи. Это лишь частный пример, но он отчетливо выражает мысль.

6-й тезис: дети асексуальны

«Дети невинны и асексуальны; ребенок может являться только объектом – но никогда субъектом сексуального влечения»

Последнее время исследования проявлений детской сексуальности во многом переориентировались на изучение последствий сексуальной эксплуатации детей; почти все открытые проявления сексуальности у

детей часто истолковываются как результаты сексуального злоупотребления детьми. Само существование здоровой детской сексуальности стало, кажется, снова ставиться под сомнение (словно не было работ Белла, Молля¹³⁵ и Фрейда). Это отмечается в академической литературе, посвященной изучению здорового развития детской сексуальности.

Ребенок, вопреки вновь распространяющемуся взгляду, является не чистым белым листом, на котором взрослые витиевато пишут свои пороки, а с рождения имеет сексуальное влечение и является полноценным субъектом сексуального влечения с самого начала своей жизни. К счастью, большинство современных пособий по сексуальному воспитанию для родителей до сих пор содержат в себе важную информацию о развитии здоровой детской сексуальности. Как нам известно, сексуальность имеет отношение к получению удовольствия от раздражения эрогенных зон. Либи́до ребенка претерпевает своеобразную эволюцию на протяжении его жизни, проходя череду различных фаз, а затем унифицируясь и усиливаясь (но не впервые возникая!) в пубертатном возрасте. В это же время к сексуальности присоединяется ничего с ней изначально не имевшая общего репродуктивная функция. В сравнении с изначальными идеями Фрейда на эволюцию форм либи́до у детей, можно заметить, что современная сексология отказывает детям в том, что Фрейд называл латентной фазой, таким образом, считая их еще более сексуализированными.

Остается только удивляться тому, как можно отказывать детям в сексуальности; пожалуй, любой воспитатель сталкивался с откровенными манифестациями либи́до у детей, а также и с часто возникающей между ними различной сексуальной активностью. Это не говоря уже о том, что почти все люди сами вспомнят определенные сексуальные эпизоды из своего детства. Часто все подобные явления истолковывают только как проявления детского любопытства, это, однако, очень недальновидно: дети быстро обнаруживают удовольствие от сексуальной стимуляции и воспроизводят его многократно со вполне конкретной целью. Проявления детской сексуальности настолько часто попадают в поле зрения, что странно было бы в наш век снова доказывать кому-то, что ребенок не только порою объект, но и всегда субъект сексуального влечения. Тем не менее, можно обратиться к академическим трудам, посвященным детской сексуальности с тем, чтобы окончательно развеять вновь распространяемое борцами за чистоту нравов заблуждение относительно полной асексуальности детей.

Сексуальные действия и поведение обнаруживаются практически у всех детей в возрасте от 2 до 12 лет:

*Исследования со всей ясностью свидетельствуют о том, что дети обладают сексуальностью, а их поведение обнаруживает широкий спектр сексуальных действий даже в отсутствие сексуальных злоупотреблений.*¹³⁶

Это же констатируют и другие авторы.¹³⁷ Около 40% девочек и 38% мальчиков мастурбируют еще до наступления пубертатного периода, причем девочки начинают заниматься этим раньше.¹³⁸ Во многих случаях мастурбаторная активность подсказана другими детьми.¹³⁹ Хотя и не очень часто, но дети также демонстрируют орально-генитальные контакты, иногда вводят различные предметы в естественные отверстия тела с целью получения удовольствия.¹⁴⁰ M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft приводят очень подробные данные, полученные при изучении двух непересекающихся групп детей, относительно различных видов их сексуальной активности, количестве участвовавших в ней детей, разделяя группы по половому признаку, а сексуальные действия – по времени возникновения.¹⁴¹ На примере приводимых ими данных видно, как в структуре мотивации любопытство постепенно теряет с возрастом свои позиции перед жадной насладения. Оценка самими детьми этих действий по большей части или смешанная или ярко выражено положительная.

Порою, сексуальная активность возникает и между братьями и сестрами, в том числе двоюродными. Подобные контакты иногда сопровождаются определенной мерой принуждения; имевшие их люди, вырастая, разделяются на примерно равные по численности группы положительно и отрицательно оценивающих подобный опыт. Примечательно, что девочки, имевшие подобный опыт, оказываются в дальнейшей жизни значительно более сексуально активными, чем девочки, не имевшие подобных эпизодов в детстве.¹⁴² Вообще, относительно сексуальных контактов между детьми, верно, что чем меньшей мерой принуждения они характеризуются, тем более положительное впечатление оставляют.¹⁴³

Дети иногда проявляют поразительную сексуальную жестокость по отношению друг к другу. Finkelhor замечает:

*Многие дети страдают от серьезного насилия и постоянных сексуальных злоупотреблений со стороны старших братьев, сестер, соседей и одноклассников.*¹⁴⁴

Обсуждая причины, по которым дети чаще всего сохраняют в тайне свои сексуальные отношения со взрослыми, Suzanne M. Sgroi замечает, что одной из веских причин выступает часто то, что ребенок сам получает сексуальное удовольствие, и желает его повторения, а также ощущает повышение самооценки и чувствует себя по-взрослому важным и т.д.:

Ребенок может хранить тайну, т.к. сам получает удовольствие и хочет, чтобы подобные действия продолжались.

Отрицание этого кажется автору непростительным:

*отрицать тот факт, что получение удовольствия от сексуальных действий побуждает ребенка в воспроизводстве этих действий, означает отрицать очевидное и не принимать во внимание одну из самых важных закономерностей.*¹⁴⁵

Автор в дальнейшем обсуждает долгосрочные последствия преждевременной сексуальной активности для участвовавших в педосексуальных действиях детей, однако, исследование ясно констатирует факт получения ребенком удовольствия в процессе и желания повторения этого удовольствия. Сходные выводы высказывает другой автор:

*При обоюдном согласии и при предварительной информированности ребенка в сценарии хотя бы начала сексуальных действий, при отсутствии попыток жёсткого психологического давления на него, и без физического насилия со стороны взрослого, ребенок способен ощущать партнерское равноправие, получать удовлетворение и положительные эмоции от такой связи.*¹⁴⁶

Из всего вышеприведенного видно, что невозможно отказывать детям в сексуальности, не отрицая при этом внушительные массивы опытных научных данных. Ребенок является субъектом, а не только объектом сексуального влечения.

¹³⁵ А. Молль "Половая жизнь ребенка"

¹³⁶ "Research clearly indicates that children are sexual beings, and will exhibit a broad range of sexual behaviors in the absence of sexual abuse", W. Friedrich "Studies of Sexuality of Nonabused Children"

¹³⁷ William N. Friedrich, PhD, Jennifer Fisher, PhD, Daniel Broughton, MD, Margaret Houston, MD, Constance R. Shafran, PhD "Normative Sexual Behavior in Children: A Contemporary Sample"

¹³⁸ J. Bancroft, D. Harbenick, M. Reynolds "Masturbation as a Marker of Sexual Development"

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft "The Nature of Childhood Sexual Experiences"

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² David Finkelhor "Sex among siblings: A survey on prevalence, variety, and effects"

¹⁴³ J.J. Haugaard, C. Tilly "Characteristics predicting children's responses to sexual encounters with other children"

¹⁴⁴ "many children suffer serious rapes and ongoing sexual abuse from older siblings, neighbors, and schoolmates", David Finkelhor "Child Sexual Abuse"

¹⁴⁵ 1-я цитата: "The child may keep the secret because he or she enjoyed the activity and wants the behavior to continue", 2-я цитата: "to deny that the pleasurable aspects of the sexual behavior may be self-reinforcing for the child, is to ignore the obvious and to neglect to consider one of the most important dynamics", S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse", Conceptual Framework

¹⁴⁶ Г.Б. Дерягин «Педофилия» (в авторской редакции 2011 г.)

7-й тезис: ребенком считается любое лицо, не достигшее возраста согласия

«Ребенком считается любое лицо, не достигшее возраста согласия»

Такое широкое и странное определение «ребенка», очень мало пересекающееся с реальностью человеческой физиологии порождает изрядное количество понятийных проблем и смешивает разнородные группы явлений. Наделение одинаковым правовым статусом 15-месячных и 15-летних людей есть очень недавнее изобретение, которое претит самому здравому смыслу, что, как ни странно, ничуть не смущает законодателей.

8-й тезис: возраст согласия – необходимый элемент регулирования сексуальных отношений в обществе

«Дети по природе наивны, незрелы и в принципе не могут распоряжаться своим телом, не могут соглашаться на определенные действия или принимать решения до возраста согласия, достигнув которого они могут вступать в половые сношения сознательно и обдуманно; возраст согласия – необходимый элемент регулирования сексуальных отношений в обществе»

Хочется верить, что нет нужды объяснять различия между уровнями умственного и сексуального развития между детьми 4 лет и подростками 14 лет, как и всю странность отнесения их к одной и той же категории. Поэтому тут коротко обсудим сам «возраст согласия» и связанные с ним проблемы.

До 1880-х годов в США возраст согласия для девочек почти всюду составлял 10 лет. С этого времени он начал повышаться; это продолжалось на протяжении двадцатого века. Возраст согласия был поднят до 16, а затем и до 18 лет (1985). При этом фактический возраст физического созревания на протяжении последнего столетия существенно снизился с примерно 15 до приблизительно 12-13 лет.¹⁴⁷ Разнонаправленность этих двух тенденций не может не вызывать недоумения, а также не создавать социальных проблем. Тринадцатилетняя девочка сегодня имеет куда больше склонности к сексуальной активности, чем 120 лет назад; законодатель, однако, напротив, отказывает ей в подобной активности, именуя таковую в этом возрасте чем-то настолько недопустимым и извращенным, что его коллега из 19-ого столетия был бы немало удивлен.

Особенно удивительным выглядит соотношение возраста согласия с минимальным возрастом привлечения к уголовной ответственности. В России законодатель считает 14-летнюю девочку достаточно развитой, зрелой и сознательной, чтобы распорядиться орудием убийства (Статья 105 УК РФ) и нести за это уголовную ответственность. Одновременно законодатель начисто отказывает ей в возможности сознательно распорядиться своей девственной плевой. Подобная ситуация имеет место во многих странах мира, достигая, порою, поразительной абсурдности. Например, в Ирландии минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности составляет 7 лет, а возраст согласия - 17. Лицо может привлекаться к уголовной ответственности с 7 лет в Индии и Сингапуре, с 10 лет – в Австралии, Англии, Швейцарии. Возраст согласия во всех этих странах составляет 16 лет. В США возраст согласия колеблется в диапазоне 16-18 лет, а минимальный возраст уголовной ответственности варьирует в широких пределах с нижней границей в 6-7 лет. В Бразилии, напротив, возраст согласия (14 лет) меньше минимального возраста привлечения к уголовной ответственности (18 лет). Одновременно закон, в сущности, нигде не карает ненасильственные сексуальные действия между людьми, не достигшими возраста согласия. То есть, к примеру, в России или США 14-летний мальчик и 14-летняя девочка могут беспрепятственно заниматься сексом, и законодатель не считает их не достаточно зрелыми или развитыми для этого. А вот для секса с 18-летним юношей 14-летняя девушка, по мнению законодателя, не готова и не отличается по возможности соглашаться и осознавать характер происходящего от 18-месячной. Трудно представить, как подобные законодательные акты сосуществуют друг с другом – в реальности и в умах политиков и обывателей, которые в изрядной своей части поддерживают повышение возраста согласия. В США имеется термин "statutory rape" ["изнасилование по закону"], который означает изнасилование без насилия (!) и описывает случай, при котором лицо, не достигшее возраста согласия,

вступает в половое сношение с лицом, чей возраст превышает определенный порог (который может быть и выше возраста согласия). При этом даже если сношение спровоцировано и инициировано младшим партнером, он все равно считается изнасилованным (без насилия).

Неясно также, зачем вообще нужен возраст согласия. Если сексуальные отношения не насильственны и не приносят вреда, то какая разница, в каком возрасте они происходят и какова разница между возрастными партнерами (партнерш)? А если половые сношения характеризуются принуждением или насилием, то как влияет возраст участников и разница между их возрастными на возможность судебно-медицинской экспертизы оценить наличие психического, физического вреда и степень их выраженности? Не причинит ли изнасилование взрослым мужчиной взрослой женщины ей вред психический и, вероятно, физический (взрослые люди очень разнятся по своим физическим данным) больший, чем ненасильственный половой акт 15-летнего юноши и 20-летней девушки этому юноше? Законодатель отвечает уверенное «нет», которое распространяется на все случаи и обстоятельства. За случаем, при котором вторая ситуация может пройти вообще без негативных последствий, политик не закрепляет реальности. Также следует помнить, что сама идея возраста согласия была порождена социальной реальностью 19-ого века и служила цели защиты *marriageability* [способность быть выданной замуж] маленькой девочки, а вовсе не защиты ее прав или психического здоровья. При вскрытии факта совершения взрослым мужчиной педосексуальных действий в отношении девочки, приведших к разрушению ее девственной плевы, первой реакцией ее семьи было заставить этого мужчину на ней жениться ("shotgun wedding" ["свадьба под дулом дробовика"]), а не посадить его в тюрьму. В наше время отсутствие девственности невесты уже не мешает ей выходить замуж, таким образом, и соображения, приведшие к возникновению возраста согласия, утратили свою силу. В этой связи не лишне вспомнить петицию во французский парламент, составленную в 1977 году французской интеллигенцией, в которой подписавшиеся просили отменить возраст согласия во Франции. Петиция была подписана М. Фуко, Ж. Деррида, С. де Бовуар, Ж.-П. Сартром и другими видными людьми.¹⁴⁸

Приходится констатировать, что законодательные определения «ребенка», а также законы о «возрасте согласия» и то, как они выглядят в контексте других законов и реальных жизненных обстоятельств в большинстве цивилизованных стран, заставляют усомниться в здравости ума авторов этих законов, равно как и общественности, которая их поддерживает.

¹⁴⁷ P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet", P.26

¹⁴⁸ Michel Foucault "Sexual Morality & the Law"

9-й тезис: в борьбе с педофилами хороши любые средства

«В борьбе с педофилами хороши любые (а особенно крайне жестокие) средства»

Общественная ненависть по отношению к серийным убийцам, некрофилам, педофилам и т.д. бесплодна. Обыватель верит в то, что ужесточение наказаний причинно обусловит снижение числа наказываемых действий. Это могло бы быть верно, только если бы эти действия были результатом свободного волеизъявления. Но люди не выбирают, не решают стать серийными убийцами, некрофилами, педофилами, раптофилами или некрофетишистами. Эти вещи не есть результат реализации свободы воли. Сам вопрос о наличии у человека свободы воли веками являлся поводом к философским спорам; с появлением нейробиологии этот спор был в известной степени переведен в научное русло, а появившиеся данные скорее свидетельствуют в пользу отрицательного ответа. Это, несомненно, контр-интуитивно (подобно форме земли, корпускулярно-волновому дуализму, атомарной теории, трансфинитной индукции и т.д.). Приходится констатировать заметную дивергенцию между научным познанием и теми интуитивными допущениями, на которых зиждутся и поныне институты морали и права: упразднение свободы воли полностью лишает смысла понятия ответственности и вины. Однако даже если в согласии с укоренившейся практикой закрепить за людьми свободу воли, то определенные категории людей и аспекты и их поведения все равно не смогут ею характеризоваться. Закон делает послабление в случае состояния аффекта, однако, подобные же послабления следовало бы предусмотреть для любых ситуаций, в которых человек не может считаться выбравшим те или иные модели поведения. Никто не выбирает организацию своего сексуального влечения, поэтому сама идея криминализации тех или иных ее видов (педофилия, некрофилия и т.д.) неоправданна.

Также вызывает недоумение тот факт, что применительно к означенным категориям лиц обыватель требует применения жестоких мер пресечения, которые обычно используются для коррекции. Система пенитенциарных, коррекционных заведений служит цели *исправления*, перевоспитания, а не мести. Требование максимально жестоких мер пресечения изобличает нездоровую обывательскую тенденцию использовать систему правосудия и коррекционных заведений для свершения мести, что есть, по сути,

профанация всей этой системы. Определение *оптимальных* тюремных сроков или иных мер пресечения за совершение тех или иных действий (а не за наличие фантазий, идей, мыслей или намерений) должно основываться на тщательном изучении уровней рецидивизма у каждой группы правонарушителей, а не на накале эмоций или уровне общественной ненависти. В одних случаях может быть достаточно незначительных мер, в других корректировка может быть невозможна вовсе (большинство серийных убийц); в последнем случае сохраняет свою легитимность идея изоляции от общества, но не идея *наказания*.

Все, что нам известно о парафилиях и серийных убийцах, подсказывает нам, что то, что мы делаем с уже по факту имеющимися, *никак* не влияет на количество вновь появляющихся. Усомнившись в этом следует расположить в хронологическом порядке по дате рождения всех известных серийных убийц, действовавших, к примеру, на территории России и бывшего СССР на протяжении последних 120 лет. Большая часть из них окончила дни в расстрельной комнате, и, тем не менее, в год казни одного неизменно рождалось несколько человек, кто годы спустя начинал убивать. Педофилы, некрофилы, люди, характеризующиеся экстремальными формами алголагнии и т.д. встречаются всю историю человечества. Едва ли общественное отношение к ним было когда-либо положительным; тем не менее, они не перестают возникать. Жестокость общественной мести уже по факту имеющимся серийным убийцам и лицам с парафилиями никак не влияет на появление новых; обыватель или тешит себя мыслью о том, что это не так, или вообще не раздумывает о причинах. В самом деле, когда ловят очередного серийного убийцу, сексуального садиста и т.д. обыватель и СМИ, кажется, с какой-то нездоровой радостью смакуют сначала жестокости преступлений, а затем – жестокости предлагаемых казней. После избавления от нарушителя спокойствия о нем забывают. Но это не помогает решить проблему *появления* подобных людей. *Причины*, по которым люди становятся педофилами, некрофилами или серийными убийцами обыватель не обсуждает практически никогда: он или наивно верит, что это результат выбора (иначе этих людей нельзя казнить), или вообще не думает об этом.

Невозможно переоценить важность этого факта: что бы ни было причиной самых странных и поразительных вариантов организации либидо и агрессивных актов, казни, пытки, общественная ненависть и массовый страх по отношению к этим вещам никогда – *ни в какой* временной перспективе – не решат проблему. Обыватель готов тысячу лет выявлять подобных людей, тысячу лет затем убивать их и делать вид, будто новые не появятся.

Единственное, что хотя бы в перспективе сможет решить проблему, так это исследование причин подобных явлений. Мы должны задавать себе два вопроса:

1. Что вообще приводит к тому, что люди становятся серийными убийцами, садистами, некрофилами, педофилами и т.д.?
2. Постольку, поскольку мы знаем ответ на первый вопрос, как можем мы разглядеть потенциально опасных и странных людей еще в самом раннем детстве и какие превентивные меры можем мы принять, чтобы они не сделались общественно опасными, несчастными сами и не сделали несчастными других?

Только такой подход поможет нам когда-нибудь справиться с нашими проблемами. Общество само просматривает странных детей и людей с тревожными психологическими особенностями, само игнорирует их, а затем делает вид, что не имело с ними никогда ничего общего, что они не в его лоне родились и выросли, и торопится избавиться от них, причем как можно более жестоко. Трудно вообразить себе большее лицемерие. Каждый человек с парафилией, каждый серийный убийца – ценнейший объект для исследования, т.к. только оно способно будет однажды дать ключ к пониманию причин соответствующих проблем. Сохранение жизни этих людей и их изучение служат общественному интересу куда лучше, чем их казнь. Ужесточение законов относительно педосексуальных действий никогда не поможет избавиться от них; игнорирование этого факта чревато огромными затратами, чрезмерной жестокостью и полным отсутствием результатов.

Относительно причин педофилии имеется много гипотез, большая часть которых связывают педофилию с явлениями мозговой деятельности, метаболизмом, и генетической предрасположенностью. Изучение биографий различных групп педофилов показывает, что потенциальной причиной может выступать факт вовлечения в педосексуальные действия в детстве: 28-93% педофилов мужского пола и 47-100% женского были вовлечены в детстве в подобные действия.¹⁴⁹ Верно, однако, что большинство лиц, которые вовлекаются в педосексуальные действия, не совершают их впоследствии.¹⁵⁰ Следует отметить, что, несмотря на огромное количество произведенных исследований, никакой единой превалирующей гипотезы о причинах педофилии нет.

¹⁴⁹ L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans "Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model"; D.M. Vandiver, G. Kercher "Offender and victim characteristics of registered female sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders"

¹⁵⁰ L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans "Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model"

10-й тезис: любой несогласный – педофил

«Любой, кто выражает сомнения в верности этих воззрений, должен быть заподозрен в педофилии и производстве детской порнографии, т.к. каждому нормальному человеку не придет в голову сомневаться в вышеприведенных высказываниях»

Характерной чертой современного общества в области отношения к педофилам и детской порнографии является не только безоговорочная, безапелляционная убежденность в истинности указанных выше положений.

В силу того, что вера в описанные идеи очень прочно укоренилась в общественном сознании, а СМИ постоянно нагнетают обстановку, обыватель сделался крайне чувствительным к данной теме. Это приводит к поразительным психологическим явлениям: когда научное сообщество подходит к изучению педофилии непредвзято и обнаруживает, что масштаб проблемы преувеличен, как и вред педосексуальных действий, то вместо радости от осознания факта ранее имевшего место преувеличения проблемы, обыватель (и политик, ищущий его симпатии) мгновенно обрушивается на академическое сообщество и с поразительным накалом эмоций не желают верить ему. Это также странно, как ситуация, при которой больной с подозрением на рак так сильно уверовал уже в то, что страдает раком, что когда ему сообщают о том, что он здоров, он вместо радости обрушивается на врача с критикой и скепсисом. По всей видимости, нежелание признать свою собственную ошибку и желание во что бы то ни стало оказаться правым в любых своих опасениях и страхах для обывателя куда важнее фактов.

Помимо уже описанного случая с метаанализом 1998 года, в США имела место целая череда всплесков общественной ненависти по отношению к выдающимся сексологам современности, которые осмелились опубликовать данные, шедшие вразрез с общественным мнением и политическими идеями.¹⁵¹ Недавно в России публичному ostrакизму подвергли Г. Дерягина, за его статью о педофилии, которую, судя по высказываниям о ней в СМИ, ненавистники Дерягина даже не потрудились полностью прочесть. Само обсуждение того, верны ли или неверны убеждения борцов с педофилами и детской порнографией, кажется, негласно под запретом:

Этот доктринерский и политически ангажированный подход к защите детей привел к нападкам на критиков, с которыми обращаются как с заблудшими и злокозненными еретиками, представителями какого-то реакционного общественного движения, чьи убеждения уничтожают результаты десятилетий труда по оказанию помощи детям, подвергшимся злоупотреблениям.¹⁵²

Реакцией на попытки обсуждения становятся обычно две вещи:

- Исследователя или просто непредвзято, объективно подходящего к проблеме человека автоматически демонизируют, самого зачисляя в педофилы, извращенцы, маньяки, насильники и т.д. без каких бы то ни было промедлений и разбирательств.
- При полном отсутствии призывов к чему бы то ни было, журналисты и обыватели всегда умудряются найти в ряде научных статей «пропаганду педофилии» или ее «оправдания». Достаточно прочесть любую из обвиняемых в этом публикаций, чтобы не обнаружить там ни одного призыва и ни одного глагола в повелительном наклонении.

Складывается чрезвычайно тяжелая ситуация, при которой ученому просто опасно заниматься беспристрастным изучением педофилии. Ряд академических статей даже специально посвящен описанию того, какому ostrакизму и каким обвинениям подвергают ученых в данной области.¹⁵³

Может показаться, что современный мир впал в массовое помешательство, однако, это не так.

Современная ситуация является типичным примером общественной моральной паники¹⁵⁴; подобные паники возникали и в прошлом, чередуясь с периодами относительного спокойствия и безмятежности. В США первая подобная паника имела место в период 1908 -1922 и характеризовалась общественными опасениями относительно неких "defective delinquents" [«психически неполноценных преступников»]. После затишья в конце 1920-х и начале 1930-х, возникла новая паника, продолжавшаяся с 1936 по 1957

годы; она была в изрядной степени спровоцирована случаем Альберта Фиша. В этот раз общественное зло получило наименование "sexual offender" [«сексуальный преступник»] и "psychopath" [«психопат»]. Расцвет общественного страха пришелся на конец 1940-х и начало 1950-х. Период 1957-1976 ("Libertarian Era" [«Либертарианская Эра»]) в этом отношении охарактеризовался вновь возникшим спокойствием, а также уничтожением цензуры, сексуальной революцией и легализацией порнографии (начиная с Дании в 1969 году). Публикации этого времени, посвященные педосексуальным действиям, видели ребенка зачинщиком, преследующим свою психологическую выгоду. Мало или вовсе не известные ныне, эти академические работы – будь они изданы сейчас – стоили бы авторам репутации и, вероятно, карьеры. С 1976 года начинается нынешний виток моральной паники; ситуация в корне не изменилась, изменились термины: ныне общественность пребывает в ужасе перед "pedophiles" [«педофилами»], "child abusers" [«лицами, злоупотребляющими детьми (в т.ч. сексуально)»] и "child molesters" [«лицами, домогающимися детей»]. Все обострения моральных паник характеризуются драконовским законотворчеством, совершенно неадекватным имеющейся проблеме:

*В ответ законодатели прибегают к политике, которая наносит вред в областях, не имеющих ничего общего с изначальной проблемой, и отвлекает средства от мер, которые могли бы в действительности помочь защитить детей.*¹⁵⁵

Исследователи предполагают, что вообще образ сексуального преступника в общественном сознании в каждую эпоху полностью предопределен социетальными процессами и не имеет фактически ничего общего с реальностью. Другие академические работы посвящены подробному изучению сходных моральных паник на тему педофилов в других странах.¹⁵⁶ Множество статей посвящено изучению общественного восприятия проблемы сексуальных преступников, включая тех, кто злоупотребляет детьми. Исследования показывают, что обыватели и политики руководствуются в первую очередь информацией из СМИ, разделяют широкий набор заблуждений и преувеличивают масштабы проблемы, уровни рецидивизма и т.д.¹⁵⁷

Среди тех панических идей, которые привели к разрастанию нынешней общественной истерии относительно педофилов, следует упомянуть слухи о сатанических культах, практикующих секс с детьми (злоупотребления в рамках сатанинских ритуальных действий)¹⁵⁸, а также феминистские идеи о том, что огромная доля женщин имеет психологические проблемы из-за имевшего место в детстве домогательства.¹⁵⁹ В глаза бросается абсурдность подобных идей, тем не менее, невозможно отрицать их роль в зарождении современной моральной паники. Эта паника продолжает разрастаться, поддерживаясь системой положительных обратных связей. Учитывая свойства человеческой психологии, нет, в сущности, ничего удивительного в том, что безосновательные предположения могут получать статус чуть ли не прописной истины в глазах огромного количества людей.¹⁶⁰

Потенциальные причины и механизм разворачивания моральной паники лаконично раскрыты во введении к одной из монографий, посвященных этой теме.¹⁶¹ Автор отмечает, что моральные паники зиждутся на страхе и тревоге относительно опасности, которая объясняется общественности посредством доминирующей идеологии. Эта идеология обслуживает интересы правящей элиты, сохранение ее власти и защищает ее экономическое и политическое положение. Опасность сильно преувеличивается, вследствие чего обыватель верит, будто она таится повсюду. Результатом является крайне широкая поддержка законов, основанных на искаженном взгляде на масштаб и природу проблемы, привлекающей к себе внимание. Это упрочивает положение верхних эшелонов власти и дает обществу ложное чувство безопасности. Законы, таким образом, неэффективны, но сохраняются в силу того, что граждане, которые поддерживают их исполнение в рамках системы правосудия, имеют очень скудное понимание того, что они пытаются преследовать и контролировать.

Нынешняя ситуация выглядит крайне тревожной. Неадекватное законотворчество и правовые практики, огромные усилия, затрачиваемые на борьбу с преувеличенной проблемой, и нагнетание массового страха имеют для общества большую цену. Борцы с педофилами и детской порнографией получили баснословные полномочия, средства и власть. Их количество, вполне вероятно, сильно превосходит количество тех, кого они преследуют. Эта ситуация очень тревожная, т.к. при нарушении определенного баланса между количеством борцов и количеством правонарушителей определенной категории, осужденных не может стать меньше.

В ФБР людей, занятых борьбой с детской порнографией, в два с лишним раза больше, чем занятых обеспечением национальной безопасности.¹⁶² В США существует целая организация людей, пострадавших от драконовских судебных решений, имевших место в силу текущей общественной паники.¹⁶³ Сами дети и подростки становятся порою жертвами законов, призванных их защищать. Стражи порядка говорят нам, что дети злоупотребляют сами собою. Известны случаи, когда дети (в правовом

смысле) привлекались в уголовной ответственности за то, что производили детскую порнографию со своим участием.¹⁶⁴ Общественная ненависть и нетерпимость ко всем, кого только заподозрили в педосексуальных действиях, переходит все мыслимые границы, приводя к тому, что даже ни в чем не виновные лица навсегда теряют свою репутацию и доброе имя.¹⁶⁵ В США за фотографию обнаженного 17-летнего человека можно отправиться в тюрьму на срок в два раза больший, чем за попытку его убить, и на в четыре раза больший, чем за нанесение ему тяжких телесных повреждений, повлекших смерть (!).¹⁶⁶ Даже самые легкие случаи (например, добровольные сношения взрослого лица с подростком до возраста согласия) приводят к длительным тюремным срокам и обязательной регистрации в национальном реестре сексуальных преступников, посредством которого все личные данные и адреса нарушителей предаются гласности. Число зарегистрированных в США сексуальных преступников превышает население многих крупных городов.¹⁶⁷ Помимо бесчисленного количества сломанных жизней, содержание всех этих людей в тюрьме, их регистрация и отслеживание обходятся налогоплательщикам в баснословные суммы. Исследователи отмечают, что меры по регистрации, ограничению перемещения осужденных child molesters, не приносят должных результатов, а также что они создают дополнительные проблемы:

*Законопроекты о сексуальных правонарушениях часто принимаются легко и безо всякой оценки их действительности в предотвращении рецидивизма и защите общественного порядка. Кроме того, высказывается очень мало критических замечаний, несмотря на многочисленные данные, свидетельствующие о том, что регистрация сексуальных правонарушителей и извещение их соседей являются неэффективными мерами и влекут множество негативных последствий.*¹⁶⁸

Согласно опросам, 74% американских граждан утверждают, что будут поддерживать эти меры, даже если в их пользу не будет иметься никаких научных доводов.¹⁶⁹

В реестре сексуальных преступников Америки и Британии числятся даже дети 11 и 8 лет, занесенные туда за проявления здоровой детской сексуальности вроде игры в доктора.¹⁷⁰ Детям из первых и вторых классов предъявляются обвинения в содомии¹⁷¹, дети 6 лет¹⁷² и даже 4-летние¹⁷³ обвиняются в сексуальных домогательствах и сексуальных злоупотреблениях.¹⁷⁴ Эти и другие дети подвергаются принудительному лечению методами, в том числе электрошоковой терапии (!), которые применялись в 1950-е для «лечения» гомосексуалов.¹⁷⁵ Люди, которые даже не предприняли по факту никаких противоправных действий и которые были специально спровоцированы на нечто такое, что может быть истолковано, как проявления намерения совершить таковые, отправляются в тюрьму, попав перед этим (или для этого?) в целое телешоу, делающее рейтинг на общественной ненависти к педофилам.¹⁷⁶ Еще 40 лет назад обыватель, *благодаря* которому это стало возможно и имеет место, не поверил бы в то, что такие вещи вообще могут происходить и заподозрил бы предположившего такое человека в безумии.

С 1978 года правоохранительные органы и законодатели борются с педофилами и детской порнографией; они получили почти неограниченную власть, расширили правовые практики до поражающего воображения абсурда, увеличили штаты работников во много раз и активно поддерживают и нагнетают общественную панику. За все это время (30 с лишним лет) ни разу борцы с детской порнографией и педофилией не заявили о том, что их старания дали результаты и проблема хотя бы стабилизировалась или начала исчезать. *Напротив, за эти три десятилетия рьяной и масштабной борьбы, по отчетам самих же правоохранительных органов, проблема стала только еще более неразрешимой.* Очевидно, что если бы речь шла о любой другой проблеме, такие борцы с нею уже очень давно лишились бы работы; но в данном случае семена моральной паники попали на очень благодатную почву – речь идет о детях, поэтому обыватель оказывается совершенно неспособен к критической оценке происходящего и готов сложить свои права и свободы к ногам полицейских. Трудно предсказать, сколько еще пройдет времени, прежде чем текущая моральная паника окончится и вновь установится период спокойствия.

Невозможно также закрывать глаза на тот факт, что активное муссирование темы педофилии и детской порнографии в СМИ отвлекает внимание и средства от решения намного более важных проблем, связанных с детьми по всему миру. Детский голод, детское курение, детский алкоголизм, религиозное насилие в форме принудительной индоктринации и ритуальное, в том числе сексуальное членовредительство¹⁷⁷ не привлекают к себе в наши дни практически никакого внимания, обыватель игнорирует эти проблемы и не задумывается о них. В условиях российской реальности крайне остро стоит проблема детской беспризорности и высокой детской смертности. В России насчитывается несколько миллионов беспризорных детей¹⁷⁸, количество которых – как и количество детей, больных алкоголизмом, токсикоманией и сифилисом – растет даже по официальной статистике. Основной мотив детоубийств новорожденных, совершавшихся женщинами в России в 2002 году, – нищета: ребенка нечем

кормить и из милосердия его пытаются умертвить быстро вместо того, чтобы обрекать на голодную смерть.¹⁷⁹ Эти проблемы не привлекают и одной десятой доли того внимания, которые привлекает тема педофилии. Если бы борцов с педофилией и детской порнографией действительно волновали дети, а не собственный политический рейтинг, они сумели бы расставить приоритеты. Очевидно, что проблема педофилии, скорее всего, не вошла бы даже в десятку самых тяжелых проблем, связанных с детьми в России, а может быть и во всем мире.

Коротко говоря, главные критические замечания в адрес борцов с педофилами и детской порнографией звучат так:

При нынешней социальной, политической и финансовой модели постановки борьбы с педофилией и детской порнографией, количество осужденных людей, в том числе чрезмерно или вообще незаслуженно пострадавших, не может уменьшиться. Действия борцов с педофилией и детской порнографией не только умножают человеческие страдания, ломая жизни и уничтожая репутации, но и дорого обходятся гражданам их стран, отвлекая ресурсы от решения намного более важных проблем, связанных с детьми.

Подводя итог данной секции, отметим следующее:

- совокупность современных общественных процессов, законодательной активности и массового восприятия проблемы педофилии является типичным примером моральной паники, подобные которой периодически возникают уже много десятилетий;
- спектр пропагандируемых и принимаемых мер только поглощает ресурсы, порождает массу новых проблем и никак не способствует решению уже имеющихся;
- масштабы проблемы педофилии и детской порнографии весьма преувеличены в общественном сознании; сомнения в этом, как и в других слепо разделяемых обывателями и политиками идеях, может легко стоить усомнившемуся человеку репутации, а то и карьеры; диспропорциональное внимание теме педофилии и детской порнографии отвлекает средства от неизмеримо более важных, глубоких и серьезных проблем, связанных с детьми;
- правовые практики и принятые законы переходят все границы адекватности, приводя к тому, что даже малолетние дети страдают от законов, которые призваны их защищать.

¹⁵¹ См. Н. Wakefield "The Effects of Child Sexual Abuse: Truth Versus Political Correctness"

¹⁵² "This doctrinaire and politically charged approach to child protection led to a counterattack against critics who were treated as misguided or malevolent heretics – members of a supposed social backlash movement whose beliefs would roll back decades of progress made on behalf of abused children", J. Earl "Child Pornography, The Politics of Child Abuse, and the Abuse of Innocence: Analysis and Commentary"

¹⁵³ Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (2000) "Condemnation of a scientific article: A chronology and refutation of the attacks and a discussion of threats to the integrity of science", Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (1999, November 6). "The clash of media, politics, and sexual science: An examination of the controversy surrounding the Psychological Bulletin meta-analysis on the assumed properties of child sexual abuse". Talk presented at the 1999 Joint Annual Meeting of the Society for the Scientific Study of Sexuality and the American Association of Sexuality Educators, Counselors, and Therapists, St. Louis, Missouri.

¹⁵⁴ P. Jenkins "Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America"; K. McCartan "'Here There Be Monsters': the public's perception of paedophiles with particular reference to Belfast and Leicester"

¹⁵⁵ P. "In response, lawmakers implement policies that may cause harm in areas having nothing to do with the original problem and that divert resources away from measures which might genuinely assist in protecting children", Jenkins "Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America"

¹⁵⁶ См., например, P. Jenkins "Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain"

¹⁵⁷ Обзор подобных работ и самостоятельное исследование см. в Stacey Katz-Schiavone "Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention"

¹⁵⁸ "satanic ritual abuse", Fraser, GA (1997) "The Dilemma of Ritual Abuse: Cautions and Guides for Therapists"

¹⁵⁹ A. Adler "The Perverse Law of Child Pornography"

- ¹⁶⁰ См. результаты некоторых опытов по социальной психологии, например, опытов Эша.
- ¹⁶¹ L.M. Kruse "Sex offenders, sexuality, and social control : a case study in the social construction of a social problem"
- ¹⁶² R. Fogarty "FBI digital counterintelligence weakened by focus on child porn" // <http://www.itworld.com/security/160701/doj-fbi-cyber-security-largely-incompetent-obsessed-child-porn>
- ¹⁶³ <http://www.ReformSexOffenderLaws.org/>
- ¹⁶⁴ A.F. Kimpel "Using Laws Designed to Protect as a Weapon: Prosecuting Minors Under Child Pornography Laws"
- ¹⁶⁵ Описание 150 случаев подобных судебных решений см. в M. Burns "False Accusations of Sex with Juveniles"
- ¹⁶⁶ M. Burns "Throwing Away the Key"
- ¹⁶⁷ M. Burns "Counting and Over-Counting Sex Offenders"
- ¹⁶⁸ "Legislation regarding sex offenses is often passed swiftly with little to no evaluation of the effectiveness of such policies on preventing recidivism and protecting the public. Further, little criticism is raised despite overwhelming evidence that sex offender registration and community notification is ineffective and has many negative consequences", L.M. Kruse "Sex offenders, sexuality, and social control : a case study in the social construction of a social problem"
- ¹⁶⁹ Stacey Katz-Schiavone "Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention"
- ¹⁷⁰ M. Burns "Criminalizing Child's Play"
- ¹⁷¹ E. Sinociv "First Graders Face Sodomy Charges" // <http://www.14news.com/story/2931302/first-graders-face-sodomycharges?nav=3w6nWEa&redirected=true>
- ¹⁷² 6-Year-Old Accused Of Sexual Harassment // <http://www.thedenverchannel.com/nationalnews/6836257/detail.html>
- ¹⁷³ 4-year-old suspended after hugging teacher's aide // http://www.pantagraph.com/news/weird-news/article_b72f2ac5-b91b-5af6-ae79-7ac99699ae4f.html
- ¹⁷⁴ B. Smith "Boy, 6, accused of sex abuse"
- ¹⁷⁵ Arousal Reconditioning // <http://www.ethicaltreatment.org/reconditioning.htm>
- ¹⁷⁶ См. Catch a Predator с Крисом Хенсенем.
- ¹⁷⁷ В мире ныне приживают от 100 до 140 миллионов женщин, подвергшихся ритуальному сексуальному членовредительству в форме разных вариантов женского обрезания. См. <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs241/en/>
- ¹⁷⁸ Аналитический Вестник Совета Федерации РФ 20 (176) С. 35-36, М.П. Титова «Детская беспризорность как угроза национальной безопасности России: социологический аспект»
- ¹⁷⁹ Ювенский, Шумский, Калюжная «Женщины-убийцы»

Заключение

Данная работа поднимает большую часть основных проблем – научных и социальных – связанных с педофилией и детской порнографией в контексте современного западного и российского общества.

Приведенные популярные воззрения на поверку оказываются или заблуждениями или голословными утверждениями, не находящими достаточных фактических свидетельств в свою пользу. Верно, что многие опасения общественности не лишены оснований, однако большая часть этих опасений порождена

социальной паникой, недостатком культуры мышления, здорового скептицизма и легкой впечатлительностью большинства обывателей.

История учит нас, что социальные паники проходят, а даже самые крепкие сексуальные табу со временем теряют силу и исчезают под действием просвещения и либерализации законодательства. Автор искренне надеется застать то время, когда его труд будет представлять по большей части историческую ценность.

Дополнение

Данная статья – также как и множество куда более полных, строгих и обоснованных – практически обречена быть осужденной и возбуждать ненависть; легко предсказать, какие обвинения посыплются в изобилии на ее автора. Можно ли вообще, беседуя с массой на ее языке, свести содержание данной работы к одной странице-ответу на одну страницу пропозиций? Можно ли превратить ее в набор веских, метких лозунгов, которые обыватель воспримет – в отличие от научного языка, ссылок на публикации, факты, оговорок о проблемах метода? Скорее всего, нельзя; есть какой-то предел упрощенчества и чрезмерной категоричности, который не может быть здесь преодолен. С прискорбием приходится констатировать тот факт, что эту работу практически невозможно донести до среднестатистического человека, как невозможно донести стратиграфию и генетику до креациониста. Иногда кажется, что обыватель, глядящий на мир сквозь неуничтожимый трафарет своих предрассудков и противоречивых стереотипов, нуждается в каком-то портрете общественного зла, который позволит ему изживать свою бытовую злость. В свою очередь политик, ищущий средства к упрочению своего положения, готов играть на любых человеческих слабостях и страстях, поэтому с радостью выбирает самые шокирующие темы, чтобы, преувеличив проблему, имитировать активную деятельность по ее решению, отвлекая внимание от других проблем и повышая свой рейтинг.

Если хотя бы один читатель добрался до этого места, был огражден от категоричности в суждении и побужден к объективному, тщательному и академически непредвзятому исследованию обсуждаемых проблем, труд автора не пропал даром.

Литература

В списке приводятся основные научные работы, которые были использованы при написании данной статьи. Полный текст или аннотации доступны через [Google Scholar](#).

1. Ames, Houston "Legal, social, and biological definitions of pedophilia"
2. M.C. Steto "Pedophilia and sexual offending against children: Theory, assessment, and intervention"
3. K.V. Lanning "Cyber "Pedophiles:" A Behavioral Perspective"
4. C.W. Ryan, R.C.W. Hall "A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues"
5. H. Merskey "Variable Meanings for the Definition of Disease"
6. R. Green "Is Pedophilia a Mental Disorder?"
7. Г.Б. Дерягин «Педофилия» (авторская редакция 2011 г.)
8. Р. Краффт-Эбинг «Половые психопатии»
9. P. Jenkins "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet"
10. Fabian M. Saleh, Albert J. Grudzinskas, John M. Bradford, M.D., Daniel J. Brodsky "Sex Offenders: Identification, Risk Assessment, Treatment, and Legal Issues"
11. G.G. Abel, N. Harlow "The Abel and Harlow child molestation prevention study. Excerpted from The Stop Child Molestation Book"
12. S.M. Sgroi "Clinical Intervention in Child Sexual Abuse"
13. Smiljanich, Kathy, Briere, John "Self-Reported Sexual Interest in Children: Sex Differences and Psychosocial Correlates in a University Sample"
14. J. Briere, M. Runtz "University males' sexual interest in children: Predicting potential indices of "pedophilia" in a nonforensic sample"

15. M. Freel "Child Sexual Abuse and the Male Monopoly: An Empirical Exploration of Gender and a Sexual Interest in Children"
16. Д. Еникеева «Сексуальные извращения»
17. J.B. Murray "Psychological profile of pedophiles and child molesters"
18. A.K. Fuller "Child molestation and pedophilia: an overview for the physician"
19. David Finkelhor "Child Sexual Abuse"
20. L.J. Cohen, I.I. Galynker "Clinical features of pedophilia and implications for treatment"
21. Lisa J. Cohen, PhD and Igor Galynker "Psychopathology and Personality Traits of Pedophiles"
22. H.N. Snyder "Sexual Assault of Young Children as Reported to Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics". Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics; 2000
23. Stacey Katz-Schiavone "Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention"
24. N. McConaghy "Paedophilia: a review of the evidence"
25. Addams "A New Conscience and an Ancient Evil"; H. Hyde "A History of Pornography"
26. H. Hyde "A History of Pornography"
27. D. Pivar "Purity Crusade, Sexual Morality and Social Control"
28. D. Finkelhor, S. Araki "A Sourcebook on Child Sexual Abuse", Chapter I Prevalence
29. R. Blanchard, M.S. Watson. A. Choy "Pedophiles: mental retardation, maternal age, and sexual orientation"
30. Bagley C. "The prevalence and mental health sequels of child sexual abuse in a community sample of women aged 18 to 27"
31. C.F. Johnson "Child sexual abuse"
32. J. Spataro, P. Mullen "Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study on males and females"
33. Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. DaCosta, Donna Akman, Erika Cassavia "A review of the long-term effects of child sexual abuse"
34. Joseph H. Beitchman, Kenneth J. Zucker, Jane E. Hood, Granville A. daCosta, Donna Akman "A review of the shortterm effects of child sexual abuse"
35. Bruce Rind, Philip Tromovitch "A meta-analytic examination of assumed properties of child sexual abuse using college samples"
36. H. Wakefield "The Effects of Child Sexual Abuse: Truth versus Political Correctness"
37. Bauserman, R., & Rind, B. "Psychological correlates of male child and adolescent sexual experiences with adults: A review of the nonclinical literature"
38. Kendall-Tackett, Kathleen A., Williams, Linda M., Finkelhor, David "Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies"
39. D.S. Bromberg, B.T. Johnson "Sexual interest in children, child sexual abuse, and psychological sequelae for children"
40. H.H. Filipas, S.E. Ullman "Child sexual abuse, coping responses, self-blame, posttraumatic stress disorder, and adult sexual revictimization"
41. M. Testa, C. VanZile-Tamsen, J.A. Livingston "Childhood sexual abuse, relationship satisfaction, and sexual risk taking in a community sample of women"
42. C. Bagley, M. Wood, L. Young "Victim to abuser: mental health and behavioral sequels of child sexual abuse in a community survey of young adult males"

43. L. Berliner, J.R. Conte "The effects of disclosure and intervention on sexually abused children"
44. C. Dolezal, A. Carballo-Dieguez "Childhood Sexual Experiences and the Perception of Abuse among Latino Men Who Have Sex with Men"
45. Finkelhor, D. (1990). "Early and long-term effects of child sexual abuse: An update"
46. W.N. Friedrich, S.P. Whiteside, N.J. Talley "Noncoercive Sexual Contact with Similarly Aged Individuals"
47. E.E. Levitt, C.M. Pinnell "Some additional light on the childhood sexual abuse-psychopathology axis"
48. Parker, S., & Parker, H. (1991) "Female victims of child sexual abuse: Adult adjustment"
49. Pope, H. G., & Hudson, J. I. (1992) "Is childhood sexual abuse a risk factor for bulimia nervosa?"
50. Runtz, M. G., (2002). "Health concerns of university women with a history of child physical and sexual maltreatment"
51. V.A. Stander, C.B. Olson, L.L. Merrill "Self-definition as a survivor of childhood sexual abuse among Navy recruits"
52. C. Crosson-Tower "Understanding child Abuse and Neglect" A. Adler "The Perverse Law of Child Pornography"
53. Jenkins, P. (2001). "Beyond Tolerance: Child Pornography on the Internet"
54. R. Wortley, S. Smallbone "Child Pornography on the Internet", US Department of Justice, Problem-Specific Guide Series, No.41
55. M. Taylor, E. Quayle "Child Pornography: An Internet Crime"
56. T.G.M. Sandfort "Sex in pedophilic Relationships: An empirical Investigation Among a Nonrepresentative Group of Boys"
57. L.N. Strayer "Ambiguous Laws Do Little to Erase "Kiddie Porn""
58. L.A. Stanley "The Child Porn Myth"
59. A.Grant, F. David, P. Grabovsky "Child Pornography in the Digital Age"
60. R.L. Pierce "Child pornography: A hidden dimension of child abuse"
61. Quayle, Taylor, Holland "Child Pornography: The Internet and Offending"
62. B.H. Schell, M.V. Martin, P.C.K. Hung, L. Rueda "Cyber child pornography: A review paper of the social and legal issues and remedies—and a proposed technological solution"
63. P. Forde, A. Patterson "Paedophile Internet Activity"
64. T. Lesce "Law Enforcement Investigates Abuse"
65. Claire Milner, Ian O'Donnel "Child Pornography: Crime, Computers and Society"
66. Lanning, K., and A. Burgess (1989). "Child Pornography and Sex Rings"
67. D. Zillmann, J. Bryant "Pornography: Research Advances and Policy Considerations"
68. D.D. Knudsen "Child sexual abuse and pornography: Is there a relationship?"
69. D. Lin, D. Imrich "Child Pornography"
70. Kennedy-Souza, B.L. (1998). "Internet Addiction Order"
71. B. Kutchinskiy "The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience"
72. Milton Diamond, Ph.D. and Ayako Uchiyama "Pornography, Rape and Sex Crimes in Japan"

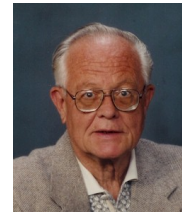
73. M.G. Leary "Self-Produced Child Pornography: The Appropriate Societal Response to Juvenile Self-Sexual Exploitation"
74. Janis Wolak, David Finkelhor, and Kimberly Mitchell "Child-Pornography Possessors Arrested in Internet-Related Crimes: Findings From the National Juvenile Online Victimization Study (Alexandria, Virginia: National Center for Missing & Exploited Children"
75. T. Krone "A Typology of Online Child Pornography Offending"
76. Taylor M 1999. "The nature and dimensions of child pornography on the Internet Combating child pornography" on the Internet conference, Vienna
77. L. Webb, J. Craissati and S. Keen "Characteristics of Internet Child Pornography Offenders: A Comparison with Child Molesters"
78. A. Молль «Половая жизнь ребенка»
79. W. Friedrich "Studies of Sexuality of Nonabused Children"
80. William N. Friedrich, PhD, Jennifer Fisher, PhD, Daniel Broughton, MD, Margaret Houston, MD, Constance R. Shafran, PhD "Normative Sexual Behavior in Children: A Contemporary Sample"
81. J. Bancroft, D. Harbenick, M. Reynolds "Masturbation as a Marker of Sexual Development"
82. M. Reynolds, D. Harbenick, J. Bancroft "The Nature of Childhood Sexual Experiences"
83. David Finkelhor "Sex among siblings: A survey on prevalence, variety, and effects"
84. J.J. Hugaard, C. Tilly "Characteristics predicting children's responses to sexual encounters with other children"
85. L.J. Cohen, K. Nikiforov, S. Gans "Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model"; D.M. Vandiver, G. Kercher "Offender and victim characteristics of registered female sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders"
86. D.M. Vandiver, G. Kercher "Offender and victim characteristics of registered female sexual offenders in Texas: a proposed typology of female sexual offenders"
87. J. Earl "Child Pornography, The Politics of Child Abuse, and the Abuse of Innocence: Analysis and Commentary"
88. Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (2000) "Condemnation of a scientific article: A chronology and refutation of the attacks and a discussion of threats to the integrity of science"
89. Rind, B., Tromovitch, P., Bauserman, R. (1999, November 6). "The clash of media, politics, and sexual science: An examination of the controversy surrounding the Psychological Bulletin meta-analysis on the assumed properties of child sexual abuse". Talk presented at the 1999 Joint Annual Meeting of the Society for the Scientific Study of Sexuality and the American Association of Sexuality Educators, Counselors, and Therapists, St. Louis, Missouri.
90. P. Jenkins "Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America"
91. K. McCartan "'Here There Be Monsters': the public's perception of paedophiles with particular reference to Belfast and Leicester"
92. P. Jenkins "Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Great Britain"
93. Stacey Katz-Schiavone "Myths and Facts About Sexual Violence: Public Perceptions and Implications for Prevention"
94. Fraser, GA (1997) "The Dilemma of Ritual Abuse: Cautions and Guides for Therapists"
95. L.M. Kruse "Sex offenders, sexuality, and social control : a case study in the social construction of a social problem"
96. M. Burns "False Accusations of Sex with Juveniles"
97. M. Burns "Throwing Away the Key"

98. M. Burns "Counting and Over-Counting Sex Offenders"
99. M. Burns "Criminalizing Child's Play"
100. Ювенский, Шумский, Калюжная «Женщины-убийцы»
101. Finkelhor, Browne "Impact of child sexual abuse: A review of the research"

Возраст согласия: исторический обзор

Краткая справка об авторе: Верн Лерой Булло ([Vern Leroy Bullough](#)) - живой классик американской и мировой сексологии, основатель Центра сексологических исследований Калифорнийского университета в Нортридже, лауреат Премии за выдающиеся достижения и Премии Альфреда Кинзи Общества сексологических исследований и бывший президент этого Общества, автор и редактор свыше пятидесяти книг и более ста научных статей, а также сотен популярных статей.*

Исторический опыт - не самый лучший советчик для тех, кто пытается найти ответы на вопросы современности. В быстро меняющемся мире еще, казалось бы, совсем недавно верные решения часто оказываются безнадежно устаревшими. Однако к особенностям физического развития человеческой особи это относится в гораздо меньшей степени. Если мы будем руководствоваться принципами эволюционной психологии, мы придем к выводу, что зафиксированный в истории возраст полового созревания и начала половой жизни можно рассматривать как индикатор некоей биологической программы, которую невозможно игнорировать и при решении сексологических проблем нового времени. Эта биологическая программа может не только дать объяснение сексуальной активности подростков, но и помочь найти новые подходы к проблеме эфебофилии - сексуальных контактов между подростками и взрослыми.

В традиционном обществе вопросы вступления молодых людей в сексуальные отношения находились в компетенции их семьи или племени. Вероятно, в большинстве случаев начало их сексуальной жизни совпадало с наступлением половой зрелости. Очевидно, первые попытки как-то регламентировать этот процесс были предприняты некими служителями культа, хотя описать эти попытки хронологически не представляется возможным. Например, в древнеегипетских источниках до сих пор не найдено ни одного упоминания о какой-либо юридической или религиозной церемонии регистрации брака; по-видимому, заменой браку тогда служило формально не закрепленное сожителство, начало которого ознаменовывалось переселением одного из партнеров (обычно женщины) в дом второго (Robbins, 1993). В каком возрасте это обычно происходило, не вполне ясно, но очевидно, что согласие женщины было необходимым условием с древнейших времен. Например, в Ветхом завете мы читаем, что, когда посланец Авраама попросил руки Ребекки у ее отца и брата, потребовалось получить согласие всех троих (Быт., 24:50-51). И, хотя в древних текстах почти не встречается указаний на возраст мужчин, по-видимому, в сексуальных парах мужчины были, как правило, старше женщин.

При всем разнообразии народов и культур (Westermarck, 1922), почти повсюду подходящим для начала половой жизни возрастом считался возраст наступления половой зрелости, которая определялась по очевидным внешним признакам. В большинстве этнических общностей этот возраст варьировал между 12-ю и 14-ю годами у девочек, у мальчиков он был несколько выше. Признаки половой зрелости девочки - рост молочных желез и околососковых кружков, оволосение лобка, установление месячных; у мальчика - оволосение лобка, сморщивание и рост мошонки, рост пениса и спонтанные эрекции (Tanner, 1962).

В те времена были целесообразны ранние роды; первых детей девушки рожали не позже 15-16 лет. Рожать детей как можно раньше было необходимо биологически, так как с возрастом вынашивание становилось все большей проблемой. По мере увеличения возраста женщины увеличивалась вероятность развития у нее анемии (дефицита железа в организме), и этот риск еще возрос в результате перехода первобытных племен от охоты и собирательства к сельскому хозяйству. Потребление железа среднестатистическим европейцем периода позднего Средневековья в лучшем случае варьировало в пределах 0,25-0,75 мг в день. Этого количества было едва достаточно для мужского организма и совершенно недостаточно для женского, поскольку женский организм теряет большое количество железа с менструальной кровью. Чтобы гарантировать себя от анемии, женщине требуется 1-2 мг железа в день, что может обеспечить только пища, богатая белком, а в средневековой Европе лишь немногие могли позволить себе регулярное потребление мяса, которое является важнейшим источником белка. Так как в миллилитре крови содержится около 0,5 мг железа, небольшая, казалось бы, потеря крови при менструальном цикле является причиной значительного уменьшения содержания железа в женском организме. Таким образом, даже не будучи беременной, менструирующая женщина должна получать с пищей приблизительно в два раза больше железа, чем мужчина, а при беременности ее потребность в железе еще выше, что вызвано необходимостью питать плод, а также большой кровопотерей при родах. Считается, что в последние 6 месяцев беременности женщина должна получать от 3,5 до 7,5 мг железа в день, что было явно недоступно большинству населения средневековой Европы и, вероятнее всего, Древнего мира. Общая потеря железа за период среднестатистической беременности составляет приблизительно 680 мг, или 2,4 мг в сутки, а в период кормления грудью на выработку молока расходуется приблизительно 0,5 мг в день. Произведя несложные подсчеты, мы приходим к выводу, что в прежние века общая потребность женщины в железе (за весь период от рождения до смерти) почти в три раза превосходила потребность мужчины. Отсутствие какой-либо возможности удовлетворить эту

потребность и вызывало у большинства женщин анемию, вероятность которой возрастала с каждым годом жизни и каждой беременностью, что приводило к осложнениям и выкидышам уже у двадцатилетних. Анемия также нарушает насыщение крови кислородом, что вызывало развитие таких заболеваний, как пневмония, бронхит и эмфизема, которые, в свою очередь, только усугубляли кислородный голод (Bullough, 1980; Bullough, 1987).

Хотя причина описанной закономерности была не известна нашим пращурам, им было ясно, что женский организм был наилучшим образом приспособлен к деторождению через год-два после полового созревания, а после двадцати лет эта способность стремительно шла на убыль. Некоторые современные медики утверждают, что, например, 14-летние девушки недостаточно физически зрелы для рождения детей, поскольку их скелет еще не вполне сформирован (Stekle, 1975), но в те времена влияние анемии на женский организм имело несравнимо большее значение, и на его фоне эта возрастная особенность была малозаметна, с чем и был связан обычай раннего материнства, ведь возраст менархе тогда приходился на диапазон 12-14 лет (Amundsen, Diers, 1969; Bullough, 1981). Да и среди современных медицинских экспертов многие (в том числе члены Австрийской правительственной комиссии по реформе уголовного законодательства) придерживаются того мнения, что большинство 14-летних девушек вполне готовы к деторождению (Graupner, 1997, I, 251, прим. 2).

Вступали ли мальчики в сексуальную жизнь так же рано, как девочки? В определенном смысле ответ на этот вопрос будет утвердительным, и лучшим свидетельством тому служит Древняя Греция, где мальчики при первых признаках полового созревания вступали в сексуальные отношения с мужчинами. Тот факт, что древние греки вступали в гомосексуальные связи в столь раннем возрасте, всегда игнорировался или отрицался основной массой историков, и лишь недавно были предприняты первые попытки провести серьезные исследования на эту тему. Эти исследования подтверждают, что мальчики вступали в такие отношения при появлении первых внешних признаков половой зрелости и, по-видимому, это происходило, как правило, около 12 лет (Percy, 1996), что приблизительно соответствует возрасту начала половой жизни тогдашних девочек. Такие исследования ранее не проводились вовсе не потому, что отсутствовали соответствующие источники (например, древнегреческий географ Страбон довольно подробно описал сексуальное посвящение юноши во взрослую жизнь в своем повествовании о его шуточном «похищении» и «медовом месяце»), а по той простой причине, что историки полностью игнорировали все подобные факты, вероятно, не желая затрагивать тему однополых отношений или признавать, что греки вступали в них в столь юном возрасте. По-видимому, однополый секс имел для греков важное политическое и экономическое значение, поскольку помогал молодым мужчинам оттягивать вступление в брак примерно до 30 лет, когда они зачастую женились на девочках-подростках. Такая разновозрастная гомосексуальная пара к VI веку до н.э. стала в Греции, можно сказать, общественным институтом (по крайней мере, так утверждает Уильям Перси) и в определенных социальных слоях сохранялась еще долгое время после поглощения Греции Римской Империей (Percy, 1996). В своем трактате «О воспитании детей» Плутарх (ок. 46 - ок. 120 г. н.э.) признается, что, хотя отцы некоторых юношей полагали однополую любовь к ним «возмутительной мерзостью», он сам был склонен подражать в этой практике таким своим великим предшественникам, как Сократ, Платон, Ксенофонт и другие. Греческий опыт демонстрирует, что возраст вступления в брак может значительно расходиться с возрастом вступления в половую жизнь. Это верно и для наших дней.

Данные о возрасте согласия в истории Западного мира (что является основой моего исследования) не всегда легко найти. Когда мы все же находим некоторые факты, зачастую неясно, насколько далеко идущие выводы можно делать из этих немногочисленных примеров. Например, нам известно, что в Афинах была помолвлена по меньшей мере одна пятилетняя девочка, но также мы знаем, что помолвки, хотя они и заключались за мзду, не всегда приводили к браку или сексуальным связям. Хотя Платон в своей «Республике» рекомендует 18-19 лет как оптимальный возраст для выхода замуж, большинство авторитетных историков считают, что это не соответствовало реальной практике, поскольку греки придавали чрезвычайно большое значение девственности невесты, и очевидно, что большинство девушек выходили замуж гораздо раньше, что подтверждается источниками из разных областей Греции, указывающими на диапазон 12-14 лет (Lacey, 1968).

В Риме периода Республики, который оставил нам больше законодательного материала, брачный возраст для девушек был установлен на уровне 12 лет, для юношей - 14. Однако брачный возраст не всегда означал то же самое, что возраст согласия на сексуальные отношения. Хотя небогатые семьи могли откладывать выдачу своих дочерей замуж из-за трудностей с получением приданого, все источники свидетельствуют о том, что в среднем девушки вступали в свой первый брак в возрасте 14 лет (Balsdon, 1962). Выражение «в среднем» здесь очень важно, так как было достаточно случаев и более ранних, и более поздних браков. Вопросы вступления в брак и сексуальные отношения оставались частным делом заинтересованных семей вплоть до периода царствования императора Августа в I веке н.э., когда в них впервые начало вмешиваться государство. Бракосочетание тогда было законодательно определено как двухступенчатый процесс, состоящий из помолвки, заключаемой главами семей и обязательной к исполнению, и собственно свадьбы. Девочки, не достигшие брачного возраста, могли быть выданы замуж с согласия их отцов. Для помолвки согласие невесты не требовалось, однако для свадьбы было

непременным условием. Если заключалась помолвка с девочкой, у которой еще не было месячных, пара не имела права осуществлять брачные отношения до их начала, что можно считать неким подобием возраста согласия. Но за такой «задержкой» было трудно проследить, и она не всегда соблюдалась (Friedlander, 1913). И лишь во времена поздней Империи был издан закон, требующий от детей понимания смысла брачных отношений, и было установлено, что достаточный для этого возраст - 7 лет (Baldson, 1962). По-видимому, из-за того, что для вступающих в брак тогда была обычна большая разница в возрасте, в большинстве провинций требование к девственности жениха было гораздо менее строгим, чем к девственности невесты. И хотя не каждый муж дождался, пока у его юной жены начнутся месячные, именно необходимость такого ожидания оказала решающее влияние на блаженного Августина (354 - 430 гг. н.э.) - одного из основателей западного христианства.

Августин, хотя и был рожден матерью-христианкой, в молодости принял манихейство, которое требовало строжайшего полового воздержания от своих адептов высшего ранга - «посвященных». Августин же, несмотря на свое страстное желание стать «посвященным», находил воздержание трудноосуществимым. Хотя он ежедневно молил бога о даровании целомудрия, он сам признавался, что заканчивал каждую свою молитву словами: «Дай мне, Господи, целомудрие, но не теперь». Когда он наконец отчаялся обрести целомудрие, он решил обзавестись законной женой. Он немедленно выгнал из своего дома любовницу и их общего сына и обручился с неполовозрелой девочкой, которой не было и двенадцати. Не находя в себе сил для воздержания и не желая прикасаться к невесте, у которой еще не было месячных, он вынужден был посещать проститутку. Все это привело его к духовному кризису, в результате которого он вновь обратился к христианству и дал обет вечного безбрачия (Augustine, 1955). По-видимому, помолвки (и даже браки) с неполовозрелыми девочками были тогда вполне обычным явлением, хотя до начала менструации в сексуальные отношения с ними большинство (будущих) мужей не вступали. Также очевидно, что для тогдашних супружеских пар была характерна большая разница в возрасте, хотя и из этого правила имелось немало исключений.

Как показывает пример блаженного Августина, законодательство Древнего Рима в этой сфере было недостаточно четким. Те немногие законы, что тогда существовали, нельзя было назвать непреложными. Римская законодательная традиция со всей присущей ей неопределенностью формулировок распространилась на большую часть Западного мира через крупнейший законодательный документ поздней Римской Империи - Свод гражданского права (*Corpus juris civilis*), составленный по указанию императора Юстиниана в VI веке н.э. В этом Своде говорилось, что для вступления в брак девочки и мальчики должны быть *puberes*, то есть как минимум в возрасте 12 и 14 лет, соответственно; но даже если кто-либо из них был *impubes*, они тем не менее могли пожениться, официально заявив о своем обоюдном желании жить вместе, и тогда их сожителство превращалось в законный брак (Institutes, 1910, I, tit. X). То есть наряду с законом существовали и вполне легальные пути его обхода. Именно традиция римского права была унаследована европейским гражданским и каноническим правом и легла в основу их правовых норм, которые, к тому же, соблюдались лишь тогда, когда за их соблюдением могли проследить. Согласно каноническому праву, брачный возраст определялся индивидуальной биологической зрелостью (наличием менструации или эякуляций), и только в 1563 г., на Тридентском вселенском соборе Католической церкви, был установлен фиксированный календарный возраст: 12 лет для девушек и 14 для юношей. Тот же собор упразднил «гражданский» брак (сожителство без формальной регистрации) и постановил, что заключение брака возможно лишь путем венчания (Graupeer, 1997, I, 126-127). Однако, вероятно, и после того в глазах народа традиция сохраняла более высокий авторитет, чем право, и даже в период наивысшего расцвета канонического права (с XII по XV век) закон всегда можно было обойти - на то существовали особые стряпчие.

Руководствовался ли пророк Мухаммед (570 - 632 гг. н.э.) римским правом или распространенными среди арабов обычаями, нам доподлинно не известно, но он, как и блаженный Августин, тоже заключил помолвку с неполовозрелой девочкой. В отличие от Августина, Мухаммеда на это подвигла смерть его первой жены Хадиджи, после которой он был безутешен. Приближенные, опасаясь за душевное здоровье пророка, убеждали его вновь жениться, полагая, что так ему будет легче справиться с горем. После некоторых колебаний он решил жениться на Аише, которой, по одним источникам, тогда было 7 лет, по другим - 9. Современники Мухаммеда свидетельствуют, что он утешался, наблюдая за тем, как она играет в куклы. Большинство исламских богословов настаивают, что до наступления месячных, то есть примерно до 12 лет (Bullough, 1976), Аиша оставалась девственницей, однако это утверждение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Стоит прокомментировать тот факт, что ни самый авторитетный из отцов церкви Августин, ни основатель ислама Мухаммед не видели ничего зазорного в помолвках с неполовозрелыми девочками. Это объясняется тем, что в те времена такие помолвки, судя по всему, вообще никого не удивляли, хотя в реальные супружеские отношения новобрачные зачастую вступали лишь после того, как у невесты начинались месячные. Более того, в Средние века даже Католическая церковь официально признавала любые брачные обеты, данные друг другу лицами мужского и женского пола, если только они уже не находились в браке или родстве друг с другом - вне зависимости от того, при каких обстоятельствах и в чьем присутствии давались эти обеты. Влиятельный создатель учения о каноническом праве XII века

Грациан, признавая традиционный брачный возраст (12 лет для девушек и 14 для юношей), настаивал на том, что согласие детей на вступление в брак действительно лишь в том случае, если им уже исполнилось 7 лет. И это требование многими оспаривалось - вовсе не потому, что 7-летний возраст кому-то казался слишком низким, а совсем наоборот, из-за того, что он казался чрезмерно высоким и некоторые влиятельные лица позволяли и более ранние браки. Такой «детский брак» считался окончательным, если ни одна из сторон не требовала развода до наступления половой зрелости или сексуальные отношения начинались до нее. Законность брака определялась именно обоюдным согласием сторон (Brundage, 1987), и даже если муж формально «насиловал» жену до достижения ею половой зрелости, брак считался осуществленным. Эта схема была унаследована английским правом, в котором при формальном требовании согласия сила и влияние признавались, по всей видимости, допустимыми средствами «убеждения» (Brundage, 1987; Howard, 1986; Sheehan, 1978; Helmholz, 1974). В английской традиции возраст согласия был особенно «гибок», если речь шла о собственности или семейных альянсах, и такое положение вещей сохранялось даже в начале Нового времени. Например, в 1564 г. в епископском суде Честера был зарегистрирован брак некоего Джона 3 лет от роду с некоей двухлетней Джейн (Furnivall, 1897). Такие браки, конечно, не были нормой, тем не менее были вполне возможны, хотя для их закрепления требовались брачные отношения, которые начинались обычно в 12 лет - возрасте согласия на сексуальную активность. Хотя Шекспир выбрал местом действия своей пьесы «Ромео и Джульетта» итальянскую Верону, 13-летний возраст Джульетты, по-видимому, отражает реальность современной ему Англии. 26-летняя мать Джульетты даже упрекает свою дочь в том, что та чуть ли не старая дева. Шекспир не указывает возраста Ромео, но повествует о церковном благословении его брака с Джульеттой без согласия родителей, так как Джульетта была уже в возрасте, достаточном для самостоятельного вступления в брак.

Анализ истории брачных дел Англии наводит на мысль, что закон тогда был в лучшем случае неким ориентиром, который легко могла проигнорировать любая заинтересованная в том семья. В качестве иллюстрации этой мысли рассмотрим еще несколько случаев, произошедших как в самой Англии, так и в тех английских колониях, из которых впоследствии образовались Соединенные Штаты. Один из таких случаев был недавно обнаружен Холли Брюэр (Brewer, Bullough, 2001), а именно случай жительницы Виргинии Мэри Хэтэуэй, единственной дочери и наследницы Томаса Хэтэуэя, которая в 1689 г. в возрасте 9 лет вышла замуж за некоего Уильяма Уильямса. До нас этот случай дошел только потому, что через два года она подала на развод и ее иск был удовлетворен благодаря тому факту, что она так и не вступила с мужем в сексуальные отношения. Однако если бы муж, который был на два года ее старше, ее бы «изнасиловал», ее иск, вероятнее всего, был бы отклонен (архив графства Стаффорд, 1691). Тем не менее согласие на секс, хотя и не было абсолютным требованием, все же считалось желательным.

Насколько распространены были подобные союзы? Я вынужден прийти к заключению, что они были весьма распространены. К сожалению, браки фиксировались в архивах лишь тогда, когда по каким-либо причинам (например при разводе) они становились предметом разбирательства в суде, а единственный надежный источник данных о возрасте вступающих в брак в старой Англии - это «Посмертные дознания» - архив наследственных дел, который регистрировал лишь тех, кому было что завещать (Walker, 1982; Post, 1974; Russel, 1948). Все это означает, что не сохранилось никаких сведений о подавляющем большинстве тогдашнего населения королевства. Тем не менее неплохим свидетельством распространенности детских браков среди тех, кто наследовал имущество в Англии Средних веков и начала Нового времени, служит тот факт, что количество такого рода браков, упоминаемых в судебных записях, прямо пропорционально их полноте. Судьи объявляли законными даже браки с детьми младше 7 лет - вопреки постулату Грациана об их недействительности. Были признаны даже обеты двухлетней Джейн Брертон и трехлетнего Джона Сомерфорда, которые за них дали взрослые. Когда несколько лет спустя эти «супруги» захотели оформить развод, им пришлось обратиться в суд за соответствующим разрешением (Furnivall, 1897). По меньшей мере один законодатель XVII века - Генри Суинберн - проводил различие между детьми младше 7 лет и детьми старше семи, но младше возраста половой зрелости. Он писал, что те дети, кто дает супружеские обеты в возрасте до 7 лет, должны впоследствии подтверждать свои намерения, обмениваясь поцелуями, объятиями, подарками или сувенирами, ложась рядом друг с другом или называя друг друга мужем и женой, а без такого подтверждения их браки нельзя признавать действительными. Те же требования он предъявлял и к детям старше семи, но добавлял, что, если после такого подтверждения они захотят развестись, они должны обратиться в суд, так как 7 лет - достаточный возраст для осознанного согласия на брак (Swinburne, 1686). Среди тех, чьи детские браки упоминаются в исторических документах, не только дети высших и низших дворян, но и королевские отпрыски. Например, один из незаконнорожденных сыновей Карла Второго, которому в 1671 году он даровал титул герцога Саутгемптонского, в возрасте 9 лет женился на 7-летней Мэри Вуд. Мэри была единственной дочерью богатого отца, а король, естественно, желал в жены своему сыну богатую наследницу. Брачный контракт, заключенный между отцом Мэри и королем, предусматривал выплату компенсации в 20 тысяч фунтов жениху в том случае, если невеста после свадьбы пойдет на попятный, что подразумевало неокончателность и этого детского брака. Среди правящих классов «договорные» браки между детьми были широко распространены, и хотя мнение детей учитывалось, все же главенствующую роль в них играли интересы и интриги их родителей (Habakkuk, 1994; Staves, 1990; Salmon, 1986). При этом нужно отметить, что детские браки не были и исключительной привилегией высших классов: например,

сохранилась запись о некоем подмастерье Джордже Халсе, который женился, когда ему было 7 лет (Furnivall, 1897). Как пишет Холли Брюэр, детский брак верой и правдой служил интересам «голубых кровей», передаче наследственных привилегий и той идеологии, что поддерживала социальную стабильность, порядок и монархию. Контроль над процессом заключения брака был одним из способов стабилизации патриархальной системы (Brewer, Bullough, 2001), и, когда речь шла о фамильных интересах, возраст согласия ровным счетом ничего не значил. В XVI веке Филипп Стаббс писал, что в Восточной Англии «чрезмерная вольность дозволяется; ибо сущих младенцев, еще в пеленках, часто весьма женят и замуж выдают тщеславные родители их и знакомые, когда младенцы сии еще зла от добра не разумеют, и служит сие умножению нечестия против слова Божия и первобытным временам уподоблению» (Stubbes, 1583). Стаббса беспокоила не столько сама знать, сколько тот дурной пример, который она подавала простонародью. Этот пример породил наибольшие проблемы в североамериканских колониях, где многие переселенцы из Англии находились в услужении у хозяев, отрабатывая ученичество. В стремлении предотвратить ранние браки во многих колониях срок отработки был увеличен до 24-летнего возраста, а те, кто женился раньше, подвергались суровым взысканиям, и их дети объявлялись незаконнорожденными; правда, такое положение дел просуществовало недолго.

Самым влиятельным законоведческим трудом в Англии и ее колониях XVII века была работа сэра Эдварда Кока, в которой ясно говорилось, что девочки младше 12 лет имеют полное право на замужество и с 9 лет могут получать приданое от семьи мужа, даже если мужу только что исполнилось 4 года (Coke, 1719). Впрочем, речь шла не только о браках между детьми, а очень часто и о браках юных девочек со взрослыми мужчинами. Самое популярное «наставление о половой жизни» XVIII и начала XIX века «Шедевр Аристотеля» (1745?) в красках расписывает радости супружеской жизни зрелого мужчины с юной девственницей. Хотя автор называет 14 лет как самый подходящий возраст «девицы на выданье», в выдуманной им стране Кампании 80-летние старики «охотятся» на еще более юных девочек, чтобы жениться на них и иметь от них детей. Похождения мужчины в поисках юной девушки или женщины - лейтмотив английской художественной литературы от Чосера до Шеридана и Афры Бен, да и в щепетильном XX веке набоковская «Лолита» произвела немалый фурор. Хотя секс с девочкой младше 10 лет на большей части территории Европы по закону считался изнасилованием, нет оснований полагать, что и этот закон применялся хоть сколько-нибудь регулярно. Например, Казанова среди сотен своих любовниц назвал и 9-летнюю девочку, правда, отметив при этом, что особого удовольствия от нее он не получил (Bullough, 1976).

Мог ли дать согласие на секс шестилетний ребенок? Один из виргинских судов присяжных признал некоего Джона Беннета виновным в сексе с шестилетней Нэнси Гир и приговорил к году тюремного заключения. Это произошло вскоре после того, как Виргиния приняла поправку к своему закону, по которой за изнасилование девочки младше 10 лет полагалось от одного года до десяти лет. Что весьма любопытно, та же поправка за изнасилование девочки или женщины старше 10 лет предусматривала от 10 лет до 21 года (Henning, 1825). Когда Беннет обжаловал приговор, вышестоящий суд постановил, что ребенок младше 10 лет не способен дать согласия на секс и, хотя Нэнси выказывала явное нежелание, изнасилование девочки младше 10 лет - менее тяжкое преступление, чем изнасилование девочки или женщины старше 10 лет, которая такое согласие дать способна. Иными словами, поскольку с девочкой младше 10 лет не может быть секса по согласию, то и изнасиловать ее невозможно, а следовательно, и наказание должно быть более мягким (Brockenbrough, 1826).

Можно привести еще множество примеров в подтверждение того, что на многих территориях, где действовало английское церковное право и так называемое общее право (впоследствии унаследованное Соединенными Штатами), возраст согласия мало что значил. Все это наводит на закономерный вопрос: стоит ли воспринимать все эти законы всерьез, если в них было такое обилие лазеек? Ответ прост: возраст согласия был гораздо более «изменчив», чем вся совокупность законов. Почему же большинство исследователей не обращают внимания на этот факт? Одна из возможных причин - наша склонность полагаться на статистику. Например, Питер Лейзлетт (Laslett, 1984), основываясь на исследованных им архивах, делает вывод, что в Англии замужество и деторождение и в позднем подростковом возрасте были редки, а в 12 лет замуж практически не выходили. На мой взгляд, этот вывод ошибочен, хотя и основан он на, по-видимому, подлинных данных. Причина тому - нерепрезентативность выборки. В тогдашних архивах фиксировалась лишь небольшая часть браков - менее трети, и по архивным записям почти невозможно определить, были ли то первые браки или вторые, третьи и т.д. Записи о повторных браках мужчин под 60 и женщин за 30 картину никоим образом не проясняют; не во всех записях возраст вообще указан; отсутствуют сведения о браках без согласия родителей, о «закрытых» венчаниях и т.п., и полнота записей очень разнится от местности к местности. Например, в приходской книге виргинского графства Мидлсекс есть запись о свадьбе некоей 14-летней Сары Халфхайд с 21-летним Ричардом Перро - и лишь в самом конце книги вдруг обнаруживается указание на то, что невеста была вдовой. Интересно, читают ли авторы исследований эти книги до конца? К тому же совершенно неизвестно, в каком возрасте Сара вышла замуж в первый раз, вступала ли с первым мужем с сексуальными отношениями и была ли от него беременна (Parish Register, 1897). Из 98 девочек, упомянутых в приходской книге, как минимум три вышли замуж в 8 лет, одна - в 12, одна - в 13 и две - в 14. Что с ними было дальше, неизвестно, так как в течение десяти лет после этого регистрация браков в книге не велась. Кроме того,

существует проблема идентичности: поскольку зачастую единственными отличительными признаками тех или иных лиц в приходских книгах служат их имена и фамилии, бывает трудно определить, идет ли речь об одном и том же лице или о полных тезках (а матери и их незамужние дочери таковыми часто являлись). Например, в приходской книге церкви св. Павла (графство Стаффорд) имеется запись о том, что в июле 1768 г. у неких Джона и Бехетленд Чандлер родился сын Стивен. Ни о каких других Чандлерах в книге упоминаний нет. 24 декабря 1774 г. Стивен Чандлер женился на некоей Элизабет Банбери. Как учитывать эти две записи в статистических выкладках? Ведь если это был один и тот же человек, значит, он женился, когда ему было всего шесть лет. По-видимому, составителям выкладок это кажется настолько неправдоподобным, что они либо игнорируют этот случай, либо толкуют его как-то по-своему. Этот случай - не единственный, и часто невозможно понять, идет ли речь об одних и тех же лицах в записях о рождении и бракосочетании с промежутком в 8, 10 или 14 лет. Короче говоря, требуется интерпретация исходных данных на основе неких предположений о брачном возрасте и возрасте согласия; при этом подразумевается, что статистическая картина архивов достаточно адекватно отражает статистику всего населения. Однако авторы исследований чаще всего, к сожалению, руководствуются своими собственными представлениями. Попросту говоря, современные историки под воздействием паники перед сексуальным злоупотреблением детьми отрицают очевидный факт былой распространенности детских браков, поскольку она не укладывается у них в голове. Ведь даже несмотря на более терпимое отношение западной культуры к гетеросексуальным отношениям подростков по сравнению с гомосексуальными, вот уже целый век мы наблюдаем непрерывное усиление вражды по отношению к детской сексуальности и нежелания общества с ней считаться. Зашоренность историков современными нравами мешает нам посмотреть на проблему возраста согласия так же открыто, как мы смогли наконец подойти к проблеме гомосексуальности, и признать, что иные народы и культуры решали ее по-иному и даже наши предки в этом вопросе разительно отличались от нас.

Ярким примером такого отношения к вопросу является преломление в глазах наших современников личной жизни Томаса Джефферсона. Все большее число историков, впрочем, без особого энтузиазма, приходят к выводу, что президент США Джефферсон состоял в интимных отношениях с черной рабыней Салли Хеммингс и что, таким образом, даже тогдашнему Белому дому было не чуждо «смешение рас». При этом они испытывают еще меньшее желание признавать или публично обсуждать тот факт, что на момент вступления в связь с Джефферсоном Салли было всего 15 лет, а Джефферсон был, естественно, значительно старше - настолько старше, что годился ей в отцы. Историк Анетт Гордон-Рид, потрясенная таким поведением президента, даже написала, что недопустимо рассматривать личности отцов-основателей в таком ключе (Gordon-Reed, 1997).

Натали Дэвис, бывший президент Американской исторической ассоциации и автор популярной книги (впоследствии экранизированной) «Возвращение Мартина Герра», являет собой еще один пример «должного» подхода к истории возраста согласия и брачного возраста, то есть полного игнорирования исторической реальности (Davis, 1983). Ее книга основана на подлинной истории жизни некоей женщины по имени Бертранда, муж которой по имени Мартин пропал без вести на долгие годы. Чтобы не оставаться навечно бездетной «соломенной вдовой», ей пришлось выдавать постороннего мужчину за Мартина, жить с ним как с мужем и родить от него сына. Не вдаваясь в детали сюжета, хочу лишь обратить внимание на тот факт, что в судебных документах, на которых основана книга, упоминается, что Бертранда вышла замуж в 9 или 10 лет за примерно равного ей по возрасту Мартина. Дэвис же просто отказывается поверить в такой возраст, хотя он соответствует и другим материалам дела, и описывает свадьбу уже взрослой Бертранды, видимо, считая судебные материалы каким-то недоразумением.

Стремясь обновить и упорядочить свои архаичные законы, в 1804 г. Франция приняла Гражданский кодекс, который устанавливал два обязательных условия вступления в брак: достижение определенного возраста и обоюдное согласие. Тем не менее брачный возраст в новом кодексе не изменился. Многие страны затем последовали примеру Франции, принимая новые кодексы для решения проблем нового - XIX-го - века. В 1865 г. свои кодексы приняли Италия и Испания; после бурных дебатов в Рейхстаге в 1895 г. свой Гражданский кодекс приняла объединившаяся незадолго до того Германия; Япония (в 1898 г.), Турция (в 1926 г.) и большинство латиноамериканских стран также последовали их примеру. При этом важно отметить, что подавляющее большинство стран свой возраст согласия менять не стали (Zweigert, Kötz, 1992; Wieacker, 1995; Graupner, 1997; см. таблицы в приложении). Как сообщает Магнус Хиршфельд, в начале XX века из полусотни изученных им стран в пятнадцати (включая Шотландию) он составлял 12 лет, в семи - 13, в пяти - 14, в четырех - 15, еще в пяти - 16; об остальных странах ему не удалось получить достоверных сведений (Hirschfeld, 2000). Любопытно, что в Ватикане возраст согласия до сих пор составляет 12 лет - это означает, что большинство католических священников, обвиненных в США в сексуальных связях с мальчиками-подростками, не нарушали законов Ватикана, кроме данного ими обета безбрачия.

Ни Англия, ни Соединенные Штаты в тот период не предпринимали настолько масштабных законодательных инициатив, однако отдельные законы менялись. С XVI века в Англии существовал (хотя и редко применялся) закон, квалифицировавший секс с девочкой младше 10 лет как изнасилование, и этот закон оставался в силе до конца XIX века. Толчком к переменам послужила озабоченность

проблемой детской проституции, тем, что, как утверждали, жертвами сутенеров становились даже 12-летние девочки. Было предпринято несколько попыток поднять возраст согласия для девушек до 16 лет, однако законопроекты, внесенные в парламент в 1883 и 1885 годах, провалились. Законодательный тупик был в конце концов преодолен благодаря усилиям редактора «Пел-Мел Газетт» Уильяма Стеда, который инсценировал совращение девочки, купленной им у ее матери за 1 фунт. Серия статей об этом, которую он напечатал в своей газете, и последовавший вслед за тем суд над ним и заключение его в тюрьму в конечном счете привели к принятию Акта о поправках к уголовному законодательству (1885 г.), который повысил до 16 лет возраст согласия для вагинального секса с девочкой. Возраст согласия для орального секса и взаимной мастурбации оставался на уровне 13 лет до 20-х годов XX века. Тот же Акт криминализовал и гомосексуальные отношения [между взрослыми] (Stead, 1885; Bullough, 1964; Terrot, 1960). В Соединенных Штатах, где возраст согласия устанавливается индивидуально каждым штатом, большую часть XX века он оставался в диапазоне 12-16 лет, и лишь в последние пару десятилетий отмечается тенденция к его повышению (Posner, Silbaugh, 1998).

XX век чрезвычайно удлинил фазу взросления в жизни человека в соответствии с повышенными требованиями современности к образованию и профессиональному обучению. Мы заставляем молодых людей получать обязательное среднее образование, до определенного возраста запрещаем им пить спиртные напитки, курить, водить автомобиль и многое другое. Возраст вступления в брак также увеличился, не только и не столько из-за изменений в законах, сколько благодаря переменам в роли женщины и мужчины в современном обществе. Высшее образование становится нормой для все большей части населения. Однако все это не отменяет того факта, что биологическая программа, заложенная в нас природой, не изменилась и остается неотъемлемой частью человеческого существа. Тем не менее мы находим все новые и новые причины, чтобы повышать возраст согласия и объявлять все новые и новые варианты человеческих отношений неприемлемыми. Например, Дэвид Финкельхор (Finkelhor, 1984), автор большого количества работ о детской сексуальности и «межпоколенном» сексе, придерживается того мнения, что ребенок не способен дать «истинного согласия» на секс, поскольку он или она не осознает (1) «социальных правил» сексуального поведения, (2) правил, определяющих приемлемость сексуального партнера, (3) «естественной истории» сексуальных отношений и (4) реакции окружающих на его или ее сексуальные контакты. Это определение игнорирует законы биологии и подразумевает, что возраст согласия должен быть основан на особенностях социума и индивидуального развития. Однако эти особенности широко варьируют как среди подростков, так и населения в целом, и такая вариабельность делает применение ко всем единой мерки невозможным.

Так или иначе, вопрос возраста согласия стоит сегодня на повестке дня, и он касается не только и не столько отношений между сверстниками, сколько проблемы уголовного преследования за «межпоколенный» секс. Ряд правительственных комиссий в Европе и других частях света попытались дать ответ на этот вопрос. Большинство из этих комиссий порекомендовали возраст согласия 14 лет, однако не все парламенты последовали их рекомендациям. Комиссия голландского парламента под председательством проф. Мелая даже порекомендовала в качестве минимального возраста 12 лет. Также и немалое число неправительственных организаций порекомендовали 14, в том числе Германская сексологическая ассоциация, британские Лига Хауарда, Общество реформ сексуального законодательства, Национальный совет гражданских свобод, голландские Совет католической молодежи и Национальная ассоциация адвокатов, а также Британское криминологическое общество (Graupner, 1997; Graupner, 1999; Graupner, 2000).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Цель данной работы - не в том, чтобы дать рекомендацию, на каком уровне следует установить возраст согласия, а в том, чтобы подчеркнуть биологическую запрограммированность подростков на вступление в половую жизнь по достижении пубертата. Любой реалистичный подход к формированию программ полового просвещения и законодательства должен учитывать этот факт. Подростков, достигших пубертата, следует отличать от препубертатных детей. В прошлом возраст пубертата обычно совпадал с возрастом согласия; теперь это не так, и обществу пришлось задуматься над вопросом, на каком уровне его следует установить. Коренным образом изменилось отношение общества ко многим вещам, когда-то считавшимся вполне приемлемыми, будь то рабовладение, курение в общественных местах или сексуальные домогательства. В процессе этих перемен многие страны изменили (в сторону увеличения) и возраст согласия, недооценив при этом всю мощь сексуальности подростков, для которых она является важнейшей частью самосознания. Попытки игнорировать или подавлять биологическую природу человека приводят лишь к усугублению всех связанных с ней проблем, что мы видим на примере грандиозного сексуального скандала, в котором главными действующими лицами оказались католические священники США. История служит неплохим ориентиром, но все же она не может дать окончательного ответа на поставленный вопрос. Она лишь напоминает нам, что до сравнительно недавнего времени возраст согласия почти всегда варьировал в диапазоне 12-14 лет. Хотелось бы надеяться, что рано или поздно мы сможем привести наши законы в соответствие с реальностью наших дней, хотя оптимальный, с нашей точки зрения, возраст согласия может и несколько отличаться от стандартов, установленных прошлыми поколениями. Первый шаг к этой цели - признание заложенной во всех нас биологической программы и

необходимости уважать сексуальную автономию подростков и их партнеров.

* Верн Булло был жив на момент издания книги (2004 г.), но умер в 2006 г. (прим. перев.)

Источник: <http://lj.rossia.org/users/leshsh/273.html>

Эмпирический анализ сексуальных отношений между подростками и взрослыми

Брюс Райнд, доктор философии, адъюнкт-профессор кафедры психологии Университета Темпл (г. Филадельфия)

Как реагируют подростки на ситуации сексуального взаимодействия со взрослыми? В сегодняшней Америке такие ситуации принято называть «сексуальным злоупотреблением детьми» и считать глубоко травматичными для подростков, оставляющими шрамы на их психике. Этот американский взгляд распространился и на другие страны и привел к изменению государственной политики в этой сфере как в самой Америке, так и за рубежом. Целью моего доклада является критический анализ научной состоятельности подобного подхода.

Нынешняя повышенная озабоченность американцев сексуальным злоупотреблением детьми коренится в начале 70-х годов. Тогда движение за права женщин вело кампанию против равнодушия общества к проблеме изнасилования, которое они характеризовали как форму агрессии, основанную на жажде власти и контроля над жертвой. Феминисткам удалось добиться на этом пути впечатляющего прогресса, изменив как отношение общества к проблеме, так и государственную политику. Добившись успеха на этом поприще, они начали следующую кампанию - против инцеста, который они описывали, используя модель изнасилования. Психиатры также стали пользоваться феминистской теорией в своих подходах к решению этих проблем. Вскоре, однако, все это привело к тому, что жуткий образ страданий пятилетней девочки, подвергающейся постоянному сексуальному насилию со стороны отчима, стал основой любых представлений о каких бы то ни было сексуальных контактах между взрослыми и несовершеннолетними. Неопровержимо доказанная травма многократного инцестуального изнасилования стала восприниматься «по умолчанию» как реакция подростка, даже уже не один год как половозрелого, добровольно, а то и с энтузиазмом, вступившего в сексуальный контакт с неродным для него взрослым.

Объединение подростков в одну категорию с детьми, когда дело касается секса со взрослыми, является проблематичным. Подростки не являются детьми в биологическом смысле этого слова, их психика гораздо ближе к психике взрослых, чем к психике детей, и они являются сексуальными существами с соответствующими желаниями и фантазиями. Почти во всех обществах, за исключением современного Запада, они воспринимаются и функционируют как молодые взрослые, а не как старшие дети, имеют соответствующие дела и ответственность, которые включают в себя и секс, и нередко брак. Поэтому представляется концептуально неверным называть сексуальное взаимодействие взрослого с подростком сексуальным злоупотреблением «ребенком». С эмпирической точки зрения, также недопустимо выводить реакцию подростка на секс со взрослым из реакции маленького ребенка. А ведь именно эта логика господствует в общественном, политическом и профессиональном дискурсе уже несколько десятилетий подряд.

Для оценки обоснованности огульного утверждения о травматичности для подростка секса со взрослым в этом докладе я сконцентрируюсь на двух типах пар «подросток-взрослый»: гетеросексуальный мальчик с женщиной и гомосексуальный мальчик с мужчиной. Исследования, основанные на клинических и судебных выборках, несомненно, подтверждают, что такие отношения могут быть для подростка травматичными, однако эти выборки являются нерепрезентативными, смещенными в сторону негативного опыта. Для корректного анализа таких взаимодействий требуется выборка из обычной популяции. Далее следует именно такой анализ.

ОТНОШЕНИЯ ГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНЫХ МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ С ЖЕНЩИНАМИ

Неклинические эмпирические данные свидетельствуют о том, что гетеросексуальные мальчики-подростки реагируют на сексуальные отношения с женщинами преимущественно положительно. Например, в американских исследованиях Woods and Dean (1984) и Condy et al. (1987) половина субъектов реагировали положительно на секс с женщинами, который они имели, будучи подростками, отрицательно - лишь четверть. В исследовании Fromuth and Burkhart (1987) 70% подростков реагировали положительно, отрицательно - всего 10%. В исследованиях Okami (1991) и West and Woodhouse (1993) положительно реагировали более 80% подростков, отрицательно - практически ни один из них. Эти высокие доли положительных реакций объясняются высокой степенью интереса и желания, проявляемой мальчиками в отношениях с женщинами. Например, в британском исследовании Coxell et al., в нидерландском Sandfort (1992), в американском Nelson and Oliver (1998) мальчики воспринимали свой секс с женщинами как добровольный более чем в 85% случаев. Отрицательные реакции (например в Condy et al.) объясняются инцестуальным характером отношений и ощущением у мальчиков, что их втянули в эти отношения против их воли, что, как уже было сказано, встречалось относительно редко. Многие юноши в этих

исследованиях оценили свой сексуальный опыт с женщинами как полезный. В исследовании Fromuth and Burkhart 60% юношей заявили, что секс с женщиной оказал на них положительный эффект, и только 3% - что эффект был отрицательный. В исследовании Woods and Dean 37% юношей заявили, что сексуальное общение с женщиной принесло пользу их последующей сексуальной жизни, и только 13% - что оно принесло ей вред.

В кино когда-то существовал целый жанр - «фильмы взросления», в которых демонстрировалось сексуальное «пробуждение» мальчиков-подростков, проявляющих интерес к женщинам и получающих с этими женщинами положительный опыт. Из американских фильмов такого рода самый известный - «Лето 42-го», в котором 15-летнего юношу «посвящает в секс» молодая женщина лет 25, муж которой уехал на фронт. Позитивная и беспроблемная реакция мальчика, показанная в фильме, соответствует эмпирическим данным и перекликается с воспоминаниями многих мужчин об их собственном подростковом опыте. Этот фильм - гораздо более адекватная модель для описания отношений гетеросексуального мальчика с женщиной, чем модель изнасилования или инцеста.

ОТНОШЕНИЯ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ С МУЖЧИНАМИ

Для гомосексуальных мальчиков аналогом отношений с женщинами являются отношения с мужчинами. Неклинические исследования рисуют картину таких отношений, весьма сходную с картиной отношений гетеросексуальных мальчиков с женщинами. В исследовании West and Woodhouse анализ выборки из студентов английских колледжей показал, что большинство сексуальных контактов между гомосексуальными мальчиками-подростками и мужчинами воспринимаются младшими партнерами положительно. Yuill в диссертации, которую он в настоящее время готовит к защите, пришел к тому же выводу на основе своей «удобной выборки» из населения Англии. В 1970-х годах Spada (1979) изучил данные более чем 1000 гомосексуальных мужчин в возрасте от 16 до 77 лет, проживающих в разных штатах по всей территории США, которые он получил, рассылая анкеты по почте. Он сообщает, что те респонденты, которые имели первый сексуальный опыт в подростковом возрасте со взрослым, обычно подчеркивают, что именно они первыми делали «авансы», желали сексуального контакта и инициировали его, что принуждение в таких контактах присутствовало редко. Также в 1970-х годах Jay and Young (1977) собрали данные о более чем 4000 гомосексуальных респондентах мужского пола в возрасте от 14 до 82 лет. Анализ этих данных показал, что мальчишеские влюбленности во взрослых мужчин и сексуальные фантазии о них широко распространены. На вопрос о том, были ли сексуальные контакты со взрослыми полезны для них, большинство респондентов ответили либо утвердительно (69%), либо нейтрально (12%). Научные исследования подкрепляются обширной автобиографической литературой, в которой гомосексуальные мужчины рассказывают о своем «сексуальном взрослении» со взрослыми, которое имеет гораздо больше общего с моделью «Лета 42-го», чем с моделью изнасилования или инцеста.

Для пояснения психологических аспектов данного типа отношений далее вкратце изложу результаты исследования, которое я опубликовал год назад в журнале «Archives of Sexual Behavior» (Rind, 2001). В том исследовании я проанализировал данные, собранные психологом Корнелльского университета Ritch Savin-Williams (1997), который изучал гомосексуальное развитие вообще и в процессе изучения собрал данные о сексуальных отношениях между гомосексуальными и бисексуальными мальчиками-подростками и мужчинами. В исследовании участвовали 129 гомосексуальных и бисексуальных мужчин студенческого возраста из г. Нью-Йорк, большинство из которых на тот момент учились в колледжах. С каждым из них было проведено подробное собеседование. Из данных субъектов 26 (20%) в возрасте от 12 до 17 лет имели отношения со старшими мужчинами, включавшие в себя генитальный контакт.

Savin-Williams измерил два фактора, имеющие значение для психологической адаптации: самооценку субъектов и возраст, в котором они достигли позитивной сексуальной самоидентификации, если вообще достигли. Более ранние исследования, проведенные в Университете штата Пенсильвания, показали, что эти два фактора лучше всего позволяют предсказывать текущее состояние психического здоровья гомосексуальных и бисексуальных мужчин студенческого возраста. В нашем исследовании самооценка тех субъектов, которые, будучи подростками, занимались сексом со взрослыми мужчинами, была ровно на том же уровне, что у тех, кто такого подросткового опыта не имел. Более того, первые достигли позитивной сексуальной самоидентификации раньше, чем вторые - при том, что доли достигших этой важной вехи в обеих группах были равны. Эти результаты свидетельствуют о том, что секс в подростковом возрасте со взрослыми мужчинами в данной выборке не вызвал психологической дезадаптации, а что касается адекватности самовосприятия - он ей даже несколько поспособствовал.

Многие англоязычные исследователи назвали бы эти отношения «сексуальным злоупотреблением детьми». Однако в отличие от тех, кто ассоциируется со словом «дети», то есть наивных существ, не готовых к сексуальному опыту, почти в 100% случаев эти мальчики, прежде чем заняться сексом с мужчинами, достигли половой зрелости и осознали собственное влечение к лицам мужского пола. Часто их влечение к взрослым было сильнее, чем к ровесникам. В отличие от того, что ассоциируется со словом «злоупотребление», подавляющее большинство этих отношений были оценены их младшими участниками как позитивные (77%). Лишь незначительное меньшинство случаев были оценены как

негативные (15%). Отношения характеризовались согласием, а не принуждением. Почти в четверти случаев сексуальный контакт был инициирован младшим партнером, а еще в двух третях случаев произошел по взаимному согласию и интересу.

Позитивные реакции ассоциировались с тем, что партнерами были друзья, а не незнакомцы, с большей длительностью отношений, с большей частотой сексуальных контактов. Но реакции не зависели ни от возраста мальчиков, ни от возраста мужчин: младшие подростки реагировали так же позитивно, как старшие подростки, и их реакции на секс со старшими мужчинами были столь же позитивны, как и их реакции на секс с молодыми мужчинами.

В четырех случаях из 26 реакции субъектов были негативны. Собеседование с ними выявило, что причиной негативных реакций были скорее те условия, в которых происходили сексуальные контакты, чем сам секс. Например, у одного из старших подростков возникло ощущение «грязи» из-за того, что он занялся сексом на кладбище с незнакомцем, к которому не чувствовал влечения. Один из средних подростков сначала испытал чувство «триумфа» от того, что занялся анонимным сексом с мужчиной в кинотеатре для геев, в который он (подросток) перед тем незаметно пробрался, но потом у него возникло ощущение, что такой секс является «низкопробным».

Тем не менее преобладали позитивные реакции. Например, один из младших подростков заявил, что ему «пришлось практически изнасиловать» 22-летнего парня, с которым он перед тем подружился, и добавил, что, когда это наконец произошло, было «супер». У другого младшего подростка были отношения с 35-летним другом семьи, которые продолжались целых 10 лет; он охарактеризовал секс с этим мужчиной как «великолепный, с точки зрения физических ощущений», а также поведал, что был в него влюблен. Еще один младший подросток был инициатором секса в турпоходе с 38-летним другом семьи, которого он охарактеризовал как «невероятно эротичного», а секс с ним - как «огромное облегчение» и «большое удовольствие»; после чего отношения продолжались четыре года.

Называть все это «сексуальным злоупотреблением детьми», как столь часто делается в англоязычных странах, - проблематично, с научной точки зрения. Все субъекты на момент вступления в сексуальные контакты были подростками с уже сформировавшимися гомосексуальными желаниями, а не наивными детьми, испытывающими шок от неких чуждых, вызывающих смуту, нежеланных для них событий. Savin-Williams, исследователь, проводивший собеседования с ними, отметил в своей книге «...И тогда я стал геем», что субъекты обычно не воспринимали свой ранний сексуальный опыт с мужчинами как злоупотребление, но, наоборот, часто видели в нем важную функцию. Например, он заметил, что одним из «преимуществ отношений с большой разницей в возрасте было то, что они помогали подростку более положительно отнестись к тому факту, что он гей. Это редко имело для него какие-либо последствия, кроме самых благоприятных». Он добавил, что молодые люди часто испытывают чувство благодарности за этот опыт и за то благотворное влияние, которое он оказал на их развитие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важной целью моего доклада было проверить истинность убеждения, столь распространенного в англоязычных странах, что секс между подростками и взрослыми по своей природе травматичен. Для этого я сконцентрировался на неклинических, несудебных данных, чтобы исключить деформации, характерные для клинических и судебных популяций. Я сконцентрировался на подростках мужского пола, находившихся в сексуальных отношениях со взрослыми предпочитаемого ими пола. Все это было тестом, позволившим проверить истинность утверждения о неизбежной, инвариантной травме, хотя следует подчеркнуть, что сделанные в нем выводы нельзя распространять на иные типы пар «подросток-взрослый» (например девочка с мужчиной) без исследования их специфики.

Для типов пар «гетеросексуальный мальчик с женщиной» и «гомосексуальный/бисексуальный мальчик с женщиной» неклинические эмпирические данные резко расходятся с предположением о травме. Попросту говоря, модель изнасилования и инцеста, созданная 30 лет назад в Америке для описания ужасов изнасилования женщин мужчинами и инцеста, к которому принуждают девочек их отцы и отчимы, совершенно не годится для описания отношений мальчиков-подростков со взрослыми предпочитаемого ими пола. Все данные говорят о том, что в таких отношениях подростки получают скорее психологическую пользу, чем вред.

Недавно принятое законодательство ЕС требует от всех государств-членов криминализовать значительную часть сексуальных контактов, в которые вступают лица моложе 18 лет (не только с лицами старше 18 лет, но даже с ровесниками). Целью этого предложения объявлено предотвращение эксплуатации детей. Если это искреннее намерение, то предложение является несостоятельным, с научной и эмпирической точек зрения, поскольку подростки не являются детьми, хотя и объявлены таковыми в упомянутом законе, и не подвержены, особенно мальчики, тому серьезному риску эксплуатации, который воображают себе его авторы. Либо это предложение является следствием

продемонстрированного мною заблуждения, либо лицемерием, призванным скрыть стремление контролировать половозрелых людей под видом их защиты.

Источник: <http://lj.rossia.org/users/leshsh/4323.html>

Социальные реакции на секс с несовершеннолетними при «значительной разнице в возрасте»

Эмпирические, межкультурные и межвидовые соображения

доклад, представленный на конференции «Хороший секс, плохой секс: сексуальные законы, преступления и этика» (Будапешт, Венгрия, 4-6 мая 2009 г.)

Брюс Райнд, доктор философии

Введение

В Соединенных Штатах и Великобритании в особенности, но и во все возрастающей мере в других странах Запада, мобилизация на борьбу с «сексуальными преступлениями против несовершеннолетних», начавшаяся около 40 лет назад в виде спорадических, разрозненных попыток, в последнее время переросла во всепоглощающее помешательство. Для многих это радостная перемена, поскольку они верят, что секс с несовершеннолетними со «значительной разницей в возрасте» - это уникально губительное, патологическое и преступное явление. С этой точки зрения, оправданны самые жестокие, даже экстремальные, меры. В США, которые стали в этом вопросе мировым «законодателем мод», взрослые, вступившие в *ненасильственный* сексуальный контакт с несовершеннолетним, вместо условного срока, который они, скорее всего, получили бы в 1970-х годах, теперь получают десятки, а то и сотни лет тюрьмы. Те, кто из тюрьмы выходит, часто подвергаются пожизненному клеймению через публичные реестры в Интернете, которые делают их мишенью для нападения, угроз, унижений и оскорблений, поджогов и других способов уничтожения имущества, лишают жилья и работы. Также они подвергаются все более обременительным «ограничениям в проживании», которые изгоняют их из населенных пунктов и заставляют жить в трейлерах на проселочных дорогах и под мостами. Для критиков, однако, вся эта «гиперозабоченность» и экстремальные реакции - проявления моральной паники, подпитываемой неподтвержденными предположениями, сомнительной идеологией, несостоятельной наукой, сенсационализмом и политическим популизмом. Они утверждают, что реакции становятся все более бесчеловечными и драконовскими. Также они указывают на то, что гиперреакция распространилась и на несексуальные взаимоотношения между поколениями, отравляя их всеобщей подозрительностью и подрывая тем, что вынуждает участников держаться на расстоянии друг от друга, что наносит младшему поколению немалый вред.

В этом докладе я критически проанализирую некоторые базовые посылки, лежащие в основе описанных реакций: например, что секс с несовершеннолетними со значительной разницей в возрасте *по своей природе* является патологическим, насильственным и вредным явлением. Мой анализ будет многосторонним, основанным на эмпирических, исторических, антропологических и зоологических данных. В нынешние времена, когда в данной предметной области столь сильные идеологические «поветрия», более широкий подход обещает дать научно гораздо более информативный результат, чем принятый нынче «обычай» опираться исключительно на клинические и судебные выборки.

Анализ базовых посылок: эмпирические соображения

Строгие наказания и обременительные ограничения, возможно, были бы оправданы, если бы секс с несовершеннолетними был бы действительно настолько вредным для них, как постоянно утверждают «защитники детей», психотерапевты, СМИ и политики. Давайте проанализируем базовые посылки с позиций науки.

«Сексуальное злоупотребление детьми» (СЗД) конструировалось как критическая проблема начиная с середины 1970-х годов. К началу 1990-х сотни клинических и судебных исследований утверждали, что СЗД является причиной бесчисленного множества тяжелых психологических недугов. Около дюжины обзорных работ суммировали эти исследования, делая вывод, что СЗД наносит тяжкий вред буквально всем, будь то мальчики или девочки. Во второй половине 1990-х годов группа исследователей, в которую входил и я, критически проанализировала эти утверждения. Мы возражали, что клинические и судебные выборки являются аномальными, а следовательно, им нельзя доверять в качестве индикаторов того, что происходит в населении в целом. (Это стандартное возражение против клинических и судебных исследований многих категорий человеческого поведения - например, гомосексуализма. Против клинических и судебных исследований гомосексуализма возражали, что гомосексуальные пациенты и заключенные по определению - люди с проблемами, а у гомосексуалов вне лечебных учреждений и

тюрем проблем может и не быть. Именно из этого тезиса исходила психолог Ивлин Хукер, которая в 1957 г. опубликовала революционное исследование, впервые продемонстрировавшее, что гомосексуалы, не подвергающиеся лечению и не содержащиеся в тюрьмах, не страдают от психологических проблем. - прим. автора) Мы изучили общенациональные репрезентативные выборки, проанализировав их статистически (то есть метааналитически) на предмет точности. Выводы, к которым мы пришли, можно изложить следующим образом. Если, что следует из различных общепринятых определений, 2 человека из 100, не подвергавшихся СЗД, проявляют клинически значимые симптомы психопатологии, то из 100, подвергавшихся СЗД, их проявляют всего 3. Отличие очень небольшое и не идет ни в какое сравнение с теми 70 или 80 из 100, о которых постоянно твердят психотерапевты и истеричные СМИ.

В нашем самом обширном метаанализе мы исследовали шесть десятков студенческих выборок и получили тот же результат, что в общенациональных выборках. Более подробные данные, которые мы имели о студентах, позволили нам провести анализ причинности, из которого стало ясно, что увеличение психопатологии с 2 до 3 из 100 лишь в очень незначительной мере можно объяснить СЗД. Большей частью разница объяснялась тем, что те, кто подвергался СЗД, в среднем росли в более бедных семьях и вообще в худшей среде. Результаты также свидетельствовали о большой разнице в реакциях между мальчиками и девочками: две трети мальчиков реагировали положительно либо нейтрально, в то время как две трети девочек - отрицательно. Короче говоря, наш метаанализ резко контрастировал со стандартной картиной СЗД, используя более репрезентативные выборки и более точные методы анализа. Немного уходя от темы, замечу, что многие «детозащитные» организации были разъярены нашим метаанализом и даже добились от Конгресса принятия резолюции, осуждающей нашу исследовательскую группу. (Это был первый и пока единственный случай в истории США, когда Конгресс принял резолюцию, осуждающую ученых за научную работу. - прим. перев.) Тем не менее 10 лет спустя, несмотря на множество отчаянных попыток, никто так и не смог опровергнуть наши результаты.

Конечно, есть множество людей, имевших негативный опыт СЗД, который им повредил - эти люди обычно и попадают в поле зрения клиницистов. Но важно то, что у многих других людей, переживших опыт, подпадающий под стандартное определение СЗД, он не вызвал никаких негативных реакций или даже вызвал позитивную реакцию и оставил о себе приятные воспоминания. Эта информация доступна в многочисленных неклинических, несудебных исследованиях, тем не менее почти всегда игнорируется, отрицается или цензурируется СМИ и профессионалами. В [опубликованных мною обзорах](#) этих исследований я отметил, что значительное большинство гетеросексуальных мальчиков-подростков, находившихся в сексуальных отношениях с женщинами, и гомосексуальных или бисексуальных мальчиков-подростков, находившихся в сексуальных отношениях с мужчинами, воспринимали эти отношения позитивно как во время самого процесса, так и ретроспективно и видели себя их добровольными участниками, с большой охотой вступившими в них. Кроме того, они не чувствовали себя слабой стороной, страдающей от «неравенства сил» со своими партнерами - совсем наоборот: в этих отношениях они чувствовали свою силу, которой не имели в несексуальных отношениях со взрослыми. И даже гетеросексуальные мальчики-подростки, находившиеся в педерастических отношениях с мужчинами, обычно воспринимают эти отношения позитивно, если они происходили в рамках дружбы и так или иначе поспособствовали развитию подростка. Эти исследования показывают, что социально-юридический конструкт «информированное согласие» *плохо* соотносится с реакциями несовершеннолетних - критическое значение имеет не он, а их *собственное* восприятие, насколько добровольно они вступили в сексуальный контакт. Иные типы сексуальных отношений со значительной разницей в возрасте чаще воспринимаются младшими партнерами как негативные, тем не менее и в них присутствует полный диапазон реакций от негативных до позитивных.

(примечание автора: Constantine (1981) показал, что реакция зависит от самовосприятия добровольности и от того, успел ли несовершеннолетний усвоить негативные моральные оценки тех сексуальных действий, в которых он участвовал. Если несовершеннолетний видел свое участие как добровольное и не усвоил негативных оценок, он или она в большинстве случаев реагирует положительно, в противном случае - отрицательно или нейтрально. Rind et al. (2001) в примечании 7 показали, как неклинические исследования после 1981 г. подтвердили выводы Constantine. «Информированное согласие» - юридический конструкт, который широко варьирует от страны к стране (в диапазоне от 12 до 18 лет), в США занимает верхнюю часть диапазона (от 16 до 18, в зависимости от штата). В психологической литературе принято как аксиома, без каких-либо эмпирических на то оснований, что информированное согласие имеет прямое отношение к тому, как человек реагирует на секс. Принимается без каких-либо вопросов и сомнений, что лица моложе американского возраста согласия (16 или 18 лет) реагируют на секс со значительной разницей в возрасте плохо, а 18-летние и старше - хорошо. Это серьезная путаница между моральными и юридическими конструктами и научным конструктом. Правильно предсказывать реакции несовершеннолетних позволяет не «информированное согласие», а научный конструкт «простое согласие» - было ли участие несовершеннолетнего добровольным, по его собственному мнению.)

Социальное конструирование базовых посылок: исторические, межкультурные и межвидовые соображения

Как случилось, что представления о вреде стали настолько экстремальными? Вкратце можно рассказать следующее. В США до середины 1970-х годов многие исследователи считали рассматриваемое поведение аморальным, но вред от него, в отсутствиеотячающих обстоятельств, минимальным. Однако потом возникла «сексуальная виктимология» - лоббистско-пропагандистское движение, изо всех сил старающееся утвердить в обществе представление, что секс взрослых с несовершеннолетними - абсолютное табу, в эпоху, когда практически все остальные сексуальные табу рушились под натиском сексуальной революции. Виктимологи рассматривали любой секс с несовершеннолетним со значительной разницей в возрасте как эквивалент изнасилования женщины мужчиной или его инцеста с дочерью - то есть видели исключительно мрачный сценарий эксплуатации слабого сильным, который наносит жертве огромную травму и непоправимый психический вред. Однако эта экстраполяция была излишне дедуктивной и основанной на рассказах о единичных случаях, а не на науке. Кроме того, она была насквозь идеологизированной, средством для некоторых феминисток добиваться жесткого контроля над мужской сексуальностью и властью, которые были якобы столь опасны. Это «оформление» секса с разницей в возрасте как «сАмого-сАмого злоупотребления» привело к тому, что в 80-х годах вспыхнула череда паник: утверждения о ритуальном сексуальном использовании детей сатанистами более чем в сотне детских садов и о «восстановленных воспоминаниях» у тысяч пациентов психотерапевтов. Эти припадки сенсационализма окончательно вбили в коллективную психику нашей культуры веру, которая впоследствии распространилось и за океан, что секс между взрослыми и несовершеннолетними - явление уникально пагубное. Также они послужили детонатором для вала эскалации все более агрессивных силовых вмешательств. Хотя «ритуальное сексуальное использование» и «восстановленные воспоминания» были отвергнуты серьезной наукой как ятрогенные («наведенные» врачом/исследователем - прим. перев.), в лучшем случае, или откровенный подлог, в худшем, тот эффект, который они произвели на общественное мнение, держится по сей день, в том смысле, что большинство людей до сих пор считают секс с несовершеннолетними со значительной разницей в возрасте уникально губительным для их психического здоровья.

Исторические и межкультурные исследования показывают, что социально интегрированные сексуальные отношения между подростками и старшими партнерами были обычным делом на протяжении всей истории человечества и во всех культурах. До самых последних времен девушки часто выходили замуж в возрасте от 12 до 15 лет, нередко за значительно старших мужчин. Во множестве культур педерастические отношения между мужчинами и мальчиками-подростками были институционализированы как средство развития и воспитания юношества. Во многих других обществах женщинам полагалось сексуально инициировать мальчиков младшего подросткового возраста. Из этого следует, что представление о сексе между взрослым и подростком моложе 18 лет как о явлении, по самой своей сути аномальном и преступном, - порождение современности, социально сконструированное из ценностей данного времени, а не выведенное из естественной истории.

Исторический и межкультурный опыт, таким образом, показывает, что наш порыв характеризовать такие отношения как «зло из зол» не является выражением некоей априорной природной истины, а сформирован современной нам культурой. Во всех человеческих обществах до новейших времен подростки были молодыми взрослыми, а не старшими детьми. Их рассматривали как лиц, подлежащих интеграции в мир взрослых, и ожидали от них активного участия в этом мире. Современное общество, как никогда прежде, исключило подростков из числа тех, кто вносит вклад в семейное хозяйство и более широкую общину. Вместо этого к ним относятся теперь, как к существам ни к чему, по сути, не способным, которых следует отделять друг от друга и жертвенно обслуживать, как маленьких детей. Этот взгляд, конечно, является отражением текущих социальных и экономических структур, в которых подростки нежелательны как конкуренты взрослых в рабочей силе, с одной стороны, и нуждаются в продолжительном образовании, с другой, чтобы быть способными функционировать в высокотехнологичной экономике. Исторический и межкультурный взгляд нужен нам для того, чтобы уяснить себе, что утверждения о *непременном* вреде, который якобы причиняет подросткам сексуальное взаимодействие со взрослыми, являются рационализацией для современных социальных и экономических структур, а не обоснованными научными выводами.

Для дальнейшего анализа будет полезен и межвидовой взгляд. Если секс значительно старших партнеров с незрелыми особями настолько вреден для последних *по своей природе*, как считают большинство современных авторитетов, не можем ли мы увидеть свидетельства этого *в природе* - например, среди наших ближайших родственников приматов? Среди приматов такой секс широко распространен, однако не проявляет никаких признаков той травмы, которую многие считают столь неизбежным его следствием.

Бонобо и шимпанзе - наши ближайшие родственники в животном мире. Незрелые самцы этих двух видов проявляют высокую степень сексуальной активности - гораздо более высокую, чем незрелые самки (самки, по контрасту с самцами, становятся полностью сексуальны только по достижении половой зрелости - прим. автора). Они проявляют сексуальное поведение с другими незрелыми особями, а также со взрослыми обоими полами, но предпочитают зрелых самок, с которыми часто пытаются инициировать копуляцию. В большинстве случаев у них отмечается половое возбуждение, сопровождающееся

эрекцией. Зрелые самки весьма терпимо относятся к юным самцам, обычно позволяя им совершать попытки коитуса (когда самцы бонобо становятся подростками, взрослые самцы мешают им спариваться с самками, но самцы-подростки шимпанзе по-прежнему благосклонно принимаются самками - прим. автора). Когда зрелые самки отвергают незрелых самцов шимпанзе, те обычно хнычут и «закатывают сцены». Исследователи пришли к выводу, что самцам шимпанзе на ранних этапах полового созревания необходимо практическое обучение соитию со старшими самками, иначе и во взрослом возрасте они остаются сексуально неумелыми.

Среди бонобо, когда самка становится подростком, она переходит в другую группу и «прикрепляется» к одной из взрослых самок, которая становится ее «наставницей». Их отношения, основанные на сексе, продолжаются примерно год и помогают подростку интегрироваться в группу и быть принятой остальными самками.

Мужское гомосексуальное поведение со значительной разницей в возрасте также широко распространено среди человекообразных и прочих обезьян Старого света. Педерастия среди горилл, например, является почти поголовной. В то время как один из самцов этого вида «заведует» гаремом самок, остальные самцы формируют чисто мужскую группу, сохраняющуюся на долгие годы, в которой ежедневно происходят ухаживание и секс между взрослыми самцами и самцами-подростками. Некоторые исследователи в результате непосредственного наблюдения этого поведения пришли к выводу, что оно служит поддержанию сплоченности группы. Среди макак резус сексуальные контакты между зрелыми и незрелыми самцами также весьма часты. Нередко они происходят даже несмотря на присутствие желающих секса самок. Юные самцы обычно рады таким контактам и могут даже конкурировать друг с другом за ухаживания со стороны старших самцов. Эти отношения бывают весьма нежны и, по-видимому, способствуют развитию у младших самцов навыков сексуального и социального поведения. Не менее нежные мужские гомосексуальные отношения со значительной разницей в возрасте наблюдаются и у других видов обезьян, например у орангутанов, серых лангуров, медвежьих макак. У макак Давида орально-генитальные контакты между взрослыми самцами и самцами-подростками происходят на регулярной основе. Иногда младший партнер запрыгивает на лицо взрослого, чтобы инициировать такой контакт; иногда взрослый начинает контакт, переворачивая младшего вверх ногами. Оба партнера при этом обычно выглядят радостно-возбужденными. Это поведение никогда не бывает агрессивным и, по-видимому, способствует уменьшению напряжения между партнерами. Аналогичные отношения со значительной разницей в возрасте происходят ежедневно и универсально и у мартышек мона; сексуальное взаимодействие между ними почти никогда не носит характер агрессии и, по всей видимости, помогает младшим самцам интегрироваться в мужскую группу и способствует ее сплоченности.

Когда же речь заходит о сексуальных отношениях со значительной разницей в возрасте между людьми, тотчас всплывает стереотип, что такие отношения по своей природе представляют собой акты агрессии, в которых старший партнер навязывает свою волю младшему, невольному партнеру, который в результате травмируется, превращается в психологического калеку. Поразительно, насколько этот стереотип оказывается прямо противоположным тому, что дают нам исследования приматов, в которых задокументированы огромная охота, с которой младшие партнеры вступают в сексуальные контакты со старшими, и широкая распространенность инициативы младших партнеров; эти исследования раз за разом демонстрируют нам ту пользу для развития и социализации младших партнеров, которую приносят им такого рода контакты, что согласуется и с тем, что исторические и антропологические исследования дают нам в отношении людей.

Заключительные замечания

Секс с несовершеннолетними со значительной разницей в возрасте очень плохо вписывается в современные социальные и экономические структуры, поэтому представленный здесь многосторонний взгляд не означает, что мы поддерживаем такое поведение. Но он показывает, насколько мало общего имеют огульные утверждения о «природной патологичности» и «катастрофической разрушительности» такого секса с той совершенно не дающей повода для паники, зачастую даже позитивной картиной этого явления, которую рисует [корректный] научный анализ. Этот разрыв свидетельствует о том, что как минимум одним из побудительных мотивов для все более драконовских мер, принимаемых против этого явления в последние три десятилетия, является моральная паника. Политика общества должна базироваться на трезвых оценках, а не на преувеличениях и демонизации. «Охоты на ведьм», которые то тут, то там на протяжении всей истории человечества, показывают, что моральная паника аморальна, а демонизация порождает демонов.

Во времена, когда утонченные мета-дискуссии о культуре и о том, что мы теперь называем ее конструированием, сами стали культурным общим местом, а профессионалы выводят их на все более высокие уровни абстракции, у нас может возникнуть ощущение, что охота на ведьм - это не про нас, что мы находимся в уникальном положении, позволяющем нам диагностировать иррациональность прошлого с командных высот теории и прогресса. Но те страсти, та ненависть, те репрессии, которыми

сегодняшний Запад реагирует на «секс с разницей в возрасте», наводят на мысль, что история еще далека от своего завершения. Если нам не безразлична сексуальная этика, нам предстоит трудная работа. Научный взгляд, основанный на данных из области истории, антропологии и биологии, может помочь нам преодолеть этот опасный тупик.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В этом приложении иллюстрируются тенденции того, как Соединенные Штаты реагируют на правонарушения, состоящие в сексуальных контактах несовершеннолетних со старшими партнерами. «Старшие партнеры» здесь включают в себя не только взрослых, но и несовершеннолетних, которые чуть старше «жертв», а то и их ровесники. Цель приложения - в том, чтобы обрисовать ту эскалацию жестокости, которая происходит у нас в этой сфере в последние годы. Учитывая, что США являются мировым лидером и «законодателем мод» в методах борьбы с сексуальными преступлениями, понимание этих тенденций важно для исследователей и в других странах.

Экстремальная повседневность в США

США задают тон в борьбе с сексуальными преступлениями против несовершеннолетних начиная с 1970-х годов. Давайте же посмотрим, каков этот «тон». Многие формы ненасильственных сексуальных контактов, которые в 1970-х годах наказывались лишь условными сроками лишения свободы или не наказывались вовсе (напомню, что еще в 1990-х годах во многих штатах США возраст согласия был 13-15 лет, то есть многие из описанных здесь «преступлений» просто не были преступлениями - прим. перев.), теперь наказываются так же строго, как умышленное убийство. Техасский мужчина средних лет недавно получил 4060 (четыре тысячи шестьдесят) лет тюрьмы за секс с девушками-тинейджерами, которым он занимался на протяжении двух лет. Молодой человек из Флориды, который сам только что вышел из подросткового возраста, был приговорен к двум пожизненным срокам и кастрации за то, что, когда ему было 20 лет, сделал минет мальчику допубертатного возраста. Молодой канзасец провел последние 10 лет в гражданском заточении (civil commitment - помещение в психбольницу тюремного типа после отбытия наказания, назначенного судом; в США в последние пару десятилетий применяется к «сексуальным преступникам» решениями гражданских чиновников - не полиции и не судов - прим. перев.), без всяких перспектив на освобождение, за то, что в 21 год сделал минет 14-летнему. Женщина из Техаса была приговорена к 23 годам тюрьмы за минет, который она сделала 16-летнему, который его очень желал (в Техасе возраст согласия - 17 лет - прим. перев.). Во всех этих случаях, как и во многих других, где нет и намек на насилие, в США теперь назначаются такие наказания, которые когда-то были предусмотрены только за насильственное убийство.

Наказания за «околосексуальные» правонарушения так же жестоки. В 2003 г. в Калифорнии мужчина был приговорен к пожизненному заключению за то, что пососал мальчикам пальцы ног - к их половым органам он не прикасался. В 2007 г. в Аризоне заслуженный учитель получил 200 (двести) лет тюрьмы за то, что в его компьютере нашли 20 порнографических изображений мальчиков - это была первая в его жизни судимость. В 2004 в Вирджинии мужчину приговорили к 20 годам тюрьмы за то, что он скачал из Интернета 20 японских мультяшек, в которых изображался секс мужчин с девочками. В Пенсильвании аспиранту университета грозило 10 лет тюрьмы только за то, что он щелкнул мышью по ссылке в Интернете, которая вела на страницу якобы с изображением секса несовершеннолетних, выставленную ФБР в качестве приманки.

Помимо драконовских тюремных сроков, в США развилась система надзора за «секс-оффендерами» (англ. sex offender - лицо, когда-либо судимое за сексуальное преступление - прим. перев.), которая является предельно беспардонной и дегуманизирующей. Ее основа - электронные реестры, а в последнее время к ним добавились «зональные ограничения», как например запрет жить ближе 1000 футов от любой школы, которые расползаются по всей территории США. Зональные ограничения стали настолько тотальными, что во многих регионах секс-оффендерам теперь просто негде жить. Например, им полностью запрещено жить в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. В [Майами](#) единственное место, где им разрешено жить, - пространство под шумным мостом - целую «колонию» секс-оффендеров заставляют проводить там каждую ночь. В Джорджии уже несколько человек приговорили к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение за то, что они не предоставили надзорным органам свой адрес проживания - они просто не смогли найти себе жилье из-за зональных ограничений. Реестры секс-оффендеров в США являются публичными, что означает не только пожизненное клеймо, но и делает занесенных в них лиц удобной мишенью для физических нападений «народных мстителей», вплоть до убийств - погибли уже как минимум шестеро, а также для угроз, всех видов унижений и оскорблений, уничтожения имущества, лишения работы, жилья и друзей. Исследования показывают, что на самом деле немалая доля «регистрантов» подвергается таким «актам возмездия». Например, 24-летний молодой человек пал жертвой тщательно спланированного убийства (убийца специально приехал для этого из Канады - прим. перев.) только за то, что числился в реестре секс-оффендеров - он попал в этот реестр в 20 лет за добровольный секс, которым занимался со своей подругой, которой на тот момент не хватало двух недель до 16 лет («законного» возраста в ее штате - прим. перев.). В Мичигане юноша-

тинейджер, осужденный за добровольный секс с 14-летней девушкой (ему самому тогда было всего 16 - прим. перев.), совершил самоубийство, когда его заставили регистрироваться несмотря на то, что судья пытался этого не допустить.

Даже несовершеннолетние, вступающие в ненасильственные сексуальные контакты с другими несовершеннолетними, которые младше их, подвергаются в США жестоким репрессиям - многие десятки тысяч из них занесены в реестры секс-оффендеров. В уголовных делах по обвинению в «сексуальном нападении на ребенка», в которых «жертвам» от 13 до 15 лет, речь часто идет о сексе *по согласию* с другим подростком, не взрослым - вплоть до того, что подростков-ровесников арестовывают за «сексуальное нападение друг на друга» («изнасилование друг друга», по терминологии УК некоторых штатов - прим. перев.). Мальчиков с 10-летнего возраста заставляют проходить тестирование фаллоплетизмографом (прибор, надеваемый на пенис для измерения силы эрекции - прим. перев.) и «лечение» аммиаком (газ, вызывающий сильное отвращение - применяется для выработки условно-рефлекторного отторжения «неправильных» сексуальных стимулов - прим. перев.) - этот метод был отвергнут еще в качестве «средства против гомосексуализма» из-за его опасных побочных эффектов и неэтичности. Другие виды «терапии», которым подвергают теперь даже самых младших подростков, включают в себя принудительное ежедневное повторение слов: «Я педофил и не достоин жить в человеческом обществе... Мне никогда нельзя доверять... все, что я говорю, - ложь... Меня никогда не возможно будет излечить». Более того, некоторые ведущие «специалисты по лечению секс-оффендеров» рекомендуют родителям требовать от своих 11-летних сыновей докладывать им все сексуальные фантазии, а если эти фантазии окажутся «девиантными», то подвергать тестированию детектором лжи, фаллоплетизмографом и «лечению» аммиаком. И наконец, несмотря на протесты многочисленных профессиональных организаций, приняты законы, требующие от штатов помещения несовершеннолетних в *публичные* реестры секс-оффендеров, что обрекает их на тяжкую участь отверженных и униженных, делает вечной мишенью для насилия, лишает возможности получить образование, жилье, найти работу и удержаться на ней.

Оригинал статьи:

<http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/04/gsb1rind.pdf>

Источник: <http://lj.rossia.org/users/leshsh/4570.html>

Благословленный и запретный инцест

Михаил Решетников, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, президент Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии

Вступление из сборника работ Зигмунда и Анны Фрейд "[Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов](#)"

Уже во время первых, еще не называемых психоаналитическими, сеансов Фрейд обращает внимание на то, что в рассказах пациентов почти всегда выявляется повышенная фиксация на темах и психотравмирующих переживаниях, так или иначе связанных с попытками или результатами совращения их в детстве преимущественно со стороны близких родственников, и наиболее часто — дочерей отцами. В целом, и это хорошо нам известно из клинической практики, такие ситуации действительно нередки в семьях с отягощенным психиатрическим анамнезом. Как говорят психиатры: “Родственники наших больных — это родственники наших больных”.

Позднее признание роли психотравмирующих ситуаций раннего детства, и особенно — детской сексуальной травмы, в качестве пускового механизма психопатологии вошло в число основных постулатов психоанализа. Действительно, многие невротические нарушения сопровождаются сексуальными — в психиатрии это общепризнанный факт с конца прошлого века. Безусловно и то, что, как тогда, так и сейчас, рассказы невротических больных очень часто бывают достаточно специфически сексуально окрашены или тяготеют именно к этой сфере человеческих отношений. Тем не менее, вопрос о первичности или вторичности, или закономерной связи сексуальных нарушений и невротического заболевания, по-прежнему, остается предметом дискуссии.

Для Фрейда и ряда его современников повода для дискуссии в этом вопросе не было. Будет справедливым сказать, что многие открытия Фрейда были известны психиатрической науке гораздо раньше. Уже были описаны инцест, мазохизм, садизм, ранняя сексуальность и другие перверзии. Но с одним существенным отличием — все это изучалось, описывалось и признавалось лишь применительно к клинической (психиатрической) практике и считалось правомерным в приложении к аномальному состоянию психики и поведения. Что же тогда вызвало столь категоричное неприятие идей Фрейда?

Фрейд впервые сказал, что сходные явления различной степени выраженности в той или иной (явной или скрытой) форме присущи всем людям, представителям всех сословий, не делая исключения ни для своих коллег, ни для самого себя. Естественно, это могло быть и было воспринято как вызов общественной морали и вызвало соответствующую реакцию. Вспомним, что речь идет о достаточно религиозном, можно сказать, пуританском (не без элементов ханжества) обществе конца XIX века, когда роман “Мадам Бовари” был запрещен как безнравственный, а произведения Эмиля Золя вообще считались порнографическими. Поэтому обвинение в шарлатанстве было, по-видимому, не самым грубым определением начала научной деятельности Фрейда. И чтобы отстаивать такие взгляды нужно было иметь не только неисчерпаемый источник своей правоты, но и обладать почти отчаянной научной смелостью, ибо вероятность неприятия и осуждения была очевидной, а возможность понимания и признания — весьма гипотетичной.

Через какое-то время, и, как отмечают некоторые историографы психоанализа — в известной степени в угоду общественному мнению, Фрейд качественно трансформирует свою гипотезу и делает неожиданное заключение, что было бы неверно обвинять всех отцов в извращенности, так как в рассказах невротических больных об обстоятельствах возникновения аффективных переживаний очень трудно, а нередко — невозможно отличить истину от вымысла (и с этим, я думаю, согласится любой специалист-практик, независимо от его отношения к психоанализу). Сущность же трансформации гипотезы Фрейда состояла в следующем: сексуально окрашенные рассказы пациентов могут быть лишь продуктом их болезненных фантазий, но эти фантазии, хотя и в искаженном виде, отражают их действительные желания и влечения.

Таким образом, в новой интерпретации гипотезы Фрейда речь шла уже не об извращенности отцов, а о бессознательном желании дочерей быть соблазненными отцами. Так в психоанализе впервые появляется комплекс Электры. Идея о мальчиках, неосознанно желающих быть соблазненными собственными матерями, широко известна далеко за рамками психиатрии (комплекс Эдипа). Нужно сразу отметить, что обе эти идеи у Фрейда носят достаточно метафоричный характер, а их не критическое, а бы сказал — вульгарно-примитивизированное понимание и объяснение — исключительная привилегия горе-аналитиков и дикого психоанализа. Тем не менее, эта метафора достаточно точно отразила объективно существующие тенденции.

Уже после описания упомянутых комплексов Фрейд постулирует почти всегда присутствующую или неискоренимую агрессивность ребенка по отношению к одному из родителей, чаще — одного с ним пола, объясняя эту агрессивность архаическим, то есть, фактически, генетически заданным, бессознательным желанием занять место одного из супругов во внутрисемейных, в том числе сексуальных, отношениях. И это тоже отчасти метафора, хотя ее поведенческие эквиваленты хорошо известны всем достаточно внимательным родителям: в определенном возрасте, а именно — соответствующем Эдипальной фазе психосексуального развития ребенка, практически все наши дети в той или иной форме высказывают одну и ту же идею: “Вырасту и женюсь на маме”, или, соответственно: “Вырасту и выйду замуж за папу”.

Это настолько обыденно, что мы даже не удивляемся, принимая этот вербальный эквивалент детских сексуальных переживаний за одно из проявлений их сыновьей или дочерней, традиционно считающейся бесполой, любви. Хотя обычно ко времени этого заявления большинство родителей уже многократно были свидетелями проявлений первичной детской сексуальности, правда, до этого направленной только на собственное тело, что естественно и нормально для этого возраста.

Предвидя возражения читателя-скептика или предпочитающего оставаться в плену собственных иллюзий воинствующего моралиста, и, зная их типичные возражения, что все наши интерпретации лишь плод нашего собственного больного воображения, я предлагаю обратиться к объективным данным и лишенной эмоций статистике. Не так давно доктор Эстер Кнорр Андерс (Германия) опубликовала данные, собранные в специализированном центре для анонимного обследования детей, подвергшихся сексуальному насилию. Эти данные свидетельствуют, что ежегодно в Германии около 1000 детей становятся объектом развратных действий, при этом 80% из них — девочки, а 98% преступников — мужчины, и в 1/3 случаев — отцы своих жертв. Еще в 65% случаев — другие члены семьи, а также друзья и знакомые. И лишь в 5% случаев это совершенно чужие люди. Нужно отметить, что эти данные, конечно же, занижены, так как далеко не все дети, оказавшиеся в подобной ситуации, обращаются за помощью в центры анонимного обследования.

Апеллируя к собственным наблюдениям, я могу сказать, что у двух моих пациенток (одной — жены и одной — дочери, случаи не связаны) такое не похвальное поведение мужей и отцов явилось лишь причиной немедленного развода без какой-либо огласки его истинных причин. При этом, если пациентка — бывшая жена, прервавшая сразу после развода вторую беременность, на всю жизнь сохранила демонстративное отвращение и ненависть к бывшему избраннику, то соблазненная отцом пациентка-дочь в процессе многочисленных сеансов, вновь и вновь возвращаясь к этой теме, сообщала все новые (в том числе, внесексуальные) подробности о периоде жизни с отцом, которые могли бы быть интерпретированы как оправдание его и поиск в нем позитивных черт.

Когда же (отвечая на ее запрос) я сказал ей, что, судя по всему, он был не таким уж плохим человеком, я почувствовал, что огромный камень свалился с ее плеч. И, думаю, это достаточно общее явление: традиционные мечты и фантазии о сильном и мужественном, любящем тайно и беззаветно, всегда оказывают более сильное влияние на оценки женщин, и редко кто из них действительно соглашается, что ее соблазнитель, как бы порочен он ни был, достоин только порицания.

Мне известны также несколько аналогичных ситуаций, где главным “героем” был отчим, и, я предполагаю, что вероятность последних гораздо выше, так как, не вдаваясь в подробности, биологические основания запрета на инцест здесь присутствуют лишь гипотетически. Еще раз апеллируя к статистическим данным и суммируя изложенное, думаю, можно признать, что отказ Фрейда от первоначальной гипотезы об инцестуозных наклонностях отцов, вряд ли был достаточно обоснован, хотя это и не исключает особой и самостоятельной роли более поздней идеи о сексуальных фантазиях детей.

Таким образом, мы скорее всего имеем дело с двусторонним психологическим процессом, что, естественно, повышает вероятность его физической реализации. Нужно сказать, что вопрос об уже упомянутых выше неких биологических запретах на инцест является достаточно дискуссионным. Многие авторы подчеркивают, что общепринятое отвращение к инцесту носит скорее социальную окраску, нежели имеет какие-то биологические основания, так как табу на инцест существует только в человеческом сообществе. Сексуальные контакты у животных абсолютно не регулируются какими бы то ни было кровными отношениями.

До настоящего времени существуют находящиеся на примитивных стадиях развития племена, где инцестуозное сожительство является нормой. В историческом аспекте инцест становится преступлением, фактически, только с появлением Библии и Моисеевых законов, первоначально распространявшихся лишь на браки с единокровными сестрами. До этого он был достаточно обыденным явлением, что также нашло отражение в Библии: Лот вступил в инцестуозную связь со своими дочерьми (при этом инициатива принадлежала последним); Авраам женился на своей единокровной сестре Саре; Иаков — на сестре своей первой жены; Рувим вступил в связь с женой своего отца — Валлой; сам Моисей был сыном связанных кровным родством тети и племянника.

Фактически, речь идет о целом периоде безгрешного и, следовательно, благословленного инцеста. В определенном смысле все наши любовные отношения имеют инцестуозную составляющую, потому что в каждой женщине мужчина ищет свою первую любовь — мать, а девушка — отца, и именно несовпадение этих устойчивых подсознательных идеалов, трудно совместимых ролей (мужа-сына, жены-дочери) и социально обусловленных эталонов выбора нередко создает основы семейных конфликтов и неврозов, приобретающих самые причудливые формы.

Я могу привести случай, когда лишь в процессе анализа пациентки удалось установить, что именно она сама постоянно подталкивала мужа к пьянству, так как именно этой черты не доставало ей для его полной идентификации с отцом. В большинстве же тех, к сожалению — немногочисленных случаев, когда добрая, нежная и заботливая мать вновь воплощается в жене, а сильный, мужественный и ответственный отец — в муже, мы имеем действительно благословленные браки.

Таким образом, инцестуозно окрашенный брак оказывается самым счастливым. В целом, тесно связанная с инцестуозностью проблема детской и взрослой сексуальности, ранее также составлявшая одно из идеологических табу, только начинает входить в отечественную психологическую науку и психотерапевтическую практику. И мы надеемся, что предлагаемый читателю сборник работ основоположников и классиков этого направления будет способствовать формированию адекватных и научно обоснованных подходов к этой проблеме.

Честное исследование

Этим летом (1983 г. - прим. перев.) в Висбадене Федеральное управление уголовной полиции Германии опубликовало, вероятно, самое объемное, потенциально самое значительное на данный момент объективное психологическое исследование "жертв сексуальных преступлений". Это исследование, озаглавленное "[Sexualität, Gewalt und Psychische Folgen](#)" (Сексуальность, насилие и их психические последствия), написанное психологом германского Министерства юстиции Михаэлем Баурманном, было издано западногерманским правительством ограниченным тиражом в 650 экземпляров и распространяется исключительно среди компетентных работников и университетских библиотек. Эта солидная работа на немецком языке занимает более 750 страниц и изобилует диаграммами и таблицами. Баурманн и его коллеги проанализировали данные по всем потерпевшим, проходившим по делам о сексуальных преступлениях в полиции земли Нижняя Саксония с 1969 по 1973 г. - в общей сложности 8058 человек! Среди потерпевших как взрослые женщины, так и девочки и мальчики в возрасте до 14 лет. Из них 24% - "жертвы" эксгибиционизма, 35,5% - "сексуального злоупотребления детьми"; 22% пострадали от изнасилования или понуждения к действиям сексуального характера; 18% находились в инцестуозных отношениях. Потерпевших обследовали сразу после поступления сведений о соответствующих инцидентах в полицию, а две трети из них - также через 6-10 лет после инцидента. С ними беседовали, их анкетировали и проводили с ними стандартные психологические тесты (биографический опросник, личностный опросник, тест на тревожность и тот же тест Айзенка на невротичность и экстрроверсию, что использовали Уилсон и Кокс в своем исследовании "The Child Lovers").

Особый интерес для наших читателей представляют 3000 "жертв сексуального злоупотребления детьми". Баурманн пришел к заключению, что "гомосексуальные контакты не играют в этом исследовании сколько-нибудь важной роли, ни статистически, ни криминологически. С одной стороны, они составляют не более 10-15% случаев, с другой стороны, сами потерпевшие характеризуют их как "безобидные", почти исключительно без всякого насилия со стороны подозреваемых, в результате чего **ни один потерпевший не чувствует себя реально пострадавшим**. К тому же ни один тест не выявил, что потерпевшим был нанесен какой-либо объективный вред". В то время как о большинстве случаев реального изнасилования в полицию сообщили сами жертвы сразу после преступления, о "сексуальном злоупотреблении детьми" Баурманн пишет следующее: "Во многих случаях сами дети не придают этим контактам особого значения и никому о них не говорят, поэтому такие нарушения раскрываются случайно".

Баурманн отмечает, что в специальной литературе относительно редко предпринимаются попытки определить "вред" от таких контактов. Баурманн и его коллеги попытались измерить этот вред по 100-балльной шкале. Половину искомого значения составляла оценка самой "жертвы", 25% - ответы на вопросы из перечня возможных травм, составленного по соответствующей литературе, а оставшиеся 25% - результаты батареи тестов. То есть значение "вреда" весьма сильно зависело от его субъективного восприятия "жертвой". (Интересно отметить, что психологические тесты оказались очень плохим индикатором психологического вреда, по крайней мере как его воспринимают сами испытуемые.)

Невозможно перечислить здесь все, что содержится в этом обширном и насыщенном докладе. Тем не менее хотелось бы выделить некоторые моменты. Например, испытуемых просили оценить, насколько полезными для них оказались разговоры о произошедшем с различными заинтересованными лицами. Разговоры с друзьями, братьями и сестрами, учителями и т.п. были, по их мнению, полезны; с родителями и одноклассниками - ни полезны, ни вредны; разговоры с врачами, чиновниками по делам несовершеннолетних, полицией, судами и адвокатами подозреваемых - вредны или очень вредны.

Все те, кто считал себя пострадавшими в статистически значимой степени, оказались лицами женского пола. То есть *ни один* из мальчиков в возрасте 13 лет и младше не оценивал себя как пострадавшего и не проявил статистически значимых отклонений в психологическом обследовании. Баурманн пишет: "Среди экспертов распространено мнение, что жертвы сексуального злоупотребления почти всегда получают (первичную) травму в результате сексуального контакта со взрослым. Из нашего анализа следует, что это представление нуждается в серьезном пересмотре. Необходимо отказаться от мифа, что любая сексуальная активность травмирует детей и подростков и признать, что **часто они становятся жертвами только из-за того, что взрослые хотят их видеть таковыми**. Такое видение заставляет взрослых вести себя неадекватно, в результате чего ребенок превращается уже в настоящую жертву. Он получает клеймо жертвы".

Очень жаль, что это исследование издано настолько малым тиражом и не поступает в свободную продажу. Оно должно быть доступно в университетских библиотеках немецкоязычных стран и, вероятно, по межбиблиотечному обмену в других странах. Насколько нам известно, его перевод на английский не планируется.

Источник: <http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=15:63124:62#62>

Надо ли бояться порнографии?

Отрывок из книги И. С. Кона "Социологическая психология"

Влияние сексуально-эротических материалов на сексуальное поведение

Однозначного ответа на вопрос, как влияют эротические материалы на сексуальное поведение и установки людей, нет и быть не может, необходимо уточнить, о каких именно материалах и о каких людях идет речь. Тем не менее в психологии есть три теоретические установки по этому вопросу.

Теория подражания утверждает, что демонстрация эмоционально притягательных и возбуждающих сексуальных образцов вызывает подражание, увеличивая тем самым вероятность распространения такого поведения. Следовательно, если какое-то поведение нам не нравится, его не следует показывать.

Теория катарсиса (греческое слово, обозначавшее первоначально эмоциональное потрясение, состояние внутреннего очищения, которое возникало у зрителей античной трагедии), наоборот, полагает, что эротические материалы и зрелища действуют как предохранительный клапан, позволяя человеку разрядить свои подавленные сексуальные влечения, и тем самым уменьшая вероятность реализации социально неприемлемых желаний.

Нулевая теория полагает, что сексуальное поведение индивида развивается по своему собственному сценарию и мало зависит от внешних влияний, так что эротические материалы играют второстепенную роль.

Хотя каждая из этих теорий имеет под собой некоторые основания, реальная жизнь гораздо сложнее. Чтобы оценить характер и силу воздействия сексуально-эротических материалов, наука имеет несколько типов источников. Во-первых, это данные социальной статистики о том, как изменилось сексуальное поведение людей и особенно динамика половых преступлений в тех странах, где запреты на порнографию были отменены. Во-вторых, это криминологические данные о людях, совершивших те или иные сексуальные преступления: потребляют ли насильники, педофилы и другие социально-опасные люди больше сексуально-эротических материалов, чем нормальные законопослушные граждане, и можно ли считать эти материалы причиной их криминального поведения? В-третьих, это статистические данные о том, чем любители и интенсивные потребители коммерческой эротики отличаются от тех, кто делает это редко или не делает вообще. В-четвертых, это экспериментальные психологические исследования, проверяющие непосредственное воздействие тех или иных сексуально-эротических материалов на установки и поведение испытуемых. Само собой понятно, что ни один из этих источников сам по себе не является достаточным.

Данные социальной статистики подтверждают скорее теорию катарсиса. **Во всех странах, где анти-порнографические законы были отменены, сексуальных преступлений (изнасилований, покушений на детей и т.д.) стало меньше.** Например, в Дании после легализации порнографии в 1967-1969 годах количество изнасилований уменьшилось, а число преступлений против маленьких детей снизилось на 85%, остальные виды половых преступлений не изменились. Зато спрос на порнографию вскоре упал на две трети, так что теперь датчане производят ее главным образом на экспорт. То же самое произошло в Швеции и Западной Германии. В Западной Германии после легализации порнографии (в 1970 г.), между 1972 и 1980 г. общее число зарегистрированных сексуальных преступлений снизилось на 11% (в то время как общее число преступлений выросло на 50%), число преступлений против несовершеннолетних (моложе 14 лет) уменьшилось на 10%, а против детей до 6 лет - на 59%. Число групповых изнасилований в этой стране с 1971 по 1987 г. снизилось на 59%, а общее число изнасилований незнакомыми людьми - на 33%.

Еще более впечатляющий пример - Япония. В японской эротике традиционно значительно сильнее, чем на Западе, представлены садомазохистские мотивы связывания, изнасилования и членовредительства (вспомните знаменитый фильм "*Империя чувств*"). Казалось бы, такие фантазии должны повышать количество реальных изнасилований. До 1972 года всякая порнография в Японии была строго запрещена. **Но когда эти запреты разом отменили, количество сексуальных преступлений в стране резко снизилось.** Видимо, излюбленные эротические материалы позволяют японцам разряжать социально неприемлемые сексуальные импульсы путем мастурбации или в игровых формах, не претворяя их в действительность. Что и предполагает теория катарсиса.

Однако данными криминальной статистики нужно пользоваться осторожно, за средними цифрами могут скрываться серьезные вариации, а статистические тенденции имеют смысл только в условиях относительно стабильного правопорядка. Хотя в России количество изнасилований в последние годы тоже снизилось, особенно на фоне общего роста преступности, приписывать это достижение "благодетельному" влиянию коммерческой эротике нет никаких оснований. Гораздо правдоподобнее предположить, что милиция просто уклоняется от открытия подобных уголовных дел, а изнасилованные женщины, убедившись в неэффективности правоохранительных органов, предпочитают с ними не связываться.

Другой автономный источник объективных данных о влиянии эротике на поведение - сравнение потребления эротике мужчинами, осужденными за половые преступления, включая изнасилование, с эротическим потреблением обычных, нормальных мужчин. Обыденное сознание убеждено, что такая связь существует, и сами преступники, в поисках самооправдания, часто ссылаются на дурные примеры, уверяя, что они просто подражали тому, что видели на экране или в порножурнале.

На самом деле люди просто повторяют расхожие клише, не задумываясь о степени их обоснованности. Члены Президентской комиссии по непристойности и порнографии (1970) опросили большую группу американцев, что они думают о влиянии порнографии на поведение и психику людей, а затем спрашивали, встречались ли сами эти люди с подобными случаями. Разрыв между предвзятой установкой и личным опытом оказался громадным. 47% опрошенных мужчин и 51% женщин считают, что порнография побуждает людей совершать акты насилия; на собственном опыте или опыте своих знакомых это могли подтвердить лишь 10% мужчин и 8% женщин. В том, что порнография подрывает моральные устои, уверены 55% мужчин и 57% женщин, конкретными же фактами такого рода располагают лишь 15 и 12%. Мнение специалистов (социологов, психологов и людей, работающих с молодежью) оказалось гораздо более сдержанным. Из 799 специалистов по проблемам молодежи три четверти не считают "грязные книги" существенным фактором юношеской преступности. Из 3423 психиатров и медицинских психологов на вопрос: "Встречались ли в вашей профессиональной практике случаи, когда бы порнография была причиной антисоциального поведения?" – отрицательно ответили 80% и предполагают такую связь – 9%. С мнением, что "лица, употребляющие порнографию, больше других склонны участвовать в девиантном сексуальном поведении", не согласились 84% опрошенных. Подавляющее большинство специалистов по половому воспитанию сочли влияние эротических материалов на подростков безобидным, полагая, что они главным образом удовлетворяют "естественное любопытство".

Систематическое сравнение сексуально-эротического потребления преступников и обычных мужчин существенной разницы между ними не обнаружило. Хотя насильники и педофилы, как и большинство мужчин, употребляют порнографию, они делают это не чаще остальных людей. Многие насильники даже получили пуританское воспитание и страдают от сексуальной закомплексованности. Выбор предпочитаемых сексуальных материалов также гораздо сильнее зависит от ранее сложившегося сексуального сценария личности, чем наоборот. Многие насильники отличаются бедностью эротического воображения, их больше вдохновляет реальная, чем воображаемая, жизнь.

Очень интересные данные о потребителях порнографии на основе статистического анализа общенационального опроса, охватившего свыше 20 тысяч французов, от 18 до 69 лет, получил французский социолог Ален Джампи. Потребление порнопродукции во Франции достаточно массово: "часто" и "иногда" порнографические журналы читают 47.4% мужчин и 19.3% женщин. Чтобы понять, как это связано с сексуальным поведением, Джампи подверг детальному анализу ответы мужчин, которые сказали, что читают порножурналы часто (это 5.7% всей выборки). Как и следовало предполагать, среди этих мужчин больше молодых, чем старых (32% - от 18 до 29 лет), больше горожан, чем сельских жителей, и они менее религиозны. Любители "клубнички" ведут более активную и разнообразную сексуальную жизнь, имеют больше сексуальных партнеров, значительно чаще мастурбируют (55% против 13% в среднем по выборке), занимаются оральным и анальным сексом и т.д. 40% из них считают, что можно иметь сексуальные отношения без любви (среди остальных мужчин так думают 30%), и охотнее допускают супружескую неверность для мужей (но не для жен). У них больше эротических фантазий, причем они чаще других мужчин воображают секс с необычными партнерами или в необычных обстоятельствах. Однако, вопреки мнению американской феминистки Андреа Дворкин, что "порнография - это теория, а изнасилование - практика", **агрессивных, "насильственных" образов в их воображении меньше, чем у остальных мужчин (0.5% против 1.3%)**. Вместе с тем эти мужчины относятся к сексу более рационально, чаще принимают предосторожности против заражения СПИДОМ, пользуются презервативами и т.д. Иными словами, потребление порнографии связано с определенным типом сексуального поведения, но нет ничего патологического и социально опасного в нем нет.

Ответить по данным Джампи на вопрос, является ли определенный тип сексуального поведения результатом чтения порнографических журналов или же, наоборот, определенный тип сексуальных потребностей побуждает людей обращаться к эротическим материалам, невозможно, однако в свете общей научной логики второй ответ более правдоподобен. Сила сексуального желания, интересов и

потребностей, как у мужчин, так и у женщин, в значительной степени определяется генетически. Уровень сексуальной активности и расположенности к моногамным отношениям у разных людей неодинаков. Биологически это зависит от уровня секреции мужского полового гормона тестостерона, а психологически - от таких качеств как поиск новизны и любовь к риску; именно эти свойства больше всего характерны для молодых мужчин, имеющих секс с многими женщинами. **Моральные убеждения личности часто подстраиваются под тип ее сексуальной конституции.**

Онанизм и сексуальное злоупотребление детьми: сравнительное исследование двух гипотез

Агустин Малон, PhD, доцент Университета Сарагосы (Испания)

Вот уже несколько десятилетий в странах Запада наблюдается растущее общественное беспокойство по поводу явления, получившего известность как сексуальное злоупотребление детьми (СЗД). Это беспокойство подпитывается научными теориями, краеугольным камнем которых является оценка таких переживаний как неизбежно вредных ввиду их предполагаемых серьезных последствий для настоящей и будущей жизни несовершеннолетних, вовлеченных в них. Этот принцип, широко поддерживаемый как профессионалами, так и неспециалистами, был также неотъемлемой частью той опасности, которую, как предполагалось, представлял собой онанизм - явление, занимавшее аналогичную позицию в обществе и медицинской науке Запада с 18 по 20 век. Настоящая работа является сравнительным обзором означенных двух гипотез, а ее центральная цель - в том, чтобы сравнить эволюцию и фундаментальные элементы обеих гипотез в свете того, что история говорит нам о теории онанизма прошлого. Этот сравнительный анализ позволит критически взглянуть на положения гипотезы СЗД, с тем чтобы стали очевидны сходства концептуальной модели, сделавшей возможной гипотезу онанизма в прошлом.

Перевод с английского: [leshsh](#) ([личнй сайт](#))

[Оригинал на английском в формате PDF](#)

Введение. Сексуальное злоупотребление детьми как культурный сюжет

В последние три десятилетия прошлого века в обществе возникла и укрепилась тревога по поводу "сексуального злоупотребления детьми" (СЗД), в связи с которой появляется множество сообщений в прессе, историй, данных, самопровозглашенных экспертов и законов, относящихся к опыту того рода, который стал нынче одним из "главных блюд" популярных СМИ, профессиональной литературы и, конечно, коллективного воображения. Поглощенность публики и СМИ этим вопросом, обычно окрашенная в панические тона, впоследствии подкреплена научными утверждениями о том, что любые эротические отношения взрослых с несовершеннолетними являются универсально, неизбежно и чрезвычайно вредными для последних¹.

Прослеживание истоков этого феномена выводит нас на события в западном мире, особенно в Соединенных Штатах, произошедшие во второй половине двадцатого века. Именно в то время был заложен фундамент того, что впоследствии стало доминантной идеей сексуальной политики Запада: ее главной "сюжетной линией" о женской невинности и мужском зле, в которой дети и женщины являются жертвами, а мужчины и их сексуальность - виновными². Тема СЗД была превращена не просто в одну из граней весьма четкого различимого типа тщательно продуманной, скоординированной и усиленно навязываемой стратегии - феминистки, консерваторы, "защитники детства", психотерапевты и ученые оказались объединенными в своего рода коалицию, предназначенную для решения общей идеологической задачи: использовать "секс" как символ угрозы для детей и женщин, причину всевозможного беспорядка, разрушения и господства [сильных над слабыми]³.

Предложения этих групп включали в себя и разумные положения, которые большинство людей считали оправданными, направленные на более четкое осознание обществом проблемы социального насилия над женщинами и детьми, на улучшение социальных и институциональных методов ее решения⁴. Но в своем боевом рвении сражаться с тем, что они считали ужасной напастью, многие эксперты и активисты, похоже, принесли науку и рассудок в жертву энтузиазму, и то, что могло бы стать разумным планом решения проблемы более подходящими средствами, превратилось для многих из них в безудержный крестовый поход за то, что они считали добром. Возможно, непреднамеренные, но от того не менее "эксцессивные" результаты этих кампаний не заставили себя долго ждать: сфабрикованные обвинения в сексуальном злоупотреблении детьми⁵, ложные "восстановленные воспоминания" и иррациональные утверждения о ритуальном сексуальном использовании детей сатанистами⁶, климат всеобщей подозрительности и недоверия между мужчинами и женщинами⁷, неверные интерпретации несексуальных контактов между мальчиками и мужчинами⁸, проблематизация человеческой

сексуальности⁹, отрицание детской сексуальности¹⁰, свертывание исследований сексуальности вообще и сексуальности детей в особенности¹¹, нагнетание атмосферы [виктимизации](#)¹², упразднение базовых человеческих и юридических прав для обвиняемых в сексуальных преступлениях¹³, чрезмерное, неуместное и потенциально [ятрогенное](#) преувеличение и драматизация незначительных инцидентов¹⁴, а также создание препон для разумных и мирных решений в тех ситуациях, когда требуются именно такие¹⁵.

В этой перспективе вопрос СЗД рассматривался в качестве исторического феномена¹⁶, в качестве [дискурса](#)¹⁷ или культурного сюжета¹⁸, присущего исключительно Западу конца двадцатого века¹⁹. Другие авторы, рассматривая его в других перспективах²⁰, проанализировали истоки и контуры этой парадигмы, ее авторов, исходные посылки, гипотезы, теории и истории, на которые она опирается. Эти аналитические перспективы в конечном счете позволяют нам сравнить СЗД в социоисторическом контексте с другими, свойственными прошлым эпохам, например с помешательством на "борьбе с онанизмом" восемнадцатого-двадцатого веков, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с научно артикулированными культурными сюжетами, в которых детство и эротизм соединены в некие уравнения, описывающие "пагубность", индивидуальное и коллективное страдание. Параллели между СЗД и онанизмом впервые провел Money (1985a, b, 1991, 1999), наблюдения которого я предлагаю продолжить и развить в этом эссе.

При всех различиях, онанизм и СЗД имеют много общих элементов, которые можно рассмотреть более подробно²¹; тем не менее в данной статье я сконцентрируюсь на том типе сомнительных гипотез, на которых зиждутся оба дискурса. Эти гипотезы гласят, что и онанизм, и те переживания, которые принято обозначать термином "сексуальное злоупотребление детьми", являются деяниями универсально вредными и разрушительными для детей и подростков. Сопоставление обеих теорий и положенных в их основу аргументов проливает свет на беспокоящие нас сегодня проблемы и наш образ реагирования на них. В двух словах, эссе демонстрирует, как перед лицом двух разных проблем, имеющих тем не менее много общего, может применяться сходная логика, имеющая отношение к одним и тем же научным и человеческим парадигмам внутри каждой гипотезы.

Следует заметить, что одновременное обсуждение дискурсов СЗД и онанизма таит в себе опасность неоправданных упрощений и обобщений. В обоих случаях есть множество голосов, авторов, теорий и детально разработанных предложений по обе стороны вопроса. Вред для здоровья от занятий мастурбацией не рассматривался всеми авторами единообразно или с равной серьезностью, да и не во все десятилетия долгой "эры борьбы с онанизмом" были такие авторы²². Эта эра в истории Запада началась в начале восемнадцатого века с публикации анонимного трактата "Онания, или Ужасный грех самоосквернения" (авторство которого некоторые приписывают "доктору Беккерсу", а Laqueur (2003) - "Мартену") и закончилась в середине двадцатого века, когда, особенно в Соединенных Штатах, мощный хор медиков и педагогов об опасностях этой практики для здоровья молодежи лишь постепенно сошел на нет²³.

Научная литература о том, что мы сегодня называем "сексуальным злоупотреблением детьми", на самом деле частично пересекается с литературой о мастурбации, так как в прошлом взрослых часто обвиняли в том, что они эротически инициировали детей, вводя их в развратный грех мастурбации²⁴. Фрейд стал тем, кто вывел детскую сексуальность на ключевые теоретические позиции, и именно в начале двадцатого века мы находим первые работы, освещающие этот вид взаимодействия между взрослыми и детьми и его последствия для детей²⁵. Но мощный взрыв научных исследований СЗД (которое к тому времени уже получило это название) произошел в 1970-х годах, и теперь мы имеем литературу о СЗД даже более обширную, чем об онанизме. В ней мы находим широкий диапазон мнений и теоретических построений по вопросам СЗД и его последствий для настоящего и будущего несовершеннолетних. Это обилие материала затрудняет попытки посмотреть на этот феномен объективно и с надлежащей исторической дистанции, поскольку мы сами полностью погружены в него. Тем не менее желательно начать процесс построения всеобъемлющего реляционного обзора этих переменчивых и подчас противоречивых взглядов, и настоящая работа предназначена стать первым шагом в этом направлении.

В этой струе отмечу, что при обсуждении мастурбации и СЗД основной упор будет сделан на главные парадигмы, т.е. господствующие идеи обоих дискурсов, которые - в более широком смысле - без исключений рассматриваются или рассматривались как имманентно серьезные и разрушительные переживания, за которыми следует строго следить и с которыми следует беспощадно бороться. В обоих случаях авторы, по всей видимости, считают или считали, что обнаружили крупнейший социальный недуг, который в качестве причины объясняет бесконечное множество проблем и патологий последующей жизни, прямо-таки "исток реки Нил", одну из первопричин всех человеческих страданий.

- [1](#) Rind, Bauserman, & Tromovich, 1998
- [2](#) Angelides, 2004, 2005; Mould, 1997
- [3](#) Malón, 2004; Money, 1985b
- [4](#) Goodyear-Smith, 1993, 1996
- [5](#) Besharov, 1986
- [6](#) Nathan & Snedeker, 2001; Ofshe & Watters, 1996; Underwager & Wakefield, 1994; Victor, 1996
- [7](#) Badinter, 2004
- [8](#) Krivacska, 1989
- [9](#) Heins, 1998, 2001; Levine, 2003; Underwager & Wakefield, 1993; Weeks, 1993
- [10](#) Angelides, 2004
- [11](#) Bullough & Bullough, 1996
- [12](#) Best, 1997; Dineen, 1996; Jenkins, 1992
- [13](#) Adams, 1997; Goodyear-Smith, 1996; Wakefield, 2006b
- [14](#) Weinbach, 1987
- [15](#) Goodyear-Smith, 1993; Renshaw, 1982
- [16](#) Jenkins, 1998; Malón, 2004
- [17](#) Beckett, 1996
- [18](#) Kincaid, 1998; Plummer, 1995
- [19](#) Jenkins, 1992, 1998, 2001, 2003
- [20](#) Angelides, 2004, 2005; Beckett, 1996; Best, 1990; Goodyear-Smith, 1993; Levine, 2003; Malón, 2004; Money, 1985a; Nathan & Snedeker, 2001; Ofshe & Watters, 1996; Underwager & Wakefield, 1994; Weeks, 1993
- [21](#) Malón, 2001
- [22](#) Hare, 1962
- [23](#) Hare, 1962; Money, 1985b
- [24](#) Neuman, 1975
- [25](#) напр. Bender & Blau, 1937; Moll, 1912; Rasmussen, 1934

Новая социальная болезнь

Сексуальное злоупотребление детьми часто описывают как болезнь эпидемических масштабов, которая имеет неизбежно катастрофические последствия. Подавляющее большинство статей и книг на эту тему начинаются с подчеркивания серьезности проблемы, обусловленной как вредом, наносимым жертвам, так и повсеместной распространенностью явления. Вот один из характернейших примеров этого драконовского взгляда и его индивидуальных и социальных импликаций:

Но что было бы, если бы сексуальное злоупотребление детьми было бы вновь открытым заболеванием, поражающим до 20% женщин и 10% мужчин и являющимся мощным фактором

*риска для развития массы психических и физических проблем, заболеванием, которое, по самым скромным оценкам Министерства юстиции США, стоит обществу свыше 24 миллиардов долларов в год? Можно вообразить себе, что мы, обеспокоенные ученые, сделали бы, если бы открыли такое заболевание, буквально выкашивающее наших молодых людей... Мы серьезно недооценивали тот урон, который данная проблема наносит здоровью наших детей. Пора признать, что эта проблема - не результат действий кучки извращенцев; сексуальное злоупотребление детьми - проблема здравоохранения, которая вполне поддается профилактике и которой позволило расцвести буйным цветом научное и социальное равнодушие к ней.*²⁶

Следует сразу обратить внимание на то, что в восприятии публики - и в какой-то степени ученых - это новая социальная болезнь, ужасная угроза, способная опустошить наше общество, особенно его младшее поколение, в точности как это было с онанизмом в свое время и выражалось в похожих терминах:

*По моему мнению, ни чума, ни войны, ни оспа, ни подобные болезни не нанесли столь катастрофического урона человечеству, как привычка к онанизму. Это разрушительный элемент цивилизованных обществ, который постоянно делает свое черное дело и постепенно подрывает здоровье нации.*²⁷

Катастрофические последствия на индивидуальном и коллективном уровнях - одно из главных свойств, приписываемых обеим проблемам, очевидно, сомнительными данными, публикуемыми в связи с ними. В обоих случаях "вездесущность" возведена в принцип. Мастурбацию считали опасной тем, что она широко распространена, может "разразиться" в любой момент: "считалось, что дети и подростки будут мастурбировать практически в любой обстановке: за чтением романов, в церкви, сунув руку в карман, под партой, во время верховой езды, прыгая или качаясь на качелях, лазая по деревьям"²⁸. В случае сексуального злоупотребления это ощущение - что практически каждый ребенок может стать жертвой, а практически каждый взрослый - виновным - создается публичными утверждениями о "бесклассовом" характере этой проблемы, которая не различает людей по возрасту, расе, полу или социальному статусу. Утверждениями, которые, в сочетании с распространением тревожной - хотя и подчас сомнительной - статистики, основаны, на самом деле, на крайне растяжимых понятиях о сексуальном злоупотреблении, ведущих к тому, что мы можем назвать его "всеобщностью".

Чтобы окончательно утвердить новую воспринимаемую угрозу на ее "посту", как когда-то было и с онанизмом, "пропагандистам" СЗД потребовалось создать "педагогику виктимизации", которая обучила и подготовила бы честной народ - который до того пребывал в неведении - к тому, чтобы распознавать его внешние признаки²⁹. Были составлены списки симптомов, которые должны проявлять "жертвы злоупотребления", подобные спискам для распознавания "жертв онанизма". Некоторые авторы отмечают не только формальную общность между двумя гипотезами, но и их историческую преемственность, в которой СЗД наследует онанизму³⁰. Money (1999) констатирует: "Каталог индикаторов "сексуально злоупотребительного" поведения был скопирован с каталога индикаторов мастурбации девятнадцатого века" (с. 29), а также: "Перечень подозрительных признаков Келлогга получил ныне новую жизнь от профессиональных "распознавателей" СЗД. Здесь мы имеем очередной пример того, что те, кто не усвоил уроков истории, обречены ее повторить, со всеми ужасающими последствиями"³¹. Как замечают Legrand et al. (1989), где Kellogg (1881) пишет "общая слабость, включая истощение", литература СЗД использует "жалобы на усталость или физическое недомогание, которые могут маскировать депрессию". Аналогично "отказ умственных способностей" становится "неожиданным ухудшением успехов в учебе", "неспособностью сконцентрироваться в школе" или "неожиданным падением оценок в школе". Так же "мочение в постель" превращается в "энурез или энкопрез; неумеренное мочеиспускание", и так до бесконечности. Терминология изменилась, но не изменилась суть, и осталась та же упрощенческая, потенциально ятрогенная логика.

По Rind et al. (1998), не менее 18 категорий расстройств связывают с СЗД: проблемы с алкоголем, тревожность, депрессию, диссоциацию, пищевые расстройства, враждебность, проблемы со способностью к эмпатии, потерю [локуса контроля](#), [обсессивно-компульсивные](#) симптомы, паранойю, фобии, психотические симптомы, проблемы с самооценкой, проблемы с сексуальной и социальной адаптацией, [соматизацию](#), суицидальные мысли и действия, а также общую [дисфорию](#).

Но все перечисленное - лишь малая часть того, что постулируется; опрос психиатров и психологов о возможных последствиях СЗД "выдал на-гора" 42 категории последствий, названных опрошенными³². Другие авторы продолжают предлагать всё новые симптомы, которые позволяют связать практически

любую детскую или подростковую проблему с СЗД³³. Не менее, чем в прошлом, все виды эротического выражения в детстве - игры, исследование тела, удовольствие, нежность или сексуальное любопытство - "конвертируются" в симптомы, которыми чаще всего характеризуют СЗД³⁴. В результате того, что внимание исследователей и общества почти целиком поглощено СЗД, исследования "нормальной" сексуальности детей и подростков теперь "задвинуты в долгий ящик"³⁵.

В то время как непредвзятые, сбалансированные эмпирические данные крайне скудны, дискурс СЗД превращает широкий диапазон действий и поступков - от самых жестоких изнасилований до нежнейших ласк - в центральные события в жизни ребенка или подростка, определяющие всю его последующую жизнь, которые характеризуются в самых мрачных терминах. Подобно тому и мастурбацию в прошлом рассматривали как практику, серьезные последствия которой неизбежны: "Не всякий предающийся сией гнусной и преступной привычке будет наказан столь жестоко, однако ни один не избежит ее последствий в той или иной мере"³⁶. В обоих случаях жертва не избегает зла: в случае мастурбации она расплачивается за собственный порок; в случае СЗД она обречена страдать за пороки других.

На самом деле ученые, утверждающие, что СЗД травмирует ребенка или подростка абсолютно во всех случаях, представляют собой меньшинство. С начала двадцатого века известно, что среди переживших такой опыт есть дискутабельная, тем не менее значительная доля тех, кто не проявляет никаких негативных симптомов или дискомфорта в ответ на этот опыт³⁷. Если бы все ученые цеплялись за постулат универсальности вреда, они тем самым продемонстрировали бы собственную склонность игнорировать подтвержденные случаи, в которых никакого вреда, очевидно, нет. Еще одной уверткой, тактическим приемом служат их утверждения, что негативные последствия нередко проявляются через много лет:

*Еще один интригующий вопрос, отделяющий сексуальное злоупотребление от некоторых других проблем детского психического здоровья, - широко распространенное мнение, что часто оно имеет так называемые "спящие эффекты", или серьезные симптомы, выходящие на поверхность лишь через много лет*³⁸.

²⁶ Fink, 2005

²⁷ д-р Паризе, цит. по Gilbert, 1980, p. 268

²⁸ Elschenbroich, 1979, p. 165

²⁹ Best, 1997; Furedi, 2002

³⁰ Legrand, Wakefield, & Underwager, 1989

³¹ Money, 1985b, p. 97

³² Day, Thurlowb, & Woolliscroft, 2003

³³ Catalán, 2004

³⁴ Echeburúa & Guerricaechevarría, 2000; Kendall-Tackett, Williams, & Finkelhor, 1993; см. критику в Okami, 1992

³⁵ Bancroft, 2003, p. xii; Bullough & Bullough, 1996

³⁶ Tissot, 1760/2003, p. 44

³⁷ Browne & Finkelhor, 1986; Constantine, 1981

³⁸ Finkelhor & Berliner, 1995, p. 1417

Две гипотезы

Если "дискурс антионанизма" превратил аутоэротизм в один из самых презренных и разрушительных актов для индивида и общества, то дискурс СЗД превратил любой эротический опыт между

несовершеннолетним и взрослым в одну из худших вещей, которые могут случиться с ребенком, и в один из самых гнусных актов, который может совершить взрослый. Взрослый в этих отношениях стал универсальным символом зла и преступления, а "жертва злоупотребления" - символом всех человеческих страданий в миниатюре. Постулат универсальной травмы есть научное выражение "вероучения" СЗД, которое проповедуется трагической риторикой боли и опустошения, а несовершеннолетние в нем представлены в роли уцелевших после ужасных испытаний, сравнимых, например, с концентрационными лагерями³⁹. После более чем двух столетий безраздельного царствования гипотеза вреда от мастурбации была окончательно отринута в середине двадцатого века деятелями общественных наук, которые вместо нее ввели в обиход некий снисходительный взгляд, в котором аутоэротизм стал безобидным и даже позитивным опытом, который человек переживает в процессе своего развития. Учеными был сделан вывод, что вред может быть только от общественного осуждения, но не от самой практики⁴⁰. Всего за несколько десятилетий дискурс полностью сменился: с внушения жуткой пагубности мастурбации на описание ее как безвредной и даже полезной для здоровья:

По иронии истории, этот взгляд - что мастурбация вредна только если, по незнанию или в результате ложных представлений, пациент о ней беспокоится - единственное, что ныне осталось от гипотезы мастурбации. Два века индоктринации преподавали публике урок, который она не может забыть так скоро, как его преподавателей; главной заботой медиков, пишущих на эту тему, является убедить публику, что ее страхи по поводу мастурбации не оправданны.⁴¹

Jenkins (1998, 2003) заметил существование циклов на протяжении двадцатого века, в которых СЗД генерировало последовательные волны беспокойства, перемежающиеся с периодами относительного безразличия и/или умеренности. Другие авторы в двадцатом веке описывали случаи сексуального взаимодействия детей со взрослыми как не представляющие из себя особой проблемы и как проблематичные только в результате [неверных] социальных реакций на них⁴². Нынешняя общественная истерия начала обретать почву около 1970 г. и с тех пор продолжается и усиливается, хотя, возможно, есть признаки того, что гипотеза СЗД уже начала выдыхаться:

Есть люди, которые нормально развиваются, несмотря на то что они пережили сексуальное злоупотребление. Ввиду этого факта мы должны принять взгляд, соответствующий данной реальности, который поможет нам ободрять и поддерживать этих людей. Поэтому мы должны помнить, что все мы подвержены "клиническому субъективизму" ... и что наша точка зрения деформируется нашим профессиональным опытом, в результате чего мы более склонны обращать внимание на тех, кто не выздоравливает, чем на тех, кто выздоравливает и восстанавливается.⁴³

Тем не менее, что видно и из вышеприведенной цитаты, большинство остается зафиксировано на гипотезе вреда от СЗД. Такого рода контакты почти неизменно рассматриваются как по своей сути травматичные, единственный правильный метод реагирования на которые - игнорирование и подавление противоречащих этой гипотезе заявлений со стороны несовершеннолетнего, предположение "по умолчанию" того, что они нанесли ему максимальный вред, и привлечение правоохранительных органов и профессиональных психиатров для его "спасения"⁴⁴. Очень немногие ученые обращают внимание на противоположную гипотезу отсутствия вреда, которая лучше объясняет те или иные инциденты, а идея о том, что негативная социальная реакция может быть главным, если не единственным, источником реального вреда для несовершеннолетнего⁴⁵, практически полностью игнорируется как научным сообществом, так и СМИ. Постулируется природная травматичность любого подобного опыта, как непосредственно в момент взаимодействия, так и в долгосрочной перспективе, а то, что он может пройти без последствий для "жертвы", объявляется немыслимым, как когда-то было и с онанизмом.

Причинная связь между такого рода опытом и всевозможными кратко- и долгосрочными проблемами утверждается с той же жесткостью, с коей когда-то утверждалась и их связь с онанизмом. Это, несомненно, один из самых полемических аспектов всей современной парадигмы СЗД, предмет ожесточенных споров с 1970-х годов⁴⁶, не говоря уже о той ярости, которую он вызывает в публичной сфере. Поставить гипотезу вреда под сомнение равносильно еретическому проклятию - эта гипотеза превратилась уже скорее в квазирелигиозную догму, чем в научную гипотезу, подлежащую проверке. Случай с Райндом и соавторами, когда в первый раз за всю историю США Конгресс принял резолюцию, осуждающую научное исследование, является яркой иллюстрацией этого предполагаемого всемогущества в западном мире, в США в особенности⁴⁷. Такие акции наводят на мысль, что гипотеза СЗД, как и предшествовавшая ей гипотеза мастурбации, является почти целиком вопросом социального и

морального восприятия⁴⁸, который будет окончательно решен не столько в результате анализа научных данных, сколько в результате глубоких перемен в культурных парадигмах, относящихся к эротическим измерениям человеческой природы.

Хотя ее истоки коренятся в невежестве, суеверии и религиозной мифологии греха библейского Онана, история гипотезы о пагубном вреде мастурбации теперь неплохо проанализирована и понята⁴⁹. Но специализированные исторические исследования, которые могут помочь нам понять современную гипотезу СЗД как явной причины всевозможных проблем и расстройств, находятся еще в стадии становления, хотя уже предприняты некоторые попытки социокультурного анализа, которые как минимум учитывают тот исторический контекст, который породил этот феномен⁵⁰. Эти исследования обращают наше внимание на то, что исторический контекст гипотезы мастурбации⁵¹ сохраняется и поныне в том смысле, что возникновение "социальных паник" в западном мире по поводу СЗД в последние три десятилетия двадцатого века коррелирует с критическими социальными, экономическими, демографическими, культурными, моральными, политическими и другими трансформациями, происходящими в обществе. Перемены, которые, очевидно, начались в Соединенных Штатах, были артикулированы в "этике злоупотребления" и распространились затем на Европу и остальной мир:

*В то время как в восемнадцатом веке антисексуальная "доктрина онанизма" зародилась в Европе и затем мигрировала в Америку, в двадцатом веке миграция "доктрины сексуального злоупотребления" произошла другим путем. Не то чтобы Америка специально экспортировала свой антисексуализм, просто другие страны оказались подготовлены к принятию антисексуализма в результате тех же технологических и демографических перемен, которые ранее создали почву для антисексуализма в Америке.*⁵²

Эти процессы трансформации затронули целые миры сексуальности вообще - в этой работе мы не будем подробно останавливаться на этой теме - и взаимоотношения между поколениями в особенности. Среди них можно назвать трансформации и кризисы понятий о женственности и мужественности⁵³, трансформации структур демографии и семьи⁵⁴, а также ответственности родителей перед детьми⁵⁵, влияние гей-движения и социальной контрреакции на него⁵⁶, эволюцию стратегии феминисток и их атак на мужскую сексуальность как оружие власти и господства⁵⁷, а также пуританизм, консерватизм и политику "закона и порядка" 1980-х годов⁵⁸.

Все это принесло с собой, помимо прочего, интенсивную трансформацию понятия детства и/или юности⁵⁹ и связанных с ним прав и обязанностей, особенно в сферах проявления чувств и сексуальности⁶⁰, изменив таким образом взаимоотношения со взрослыми. Нынешний "подъем" СЗД как драматической социальной проблемы является одновременно и причиной, и следствием всех этих трансформаций⁶¹. Чтобы очертить то, что можно назвать исторической траекторией гипотезы СЗД в первом приближении, будет полезно сравнить ее с эквивалентом - гипотезой мастурбации. С этой целью проследим описанную Hare (1962) последовательность взлетов и падений "антионанизма" на фоне развития медицинских познаний.

³⁹ Herman, 1992; Ullmann & Hilweg, 2000

⁴⁰ Hare, 1962; Money, 1985b; Neuman, 1975

⁴¹ Hare, 1962, pp. 9-10

⁴² Bender & Blau, 1937; Constantine, 1981; Kinsey, Pomeroy, Martin, & Gebhard, 1953; Schultz, 1973; Ullerstam, 1964

⁴³ Finkelhor, 1999, p. 206

⁴⁴ Berliner & Conte, 1993, 1995; Browne, 1996; Finkelhor, 1984; Henry, 1997

⁴⁵ Constantine, 1981; Goodyear-Smith, 1993; Kinsey et al., 1953; Schultz, 1973

⁴⁶ Bancroft, 2003, pp. 291-379; Finkelhor, 1981

- [47](#) Lilienfeld, 2002a, b; Mirkin, 2000; Oellerich, 2000; Rind, Bauserman, & Tromovitch, 2000; Wakefield, 2006a
- [48](#) Furedi, 2002; Malón, 2004
- [49](#) Laqueur, 2003
- [50](#) Angelides, 2004, 2005; Jenkins, 1998, 2003; Malón, 2004; Ofshe & Watters, 1996; Weeks, 1993
- [51](#) Elschenbroich, 1979; Foucault, 1995; Neuman, 1975
- [52](#) Money, 1999, p. 29
- [53](#) Angelides, 2004, 2005; Osborne, 1989
- [54](#) Jenkins, 1998, 2003; Nathan & Snedeker, 2001; Victor, 1996
- [55](#) Lipovetsky, 2000
- [56](#) Angelides, 2005
- [57](#) Angelides, 2004; Malón, 2004; Vance, 1984
- [58](#) Jenkins, 1998; Okami, 1992
- [59](#) Postman, 1994
- [60](#) Heins, 2001; Luker, 1996
- [61](#) полный анализ см. в работах: Jenkins, 1998; Malón, 2001, 2004; Nathan & Snedeker, 2001; Ofshe & Watters, 1996

Восход и апогей гипотезы сексуального злоупотребления детьми

Есть сходство в том, когда и как две рассматриваемые гипотезы начали появляться в профессиональной литературе. Обе, по-видимому, происходят от клинических наблюдений видимых причинно-следственных связей между психологическими патологиями и, в первом случае, мастурбацией, а позже инцестом и "внеfamilialным" СЗД:

Легко понять, почему мастурбаторная гипотеза (т.е. идея, что мастурбация является причиной психических заболеваний) должна была возникнуть. Многие душевнобольные мастурбируют открыто и часто, в то время как у психически здоровых людей такое наблюдается редко. Налицо ассоциация между мастурбацией и психическими расстройствами, и ... мы склонны считать причиной болезни любую ассоциированную активность, которая сама по себе уже считается вредной.^{[62](#)}

Первые подозрения о предположительно травматичной природе детских сексуальных контактов со взрослыми появились в связи с наблюдениями клинических популяций, в которых, как утверждалось, доля переживших такой опыт была повышенной, по сравнению с неклиническими популяциями. Как заявили Finkelhor и Browne (1985) в своем основополагающем тексте о травмирующем влиянии СЗД, "литература о СЗД полна клинических наблюдений, которые предполагаются связанными с историей злоупотребления в [анамнезе](#)" (стр. 530). Однако другие авторы^{[63](#)} заметили, что важным элементом успеха мастурбаторной гипотезы в девятнадцатом веке было наблюдение пациентов в сумасшедших домах, которые мастурбировали всё более и более привычно с течением времени, и резонно будет предположить, что появление гипотезы СЗД как причины патологий было связано с подобным явлением. Более того, возникновение гипотезы СЗД совпало по времени с распространением диагностических и лечебных услуг для населения, которое началось в широких масштабах в середине двадцатого века, особенно в США. В таком, все более "клиникализирующемся" в плане психического здоровья, обществе легкость распространения историй о пережитом инцесте и СЗД резко повысилась. К этому подталкивал и социально-моральный климат, облегчающий раскрытие самых интимных сексуальных тайн,^{[64](#)} а также феминистская теория, начавшая оказывать свое влияние на психотерапевтическую практику.^{[65](#)}

Некоторые авторы⁶⁶ использовали повышенную частоту сообщений о СЗД в клинических популяциях как подтверждение своей гипотезы. Другие, однако, видели в этой клинической диспропорции существенный изъян гипотезы.⁶⁷ На самом деле в 1970-80-х годах уже был накоплен значительный объем клинической литературы, подчеркивающей как раз факт отсутствия серьезных последствий у многих несовершеннолетних, переживших подобный опыт, или как минимум что их реакции и проявления были совершенно разными.⁶⁸ Тем не менее господство гипотезы СЗД вскоре предало эту "несоответствующую" литературу почти полному забвению.

Мастурбация изначально постулировалась в качестве причины как невротических расстройств, так и серьезных психических заболеваний,⁶⁹ и можно принять в качестве жизнеспособной рабочей гипотезы, что нечто подобное произошло и в случае СЗД. Весьма вероятно, что клиницисты конца девятнадцатого - начала двадцатого веков рассматривали сексуальные переживания, такие как инцест, как непосредственную причину серьезных психических патологий. Поскольку мастурбация тогда считалась очень серьезной вещью, оба эти переживания должны были рассматриваться, по идее, как крайне вредные. В подтверждение этому мы находим авторов, выражающих удивление по поводу того, что они встречали несовершеннолетних, которые имели один или оба вида опыта, тем не менее не проявляли никаких явных признаков психической ненормальности.⁷⁰ Еще более удивительными для них были сообщения, что некоторые дети участвовали в этих эпизодах с охотой и активно.⁷¹

"Жесткий" вариант гипотезы онанизма - ассоциирующий его с серьезными клиническими патологиями - почти полностью исчез в конце девятнадцатого века. Но "мягкий" вариант, в котором апатия или строптивость, например, могли рассматриваться как признаки или следствия этого порока, сохраняется до середины двадцатого века,⁷² и Spitz (1953) приписывает его живучесть, среди прочих связанных факторов, влиянию религиозной мифологии. Подобно тому "жесткий" вариант гипотезы СЗД, по всей видимости, достиг своего пика в конце двадцатого века, тем не менее по сей день в США и Соединенном Королевстве не заметно ослабления связанной с ним общественной истерии. Тем не менее причинная связь между СЗД и такими расстройствами, как "множественная личность" или диссоциативные расстройства идентичности, депрессия и т.п., продолжает утверждаться многими авторами.⁷³ Другие авторы,⁷⁴ напротив, подвергают сомнению как "жесткую гипотезу", так и эти причинные связи. Насколько влияние "жесткой" гипотезы СЗД уже пошло на убыль в разных частях света, оценить трудно, но его последствия до сих пор весьма ощутимы.⁷⁵

Hare (1962) упоминает другие воображаемые факторы (например "раздувание" и "сдувание" причудливых теорий, таких как одержимость дьяволом или влияние луны), которые, возможно, оказали свое влияние на эволюцию мастурбаторной гипотезы. Как мы упоминали выше, учреждение домов для умалишенных, а также накопление медицинских познаний поспособствовали тому, что мастурбацию стали связывать с психическими заболеваниями, как и появившаяся возможность рассматривать психические расстройства как взаимно-специфичные с физическими проблемами или являющиеся их следствиями. Возможно даже, что произошло реальное увеличение случаев мастурбации в населении,⁷⁶ а Finkelhor (1984) предположил, что аналогичное увеличение случаев СЗД произошло во второй половине двадцатого века вследствие "сексуальной революции". Тем не менее такие умозрительные построения являются достаточно спорными.⁷⁷

Еще одним фактором восхождения гипотезы СЗД в конце двадцатого века стало возвышение общественных наук и психотерапии, которая стала неким подобием новой религии, с психиатрами и психологами в ипостаси жрецов и священников. Как и обычно бывает с религиями, это выплеснулось в политику,⁷⁸ и круг замкнулся, что проявилось в политизации общественных наук в целом. Общественные кризисы и трансформации, порожденные, среди прочих факторов, сексуальной революцией и "контркультурой", в свою очередь породили то, что Furedi (2002) назвал "культурой страха", из которой зародилась псевдодисциплина, получившая название "виктимология":

Виктимология является наукой только по своему наукообразному названию. На практике это отрасль "сексософии" судебной-карательной индустрии, а не сексологии - науки о сексе, исследований секса. Виктимологи являются де-факто новой "жандармерией" общественных наук. Деятели общественных наук еще никогда не удаивались привилегии иметь такую власть над жизнями людей.⁷⁹

Для общества сегодня характерны необоснованные ожидания "идеальной жизни" ("perfect life"), а СМИ больше заняты "продажей страхов" и нагнетанием эмоций, нежели подачей фактов. Лишь с великими трудностями общество переходит от родового кодекса девственности и чести к кодексу, основанному на

индивидуальном согласии.⁸⁰ в котором отсутствие [юридически] значимого согласия на секс делает секс криминальным. Свидетельства того, что последствия [каких-либо действий] травматичны, служат основанием как для гражданских, так и для уголовных обвинений и судебных решений,⁸¹ а конечным результатом всего этого является общество, ухватывающееся за гражданские и уголовные тяжбы, а также всячески пропагандирующее их, в качестве главного средства символического разрешения своих конфликтов.⁸²

Как следствие в обществе воцарилось ощущение релятивизма, отсутствия точек отсчета, особенно в крайне чувствительной сфере эротического. Виктимология претендует на заполнение этой пустоты, обещая "навести порядок",⁸³ а двучлен злоупотребления/травмы стал "становым хребтом" нового виктимологического порядка.⁸⁴ Но даже сам Finkelhor (1999) признал, что гипотеза СЗД была преувеличена, чтобы утвердить [в обществе] представление о серьезности проблемы. Тем не менее один автор за другим излагает свою теорию неизбежности эмоциональной травмы и психопатологии в результате СЗД.⁸⁵

⁶² Hare, 1962, p. 11

⁶³ Gilbert, 1980; Hare, 1962

⁶⁴ Finkelhor, 1984

⁶⁵ Herman, 2000; Irvine, 1990; Ofshe & Watters, 1996

⁶⁶ Browne & Finkelhor, 1986; Conte, 1985

⁶⁷ Li, West, & Woodhouse, 1993; Rind & Tromovitch, 1997; West, 1998

⁶⁸ Bender & Blau, 1937; Bender & Grugett, 1952; Brunold, 1964; Constantine, 1981; Henderson, 1983; Weiner, 1978

⁶⁹ Hare, 1962

⁷⁰ Sloane & Karpinski, 1942; Yorukoglu & Kempf, 1966

⁷¹ Bender & Blau, 1937; Bender & Grugett, 1952

⁷² Hare, 1962; Money, 1985b

⁷³ Bass & Davis, 1988; Freyd, 1997, 2003; Putnam, 1991

⁷⁴ Gardner, 1995; Nathan & Snedeker, 2001; Ofshe & Watters, 1996; Underwager & Wakefield, 1994

⁷⁵ Freyd et al., 2005; Vázquez, 2004

⁷⁶ Flandrin, 1984

⁷⁷ Gilbert, 1980

⁷⁸ Best, 1997; Lipovetsky, 1999; Todorov, 1998

⁷⁹ Money, 1988, p. 9

⁸⁰ Malón, 2004

⁸¹ Goodyear-Smith, 1993

⁸² Best, 1997; De Giorgi, 2005; Furedi, 2002; Goodyear-Smith, 1996; Jenkins, 2001; Underwager & Wakefield, 1994

⁸³ Best, 1997

Закат гипотезы сексуального злоупотребления детьми

В то время как история "полета" и "крушения" виктимологии и ее гипотезы СЗД еще не завершена, взлет и падение мастурбаторной гипотезы являются теперь хорошо задокументированным рассказом о, вероятно, действовавших из самых лучших побуждений, но прискорбно неосведомленных и "направленных не туда" любителей и профессионалах. Будет поучительным рассмотреть факторы, приведшие к краху последней, с их возможными параллелями в первой.

От причины к симптому

Если поначалу мастурбацию считали причиной психических дефектов и болезней, то по мере накопления наблюдений стали уделять больше внимания идее, что психические проблемы являются причиной, а не следствием этой практики, поскольку психологические "тормоза", препятствующие открытому проявлению сексуальности у нормальных людей, у душевнобольных часто ослаблены или отсутствуют. СЗД тогда тоже может быть симптомом, а не причиной других социальных и семейных проблем.⁸⁶ Ряд авторов⁸⁷ рассматривают эту альтернативную гипотезу, а Finkelhor (1999) указал на то, что в значительном числе случаев СЗД на самом деле связано с "предсуществующими" проблемными контекстами.

Вездесущность

С начала двадцатого века, когда онанизм стал "общественной проблемой", факт широкой распространенности мастурбации получает все большее признание. Сначала это использовали как подтверждение того, что мастурбация - ужасная угроза для общества, но уже к концу девятнадцатого века стало ясно, что ее "вездесущность" распространяется на население в целом, не ограничиваясь душевнобольными. Тем не менее, вместо того чтобы подорвать мастурбаторную гипотезу, это привело лишь к ее видоизменению, выразившемуся в том, что стали думать, что только индивидуумы со слабой конституцией подвержены неблагоприятным последствиям этой практики, то есть перевели мастурбацию из разряда непосредственных причин психопатологии в разряд факторов риска. Та же метаморфоза, по-видимому, происходит сейчас и с СЗД: тяжелые травматические последствия, как теперь считают, следует ожидать лишь у субъектов с предысторией других форм дурного обращения и злоупотребления.⁸⁸

Kinsey, Pomeroy & Martin (1948; см. также Kinsey et al., 1953) стали первыми, кто провел широкие количественно-частотные измерения детского сексуального опыта как со сверстниками, так и со старшими партнерами, но, вместо того чтобы создать ощущение безобидной вездесущности, эти и другие данные использовались и продолжают использоваться в попытках "патологизировать" любой подобный опыт и представить его как эпидемию угрожающих масштабов. Осознание того факта, что многие люди мастурбируют часто, не проявляя при этом признаков каких-либо проблем, при том что многие люди с проблемами мастурбируют редко или вообще не мастурбируют, помогло положить конец мастурбаторной гипотезе. Аналогичная информация касательно СЗД в лучшем случае лишь несколько "смягчила" гипотезу СЗД.⁸⁹ На самом деле есть чудовищные случаи самого настоящего СЗД, но эти относительно редкие происшествия не могут оправдать сохранение данной гипотезы как уважаемой научной парадигмы; такие инциденты являются - так к ним и следует относиться - простыми физическими нападениями, в которых (в данном случае) присутствует сексуальная компонента.⁹⁰

Достоверность

Секс - это тот "спорт", который, как известно, "не для зрителя". Это справедливо как в отношении "нормальных" гетеросексуальных и гомосексуальных практик, так и в отношении мастурбации и СЗД, поэтому на их "лабораторное наблюдение" можно практически и не надеяться. Исследователь здесь вынужден почти целиком полагаться на рассказ пациента или респондента, который может быть и правдивым, и точным, а может и не быть. Если в девятнадцатом веке врач не критически принимал рассказы пациентов, в которых они свои проблемы приписывали мастурбации, сторонники мастурбаторной гипотезы ухватывались за них как за доказательства своей правоты. Если же пациент отрицал, что занимался мастурбацией, сторонники гипотезы ставили его правдивость под сомнение. Вот иллюстрация того, что врачи "должны" были узнавать от своих пациентов:

Я имел несчастье в раннем детстве - кажется, между восемью и десятью годами - приобрести эту пагубную привычку, которая очень скоро погубила мой характер; но более всего - вот уже

*несколько лет я чувствую себя погруженным в состояние чрезвычайной подавленности; у меня очень хрупкие нервы, мои руки лишены силы, всегда дрожат и постоянно потеют; я страдаю от ужасных болей в животе, в руках, в ногах, иногда в почках, в груди и часто в туловище; мои глаза слабы и утомлены; у меня зверский аппетит; и тем не менее я неумолимо худею, а моя бледность усиливается с каждым днем.*⁹¹

В девятнадцатом веке врачи все более и более признавали, что невозможно знать наверняка, кто из пациентов мастурбировал и с какой частотой, и значительная часть якобы научно обоснованных и профессиональных знаний о СЗД страдает от того же изъяна. Точную и правдивую информацию о существовании и распространенности СЗД, как и о том, что именно представляют собой эти случаи и как они воспринимаются [их младшими участниками], трудно добыть с достаточной достоверностью, особенно в больших обобщенных опросах, которые обычно лишены всякой детализированности.⁹² Тем не менее многие утверждения виктимологов основаны именно на таких - смутных и ненадежных - сведениях, на которых затем строятся сомнительные предположения о причинах и следствиях. Резонно полагать, что распространение самопровозглашенными экспертами-виктимологами своих "веских мнений" о том, "как оно должно быть" (подразумевая, что "так оно и есть"), порождает не только ожидания, но и "самосбывающиеся пророчества" (т.е. накликающую беду - прим. перев.). Эти экспертские "лекции", или "проповеди", стали как "мотором", так и "прицепом" культуры, в которой слишком многие хотят быть невинными жертвами и слишком немногие желают нести ответственность за собственные поступки.⁹³

Ближе к концу эры мастурбаторной гипотезы психологи и психиатры стали осознавать тот факт, что пациенты, которые часто бывают "себе на уме", могут выдумывать несуществующие истории, чтобы снять с себя ответственность или вину за собственные действия. Столь же скептически следовало бы относиться и к сообщениям о СЗД, однако ныне считается ересью, практически святотатством, не уважать священный статус, которым обладает любой делающий такие сообщения в судебном или клиническом контексте.⁹⁴ Goffman (1997) даже договорился до того, что важной является не правдивость, а "полезность" таких сообщений. Должно быть ясно, что человек, обвиняемый в сексуальном преступлении, скорее всего будет жаловаться на сексуальное злоупотребление, пагубное влияние порнографии и т.п. в собственном детстве, чтобы "объяснить" и "оправдать" свое поведение,⁹⁵ тем не менее слишком многие криминологи готовы принимать такие утверждения за бесспорную истину.⁹⁶

В клинической практике этот сорт теории был широко принят в последние десятилетия двадцатого века. Любые рассказы о сексуальном злоупотреблении, сделанные в клинических условиях, принимались без вопросов, а любая причинная связь, предположенная пациентом, тут же подхватывалась психотерапевтом. Тем, кто таких рассказов не делал или не предполагал причинной связи, они иногда "подсказывались", а то и прямо-таки навязывались. Одним из проявлений этого стала (теперь практически полностью дискредитированная) парадигма "восстановленных воспоминаний", в которой обязанностью психотерапевта считалось подозревать предысторию сексуального злоупотребления в детстве даже у тех пациентов, кто подобного не припоминал.⁹⁷ Представляется чрезвычайно нелогичным, особенно в контексте уголовных разбирательств, что не проводятся обширные пороговые (д)опросы, с тем чтобы установить степень достоверности воспоминаний субъекта и любые общие потенциальные источники текущих проблем, прежде чем ударяться в поиски "забытого" сексуального злоупотребления. Просто слишком велика вероятность и опасность того, что будут делаться реальные, преувеличенные, а то и целиком выдуманные на пользу себе утверждения о том, что субъект - "жертва с детства", что на самом деле может вовсе и не быть определяющим или решающим фактором.⁹⁸

Достоверность критична, а ее проверка может быть проблематичной. Что-либо решать в вопросах СЗД - особенно если речь идет о лишении людей свободы - в отсутствие эмпирических и доказуемых фактических данных - методологическая ошибка первого порядка, в которой виктимология виновна слишком часто. Вместо хлипких догадок нам требуется точность, строгость и последовательность как в эмпирических исследованиях, так и в их практических приложениях.⁹⁹

Механизм травмы

Как гипотеза мастурбации, так и гипотеза СЗД предполагают, что соответствующие действия травмируют своих жертв, но ни одна из двух гипотез не предлагает правдоподобного механизма этого травмирования. До восемнадцатого века было принято осуждать мастурбацию с религиозных, а не с медицинских позиций,¹⁰⁰ но уже к концу девятнадцатого века, как отмечает Hare (1962), отсутствие медицинского объяснения, каким образом мастурбация причиняет вред, стало проблемой, как и отсутствие объяснения, почему мастурбация должна быть вреднее других видов сексуальной активности. Древнее, основанное на суевериях, объяснение состояло в том, что "пролитие семени" истощает,¹⁰¹ хотя уже врач второго века н.э. Гален рекомендовал регулярное опорожнение, утверждая, что излишнее удержание семени может приводить к дисфункциям. Tissot (1760/2003) был уверен, что даже гетеросексуальная копуляция,

совершаемая в детородных целях, если ее "доводить до излишества", вредна, тем не менее, по неясным причинам, настаивал, что мастурбация еще вреднее. Большинство авторов того периода соглашались, хотя были и такие, чья генерализованная сексофобия выражалась в позиции, что любой секс вреден, особенно для молодых людей.

Так как невозможно было обнаружить никакой физиологической разницы между эякуляцией в результате мастурбации и эякуляцией в результате полового акта, эмоциональный вред от чувств вины и стыда называли в качестве причины как физического истощения, так и умопомешательства. Но было обнаружено, что существуют люди - как психически здоровые, так и ненормальные, - которые не чувствуют ни вины, ни стыда по поводу мастурбации, и существуют другие, которые, чувствуя и вину, и стыд, тем не менее не становятся больными ни телом, ни душой. Другие предполагали, что, поскольку мастурбация (в их глазах) - "противоестественный акт", не обеспечивающий "должную" разрядку, то и удовлетворение от него вряд ли может быть полным, вследствие чего возникает нервное напряжение, как в "нездоровой фантазии" Кана.¹⁰²

Аналогичным образом в случае СЗД выдвигается множество гипотетических механизмов причинения травмы, но ни один из них не выдерживает строгой проверки. Они не в состоянии объяснить, например, почему и каким образом приятные для обоих, поддерживаемые по взаимному желанию отношения или эпизод, воспринимаемый [младшим участником] безразлично, должны быть столь же вредоносны, как неприятный эпизод или даже насилие. Не могут они и убедительно обосновать, почему ласка гениталий или просмотр эротических изображений вреднее, чем эмоциональная или физическая агрессия. Или почему некоторые эмоционально чрезвычайно напряженные и болезненные переживания - развод родителей, отдача на усыновление/удочерение и т.п. - считаются относительно безобидными, в то время как аналогичные, хотя и, вероятно, менее судьбоносные, переживания становятся травматичными только потому, что в них присутствует сексуальная компонента. И, наконец, почему эротическое взаимодействие со сверстником не всегда рассматривается как травматичное, в то время как такое же взаимодействие со старшим партнером считается непременно травматичным.

Виктимологи предприняли - и продолжают предпринимать - попытки выделить некий элемент, который позволил бы им "узаконить" опыт, подпадающий под определения СЗД, как уникально вредный и отличимый от любого другого опыта. Предложения, почему секс между ребенком и взрослым следует считать вредным, включают в себя "неравенство сил" между ребенком и взрослым, чувства вины, стыда, атмосферу тайны, переходящую в обман травматического типа, от которого происходит "посттравматическое стрессовое расстройство".¹⁰³ Finkelhor & Browne (1985) постулировали гипотезу четырех "травматических динамик": травматической сексуализации, обмана, беззащитности и стигматизации, которые якобы объясняют травматическую специфичность СЗД, отличающую его от прочего опыта, который иначе был бы не менее травматичен. Но даже беглая проверка показывает, что эти "динамики" встречаются и в опыте, не подпадающем под определения СЗД, в случаях СЗД не обязательно присутствуют и не являются обязательно "внутренним", неотъемлемым свойством подобного опыта для ребенка; на поверку они почти всегда оказываются внешними социальными артефактами.

Другим направлением для разработок виктимологов являются проблемы, основанные на нашей западной антисексуальной традиции с ее проблематизацией тела, удовольствия и эротизма.¹⁰⁴ Но и эти проблемы очевидным образом являются внешними по отношению к детскому опыту, вступающими в действие лишь тогда, когда они навязываются культурой или силой. Из этого можно сделать вывод, что, если бы не эти виктимологические и культурные артефакты, проблемы с сексом по согласию между ребенком и взрослым перестали бы существовать. Даже вышеприведенная модель Финкельхора и Браун наводит на мысль, что, если не присутствует вся четверка постулированных ими травматогенных элементов, такой опыт не является для ребенка безусловно вредным, а может иметь для него лишь незначительные или преходящие последствия. Constantine (1981) указал на то, что мимолетные реакции на сомнительные или неприятные переживания редко переходят в долговременную травму, а Seligman (1993) отметил поразительную эмоциональную "упругость" детей.

Из присутствия в современной парадигме СЗД этих и многих других несвязных теорий можно сделать только один вывод: что не все эти переживания травматичны, что не все из них травматичны в одинаковой степени. Разногласия по поводу степени серьезности последствий СЗД признаются и активно обсуждаются исследователями.¹⁰⁵ Тем не менее это общее признание наличия "оттенков серого" не привело к существенному ослаблению гипотезы СЗД в плане ее основного "послания", особенно в восприятии публики. Наоборот, во многих случаях исследователям трудно признать тот факт, что иногда подобные эпизоды ничего не значат [для "жертв"], что выразилось в изобретении понятия "бессимптомная жертва".¹⁰⁶ "Кончина" гипотезы СЗД не означала бы, что подлинные случаи реального сексуального нападения на детей должны были бы перестать или перестали бы рассматриваться как травматичные, вредоносные или криминальные - нападение есть нападение, и для такого антиобщественного и преступного поведения предусмотрены как соответствующие отрасли общественных наук, так и

юридические санкции. Но также нет оснований или оправданий для того, чтобы продолжать находить - а подчас и создавать - детскую травму там, где ее нет или иначе не было бы.

[86](#) Hyde, 2003

[87](#) Bancroft, 2003, pp. 381–439; Rind & Tromovitch, 1997; Rind et al., 1998; West, 1998

[88](#) Finkelhor, 1999

[89](#) West, 1998

[90](#) Rind & Tromovitch, 1997; Rind et al., 1998

[91](#) Tissot, 1760/2003, p. 47

[92](#) Bancroft, 2003, pp. 291-379

[93](#) Bruckner, 1996; Hughes, 1994; Sykes, 1992

[94](#) Mould, 1997

[95](#) Heins, 1998

[96](#) Garrido, 2002

[97](#) Bass & Davis, 1988; Freyd, 2003; Putnam, 1991; см. критический анализ в Ofshe & Watters, 1996; Underwager & Wakefield, 1994

[98](#) Durrant & White, 1993; Goodyear-Smith, 1993

[99](#) Rind et al., 1998

[100](#) Neuman, 1975

[101](#) Foucault, 1993

[102](#) Wettley, 1959

[103](#) Wolfe, Gentile, & Wolfe, 1989

[104](#) Malón, 2004; Money, 1985b; Underwager & Wakefield, 1993

[105](#) Beitchman et al., 1992; Beitchman, Zucker, Hood, daCosta, & Akman, 1991; Browne & Finkelhor, 1986; Conte, 1985; Kendall-Tacket et al., 1993

[106](#) Browne & Finkelhor, 1986

Живучесть двух гипотез

К началу девятнадцатого века был накоплен значительный объем свидетельств, ставящих под сомнение валидность мастурбаторной гипотезы, тем не менее данная парадигма продолжала жить, практически не ослабевая, еще на протяжении века, пока постепенно не сошла на нет в середине двадцатого века. Nare (1962) замечает:

Когда смотришь на мастурбаторную гипотезу с высоты исторического опыта, больше всего удивляешься тому, как долго она просуществовала. Ее падение произошло не в результате каких-то новых открытий или изобретений. Доказательства ее несостоятельности были, в принципе, доступны еще во времена Pinel'я (1745–1826). В самом деле, за исключением опросов, подтверждающих распространенность [мастурбации], доказательства всегда были доступны любому желающему.

Точно определить момент зарождения гипотезы СЗД трудно, но ее наиболее "активистские" и агрессивно-силовые формы возникли, порожденные не наукой, а идеологией и лоббизмом, в 1970-х годах и, несмотря на то, что с самого начала существовал аналогичный объем свидетельств, противоречащих и этой гипотезе, до сих пор проявляют очень мало признаков ослабления, если вообще проявляют. Наре предложил три типа причин этой иначе не объяснимой живучести: медицинский и моральный консерватизм, полезность обеих гипотез и логические ошибки, препятствующие критическому научному анализу.

Консерватизм

Наре обратил внимание на то, что сила авторитета тех, кто поддерживал мастурбаторную гипотезу, не способствовала дискуссиям и сомнениям, вследствие чего не много находилось и тех, кто решался на эмпирические исследования [данного вопроса], как это было и в случае исследований вопроса, насколько реален факт влияния луны на так называемых лунатиков. Максимум, в чем можно было усомниться, - во второстепенных, частных аспектах или эффектах, но не в фундаментальных посылах. Еще одним следствием консерватизма было намеренное смешение этноцентрической морали с медициной и наукой, при котором "аморальные" действия, такие как мастурбация, без дальнейших доказательств объявлялись вредными для здоровья. Влияние консерватизма на гипотезу СЗД аналогично; ниже мы рассмотрим его более подробно.

Полезные гипотезы

Наре далее заметил, что в медицине любая гипотеза - лучше, чем ничего, и что за гипотезы часто ухватываются скорее по причине их полезности, чем истинности. Мастурбаторная гипотеза была полезна для "подпираия" морали, находящейся в перманентном кризисе, путем смешения и отождествления болезни с грехом и в то же время позволила представителям нарождающейся психиатрической профессии предложить квазирациональную теорию для диагностирования, профилактики и лечения всевозможных болезней. Эта гипотеза многим приносила пользу и в течение долгих десятилетий двадцатого века - не на основании медицинской науки и не в медицинских целях, а в символических и моральных целях.

Аналогичным образом не менее антинаучная гипотеза СЗД оказалась полезна для "научного подпираия" теорий идеологической и моральной природы,¹⁰⁷ таким образом предлагая обществу рецепт для решения одной из его проблем. Эта гипотеза находится в тесной связи и союзе с ширящейся убежденностью, что все проблемы взрослых можно вывести из детской травмы того или иного рода, все более проявляющейся в отказе от личной ответственности за собственные поступки. Хотя не вызывает сомнений, что дети, с которыми хорошо обращаются, имеют больше шансов стать приспособленными, нормально функционирующими взрослыми, целая "индустрия злоупотребления" была создана не столько для того, чтобы удовлетворять реальные нужды детей, сколько для рационализации, оправдания и предложения теорий и методов, якобы помогающих взрослым "лечиться" от их неприспособленности.¹⁰⁸ "Индустрия СЗД" в качестве своего рода паразита выросла на этой общей "индустрии злоупотребления", а виктимологи, которые основали как само формализованное понятие СЗД, так и "индустрию СЗД", в результате самовозвеличились,¹⁰⁹ отразив то, что Gilbert (1980) назвал "аномалией статуса": несоответствие престижа работников сферы психического здоровья реально имеющемуся у них объему знаний о предмете.¹¹⁰

Точно так же, как нарождающаяся психиатрическая профессия утверждала якобы самоочевидную вредоносность онанизма, виктимологи утверждали якобы неопровержимую причинную связь между СЗД и последующими эмоциональными и психологическими проблемами. Однако внимательное и вдумчивое чтение некоторых широко известных обзоров литературы о доказуемых последствиях СЗД¹¹¹ наводит на мысль, что многие авторы-виктимологи делали и делают безосновательные утверждения, приводящие к ошибочным наблюдениям и выводам, тем самым подрывая собственную гипотезу.¹¹²

Логические ошибки

Наре продолжил свой анализ, рассматривая различные концептуальные и логические ошибки, которые, по его мнению, способствовали живучести мастурбаторной гипотезы. Первой из этих ошибок была уже упоминавшаяся нами "ошибка смещенных выборок", когда выборки для исследований делаются из популяций, заведомо имеющих клинические или юридические проблемы, которые могут не иметь никакого отношения к рассматриваемому состоянию или заболеванию.

Вторая ошибка - "ошибка ложных аналогий", как например сравнение последствий мастурбации с последствиями злоупотребления алкоголем. Виктимологи так же сравнивают любое эротически окрашенное событие с участием несовершеннолетнего и взрослого с физическим и/или эмоциональным

насилием либо подобными формами дурного обращения.¹¹³ Феминистки также поощряли и сами использовали ложные аналогии, сравнивая ласку с физическим нападением, а половое возбуждение с надвигающимся или уже совершаемым насилием.

Третья ошибка - злоупотребление "причинной номенклатурой" (терминологией) для описания так называемого "мастурбаторного умопомешательства", при котором название не нейтрально описывает состояние, а подразумевает причинную связь, препятствуя любому дальнейшему рассмотрению [вопросов существования этой связи]. Эта самая причинная номенклатура - одна из наиболее заметных особенностей виктимологической терминологии: слова "жертва", "преступник", "растлитель", "переживший (злоупотребление)" подразумевают, что "все заранее ясно", не давая себе труда проанализировать обстоятельства и факты,¹¹⁴ а повседневные реакции несовершеннолетних, такие как удивление или тревога, автоматически предполагаются неизбежно приводящими к крайней травме и страданиям.¹¹⁵ Злоупотребление терминологией играет не только "активную", но и "реактивную" роль: препятствует использованию любой "противоречащей" или позитивной терминологии, тем самым ограничивая альтернативные подходы и гипотезы в данной предметной области,¹¹⁶ что усугубляется еще и тем, что виктимологи не различают должным образом понятия корреляции и причинной связи.

Четвертая ошибка - "терапевтический субъективизм", выражающийся в том, что гипотеза причинности предполагается "прописывающей" эффективный и уместный метод лечения. Если проводится лечение и наблюдается какое-либо улучшение состояния, предполагается, что лечение - единственная причина улучшения. Однако улучшение может быть вызвано внешними факторами, обстоятельствами, противоречащими гипотезе причинности, или быть самопроизвольным.¹¹⁷ "Лечение от мастурбации" было направлено на то, чтобы прекратить это занятие, в случае же секса по согласию или без согласия между ребенком и взрослым вмешательство прекращает отношения независимо от истинной роли, опыта, чувств и желаний ребенка, а затем встает вопрос о целесообразности дальнейшего терапевтического вмешательства, в которой Oellerich (2001) серьезно усомнился.

И, наконец, последняя ошибка, описываемая Hare, - "самосбывающиеся пророчества". В случае мастурбации не приходится сомневаться в том, что много эмоционального - и даже физического - вреда пациентам причинялось тем, что им удавалось внушить ощущение неизбежности вреда как результата мастурбации. В случае СЗД картина, возможно, аналогична: ребенку-"жертве" объявляют, что ему/ей причинен страшный вред и требуется лечение, в результате чего ребенок сам начинает в это верить и становится психически или физически больным. При этом не имеет значения, что ребенок мог воспринимать эти контакты как совершаемые по обоюдному согласию, желанные и приятные¹¹⁸ - постулат вреда СЗД навязывается ему силой. Даже взрослые могут мысленно возвращаться и "переопределять" как негативные (особенно если им в этом "помогает" виктимологически сориентированный психотерапевт) те детские переживания, которые до того воспринимались ими как безобидные или вообще никак не воспринимались. Если пациент не склонен признавать себя жертвой, на него оказывают давление, считая, что такое признание необходимо для начала процесса исцеления. Иногда, однако, такое давление побуждает пациента скрывать те события в своей жизни, которые как раз и следовало бы обсудить, что только усугубляет общее невежество.¹¹⁹

Иногда эти попытки во всем винить СЗД доходят буквально до абсурда. Как будто напрочь забыв или в упор не видя все очевидные и широко известные факторы риска, подталкивающие молодых людей к курению (давление среды, пример родителей, реклама), доклад, вышедший из-под пера Al Mamun, Alati & O'Callaghan (2007), содержит следующий пассаж:

Это исследование показывает связь СЗД с никотиновым расстройством молодых взрослых. Результаты расширяют значение данных, полученных в данной области, для здравоохранения и подчеркивают важность не только усиления работы органов здравоохранения для решения проблем злоупотребления веществами среди переживших СЗД, но и раннего вмешательства, с тем чтобы возникающее рискованное поведение можно было скорректировать на ранних стадиях.

Если мы заменяем "никотиновое расстройство" на "низкую самооценку", "суицидальные наклонности", "плохую адаптацию" и т.д., и т.п., имплицитная логика остается прежней, и перечисленные ошибки повторяются. Становится видно невооруженным глазом, что конечный ожидаемый эффект всех этих гипотез и исследований - убедить как самого несовершеннолетнего, так и связанных с ним взрослых в том, что данная жизнь почти безвозвратно разрушена.

[108](#) Furedi, 2002

[109](#) Jenkins, 1998, pp. 217-218

[110](#) Dineen, 1996; Furedi, 2002; Szasz, 1988; Zilbergeld, 1983

[111](#) Beitchman et al., 1991, 1992; Browne & Finkelhor, 1986; Constantine, 1981; Conte, 1985; Kendall-Tackett et al., 1993; Kilpatrick, 1992; Rind & Tromovitch, 1997; Rind et al., 1998

[112](#) Levitt & Pinnell, 1995

[113](#) Finkelhor, 1981

[114](#) Money, 1999; Rind & Bauserman, 1993

[115](#) Constantine, 1981

[116](#) Goodyear-Smith, 1993; Nelson, 1989

[117](#) Dineen, 1996

[118](#) Riegel, 2000; Sandfort, 1984

[119](#) Bullough & Bullough, 1996

Заключение

Провалившаяся гипотеза онанизма и сомнительная, шатающаяся гипотеза СЗД в своей основе тесно взаимосвязаны. Вторая является наследницей первой в том смысле, что их историческая преемственность и параллелизм очевидны, что не раз отмечал Money (1985a, b, 1991, 1999). Хотя грех библейского Оана заключался вовсе не в мастурбации, а в отказе оплодотворять вдову брата, именно слово "онанизм" стало тем мостиком между религией и наукой, который прочно связал греховность с необходимостью как социального вмешательства, так и медицинской "помощи". Понятие о мастурбаторной "растрате жизненных сил" было антитезой здоровой жизни, которой следовало достигать путем занятий спортом, здорового питания (особенно кукурузными хлопьями фирмы Келлогга) и полового воздержания. Даже после того как последние сполохи "антионанизма" окончательно затухли в середине двадцатого века, антиэротическая птица феникс, на которой держалась эта гипотеза, возродилась из пепла с новой, даже еще большей силой¹¹⁹ в своей новой аватаре детско-взрослой сексуальности. Успех дискурса СЗД, соединенный с угрозами подростковой беременности, СПИДа, изнасилований и т.п., стал одной из основ восстановления эротического на его "посту" исключительного источника угрозы и вреда.¹²⁰

Поле деятельности и общий эффект мастурбаторной гипотезы не ограничивались медицинской теорией, очерченной профессиональными познаниями, но были воплощены в мощном и благородном движении социальных реформ, активисты которого, такие как Tissot (1760/2003), рассматривали пустую растрату семени как ведущую к окончательному вырождению не только индивида, но и всего рода человеческого. В гипотезе подразумевалось, что деградация поведения является признаком вырождения расы и что определенные формы аморального поведения - особенно имеющие эротическую природу - ведут к психической и физической порче индивида и всех его потомков. На карту было поставлено не просто излечение отдельных пациентов или профилактика болезни, но будущее человечества, что означало для борцов с мастурбацией статус - не больше не меньше - "стражей цивилизации".¹²¹ Дух искупительного крестового похода, охвативший активистов движения, толкал их на то, чтобы не останавливаться ни перед чем, для них все средства были хороши, если они могли помешать распространению такого ужасающего зла.

Гипотеза СЗД следует похожим курсом, с тех пор как возникла на ненаучном каркасе идеологии и лоббизма, который - как и мастурбаторная гипотеза - претендовал на то, чтобы ответить на все сексуальные озабоченности, объясняя их одной идеей: феминистским понятием о природном зле мужской сексуальности.¹²² Когда речь шла о предполагаемом СЗД, принцип Гиппократа "не навреди" сплошь и рядом игнорировался, а медик превращался в активиста и воина того, что он видел как битву против извращенности сексуальных контактов между детьми и взрослыми.¹²³ Gilbert (1980) делает следующий вывод: "понятие о зловещих последствиях мастурбации было продуктом не наблюдений, а идеологии. Эта связь предполагалась и постулировалась, и исследовать нужно причины именно этого

постулирования". Есть веские причины полагать, что мотивация и методы виктимологических экспертов по СЗД аналогичны - отвратительная ситуация, которую этические ученые должны ощущать как свою обязанность расследовать и оценивать.¹²⁴

Одна из позиций, не выраженных явно, но подразумеваемых в обеих гипотезах, - что мастурбация или эротическое взаимодействие между детьми и взрослыми - это "неправильно", потому что нарушает постулированный "естественный порядок" или "божественную заповедь". Эта постулированная неправильность затем экстраполируется на "аморальность", а оттуда на психическую болезнь. Нашим моральным и культурным воззрениям на сексуальность, нашим страхам, нашим табу таким образом придается вид легитимности теми "экспертскими дискурсами", которые [в процессе] генерируются. В случае нежеланного сексуального контакта утверждается, что таким образом вред усугубляется, а в случае, если несовершеннолетний настаивает, что контакт был добровольным и (как минимум) не-неприятным, эта позиция сама по себе становится единственным основанием для вреда. "Моральный консерватизм" по Hare - это именно эта позиция, которая обеспечивала живучесть мастурбаторной гипотезы и ее недоступность для корректного анализа и критики на протяжении веков. Всегда было и есть опасно подвергать сомнению популярные социальные парадигмы, как только что упомянутая, что столь ярко проявилось в уже обсуждавшемся нами случае "Rind et al. vs. Конгресс США". Даже самую мягкую критику приходится облекать в "самозащитную" фразеологию, как, например, сделал Fleming в 1838 г.:

*Я надеюсь, меня не обвинят в том, что я написал апологию самозлоупотребления ("self-abuse" - так в те времена часто называли мастурбацию - прим. перев.); моя цель была лишь в том, чтобы подвергнуть сомнению взгляд, что самозлоупотребление столь часто является единственной или главной причиной психического расстройства.*¹²⁵

Виктимологи создали и поддерживают упрощенческую, монолитную парадигму вреда детям и подросткам от ситуаций сексуального взаимодействия со взрослыми и даже старшими подростками, но этот взгляд полностью игнорирует ту сложность, о которой многие предпочли бы думать, что ее не существует. Есть обширные свидетельства, некоторые из которых признают даже сами виктимологи,¹²⁶ того, что эти ситуации не являются непременно нежеланными, не оцениваются самими их младшими участниками непременно как вредные. Riegel (2007) опубликовал эмпирические данные, подтверждающие эту вариабельность в восприятии мальчиков, другие авторы делали это до него.¹²⁷ На другом конце спектра находятся те ситуации, которые воспринимаются [младшими участниками] как недобровольные, как ситуации использования, унижения, дурного обращения, но и в этих ситуациях эротическая компонента не является обязательно самым значимым фактором. Подавляющее большинство сексуальных контактов между детьми и взрослыми, несомненно, находятся на одной из точек спектра между двумя этими экстремумами; тем не менее, сваливая все это многообразие в одну кучу под ярлыком "СЗД", сегодняшние виктимологи повторяют все те ошибки и эксцессы, которые были свойственны "антионанистам" прошлых десятилетий и веков. В обоих случаях за всем этим кроется одна и та же парадигма, подкрепляющая негативное восприятие индивидуального, эротического, всего связанного с телом. Более того, эротическое заново ставится под сомнение, "назначается" особенно вероятным источником вреда и страданий.

Hare (1962) завершил свой обзор мастурбаторной гипотезы размышлениями о том, насколько сложно подтвердить или опровергнуть любую гипотезу причинности в общественных науках. Битва вокруг гипотезы СЗД будет продолжаться, по всей вероятности, еще долгие годы, десятилетия, а то и - как это было с мастурбацией - столетия, поскольку доказать или опровергнуть что-либо в этой сфере с какой-либо степенью уверенности очень трудно даже имея эмпирические исследования и анализ. Эмпирические данные в лучшем случае могут лишь склонить чашу весов в том или ином направлении, но спор вряд ли будет разрешен с той или иной степенью окончательности в обозримом будущем. При имеющемся состоянии исследований, пожалуй, было бы излишним подумать о том, чтобы приложить вывод Hare касательно мастурбаторной гипотезы к гипотезе СЗД:

Не существует способов опровергнуть мастурбаторную гипотезу - да в принципе любую гипотезу причинности в психиатрии, где нет ассоциированных объективных и измеримых изменений в пациенте; единственное, что можно сказать, основываясь на имеющихся данных, - что ассоциация между мастурбацией и психическими расстройствами слаба и непостоянна и что, если мастурбация и является причинным фактором, ее роль, по сравнению с другими факторами, не очень важна.

Пытаясь решить то, что они считали серьезной и массовой проблемой СЗД, виктимологи создали и распространили апокалиптическое ее восприятие в науке и обществе, в котором (восприятии) эмоции и истерия полностью возобладали над рациональностью и разумом.¹²⁸ Подобную иррациональность вряд ли способны "пробить" научные и эмпирические исследования, измерения, свидетельства или количественный анализ. Фундаментальная проблема, по всей видимости, глубоко запрятана в нашей западной культуре, связана с нашей самой базовой сексуально-эротической индоктринацией, и разрешить ее способно лишь новое просвещение в нашей индивидуальной и коллективной экзистенциальной парадигме сексуальности. Анализ Наре имел то преимущество, что он был целиком ретроспективным, в то время как в моей работе речь идет об истоках, эволюции и будущем парадигмы, в которую как общество в целом, так и его научная часть погружены в настоящее время, что делает диагноз затруднительным, а прогноз и того более. Если из-за внутренних дефектов, противоречий, преувеличений и логических ошибок гипотеза СЗД будет в конце концов дискредитирована и отброшена, социальные импликации и последствия этого остаются неясными. В то время как конец истерии онанизма ознаменовал собой принятие и даже одобрение мастурбации, рассуждения в данной работе не обязательно говорят в пользу аналогичного принятия и одобрения сексуальных контактов между детьми и старшими партнерами; это остается нерешенным вопросом - автор не претендует на то, что имеет на него новые ответы. Тем не менее нынешние моралистические и упрощенческие ответы являются прискорбно неадекватными, вероятно даже ятрогенными, и требуется еще много объективных исследований и субъективного самоанализа, переоценки ценностей, прежде чем хоть какие-то удовлетворительные решения хотя бы начнут выкристаллизовываться. И все же представляется критически важным отречься от преувеличений и истерии и начать рациональный диалог между наукой и обществом, в процессе которого (хотелось бы на это надеяться) будет выработана жизнеспособная этика взаимоотношений - эротических и не только - между несовершеннолетними и взрослыми, в которой не будет места "виктимологически постулированным" элементам травмы и универсального вреда.

¹¹⁹ Money, 1985a

¹²⁰ Malón, 2004

¹²¹ Hare, 1962

¹²² Angelides, 2004, 2005; Mould, 1997

¹²³ Goodyear-Smith, 1993

¹²⁴ Malón, 2004

¹²⁵ цит. по Hare, 1962, стр. 5

¹²⁶ Browne & Finkelhor, 1986

¹²⁷ напр. Constantine, 1981; Sandfort, 1984

¹²⁸ Jenkins, 1998; Underwager & Wakefield, 1994

Библиография

Adams, J. (1997). Court-mandated treatment and required admission of guilt in cases of alleged sexual abuse. *Issues in Child Abuse Accusations*, 9. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume9/j9_3_1.htm.

Al Mamun, A., Alati, R., & O'Callaghan, M. (2007). Does childhood sexual abuse have an effect on young adults' nicotine disorder (dependence or withdrawal)? Evidence from a birth cohort study. *Addiction*, 102, 647–654.

Angelides, S. (2004). Feminism, child sexual abuse, and the erasure of child sexuality. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 10, 141–177.

Angelides, S. (2005). The emergence of the paedophile in the late twentieth century. *Australian Historical Studies*, 36, 272–295.

Badinter, E. (2004). *Por mal camino [By a bad road]*. Madrid, Spain: Alianza.

Bancroft, J. (Ed.). (2003). *Sexual development in childhood*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

- Bass, E., & Davis, L. (1988). *The courage to heal: A guide for women survivors of child sexual abuse*. New York: Collins Living.
- Beckett, K. (1996). Culture and the politics of signification: The case of child sexual abuse. *Social problems*, 43, 57–76.
- Beitchman, J. H., Zucker, K. J., Hood, J. E., daCosta, G. A., & Akman, D. (1991). A review of the short-term effects of child sexual abuse. *Child Abuse and Neglect*, 15, 537–556.
- Beitchman, J. H., Zucker, K. J., Hood, J. E., daCosta, G. A., Akman, D., & Cassavia, E. A. (1992). A review of the long-term effects of child sexual abuse. *Child Abuse and Neglect*, 16, 101–118.
- Bender, L., & Blau, A. (1937). The reaction of children to sexual relations with adults. *American Journal of Orthopsychiatry*, 7, 500–518.
- Bender, L., & Grugett, A. (1952). A follow-up report on children who had atypical sexual experiences. *American Journal of Orthopsychiatry*, 22, 825–837.
- Berliner, L., & Conte, J. (1993). Sexual abuse evaluations: Conceptual and empirical obstacles. *Child Abuse and Neglect*, 17, 111–125.
- Berliner, L., & Conte, J. (1995). The effects of disclosure and intervention on sexually abused children. *Child Abuse and Neglect*, 19, 371–384.
- Besharov, D. J. (1986). Unfounded allegations: A new child abuse problem. *The Public Interest*, 83, 18–33.
- Best, J. (1990). *Threatened children: Rhetoric and concern about child-victims*. Chicago: University of Chicago Press.
- Best, J. (1997). Victimization and the victim industry. *Society*, 34, 9–17.
- Browne, J. (1996). Unasked questions or unheard answers? Policy development in child sexual abuse. *British Journal of Social Work*, 26, 37–52.
- Browne, A., & Finkelhor, D. (1986). Impact of child sexual abuse: A review of the research. *Psychological Bulletin*, 99, 66–76.
- Bruckner, P. (1996). *La tentación de la inocencia [The temptation of innocence]*. Barcelona, Spain: Anagrama.
- Brunold, H. (1964). Observations after sexual traumata suffered in childhood. *Excerpta Criminologica*, 4, 5–8.
- Bullough, V., & Bullough, B. (1996). Problems of research into adult/child sexual interaction. *Issues in Child Abuse Accusations*, 8. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume8/j8_2_1.htm.
- Catalán, M. J. (2004). Concepto y repercusiones psicológicas del abuso sexual infantil [Concept and psychological repercussions of childhood sex abuse]. In B. Vázquez (Ed.), *Abuso sexual infantil. Evaluación de la credibilidad del testimonio. Estudio de 100 casos [Child sexual abuse. Evaluation of the credibility of the testimony. Study of 100 cases]*. Centro Reina Sofía para el estudio de la violencia. Serie documentos, 6.
- Constantine, L. L. (1981). The effects of early sexual experiences: A review and synthesis of research. In L. Constantine & F. Martinson (Eds.), *Children and sex* (pp. 217–244). Boston: Little Brown.
- Conte, J. R. (1985). The effects of sexual abuse on children: A critique and suggestions for future research. *Victimology*, 10, 110–130.
- Day, A., Thurlow, K., & Woolliscroft, J. (2003). Working with childhood sexual abuse: A survey of mental health professionals. *Child Abuse and Neglect*, 27, 191–198.
- De Georgi, A. (2005). *Tolerancia cero. Estrategias y prácticas de la sociedad de control [Zero tolerance. Strategies and practices of social control]*. Barcelona, Spain: Virus.
- Dineen, T. (1996). *Manufacturing victims*. Toronto: Robert Davies.
- Durrant, M., & White, C. (1993). *Terapia del abuso sexual [Therapy of sex abuse]*. Barcelona, Spain: Gedisa.
- Echeburúa, E., & Guerricaechevarría, C. (2000). *Abuso sexual en la infancia: víctimas y agresores. Un enfoque clínico [Sex abuse in childhood: victims and aggressors. A clinical focus]*. Barcelona, Spain: Ariel.

- Elschenbroich, D. (1979). *El juego de los niños. Estudios sobre la génesis de la infancia* [The play of children. Studies on the genesis of childhood]. Bilbao, Spain: Zero zyx.
- Fink, P. (2005). The problem of child sexual abuse. *Science*, 309, 1182.
- Finkelhor, D. (1981). *Sexually victimized children*. New York: Free Press.
- Finkelhor, D. (1984). *Child sexual abuse: New theory and research*. New York: Free Press.
- Finkelhor, D. (1999). Victimología infantil [Child sexual abuse]. In J. Sanmartín (Ed.), *Violencia contra niños* [Violence against children] (pp. 147–218). Barcelona, Spain: Ariel.
- Finkelhor, D., & Berliner, L. (1995). Research on the treatment of sexually abused children. A review and recommendations. *Journal of the Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 34, 1408–1423.
- Finkelhor, D., & Browne, A. (1985). The traumatic impact of child sexual abuse: A conceptualization. *American Journal of Orthopsychiatry*, 55, 530–541.
- Flandrin, J. L. (1984). *La moral sexual en occidente* [Sexual mores in the West]. Barcelona, Spain: Juan Granica.
- Foucault, M. (1993). *Historia de la sexualidad II. El uso de los placeres* [History of sexuality II. The use of pleasures]. Madrid, Spain: Siglo XXI.
- Foucault, M. (1995). *Historia de la sexualidad I. La voluntad de saber* [History of sexuality. 1. The will to know]. Madrid, Spain: Siglo XXI.
- Freyd, J. J. (1997). Violations of power, adaptive blindness, and betrayal trauma theory. *Feminism and Psychology*, 7, 22–32.
- Freyd, J. (2003). *Abusos sexuales en la infancia. La lógica del olvido* [Sex abuse in childhood. The logic of forgetting]. Madrid, Spain: Morata.
- Freyd, J., Putnam, F., Lyon, T., Becker-Blease, K., Cheit, R., Siegel, N., et al. (2005). The science of child sexual abuse. *Science*, 308, 501.
- Furedi, F. (2002). *Culture of fear: Risk-taking and the morality of low expectation*. London: Continuum.
- Gardner, R. (1995). You're not paranoid schizophrenic: You only have posttraumatic stress disorder. *Issues in Child Abuse Accusations*, 7. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume7/j7_3_5.htm.
- Garrido, V. (2002). *La literatura y el cine: ¿Pueden alentar la psicopatía y el sadismo sexual?* [Literature and the movies: Can they encourage psychopathy and sexual sadism?]. In S. Redondo (Ed.), *Delincuencia sexual y sociedad* [Sexual delinquency and society]. Barcelona, Spain: Ariel.
- Gilbert, N. (1980). Masturbation and insanity: Henry Maudsley and the ideology of sexual repression. *Albion*, 12, 268–282.
- Goffman, E. (1997). *La presentación de la persona en la vida cotidiana* [The presentation of the person in everyday life]. Buenos Aires, Argentina: Amorrortu.
- Goodyear-Smith, F. (1993). *First do no harm: The sexual abuse industry*. Auckland, NZ: Benton-Guy.
- Goodyear-Smith, F. (1996). Victim-oriented law reforms: Advantages and pitfalls. *Issues in Child Abuse Accusations*, 8. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume8/j8_2_4.htm.
- Hare, E. H. (1962). Masturbatory insanity: The history of an idea. *Journal of Mental Science*, 108, 1–25.
- Heins, M. (1998). *Sex, sin and blasphemy: A guide to America's censorship wars*. New York: New Press.
- Heins, M. (2001). *Not in front of the children: Indecency, censorship, and the innocence of youth*. New York: Hill and Wang.
- Henderson, J. (1983). Is incest harmful? *Canadian Journal of Psychiatry*, 28, 34–39.
- Henry, J. (1997). System intervention trauma to child sexual abuse victims following disclosure. *Journal of Interpersonal Violence*, 12, 499–512.

- Herman, J. (1992). *Trauma and recovery*. New York: Harper Collins.
- Herman, J. (2000). *Father-daughter incest*. Cambridge: Harvard University Press.
- Hughes, R. (1994). *La cultura de la queja [The culture of complaint]*. Barcelona, Spain: Anagrama.
- Hyde, J. S. (2003). The use of meta-analysis in understanding the effects of child sexual abuse. In J. Bancroft (Ed.), *Sexual development in childhood* (pp. 82–91). Bloomington: Indiana University Press.
- Irvine, J. (1990). *Disorders of desire: Sex and gender in modern American sexology*. Philadelphia: Temple University Press.
- Jenkins, P. (1992). *Intimate enemies. Moral panics in contemporary Great Britain*. New York: Aldine de Gruyter.
- Jenkins, P. (1998). *Moral panic*. New Haven: Yale University Press.
- Jenkins, P. (2001). *Pedophiles and priests: Anatomy of a contemporary crisis*. New York: Oxford University Press.
- Jenkins, P. (2003). Watching the research pendulum. In J. Bancroft (Ed.), *Sexual development in childhood* (pp. 3–19). Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Kellogg, J. H. (1881). *Plain facts for old and young*. Burlington, IA: Segner & Condit.
- Kendall-Tackett, K. A., Williams, L. M., & Finkelhor, D. (1993). Impact of sexual abuse on children: A review and synthesis of recent empirical studies. *Psychological Bulletin*, 113, 164–180.
- Kilpatrick, A. (1992). Long-range effects of child and adolescent sexual experiences: Myths, mores and menaces. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Kincaid, J. R. (1998). *Erotic innocence: The culture of child molesting*. Durham, NC: Duke University Press.
- Kinsey, A. C., Pomeroy, W. B., & Martin, C. E. (1948). *Sexual behavior in the human male*. Philadelphia: Saunders.
- Kinsey, A. C., Pomeroy, W. B., Martin, C. E., & Gebhard, P. H. (1953). *Sexual behavior in the human female*. Philadelphia: Saunders.
- Krivacska, J. (1989). Child sexual abuse prevention programs and accusations of child sexual abuse: An analysis. *Issues in Child Abuse Accusations*, 1. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume1/j1_1_2.htm.
- Laqueur, T. (2003). *Solitary sex: A cultural history of masturbation*. New York: Zone.
- Legrand, R., Wakefield, H., & Underwager, R. (1989). Alleged behavioral indicators of sexual abuse. *Issues in Child Abuse Accusations*, 1. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume1/j1_2_1.htm.
- Levine, J. (2003). *Harmful to minors: The perils of protecting children from sex*. New York: Thunders Mouth.
- Levitt, E. E., & Pinnell, C. M. (1995). Some additional light on the childhood sexual abuse-psychopathology axis. *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*, 43, 145–162.
- Leys, R. (2000). *Trauma: A genealogy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Li, C. K., West, D. J., & Woodhouse, T. P. (1993). *Children's sexual encounters with adults*. Buffalo, NY: Prometheus.
- Lilienfeld, S. O. (2002a). A funny thing happened on the way to my American Psychologist publication. *American Psychologist*, 57, 225–227.
- Lilienfeld, S. O. (2002b). When worlds collide: Social science, politics, and the child sexual abuse meta-analysis. *American Psychologist*, 57, 176–188.
- Lipovetsky, G. (1999). *La tercera mujer [The third woman]*. Barcelona, Spain: Anagrama.
- Lipovetsky, G. (2000). *El crepúsculo del deber [The twilight of responsibility]*. Barcelona, Spain: Anagrama.

- Luker, K. (1996). *Dubious conceptions: The politics of teenage pregnancy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Malón, A. (2001). Onanismo y abusos sexuales: historia de dos obsesiones [Onanism and sexual abuse: A history of two obsessions]. *Anuario de Sexología*, 7, 75–90.
- Malón, A. (2004). Infancia, sexualidad y peligro. El moderno discurso del abuso en las sociedades contemporáneas [Childhood, sexuality and danger. The modern discourse of abuse in contemporary societies]. *Revista Española de Sexología, Monograph, Vols. 121–122 combined*.
- Mirkin, H. (2000). Sex, science and sin: The Rind report, sexual politics and American scholarship. *Sexuality and Culture*, 4, 82–100.
- Moll, A. (1912). *The sexual life of the child*. London: Macmillan.
- Money, J. (1985a). The conceptual neutering of gender and the criminalization of sex. *Archives of Sexual Behavior*, 14, 279–290.
- Money, J. (1985b). *The destroying angel*. New York: Prometheus.
- Money, J. (1988). Commentary: Current status of sex research. *Journal of Psychology and Human Sexuality*, 1, 5–15.
- Money, J. (1991). Semen-conservation theory vs. semen investment theory, antisexualism, and the return of Freud's seduction theory. *Journal of Psychology and Human Sexuality*, 4, 31–55.
- Money, J. (1999). Antisexualismo epidémico: Del onanismo al satanismo [The epidemic of antisexualism: from Onanism to Satanism]. *Anuario de Sexología*, 5, 23–30.
- Mould, D. (1997). The politics of victimization: An essay on accountability, responsibility, and the resistance to being equal. *Issues in Child Abuse Accusations*, 9. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume9/j9_3_3.htm.
- Nathan, D., & Snedeker, M. (2001). *Satan's silence: Ritual abuse and the making of a modern American witch hunt*. Lincoln, NE: Authors Choice.
- Nelson, J. (1989). Intergenerational sexual contact: A continuum model of participants and experiences. *Journal of Sex Education and Therapy*, 15, 3–12.
- Neuman, R. P. (1975). Masturbation, madness and the modern concepts of childhood and adolescence. *Journal of Social History*, 8, 1–27.
- Oellerich, T. (2000). Rind, Tromovitch, and Bauserman: Politically incorrect, scientifically correct. *Sexuality and Culture*, 4, 67–81.
- Oellerich, T. (2001). Child sexual abuse: Is the routine provision of psychotherapy warranted? *Issues in Child Abuse Accusations*, 11. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume11/j11_1_3.htm.
- Ofshe, R., & Watters, E. (1996). *Making monsters: False memory, psychotherapy and sexual hysteria*. Los Angeles: University of California Press.
- Okami, P. (1992). Child perpetrators of sexual abuse: The emergence of a problematic deviant category. *Journal of Sex Research*, 29, 109–130.
- Osborne, R. (1989). *Las mujeres en la encrucijada de la sexualidad [Women at the crossroads of sexuality]*. Madrid, Spain: La Sal.
- Plummer, K. (1995). *Telling sexual stories: Power, change and social worlds*. New York: Routledge.
- Postman, N. (1994). *The disappearance of childhood*. New York: Vintage.
- Putnam, F. W. (1991). The satanic ritual abuse controversy. *Child Abuse and Neglect*, 15, 175–179.
- Rasmussen, A. (1934). The role of sexual crimes against children under 14 years in the development of mental illness and character disorders. *Acta Psychiatrica et Neurologica*, 9, 351–434.
- Renshaw, D. (1982). *Incest: Understanding and treatment*. Little, Brown: Boston.

- Riegel, D. (2000). *Understanding loved boys and boylovers*. Philadelphia: SafeHaven.
- Riegel, D. (2007). *We were NOT abused!* Philadelphia: SafeHaven.
- Rind, B., & Bauserman, R. (1993). Biased terminology effects and biased information processing in research on adult-nonadult sexual interactions: An empirical investigation. *Journal of Sex Research*, 30, 260–269.
- Rind, B., Bauserman, R., & Tromovitch, P. (1998). A meta-analytic examination of assumed properties of child sexual abuse using college samples. *Psychological Bulletin*, 124, 22–53.
- Rind, B., Bauserman, R., & Tromovitch, P. (2000). Science versus orthodoxy: Anatomy of the congressional condemnation of a scientific article and reflections on remedies for future ideological attacks. *Applied & Preventive Psychology*, 9, 211–225.
- Rind, B., & Tromovitch, P. (1997). A meta-analytic review of findings from national samples on psychological correlates of child sexual abuse. *Journal of Sex Research*, 34, 237–255.
- Sandfort, T. G. (1984). Sex in paedophilic relationships: An empirical investigation among a nonrepresentative group of boys. *Journal of Sex Research*, 20, 123–142.
- Schultz, L. (1973). The child sex victim: Social, psychological and legal perspectives. *Child Welfare*, 3, 147–156.
- Scott, W. (1990). PTSD in DSM-III: A case in the politics of diagnosis and disease. *Social Problems*, 37, 294–310.
- Seligman, M. (1993). *What you can change and what you can't*. New York: Fawcett.
- Skuse, D., Salter, D., McMillan, D., Richards, M., Talbot, T., Hodges, J., et al. (2003). Development of sexually abusive behavior in sexually victimised males: A longitudinal study. *Lancet*, 361, 471–476.
- Sloane, P., & Karpinski, E. (1942). Effects of incest on the participants. *American Journal of Orthopsychiatry*, 12, 666–673.
- Spitz, R. (1953). Authority and masturbation. *Yearbook of Psychoanalysis*, 21, 490–527.
- Sykes, C. J. (1992). *A nation of victims*. New York: St. Martin's Press.
- Szasz, T. (1988). *The myth of psychotherapy: Mental healing as religion, rhetoric, and repression*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.
- Terr, L. (1988). What happens to early memories of trauma? A study of twenty children under age five at the time of documented traumatic events. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 27, 96–104.
- Tissot, S. A. (2003). *El onanismo [Onanism]*. Madrid, Spain: Asociación Espanola de Neuropsiquiatría. (Original work published 1760).
- Todorov, T. (1998). *El hombre desplazado [The displaced man]*. Madrid, Spain: Taurus.
- Ullerstam, L. (1964). *Las minorías eróticas [The erotic minorities]*. *Revista Española de Sexología, Monograph*, Vols. 93–94 combined.
- Ullmann, E., & Hilweg, W. (2000). *Infancia y trauma: Separación, abusos, guerra [Childhood and trauma: Separation, abuse, and war]*. Madrid, Spain: Brand.
- Underwager, R., & Wakefield, H. (1993). Antisexuality and child sexual abuse. *Issues in Child Abuse Accusations*, 5. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume5/j5_2_2.htm.
- Underwager, R., & Wakefield, H. (1994). *Return of the furies. An investigation into recovered memory therapy*. Chicago: Open Court.
- Vance, C. (Ed.). (1984). *Pleasure and danger: Exploring female sexuality*. London: Routledge.
- Vanderlinden, J., & Vandereycken, W. (1999). *Trauma, disociación y descontrol de los impulsos en los trastornos alimentarios. Nuevas terapias para el control de la anorexia y la bulimia [Trauma, dissociation and chaos in the impulses in eating disorders. New therapies for the control of anorexia and bulimia]*. Barcelona, Spain: Granica.

- Vázquez, B. (2004). Etiopatogenia del abuso sexual infantil: Efectos en la personalidad y la memoria [Etiology of childhood sex abuse: Effects in personality and memory]. In B. Vázquez (Ed.), *Abuso sexual infantil. Evaluación de la credibilidad del testimonio. Estudio de 100 casos* [Childhood sex abuse. Evaluation of the credibility of testimony. A study of 100 cases]. Madrid, Spain: Centro Reina Sofía para el estudio de la violencia, Serie documentos, 6.
- Victor, J. S. (1996). *Satanic panic. The creation of a contemporary legend*. Chicago: Open Court.
- Wakefield, H. (2006a). The effects of child sexual abuse: Truth versus political correctness. *Issues in Child Abuse Accusations*, 16. Retrieved November 26, 2008 from http://www.ipt-forensics.com/journal/volume16/j16_2.htm.
- Wakefield, H. (2006b). The vilification of sex offenders: Do laws targeting sex offenders increase recidivism and sexual violence? *Journal of Sexual Offender Civil Commitment: Science and the Law*, 1, 141–149.
- Weeks, J. (1993). *El malestar de la sexualidad* [The discomfort of sexuality]. Madrid, Spain: Talasa.
- Weinbach, R. W. (1987). Public awareness of sexual abuse: Costs and victims. *Journal of the National Association of Social Workers*, 32, 532–533.
- Weiner, I. B. (1978). A clinical perspective on incest. *American Journal of Disabled Children*, 132, 123–124.
- West, D. J. (1998). Boys and sexual abuse: An English opinion. *Archives of Sexual Behavior*, 27, 539–559.
- Wettley, A. (1959). De la Psychopathía sexualis a la Ciencia de la sexualidad. Un estudio histórico-intelectual sobre los orígenes y constitución de la sexología como ciencia [From Psychopathía sexualis to the Science of Sexuality. A historic-intellectual study of the origins and constitution of sexology as science]. *Revista Española de Sexología, Monograph*, Vol. 43.
- Wolfe, V. V., Gentile, C., & Wolfe, D. A. (1989). The impact of sexual abuse on children: A PTSD formulation. *Behavioral Assessment*, 13, 359–383.
- Yorukoglu, A., & Kempf, J. P. (1966). Children not severely damaged by incest with a parent. *Journal of the American Academy of Child Psychiatry*, 5, 111–124.
- Zilbergeld, B. (1983). *The shrinking of America: Myths of psychological change*. Boston: Little, Brown.

Инцест

Отрывок из книги Ю. В. Щербатых "[Психология любви и секса. Популярная энциклопедия](#)".

Инцестом называют вступление в половую связь близких родственников. В настоящее время инцест отвергается во всех странах мира, хотя на ранних этапах развития человечества он был обычным явлением. Фридрих Энгельс в своей ставшей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пишет: «То же самое можно сказать по поводу представления о кровосмешении. Не только брат и сестра были первоначально мужем и женой, но и половая связь между родителями и детьми еще в настоящее время допускается у многих народов. Например, у жителей острова Кадьяк близ Аляски, во внутренней части Британской Северной Америки, у индейцев-чиппевев. А также в рассказах древних греков и римлян о парфянах, персах, скифах, гуннах и др. Пока не было открыто, что такое кровосмешение (а это открытие, и притом в высшей степени ценное), половая связь между родителями и детьми могла вызывать не больше отвращения, чем между другими лицами, принадлежащими к разным поколениям».

С правовой точки зрения инцест определяется как «сексуальный половой акт между лицами, которые по причине кровного родства или по причине родства, проистекающего вследствие брака, не могут вступить в брак законным образом». Однако в медицине, когда говорят об инцесте, чаще речь идет не о браке, а о вступлении в интимные отношения. В психиатрии есть термин «инцестофилия», под которым понимается направленность полового влечения на кровных родственников.

По мнению З. Фрейда, на фаллической стадии психосексуального развития ребенка (4-5 лет) первым объектом полового влечения становится родитель противоположного пола. Однако в дальнейшем ребенок узнает о запретности такого сексуального влечения, и оно подавляется. Этот сложный комплекс переживаний, связанный с осознанием собственной половой принадлежности, эротическим отношением к родителю противоположного пола и «соперничеством» с родителем одноименного пола, в психоанализе получал название Эдипова комплекса у мальчиков и комплекса Электры у девочек. Нарушения процесса подавления таких первичных сексуальных желаний могут приводить к возникновению неврозов и сексуальных извращений, в том числе — к инцесту.

Почему же в общественном сознании инцест, как правило, вызывает осуждения? Этому есть определенные биологические предпосылки, впоследствии закрепленные на уровне социальных установок и моральных норм. Дело в том, что информация о строении человеческого организма, которая хранится в хромосомах, имеется в двойном количестве. Один набор хромосом мы получаем от матери, а второй — от отца. Такое дублирование имеет ряд преимуществ, ибо при повреждении какого-то участка хромосомы его функции берет на себя дублирующий ген, полученный от другого родителя.

Из-за неизбежных мутаций у каждого человека имеется какое-то число поврежденных генов, реализация которых привела бы к наследственным болезням или даже смерти. Однако, по счастью, «целые» гены из второй хромосомы не дают проявляться генетическим дефектам. У разных людей набор мутаций отличается, причем чем меньше родство между ними, тем больше отличаются наборы их поврежденных генов. А вот у родственников они похожи, причем чем ближе степень родства, тем больше совпадений. Если такие люди вступают в брак, то они передают детям и все свои мутации, а в результате мутантные гены могут привести к серьезному заболеванию.

Я хочу подчеркнуть, что связь между ближайшими родственниками не обязательно приводит к рождению уродцев, но вероятность неблагоприятного исхода при этом резко возрастает. И наоборот, при браках между очень далекими по происхождению людьми рождаются весьма жизнеспособные люди. Недаром мулаты и метисы (дети от браков между неграми или индейцами с белыми людьми) отличаются большой силой и выносливостью.

В США, по данным Киркланда и Бауэра, ежегодно регистрируют 36 тысяч случаев инцеста. Причем в 75 % — между отцом и дочерью. В России же, по некоторым данным, преобладает связь мать — сын. Второе отличие состоит в том, что на Западе кровосмешение обычно наблюдается в полных и многодетных семьях с низким культурным и социальным статусом. В нашей стране инцест чаще встречается в неполных семьях.

В конце XX века группа американских ученых провела исследование, направленное на изучение отрицательных последствий близкородственных связей. Как выяснилось, медицинские проблемы, связанные с родственными браками, до сих пор преувеличивались. В докладе нескольких исследовательских групп говорится, что в некоторых странах Азии и Африки на таких родственников приходится почти половина заключаемых браков, однако количество детей, появляющихся на свет с

врожденными дефектами или наследственными болезнями, оказывается весьма незначительным. Поэтому запрещение браков между двоюродными и тем более троюродными братьями и сестрами, имеющее место в отдельных странах и примерно в 30 американских штатах, с медицинской точки зрения не обосновано и имеет, по-видимому, чисто религиозное объяснение.

Гравюра Я. Сандерама. Лот предается разврату с собственными дочерьми. 1597 г

Однако религия относится к инцесту не столь однозначно, как это можно себе представить. В Библии, например, есть эпизод, где кровосмесительная связь человека с собственными дочерьми приветствуется. Это эпизод из книги Бытия, когда после уничтожения Содома благочестивый Лот стал жить в пещере со своими двумя взрослыми дочерьми:

И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак, напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим /в ту ночь/; а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя.

И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего, и родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав /говоря: он от отца моего/. Он отец Моавитян доньне. И младшая также родила сына и нарекла ему имя: Бен-Амми /говоря: он сын рода моего/. Он отец Аммонитян доньне. (Первая Книга Моисеева. Бытие. Кн. 19. 31–6)

Интересно, что в этой главе Библии ее авторы благосклонно относятся к инцесту, но крайне отрицательно — к гомосексуализму. Собственно говоря, именно по этой причине были уничтожены города Содом и Гоммор, а гомосексуализму присвоено название «содомного греха».

Сексологи и психологи не так давно выяснили, что сексуальные контакты между братьями и сестрами происходят значительно чаще, чем было принято думать. При опросе студентов американских колледжей, имеющих братьев и сестер, такие контакты от сравнительно невинных генитальных игр до полового акта признали 15 % девушек и 10 % юношей. Три четверти контактов носили гетеросексуальный характер, а одна четверть — гомосексуальный. У трети опрошенных такой опыт был однократным и никогда не повторялся, у других подобные контакты повторялись; 27 % опрошенных продолжали их в течение года. Причем мнения студентов по поводу этого «сексуального эксперимента» разделились примерно поровну: одна часть опрошенных восприняла сексуальный контакт с братом (сестрой) положительно, другая часть — отрицательно, третья — безразлично. Однако удалось выяснить, что

старшие братья и сестры нередко применяют к младшим насилие. Это усиливает возможную психическую травму, тем более, что, как правило, дети никому об этом не рассказывают.

Иногда людей подталкивают к инцесту жизненные обстоятельства, как это было в случае, описанном Вильгельмом Райхом в книге «[Функция оргазма](#)». Он пишет:

Тяжелобольная жена одного рабочего годами была прикована к постели. У него было трое маленьких детей и 18-летняя дочь. Она заменила мать детям, заботилась о них и об отце. На протяжении многих лет семья жила хорошо. Отец работал, проявляя заботу о больной жене. Дочь очень хорошо относилась к братьям и сестрам, поддерживала порядок в доме и спала с отцом. Но начавшиеся вокруг семьи сплетни привели к вмешательству полиции нравов. Отец был арестован, обвинен в кровосмешении и на многие годы упрятан в каторжную тюрьму. Дети попали в приют. Семья развалилась. Дочке пришлось идти в прислугу. Почему возможно такое?

Инцест — понятие не столько физиологическое, сколько психологическое. Легкая эротическая окрашенность чувств между дочерью и отцом, матерью и сыном, братьями и сестрами встречается нередко, однако она очень далека от половых контактов между ними. Настоящий, полный инцест наблюдается крайне редко. Это обусловлено не только моральными запретами, но и тем, что длительная совместная жизнь с раннего возраста и возникающая привычка к данному человеку препятствует появлению к нему полового влечения, выбору его в качестве сексуального объекта. Половые отношения отца с дочерью встречаются значительно чаще, чем случаи инцеста между остальными членами семьи. Они могут носить характер как собственно полового акта, так и орально-генитальных контактов, мастурбации и т. п. Нередко инцест совершается в состоянии алкогольного опьянения отца и фактически представляет собой изнасилование дочери. В дальнейшем они принуждают ребенка жить половой жизнью, скрывая это от матери. Инцест тяжело переживается некоторыми детьми и может приводить к суицидальным попыткам, злоупотреблению наркотиками, проституции, неврозам.

Следует отметить, что гораздо чаще дело ограничивается особо выраженной любовью и нежностью к дочери со стороны отца, который видит во взрослеющей девушке копию своей супруги. Наблюдая в юной девушке черты женщины, которую он когда-то страстно любил, мужчина переживает иллюзорный эффект возвращения молодости. В нем просыпается подспудное, активно подавляемое сексуальное желание, особо острое из-за невозможности его реализации, и смешанное с нежностью к своему ребенку. Поэтому для отцов зачастую так труднопереносима мысль о том, что посторонний мужчина получает права на его женщину, пусть эта женщина и является его дочерью. Одно из лучших описаний подобного состояния дано Стефаном Цвейгом в рассказе «[Закат одного сердца](#)», в котором описана драма старого человека, случайно узнавшего, что его любимая дочь по ночам отдается соседу по гостинице.

Ведь это просто чудовищно: Эрна, это нежное, заботливо взлелеянное дитя с ласковыми глазами... давно ли, давно ли она сидела над букварем и розовым пальчиком водила по трудным, непонятным буквам; давно ли он заходил за ней в школу, и она выбегала к нему в голубом платьице, а по дороге домой кормил ее пирожными в кондитерской — он еще чувствовал поцелуй детских губ, сладких от сахара... Разве не вчера это было?... Нет, годы прошли с тех пор... но ведь вчера — в самом деле, вчера — она так по-детски упрашивала его купить ей пестрый, голубой с золотом, свитер, выставленный в витрине. «Папочка, ну, пожалуйста», — умильно сложив руки и смеясь тем радостным, самоуверенным смехом, против которого он никогда не мог устоять... А теперь, в двух шагах от его двери, она пробиралась в комнату чужого мужчины, в его постель...

Боже мой, Боже мой... — невольно застонал старик. — Какой позор, какой позор!.. Мое дитя, мое нежное, любимое дитя, с каким-то мужчиной. <... > Он опустил голову, не решаясь взглянуть на дочь, и ничего не ответил. Он видел только кисти ее рук на столе, милые, холеные, лениво играющие на белом поле скатерти, будто избалованные породистые борзые. Весь дрожа, он робко скользнул взглядом по ее тонким девичьим рукам, еще полудетским... давно ли эти руки каждый вечер обнимали его, когда она прощалась с ним перед сном... Он видел округлость ее девичьей груди, ровно дышавшей под новым свитером. «Раздетая валялась с чужим мужчиной, — терзался старик. — Он трогал ее, ласкал, наслаждался... моя плоть и кровь... мое дитя... о, негодяй!» Он громко застонал, сам того не замечая.

А вот реальная история, присланная в газету «Спид-инфо» от одной из ее читательниц. Мы приводим ее в сокращении, но и в таком виде она оставляет сильное впечатление и заставляет задуматься над понятиями [«норма»](#) и [«извращение»](#).

Мне было три года, когда умерла мама. Отец воспитывал меня один, мачехи не было. Пока я ходила в детсад, всю домашнюю работу (готовка, уборка, стирка) он делал сам, потом постепенно стал приучать к ней и меня, а к двенадцати годам я уже чувствовала себя «маленькой хозяйкой большого дома» и даже научилась шить и вязать, чего отец не умеет. Зато он великолепно плавает, лихо гоняет на лыжах и на велосипеде, к чему без особого труда приучил и меня. Так что мы уже давно вместе ходим в бассейн и на Волгу, совершаем совместные велосипедные и лыжные прогулки. Вместе посещаем театр и концерты, побывали во многих городах страны. Что — не верите? Времена, мол, не те? Те или не те, но я ничего не придумываю.

Окончила восьмилетку, музыкальное училище, поступила в университет... А день рождения у меня с отцом совпадает: я родилась в день его двадцатидвухлетия. Когда ему исполнилось 40, а мне 18, я училась на II курсе. Были гости — коллеги отца и мои однокурсники. Впервые в жизни я выпила шампанского. Когда гости разошлись, и мы с отцом вымыли посуду, он вдруг сказал с каким-то оттенком печали:

— Ну вот тебе и восемнадцать. Имеешь право замуж выходить...

Эти слова меня точно резанули по самому сердцу, но я промолчала. Разделась, легла. Он, как обычно, поцеловал меня, сказал «спокойной ночи» и пошел в свою комнату. Уснуть я не могла. Замуж? Как так замуж? Это значит что же — расстаться с отцом, который всю жизнь был для меня и папой, и мамой, и другом — да разве это мыслимо?

Не знаю — может быть, шампанское ударило в голову, но я вскочила с постели, ворвалась к нему в комнату, крикнула сквозь слезы:

— Не хочу я замуж! Никогда от тебя не уйду! — и принялась его целовать ото лба до пальцев ног, потом юркнула к нему под одеяло, прижалась всем телом, страстно обняла... он не устоял перед таким напором.

О, это была счастливейшая ночь во всей моей жизни! Он оказался неутомимым, его оргазмы следовали, после малых передышек, один за другим, а под утро я сама испытала это блаженство...

Вот уже три года продолжается наше счастье. Ни разу не было даже намека на ссору.

Сейчас ему 43, мне 21. Выглядит он молодо, и незнакомые спокойно принимают нас за супружескую пару. Перед знакомыми мы своих отношений не афишируем, но и не стараемся слишком уж тщательно их скрывать. Насколько могу судить, нас никто не осуждает.

Да, придется переехать в другой город, где нас не знают, оформить законный брак (обскакать дошлых законников как-нибудь сумеем), и пусть дети нас считают папой и мамой, да ведь оно и на самом деле так будет.

Замечания об отношении уголовного права к педосексуальности

Мартин Даннекер, доктор философии (отделение сексологии Университетской клиники Франкфурта)

Статья была впервые опубликована в органе Германского общества сексологических исследований (DGfS) "Beiträge zur Sexualforschung" (в спецвыпуске 1987 г. "Sexualwissenschaft und Strafrecht"); также в книге М. Даннекера "Das Drama der Sexualität".

1. Неуверенное приближение к рациональности

Нет ни одного образа действий, который был бы табуирован сильнее, чем педосексуальность. Педосексуальные контакты, когда о них становится известно, вызывают ожесточенные эмоции и социальную изоляцию тех, на кого навешивают ярлык совратителей. Сегодня это не менее верно, чем 15 лет назад. В таких условиях было совершенно примечательно, когда Специальный комитет по реформе уголовного законодательства озабочился тем, чтобы и в отношении педосексуальности занять соответствующую рациональную позицию. Эта попытка в буквальном смысле слова читается в отстраненном, свободном от лишних эмоций подходе к педосексуальности, которым был отмечен каталог вопросов, представленный Спецкомитетом для экспертных слушаний. Приглашенных экспертов просили не только изложить свои социально-этические позиции. Напротив, они должны были, обосновывая свои ответы эмпирически, высказать свои мнения по следующим вопросам:

Какие влияния (эффекты) ожидаются в ребенке (до 14 лет) в результате
а) сексуальных действий, совершаемых другим лицом с ним или перед ним,
б) уголовного процесса как следствия этих действий? Какова вероятность причинения
долговременного вреда?

В таких вопросах отсутствует привычное морализаторство обычного подхода к педосексуальности. Поскольку в своей основе эти вопросы нацелены на перепроверку установленного законом объекта охраны, а именно "ненарушенного сексуального развития детей", они вращаются в пределах рациональности, требуемой современным учением о правовых благах. Исходят они из обобщенной теории травмы, согласно которой педосексуальные действия оказывают такое сильное влияние на детскую психику, что она становится неспособна адекватным образом перерабатывать вливающийся в нее поток раздражителей, что приводит к нарушениям сексуального и психического развития.

2. Травмы

Травматичным может быть и единоразовое, неожиданное событие. Также и единоразовый, мимолетный, поверхностный педосексуальный контакт может быть травматичным. Такой эффект может возникнуть просто из неожиданной сексуализации отношений между взрослым и ребенком, при которой конкретное сексуальное действие является относительно несущественным. Но могут и несколько событий, каждое из которых само по себе не оставляет непреодолимых последствий, в совокупности сложиться в травму, при этом модус тех отношений, в которые встроены эти события, может иметь решающее значение для их травматичности. Какое бы место ни занимала сексуальность в структуре тех или иных педофильных отношений: она встроена в отношения, отмеченные структурным неравенством сил, в которых не только психосексуальное, но и физическое развитие ребенка отстает от развития взрослого. Эти условия могут иметь травмирующий эффект и тогда, когда сексуальные действия осуществляются деликатно и без видимого внешнего насилия.

Такие представления соответствуют распространенному учению о травме. Приложение его к педосексуальности напрашивается само собой, потому что следующие факты бесспорны:

- существуют травматичные события,
- детство, ввиду того, что у ребенка система самообороны недостаточно развита, является фазой развития, в которой травматизация может происходить особенно легко,
- сексуальное действие с ребенком *может* быть именно тем экзогенным событием, которое оставляет после себя травму.

Клинические исследования всегда были способны это показать. Но выводы, полученные на основе клинического опыта, например убеждения, сложившиеся в результате многолетней психоаналитической практики, нельзя без дополнительных проверок переносить на всё явление в целом. Психоаналитическая клиника всегда имеет дело с высокоспецифичной ситуацией, в центре которой стоит совершенно

определенный субъект со своей индивидуальной историей жизни. Если в процессе психотерапевтического общения выясняется, что моментом, определившим психические и сексуальные нарушения, было экзогенное событие, это событие можно квалифицировать как травматичное для данного пациента, тем не менее обобщения делать из него нельзя. Это убеждение также является результатом клинического опыта, который показывает, что вполне однотипное по своим внешним признакам событие, например совращение ребенка взрослым, может иметь совершенно разные эффекты. В одном случае совращение может послужить детонатором для тяжелых психических конфликтов; в другом случае оно может быть переработано таким образом, что говорить о нем как о травматичном становится неправомерным.

В соответствии с этим кажется невозможным требовать использования категории травмы обобщающим образом. Однако в столь строгом смысле это оказывается не так, во всяком случае тогда, когда остается ясным, какой статус имеет категория травмы, когда мы используем ее обобщающим образом. Когда мы используем категорию травмы обобщающим образом, она имеет не объясняющую функцию (как это может показаться), а всего лишь описательно-эвристическую. Как таковую используем мы ее для событий и ситуаций, о которых мы, в известной степени на основе уже имеющихся у нас знаний, предполагаем, что им присущ высокий конфликтогенный потенциал. Если мы применяем категорию травмы в этом смысле к определенным событиям и ситуациям, мы становимся как бы обязаны исследовать более тщательно каждый случай, когда он происходит и становится известен. Если в результате выясняется, что таким образом понимаемое событие действительно определило психические ограничения и нарушения, тогда категория травмы приобретает, пусть и сначала только для данного конкретного случая, объясняющий статус. Если же в результате неоднократных исследований становится видно, что определенное событие часто и с высокой вероятностью определяет психические повреждения, то есть функционирует как травма, тогда становится оправданным применение ко всей совокупности определяемых событий категории травмы как объясняющей. Такого рода выводы могут не оставаться без последствий для общественной практики. В таких случаях ее желательно менять таким образом, чтобы оберегать субъектов от травмирующих их событий. Какие для этого подходят средства, можно, само собой разумеется, спорить. Пока закону еще можно приписывать общую защитную функцию, криминализацию рассматриваемых действий как одно из средств исключать нельзя.

Последнее должно сделать ясным значимость этих несколько длинно звучащих объяснений категории травмы для уголовно-правовых дебатов по поводу статьи 176 УК Германии. Статья 176 наказывает поведение, которому очень хочется приписать в качестве чего-то несомненного то, что все-таки является чрезвычайно смутным: причинение вреда детям. Это выражается в том, что по отношению к педосексуальным действиям категория травмы бездоказательно используется как объясняющая.

Тот факт, что Спецкомитет не спешил с выводами, а трансформировал категорию травмы в гипотетическую, сделав ее предметом вопросов для экспертов, значит немало, во всяком случае если мы воспринимаем экспертные слушания всерьез. Тем самым он пошел на риск не только того, что категория травмы будет подтверждена в качестве гипотетической, но и того, что вдобавок к тому приписываемый педосексуальным контактам вред не получится доказать. Такой результат, однако, был бы не менее значим для общественной практики, чем вышеупомянутый. Он потребовал бы отказа от общей криминализации педосексуальности, поскольку она обосновывается защитой от травмирующих переживаний.

3. Экспертные слушания

Выдерживают ли предложения Спецкомитета в отношении уголовно-правовых норм, относящихся к педосексуальным контактам, и действующая с момента уголовно-правовой реформы редакция статьи 176 проверку такими рассуждениями, можно понять, только если непосредственно посмотреть на ответы экспертов, которые они дали на процитированные вопросы. Поэтому далее приведу наиболее выразительные ответы на вопрос о влиянии педосексуальных контактов на детей из протоколов слушаний 1970 года:

Предположение о закономерном нарушении развития в результате раннего вступления в гетеросексуальные контакты научно обосновать невозможно. (Schönfelder)

По нашему опыту, который, впрочем, трудно выразить в цифрах, долговременный вред, во всяком случае при неагрессивных контактах, причиняется в гораздо меньшей мере самим деянием, чем тесно связанным с ним чувством вины, которое многие дети испытывают после деяния, а оно, в свою очередь, зависит от реакции окружения, от установки по отношению к деянию и к лицу, его совершившему, и от установки по отношению к сексуальности. Так что можно констатировать, что возникновение или невозникновение долговременного вреда для

детей при ненасильственных сексуальных деликтах едва ли может зависеть от самого деликта, а зависит исключительно от реакции воспитателей, от среды, в которой живет ребенок, и от реакции его окружения. (Lemp)

Резюмируя, следует подчеркнуть, что не сексуальная травма сама по себе - возбуждение ребенка, раздражение его гениталий, эксгибиционизм перед ним и тому подобное - является тем, что производит психически патогенный эффект: это всего лишь одна часть событий. Другая часть состоит в том, что нарушенные отношения доверия между родителями или лицами, их заменяющими, и ребенком препятствуют его просвещению и, таким образом, успокоению ... Хорошая эмоциональная связь между родителями и ребенком иммунизирует от переживаний, которые для ребенка являются преждевременными, поэтому такую ситуацию совращения никогда нельзя оценивать без исследования среды, например установок родителей на сексуальность. (Mitscherlich)

В [катамнезах](#) по-прежнему едва ли обнаруживаются психические последствия, в исследованиях случаев сексуальные действия, пережитые в детстве, иногда рассматриваются как причина психических нарушений ... Психические реакции, приведшие к стойким психическим расстройствам, крайне редко могут быть объяснены одной причиной - и одновременно еще предстоит прояснить вопрос острых и длительных эффектов, лишь в редких случаях может быть возможно прогнозировать длительные психические эффекты как прямое следствие сексуальных действий. (Groffmann)

В литературе высказывается единодушное мнение, что по меньшей мере линейной каузальности между такими переживаниями и нарушением развития личности не существует. Авторы эмпирических исследований, помимо того, констатируют, что длительных травматических эффектов не наблюдается; если дети впоследствии неправильно развиваются, сексуальная травма оценивается уже как симптом патологического развития, а не как его причина. Здоровый ребенок, находящийся в нормально функционирующей среде, ненасильственный сексуальный опыт со взрослыми перерабатывает без длительных негативных последствий. (Schorsch)

Представляется несомненным, что в отдельных случаях в результате могут отмечаться преходящая бессонница, невротические ложные установки и нарушения социальной адаптации ... Приходится признать ... что по-настоящему серьезные длительные травмы в результате детских сексуальных переживаний, но и, чтобы быть последовательным, в результате неоднократных допросов в рамках уголовного разбирательства, являются малозначимыми и малостойкими, и, во всяком случае, этой аргументацией обосновать различные "возраста защиты" ("возраста согласия"), да и, в конечном счете, всю "защиту несовершеннолетних", невозможно. (Wille)

Сексуальные действия взрослого с ребенком или перед ребенком, если они протекают без угроз и применения силы, когда они, может быть, наоборот, затушевываются нежными жестами и подлизываниями, сами по себе не причиняют вреда, сколько-нибудь достойного упоминания, и не имеют длительных последствий для нормально развитого ребенка. ... Все исследования указывают на то, что число детей, которым непосредственно само событие - я имею в виду, тут же, без дополнительного силового воздействия - причиняет длительный вред, необычайно мало, если вообще возможно доказать этот вред. (Hallermann)

Вероятность длительного вреда ... по моему представлению ... следует оценивать очень осторожно. Если мы окинем взглядом наш исследованный и переисследованный со многих точек зрения научный материал, мы должны сказать, что из 25% последствий у девочек где-то от 4 до 10% - из которых я предпочел бы скорее склониться к 10% - проявляют симптомы длительного вреда; из 35% мальчиков с преходящими последствиями это где-то до 4 или 6%. (Nau)

Те эксперты, которые сами провели эмпирические исследования либо сослались на эмпирическую литературу, таким образом, не смогли подтвердить расхожее представление о вредности педосексуальных контактов. В соответствии с их картиной явления, ненасильственные педосексуальные действия как таковые, как правило, не травмируют детей настолько, чтобы их психическая или сексуальная целостность повреждалась на длительное время. Хотя могут быть преходящие реакции, они обычно не приводят к серьезным нарушениям развития.

Спецкомитет, разумеется, не мог не заметить того, что такие высказывания делают легитимацию общей криминализации педосексуальных контактов чрезвычайно шаткой. Под непосредственным впечатлением от только что высказанных научных воззрений на 30-м заседании Спецкомитета разыгрался диалог между одним из его членом депутатом Шлее (фракция ХДС/ХСС) и экспертом Ханакком, в котором эта дилемма обоснования вырисовалась как нельзя более выпукло. Шлее обратился к Ханакку со следующим утверждением-вопросом:

Вот мы вчера и позавчера неоднократно слышали, что порнография детям и подросткам, собственно говоря, не вредит, и мы также неоднократно слышали, что сексуальные действия с детьми им сами по себе не вредят. Вредят им в основном, собственно, последующие уголовные процессы. Тогда для нас в Комитете выводом из этого была бы полная легализация порнографии - сверх того, что предлагает Министерство. Также мы, наверное, должны были бы сделать и следующий вывод: что статью 176 часть 1 пункт 3 "развратные действия" - так это пока еще называется - с лицами моложе 14 лет, или подобные нормы, надо отменить. (выделение моё - М.Д.)

Ханак ему на это ответил:

... вопрос, который вы задали, в высшей степени серьезен. Если это действительно так - что порнография не является общественно вредной, последовательным решением было бы полностью исключить ее из уголовного законодательства. То же самое относится и к не оказывающим значительного влияния на детей сексуальным действиям с ними. (выделение моё - М.Д.)

4. Решение Спецкомитета

Несмотря на артикулированные сомнения в легитимности дальнейшего сохранения общей криминализации Спецкомитет все-таки в конце концов решил за криминализацию держаться и в отношении детей младше 14 лет впредь исходить "из нанесения ущерба их общему развитию действиями сексуального характера". Никакого хоть сколько-нибудь удовлетворительного обоснования этому решению в докладе Спецкомитета найти не удастся. Спецкомитет, судя по всему, хотел соблюсти хотя бы видимость рациональности и продолжил делать упор на определенный объект охраны статьи 176 - "ненарушенное сексуальное развитие". В то же время он закрыл глаза на свидетельства экспертов, которые, в сущности, говорят о том, что сексуальное развитие ребенка ненасильственными педосексуальными переживаниями обычно не нарушается.

Но вот не оставил нас Спецкомитет без намека на возможные мотивы своего противоречивого решения. Он ведь не преминул упомянуть, что "сексуальные действия с или перед детьми ... относятся к преступлениям, на которые общественность реагирует с особым возмущением и отвращением". Это же совершенно точное описание коллективного эмоционального подхода к педосексуальности. В связи с решением Комитета, конечно, приходится задать себе вопрос, не повлияли ли эти антипедосексуальные эмоции на процесс принятия решения чрезвычайно действенным образом. Это могло произойти сразу с двух сторон. Если антипедосексуальные эмоции действительно распространены в коллективе, то отдельному индивиду тяжело этим эмоциям сопротивляться. Это относится и к законодателю, который ведь не представляет собой некую абстракцию. Он тоже состоит из индивидов, реагирующих эмоционально. С другой стороны, индивиды, из которых состоят законодательные органы, являются людьми, от которых ожидается политическое чутье при обращении с щекотливыми предметами. Предметы, однако, которые, как педосексуальность, в высокой степени окружены негативными эмоциями, становятся подвержены оппортунистическому, если не демагогическому, использованию. Как бы то ни было: попытка Спецкомитета и к педосексуальности подойти рационально в конце концов потерпела фиаско, что, в частности, видно по практически полному отсутствию у него аргументов в пользу сохранения неограниченной криминализации.

5. Тенденции исследований

Не без определенных оснований против представленных тогда катамнестических результатов, как и против полученных с тех пор результатов исследований вредности педосексуальных контактов, можно возразить, что использованные в них методы слишком грубы для того, чтобы уловить возможные при определенных условиях психические и сексуальные нарушения малой или большой длительности. Такие возражения особенно уместны для исследований, которые являются в буквальном смысле слова поверхностными, то есть не выходят за пределы сознательно-психологических методов. Многие из катамнестических исследований, кроме того, недостаточно методически выверены. Несмотря на эти возражения результаты данных катамнестических исследований не просто не являются незначительными. Ибо если бы педосексуальные контакты всегда переживались ребенком травматично, то хотя бы следы травмы выявлялись бы и сравнительно грубыми методами. Кроме того, и более грубые катамнестические исследования, по сравнению с теми исследованиями или концепциями, в которых вред либо утверждается, либо предполагается, являются прямо-таки верхом методической корректности. В последних часто не только отсутствуют какие-либо эмпирические доказательства утверждений авторов, но и в прочих отношениях они чрезвычайно скудны на аргументы.

Это качественное различие коренится в господствующем социально-психологическом климате. В то время как катамнестическим исследованиям методическая тщательность прямо-таки навязывается, что мы видим, например, по исследованию "[Сексуальность, насилие и их психические последствия](#)" под редакцией Баурманна, те, кто плывет по течению, от подобных хлопот избавлены. Само по себе решение, какой бы инструментальной при этом ни предполагался, через некоторое время после педосексуального контакта исследовать влияние этого контакта на психику ребенка мотивируется ведь сомнениями и в этом отношении является разрывом с господствующим мнением, согласно которому вне подозрений только тот, кто держится мудрого изречения "действия сексуального характера, совершаемые с ребенком или перед ребенком, нарушают сексуальное созревание". Тот же, кто позволяет себе сомнения и хотел бы подтвердить или опровергнуть их вполне эмпирически, должен действовать весьма тщательно, чтобы не попасть под подозрение в том, что он сам деторастлитель либо друг деторастлителей.

В подобном климате не только членам политических партий трудно принять тенденции катамнестических исследований. Ученые тоже предпочитают держаться за презумпцию, что педосексуальный опыт для детей всегда вреден и разрушителен:

Мы слышим аргументацию того, что травматические последствия сексуальных отношений между ребенком и одним из его родителей до сих пор не проверены либо реально не подтверждены. Несмотря на это важно отстаивать то, чтобы отсутствие несомненных доказательств вреда никоим образом не поддерживало допущение или фантазию, что сексуальный опыт в раннем детстве, особенно инцест, способствует развитию, улучшает психические способности или приспособляемость. Поэтому в лучших интересах ребенка будет полагать, что такой опыт действительно является вредным и травмирующим.

Такого рода упорство при отстаивании вредности педосексуальных контактов невозможно объяснить ни методическими возражениями против имеющихся катамнестических результатов, ни тем верным замечанием, что "имеющиеся на сегодняшний день результаты научной дискуссии о протекании педофильных сексуальных контактов, о реакции на них детей и их долговременных последствиях чрезвычайно противоречивы". Когда даже противоречивость исследований утверждать невозможно и вместо того приходится искать прибежище в конструкции, которую Адорно когда-то назвал "аккумулированной массой представлений", шансы услышать выводы, отмеченные духом просвещения, невелики. И все же придется их назвать и повторить. Из имеющейся на сегодня литературы по вопросу вредности педосексуальных контактов можно вывести три результата, которые суммируются следующими тезисами:

1. До сих пор не удалось доказать, что ненасильственные педосексуальные контакты оказывают общепатогенное влияние на психическую и сексуальную организацию детей.
2. Неагрессивные педосексуальные контакты часто оказывают лишь мягкое травмирующее действие на детскую психику.
3. Способность детской психики перерабатывать такие мягкие травмы без длительных последствий для душевного и сексуального функционирования более значительна, чем принято думать.

Эти тезисы, между тем, требуют дальнейшей проверки, которая в особенности должна учитывать различия между полами в "причиняемых" им педосексуальными контактами повреждениях. Баурманн смог показать в своем исследовании, что среди лиц женского пола, проходивших в полиции в качестве потерпевших от преступных сексуальных контактов, лица с повреждениями встречаются относительно

чаще, чем среди потерпевших мужского пола. Также и при педосексуальных контактах последствия для девочек должны быть серьезнее и встречаться чаще, чем для мальчиков. Это, однако, не связано преимущественно с переживанием педосексуального контакта как таковым, а с тем, что среди тех, кто предпочитает *однополый* контакт с ребенком в качестве сексуального объекта, больше тех, кого следует относить к структурированным педофилам. Последние реже добиваются удовлетворения своих сексуальных желаний путем насилия и угроз, чем мужчины, вступающие в педосексуальные контакты с девочками.

6. Метахронность (= "разновременность" - прим. перев.) в педосексуальности

Педосексуальность нельзя свести к дискуссии о статье 176 УК и связанному с ней вопросу вредоносности. В ней самой есть что-то такое нестыкующееся, что проецируется и на уголовно-правовую дискуссию и делает ее столь трудной. Щекотливость, липнущая к педосексуальности, сразу становится ясной, как только мы пытаемся применить к ней ключевое выражение "сексуальное самоопределение". Детям обычно отказывают в способности к сексуальному самоопределению, "ведь они вообще не находятся в том положении, чтобы свободно принимать решения относительно сексуальности". Чаще всего их неспособность принимать решения обосновывают тем, как это делает и Трубе-Бекер, что дети не обладают "достаточным сознанием ответственности или зрелостью, чтобы юридически значимо давать согласие на половое сношение".

Однако это не тот пункт, в котором нестыковка в педосексуальности является критической. Правда, все педосексуальные контакты отмечены принципиальной метахронностью. Но происходит она не от разницы в способности действовать с сознанием ответственности. Напротив, она конституируется сексуальным развитием.

Под ярлыком "педофилия", на что недавно обратил наше внимание Шорш, квалифицируются чрезвычайно многообразные явления. Он перечислил следующие возможности того, "как могут возникнуть сексуальные отношения между взрослыми и детьми охраняемого законом возраста ...: взаимные любовные отношения; эротизированные педагогические отношения; ненасильственное совращение детей взрослыми и взрослых детьми; насильственные (подобные изнасилованию) нападения, действия "по случаю", совершаемые социально неинтегрированными одиночками, но также и другие сексуальные отклонения, более или менее случайно реализуемые на детях: эксгибиционисты, предпочитающие оголяться перед детьми, садистические действия с использованием детей; при фиксации на маленьких детях нередко отмечается склонность к "опредмечиванию" и парциализации детского тела с чертами фетишизма и т.п. Часто сексуальные действия с детьми являются замещающими или "обходными" для недевиантных мужчин, которым выпадает такая особенная возможность". Феномен, проявляющийся в столь разнородных формах, трудно привести к единой точке зрения. Единственное общее, что есть у всех многообразных моделей педосексуальных действий, состоит в том, что один из участников сексуального взаимодействия - взрослый, а второй - еще ребенок. Этой метахронностью пронизаны все педосексуальные контакты, независимо от прочих обстоятельств их возникновения и протекания.

Данное различие может показаться тривиальным, и тем не менее я считаю, что за ним, если его рассматривать с точки зрения сексуального развития, кроется качественный момент, который, пусть и в большинстве случаев не осознается, объясняет те эмоциональные возмущения, которые происходят, когда предаются огласке педосексуальные контакты. Поэтому я хотел бы попытаться обрисовать это различие, причем буду это делать, описывая отношения, в которых взрослый является структурированным педофилом. Тем самым, с одной стороны, станет яснее мой замысел, а с другой стороны, именно сексуальные отношения между структурированными педофилами и детьми в последнее время часто представляют как "контакты по согласию", в которые ни уголовный закон, ни другие социальные инстанции не должны вмешиваться. В процессе нижеследующего изложения можно будет тогда и посмотреть, выдерживает ли это утверждение критическую проверку.

В истинно педофильных отношениях, которые заслуживают это название, а не объявляются таковыми в результате произвольно установленных в законе возрастных границ, присутствует значительная разница в возрасте между партнерами. Качественно эта разница характеризуется тем, что один партнер (ребенок) находится по одну сторону пубертата, а второй (взрослый) - по другую.

В пубертате, как известно, происходит ряд трансформаций сексуальной организации, среди которых обретение объекта имеет в нашем контексте центральное значение. Под обретением объекта здесь подразумевается достижимое лишь после пубертата "окопирование" сексуального объекта. Правда, решающее направление развития последующей сексуальной организации закладывается уже в раннем детстве. Но только после пубертата человек обретает сознание своей преформированной в детстве сексуальной организации. Не иначе обстоит дело и с "добыванием" объекта в пубертате, которое правильнее было бы назвать усвоением объекта. В пубертате преформированный сексуальный объект становится как осознаваемым, так и окончательно центрированным. С этим сознательным усвоением

сексуального объекта усваивается и значительная часть сексуальной идентичности. В соответствии со своим сексуальным объектом человек начинает воспринимать себя как гетеросексуала, гомосексуала, бисексуала, либо педосексуала и т.д. Для половой жизни сознательное усвоение сексуального объекта имеет значение постольку, поскольку уже от исходящих от объекта стимулов и через направленные на объект интересы можно получать сексуальное удовольствие. Предпосылкой этого объектного удовольствия, следовательно, является усвоение сексуального объекта и его интеграция в сознание.

В педосексуальных отношениях, однако, есть только один партнер с такими предпосылками. В них отсутствует взаимность объектов, поэтому и нелепо рассматривать детскую сексуальность под углом зрения педосексуальности. Педосексуальным может быть только взрослый. Пропасть, пролегающая между ребенком и взрослым в смысле оконтуривания и структурирования сексуального объекта, делает неизбежным, что ребенку при сексуальном контакте сексуальный объект, так сказать, навязывается. Это проявляется особенно явно в начале педосексуального взаимодействия. В то время как интерес педосексуала к ребенку с самого начала имеет в том числе сексуальную природу, о ребенке этого сказать нельзя. Эту одномерность сексуального интереса выразительно рисует Бронгерсма, когда он описывает фантазии, которые играющие дети могут пробуждать в педофиле:

... это была такая прелестная девочка, и при этом такой милый мальчик, что я ощутил порыв желания призвать ребенка к себе, чтобы ему, если он готов к этому, ласкать обнаженное тело и доставить ему и себе высшее наслаждение.

Не ребенок, а исключительно взрослый чувствует половое возбуждение. Представим себе на мгновение, что таким образом возбужденный взрослый поддается своим фантазиям и зовет ребенка к себе. Далее представим себе, что ребенок следует зову взрослого. В то время как последний уже чувствует сексуальное наслаждение и ожидает прибытия ребенка, будучи возбужден соответствующим образом, ребенок отправляется в путь, не предугадывая ничего сексуального. Между взрослым и ребенком царит диспропорция желаний, которую преодолеть нелегко. Эта диспропорция ведет к тому, что на первое время после прибытия ребенка взрослому приходится свои сексуальные желания "взять назад". С великим усилием будет он пытаться создать ситуацию, которая позволит ему считать, что желания ребенка совпадают с его собственными. Эта попытка преодолеть труднопреодолимую диспропорцию желаний придает педосексуальным отношениям ритуализированное и принужденное свойство:

Но так что же может дать взрослый ребенку, и что дает ребенок взрослому? Прежде всего, следует констатировать, что в педофильных отношениях - точно так же, как и в любых других дружеских отношениях, будь они гетеросексуальные, гомосексуальные или именно педофильные - взаимно дружеское отношение стоит на первом месте. Взрослый выводит ребенка на прогулки, ходит с ним в кино, в музей. Он читает ему вслух, играет с ним в "мюле", в настольные игры, в шахматы, дает ему ставить пластинки, складывать паззлы, водит его в кафе или ресторан, делает свою работу, пока ребенок играет, помогает ребенку делать уроки, чинит ему велосипед и т.д. И в рамках этих отношений, этого целого, эротическое составляет лишь часть, он его при случае гладит по головке, или ребенок садится ему на колени, или они устраивают шуточную потасовку в постели или после купания, и в такой ситуации от взаимного доверия возникает склонность пойти дальше.

Насколько дальше? Настолько дальше, насколько два человека, которые находят друг друга милыми и интересными, могут пойти, причем оба что-то приносят с собой - как взрослый, так и ребенок. Если ребенок уже способен получать оргазм (некоторые дети способны к этому с рождения), тогда связь ребенка со взрослым направлена в том числе на достижение этого удовлетворения. Если ребенок еще к этому не готов, тогда важное место занимает телесный контакт, стремление к удовольствию от поглаживания, к ощущению близости от того, что два человека находятся вместе, к чувству защищенности.

При этом может, естественно, - если ребенок и взрослый в своих отношениях дошли до этого - происходить и коитус, но в очень большом числе случаев отношения остаются в рамках мастурбации и поглаживаний.

В этом описании педосексуальных отношений читаются две вещи. С одной стороны, оно говорит о преследовании педосексуалов обществом, которое вынуждает их выставлять себя лучшими отцами. С другой стороны, утверждаемая мной метахронность сексуальной организации и связанная с ней диспропорция сексуальных потребностей видна в этом описании невооруженным глазом. Так как структурированный педофил об этой разнице знает, он вынужден сохранять высокую степень

самоконтроля, о чем и свидетельствует этот текст. Структурированный педофил ни при каких обстоятельствах не хочет показаться человеком, прибегающим к насилию. Ему, однако, по всей видимости, лишь с трудом удается успокаивать свои сомнения на этот счет. Только через полное отрицание своих собственных сексуальных желаний он становится способен оправдать себя. Безграничное отрицание собственных сексуальных желаний хорошо характеризуется преобладающей в апологетических текстах самостилизацией педосексуалов как всего лишь исполнителей сексуальных желаний детей. Самоотрицание педофилов кульминирует в утверждении, что, когда дело доходит до сексуального контакта между ребенком и взрослым, причиной этого в большинстве случаев является ребенок.

Также и повторяющиеся ссылки педофилов на живую сексуальность детей и их попытки найти опору в соответствующих представлениях психоанализа имеют функцию стилизации самих себя как чистых исполнителей детских сексуальных желаний. Усвоение педофилами психоаналитических представлений, между тем, является односторонним. Вполне согласуется с психоаналитическим учением высказываемая педофилами критика господствующего по сию пору противоречивого отношения к детской сексуальной активности. Их особая чувствительность не обманывает педофилов и тогда, когда они сетуют на недостаточную эротизированность отношений между родителями и детьми либо детьми и взрослыми вообще. Не без известных оснований могут они сослаться на раннего Фрейда, который в "Трех очерках по теории сексуальности" указал на пробуждение полового влечения у ребенка материнской лаской как на необходимое для его сексуального развития:

Она (мать) выполняет только свой долг, когда учит ребенка любить: пусть он станет дельным человеком с энергичной сексуальной потребностью и пусть совершит в своей жизни все то, на что толкает это влечение человека.

Без эротизации отношений между матерью и ребенком - так следует понимать это место - происходит расстройство сексуального развития. Из него, однако, никак не выводится, что детей их матери или другие взрослые должны рассматривать как полноценные сексуальные объекты и соответственно обращаться с ними. Подобная "рихтовка" психоаналитической теории детского сексуального развития педофилами в их собственных, легко угадываемых целях является примером овеществления, которое, помимо всего прочего, следует назвать просто глупым.

Верно, живая сексуальность детей играет при их совращении взрослыми важную роль. На нее опирается педофильный взрослый. Он толкует выражения детской сексуальности в ситуации совращения, однако, на своем собственном языке. Ференци в статье с программным названием "Смешение языков между взрослыми и ребенком. Язык нежности и страсти" описывает совращение как недопонимание, которое случается следующим образом:

Взрослый и ребенок любят друг друга; у ребенка возникает шаловливая фантазия поиграть со взрослым в его маму. Эта игра может принимать и эротические формы, но остается, как и прежде, на уровне нежности. Не так обстоит дело с имеющими патологические наклонности взрослыми ... Они принимают шаловливость детей за желания половозрелого человека или позволяют увлечь себя, не думая о последствиях, в сексуальные акты.

Ференци никоим образом не отрицает эротическую активность детей. Напротив, он описывает их поведение в ситуации совращения как ласковое и соблазняющее. На первый взгляд, его описание соответствует более новой эмпирической литературе, в которой активная роль детей в возникновении педосексуальных контактов подчеркивается вновь и вновь. Но это соответствие - лишь внешнее. Ребенок выглядит ласковым и соблазняющим, верно. Но чего хочет ребенок этим достичь? В чем цель его активности? Он хотел бы, в противоположность утверждениям тех взрослых, для которых ребенок является сексуальным объектом, не совратить их на сексуальный акт.

Несомненно, структурированный педофил ищет близости с детьми не исключительно и даже не в первую очередь в целях удовлетворения влечения. Он ищет близости с детьми, чтобы погрузиться в их мир, который соответствует его собственному внутреннему миру. Он хотел бы жить с "детьми, как ребенок", чтобы свою собственную, ненавистную ему взрослую жизнь сделать как бы несуществующей. Ему на некоторое время удается отринуть возведенный между детьми и взрослыми барьер. В момент, когда ему удается это основанное на иллюзиях отрицание, педофил освобождается от конфликтов, которыми отягощена его собственная взрослость, и от чувства вины, которое, по его собственному опыту, лежит на взрослости вообще. Но в сексуальном контакте с детьми педофил остается взрослым, кем он и является, и воспринимается детьми именно так. По сравнению с детскими гениталиями, он обладает огромным,

взрослым фаллосом, который характерным образом той самой все еще отрицаемой разнице между детьми и взрослыми возвращает ее значение.

Трагизм педосексуалов заключается, таким образом, в том, что они не могут отступить назад, за достигнутую ими организацию их сексуальности. Так как они являются взрослыми, они принуждены интерпретировать проявления детской сексуальности на языке, соответствующем их собственной стадии развития, т.е. на языке страсти. Но так как они выросли (структурированы) особенным образом, им приходится в то же время полагать, что между ними и ребенком царит и в сексуальном плане глубокая гармония. Как только любимый педофилом ребенок усваивает, после вступления в пубертат, сообразный ему самому сексуальный объект и разрывает, как это обычно бывает, сексуальную связь со своим взрослым любовником, тогда и педофил не может не осознать, что между сексуальностью взрослых и сексуальностью детей существуют реальные различия. С крушением иллюзионного непризнания этих различий становится очевидным, что взрослый никогда не был объектом сексуальной потребности ребенка.

Эти теоретические выкладки автора основаны на одном тезисе, который я подчеркнул несколькими абзацами выше: в допубертате ребенок якобы не осознает свой сексуальный объект. Этот тезис вполне может быть доказан или опровергнут эмпирически - опросом взрослых людей на тему организации их влечения в допубертате. Тем не менее автор не ссылается ни на какое исследование, доказывающее этот тезис, а просто постулирует его как несомненную истину. Но, например, мои воспоминания детства этому тезису противоречат. Первая эякуляция у меня случилась в 13 лет, что можно считать признаком достижения пубертата. Но при этом в период от 7 до 11 лет я в разное время был влюблен не менее чем в трех девочек (одна из которых была на 5 лет старше меня). И я имел околосексуальные фантазии о них, хотя эти фантазии и не сопровождалась такими проявлениями как эрекция. Я не склонен считать себя исключением из правила и думаю, что и многие другие допубертатные дети вполне способны осознавать свой объект сексуального влечения. - dodo

7. Заключительное замечание

Ненасильственные педосексуальные контакты и связи не являются, несмотря на выдвинутые выше критические возражения, чем-то монструозным. В них, возможно, во всяком случае при нынешних резко прочерченных границах между детьми и взрослыми, присутствует количественно большая мера структурного насилия, чем в других эротико-сексуальных взаимодействиях или связях. В них предъявляемое к сексуальным отношениям идеальное требование взаимного удовлетворения потребностей, возможно, едва ли осуществимо. В них, быть может, право ребенка-партнера на сексуальное самоопределение постоянно нарушается. В сравнении с реальностью других сексуальностей это, однако, лишь количественные отличия. И в браке право женщины на сексуальное самоопределение нередко нарушается грубым образом. Точно так же в рамках не вызывающих подозрений сексуальных встреч взаимность удовлетворения потребностей достаточно часто не достигается, подчас одним из партнеров вовсе не планируется. Уголовное право, однако, едва ли могло бы быть подходящим средством для удовлетворения такого рода идеальных требований.

Неограниченная криминализация педосексуальности точно так же не является подходящим средством для улучшения внутреннего климата в педосексуальных контактах или связях. Наоборот: наличие в законе уголовных санкций, помимо немало обсуждаемой вторичной виктимизации [детей] на допросах и судебных процессах, вносит в педосексуальные отношения климат, усиливающий свойственные им нестыковки: криминализация в большей мере вынуждает педофила делать своего партнера-ребенка зависимым "конspirатором", чем это делала бы одна только социальная дискриминация педосексуальности. Криминализация еще усиливает чувства вины во взрослом, с которым ребенок себя отождествляет. Бесспорно, это ведет к дополнительным психическим отягощениям у детей, имеющих сексуальные отношения со взрослыми. Это можно было бы терпеть, только если бы статья 176 УК предотвращала педосексуальные контакты или связи в заслуживающем упоминания числе случаев. Все знания, которыми располагает сексология, говорят нам, что последнее в высшей степени маловероятно.

[оригинал статьи с примечаниями и ссылками на другие публикации](#)
перевод с немецкого - [lesh](#)

Порнография и сексуальные преступления в Чешской Республике

[Мильтон Даймонд](#), Эва Йозифкова и Петр Вайс

Автореферат

Порнография продолжает быть вопросом, вызывающим множество споров: на одной их стороне утверждается, что порнография пагубна для общества, в то время как сторонники противоположной точки зрения указывают на то, что она служит источником удовольствия для многих и частью свободы слова. Пришествие Интернета с его легкой доступностью сексуально откровенных материалов в особенности, насколько можно судить, подняло вопросы о его влиянии. Прослеживание эффектов нового закона в Чешской Республике, легализовавшего порнографию в обществе, в котором до того она была под запретом, позволило нам сделать наблюдения относительно изменений в преступности, связанной с сексом, произошедших после указанной перемены. Как было обнаружено и во всех остальных странах, где изучался данный феномен, количество изнасилований и иных сексуальных преступлений не увеличилось. Особый интерес представляет тот факт, что в этой стране, так же как в Дании и в Японии, был продолжительный период, во время которого обладание детской порнографией не было незаконным, и, как и в остальных означенных странах, проявилось значительное снижение частоты сексуальных злоупотреблений детьми.

Введение

Одна из самых спорных сфер [публичного] выражения и свободы слова - та, что связана с представлением сексуальных материй. Разные [идеологические] фракции во многих обществах выражают свои протесты разными способами и в разных направлениях. Некоторые противятся любому графическому или открытому изображению или обсуждению тем, имеющих даже отдаленное отношение к сексу, другие, наоборот, желают положить конец даже малейшим ограничениям на такие изображения. Несомненно, между людьми существуют широкие расхождения в вопросе, что можно считать порнографическим; некоторые даже в популярных журналах, таких как "Плейбой", видят порнографию (Asiaone, 2008). Сторонники крайних взглядов в этих дебатах аргументируют свою позицию тем, что порнография является катализатором, способствующим сексуальным преступлениям и изнасилованиям в особенности. Такие люди придерживаются своего собственного, широкого определения порнографии.

Одними из наиболее видных изложений позиции против порнографии являются работы Dworkin (1981) и MacKinnon & Dworkin (1988). Эти женщины настолько убеждены в негативных эффектах таких материалов, что полагают необходимым строго ограничить их доступность и сделать их нелегальными. С другой стороны, многие женщины благосклонно относятся к сексуально откровенным материалам (далее СОМ) либо, как минимум, выступают против их цензурирования (McElroy, 1997; Newitz, 2002; Strossen, 1995; Tiefer, 1995). Антицензурная и пропорнографическая сторона в этом споре придерживается точки зрения, что порнография является выражением фантазий, дающих удовольствие (Christensen, 1990), служащих средством торможения сексуальной активности (Wolf, 2003) и материалами, которые могут выступать даже в качестве позитивной заместительной деятельности вместо сексуальной агрессии (D'Amato, 2006; Goldstein, Kant, Judd, Rice & Green, 1971).

Стараясь изучить этот вопрос, исследователи часто применяют метод, заключающийся в том, что испытуемых (обычно студентов университетов) подвергают воздействию СОМ, а затем, используя методику письменного тестирования, оценивают их реакции на вопросы, задаваемые так, будто это является отражением их реального поведения (Donnerstein, Linz & Penrod, 1987). Более плодотворный метод, впервые использованный датским исследователем Kutchinsky, заключается в том, чтобы посмотреть, что на самом деле произошло в тех странах, которые перешли от строгого запрета на доступность СОМ к ситуации, при которой они декриминализованы. Используя данные, собранные из разных государственных регистрационных учреждений, Kutchinsky (1991) сравнил релевантное увеличение объема доступных СОМ после либерализации антипорнографического законодательства в Дании, Швеции, Западной Германии и США с данными по сексуальным преступлениям, зарегистрированным в этих странах как до либерализации, так и после нее. Его исследование нашло, что в изученных странах частоты изнасилований, сексуальных нападений и других сексуальных преступлений либо снизились, либо оставались на существенно стабильных уровнях после того, как эротические материалы всех видов стали легко доступны. Ни в одной из этих стран не произошло увеличения ни по одному виду сексуальных преступлений.

Другие страны также стали объектами исследований с целью посмотреть, выдержат ли выводы Kutchinsky проверку отличными друг от друга культурами и традициями. Три исследованных азиатских региона - Япония (Diamond & Uchiyama, 1999), Шанхай в Китае (Diamond, 1999) и Гонконг (Ng & Ma, 2001) с историями и социальными структурами, весьма отличными от исследованных ранее, также продемонстрировали, что имеющиеся государственные данные показывают: в то время как количество и доступность порнографии увеличивались, частоты сексуальных преступлений уменьшались. Повторная оценка ситуации в США (Diamond, 1999) также подтвердила этот паттерн, как и исследования, проведенные в Хорватии (Landripet, Stulhofer & Diamond, 2006) и Финляндии (Diamond & Kontula, 2010).

Настоящая статья сообщает о результатах, полученных в славянской стране - в Чешской Республике, - имеющей свои собственные религиозные и культурные традиции, не похожие на те, что преобладают в любой из исследованных ранее стран. В период коммунистического режима 1948-1989 годов законы и обычаи [в Чехословакии] были крайне пуританскими. Порнография, что бы ни подразумевалось под этим словом, была под абсолютным запретом. Даже изображения обнаженных тел, как и описания сексуальной активности в художественной литературе и журналах, почти полностью отсутствовали. С переходом страны к демократии в 1989 году запрет на порнографию был отменен, и воцарилась сексуальная вседозволенность. В 1990 году доступность и количество владельцев СОМ возросли взрывоподобно. Даже обладание детской порнографией не было уголовным преступлением.

Метод

Объект исследования

Чехословакия была суверенным федеративным государством, образованным в 1918 году и состоявшим из двух отдельных субъектов (республик). 1 января 1993 года федерация мирным путем разделилась на Чешскую Республику и Республику Словакию. До разделения все судебные и полицейские данные хранились для каждой республики в отдельности, и из них формировалась национальная (федеральная) статистика. Для настоящего исследования были использованы только данные, относящиеся к Чешской Республике, к ее населению и преступности как до разделения, так и после него.

Временные отрезки, использованные для исследования, по сути, начинаются в середине 1970-х годов - 15-летний период, когда разнообразные материалы, связанные с сексом, даже издания наподобие журнала "Плейбой", были запрещены. С концом коммунизма и наступлением демократии в ноябре и декабре 1989 года применение законов, относящихся к распространению и доступности порнографии, было значительно ослаблено - так, что даже обладание детской порнографией не было нелегальным. Этот период охватывает 18 лет крупнейших общественно-политических перемен, включая "бархатную революцию" в стране, первые свободные выборы, установление демократического правления на замену коммунизму (1990 год) и мирный "развод" со Словакией. Для нашего исследования были взяты данные по 2007 год включительно.

В Чешской Республике законы, относящиеся к порнографии, несколько туманны. Чешский Уголовный кодекс (принятый в 1961 году, с последующими поправками) оставляет точное определение этих юридических терминов прецедентному праву и судам. В результате явное определение, что есть порнографический материал, в нем отсутствует. В соответствии с чешской судебной практикой, порнографическим произведением может быть любое изделие, которое, непосредственно или с помощью технических средств (например кино-фотопленки, видео, Интернета), затрагивает или стимулирует половой инстинкт весьма сильным или навязчивым образом. По сути, любой "материал, угрожающий нравственности", может быть сочтен чрезмерно "сексуально-натуралистичным" и повлечь за собой уголовное наказание. Статья 205 чешского Уголовного кодекса - главная норма, применимая к распространению порнографии. Основа этого закона существует с 1961 года. На практике данный закон, в сущности, запрещает производство, распространение, перевозку или продажу относящихся к сексу материалов любого рода, которые могут быть сочтены наносящими общественный вред. При коммунистическом режиме этот закон толковался весьма широко. Полиция и суды действовали так, что даже простые обнаженные изображения объявляли общественным злом и назначали за них наказания. Критерии легальности таких материалов не были конкретно оговорены.

Суждения о приемлемости характеристик каждого материала выносили сексологи и психологи, назначенные судьей для проведения экспертизы. В настоящее время, как и в прошлом, особое внимание уделяется изображению/описанию секса с детьми или животными и считающимся каким-либо образом "унижающими человеческое достоинство". Наказание может варьировать в диапазоне от конфискации материалов и штрафа до лишения свободы на срок 2-5 лет.

Сексуальные преступления, как например изнасилование, покушение на изнасилование, сексуальное злоупотребление ребенком, считаются серьезными преступлениями. Связанные с сексом

правонарушения, такие как вуайеризм (подглядывание) и "непристойное обнажение" (экспозиционизм), рассматриваются как менее тяжкие. Министерство внутренних дел ведет отдельный учет данных по всем этим видам сексуального поведения.

До 2000 года только взаимодействия, включающие в себя генитально-генитальный гетеросексуальный контакт, считались изнасилованием или покушением на изнасилование. С 2000 года, однако, изменения в законах позволяют преследовать в уголовном порядке (как преступления той же степени тяжести) и другие виды сексуального насилия, как например случаи принуждения к гомосексуальному, анальному или оральному сношению. Это, таким образом, увеличивает количество случаев, которые потенциально могут регистрироваться как сексуальные преступления.

Измеренные величины

Данные по количеству зарегистрированных сексуальных преступлений были получены из Министерства внутренних дел. Эти данные позволили провести детальный анализ всех видов правонарушений, связанных с сексом. Критические сравнения были сделаны между периодом, когда действовал строгий запрет на порнографию (до ноября 1989 года), и последующим периодом до конца 2007 года. В сущности, это дало возможность сравнить 15-17-летний интервал, на протяжении которого любая порнография была нелегальна, с 18-летним отрезком, в течение которого она была широко доступна. Этот последний отрезок очевидным образом включает в себя нынешнюю эпоху, когда порнографию легко можно найти в Интернете.

Точных и полных цифр количества и типов СОМ, доступных во время исследованного нами периода, найти не удалось. По сути, никакой легально доступной порнографии не было при коммунистическом режиме, и деятельность полиции по ее пресечению была энергична. С переходом к демократии все виды порнографии стали легко доступны. Один из показателей доступности печатной порнографии в исследуемый нами период был получен от РК 62 Inc. - это издатель СОМ, имеющий самую крупную долю данного рынка с момента его возникновения в 1990 году по настоящее время. Их данные, согласно сообщению, полученному нами от директора РК 62, Inc. г-на Павла Кворяка 19 ноября 2009 года, показывают неуклонный и быстрый рост количества печатных экземпляров порнографических журналов, проданных сначала в Чехословакии, а затем в Чешской Республике и Словакии, вместе взятых. Продажи журналов превысили 4 миллиона экземпляров в 1995 году. После разделения Чехословакии в 1993 году в одной только Чешской Республике было продано от 80% до 90% всей продукции РК 62, Inc. Их основной конкурент MP Media продал 30-40% от объема продаж РК 62. После 2000 года стали популярны и коммерчески доступны порнографические компакт-диски. Еще одним показателем доступности порнографии является продолжающееся расширение доступа к Интернету, которое возросло с менее чем 5,8% домохозяйств, подключенных к нему в 2001 году, до 29,9% в 2007 году (по данным Чешского статистического управления). Таким образом, можно с уверенностью полагать, какими бы методами они ни вычислялись, что количество и разнообразие публично доступных СОМ значительно увеличилось с момента перехода к демократии.

В качестве сопоставительных индикаторов социальных перемен, и для сравнения, мы также изучили цифры убийств, криминальных нападений и ограблений, зарегистрированных в соответствующие исследуемые временные отрезки. Что особенно благоприятно для нашего исследования, убийства и нападения чешские полицейские ведомства подразделяют на связанные с сексом (например включающие в себя изнасилование) и не связанные с сексом (например с целью ограбления).

Результаты

Наиболее бросающийся в глаза и наиболее значимый из обнаруженных нами фактов - что количество зарегистрированных случаев сексуального злоупотребления детьми немедленно и резко упало после того, как СОМ были легализованы и стали доступны ($t = 6,7$, $df = 32$, $p < 0,001$) (рис. 1). Частота зарегистрированных случаев сексуального злоупотребления детьми, после первоначального стремительного падения, произошедшего вслед за сменой политического режима в 1989 году, в течение последующих нескольких лет тем не менее подросла, достигнув пиков в 1995 и 1998 годах, но затем снова понизилась, следуя нисходящей тенденции, начавшейся перед демократизацией (рис. 1).

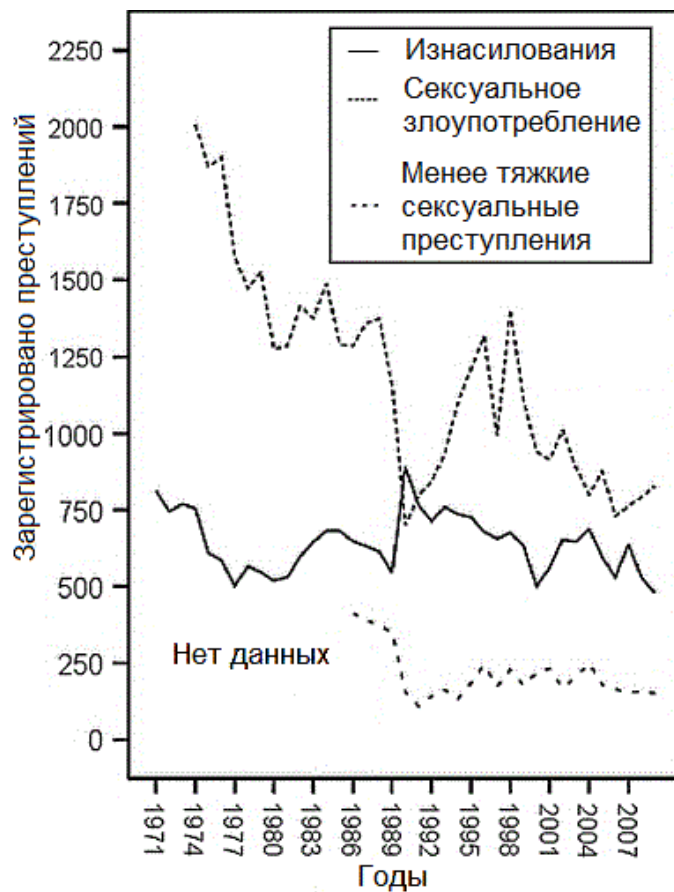

Рис. 1 Количество изнасилований, сексуальных злоупотреблений детьми и менее тяжких сексуальных преступлений (напр. "непристойного обнажения"), зарегистрированных в 1971-2009 годах. До 1986 г. данные о менее тяжких сексуальных преступлениях не сохранялись. Данные о сексуальных злоупотреблениях детьми за 1971-1973 гг. не доступны.

С 1989 года и по настоящее время наблюдается неуклонный рост населения [в Чехии]. Статистический анализ с использованием коэффициента Пирсона r для соотношения между численностью лиц мужского пола в возрасте от 15 до 64 лет в населении и случаев сексуального злоупотребления детьми выдал отрицательную корреляцию $-0,78$ ($p = 0,001$).

Зарегистрированные случаи изнасилования, хотя и подскочили на короткое время после перехода к демократии и позволения доступности порнографии, тем не менее затем вернулись к своей частоте, наблюдавшейся в период коммунизма: от 500 до 750 случаев в год. Если брать весь период после 1989 года, то количество зарегистрированных изнасилований не увеличилось после легализации СОМ ($t = -1,3$, $df = 35$). Эта стабильность сохранялась несмотря на значительный рост мужского населения в возрасте от 15 до 64 лет с 3.225.960 в 1971 году до 3.726.148 в 2007 году (коэффициент Пирсона $r = 0,98$, $p < 0,01$, $n = 37$). Статистический анализ не показал никакой корреляции между численностью мужчин в населении и зарегистрированными случаями изнасилования (коэффициент Пирсона $r = -0,06$).

Так называемые менее тяжкие сексуальные преступления - "непристойное обнажение", вуайеризм и т.п. - также значительно снизились после легализации СОМ ($t = 9,57$, $df = 20$, $p = 0,001$) (рис. 1). По сравнению с нашими результатами по упомянутым сексуальным преступлениям после демократизации и легализации порнографии количество преступлений против общества, таких как умышленное убийство общего рода, нападение и ограбление, значительно выросло. Убийства, сопряженные с ограблением или другими несексуальными мотивами, резко подскочили ($t = -6,8$, $df = 20$, $p < 0,001$) (рис. 2). Убийства на сексуальной почве - которых в любые времена не много - не увеличились ($t = -0,3$, $df = 23$, $p = 0,77$) (рис. 2). Количество зарегистрированных преступлений, связанных с сексом, значительно снизилось в период после упомянутых перемен по сравнению с периодом до них ($t = 5,3$, $df = 32$, $p < 0,001$), в то время как количество зарегистрированных несексуальных преступлений значительно увеличилось ($t = -19,72$, $df = 35$, $p < 0,001$) (рис. 3).

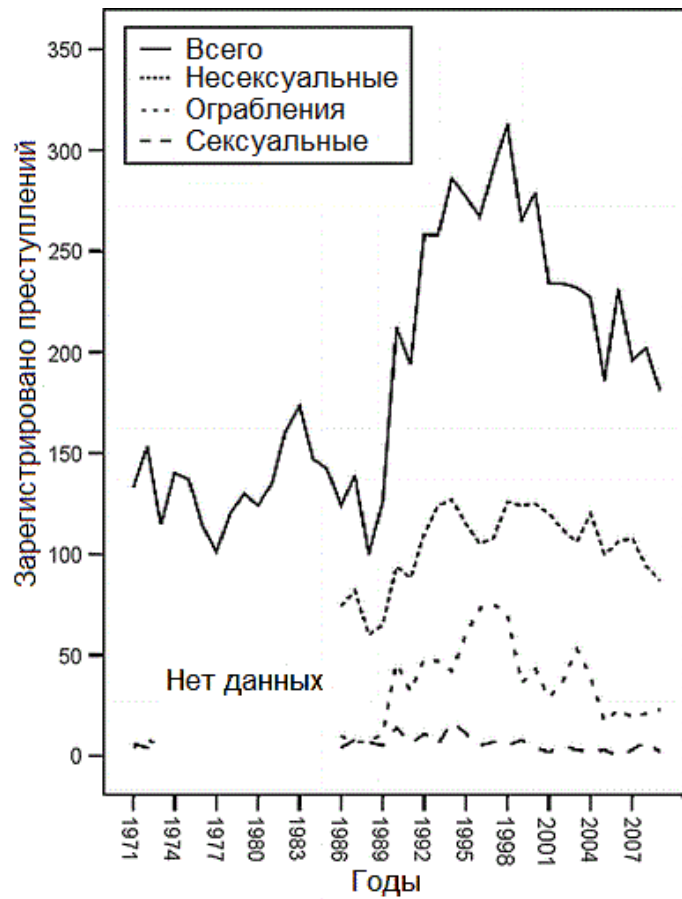

Рис. 2 Количество зарегистрированных убийств на сексуальной почве, убийств, сопряженных с ограблением, и убийств по несексуальным мотивам в 1971-2009 гг. Данные за промежуток между 1971/1974 и 1985 годами не доступны.

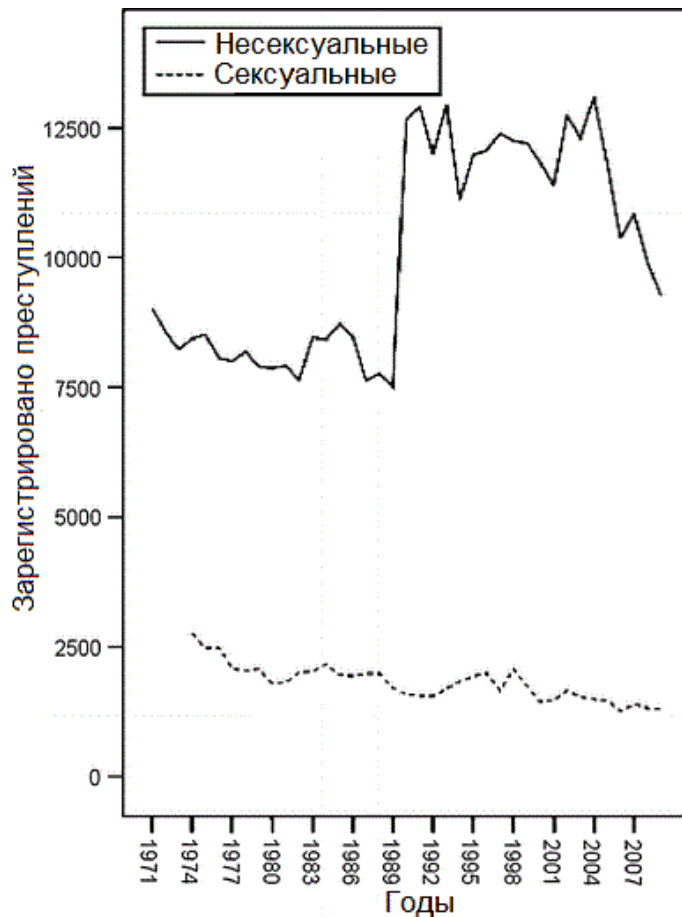

Рис. 3 Количество зарегистрированных сексуальных (изнасилование, сексуальное злоупотребление ребенком) и несексуальных преступлений (умышленное нанесение побоев и ограбление) в 1971-2009 гг.

Обсуждение

Самым очевидным и значимым результатом является то, что с 1989 года, с переходом от прежнего политического режима с его тотальным запретом на СОМ и всё, что могло быть сочтено порнографическим, к нынешнему режиму и широкой доступности СОМ в разных средствах коммуникации от печатных изданий до фильмов, компакт-дисков и Интернета, частотность регистрируемых преступлений, связанных с сексом, не увеличилась. Вероятно, критичнее всего, что сексуальное злоупотребление детьми, несмотря на его краткий всплеск до уровня, предшествовавшего переходу к демократии, продолжило свое движение вниз, которое началось, по неизвестным причинам, в начале 1970-х годов. Менее тяжкие преступления сексуального характера - "подглядывание" и "непристойное обнажение" - также значительно упали и, достигнув низкого уровня, по-видимому, стабилизировались на нем. Это является интересным фактом, поскольку сексуальное злоупотребление детьми и так называемые "бесконтактные" сексуальные преступления считаются наиболее упорно сопротивляющимися факторам перемен (Marshall, 2005).

В то же время количество зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование, после немедленного, но краткого подъема, последовавшего за освобождением от коммунизма и воцарением доступности СОМ, вернулось на свой дореволюционный уровень (имеется в виду "бархатная революция" 1989 года - прим. перев.). Это произошло несмотря на значительный рост мужского (и женского) населения.

Что интересно, как минимум в первые 4 года после того, как стала доступна порнография и сменился политический режим, мало что свидетельствует о том, что взгляды общества, относящегося к СОМ большей частью негативно, претерпели какие-либо серьезные изменения. Weiss (2002) и Weiss & Zverina (2003) опросили чешских мужчин и женщин в 1993, 1998 и 2003 годах относительно их взглядов на приемлемость порнографии. Во всех трех опросах мужчины проявили себя как более либеральные в этом вопросе, чем женщины. Тем не менее их результаты показали, что как среди мужчин, так и среди женщин общественное одобрение порнографических материалов в основном не изменилось; примерно у 50% как мужчин, так и женщин сохранились сомнения относительно приемлемости порнографии несмотря на крутую смену исторических обстоятельств. Единственное значимое различие между полами было в том, что во всех трех опросах больше мужчин (примерно 30%) высказали мысль, что СОМ должны быть доступны без ограничений, в то время как среди женщин таких было примерно вдвое меньше. В опросе 2003 года 26% женщин высказались за запрещение порнографии и всего 9% мужчин.

Можно сказать и так, что, в то время как социальный консерватизм упорствовал, личные ценности изменились. Об этом, по всей видимости, свидетельствуют результаты исследования девушек-подростков в возрасте от 16 до 18 лет и их полового поведения. В период с 1986 по 1989 год на вопрос "Что побудило вас совершить первое половое сношение?" их самый частый ответ был "Чувствовала себя обязанной моему партнеру". К 1994 году этот ответ стал звучать значительно реже, а на смену ему пришел новый ответ: "Желала этого сама" (Raboch, Raboch, & Sindlar, 1996).

Что важно, эти перемены произошли в почти двадцатилетний период - с 1989 по 2007 год, на протяжении которого обладание детской порнографией не было запрещено законом. В то же время, можно сказать, общество менялось в отрицательную сторону, если мерить это ростом грабежей, убийств не по личным мотивам и других видов общей преступности. И, опять-таки по контрасту, количество умышленных убийств по сексуальным мотивам, как и вообще умерщвлений, каким-либо образом связанных с сексом, не увеличилось. Таким образом, широкий рост доступности порнографии с 1989 года, судя по всему, не оказал никакого заметного негативного социального эффекта, если измерять его любым увеличением зарегистрированных сексуальных преступлений.

Хотя частоты зарегистрированных изнасилований и нападений, связанных с сексом, не увеличились, есть признаки того, что расставшись с коммунизмом, чешское общество стало более чувствительным в отношении изнасилования и преступлений, связанных с сексом. До революции все связанное с сексом было скрытым и публично не обсуждалось. После революции проблемы в этой сфере стали открыто обсуждаться и решаться. Появились организации для поддержки жертв и общего просвещения населения в вопросах, относящихся к сексу (напр.: <http://www.linkabezpeci.cz>; <http://profem.cz>; <http://www.stopnasili.cz>; <http://www.centrumelektra.cz>), после революции они получили широкое признание. Все больше специальных отрядов полиции проходили обучение с целью сделать их более способными коммуницировать с потерпевшими и относиться с пониманием к их проблемам (Vonkova & Hunkova, 2004). Такая деятельность постулировалась как соответствующая новому периоду демократии (см. <http://www.bkb.cz/>).

Высказываются предположения, что весьма вероятно, что ложные обвинения могут как минимум частично объяснить увеличение количества зарегистрированных "преступлений сексуального злоупотребления" после смены политического режима в 1989 году. Они, по-видимому, связаны с

увеличением количества разводов и других индикаторов социального разлада. Mala, Raboch & Sovak (1995) обнаружили увеличившуюся после революции склонность консультантов по семейным тяжбам обвинять партнеров в сексуальных преступлениях. Эти исследователи высказывают предположение, что до 55% обвинений в сексуальном злоупотреблении детьми были ложными, когда они делались во время тяжб из-за раздела имущества или опеки над детьми. Количество разводов значительно увеличилось после антикоммунистической революции ($t = -4,3$, $df = 35$, $p < 0,001$; данные предоставлены Чешским статистическим управлением).

Резкий "подскок" изнасилований после коренной политической революции также может быть феноменом, примечательно связанным с резкими общественными переменами или потрясениями. Как и во время войн, частота изнасилований увеличивается, когда насильники считают, что хаос скроет инцидент, а у властей есть другие приоритеты, требующие их внимания к себе (Thornhill & Palmer, 2000). Мы полагаем, что тот беспорядок, который сопровождал политическую революцию, мог поощрить некоторых к такой временной стратегии.

Поразительный взлет частоты сексуального злоупотребления детьми, отраженный на графике для второй половины 1990-х годов, согласно примечаниям и записям в Ежегоднике Министерства внутренних дел, по-видимому, не имеет отношения к тем его видам, которые регистрировались до и после него. Считается, что они более точно отражают скоординированные усилия правительства, которые были реакцией на рост детской проституции и приток сутенеров, их проституток и клиентов из-за рубежа, после того как страна перешла к капитализму. Этот феномен, по-видимому, был вызван новой экономической ситуацией и попыткой общества с ней справиться. Как только всплеск детской проституции был "сбит", нисходящая тенденция в общем количестве зарегистрированных случаев сексуального злоупотребления детьми продолжилась.

Kendall (статья готовится к печати) провел углубленный анализ возможных взаимоотношений между обществом, порнографией, изнасилованиями и Интернетом для штата Калифорния. Kendall нашел, что пришествие Интернета, хотя и, судя по всему, не повлияло на другие виды преступлений, было связано со снижением частоты изнасилований. Проверив результаты на влияние объема потребляемой порнографии, семейного положения потребителя, размеров города, в котором могут жить потенциальные насильники, возможного экономического статуса и других социальных и демографических черт, Kendall пришел к выводу, что "потенциальные насильники воспринимают порнографию как замену изнасилованию ... порнография служит дополнением к мастурбации или сексу по согласию, которые сами являются заменой изнасилованию, что делает порнографию нетто-заменой изнасилованию". Этот вывод перекликается с более ранними результатами, полученными Goldstein et al. (1971). Эти исследователи, проведя обширные собеседования и опросы с насильниками, педофилами и другими, а также с контрольными группами лиц без предыстории сексуальных преступлений о потреблении ими порнографии, нашли, что сексуальные преступники и сексуально девиантные группы не только имеют меньше опыта с порнографией, но и, когда все-таки сталкиваются с ней, сообщают о большей частоте мастурбации как реакции на эротические материалы, чем наблюдается в контрольных группах. Далее они делают вывод, что "эротические материалы играют гораздо более значительную роль в вызывании мастурбаторной реакции у их потребителей по сравнению с контрольными группами, чем в побуждении их к сексуальным отношениям".

Замечательно и то, что количество парафилий (например "непристойного обнажения") значительно снизилось после появления легко доступных СОМ. Обычно такая активность считается относительно неподатливой для изменения. Здесь опять-таки мы полагаем, что потенциальные нарушения были предотвращены простым приемом - мастурбацией. Мы считаем, что наши выводы поддерживают гипотезу заместительной функции мастурбации для потенциальных сексуальных нарушителей.

Вопросы и конфликты, окружающие детскую порнографию и сексуальное злоупотребление детьми, - вероятно, одни из самых спорных в сфере сексуальных проблем и преступлений. В этом отношении мы считаем поучительными наши результаты по Чешской Республике, вторящие тем, что были получены в Дании (Kutchinsky, 1973) и Японии (Diamond & Uchiyama, 1999), суть которых в том, что там, где так называемая детская порнография была доступна легко и без ограничений, частотность сексуальных злоупотреблений детьми была ниже, чем когда доступ к ней был ограничен. Как и в случае взрослой порнографии, которая, судя по всему, служит заменой сексуальной агрессии везде, где ее влияние было изучено, мы полагаем, что доступность детской порнографии оказывает аналогичный эффект. Особенно убедительным это выглядит, если учесть результаты исследования Weiss (2002), согласно которым в значительной части случаев сексуального злоупотребления детьми оно произошло, судя по всему, не вследствие педофильного интереса нарушителя, а потому, что ребенок был использован как заместительный объект.

Мы не одобряем использование реальных детей в производстве или распространении детской порнографии, но искусственно произведенные материалы могли бы сослужить службу. А в нынешней ситуации, когда даже для научных исследований такие материалы запрещены всем, кроме полицейских

ведомств, исследования ситуаций в реальной жизни, подобные нашему, являются единственным способом приблизиться к пониманию этого явления. К сожалению, у нас нет данных о распределении виновных и жертв сексуальных злоупотреблений по возрастам. С новым законом Чешской Республики против детской порнографии, тем не менее, анализ данных за ближайшие 5-10 лет мог бы показать, коррелирует ли этот новый запрет на детскую порнографию с увеличением или снижением сексуальных преступлений против детей, или же он не имеет никакого заметного эффекта.

Важно отметить выводы, к которым недавно пришли швейцарские исследователи: что просмотр детской порнографии, судя по всему, не является фактором риска в смысле будущих сексуальных преступлений (Endrass et al., 2009). Эти исследователи сопоставили процент рецидива у лиц, совершивших "контактные" сексуальные преступления против детей, с теми, кто виновен лишь в просмотре порнографии, и заключили:

Потребление детской порнографии само по себе не является фактором риска для совершения контактных сексуальных преступлений. ... Большинство исследованных [нами] потребителей не имеют прежних судимостей за контактные сексуальные преступления. Для этих правонарушителей прогноз совершения ими контактных сексуальных преступлений, как и рецидива с детской порнографией, является благоприятным.

перевод с английского: [lesh](#)
[оригинал статьи на Springerlink](#)
[полный текст](#)

О травмах и мифах

Слегка (на 3 малозначащих абзаца) сокращенный перевод [рецензии \(отзыва\)](#) Ричарда Грина на "сенсационную" книгу Сьюзан Клэнси (Susan Clancy) "[The Trauma Myth](#)" ("Миф о травме"). Сначала (чтобы понять, кто автор рецензии) см. <http://lj.rossia.org/users/leshsh/5724.html>

Он, кстати, и педофилию требует исключить из DSM.

Газетные заголовки, пресс-коммюнике и название самой книги трубят об одном: большинство детей, переживающих сексуальные контакты со взрослыми, не травмируются в момент самого контакта. Сенсационная новость? О нетравматичности детско-взрослых сексуальных контактов уже докладывали члены Международной ассоциации сексологических исследований Gagnon (1965), Sandfort (1984), Okami (1991) и Rind (Rind, Tromovitch, & Bauserman, 1998). Клэнси преподносит эту "новость" аршинными заглавными буквами, напечатанными жирным курсивным шрифтом.

Тем не менее Клэнси неоднократно напоминает нам, каким злодейством является этот нетравматичный (в момент переживания) опыт. Эта моральная мантра идентифицируется как катализатор последующей травмы: "Неправильным его делает сам акт сексуального злоупотребления, а не вред, который он причиняет" (стр. 185), "этот акт по своему существу мерзок" (стр. 186), "почему сексуальное злоупотребление травмирует своих жертв, вероятно, имеет очень мало отношения к самому злоупотреблению, но очень много отношения к тому, что происходит вследствие него" (стр. 113) и "сексуальное злоупотребление - это крайне аморально, безотносительно к тому, какие последствия оно имеет для жертвы" (стр. 185) и т.д.

Таким образом, именно эта аура зла во взрослом мире энергизирует социальную конструкцию травмы, которая прирастает к опыту, не бывшему травматичным. Контакт трансформируется в злоупотребление. Это посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) без "Т".

Клэнси делает основной упор на то, как понимание этого должно формировать методы терапии, применяемой к травмированным взрослым. Но способствует ли Клэнси, донося до широкой публики миф о травме и в то же время повторяя моральную мантру, решению проблемы или же самой проблеме? Не стоит ли посмотреть на ее вывод как на аргумент в пользу понижения градуса общественного осуждения, с тем чтобы уменьшить эту отложенную травму? Если бы непедофильные взрослые не возбуждались так сильно по поводу тех взросло-детских сексуальных контактов, которые не являются агрессивными/насильственными, как это имеет место в случае неагрессивной/ненасильственной сексуальности между взрослыми, не уменьшило бы это неродившуюся травму?

Не осуждать взросло-детский секс не означает одобрять его. Но он существует с незапамятных времен. И он никуда не денется, какой бы кодовый номер ни присвоили ему в DSM-5 и к каким бы тюремным срокам за него ни приговаривали. Как бесстрастно замечает сама Клэнси: "У растений всегда есть возможность найти способы, как запятнать жизнь детей малых".

Чтобы осуществить социальную переоценку некоторых детско-взрослых сексуализированных контактов, родителям не надо регистрировать своих детей на сайте NAMBLA (Американской ассоциации любви между мужчинами и мальчиками) в США или отправлять в летний лагерь Христианских братьев в Ирландии. Но если родителям становится известно о взаимодействии, которого сам ребенок не желает, они могут вмешаться, чтобы прекратить его, а если это не помогает, существуют законы против нежеланного преследования. В настоящее время такие законы применяются к взаимодействию между взрослыми, как например законы об "упорных преследователях" (stalker laws) или законы о sexual harassment, с судебными приказами о запрете на общение (restraining orders) и тюрьмой в случае их неисполнения. Если налицо агрессивное/насильственное поведение, есть законы, аналогичные законам об агрессивном/насильственном сексуальном поведении между взрослыми.

Конечно, существует неравенство сил/авторитета между взрослыми и детьми. Дети вовлекаются во многие занятия, продвигаемые взрослыми: пассивное курение, телесные наказания, посещение религиозных иудейских и христианских воскресных школ, укладывание спать вовремя, вегетарианство. Почему секс должен быть столь отличен?

Не приведет ли эта гипотетическая социальная переоценка к увеличению частоты детско-взрослых сексуализированных контактов? Возможно. Но если изменение отношения общества в сторону терпимости по отношению к неагрессивным контактам удвоит частоту таких контактов, которые в

результате станут обычно нетравматичными как в детстве, так и в последующей жизни, не должны ли мы предпочесть это вдвое меньшей частоте, при которой большинство детей впоследствии подвергаются травме?

Карательной системе также не мешало бы подумать о том, служит ли суровость наказаний, предусмотренных за сексуальный контакт с ребенком, обязательно благо ребенка. Если обвинительный вердикт за сексуальный контакт с ребенком может повлечь за собой десятки лет тюрьмы, не является ли это стимулом к тому, чтобы убрать свидетеля, при том что наказание за второе не намного страшнее наказания за первое? За генитальную ласку ребенка могут дать значительно больший тюремный срок, чем за избивание ребенка по всему его остальному телу.

<...>

Так что же мы видим здесь - в этой книге и в этой рецензии? Зрячие читатели "увидят" разные части детско-взрослого сексуального слона. Те, кто заинтересован в "непосредственности" травмы, которая представлена здесь как миф, могут прийти в ярость по политическим, моральным или религиозным причинам. Кроме того, они могут "увидеть" угрозу своим средствам к существованию, которые им дает терапевтическая практика, проводимая с такими детьми. Многие, читающие слова Клэнси, которые не подчеркивают, что ребенку причиняется прямой вред, ошибочно "увидят" ее доклад как пропедофильский. Родители, которые, как я предположил, могли бы осуществить культурное репозиционирование по вопросу некоторой части взросло-детской сексуальности, репозиционирование, которое я "вижу" как потенциально спасительное для детей, могут скандировать моральную мантру и заглушать меня криками. Они "увидят" в моей позиции потворство нарушению доверия ребенка, также как и неприкосновенности его тела. Если это культурное репозиционирование воплотится в реальность, некоторые психотерапевты, финансово выживающие путем лечения взрослых, "выживших" после "злоупотребления", "увидят" себя получающими очередной удар, после того как они уже потеряли практику "восстановленных воспоминаний". А педофилы могут "увидеть" меня как почетного члена NAMBLA. Описать слона - задача трудная не только для слепых.

Источник: http://lj.rossia.org/community/pedofil_ru/55129.html

Сексу - да!

Отрывок из книги Александра Никонова ["Апгрейд обезьяны"](#).

Глава 20. Сексу – бой!

Внимательный товарищ может спросить автора: как же так, если мы – самое сексуальное животное, то почему обществом так сильно третируется и подавляется сексуальность?

Верно. Пять баллов за наблюдательность. Подавляется! Точнее, очень сильно регулируется. Как и многое другое животное в нас.

Сакраментальное «дети до шестнадцати не допускаются»... Требование прикрывать органы размножения даже в жару и даже на пляже (если не принимать в расчет нудистские пляжи, которые составляют от обычных менее 1%)... Жесткие ограничения на публичную демонстрацию копулятивных актов между людьми (т.н. порнография)... А также многое, многое другое – настолько привычное, что как ограничение сексуальности даже не воспринимается. Например, бритье бород и усов... Эта «мода» когда-то пошла из Европы, которая была в авангарде прогресса, и теперь бритье принято практически во всем цивилизованном мире. Можно сказать, что цивилизованность коррелирует с бритьем лица у мужчин и подмышек у женщин. Между тем растительность на лице мужчины – признак его половой зрелости. Точно также как и волосы в подмышечной впадине. Мужчины же не бреют подмышки только потому, что не так часто, как женщины, демонстрируют их в высшем свете.

Америка – суперпрогрессивная в техническом смысле страна. Передовой рубеж цивилизации. И именно там радикальные феминистки одеваются нарочито асексуально, порой даже небрежно, воинственно отрицая свою половую принадлежность.

Кстати, об одежде... В некоторых регионах планеты женщины носят паранджу, чтобы лишний раз не возбуждать мужчин. Впрочем, и в Европе одно время были в моде вуали...

Если снять на видеокамеру сверху улицу любого крупного города, а потом прокрутить с большой скоростью и внимательно просмотреть, будет заметно, какое огромное количество суетливых движений предпринимают люди, чтобы ненароком не коснуться другого человека в толпе. Причем делают они это автоматически, не замечая, настолько сильно сидит у нас в подкорке: телесный контакт с незнакомыми особями недопустим! Это тоже борьба с сексуальностью.

А запах!.. Как мы боремся с тем, что в животном мире так сильно привлекает самца к самке, – с запахом! Целая парфюмерная индустрия работает на то, чтобы заглушить естественные запахи пота и мускусных желез при помощи духов, дезодорантов, одеколонов. Частое принятие душа тоже вызвано не только гигиеническими причинами, убийство запаха – вот цель. Потому что естественный запах тела – природный сексуальный сигнал... Мы так преуспели в этой противоестественной борьбе, что у нашего вида произошла даже поведенческая инверсия – сегодня запах невымытого тела лишь у редких особей вызовет возбуждение, для большинства же это сигнал однозначно асексуальный. А неестественные запахи духов, напротив, – сигнал сексуально привлекательный. За что боролись, на то и напоролись...

Почему самый сексуальный зверь на планете борется со своей сексуальностью?.. Почему животное, которое природа одарила сексуальной мимикрией, разместив «копии» сексуально-возбуждающих мест в удобных для обозрения местах, так старательно и противоречиво (если вспомнить губную помаду) на протяжении тысяч лет эти самые сексуальные признаки прячет?

По той же причине, по которой цивилизация при помощи морали регулирует насилие – чтобы не развалился социум, захлебнувшись в крови. Не будем забывать, что сексуальность – родная сестра насилия: половой гормон тестостерон – гормон агрессивности.

(Не правдоподобное объяснение – ведь многим другим социальным животным не приходится так себя ограничивать и их социум никак не разваливается от этого. – dodo)

Кроме того, в формирование асексуальной морали вмешалась социальность. Точнее, экономика. А также разные исторические случайности.

С экономикой ясно. Если моя самка постоянно сексуально сигнализирует чужим самцам о своей готовности к коитусу, то это может кончиться половым актом. Сексуальная провокация повышает вероятность случки. А это грозит беременностью и появлением чужих детей, которых потом придется бросать с Тарпейской скалы... И ладно бы только бросать со скалы! Главное – как отличить своих от

чужих? Кому оставить наследство – стада, землю?.. А вдруг это не мой ребенок?.. Нет, лучше уж, от греха подальше, ограничить сексуальную сигнализацию.

И ограничивали. Ссылались на Бога, который-де запретил прелюбодеяние... Но жизнь все равно брала свое. Животность брала свое. Социальные устои требовали моногамии. А животность требовала моногамии с периодическими изменами. И измены эти случались сплошь и рядом даже в христианской Европе. Для перегретого пара сексуальности культурой был даже придуман специальный предохранительный клапан – карнавалы.

Европейский карнавал – то же самое, что древнеримская сатурналия. А древнеримская сатурналия – все равно что древнегреческая вакханалия. То есть собираются люди, принимают наркотики (чтобы снять моральные тормоза и для пущего веселья) и начинаются сексуальные оргии без всяких ограничений. Подобные мероприятия до сих пор практикуются в некоторых небольших религиозных течениях, в том числе христианского толка. Раз в год сектанты встречаются и... В светском мире эту же роль исполняют клубы свингеров. Ну, а те, кто не сектант и не свингер, просто периодически по-тихому изменяют своему супругу. А в Латинской Америке на карнавалах сексуальные эксцессы происходят до сих пор.

Так вот, карнавалы в средневековой Европе были настолько в порядке вещей, считались настолько естественными, что даже не осуждались церковью. Я сказал «даже не осуждались»?.. Ошибка! Практически поощрялись! Не верите? Тогда съездите в Париж, зайдите во Французскую национальную библиотеку.

Итак, Французская Национальная библиотека. Место хранения №166. Библия XVI века. Снимаем с полки. Открываем. И что видим? Гравюры. Картинки, которые сегодня мы назвали бы порнографией и по законодательству большинства стран допустили к распространению лишь в ограниченных местах.

Групповые сексуальные оргии... Зоофилия... Педерастия... Лесбийская любовь... Обычный секс... Ангелы и херувимы, занятые групповым сексом. Библия с порноиллюстрациями – как вам такое? А тогда считалось нормальным. Ничего предосудительного, подумаешь, книжка с картинками, самая обычная. Каких много... Христианство, формально проповедуя «не прелюбодействуй», на деле относилось к сексуальной свободе прихожан более чем терпимо. Святые отцы и сами были не прочь погудеть.

Можно ли представить себе Папу римского как главного алкоголика и греховодника? Нет. Сегодняшнего нельзя. А вот папы прошлого давали жару. Ниже я приведу некоторые деяния святых отцов, чтобы по ним вы смогли судить о нравах, царивших тогда в Европе. Если уж папы такое себе позволяли, можно представить, что творил простой люд.

Итак... Папа Иннокентий I (401–417) утешался малолетними девочками, а папа Сикст III (432–440) услаждал плоть исключительно зрелыми монашенками.

Папа Иоанн XII (955–963) превратил Петрову церковь в вертеп, и длилось это до тех пор, пока супруг одной из жен, папой обесчещенных, сгоряча не пришиб понтифика. Заколот папу римского прямо на своей жене!

Папа Гонорий II до того, как стать импотентом, имел бессчетное число связей с женщинами, мужчинами и даже домашней скотиной. Потом, поневоле обретя целомудрие, Гонорий обрек на воздержание всех вокруг себя. Он предписал священникам и своим слугам отныне пребывать в беспорочности, причем повеление закрепил декретом. А своего помощника, кардинала Крэма, он послал в 1126 году в Англию, дабы там, волею папы, изгонять похоть и блуд.

(Кстати, этот самый Крэм по прибытии в Лондон первым делом поспешил в один из лондонских публичных домов, где начал лично бороться с пороком собственным членом. При этом так напился, что заснул на очередной девке, не расплатившись. Жители туманного острова, узнав о сем происшествии, долго и шумно смеялись.)

Были, впрочем, в череде пап и люди иного толка. Вот, например, славный Целестин V (1294), основатель монашеского ордена. Никогда не касался он тела женщины и в знак смирения своего перед Господом ездил на ослике. Своим кардиналам Целестин повелел отослать в отдаленные монастыри всех их многочисленных «утешительниц». Самим же кардиналам отныне повелел жить в целомудрии. Ясный пень, долго этот беспредел продолжаться не мог. Сановники в митрах терпели этого праведника всего 19 недель. Потом убили, не в силах вынести пытки воздержанием – заперли папу римского в подземелье и уморили голодом.

Бенедикт VIII (1012–1024) был обременен обильным потомством, ибо немало монахинь успело полежать с ним на ложе, да и двух своих юных племянниц он сексом не обделял.

Папа Павел II (1464–1471) был садистом. Дабы возбудить страсть, он любил смотреть, как пытками терзают нагие тела мужчин, после чего предавался утехам любви с мальчишками. И умер он, как написано в анналах, «во час соития с мужчиной».

Папа Иннокентий VIII (1484–1492) – отец восьмерых дочерей, с которыми тоже, кстати, имел интимные отношения... Как и папа Юлий III (1550–1555), имевший интимные связи с двумя своими сынами, которым в благодарность за любовь в возрасте 15 лет присвоил сан кардиналов.

При папе Александре VI (1492–1503) теократическое правление выродилось в неприкрытую власть порнократов. Никто доселе не предавался оргиям с таким неистовством, как этот первослужитель Господа. Каждую ночь по его приказанию в папский дворец привозили 25 самых красивых девок из публичных домов Рима. Но девками папа не ограничивался, он занимался сексом и со своей дочерью Лукрецией, с ее матерью, и бабушкой... Прелесть, что за люди!

Но что же случилось потом? Наш сегодняшний мир совершенно не похож на средневековый в плане допустимости разных сексуальных проявлений! Отчего завернулись гайки? Ведь должна же быть какая-то очень веская причина, чтобы так обуздать самого похотливого зверя на планете, загнать его в жесткие сексуальные рамки.

Такая причина, конечно, была. Имя ей – Христофор Колумб. В 1492 году этим замечательным неугомонным генуэзцем была открыта Америка. Конкистадоры подарили индейцам смертельную оспу, а взамен получили сифилис, который через несколько десятков лет начал косить Европу.

При тех вольных сексуальных нравах, что царили тогда в Европе, сифилис побежал по ней, словно огонь по сухой стерне. Сифилис тогда лечить не умели, болезнь была смертельной. Это был СПИД XVI века. Люэс, естественно, тут же был объявлен наказанием Божиим за людские грехи. Ужас охватил Европу.

Заниматься сексом с малознакомыми партнерами стало смертельно опасно. Тут же начали формироваться новые нормативы поведения. Речь-то шла о жизни и смерти! Поэтому нормативы оказались столь жесткими. Естественно, новые нормативы впервые были формализованы людьми грамотными, то есть церковниками. Причем мы можем даже назвать формальную дату декларации новой этики – протестантской. Это случилось в 1517 году, когда Мартин Лютер прибил свои знаменитые 95 тезисов на дверь Виттенбергской церкви. Лютер осуждал греховные нравы католической церкви, в 1521 году он был отлучен от церкви и возглавил Реформацию.

Новая мораль призывала к аскезе, сдержанности в половой сфере, призывала больше времени уделять не пьянкам, бабам и развлечениям, от которых в конце концов нос проваливается, а труду, новая мораль боролась за сохранность семейных устоев и секс исключительно с супругом. На самом деле эта была даже не мораль, а элементарная гигиена в условиях неизлечимого сифилиса и практически полного отсутствия презервативов. Так гигиена стала моралью.

Макс Вебер в книгах «Протестантская этика и дух капитализма» и «Протестантские секты и дух капитализма» писал, что именно строгая протестантская этика, призывающая к труду и чистоте нравов, стала основой современного капитализма. Упорный труд, минимум развлечений, накопление, накопление, вкладывание накопленного в дальнейшее производство, самоограничение, начатое с самого главного ограничения для нашего похотливого вида – сексуального...

Мораль и капитализм – порождение сифилиса.

Глава 21. Сексу – да!

Именно сифилису мы обязаны той жесткостью, с которой современная цивилизация относится к проявлениям сексуальности. Сифилис лечить давно научились. А бессмысленные запреты остались... Впрочем, учитывая СПИД, вовсе бессмысленными эти запреты называть нельзя. А учитывая презервативы, которые предохраняют от СПИДа, – можно. Так что решайте для себя сами, хотите ли вы тратить душевные силы на поддержание в своей голове общественных сексуальных предрассудков или смело отправитесь с женой в клуб свингеров. Человеку разумному предрассудки не нужны: у него есть техника безопасности.

Жесткость же сексуальных ограничений в отношении подрастающего поколения объясняется и другими причинами, не только сифилисом в анамнезе цивилизации. Как уже было сказано, половая зрелость у инфантильной обезьяны (человека) наступает раньше, чем заканчивается рост мозга. То есть копулировать Ромео и Джульетта уже могут, но ни психологически, ни уж тем более социально подростки к длительным социальным отношениям (браку) не готовы. Это раньше отдавали замуж в 14 лет, когда не было университетов и профессий, на которые нужно учиться десятилетиями, когда структура общества была гораздо проще, чем сейчас. А у современных подростков в 14 лет процесс обучения еще в самом

разгаре. И возможный брак прервет этот процесс, обесмыслив начатое и сбросив молодую брачную пару на самые низы социальной лестницы. Родители этого не хотят. Поэтому сексуальность подростков так пугает «предков».

Но поскольку от пуганий сексуальность никуда не девается, она так или иначе находит выход, оборачиваясь более ранним началом половой жизни. По данным американских социологов нынешнее подрастающее поколение не только чаще пользуется презервативами, чем их родители, но и практикует более безопасные (с точки зрения нежелательной беременности) виды секса – петтинг и оральные ласки. Коитус у нового поколения уступает место оральному сексу. Причем, что любопытно, оральный секс сами подростки сексом не считают и «идут на него легко и без всякой эмоциональной вовлеченности», отмечают специалисты. Опыт орального секса имели треть 15–17-летних и две трети 18–24-летних девушек в Америке. Иницируют его обычно сами девочки, которые решают, с кем и когда этим заниматься. Никаких взаимных моральных обязательств вроде верности это не предполагает, мальчики и девочки просто снимают таким образом сексуальное напряжение. Опросы общественного мнения демонстрируют также рост терпимости к проституции.

И это все естественные процессы. Дело в том, что общая неминуемая демократизация социальных систем делает допустимым сегодня то, что по причинам «аморальности» было совершенно немислимо вчера. В частности, более легкое отношение к сексу. Сексолог и социолог Кон приводит интересные данные ВЦИОМ. Двум группам людей – от 20 до 30 лет и от 31 до 45 лет задавали разные вопросы. В частности, «как вы относитесь к добрачным сексуальным связям?» Восемьдесят три процента ответили, что не видят в этом ничего плохого. То есть современное общество не находит здесь никаких проблем. Раньше, во времена более патриархальные, ситуация была иной... Второй вопрос: «В каком возрасте вы сами начали половую жизнь?» В поколении тридцатилетних половую жизнь до 16 лет начали 16,5%. В поколении двадцатилетних до 16 лет приобрели первый опыт уже 26,5%! Опросы подростков до 20 лет дают еще более впечатляющую картину: 50% юношей и 30% девушек получили свой первый сексуальный опыт до 16 лет!

Все большее число молодых людей начинают сексуальные опыты непосредственно сразу после полового созревания, совершенно не имея в виду создания прочных союзов. Так что ситуация разрешилась наилучшим образом (либерализация всегда разрешает проблемы оптимально): у подростков появляется то, в чем они нуждаются (секс), но процесс обучения не прерывается. Напротив, он дополняется сексуальным просвещением, задача которого – избежать нежелательных и опасных последствий раннего секса (венерические болезни, СПИД, беременность).

Иногда представители патриархального поколения, с тревогой наблюдая за изменяющейся жизнью, эмоционально окрашивают действительность своими оценками, восклицая что-то про разврат. Наивно полагая при этом, что навесив отрицательный словесный ярлык, они таким образом объяснили и охарактеризовали ситуацию. Распространенная ошибка! Ведь тот же самый ярлык можно «переобозначить», то есть снабдить другой эмоциональной нагрузкой, и тогда все волшебным образом изменится. Давайте попробуем.

Разврат, говорите вы? О-кей! Разврат. Но разврат – это очень хорошо! Что такое разврат? Разврат – это более легкое отношение человека к чему-либо. Если человек из голодного края (каким не так давно была вся наша страна), он естественным образом будет придерживаться правила «хлеб на пол не бросают». Уважительное отношение к пище – следствие ее дефицитности. Сегодня же люди развращены пищевым изобилием. Не только хлеб – дешевый и не очень ценный в питательном отношении продукт, но и мясо легко выбрасывают! Запросто не доедают, оставляя пищу на тарелке. Легко люди стали относиться к пище: она не дефицит. Так же как воздух или вода. Никто же о воздухе не задумывается. И потому никакого пиетета в его отношении.

Во времена сексуальной дефицитности, которая сложилась после XVI века в Европе, отношение к сексу стало пиететным. А сейчас, когда все венерические болезни научились лечить, когда в продаже всегда есть дешевые и качественные презервативы, а также средства постсексуальной профилактики заболеваний, передающихся половым путем, когда спали с глаз или изрядно истрепались религиозные шоры – отношение к сексу стало более легким. То есть развратным.

Разврат – это просто изобилие. Разврат – это преодоление дефицитности ресурса, точнее, психологическое следствие этого преодоления. На протяжении всей своей истории человечество только тем и занимается, что преодолевает дефицитность тех или иных ресурсов. Когда-то стекло стоило дорого, и отношение к нему было соответствующим: голытьба вместо стекол на окна бычьих пузыри натягивала, а аристократия – витражи заказывала. Стекло ценили, берегли, относились к нему трепетно... Когда-то дорого стоила мобильная связь, потом она стала общедоступной... Когда-то в России видеомагнитофон и компьютер стоили как автомобиль... Это касается всего. Так что разврат – благое следствие прогресса.

Сейчас секс, усилиями прогресса оторвавшийся от репродукции, из почти сакрального, регламентируемого свыше (церковью) действия, стал простым и доступным развлечением. Разве не здорово? Голосуйте за разврат. Но не забывайте про технику безопасности...

О ятрогенном характере дискурса о сексуальном злоупотреблении детьми

Агустин Малон, PhD, доцент Университета Сарагосы (Испания)

Опубликовано в журнале *Sexuality & Culture*, 13, 75-90. Опубликовано в сети 27 февраля 2009 года.

Перевод с английского. Для удобства чтения из текста исключены имевшиеся в оригинале ссылки на работы других авторов.

Аннотация

В последние десятилетия XX века наблюдается беспрецедентный всплеск озабоченности и встревоженности сексуальными отношениями между взрослыми и несовершеннолетними, что продолжилось в качестве общественного и научного дискурса, в котором эти отношения непременно выставляются как являющие собой эксплуатацию, вредные и преступные. В этой работе ставится под вопрос обоснованность и актуальность данного дискурса, а также анализируются его фундаментальные характеристики на предмет возможных ятрогенных последствий, например тех, что могут быть вызваны вмешательством специалистов. Анализ проводится в четырёх основных сферах общественной жизни: человеческая сексуальность, личная ответственность, использование уголовного законодательства в качестве механизма контроля общества и улучшение взаимоотношений между полами и поколениями. Критическое рассмотрение реакции общества и подхода специалистов к данной проблеме снабжено перечнем порождаемых ими нежелательных последствий.

Часть первая: дискурс о злоупотреблениях

Введение

В последние десятилетия в отношении сексуальности, наряду с «дискурсом о злоупотреблениях», всё чаще отмечается использование риторики насилия и виктимизма². Идеологические кампании, участники которых якобы борются против принуждения и вреда, наносимого людьми одного пола или одного поколения другому, по их словам стремятся облагодетельствовать человечество в целом. Однако данный дискурс и подобные кампании не выглядят абсолютно всегда полезными в деле улучшения качества жизни людей. Наоборот, есть хорошие основания подозревать, что они продвигают феномен, который можно назвать парадигмой сексуального конфликта с потенциальными ятрогенными аспектами, невольно усугубляя проблему, с которой, по их словам, они борются. Обращение к теме сексуальных опасностей, которые якобы поджидают несовершеннолетних, является значительной частью этого дискурса, который ведётся в среде учёных, специалистов и идеологических активистов. Однако основной точкой соприкосновения между данным дискурсом и общественностью являются средства массовой информации.

В настоящее время общество наводнено явлением, которое P. Jenkins называет новой волной «моральной паники» в отношении сексуальных отношений между несовершеннолетними и старшими по возрасту, ныне протекающей в виде многократно повторяющихся всплесков, начало которым было положено в конце XX века или чуть позже, в первую очередь в США, Великобритании и Австралии, но также в определённой степени и в других странах. Эта общественная озабоченность отражается в неумеренности, царящей в СМИ, а также в научной и политической сфере в отношении вопросов сексуального злоупотребления детьми. Одним из наиболее шокирующих примеров этого стремления к сенсационности является телепрограмма «To Catch a Predator», в которой взрослые, представляясь несовершеннолетними, заманивают мужчин в сексуальные отношения, которые на взгляд кажутся добровольными. Всё заканчивается арестом, который снимается на видео и затем используется для показа в телепередаче. Эти перегибы не только никоим образом не уравниваются выверенным диалогом с учёными и специалистами или их собственными выступлениями, но в реальности выступления многих из этих «экспертов» мало отличаются от того, что сейчас льётся из СМИ. Ранние сексуальные контакты со старшими по возрасту гораздо более распространены, чем обычно признаётся, и для специалистов оправдано предоставлять помощь в случаях, где она выглядит необходимой. Однако важно прояснить суть конкретных ситуаций, какие из них требуют вмешательства, а какие нет, какова лучшая форма вмешательства, если оно требуется, и когда оно наиболее уместно. Идущее в настоящее время в СМИ запутывание, преувеличение и эксплуатация, одобряемая некоторыми активистами и недостаточно анализируемая и оспариваемая учёными и специалистами, наносит урон рациональности

как в научных, так и в общественных обсуждениях, а решения в этой области весьма вероятно вносят реальный вклад в проблемы ятрогенного характера, которые будут рассмотрены далее в этой работе.

Панорама

В последние десятилетия XX века в западных странах наблюдается всплеск общественной озабоченности на тему, которую стали называть вопросом сексуальных злоупотреблений. Эта концепция злоупотреблений в её разнообразных формах, может быть описана тремя фундаментальными чертами: (а) она определяет в очень чёткой манере понятия преступника и жертвы, первыми из которых являются мужчины, а последними — женщины и дети; (б) это вопрос, охватывающий тип злоупотреблений, отличающийся от других, поскольку он опирается на мужскую сексуальность, которая представляется источником преступных импульсов или стратегий подчинения и доминирования, и (в) привнесение этих тем в сферу законодательной системы привело к тому, что некоторые называют «криминализацией секса», в которой нарастающая трансформация неприемлемых с социальной и религиозной точки зрения поступков в незаконные идёт рука об руку с социально-законодательным вторжением в сферу личного и интимного. Таким образом, криминологические понятия «преступник», «жертва» и др., стали распространёнными не только в сфере образования, научных исследований, медицины, здравоохранения или социального обеспечения, но также и в нашей повседневной жизни. Хотя эти черты и концепции присутствуют во всех сферах сексуальности, они особенно подчёркиваются в нынешних дискуссиях, касающихся отношений между несовершеннолетними и старшими по возрасту.

Поле битвы

Западный мир одержим детством и детской сексуальностью. Восемнадцатый век породил гипотезу о сумасшествии в результате [детской] мастурбации, девятнадцатый век был озабочен виноватым, непокорным или преступающим закон ребёнком, а двадцатый век стал одержим концепцией ребёнка — жертвы. Этот последний мощный образ был с ещё большим акцентом развит позднее в XX веке, опираясь на предположение, что все психологические и социальные проблемы происходят из детства и являются определяющими факторами, которые как предсказывают, так и объясняют характер и поведение. В этой парадигме ребёнок всё чаще и чаще стал представляться как невинная жертва порочного общества, а психоаналитически-ориентированные теории Миллера и других оказали большое влияние на формирование риторики, по которой в любом обществе дети постоянно подвергаются виктимизации со стороны взрослых.

Вслед за сексуальной революцией 1970-х, когда традиционная мораль смягчилась и дискуссия велась о праве на удовольствие, произошло что-то вроде сексуальной контрреволюции, в которой борьба за свободу и удовольствие, характеризовавшая предыдущую эру, трансформировалась в борьбу за «жертв» и против «преступников». Утвердительный лозунг «освободи себя!» также трансформировался в тревожный «защищай себя!». На передний план вышло множество проблем: ненадлежащее отношение, нежелательная беременность, аборт, нападение, домогательство, изнасилование на свидании, проституция, секс-туризм, педофилия, сексуальная зависимость, СПИД и т.п. В то время как сексология первых двух третей XX века установила, что проблемой является подавление желания, криминология последней трети отмечает, что проблема в контроле этого желания.

В этом контексте вопрос несовершеннолетних и их сексуальности является значительным во встревоженном обществе, которое характеризуется социальной организацией, все больше структурируемой вокруг «риска». Разговоры о злоупотреблениях возникли из недр ряда учреждений, организаций, движений, исследователей и специалистов, которые сосредоточили свои заявления вокруг опасности сексуальности, и следовательно, вокруг борьбы с ней, в котором к конкретному идеологическому и риторическому использованию понятий «злоупотребление» и «детство» стали обращаться всё чаще.

Риторика ребёнка-жертвы особенно полезна идеологам в качестве стратегии символической подмены, представляя детей как потенциальных жертв, находящихся под угрозой, дабы осудить другие явления, такие как гомосексуализм, порнография, добровольная проституция, различия или неравенство между полами, отклоняющиеся от принятых обычаев социальные группы, проблемы подростков и т.п. Например в США распространённым способом очернения непопулярных социальных групп было обвинение их во вступлении в сексуальные отношения с несовершеннолетними или толерантном отношении к этому явлению. Из ряда вон выходящим примером является «осада Маунт Кармел» в начале 1990х, где под предлогом защиты детей от предполагаемых сексуальных злоупотреблений (обвинение в которых, как потом выяснилось, оказалось ложным), погибло несколько десятков людей, включая 24 несовершеннолетних. Также и обвинения в педофилии в Римско-католической церкви не лишены подобных просчётов.

С этой точки зрения в начале XXI века в западных странах наблюдаются различные явления, показывающие рост сексуальных злоупотреблений детьми как предполагаемую возрастающую угрозу. Путь, избранный этими общественными движениями, не является преимущественно медицинским, как было с мастурбацией, хотя и имеет место возвращение теории травмы и лечения. Это законодательный путь, а также уже упоминавшаяся криминализация секса. Оказалось, что различные общественные идеологии разделяют общую цель по выставлению сексуального желания как особого источника зла и страданий, среди них:

1. Новые политические силы право-морализаторской направленности, особенно в США и Великобритании, продвигают в качестве источника всех бед человеческую сексуальность. Они обвиняют современные сексуальные свободы в том, что они являются причиной многих проблем общества, начиная от ненадлежащего отношения к детям и нежелательной беременности и кончая проблемами матерей-одиночек и СПИДа.
2. Некоторые из наиболее воинствующих феминисток с их взглядом на сексуальность как на аспект мужского доминирования и угнетения женщин, осудили мужскую сексуальность как насильственную по определению, а порнография, по их словам, является ярким подтверждением этому. Следовательно, женщины и дети являются жертвами патриархального общества, стремящегося терроризировать их путём сексуальной агрессии.
3. Движения и организации по защите детей, использующие сексуальность как угрозу несовершеннолетним и как особо ужасную форму недопустимого отношения, тем самым отправляя другие, в реальности куда более приоритетные проблемы, на второй план.
4. Некоторые случаи общественной паники, в которой сексуальное злоупотребление несовершеннолетними помещено в контекст предполагаемых организованных группировок педофилов, производителей детской порнографии и совратителей, принимающих участие в таких вещах, как сатанинские секты, совершающих невообразимые зверства. Преувеличение, абсурд и лживость являются отличительными чертами этих ни разу не подтвердившихся сообщений.
5. Терапевтическая модель «движения восстановленной памяти», по которой огромное количество проблем во взрослой жизни можно объяснить через вытесненные воспоминания о сексуальных злоупотреблениях в детстве. По этой гипотезе излечение является естественным последствием восстановления этих воспоминаний в процессе терапии.

Эти и другие подобные идеологии, с подкрепляющим культурным, социальным и моральным контекстом, способствовали возникновению озлобленной публичной дискуссии, опирающейся на, а также подпитываемой возрастающим научным участием в вопросах вокруг детей и сексуальности, которое, к сожалению, часто демонстрирует признаки псевдонауки, т.е. сомнительные исходные утверждения, изобилующие ошибками исследования и неподтверждённые фактами заключения.

Дискурс о злоупотреблениях

Нынешний дискурс о сексуальном опыте с участием несовершеннолетних опирается на абсолютно пуританский, виктимистический и антисексуальный идеологический фундамент. Однако имеет место и значительный контрдискурс из исследований и критики этих тем. Но, к сожалению, чаще всего слышна практически повсеместная перспектива дальнейшей криминализации. С её точки зрения любые намёки на сексуальность между несовершеннолетним и взрослым по определению являются преступлением и имеют прискорбные последствия. Это представляется как самое ужасное, что может произойти с несовершеннолетним, а также как одно из самых жутких злодеяний, которое может совершить старший по возрасту, и, соответственно, заслуживающее самых драконовских наказаний. Поскольку термин «злоупотребление» является двусмысленным и размытым, и имеет столько определений сколько дающих его людей, статистика охотно раздувается, давая впечатление, что общество столкнулось с катастрофой огромного масштаба. Обращение к эмоциям приводит к резкой остановке рационального мышления и бесконечное разнообразие переживаний и поступков, описывающихся мрачным термином «злоупотребление», сводится к всеобъемлющему и общему бедствию.

В этом образе мышления секс приравнивается к агрессии. Сексуальные мотивы или сексуальная природа старшего по возрасту переопределяется как свидетельство насилия, вне зависимости от того, применялась или нет им сила, принуждение или обман. Это порождает три характерных последствия: (а) криминализация любого подобного опыта, (б) автоматическое присвоение статуса жертвы всем участвующим в этом несовершеннолетним и (в) демонизация всех взрослых или даже просто старших по возрасту участников таких отношений. Наиболее очевидной и прямой формой реализации этих трёх стратегий, будь то в СМИ или в научных работах — которые не слишком сильно отличаются друг от друга в этом отношении — стало явление, которой можно назвать «терминологическим насыщением». Оно заключается в повторяющемся и беспорядочном использовании таких терминов как «жертва»,

«преступник», «злоупотребление», «вред», «травма», «пострадавший», «насилие», «агрессия», «подчинение», «травма», «эксплуатация» и других для уничижительного клеймения всех сексуальных отношений между несовершеннолетними и старшими по возрасту.

Часть вторая: ятрогенез

Введение

Иногда говорят, что решение является самой проблемой; минимальный вред некоторых контактов может быть серьёзно усугублен путём излишнего подчёркивания якобы неотъемлемой чудовищности подобных отношений; и в самом деле, по сути приятные или нейтральные переживания могут в результате данной политики превратиться во вредные. Эти ятрогенные тенденции могут существовать в четырёх сферах: современная проблематизация сексуальности, кризис ответственности среди лиц со склонностью считать себя жертвой, сомнительные наказания, налагаемые на «преступников» и наносящая большой урон разрыв между полами и поколениями.

Сексуальность

Хотя в нынешнем дискурсе о сексуальных злоупотреблениях настойчиво повторяется, что предполагаемое зло не подразумевает отрешение от нашей сексуальности, остаётся вопрос, не стала ли криминализация сексуального желания и удовольствий конечным результатом этого дискурса, тем самым покончив со столь большим трудом достигнутыми завоеваниями в этой области? Безусловно, существенная часть дискурса о злоупотреблениях коренится в различных антисексуальных посылах, таких, например, как борьба феминисток против порнографии. Тем не менее, большинство тех, кто заявляет, что занимается борьбой с сексуальными злоупотреблениями, не возражает против сексуальных отношений между взрослыми, в которых отсутствует запугивание, принуждение, или, как в случае с проституцией, экономических соображений. Некоторые, но не все, даже допускают сексуальные игры между детьми, если в них отсутствует проникновение.

Однако они категорически отвергают возможность, даже в виде исключения, какого-либо добровольного и позитивного сексуального опыта между несовершеннолетним и взрослым. Это воинственное и догматичное отношение, и особенно окружающая его идеология и подоплёка, способна ещё больше подорвать степень гармонии между детьми и старшими по возрасту и до какой-то степени между мужчинами и женщинами. Фактически, эти послы обычно прямо или косвенно наступают на все аспекты сексуальности, которые всё больше рассматриваются как источник новых опасностей, вреда и страхов. Кроме того, значительный аспект этого дискурса состоит в нередко запутанной и двусмысленной манере, в которой описывается сексуальность, порождая потребность для исследователей искать подлинные намерения людей, делающих такие заявления.

Рассмотрение дискурса о сексуальных опасностях, подстерегающих детей и подростков, раскрывает этот негативный и проблематизированный взгляд на сексуальность. От угрозы педофилов до нежелательной беременности, от детской порнографии до насилия между самими детьми — мощный дискурс о сексуальной опасности способствовал росту программ сексуального образования, продвигающих воздержание и целомудрие, одновременно запрещающих любые рассуждения об удовольствии, мастурбации, контрацепции или желании.

Существует тенденция к преувеличению, к развитию отношения к сексуальному желанию как к тому, что постоянно стремится выйти из под контроля и нуждается в тщательном сдерживании. Этот аргумент неизбежно деградирует в отношении ко всем сексуальным желаниям как к преступным. Множество аспектов сексуальности проблематизируются: весь эротизм сводится к гениталиям, в то же время всё, что касается гениталий, становится табуированным, а тело ребёнка превратилось в крепость, которую нужно защищать от любых вторжений. В то же время восстанавливается дуализм телесного и духовного. Проводится размежевание между духовной составляющей и телесно-сексуальным аспектом. Направленное на другого человека желание становится проблемой, а стремление сделать себя объектом желания становится всё более рискованным.

В сфере сексуальности превосходство в силе постулируется как источник множества проблем, при этом забывается что неравенство сил является неотъемлемой частью человеческого существования и само по себе не является хорошим или плохим. Тем не менее, в стремлении к утопичному и недостижимому равенству, любые отношения, основанные на сексуальном влечении, считаются потенциально травматичными и чреватые злоупотреблением. Даже отношения, которые теоретически свободны и добровольны, например между студентом и преподавателем, осуждаются и даже криминализируются как преступные, на том основании, что один из участников - жертва, а другой — преступник. Аналогичным образом, любой эмоциональный стресс, последствия сексуального злоупотребления в детстве, влияние алкоголя и т.п. считаются существенно подрывающими возможность дать осмысленное согласие. В

случае добровольных отношений со взрослыми в подростковом возрасте считается, что юный участник не несёт ответственности, а взрослый, обычно мужчина, считается виновным, пока не доказано обратное. Отношения разбираются с доведением до абсурда в поисках «чистого согласия», сексуальность становится агрессивной и насильственной, насилие сексуализируется и соблазнение теряет свой двусмысленный и расплывчатый характер, придающий ему значение. Экспериментирование и игры между детьми считаются злоупотреблением, домогательством и агрессией, а детская сексуальность отрицается или по меньшей мере проблематизируется, одновременно с этим дети считаются потенциальными сексуальными преступниками. Любое чувство, эмоция, переживание, мысль и т.п. даже косвенно эротического свойства, возникающая внутри семьи, отвергается и порицается как пагубная и преступная, а любые отклонения от общественной нормы, такие как сексуальные отношения между детьми и старшими по возрасту, характеризуются как чудовищные.

Виктимизм против ответственности

Наблюдается рост использования образа ребёнка-жертвы якобы с целью достичь улучшения взаимопонимания и отношения к детям. Однако совокупность последствий такого подхода содержит ряд проблем; сострадание к несчастным выродилось в навязанный или добровольный виктимизм. Прискорбно, что дети, которые не чувствуют себя жертвой, иногда под влиянием родителей вынуждены принять нежелательный для них статус жертвы. Остальные же, даже взрослые, решили объявить себя жертвой чего-либо или кого-либо, потому что обычно это в значительной мере приносит признание; активисты и социальные группы в желании продвинуть свои идеи обращаются к образу жертвы в попытках получить внимание общественности и СМИ. Стало удобным искусственно делать жертв будь то по идеологическим или просто по прагматичным причинам. В работе «The manufacture of madness» Т. S. Szasz проводит критический анализ вызывающего тревогу расширения психиатрических «диагнозов». Хотя эта практика могла опираться на благие намерения, её последствия носят катастрофический характер как для отдельных граждан, так и для общества в целом. Похожим образом Т. Dineen в её критическом анализе «психологической индустрии» рассматривает рост диагнозов «жертв» как продукт этой индустрии и повторяет оценку последствий, сделанных автором предыдущей работы.

Различные авторы (Р. Хьюс, П. Брюкнер и др.) осудили эту политику виктимизма, по которой выставление себя в качестве уязвимого человека более выгодно, чем принятие ответственности, а жаловаться, заставлять другого человека чувствовать себя виноватым или заниматься эмоциональным шантажом даёт больше преимуществ, чем утверждать, полагать или показывать себя сильным. По словам Хьюса «повсеместное обращение к виктимизму достигает своего пика в традиционно глубоко уважаемой американской культуре терапии. Попытки выглядеть сильным могут просто скрывать трясущийся фундамент «отрицания очевидного», в то время как выглядеть уязвимым значит быть непобедимым. Жалоба даёт вам силу, хотя эта сила не распространяется дальше эмоционального взяточничества или создания немыслимого уровня общественной виновности. Объяви себя невиновным и ты победил.» Брюкнер также поднимает этот вопрос, предупреждая нас о его негативных последствиях для общественной гармонии и определяя виктимизм как тенденцию, присущую избалованным людям, в соответствии с которой они мыслят с позиций преследуемых народов. Это отношение часто увязывается с другими характеристиками нашего общества, такими как инфантилизм, суть которого в присвоении себе привилегий ребёнка, в то же время избегая обязанностей взрослого. В размышлениях Брюкнера об этом явлении разговоры на тему борьбы против преувеличения сексуального насилия никогда не уходят с позиции особой важности.

В современном мире виктимизация на основе предположений является очень популярной политической стратегией. Мифология, окружающая виктимизацию, гарантирует, что различия между подлинными жертвами и теми, кто лишь примерил на себя эту роль, становятся размытыми или исчезают. Требуется разделение двух аспектов отношений между теми, кого называют жертвой и преступником: первый относится к отличию в силе, определяя одного участника как полностью лишённого её, а второго как обладающего ей. Второй аспект является моральным, поскольку жертва определяется как морально невиновная, а "преступник" воплощает в себе зло. Простота использования виктимизма контрастирует с его мощным влиянием на современное общество.

По словам Т. Тодорова и Г. Липовецки истоки виктимизма обнаруживаются в извращении и преувеличении во всех остальных отношениях достойных ценностей, таких как свобода, равенство и справедливость. Чрезмерное обращение к виктимизму помимо других последствий имеет и отождествление индивидуумов с группой жертв, к которой они принадлежат, создание персональной идентичности в виде жертвы, и отказ брать ответственность за своё существование, даже до такой степени, чтобы оправдывать своё собственное преступное поведение с позиций пережитых в детстве злоупотреблений. Справедливость заменяется сочувствием к жертве и мстительности против агрессора. Те, кто примерил на себя роль жертвы, в свою очередь считают для себя морально оправданным нападать на врага в праведной сказке победы добра над злом.

Проблема современных виктимистских перегибов неизбежно связана с поиском безопасности и концепцией идеальной жизни. Привычка винить других за всё плохое, что случается с нами, - это неотъемлемая часть наших нереалистичных ожиданий в этом обществе благополучия, помешанном на избежании любого риска, в котором существует якобы неотъемлемое право на идеальное существование без проблем и без страданий. Поэтому, когда любое событие, несчастный случай или ситуация нарушает наш идеал жизни, просыпается та самая мощная тенденция винить других, особенно тех, кого мы считаем имеющими над нами определённую власть или имевших её в прошлом.

Выступления против насилия, поддерживаемые состраданием к жертвам, должны включать тот факт, что использование виктимизма является рискованным предложением и принятие роли жертвы столь же сложно как быть святым, поскольку это включает в себя нереальную и нечеловеческую степень чистоты. Как отметил С. Сонтаг жертва предполагает невиновность, а невиновность предполагает обвинение. Виктимистский фанатизм, помешанный на теории абсолютного неприятия, где не должна существовать ни одна жертва, ведёт общество к стремлению к мифическому миру, где отсутствие любого страдания сделано высшим благом. В конечном итоге жертвы и их спасение ставятся выше качеств, таких как свобода и справедливость, а неотъемлемые характеристики человеческого существования игнорируются.

Удивительный поворот состоит в том, что этот ложный виктимизм в конечном итоге может навредить реальным жертвам, которые будут чувствовать себя обязанными постоянно возвращаться к своим переживаниям из-за общественной атмосферы жалоб, опровержения и стремлению к сенсационности. Также есть опасность породить жертв там, где их изначально не было. Итоговый парадокс состоит в том, что при отбрасывании всех оттенков серого и рассмотрении всех ситуаций как в одинаковой мере серьёзных и травматичных, в результате образуется безразличие или бесчувственность к подлинно серьёзным случаям. Риторика виктимизма ведёт к принижению значения реального страдания.

Наказания

Немногие станут спорить, что лучший дар, который мы можем передать будущим поколениям — это более гуманное, более справедливое и более осмысленное общество, а хорошим индикатором качества гуманизма в обществе является отношение к тем индивидуумам, которые по какой-либо причине считаются нарушившими его культурные нормы. Ярко контрастирует с подобным гуманизмом тот посыл, с которым многие активисты и специалисты требуют драконовских наказаний в отношении тех, кто имел сексуальные отношения с детьми. Возмездие и контроль над теми, кого считают опасными для общества, являются столпами западной общественной работы с нарушителями, которые часто в течение всей жизни остаются под тщательным общественным контролем, если не помещением под арест, несмотря на то, что они уже отбыли назначенное им наказание. С преступлениями, отнесёнными к категории сексуальных, под влиянием исходящего от общества и СМИ раздувания, борются путём более длительных сроков заключения и усиленного контроля. Некоторые авторы осудили всё возрастающее символическое использование уголовного законодательства, назвав его чрезмерным и неуместным, и обращают внимание на заложенные в этом опасности. Кроме того, не стоит забывать, что уголовное законодательство никогда не было особо эффективным или полезным средством в противодействии сексуальным преступлениям.

Очевидно, что в этой парадигме совершившие преступления против детей считаются наиболее мерзкими из всех, к ним относятся как к исчадию ада. Социально-религиозный миф пожирателя невинных душ был воскрешён, педофил теперь занял место людоеда. Место похитителя детей с мешком через плечо занял «мужчина с конфетами»; истеричное общество вернулось к столбу, у которого оно сжигало гомосексуалистов и ведьм. Тех, кого посадили за любую форму сексуального контакта с ребёнком, считают худшим из худших; их статус — изгой среди изгоев и их постоянно обезчеловечивают и лишают любой надежды когда-либо снова участвовать в гражданском обществе по «уголовному законодательству для врагов народа». Даже человек, убивающий других из мести или ради наркотиков, более уважаем.

Настаивание на безусловном освобождении несовершеннолетнего от любого соучастия или содействия, как яркая характеристика современного дискурса о злоупотреблениях, укрепляет и обратную сторону медали: самоочевидную виновность старшего участника отношений и оправдание его демонизации и обезчеловечивания. Но во всей массе обличительных терминов — агрессоры, нарушители, соавторы, преступники, хищники и так далее, безусловно находится большое разнообразие индивидуумов, к которым, возможно, стоит применять более гуманистические оценки. Использование запугивания, принуждения и/или насилия в этих контактах в реальности совсем нечастое явление, не только потому, что в них редко бывает необходимость, а потому что во многих случаях эти меры не являются ни средством ни целью для старшего по возрасту, который не желает намеренно нанести вред ребёнку. Однако, по словам некоторых авторов, СМИ, политики и сообщества жертв объединили образ педофилии с образом сексуального насилия и преследования, несмотря на факт, что «педофилы обычно не склонны к насилию» (Д. Левин - ["вредно для несовершеннолетних"](#)). У педофилов также отмечается совсем незначительный процент рецидива, который, пусть его и очень трудно окончательно установить, является низким по некоторым исследованиям или по крайней мере не столь высок как обычно считается. J. Quinn

с соавторами в своей статье пишет, что многие политики использовали такого рода страхи для трансформации педофилов в козлов отпущения для различных несвязанных проблем, которыми поражено общество, превратив их в объекты «наказания по примеру», которое ничего не делает, кроме создания ложного чувства безопасности. Эта тенденция в философии уголовного права привела к существенным изменениям в том, как работают с преступившими эти законы людьми, когда механизмы контроля, действующие после окончания установленных сроков наказания, считаются допустимыми, что по мнению некоторых выглядит примером сомнительной жёсткости в политике общественного контроля.

Увод в сторону

Дискурс о злоупотреблениях смещает дискуссию о гармонии между полами и поколениями в сторону от важных тем и толкает нас действовать под влиянием бесполезных стереотипов и предрассудков, когда речь заходит о существенных вопросах. То, что нам известно о логике и процессах, в соответствии с которыми функционирует человеческая сексуальность, просто игнорируется и заменяется виктимологией и криминологией, и в результате возникает чувство подозрения и страха. Безоговорочное обвинение одного пола или возрастной группы и, как следствие, представление другого как самой невинности, не может привести к ощутимой пользе для нашей общей человеческой среды, и на самом деле это в большей мере проблема, чем решение. Подозрение, упрёки, конфликты, озлобленность и страдания заняли место желания, уз, доверия, способности договариваться и согласия, а гипотеза о войне между полами и поколениями стала наклепанной бедой.

Состояние среды обитания человека сводится к тому, чтобы сосредоточиться на несчастье тем же образом, как отношения между полами и поколениями рассматриваются через лупу насилия, а бесспорный аспект сексуальности человека действует под этими уничижительными предпосылками. Поэтому стремление найти близкого человека, найти взаимность, чего желают все люди, было перенаправлено на терминологию, относящуюся к клинической или криминологической области, вместо того, чтобы быть просто человеческой. Но идиллическая сказка о сексуальном счастье и невинности совсем не более реалистична. Сексуальность людей, мужчин и женщин, мальчиков и девочек, работает по принципам, которые сложны, замысловаты и деликатны, а решение различных проблем своей сексуальной жизни является сложным испытанием.

Как догма принимается, что путём преследования и наказания за порок социально неприемлемого сексуального желания, его можно искоренить; как только возможно вычислить таких нарушителей, то строгий контроль или изоляция этих индивидуумов позволит положить конец проблеме. Но это лишь ещё один уводящий в сторону мираж, так просто не может быть. В каждом из нас есть потенциал для зла, и в любом событии нашими поступками двигает не порочность, а неудача в том, чтобы подняться до высших устремлений того, что считается быть человеком в полной мере. Собственное несчастье, включая сексуальную неудовлетворённость, может быть тем, что ведёт к причинению реального вреда, и, что парадоксально, может быть усугублено тем самым дискурсом, который по его собственным словам, занимается борьбой с этим злом. Способствование индивидуальному и коллективному психосексуальному взаимопониманию и ответственности — это куда лучший путь, чем обвинение, порицание и наказание.

Многое можно получить от улучшения отношений и большей гармонии между мужчинами и женщинами, а также между поколениями, и мы не должны позволять увести себя в сторону от этой цели. Дети сильно выиграют в чувстве безопасности, если у них будут родители, которые подлинно желают и заботятся о них, и во-вторых, что столь же важно, если они получают основанное на примере поощрение свободно и неограниченно давать и получать словесные и физические выражения привязанности. Помешавшись на «сексе» мы потеряли след реальных и более актуальных проблем. Некоторые авторы заявили, что эмоциональная заброшенность и недопустимое отношение гораздо более деструктивны для ребёнка чем «сексуальный» опыт как таковой, в то время как F. Furedi подчёркивает, что отсутствие позитивной семейной и социальной среды является лучшим предиктором, хотя и не обязательно детерминантом³, эмоциональной неспособности адаптироваться в будущем. Дискурс о злоупотреблениях, концентрируясь на том, что по его настоянию является явным и первичным злом, имеет тенденцию упускать из виду другие гораздо более распространённые и безотлагательные социальные проблемы, которые имеют глубокое влияние как на детей, так и на взрослых.

Резюме и рекомендации

Во второй половине XX века были заложены основы того, что стало главенствующим предметом, к которому вновь и вновь обращаются в западной сексуальной политике: детская и женская невинность и зло мужской сексуальности. В этом контексте сексуальное злоупотребление детьми изображается как огромная и ужасная социальная проблема, важная часть того, что, заимствуя термин из физики, является «теорией всего» в отношении нашей жизни и её проблем. Виктимологические концепции опасности и криминальности как неотъемлемые аспекты мужской сексуальности по-видимому оказались фактором

идеологии сексуального злоупотребления детьми, продвигаемой Финкельхором и другими. В этом контексте вопрос сексуального злоупотребления детьми стал стратегией, совместно используемой различными силами, включая феминисток, консерваторов, защитников детей и психологов, и заключающейся в драматизации «секса» как по сути опасного явления и причины нарушений, травм и доминирования. Усугубляясь путём раздувания со стороны жаждущих сенсаций СМИ, эта истерия достигла беспрецедентного уровня.

Первоначальные предложения этих групп основывались на предпосылках, которые большинство людей сочли бы обоснованными, и которые были оправданы предполагаемой потребностью большего признания проблем насилия над детьми и женщинами, а также потребности в лучшей реакции со стороны общества и государственных институтов. Но в своём рвении побороть по их мнению страшное бедствие, то, что могло бы стать обоснованным планом для решения этих проблем, было преобразовано многими экспертами и активистами в огульный крестовый поход, чрезмерная цена которого сейчас стала очевидна. Одним из наиболее вопиющих примеров как стремление к сенсационности занимает место науки — это осуждение, вынесенное конгрессом США опубликованной в 1998 году работе Брюса Райнда и коллег, когда подавляющее большинство конгрессменов не то, что не читали, но даже и не видели публикацию, за осуждение которой они проголосовали. Это подчёркивает сколь неприемлемо осмелиться ставить под сомнение укоренившиеся моральные убеждения, даже с использованием научных данных. Настоящее сексуальное злоупотребление детьми, в котором имеет место насилие, принуждение, обман или отсутствие осмысленного согласия, или где несовершеннолетний не осознаёт или испытывает неудобство от потенциально негативных общественных реакций, на самом деле существует и имеется потребность защитить детей от этой реальности, равно как и что-то делать с теми, кто несёт за это ответственность. Однако также справедливо, что социальные проблемы являются социальными конструкциями, в данном случае в контексте, когда существуют как лучшие, так и худшие альтернативы поведения общества. Поэтому любое вмешательство, пусть даже и проводимое во имя предполагаемого блага, может иметь вторичные последствия, обратное действие которых столь сильно, что они не только не решают исходную проблему, а вместо этого порождают непредвиденные, неблагоприятные и иногда просто катастрофические ятрогенные последствия. В качестве лучшей альтернативы предлагается следующее:

1. Как предложил М. Seligman будет полезно «уменьшить громкость» как на предмет конкретных инцидентов, так и на общественную и идущую через СМИ встревоженность инцидентами такого рода, а также насколько возможно избежать риторических и демагогических перегибов, идущих от определённых общественных, политических, профессиональных и научных сообществ.
2. Дабы придать особое значение общественной терминологии и педагогике, которая характеризуется более обоснованным и тщательным использованием терминов, заменить менее оценочными и уничижительными терминами слова «совратитель», «агрессор», «жертва», «педофил» и т.п., которые столь избиты и расплывчаты, что более запутывают, чем проясняют проблему.
3. Привлечь внимание к большому разнообразию ситуаций, переживаний, и следствий, которые сейчас охватываются — без каких-либо оттенков серого — бездумным понятием «сексуальное злоупотребление детьми», ставшим двусмысленной и растяжимой концепцией, польза от которой в настоящее время весьма сомнительна, особенно в сфере научных исследований.
4. Воздержаться от неуместных упоминаний наиболее вопиющих, но к счастью, редких случаев, для классификации и трактовки всех и каждого случая сексуальных контактов между взрослым и ребёнком, тем самым избегая возбуждать чувства страха и эпидемии, которые объективные данные просто не подтверждают.

Нынешняя риторика травмы и ужаса не поддерживается непредвзятыми и эмпирическими свидетельствами и приводит к противоположному результату в смысле благополучия детей и их семей. Более того, всеобщее обезчеловечивание и демонизация старших по возрасту участников отношений в научных кругах, СМИ и со стороны общественности, не только необоснованна и несправедлива, но и зачастую «косвенно делает козлом отпущения ребёнка, который был вовлечён в сексуальные отношения со старшим по возрасту,... и это влияние наносит серьёзный урон обоим...» (P. Wilson). Такие крайности никоим образом не приносят благо ребёнку, его родителям, старшему участнику их отношений или обществу в целом.

В этой работе показаны и рассмотрены некоторые из ятрогенных эффектов нашей нынешней озабоченности сексуальным злоупотреблением детьми. Как с разных точек зрения показал ряд авторов, когда в достаточной степени не учитываются наши собственные ограничения, а также сложности и последствия в рамках которых мы пытаемся решить наши социальные, образовательные, сексуальные и другие проблемы, мы можем принести больше вреда, чем пользы. Когда общество начало больше узнавать о сексуальных отношениях между несовершеннолетними и взрослыми, его чрезмерной

реакцией стала «моральное негодование», в котором совсем мало места нашлось сбалансированному и критическому мышлению, и очень много — панике и стремлению к сенсационности. Конечно есть потребность защитить детей от переживаний, будь то сексуальных или каких-либо других, которые могут нанести им психологический или физический вред или просто могут повредить их самоуважению. Но ради высшего блага несовершеннолетних и общества также важно, чтобы эти меры по защите были обоснованными, сбалансированными и лишёнными потенциально ятрогенных последствий, представленных в этой работе.

[библиография и выходные данные настоящей работы](#)

[оригинал на английском в формате PDF](#)

1. Ятрогения - изменения здоровья пациента к худшему, вызванные неосторожным действием или словом врача.
 2. Виктимизация - процесс или конечный результат превращения человека в жертву преступного посягательства.
 3. Предиктор - некий показатель, указывающий на возможность появления какого-то события.
- Детерминант - любая причина или предшествующее условие явления, события.

Наука против ортодоксии

Резюме

В июле 1999 года Конгресс США принял резолюцию, официально осуждающую нашу статью о деторастлении, метааналитически обобщающую данные по 59 исследованиям студентов колледжей на предмет обнаружения вреда. Резолюция увенчала месяцы нападок со стороны обывателей и специалистов по лечению гомосексуальности и стимулированию неосознаваемых воспоминаний о деторастлении.

Здесь мы восстанавливаем хронологию нападок на нас. Затем обсуждаем научную часть нашего метаанализа, отражая обвинения в ошибках. Отстаиваем все виды валидности, точность и объективность нашей работы.

Далее обсуждаем ортодоксию и нравственную истерию вообще. Показываем, что нападки на наш труд вызваны сильными, но всё же общественно обусловленными верованиями последней четверти века.

Наконец, мы предлагаем соображения и рекомендации для наших учёных коллег. Обращаем внимания на великие нападки на науку, известные из истории, чем предупреждаем грядущие атаки. Наш труд должен стать напоминанием, наряду с прочими примерами, всем, кто сталкивается с табуированными интересами. Обсуждаем антинаучную пропаганду в общественных науках, призываем к её выявлению и борьбе с ней. Обсуждаем провал психологической науки в исследованиях человеческой сексуальности, вылившийся в противление нашей работе. Предлагаем пути преодоления ситуации. Предлагаем рекомендации всем специалистам, кто когда-нибудь столкнётся с подобными нашим ситуациями.

Вступление

В ноябре 1997 года двое из нас (Rind & Tromovitch) опубликовало метаанализ психологических коррелятов деторастления в "Journal of Sex Research". В двух словах: мы отстаивали, что большинство наших предшественников использовало в своих метаанализах в основном клинические выборки в основном из женщин, а результаты обобщали на психически нормальных мужчин. Заметили, что во многом эти работы качественны и грешат неточностями и манипуляциями данными. Противопоставили эти работы количественным исследованиям общенациональных выборок, представительных различных народностям и содержащих испытуемых обоих полов.

Вывод состоял в преувеличении нашими предшественниками губительности деторастления, а именно:

- причинная связь деторастления с ущербом для психики неочевидна ввиду возможности влияния других факторов;
- плохие корреляты деторастления в среднем очень слабо проявляются;
- неприятие растлёнными своего опыта или жалобы на якобы его последствия весьма нечасты;
- мужчины и женщины пережили растление в детстве по-разному: плохо к своему опыту отнеслось меньшинство мужчин, но большинство женщин.

Перед отправкой в печать один неизвестный рецензент, не вдаваясь в подробности, призвал: "Высекайте искры!". Однако, предвкушаемого анонимом скандала так и не произошло.

Минуло восемь месяцев, мы выпустили второе издание этой работы, дополненное исследованиями студентов колледжей и опубликовали его в "Психологическом бюллетене" - главном журнале Американской психологической ассоциации (АПА). Посылки, рассуждения, метод и результат были такими же, как и в первом издании. Разумность нашей работы и отзывы на первое издание не давали нам повода ожидать драматичных реакций. Но реакции вдруг оказались более чем драматичны. Месяцы атак со стороны общественных активистов и узких специалистов подвигли Конгресс США официально осудить наш труд в июле 1999 года.

Парламентское возмущение добросовестно выполненным научным исследованием, опубликованным в уважаемом журнале, - это подлинная угроза науке, призванной объяснять и описывать природу такой, какая она есть, а не такой, какой она должна быть. Зная, насколько Конгресс способен расстроить исследования, с выводами которых он несогласен, закономерно спросить вслед за Раахом: "Удивляться ли, если такое снова повторится?". Надеемся, что такое не повторится, и в этой статье мы обсудим, что может быть сделано с подобными проблемами в будущем.

Краткая хронология призвана ввести читателя в суть нападок на наш труд. Важно объяснить, что наш метаанализ, называемый критиками "лженаучным", на деле является тщательным научным исследованием, существенно расширяющим наши знания в данной области. Установив это, мы обсудим причину нападок - противоречие наших выводов традициям и устоявшимся правовым нормам. Наконец, мы сделаем выводы, как в будущем защитить психологию от давления со стороны политики и идеологии.

[Брюс Ринд \(Университет Темпл\)](#), Роберт Бозерман (Мэриленд), Филипп Тромович (Университет Пенсильвании)

Источник: http://samlib.ru/g/galaburda_k_e/svoaotccoasa.shtml

Оригинал на английском: http://www.tegenwicht.org/13_rbt_eng/rbt_science_frame.htm

Хронология нападок

Точка отсчёта - выход публикации в июле 1998 года. Следующие 8 месяцев ничего особенного не случилось. Вдруг в марте 1999 года радиопередача филаделфийской станции связалась с одним из нас (Тромовичем) и получила его согласие поучаствовать в ток-шоу о нашем метаанализе. Тромович не знал, что организаторы ток-шоу уже метали на нас громы со страниц Wanderer, католического информационного бюллетеня, за 4 марта 1999 года. Наш обзор признали "лженаучным анализом лжепрофессионалов" - "группы профессоров Темпловского университета, рекламирующих пользу от секса детей со взрослыми, призывающих изобрести деторастлению благозвучное название". Изобразили огорчение признанием гомосексуальности нормой, испугавшись, что подобную судьбу ждёт педофилия. Таким образом, Тромовича заманили поближе к засаде. Интервью пригодились для наступления на Темпловский университет, нас и наше исследование.

Оказалось, что срыв Wanderer'a с цепи спровоцирован более ранней критикой, опубликованной на веб-сайте [Национальной ассоциации исследования и терапии гомосексуальности \(НАИТГ\)](#). НАИТГ - это организация, управляемая психоаналитиками, обнаружившими своё призвание в излечении и предупреждении гомосексуальности. НАИТГ не брезгует поддержкой религиозных организаций, ищущих у неё "научных свидетельств в защиту их традиционных доктрин". Глава организации, Чарльз Сокарайдес, однажды выдал, что "гомосексуальность - ужасное расстройство, болезнетворное в сути своей, сигающее до поистине эпидемических масштабов". Сравнительно недавно он пожаловался своим единомышленникам, что исключение гомосексуальности из списка диагнозов DSM Американской психиатрической ассоциацией обернулось "общественным бесполом слабоумием". Гомосексуализм - это "право, которое ни в коем случае нельзя предоставлять".

В своей критике НАИТГ развенчивает наши результаты преимущественно цитатами из клинических исследований, чтобы обилие психопатологических синдромов вывести из опыта растления в детстве. В основном же им не понравилось:

- что учёные называли деторастление ценностно-нейтральными словами;
- что учитывалось, насколько взаимным было влечение растлителя.

НАИТГ отстаивает, что термины, не подразумевающие этические суждения, выставляют педофилию нормой, как это случилось с гомосексуальностью. Неправильно, по их мнению, использовать понятие "непринудительного" секса с детьми. Этими двумя возражениями был заложен фундамент всей критики против нас.

Всю неделю, пока филаделфийская радиостанция нас громила, религиозно и общественно реакционная защитница семейных ценностей ["Доктор Лаура"](#) Шлезингер также не упустила возможности подключиться. Доктор Лаура ведёт радиопередачу, транслируемую 450 станциями США и Канады, чем ежедневно развлекает 18 миллионов слушателей.

Доктор Лаура использовала "трёх дипломированных клинических психологов и одну учёную" рецензию на наш труд, чтобы единогласно признать его "хламом". Двоих клинических психологов она отыскала в НАИТГ, а один, Ван ден Аардвег из Голландии, назвал нас фанатиками, пошедшими против разума, сравнил наши исследования с исследованиями нацистских врачей, призывал радиослушателей не "пугаться бессмысленных доводов". Рецензия же обвиняет нас в метаанализе исследований, 35% которых до нас никто не разбирал. Сама Доктор Лаура раскритиковала нашу работу как слив бессмысленных результатов воедино и взбалтывание их математическими ухищрениями. Она никогда не слышала, чтобы настоящие учёные так поступали.

Несколько последующих месяцев она натравливала на нас [и на АПА](#) Павла Файнка - бывшего директора Американской психиатрической ассоциации, а нынче главу новой организации "Ведущий совет душевного здоровья, правосудия и прессы".

Организация Файнка стремится объединить "самых выдающихся работников по обеспечению психического здоровья" ради "популяризации наиболее правильной информации касательно психического здоровья". На деле Совет занимается оправданием терапии по осознанию воспоминаний и диагностированию синдрома множественной личности. Держится вся эта деятельность на признании деторастления опасным и вредоносным явлением, приводящим к психическим травмам и психопатологическим синдромам, - на всём, что мы как раз оспариваем.

В конце мая 1999 года АПА попросила Файнка разъяснить ей научные послышки нападок Совета на наш метаанализ. Файнк в личной переписке за 3 июня ответил жалобами на "разрушительные теории, опошляющие беду деторастления", и обличил нас в "потугах разгромить психотерапию подрывом важнейших её принципов". Заверил, что его организация призвана бороться с тенденциями судов и прессы защищать тех, кто из-за личных проблем подвергает осмнению психиатрию и психологию. Указал на защиту его Советом целостности психотерапии и необходимость "защищать хороших психотерапевтов от нападок и поборов судопроизводства, требующих и денег, и нервов".

В последнем замечании, видимо, оплакивается развал рынка абреакций (восстановленных воспоминаний), которым с конца 1980-х кормились психотерапевты, клиники, журналисты и редакторы. К середине 1990-х годов у многих психотерапевтов успели отсудить целые миллионы долларов за внушение ими фальшивых воспоминаний. Так, психиатр Беннет Браун, основатель Международного общества исследований диссоциации, решением суда расстался с 10,6 миллионами долларов в пользу своего бывшего пациента.

Файнк пожаловался АПА, что наш метаанализ будет использован при судебных тяжбах с психотерапевтами, основывающими свою деятельность на оспариваемых нами психологических законах. Неудивительно, что этот Совет всеми правдами и неправдами будет нас опровергать. Со ссылкой на Доктора Лауру он обвинил наш метаанализ в перегруженности данными преимущественно по щадящим формам деторастления без прикосновения, а 60% информации мы взяли из одного-единственного исследования 40-летней давности. Будучи абсолютно ложными, эти обвинения сыграли не последнюю роль в нелёгкой судьбе нашего труда.

Не прошёл мимо [Совет семейных исследований](#) (FRC) - консервативная лоббистская группа из Вашингтона, имеющая программой "заново утвердить и распространить на всё население традиционную семью с иудо-христианскими ценностями, её подпирающими". FRC в основном специализируется на "гомосексуальном вопросе", угрожающем де традиционной семье. Здесь она вполне созвучна лозунгам НАИТГ и Доктора Лауры, для которой гомосексуальность - "ненормальный", "патологический", "девиантный", "болезненный" "биологический сбой".

Нападки FRC побудили законодательство Аляски к решительным действиям. 15 апреля 1999 года законодатели штата издали резолюцию №36, отвергающую наши выводы, поскольку "экспертная оценка метаанализа выявила некоторые спорные заключения и методы в нём". Единственной "экспертной оценкой" нашего труда выступили разве что Лауровские "трое дипломированных клинических психолога и одна учёная рецензия". Резолюция стала основой для последующих резолюций, в том числе и одной общенациональной.

В мае 1999 года FRC организовал пресс-конференцию в Вашингтоне, требуя от АПА отречения от нашего метаанализа. Доктор Лаура участвовала через другое лицо, также присутствовал представитель НАИТГ и трое консервативных депутатов Конгресса от Республиканской партии: де Лей, Самен и Уэлдон.

Де Лей поделился возмущением, что не видит разноса в АПА над нами, призвал АПА "к ответу". Самен признал наш труд "извращённым и тошнотворным", и, разумеется, ложным. Уэлдон же 14 мая сцепился с директором АПА Раймондом Фаулером на телешоу "Watch It!" по поводу "очень, очень нехорошего исследования, основанного на очень, очень нехороших данных", требуя, чтобы таких публикаций больше не появлялось.

Когда начались атаки, АПА провела разбор метаанализа её экспертами. Проверку он прошёл, и Ассоциация его поддержала. Вот что Фаулер ответил Уэлдону:

Я, конечно, всё понимаю, но научная статья ничуть не плоха. Мы перепроверили её так же, как проверили бы любую чужую статью, и специалисты по матстатистике сказали своё слово. Исследование проведено абсолютно безупречно.

8 июня Фаулер пожаловался нам в личной переписке на оказываемое давление, что он "втянут в рукопашный бой с депутатами, телевизионщиками, христианскими радикалами и Американской психиатрической ассоциацией".

Позднее "National Psychologist" подтвердит, насколько "АПА угрожала встряска до основания" все "три месяца этого кошмара". В следующий, уже 9-й день июня, Фаулер признал в письме де Лею "проблемность" нашего метаанализа и пошёл на неслыханные уступки. Заявил, будто тезисы метаанализа несовместимы с принятыми и провозглашёнными АПА принципами. "Признал", что "лексика статьи подрывная" и что половую связь детей со взрослыми Ассоциация ни в коем случае не "признает безобидной" или добровольной. Пообещал разбор метаанализа независимыми специалистами. Редакторы же АПА впредь "усиленно будут рассматривать рукописи по исследованию запретных вопросов через призму возможных их политических влияний".

Месяц спустя, 12 июля, американская палата представителей 355 голосами против 0 с 13 воздержавшимися приняла [резолюцию 107](#) об "ужасающей порочности" нашего метаанализа. Поскольку "все правдоподобные исследования затронутого вопроса так осуждают преступность и ущербность деторастления", что подтвердили мнением Верховного суда за 1982 год, будто деторастление часто и сильно вредит. Порицания и отвержения заслужили "все идеи статьи, будто половая связь взрослых с детьми на "добровольных" началах не настолько вредит, как то считается". Надо привлечь "компетентных исследователей для изучения последствий деторастления по наилучшей методике, чтобы публика и политики могли использовать правильную информацию".

Онанизм у детей

Два отрывка из книги Людвиг Якобсона ["Онанизм у мужчины и женщины"](#).

Техника онанизма в грудном возрасте

Венский психиатр Фрейд и его школа относят первые половые проявления к грудному возрасту, усматривая их в сосании вне приёма пищи. Объектом сосания при этом является часть самих губ, язык или любая другая доступная часть тела, даже большой палец ноги. Проявляющаяся при этом у ребёнка страсть к схватыванию выражается у него одновременным ритмическим дёрганьем своей ушной мочки; ребёнок пользуется иногда для той же цели частью тела другого лица (в большинстве случаев его ухом). Полное наслаждение сосания связано с совершенным прекращением внимания и ведёт ко сну или даже к двигательной реакции вроде оргазма.

Нередко у ребёнка с сосанием комбинируется потирание определённых чувствительных мест тела (груды, наружных половых органов). Этим путём многие дети переходят от сосания к онанизму.

Можно было бы сказать, говорит далее Фрейд, что губы ребёнка являются эрогенной зоной, а возбуждение струёй тёплого молока бывает причиной чувства удовольствия. Кто видел, говорит он, как дитя, насытившись, откидывается от груди матери с покрасневшими щёчками и со счастливым смехом впадает в сон, тот должен признать, что эта картина остаётся верной и для выражения сексуальной удовлетворённости в позднейшей жизни.

Рашфор описывает под названием псевдомастурбации у грудных детей трения бёдрами. Ребёнок, лёжа на спине, трёт бёдрами лежащие между ними половые органы. Эти движения сопровождаются, по-видимому, приятным ощущением, которое обнаруживается в покраснении лица и в общем нервном возбуждении, после чего у ребёнка вскоре наступает общая слабость, небольшое потоотделение, а иногда и сон. Дети производят псевдомастурбацию также рукою, либо трут половые органы о край постели или о какое-либо постороннее тело. Рашфор считает разбираемое явление не тождественным с онанизмом в старшем возрасте на том основании, что в раннем детском возрасте внутренние половые органы находятся ещё на довольно низкой ступени развития. Поэтому раздражение наружных половых частей не может, по его мнению, в такой степени вызвать сладострастие и так вредно действовать на нервную систему, как это бывает, например, у детей старше 10 лет. Рашфор наблюдал псевдомастурбацию, главным образом, у девочек, начиная с четырёхмесячного возраста; средний возраст – 16 месяцев.

Большую часть псевдомастурбации у девочек, по сравнению с мальчиками, Рашфор объясняет тем, что окружающие и врачи обращают больше внимания на неправильности полового члена у мальчиков, чем на условия, способствующие у девочек раздражению клитора и влагалища. Далее, имеет значение и то обстоятельство, что в раннем детском возрасте клитор легко подвергается воздействию внешних раздражителей вследствие слабого развития срамных губ в этом возрасте.

За несколько лет до упомянутого автора Тоунсенд сообщил о трении бёдрами у маленьких девочек с аутоэротической целью. Он наблюдал восьмимесячную девочку, которая клала правое бедро на левое, закрывала глаза и судорожно сжимала кулачки; через 1-2 минуты появлялся пот, покраснение личика и полное расслабление. Это повторялось от одного до нескольких раз в неделю. Ребёнок был вполне здоров; со стороны половых органов у него не наблюдалось никаких отклонений от нормы. Тоунсенд сообщает о пяти случаях у маленьких девочек.

При наблюдениях над грудными детьми обоего пола можно заметить, что многие из них при каждом раскрывании для обмывания, ванны или исследования тотчас начинают играть своими половыми органами. В большинстве таких случаев не наблюдается бросающихся в глаза психических сопутствующих явлений и эрекций. Это, пожалуй, просто игра. В меньшинстве случаев Фридьюнг наблюдал у мальчиков эрекции, у одной девочки "довольное лицо", у некоторых детей оргазм до появления пота, до нечувствительности при окрике и даже при щипке. У двух девочек он наблюдал подобные манипуляции на пупке; одна из девочек впадала в ярость, когда пытались ей помешать в этом.

Движения производятся детьми главным образом рукою, в большинстве случаев ритмически, по-видимому, не планомерно. Впрочем, у одной семимесячной девочки Фридьюнг наблюдал уже ритмические действия. На втором плане стоит давление на половые органы, которое производится в большинстве случаев скрещиванием ног, часто также таким образом, что ребёнок сжимает между ножками игрушку или одеяло, а руки прижимает к груди. Эти способы встречаются чаще у девочек, но

также и у мальчиков; они так же, как и описываемые ниже приёмы, чаще ведут к оргазму, чем манипуляции пальцами.

Наконец, девочки производят качательные движения на горшке, на твёрдых предметах, на полу, на подложенных под себя ногах. Дети не придерживаются всегда одного приёма, а иногда меняют их, даже по несколько раз.

У детей моложе трёх месяцев Фридьюнг ни разу не наблюдал онанистических действий.

Степень напряжения удовольствия и разряда его при описанных выше действиях у детей в первые годы жизни индивидуально различна. Некоторые авторы наблюдали сходное с оргазмом возбуждение и последующую сонливость у годовалых детей. Однако, обычно онанизм в этом возрасте редко заходит так далеко. Он служит больше для вызывания приятного возбуждения со специфической окраской и этим ограничивается. И по Тоблеру, у маленьких детей при онанистических манипуляциях не наступает ни ясно выраженный оргазм, ни акме в собственном смысле слова.

По Федерну, нельзя отрицать, что грудные младенцы и дети в определённые периоды развития явно сексуальны, а именно сексуальны в обычном смысле слова. Но для этого автора является очень сомнительным, чтобы нормальные дети онанировали в тесном смысле слова, т.е. имели возбуждение до высшей точки подобно оргазму. Эта высшая точка возбуждения (акме) узнаётся у детей по внезапному изменению выражения лица и по сосудодвигательным явлениям. Часто под конец появляются дрожательные движения члена или клитора.

По Шутлеворту, простая возбуждённость невропатического ребёнка даже в возрасте только нескольких месяцев иногда ведёт к самопроизвольным, случайно открытым приятным половым ощущениям, которые, правда, успокаивают на некоторое время нервную раздражительность, но создают опасный заколдованный круг. По наблюдениям этого автора, трение бёдрами встречается у маленьких детей гораздо чаще, чем обыкновенно думают.

По Фере, можно рассматривать онанизм у малолетних детей как простое раздражение покровов, вроде трения носа, ковыряния пальцами в носу, сосание пальцев и т.д., когда он не заканчивается спазмом половых органов. Но это не всегда бывает так и при отсутствии всякого следа эрекции и эякуляции. У детей, даже очень маленьких, моложе трёх лет, может происходить спазм без извержения жидкости, но сопровождающийся вибрирующими сотрясениями очень напряжённого члена; это состояние причиняет ребёнку боль, которая может вызывать у него слёзы и крик. Маленькие девочки иногда испытывают подобный же оргазм. Эта боль продолжается всё время, пока держится эрекция и мешает повторить трение члена. У некоторых детей эта реакция получается только при взаимном онанизме и никогда не происходит в одиночку.

Этот оргазм "в сухую" указывает на нервный разряд, за которым следует естественное утомление.

Мы видим, следовательно, что в грудном и раннем детском возрасте аутоэротические проявления сравнительно мало фиксируются на половых органах. Напротив, в позднем детском возрасте, в юности и в зрелости онанизм фиксируется на определённых эрогенных зонах, главным образом на половых органах, реже на мочевых органах (у женщин). Ввиду этого приходится рассматривать технику онанизма у каждого пола в отдельности.

Распространение онанизма в грудном и раннем детском возрасте

Фрейд разделяет онанизм по возрастам на следующие периоды:

1. онанизм грудных детей; сюда относятся все аутоэротические действия, служащие для полового удовлетворения;
2. онанизм детского возраста; он исходит, по Фрейду, непосредственно из первого и уже фиксирован на определённых эрогенных зонах;
3. онанизм периода половой зрелости, который примыкает к онанизму детского возраста или отделён от него скрытым периодом.

За образец детских сексуальных проявлений Фрейд принимает сосание вне приёма пищи.

Ещё в 1879 году Линднер подробно описал привычку детей сосать пальцы, облизывать губы и т.д. и находил известную связь между сосательными движениями и половыми явлениями. Он указал, что некоторые дети кусают губы или язык или же сосут рожок и в то же время теребят другую часть тела, например, ухо или половые органы, и усматривал в этом сосании половое проявление.

Школа Фрейда идёт в этом направлении ещё дальше и считает сексуальный характер сосания не подлежащим никакому сомнению. Я полагаю, однако, что этот вопрос ещё далеко нельзя считать

решённым. Можно лишь согласиться с тем, что привычка сосать что-нибудь, очень распространена у нервных детей, и что в этом смысле она играет известную роль при онанизме.

Вообще говоря, самопроизвольное появление онанизма не связано ни с каким возрастом. У детей моложе года некоторые авторы наблюдали трение одного бедра о другое. Вест наблюдал три случая онанизма у совсем маленьких детей – двух девочек и одного мальчика, у которых эта привычка развилась самостоятельно и могла быть объяснена лишь раздражением от давления одежды. В таких случаях, вероятно, имеется врождённая недостаточная сопротивляемость нервной системы.

И по Тоблеру, скрытые сладострастные ощущения могут возникать в области половых органов задолго до половой зрелости. Их можно наблюдать у детей в самом раннем возрасте.

По Лазегу и Комби, онанизм у детей 1,5-2 лет не имеет никакого значения; наблюдаемая у таких маленьких детей привычка тянуть половой член или раскачивать его, по мнению этих авторов, так же безобидна, как сосание большого пальца; с течением времени этот "род тика, маниакальной привычки" проходит сам собою.

Только значительно позже эти ощущения, имеющие периферическое происхождение, связываются с центральными чувствами и представлениями в одно целое в форме сознательного полового ощущения. Интенсивность и темп развития подлежат здесь большим индивидуальным колебаниям.

Таким образом, можно считать доказанным, что онанизм нередко встречается уже в первые годы жизни, даже в грудном возрасте. Но до сих пор не доказано, чтобы онанизм в грудном возрасте и в раннем детском возрасте был обязателен, как это склонна считать школа Фрейда, т.е. встречался и у детей, не расположенных к неврозу.

Надо иметь в виду, что в своих утверждениях о детской сексуальности Фрейд основывается главным образом на результатах психоаналитического изучения взрослых невротиков. Он исходит при этом из того взгляда, что детские годы людей, которые оказались впоследствии невротиками, в отношении сексуальности не подставляют существенных отличий от детских лет людей, которые оказались впоследствии здоровыми. Однако если даже признать основательными выводы относительно сексуальности в детском возрасте, полученные у взрослых невротиков при помощи психоанализа, то, безусловно, нельзя обобщать эти выводы.

После трёх лет дети обычно перестают онанировать; если же продолжают, то уже с новыми сопутствующими психическими явлениями – стыдом, чувством виновности. Они онанируют скрытно; при исследовании таких детей у них замечается стыдливость.

Приблизительно с 4-6-летнего возраста и до периода, предшествующего половой зрелости, тянется скрытный, латентный период сексуальности; в течение этого времени физический онанизм наблюдается реже, чем раньше; у некоторых мальчиков он совершенно отсутствует. Что касается девочек этого возраста, то нередко приходится слышать от родителей жалобы на онанизм у них. Поступление в школу и занятия предметами учебного курса в значительной степени способствуют этому уменьшению сексуальности. Мы имеем здесь, очевидно, важное в биологическом отношении время, которое должно подготовит концентрирование полового стремления к половым органам и к избранию полового объекта.

Онанизм у детей не всегда бывает физическим, т.е. периферически-механическим. Как только у ребёнка достаточно разовьётся фантазия, она может сделаться сознательной спутницей онанистических актов. Затем фантазия может сделаться решающим моментом, причём своё возбуждение, полученное путём чтения, разговора или зрительных впечатлений, она переносит на главную или второстепенную зону. Это значение фантазия сохраняет и впоследствии. При некоторых обстоятельствах её роль может сделаться настолько самостоятельной, что одной только игры фантазии, без всяких манипуляций, оказывается достаточно для окончательного разряда полового возбуждения.

И по Моллю, онанизм у детей, как и у юношей, чаще всего сопровождается эротическими представлениями; если они иногда отсутствуют в начале акта, то обыкновенно появляются при продолжении его. По мнению этого учёного, онанизм, не сопровождающийся никакими представлениями, встречается гораздо чаще у детей, чем у юношей, так как периферические явления детумесценции и центральные явления контрекции в детстве не так тесно связаны друг с другом, как впоследствии. Влечение к контрекции может даже иметь место задолго до появления влечения к детумесценции, но последнее, появившись, часто удовлетворяется ребёнком путём онанизма, как чисто физического акта.

Склонность вызывать половой оргазм или другие сладострастные ощущения до периода половой зрелости при нормальных условиях, по-видимому, не у всех детей одинакова. Одни уже в ранней юности имеют сладострастные ощущения от случайного прикосновения к половым органам; у других лишь иногда бывает слабое возбуждение; у третьих до возраста половой зрелости существует полная анестезия настолько, что, например, даже продолжительным трением пениса таким субъектам не удаётся вызвать у

себя эрекцию; впоследствии же, в периоде половой зрелости у них могут появиться эрекции в сопровождении нормальных половых ощущений.

У детей, особенно в школьные годы, довольно часто бывает взаимный онанизм, притом как между субъектами одного пола, так и разного пола.

Здесь будет уместно коснуться вопроса об оргазме и выделении из половых органов при онанизме в детском возрасте. Можно считать установленным, что равномерное чувство сладострастия и даже сильный приступ его встречаются в таком возрасте, когда ещё не может быть обнаружено никакое выделение из половых органов; но эрекция и чувство сладострастия, испытываемое в половых органах, появляются в ещё более раннем возрасте.

В некоторых патологических случаях, когда, например, онанизмом вызвано чрезмерное раздражение, сильный приступ сладострастия сопровождается чувством боли.

В отдельных случаях у детей обоего пола наблюдаются ритмические специфические сокращения мускулатуры полового аппарата, хотя жидкость при этом не выступает. Вероятно, при этом происходит какое-либо выделение, не замечаемое наблюдателем или вообще незаметное. Если при эякуляции выделяется незначительное количество жидкости, то оно задерживается трением его о стенки канала и не выступает наружу, а выделяется, может быть, лишь при ближайшем мочеиспускании. Это выделение может содержать семенные нити не ранее 13-летнего возраста; вышеописанные эякуляции Фюрбрингер и Молль наблюдали у мальчиков моложе 12 лет, даже у 10-летних. Подобный эякулят состоит из секретов придаточных половых желез: семенных пузырьков, желез Купера и Литтре, выносящих протоков, но, вероятно, не содержит секрета предстательной железы.

У незрелых девушек и девочек в эякуляции могут участвовать Бартолиновы железы, а также слизистые железы матки, маточной шейки, влагалища, больших срамных губ. Может быть, и мочеиспускательного канала.

Описанные здесь истечения при онанистических актах бывают во втором периоде детства чаще, чем в более раннем возрасте.

Секс с подростками

Ася Казанцева, научный журналист

В 2003 году возраст сексуального согласия в России был увеличен с 14 до 16 лет. В мире он колеблется от 9 до 20 лет, но все развитые страны балансируют на промежутке 13-16. В чем научный смысл запрета на секс в раннем возрасте, и есть ли он вообще?

Многие правительства пытаются принимать законы, так или иначе направленные на снижение сексуальной активности подростков. Задолго до того, как Россия начала размышлять о [защите детей от информации](#), Америка уже вовсю развлекалась с государственным финансированием школьных уроков, рекомендующих абсолютное воздержание до брака. Здравомыслящие люди обычно сомневаются в эффективности подобных мер. Но, возможно, стоило бы задуматься и о том, нужно ли в принципе бороться с подростковым сексом?

Воздерживаться или не воздерживаться

История о том, как с сексуальной активностью подростков сражались Соединенные Штаты, совершенно прекрасна. На пропаганду воздержания в американских школах с 1996 до 2011 года [было потрачено](#) около полутора миллиардов долларов - за такие деньги скоро можно будет [на Луну слетать](#).

Еще в 2004 году вокруг уроков воздержания разгорелся скандал: в методических материалах [обнаружилось](#) множество антинаучных утверждений. Подростков вводили в заблуждение не только в воспитательных целях ("даже при скрупулезном использовании презервативов незапланированные беременности случаются у 14% женщин в год"), но и просто в результате банальной научной безграмотности разработчиков курса ("при зачатии ребенка происходит слияние 24 хромосом матери с 24 хромосомами отца"). После того, как вранье на школьных уроках стало достоянием общественности, воздержание пропагандировать не прекратили. Финансирование этих программ пошло на спад позже — когда подоспели научные исследования их эффективности.

В штатах, где велась пропаганда воздержания, уровень подростковых беременностей оказался на 24% выше, чем в тех, где она не велась.

В [исследовании](#) университета Индианы, опубликованном в 2011 году, ученые рассортировали американские штаты на четыре группы по интенсивности пропаганды воздержания и сравнили уровень подростковых беременностей в этих штатах. Выяснилось, что там, где школьная программа не содержала призывов к воздержанию (даже без учета того, включала ли она какие-нибудь более разумные подходы к сексуальному просвещению) уровень подростковых беременностей составлял 59 случаев на 1000 девушек. Вообще-то это много. Америка — высокорелигиозная страна, и [неудивительно](#), что она стабильно удерживает одно из первых мест в развитом мире по количеству залетающих школьниц и студенток. Но все же ситуация заметно лучше, чем в тех штатах, где сексуальное воспитание подростков опиралось на идею воздержания до брака: там на каждую тысячу девушек приходилось 73 беременности. Этот тренд сохранялся даже после внесения всех поправок на экономический и образовательный уровень, а также этнический состав населения штата.

Так ли ужасно, что подростки занимаются сексом?

Статистические данные не позволяют выявить четкую связь между частотой беременности среди подростков и интенсивностью их половой жизни. В возрасте от 15 до 19 лет [рожают ребенка](#) 52 барышни на 1000 в Соединенных Штатах, 31 — в Великобритании, 20 — в Канаде, 13 — в Германии, 8 — в Дании, и [около 30](#) - в России. При этом в 15 лет уже занимались сексом [26% американских девушек](#), 32% девушек в [Великобритании](#), 25% в Канаде, 24% в Германии, 38% в Дании, и 18% в России. Вообще, конечно, хочется сказать, что статистическая связь все-таки есть, только она обратная: чем больше барышень уже лишились девственности к 15 годам, тем ниже уровень подростковых беременностей в стране. Но, к сожалению, делать такие выводы без тщательного обсчета данных невозможно, так что пусть это будет просто безответственным предположением.

Возраст сексуального согласия также не связан напрямую с рисками для подростков. В Японии и в Испании он составляет 13 лет, что никак не мешает этим странам поддерживать крайне низкий уровень подростковых беременностей и родов (4,6 детей на 1000 юных девушек в Японии и 7,9 в Испании). Ирландия, возраст согласия в которой — 17 лет, демонстрирует более высокую частоту родов среди подростков (18,7 на 1000 девушек). США, лидер среди развитых стран по числу подростковых

беременностей и родов, позволяет штатам самостоятельно устанавливать возраст согласия, но в основном речь идет о [16 годах и старше](#).

Исследования подросткового секса (как и исследования чего угодно на свете) в основном проводятся в США. В соответствии с данными, собранными в этой стране, ранняя сексуальная активность — это, в целом, признак неблагополучного подростка. Секс в юном возрасте [ассоциирован](#) с такими факторами, как употребление алкоголя, низкая успеваемость в школе, признаки депрессии, развод родителей. Правда, связь с любым из этих параметров сомнительная, в том смысле, что ее удастся обнаружить не во всех исследованиях. А главное, как всегда, непонятно, где причина, а где следствие. Вполне можно предположить, к примеру, что подростки борются с плохим настроением посредством секса. И в чем тогда виноват секс?

Исследования, противоречащие общественной нравственности

Слишком позднее начало половой жизни — это тоже повод насторожиться. Похоже, что подолгу воздерживаются от нее те девушки, которые особенно тяжело переносят стрессы — а может быть, даже наоборот, раннее начало половой жизни способствует более высокой стрессоустойчивости в дальнейшем. По крайней мере, подобные выводы можно сделать из [исследования](#) Стюарта Броди (мы в “Метрополе” вообще нежно любим этого сексолога и [часто его вспоминаем](#)). Он проанализировал колебания уровня гормонов стресса во время публичных выступлений и выяснил, что женщины, начавшие заниматься сексом раньше 18 лет, демонстрируют меньший выброс кортизола и быстрее возвращаются к нормальным показателям, чем те, кто лишился девственности уже после совершеннолетия.

Иногда появляются работы, более отчетливо демонстрирующие пользу подросткового секса. В 2007 году ученые из университета Вирджинии провели долговременное [исследование](#) 534 близнецовых пар, в котором выяснилось, что раннее начало половой жизни связано с низким уровнем антиобщественного поведения. Каждого участника расспрашивали о сексуальной активности и о мелких правонарушениях (рисование граффити, воровство в супермаркетах и тому подобное). Интервью проводились не только в школьном возрасте, но и еще два раза с промежутками по семь лет (полагаю, это повышает вероятность честных ответов). Исследователи сравнили пары близнецов (т.е. генетически идентичных людей, воспитанных более или менее в одинаковых условиях) и обнаружили, что уровень антиобщественных действий регулярно оказывался выше (а не ниже, как ожидалось!) у того близнеца, который начал половую жизнь позже. Кроме того, [выяснилось](#), что раннее начало половой жизни еще и способствует социальной адаптации во взрослом возрасте.

Но одобрение секса подростков — это полбеда. Настоящей проблемой стало исследование, показавшее, что даже вред от секса для несовершеннолетних в какой-то степени преувеличен. В 1998 году Брюс Райнд и его коллеги [опубликовали](#) мета-анализ 59 исследований психотравм от сексуальных домогательств, пережитых в детстве. Они показали, что люди, столкнувшиеся с домогательствами, действительно менее успешны — но это связано скорее с тем, что они в принципе росли в неблагополучных семьях; если сделать на это поправку при анализе данных, то негативный эффект от собственно сексуальных домогательств перестает быть статистически значимым. Работа подверглась жесткой критике (во многом справедливой: например, речь шла о выборке из студентов колледжей, то есть за скобки были вынесены все люди, травмированные настолько, чтобы не пойти учиться после школы), но очень скоро вопрос вышел за рамки академической дискуссии и стал политическим. Конгресс США [заявил](#), что отвергает и осуждает попытку показать, что секс с детьми может быть менее травматичным, чем считалось ранее; и что исследования надо продолжать, но только так, чтобы получить точную информацию. Или то, что конгрессмены хотели бы считать точной информацией в рамках актуальных моральных ценностей — это сформулировано не было, но легко читается между строк.

Источник: <http://mtrpl.ru/teens>

Что является причиной педосексуальности

перевод с английского. автор текста - психолог, пожелавший остаться анонимным

Многие педосексуалы интересуются причиной своих желаний, что вполне понятно с учётом того, сколь сильно они влияют на них и их жизнь. Однако в наше время причина педосексуальности к сожалению является загадкой для науки. Ни один учёный не может объяснить с какой-либо долей достоверности что является её причиной и ни одна из существующих ныне теорий не может быть научно доказана. Также педосексуальность нельзя измерить или выявить с помощью какой-либо научной процедуры или аппаратуры. Эта черта просто существует у некоторой части людей в популяции и является одной из многих тайн нашего мира.

Спасибо, теперь всё ясно! Так?

Когда я только начал изучать психологию, меня изрядно напугал тот факт, что мы очень мало знаем о человеческом мозге и о том, как в действительности он работает. Большая часть современной официальной психологической науки основана исключительно на теориях и идеях, а не на фактах. Педосексуальность кроме всего прочего является трудной темой и явлением для изучения из-за различных табу и субъективности. Многие талантливые учёные с превосходными навыками, которые потенциально могли бы заниматься этим вопросом, избегают касаться или как-то ассоциироваться с ним, что приводит к исключению из процесса многих великих умов. Большинство из тех, кто всё-таки решается на такие исследования, можно считать субъективными. Они подвержены распространённому в обществе негативному взгляду на педосексуальность, что приводит к подгонке ими своих работ в угоду общественному мнению.

Те совсем немногие и смелые исследователи, такие как Брюс Райнд, реально опубликовавшие исследования в пользу педосексуалов, сами могут оказаться субъективными. В любом случае они встречают большое сопротивление и порицание со стороны научного сообщества.

Один мой друг изучал самый ранний период развития человека, то есть темой его исследования была жизнь древнейших людей. Его исследования показали, что секс между взрослыми и детьми, даже близкородственными, был в то время распространённым явлением. И он нашёл этому много доказательств. Но ему пришлось исключить это из своей работы, чтобы сохранить свою должность, финансирование и семью.

В остальных исследованиях только скукота и жаргон, которые куда менее интересны тем, кто действительно хочет узнать что такое педосексуальность и откуда она берётся.

Три основные теории

Сейчас существуют 3 основные теории причин педосексуальности, на которых мы остановимся подробнее.

Общепринятая теория

По очень распространённой и популярной теории причиной педосексуальности являются последствия "сексуальных посягательств", по которой человек приобретает эту ориентацию, потому что сам в детском возрасте был их жертвой и именно это явилось причиной его "отклонений". Фундаментом для этой теории является факт, что некоторые люди, пойманные правоохранительными органами за сексуальные преступления против детей, заявили, что сами в детстве подвергались подобному. В научном исследовании педосексуалов эта связь получила большое распространение.

Но у этой теории есть пара проблем.

Даже хотя все эти результаты допросов могут быть подтверждены полицейскими и судебными документами, они всё равно субъективны. Следуя рекомендациям большинства адвокатов, подсудимый в таких случаях просто заявляет, что в детстве он сам был жертвой сексуальных посягательств. Это позволяет завоевать сочувствие судьи или присяжных и получить наименьший возможный срок. Так что для таких заявлений есть важный мотив.

Конечно, некоторые из этих подсудимых действительно подвергались сексуальному насилию в детстве. Но мы никак не можем уйти от факта, что большинство жертв сексуальных посягательств не становятся педосексуалами во взрослом возрасте. Кроме того, существует множество людей с этой ориентацией, у

которых в детстве не было никаких сексуальных контактов со взрослыми. Так что ни о какой научной достоверности речь тут идти не может.

Эта распространённая теория также хорошо вписывается в идеализм большинства членов общества, потому что для общества куда удобнее и ближе идея, что педосексуальность происходит от осознанного человеческого поведения, а не от природы (и значит за неё можно наказывать и дискриминировать как за осознанный поступок - прим. пер.).

В любом случае эта теория в научном сообществе всё больше считается отжившей своё, просто из-за перечисленных выше недостатков и отсутствия реальных научных доказательств.

Современные теории

Последние и лучшие научные исследования педосексуальности проводились более точными научными методиками. Основной акцент делался на биологию с использованием магнито-резонансной томографии (МРТ) головного мозга. Эти исследования показали, что истинные педосексуалы по-видимому имеют отличающееся по нескольким параметрам функционирование и/или структуру головного мозга в сравнении с обычными людьми.

Поскольку сейчас речь идёт о человеческой биологии и структуре нашего мозга, мы также говорим о генах, что свидетельствует о связи педосексуальности с генами, следовательно она существует в нас с рождения. Возможно это генетическое отклонение, унаследованное от родителей или их предков, или здесь могут влиять какие-то факторы в процессе внутриутробного развития.

Но у этого исследования есть и некоторое количество проблем.

Проводившим его учёным были доступны только испытуемые, осуждённые за различные сексуальные преступления против детей. И многие из тех, кто попадает за это за решётку, вообще не являются педосексуалами. Им доступны только осуждённые, потому что эти исследователи по понятным причинам не могут опубликовать объявление в газете, чтобы пригласить педосексуалов для добровольного прохождения исследований в научной лаборатории. Поэтому существует огромное количество педосексуалов, которые не попадали в поле зрения правоохранительных органов, о которых по этой причине учёным ничего не известно и которых они не могут использовать в своей работе.

Другая проблема, ещё более усложняющая работу таких исследователей, состоит в том, что какую бы закономерность они ни обнаруживали в своих исследованиях, всегда найдутся люди, которые не вписываются в эти закономерности. Это особенно справедливо в отношении учёных, использующих МРТ, что не добавляет им уверенности, делая их в конечном итоге менее заслуживающими доверия.

Остановка эмоционального развития

Последней теорией в сфере психологии является пока ещё не опубликованная теория остановки эмоционального развития (англ. HED), которая выглядит весьма убедительной и осмысленной как для исследователей, так и самих педосексуалов.

Рост и развитие человека продолжается с момента рождения до взрослого возраста и это развитие идёт как на физическом, так и на умственном уровне. Данная теория педосексуальности говорит, что определённая часть нашего мозга, контролирующая сексуальные и социальные чувства, прекращает своё развитие у этих людей в различные периоды детства. Если это развитие останавливается в очень раннем возрасте, то человек будет испытывать сексуальное влечение к совсем маленьким детям. Если оно остановилось позже, его будут привлекать дети постарше.

Эта особая часть мозга может прекратить развитие на любом этапе, даже в возрасте 21 года, так что 50-летний человек будет испытывать влечение к молодым людям этого возраста, а не к сверстникам. Это также влияет на социальное поведение педосексуалов, заставляя их чувствовать себя комфортнее среди детей предпочитаемого возраста, а не близких по возрасту взрослых. Данную особенность признают многие педосексуалы. Причина остановки развития может быть генетической, возникать под влиянием среды или в результате обоих этих факторов.

Можно считать это эмоциональной отсталостью, однако это никак не влияет на интеллект человека. Интеллект и все другие функции развиваются как обычно, так что эта особенность не связана с общей отсталостью. Просто, согласно ещё пока научно не подтверждённой теории, сексуальные и социальные чувства в этом случае не развиваются по нормальному сценарию. Сейчас работа над этой теорией ещё продолжается, но она достаточно осмысленная и правдоподобная с моей точки зрения.

Резюме

Теперь вы понимаете как мало мы в настоящее время знаем о педосексуальности и её происхождении и как мало мы знаем о психологии человека и нашем мозге в целом.

Таковы актуальные теории, взятые из научной литературы и представленные здесь в более понятном виде. Если вы считаете данную тему интересной, вы можете углубиться в этот вопрос, используя научную литературу, но вся она переполнена специализированными терминами, делающими её изучение трудным и скучным для неподготовленного человека, в то же время вы не станете более просвещённым, чем в настоящий момент.

Ребёнок как предполагаемая жертва и реальные жертвы сексуальных злоупотреблений (фрагменты)

Авторы: Холлида Уэйкфилд и Ральф Андеруэгер

Перевод с английского, [оригинал](#) (содержит также ссылки на цитируемые работы других авторов).

Последствия ошибки

Если взрослые делают ошибку и поступают с не пострадавшими от злоупотреблений детьми как с пострадавшими, это всё не так безобидно или простительно. Психотерапевт Дж. Смит рассказывает о письме, которое ему передала его 17-летняя пациентка Стефани во время четвертого посещения:

Доктор, я так несчастна, мне нужна ваша помощь. Я уже рассказывала, что мы с мамой недолюбливаем друг друга. Мы постоянно дерёмся и ссоримся. Но я ни разу не рассказывала вам почему. В детстве я очень любила своего отца. Думаю, тогда мне было около 6 лет. Мы были очень близки и проводили вместе много времени. Я знала, что мама и папа не очень-то хорошо уживаются, но между мной и родителями отношения каким-то образом всегда были нормальными.

И однажды мама сказала мне, что папа сильно заболел и ему нужно пойти ко врачу, чтобы поправиться. Она сказала, что мне нужно рассказать как мой отец делал мне больно, трогая за неприличные места. По словам мамы если я скажу об этом, папу вылечат, он поправится и будет для меня куда лучшим папой и дарить больше подарков.

Мы с мамой отрепетировали что я должна была сказать и она отвезла меня ко врачу в другом городе. Там мы снова репетировали что я должна была сказать и я сказала [на приёме] что она просила.

Спустя некоторое время мама сказала, что папе пришлось лечь в больницу, где он получит требуемое лечение, но в возрасте 12 лет я узнала, что он сидит в тюрьме за обвинение в совращении меня.

Однажды я навестила отца в тюрьме. Он сказал, что много раз отправлял мне письма, но я не получила ни одного из них. Думаю, мама сожгла их. Потом мама сказала, что отец живёт в другом штате.

Вчерашним вечером у нас с матерью произошла большая ссора и она сказала мне, что отец покончил жизнь самоубийством. Мне так плохо. Вина на мне, потому что я солгала по просьбе матери. Я ненавижу её и ненавижу себя. Я не могу больше это терпеть! Жду-недождусь, когда вырасту и смогу съехать от матери. Помогите мне, доктор Смит.

На следующий день Стефани умерла от передозировки снотворного, взятого у матери.

Полицейский Уильям Янко совершил самоубийство после поступления жалобы о том, что он поцеловал в губы 10-летнего мальчика. Янко в течение 14 лет работал с трудными детьми и его смерть была расценена как гибель при исполнении служебных обязанностей. В письме своим сыновьям Янко написал: "Неважно, что я скажу, люди всегда будут иметь подозрения. Я не смогу вынести то, что люди будут думать обо мне" (Associated Press 1992). Дуглас Таррант совершил самоубийство после предъявления обвинения в сексуальном злоупотреблении, которое он назвал ложным в предсмертной видеозаписи, сделанной для членов семьи. 15-летняя девушка, выдвинувшая против него обвинение, забрала своё заявление за 2 дня до того, как он покончил с собой, но ему об этом не сообщили.

Матери трёх детей из Канады, против которой её прошлый муж выдвинул ложное обвинение в сексуальном злоупотреблении, вернули детей по решению суда. Детей подвергали допросам с помощью методик, хорошо известных её мужу, работавшему в израильской службе разведки Моссад. Они так возненавидели мать, что начали резать её одежду, пытались сжечь дом, нападали, проклинали, обзывали, прогуливали школу и отказывались сотрудничать каким-либо образом. Теперь, спустя 2 года

после этого эпизода, мать считает, что хотя отношения между ней и детьми в целом восстановились, они уже никогда не будут такими, как прежде.

Расследование обвинения редко когда бывает безобидным для человека. Д. Мантелл отмечает, что процесс расследования обвинения может принести большой урон интересам ребёнка и его наиболее важным взаимоотношениям, чем само расследуемое действие. А. Тайлер и М. Брассард сообщают, что расследование сексуального злоупотребления может быть разрушительным для семей и детей, особенно для предполагаемой жертвы, которую помещают в детдом или в приёмную семью. У. Диорио пишет, что родители, чьих детей забирали, во всех случаях оценивали действия органов опеки как репрессивные, несправедливые, бесчувственные, грубые и жестокие. М. Баурманн обнаружил, что вторичная виктимизация была обычным делом в его выборке 8058 жертв сексуального злоупотребления в Нижней Саксонии. Он пишет, что это справедливо как минимум для одной пятой его выборки, а основной причиной вреда, по мнению самих жертв, было поведение родственников, друзей или правоохранительных органов, а не само злоупотребление как таковое.

Даже если в результате следствия выяснилось, что обвинение было ложным, самой предполагаемой жертве и её семье обычно наносится серьёзная травма. Л. Шульц провёл исследование ста семей, прошедших через ложное обвинение в сексуальном злоупотреблении, и выяснил, что почти все сообщили о большом разладе и травме. С. Девис и Н. Реппуччи обследовали 85 мужчин, сообщивших о том, что им предъявляли обвинения в ненадлежащем отношении к своим детям или внукам. Почти все, вне зависимости от того, были ли они признаны виновными или нет, сообщили о целом ряде негативных последствий в различных сферах их жизни. Б. Робсон рассказывает о последствиях произошедшего в штате Миннесота, где 25-ти взрослым было предъявлено обвинение в ненадлежащем отношении к своим собственным и чужим детям. Обвинения были сняты после того, как единственное дошедшее до суда дело закончилось оправданием и дети смогли вернуться домой. Однако все семьи пережили серьёзную дисфункцию и страдания, и "вероятно, что неисцелимую психотравму получили как обвинители, так и обвинённые". Р. Вайнбах отмечает: "Снятие обвинений не может отменить нанесённый урон. Даже бездоказательные обвинения склонны порождать тайные сомнения у друзей, семьи и коллег".

Недавно в Великобритании Вестминстерским колледжем Оксфорда было проведено исследование 30 семей, переживших ложные обвинения в сексуальных злоупотреблениях. В исследовании был проанализирован процесс расследования, результаты, влияние на детей, родителей и родственников. Все испытали посттравматический шок. Исследование также показывает, что вид психологической помощи, требуемый этим семьям, является уникальным и наиболее близким к нему является помощь пострадавшим от насилия. Эти семьи являются пострадавшими, потому что они подверглись нападению извне, которое разрушило их жизнь.

Обвинения [родителей] в сексуальных злоупотреблениях часто приводят к помещению детей в приёмные семьи. Нахождение в такой семье редко когда позитивно сказывается на ребёнке. Д. Бешаров исследует последствия и заключает, что это весьма неприятный опыт, который приводит в замешательство маленьких детей и расстраивает более старших. Если подвергшегося сексуальным злоупотреблениям ребёнка забирают из дома, в котором он проживал, есть большая вероятность усугубления полученной им травмы.

Назначенная судом коллегия из 13 экспертов проанализировала работу всех органов опеки в штате Иллинойс и их обращение с 23000 детей, находящихся под их надзором. Отчёт показывает, что агентство, в чьи руки вверено предотвращение ненадлежащего отношения к детям, само относится ненадлежащим образом и оставляет без заботы несколько тысяч детей. Н. и М. Силберберги замечают, что когда родители относятся к детям ненадлежащим образом, им предъявляют обвинения в ненадлежащем отношении, а чиновники, совершающие то же самое, заявляют, что они реабилитируют детей.

Д. Джонс описывает девять возможных составляющих ятрогенного вреда (т.е. вызванного вмешательством специалистов), наносимого системой в случаях, когда дети действительно пострадали от ненадлежащего отношения: (1) чрезмерное вмешательство специалистов, (2) многократные собеседования, (3) многократные медосмотры, (4) ухудшение стандартов проживания, (5) защитное принятие решений, (6) участие в судебных заседаниях, (7) задержка в предоставлении помощи, (8) чрезмерная помощь, и (9) проживание в приёмной семье. Джонс также сообщает о ряде исследований, показывающих, что в приёмных семьях частота ненадлежащего отношения выше, чем в сравнимых с ними родных семьях.

Если подвергшийся сексуальному злоупотреблению ребёнок получает травму в результате последствий раскрытия этого факта, расследования и вмешательства правоохранительной системы, то последствия могут быть гораздо более серьёзными для ребёнка, который в действительности не подвергался злоупотреблениям. Ребёнок не только может быть помещён в приёмную семью или быть разлучён с родителями, но часто его также направляют на терапию для пострадавших от сексуального насилия, где ложные обвинения поощряются и подкрепляются. Ребёнка могут заставить сосредоточиться на чувствах,

возникавших, когда его принуждали или насильствовали, и разговаривать о самом акте и совершившем его человеке в течение месяцев или даже лет.

Т. Кэмпбелл рассказывает о девочке 7 лет, находившейся в такой программе терапии в течение двух лет. Частью этой терапии было обязательное ведение ребёнком дневника, где в течение 9 месяцев она должна была записывать свои мысли и чувства. В дневнике было 246 записей, в основном описывающих сны. Мать девочки представлялась в негативном свете в 121 записи, а отчим - в 120. Наблюдался последовательный рост ненависти и враждебности в отношении обоих. Когда состоялся суд, девочка обвинила мать и отчима в ненадлежащем отношении, вспоминая свои сны, как будто всё в них было на самом деле. Условия конфликта при разводе на предмет опеки и развитие обвинений явно свидетельствовали о том, что обвинения были ложными и присяжные оправдали мать и отчима. Подобный опыт терапии может явиться вторжением в развивающуюся способность ребёнка отличать фантазию от реальности.

Вот какого рода вред может быть нанесён детям и их семьям. Если то, о чём говорят Т. Хорнер и М. Гьюер - правда, т.е. что на каждый ложно отрицательный результат приходится около 20 ложно положительных, общее количество человеческих страданий и несчастий, порождённых системой, ставящей своей задачей защиту детей, требует немедленного улучшения точности принятия решений.

Антисексуальность

Последнее наблюдение о нынешней борьбе с сексуальными злоупотреблениями состоит в том, что она представляет собой жестокое и беспощадное наступление на человеческую сексуальность. Ничего подобного мир не знал с времён Тертуллиана - христианского проповедника, который считал, что единственный способ быть правильным христианином - это кастрировать себя. В недавнем интервью психиатр из Гарварда Джудит Херман, бывшая также одной из первых феминисток, специализировавшихся на сексуальных злоупотреблениях, сказала о насильниках: "Они просто ужасны. Они поступают так, потому что хотят и это приносит им удовлетворение". Эта позиция также демонстрирует усилия по увязыванию сексуального злоупотребления детьми с обвинениями в вовлечении детей в сатанинские культы.

Джон Мани считает антисексуальную направленность системы по борьбе с сексуальными злоупотреблениями новой специальностью виктимологии и полагает, что имеет место мощное антимужское движение, являющееся частью более общей враждебной реакции на сексуальную революцию 1960-х. Он также считает виктимологию приравнивающей секс к проступку. Д. Мошер прослеживает развитие образа ребёнка, имевшего место в истории американского движения по защите детей: "Ребёнок-бунтарь уступил место страдающему от лишений, тот - больному ребёнку, а тот в свою очередь, ребёнку-жертве". Этот аспект антисексуальности без какой-либо критики принимается сообществами специалистов и завоевал уважение в кругах профессионалов.

В то же время сообщества специалистов поддерживают политкорректные пережитки сексуальной революции с их позициями в отношении аборт, прав гомосексуалистов и феминистскую риторику. Самые первые программы по борьбе с ненадлежащим отношением к детям продвигались феминистками. Программы по предотвращению сексуальных злоупотреблений, распространившиеся по всей стране, основаны на теории расширения возможностей. Ориентация этой теории является политической идеологией, в самом сердце которой находятся антисексуальные принципы.

Антисексуальные послы можно выявить в языковых приёмах, используемых "защитниками детей" с их собственной особой манерой использования терминов, таких как "боль", "трогать", "странное ощущение", "неприличные части тела", "гадость" и "неприятное". Система не позволяет использовать конкретные понятия для обозначения вещей, связанных с сексуальностью, а использует метафоры типа "части тела, скрытые под купальником". Это может сообщить детям только то, что к сексу относятся негативно и о нём нельзя свободно и открыто говорить. Если маленького ребёнка, который почти ничего не знает о сексуальном поведении взрослых, будут регулярно спрашивать о девиантном поведении, ему гарантированно будет привит негативный взгляд на сексуальность. Акцент на половых органах прививает генитализированный и поверхностный взгляд на сексуальность, способный помешать развитию концепций близости и сексуальности.

Прискорбной тенденцией является приравнивание детских сексуальных игр к сексуальным злоупотреблениям. Криминализация того, что всегда считалось относительно нормальной сексуальной игрой и любопытством, отражает антисексуальную направленность системы по борьбе с сексуальными злоупотреблениями. Примером может служить обсуждение Х. Кантуэлл явления, которое она называет "малыши - преступники". Кантуэлл не даёт адекватного определения нормального сексуального поведения и в числе примеров приводит ребёнка 7 лет, затеявшего сексуальную игру с соседской девочкой 5 лет. Дж. Хогард подчёркивает, что нет оправдания называть взаимно приятную сексуальную игру совращением или вешать на одного или обоих детей ярлык совратителя. Но это происходит в

действительности. Дж. Томпсон описывает ситуацию, где добровольные ласки груди 14-летней девушки со стороны её 16-летнего парня привели к осуждению юноши за сексуальное злоупотребление.

Совсем маленькие дети могут быть приговорены к терапии или к различным ограничениям. В городе Финикс мальчики в возрасте 7 лет были приговорены к прохождению программы терапии для малолетних преступников с использованием плетизмографа и противорецидивному воздействию. Им демонстрировали сексуальные изображения гетеросексуального, гомосексуального и педофильного вида. Если плетизмограф регистрировал увеличение полового органа, ребёнка подвергали неприятному воздействию.

Страховые компании согласны платить большие суммы, чем идти под суд, когда есть обвинения в сексуальных играх между детьми. Мы проводили консультирование в одном деле об обвинении в сексуальной игре между мальчиком 4 лет и девочкой 3 лет в детском саду, приведшей к тому, что родители девочки выбили из страховой компании крупную сумму. В другом деле мужчина, познакомившийся с матерью-одиночкой, был обвинён в том, что поцеловал её 10-летнего сына перед сном, а также за шлепок его по попе. Мужчину осудили на 2 года тюрьмы. В заключительном слове прокурор сказал судье, что ни одному мужчине не должно быть позволено делать то, что неприятно ребёнку, и оправдывать это желанием выразить своё расположение.

Выводы

Реальными жертвами сексуального злоупотребления детьми являемся все мы, потому что система, созданная нами для искоренения этого явления приносит больше вреда, чем пользы. Детям может быть нанесён вред самим вмешательством. Семьи, включая близких родственников, могут быть разрушены. Дедушки и бабушки могут больше никогда не увидеть внуков. Профессии, включающие в себя работу с детьми, становятся подозрительными: учителя, священники, вожатые, опекуны, детские тренеры, сотрудники детских садов, детские психологи, специалисты в области психического здоровья и люди других профессий находятся под надзором общества, с подозрением спрашивающего, почему они выбрали работу с детьми. Одиноким людям быстро усваивают, что нужно избегать любых дружеских действий в отношении детей. Мужчины понимают, что несмотря на ведущуюся в течение 20 лет пропаганду о том, что у них якобы могут быть нежность и чувства, если они выражают эти чувства в отношении детей, их могут отправить за решётку.

Реймонд Баки, вне всяких сомнений имеющий право считать себя пострадавшим от системы, сказал о том, как все оказались жертвами в деле о детском саде МакМартина:

Эти семьи и дети являются жертвами наравне с нами. Мы все жертвы. Система засосала нас и мы были лишь пешками, равно как и семьи. Мы не стали бы нападать [в суде] на этих детей и эти семьи на том основании, что понимаем, через что им пришлось пройти, и можем им только посочувствовать, но в то же время мы были вынуждены показать, что сказанное ими - неправда.

...

Но нет, мы не нападаем на них.

К сожалению, многие специалисты, долго и усердно работавшие для привлечения общественного внимания к сексуальному злоупотреблению детьми, демонстрируют защитную реакцию в ответ на справедливые вопросы о неоправданной цене и ложных жертвах. Тем специалистам, которые считают, что система плохо обошлась с ними, очень трудно отказаться от своего эмоционального вклада в формирование образа своей невиновности. Коллеги разбиты на непримиримые лагеря. Обвинения и контробвинения сыпятся в обоих направлениях на уровне конкретных людей, ассоциаций, организаций и общества.

Для тех, кто озабочен ненадлежащим отношением к детям, должно быть возможно принципиальное соглашение, что увеличение точности в этом процессе желательно и достижимо. Сейчас больше заслуживающей доверия и надёжной информации, чем несколько лет назад. Можно принять, как это сделали С. Сеси и М. Брук, что в научном сообществе сейчас есть общий консенсус на предмет ряда основных фактов. Эта информация потенциально может быть использована для создания более точного и надёжного способа принятия решений о сексуальном злоупотреблении детьми, что приведёт к улучшению защиты пострадавших детей и меньшему вреду для непострадавших детей и невиновных взрослых.

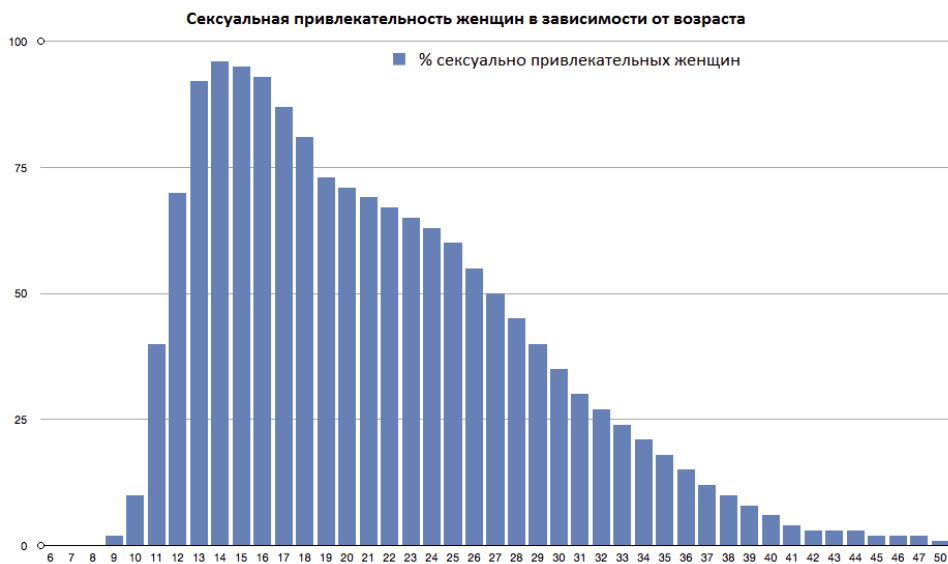
Сексуальное влечение мужчин к девочкам-подросткам это норма

Есть несколько веских свидетельств того, что сексуальное влечение к подросткам это вовсе не парафилия, а норма для мужчин.

- Статистика поисковых запросов показывает, что девушек примерно 14-летнего возраста ищут в интернете чаще всего:

- Во время съёмок документального фильма ["Are All Men Pedophiles?"](#) был проведён интернет-опрос, в котором мужчинам демонстрировались фотографии женщин разного возраста, при этом сам возраст не указывался. Участники должны были сказать, считают ли они данную женщину сексуально привлекательной. Наибольший рейтинг оказался у девушек примерно 14 лет:

- Другие исследования дают похожие результаты: [\[1\]](#), [\[pdf\]](#)
- В шоу-программах типа "Catch a Predator" в качестве приманки обычно используются 14-летние девушки, так как они привлекательны для большинства мужчин.
- Тот факт, что наиболее популярный возраст порноактрис это минимальный допустимый законом возраст (18 лет), ясно говорит о том, что потребитель жаждет девочек более юного возраста. Если бы не было никаких правовых ограничений, то наиболее популярный возраст девушек в порно был бы, скорее всего, на несколько лет младше.
- Влагалища девушек, фотографии которых постят в порно-разделах имиджборд, часто выглядят так, как будто они принадлежат девушкам 12-14 лет. Они красивые и опрятные, с малым количеством волос на лобке или совсем без волос и имеют девственный, слегка незрелый вид. (Плотное и свежее)

выглядящее влажливо является сигналом того, что его обладательница еще не вступила в репродуктивный возраст и все её фертильные годы впереди.)

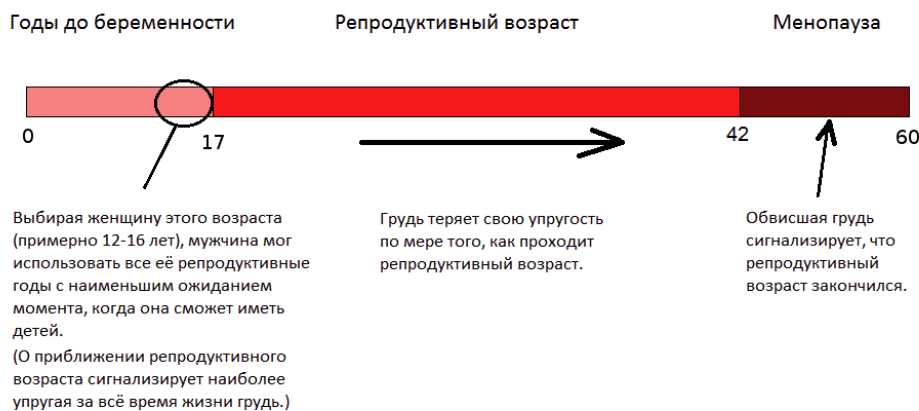
- Порносайт motherless.com позволяет пользователям создавать свои собственные тематические группы, которые смогут просматривать и наполнять содержимым другие пользователи. До того, как были введены ограничения, топ наиболее популярных групп выглядел так:

1. Young
2. Stickam
3. Incest
4. Jailbait
5. Daughters
6. Teen
7. deutsche teens
8. little puff nipples and hairless pussys
9. School Girls
10. Very Cute Only

Группа "Young" в основном была заполнена материалами с девушками примерно 14 лет. Если бы не было никаких правовых ограничений, то именно этот возраст был бы наиболее популярен в порноиндустрии.

- Аналогичным образом до тех пор, пока Reddit не ввёл ограничения, наиболее популярным сабреддитом был /r/jailbait, посвященный фотографиям и видео с девушками 12-16 лет. Данный раздел был настолько популярным, что выдавался первой строчкой в гугле, когда люди искали "reddit".
- Всё эти данные хорошо согласуются с биологическими предсказаниями относительно мужских предпочтений (смотрите "[Слёзы Амазонки](#)", чтобы понять, что я имею в виду под упругостью груди):

Жизнь типичной доисторической женщины

Источник:

http://www.reddit.com/r/science/comments/2nh1nb/science_ama_series_we_are_alan_sanders_michael/cmds0hy

Сексуальная жизнь детей Тробрианских островов

Публикуем отрывок из книги ["Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии"](#) британского антрополога [Бронислава Малиновского](#). Малиновский провёл несколько лет жизни на островах Тробриан среди туземцев, изучая их жизнь.

Дети на Тробрианских островах пользуются значительной свободой и независимостью. Они скоро освобождаются от родительской опеки, которая никогда не бывает очень строгой. Некоторые из них охотно подчиняются своим родителям, но это целиком связано с личностными особенностями обеих сторон: ведь там не существует ни представления об обычной дисциплине, ни системы домашнего принуждения. Часто, когда я сидел среди тробрианцев, наблюдая какую-нибудь сцену семейной жизни или прислушиваясь к перебранке между родителем и ребенком, я слышал, как представителю младшего поколения велели выполнить то или иное поручение, и обычно - о чем бы ни шла речь - это звучало как просьба об одолжении, - хотя в некоторых случаях требование могло быть подкреплено угрозой применить насилие. Родители обычно уговаривают ребенка, или бранятся с ним, или просят - как равные с равным. На Тробрианах никогда не услышишь из уст родителя простой команды ребенку, подразумевающей естественное повиновение.

Люди порой могут рассердиться на своих детей и побить их в приступе гнева; но я столь же часто видел, как ребенок в ярости бросается на своего родителя и бьет его. Такое нападение может быть воспринято с добродушной улыбкой, или же нанесенный удар может быть сердито возвращен; но представление о каре или непременно наказании не просто чуждо, но особо отвратительно туземцу. В ряде случаев, когда после какого-нибудь ужасающего детского злодеяния я высказывал мнение, что было бы лучше для будущего, если бы данный ребенок был побит или хладнокровно наказан как-нибудь иначе, эта идея воспринималась моими друзьями как противоестественная и аморальная и отвергалась с возмущением.

Такая свобода дает простор созданию собственной детской маленькой общины, независимой группы, в которую они естественным образом попадают в возрасте 4-5 лет и где пребывают до наступления половой зрелости. В зависимости от настроения они остаются со своими родителями в течение дня или же присоединяются на какое-то время к своим товарищам по играм в их маленькой республике. И эта община внутри общины очень часто действует так, как решают ее члены, нередко становясь в положение своего рода коллективной оппозиции по отношению к старшим. Если дети сочтут нужным предпринять что-то определенное, например отправиться в однодневную экспедицию, то взрослые (и даже сам вождь), как я часто наблюдал, не смогут остановить их. В ходе этнографической работы у меня была возможность собирать нужную информацию о детях и их интересах непосредственно от них самих (на деле я и не мог действовать по-другому). Детей признавали духовными собственниками их игр и начинаний, а кроме того, они вполне были способны ввести меня в курс дела и объяснить все сложности своей игры или затеи. Кроме того, маленькие дети начинают понимать племенные традиции и обычаи, те ограничения, которые имеют характер табу или недвусмысленного требования племенного закона, нормы или приличия - и учатся считаться с ними.

Детская свобода и независимость распространяются также и на сексуальную сферу. Прежде всего, дети слышат и видят многое из того, что происходит в сексуальной жизни старших членов семьи. В пределах дома, где родители не в состоянии найти уединенного места, ребенок имеет возможность получить практические сведения в отношении полового акта. Мне говорили, что не предпринимается никаких особых предосторожностей, чтобы воспрепятствовать знакомству детей с сексуальными удовольствиями их родителей. Ребенка могут просто отругать и велеть ему накрыть голову циновкой. Я не раз слышал, как маленького мальчика или девочку хвалили в таких выражениях: «Хороший ребенок, никогда не говорит о том, что происходит между его родителями». Детям позволяется слушать откровенные разговоры на сексуальные темы, и они вполне хорошо понимают, о чем идет речь. Сами они также весьма сведущие эксперты в области брани и использования языка непристойностей. По причине их раннего умственного развития некоторые совсем маленькие дети способны употреблять непотребные шутки, которые их взрослые родственники встречают хохотом.

Маленькие девочки сопровождают своих отцов на рыбную ловлю, в ходе которой мужчины снимают свою набедренную повязку. Нагота в таких условиях воспринимается естественно, так как она необходима. Там с ней не ассоциируется развращенность или непристойность. Однажды, когда я был вовлечен в обсуждение некоего непристойного предмета, к нашей группе подошла маленькая девочка - дочь одного из моих информаторов. Я попросил ее отца сказать ей, чтобы она отошла. «О, нет, - ответил он, - она хорошая девочка, она никогда не пересказывает своей матери того, о чем говорят между собой мужчины.

Когда мы берем ее с собой ловить рыбу, нам не приходится стыдиться. Другая девочка могла бы рассказать об особенностях нашей наготы своим подружкам или своим матерям. Те будут дразнить нас и пересказывать то, что про нас услышали. А эта девочка никогда не скажет ни слова». Другие присутствовавшие там мужчины с восторгом это подтвердили и развили тему девочкиного благоразумия. Что касается мальчиков, то их контакты со своими матерями в указанной сфере являются значительно меньшими, так как здесь между материнскими родственниками (то есть для аборигенов - между настоящими родичами) табу на инцест начинает действовать с раннего возраста, и мальчика лишают возможности любых близких контактов такого рода с матерью, но прежде всего - с сестрами.

Существует много возможностей и для мальчиков, и для девочек получить сведения в эротической области - от своих сверстников. Дети посвящают друг друга в тайны сексуальной жизни в непосредственной практической форме еще в очень раннем возрасте. Незрелые формы половой жизни имеют место в их среде задолго до того, как они оказываются реально способными совершить половой акт. Они с радостью участвуют в играх и развлечениях, в которых удовлетворяют свое любопытство в отношении того, как выглядят и как функционируют детородные органы, а иногда, по-видимому, получают какую-то долю сексуального наслаждения. Манипуляции с гениталиями и такие незначительные извращения, как оральное стимулирование детородных органов, - типичные виды подобных забав. Говорят, что маленьких мальчиков и девочек нередко впервые вводят в курс дела их приятели постарше, которые позволяют им быть свидетелями своих собственных любовных развлечений. Поскольку они не встречают препятствий в виде властного авторитета взрослых и не ограничены какими-либо моральными нормами (исключая нормы специфических племенных табу), то только от степени их любопытства, зрелости и «темперамента», то есть от их чувственности, зависит, насколько много или насколько мало они позволяют себе в сексуальных забавах.

Отношение взрослых или даже родителей к такому поведению детей - либо полное равнодушие, либо благодушное одобрение; они находят это естественным и не видят, почему им следует браниться или вмешиваться. Обычно они проявляют терпимость, относясь к происходящему как к чему-то забавному и говоря о любовных делах своих детей с легким юмором. Я часто слышал благодушную болтовню примерно такого рода: «Такая-то (девочка) уже имела половые отношения с таким-то (мальчиком)». И если дело обстояло именно так, то добавляли, что это был ее первый опыт. Обмен любовниками или какая-нибудь небольшая любовная драма, происходящие в этом мирке, обсуждаются полусерьезно. Детский сексуальный акт или какой-то его суррогат рассматриваются как невинная забава. «Это их игра в *каута* (вступать в половые отношения). Они дают друг другу кокосовый орех, кусочек бетеля, несколько бусин или плодов, принесенных из зарослей, а потом идут и прячутся, и *каута*».

Но считается неподобающим, чтобы дети занимались этим в доме. Это всегда надлежит делать в кустах. Считается, что возраст, в котором девочка начинает развлекаться подобным образом, совпадает с надеванием ею травяной юбочки - то есть это происходит между четырьмя и пятью годами. Но очевидно, что здесь речь может идти лишь о неполных опытах, а не о настоящем акте. Некоторые из моих информаторов настаивали, что такие маленькие дети женского пола действительно имеют половые сношения с проникновением. Однако если помнить об очень сильной склонности тробрианцев к преувеличению, вплоть до гротеска, о склонности, не вовсе лишенной некоторого злого раблезианского юмора, я бы не стал принимать во внимание подобные утверждения упомянутых мной авторитетных источников. Если же мы отнесем начало реальной сексуальной жизни к возрасту от 6 до 8 лет - в случае с девочками, и от 10 до 12 лет - в случае с мальчиками, то мы, возможно, не очень сильно ошибемся в отношении как тех, так и других. И с этого времени сексуальность постепенно обретает все большее и большее значение по ходу жизни, до тех пор, пока она не уменьшится в соответствии с естественным порядком вещей.

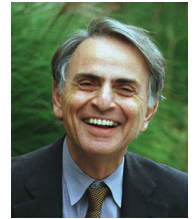
Получение сексуального или по меньшей мере чувственного наслаждения составляет если не основу, то во всяком случае какой-то элемент многих детских развлечений. Некоторые из них, конечно, вовсе не приводят ни к какому сексуальному возбуждению, - как, например, игры в подражание экономической и ритуальной деятельности взрослых, или игры, связанные с проявлением ловкости, или детские спортивные игры; но все виды общих игр, в которых участвуют дети обоего пола на центральной площади деревни, имеют более или менее сильный привкус секса, хотя выход эмоциям, который они дают, не является непосредственным и доступен только более старшим юношам и девушкам, которые также принимают в них участие. В самом деле, позже нам придется вернуться к рассмотрению секса в определенных играх, песнях и сказках, поскольку по мере того, как связь с сексом становится более тонкой и менее непосредственной, она все больше привлекает исключительно людей более старшего возраста и, стало быть, должна изучаться в контексте последующих этапов жизни.

Имеются, однако, особые игры, в которых старшие дети никогда не участвуют, но в которых прямо присутствует секс. Малыши, например, иногда играют в строительство дома и в семейную жизнь. Маленькая хижина из палок и сучьев сооружается в уединенной части джунглей, и одна пара или несколько на какое-то время отправляются туда и играют в мужа и жену, готовят еду и осуществляют или имитируют - насколько им это удастся - сексуальный акт. Или же группа их, в подражание амурным

экспедициям старших, приносит пищу на какой-нибудь излюбленный участок морского берега или на коралловую гряду, готовит и ест там растительную пищу, а «когда они наедятся досыта, мальчики иногда дерутся друг с другом или же иногда kayta (совокупаются) с девочками». Когда на некоторых диких деревьях в джунглях созревают плоды, дети отправляются компаниями рвать их, обмениваются подарками, осуществляют kula (ритуальный обмен) посредством фруктов и предаются эротическим развлечениям.

Связь агрессивного поведения и подавления сексуальности в детстве

[Карл Саган](#) (1934-1996) – выдающийся американский астрофизик и популяризатор науки. Публикуем фрагмент из его книги "[Космос](#)".

Млекопитающим свойственно прижимать к себе и ласкать своих малышей, ухаживать за ними, любить и баловать их — поведение, совершенно нехарактерное для рептилий. Если действительно в наших черепах живут в тревожном перемирии [R-комплекс](#) и лимбическая система, продолжая напоминать о своих древних корнях, следует ожидать, что родительская ласка и терпимость поощряют нашу млекопитающую природу, а отсутствие физической привязанности выработает рептильное поведение.

Сказанное подтверждается некоторыми фактами. Лабораторные эксперименты Гарри и Маргарет Харлоу показали, что у обезьян, выросших в клетках и физически изолированных от сородичей — даже при том, что животные могли видеть, слышать и обонять себе подобных, — развивалась угрюмость, замкнутость, самоубийственное поведение и другие ненормальные черты характера. То же самое наблюдается у человеческих детей, которые растут, не зная физических привязанностей, обычно в детских учреждениях, где они, очевидно, испытывают сильные страдания.

Нейрофизиолог Джеймс У. Прескотт провел потрясающий кросс-культурный статистический анализ 400 до-индустриальных обществ и обнаружил, что там, где детям сполна достается физической ласки, люди склонны отвергать насилие. Даже общества, где не принято ласкать детей, порождают несклонных к насилию взрослых, если в них не подавляется подростковая сексуальность. Прескотт считает, что культуры, тяготеющие к насилию, состоят из индивидуумов, лишенных телесных удовольствий на протяжении двух критических периодов жизни — в детстве или в отрочестве. Там, где поощряются физические ласки, нет склонности к воровству, организованной религии и показной роскоши; там же, где к детям применяются физические наказания, в обычае рабовладение, частые убийства, пытки, нанесение увечий врагам, женщина признается низшим существом и бытует вера в одно или нескольких сверхъестественных существ, вмешивающихся в повседневную жизнь.

Мы недостаточно хорошо понимаем человеческое поведение, чтобы определенно говорить о механизмах, лежащих в основе этих отношений, однако мы можем о них догадываться. Прескотт пишет: «Вероятность того, что общество, которое поощряет детские ласки и терпимо относится к добрым половым отношениям, будет склонно к физическому насилию, составляет два процента. Шансы на то, что эта связь является случайной, составляют 1 к 125 000. Я не знаю других параметров, которые обладали бы столь высокой предсказательной силой». Дети очень нуждаются в физических ласках, подростками властно движет сексуальность. Если в юности они получают желаемое, то общество приобретает взрослых, не склонных поддерживать агрессию, территориальность, ритуалы и социальную иерархию (хотя по мере роста дети могут получить немалый опыт подобного рептильного поведения). Если Прескотт прав, в эпоху ядерного оружия и эффективных контрацептивов жестокое обращение с детьми и подавление сексуальности является преступлением против человечности. А пока что каждый из нас способен внести неоспоримый личный вклад в будущее мира, нежно обнимая своих детей.

Является ли педофилия психическим расстройством?

Приводится научная дискуссия ведущих психиатров, психологов, юристов, посвященная взглядам доктора медицинских и юридических наук Р. Грина и доктора философских наук Г. Шмидта на проблему педофилии. Анализируются критерии диагностики педофилии, обсуждается обоснованность/неправомерность отнесения педофилии к психическим расстройствам.

Центральной темой издания журнала "Архив сексуального поведения" ("Archives of sexual behavior"), том 31, No 6, декабрь 2002, является острая дискуссия по поводу статьи доктора медицинских и юридических наук Р. Грина "Является ли [педофилия](#) психическим расстройством?" и статьи доктора философских наук Г. Шмидта "Проблема мужской педофилии". На сегодняшний день научная полемика на эту тему - одна из самых острых. В связи с этим думается, что обзор зарубежной периодики представлял бы интерес для читателей нашего журнала.

Еще 30 лет назад Р. Грин был одним из ярых участников исторической битвы с Американской ассоциацией психиатров (ААП) по поводу того, правомерно ли гомосексуальность сама по себе считать психическим расстройством, как это рассматривается во втором издании «Диагностического и статистического руководства по психическим заболеваниям» - DSM-II (1968г.). В ходе этой научной баталии поднималось несколько важных тем: исторические и кросс-культурные предпосылки гомосексуальности, характерные психиатрические особенности гомосексуальной ориентации, эмоциональные последствия социального отвержения у лиц с гомосексуальной ориентацией, а также поведение представителей других ориентации. Р. Грин упорно настаивал на исключении гомосексуальности из списка психических расстройств в DSM (Green, 1972; Stoller, 1973). Представители Американской психиатрической ассоциации по номенклатуре и статистике также голосовали за отмену диагноза гомосексуальности.

Обоюдное желание однополых сексуальных отношений в зрелом возрасте, по мнению автора, не предполагает ни нанесения ущерба одному из партнеров, в сравнении с детско-взрослыми сексуальными отношениями, ни наличия возрастного барьера в принятии решения о добровольном согласии на интимную связь. Разрешение проблем таких отношений должно быть отнесено к сфере компетенции закона и уголовного кодекса. Для того, чтобы ответить на главный вопрос своей статьи, автор рассматривает исторические и кросс-культурные аспекты проблемы педофилии. Он приводит следующие цитаты, иллюстрирующие степень общественного принятия сексуальных контактов между детьми и взрослыми.

Разнообразие сексуального поведения в кросс-культурном аспекте удивит тех, кто полагает, что моральные стандарты их общества отражают законы природы. Теперь это уже установленный факт, что любой вид сексуальной активности может считаться приемлемым и нормальным в определенном обществе и в определенный период времени. Сексуальные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком не являются исключением из этого правила разнообразия. Несмотря на их осуждение в большинстве стран западной культуры, воспринимающих их как злоупотребляющие и эксплуатирующие, до сих пор существуют страны, не поддерживающие эту точку зрения (Bauserman, 1997).

Существенные различия обнаруживаются в законодательных, социальных и в биологизаторских определениях педофилии. В западном обществе определение детства в основном базируется на условных датах и вехах, отмечающих переход этого периода в зрелость. Биологические изменения могут не соответствовать этому переходу, а также являются незначимыми для социальных и законодательных определений (Howitt, 1998).

В данный период в нашей истории существует действительно неразрешенная проблема исследований детско-взрослых сексуальных отношений. Проблема отражается в вопросе: что на самом деле характеризует границу, за пределами которой сексуальные взаимодействия с детьми являются не только противозаконными, но и патологическими? (Ames, Houston, 1990).

В DSM-IV период половой зрелости является той самой границей, до которой сексуальные отношения с детьми рассматриваются как педофильные. Как утверждает Р. Грин, значение пубертата как возрастной границы для патологического эротического влечения является довольно условным, так как не учитывается психическое развитие самого ребенка. Более того, период пубертата варьирует как среди представителей одного поколения, так и среди поколений. А в русле исторических и кросс-культурных аспектов пубертат вообще не является основным маркером запрета сексуальных отношений.

Р. Грин приводит данные из архива гуманитарных исследований Йельского университета, на которые опирались Ford и Beach (1951г.) в своих исследованиях:

Среди сиванских племен Северной Африки, как мужчины, так и мальчики вступают в анальные сексуальные контакты. Мужчин же, которые не совершают описанные сексуальные контакты, воспринимают в этих племенах как "странных" или "причудливых". Уважаемые представители сиванских мужчин также передают своих сыновей друг другу для этих целей. Среди аборигенов Аранда (Центральная Австралия) сношения с детьми является общепринятым обычаем. Обычно мужчина, прошедший инициацию, но еще не женатый, живет с мальчиком 10-12 лет на правах супругов в течение нескольких лет, пока старший из них не женится.

Diamond (1990 г.), изучая детско-взрослые сексуальные отношения в истории Гавайских островов и Полинезии, отмечает, что еще капитан D. Cook (1773 г.) упоминал о публичных совокуплениях взрослых мужчин и девочек 11-12 лет "без малейшего знака, что это неприлично или не принято" (Diamond, 1990 г.).

К сексуальным контактам между взрослыми и детьми относились скорее как благоприятным (полезным) для детей, чем как к предназначенным для получения сексуального удовлетворения взрослого. Сексуальное влечение к детям противоположного или того же пола было принятым в данном обществе (Pukui, Haertig, Lee, 1972).

Suggs (1996 г.), изучая общество Marquesan, отмечает множественные примеры публичных гетеросексуальных отношений между взрослыми и детьми препубертатного возраста в Полинезии.

Отмечались случаи, когда сами взрослые участвовали в подготовке и организации условий для осуществления сексуальных контактов детей племени не только с взрослыми мужчинами этого племени, но и с моряками иностранных судов. Во многих странах Океании девочки, не достигшие половой зрелости, ведут себя со взрослыми мужчинами открыто сексуально (Oliver, 1974).

Среди племен Эторо Новой Гвинеи, когда мальчикам исполняется 10 лет, они вступают в оральные сексуальные контакты с более старшими мужчинами и проглатывают их сперму, чтобы ускорить свое взросление (Bausermann, 1997).

Среди соседствующих племен Калули, когда мальчик достигает 10-11 лет, его отец выбирает мужчину из племени, который наделяется правом "оплодотворять своим семенем" мальчика в период от нескольких месяцев до нескольких лет. Также, отправляясь на охоту, лагерь разбивается таким образом, что мальчики добровольно выбирают мужчин, с которыми они впоследствии вступают в сексуальные отношения (Bausermann, 1997).

Эти кросс-культурные примеры Р. Грин приводит не для того, чтобы отстаивать аналогичную практику сексуальных отношений в современном Лос-Анжелесе или Лондоне, но для того, чтобы задаться вопросом, "можем ли мы делать вывод, что все мужчины, состоящие в подобного рода сексуальных отношениях, являются психически нездоровыми. Если предположить, что они не являются педофилами, а следуют культурным и религиозным обычаям, то почему мы считаем, что в этих обстоятельствах секс с ребёнком свидетельствует о психическом расстройстве"?

Предвидя скептическое отношение к приведенным экзотическим примерам, автор упоминает о том факте, что в течение трех веков сексуальные отношения разрешались уже в возрасте 10 лет. Так было не только в племенах примитивных народов, но в стране, где уже в течение шести веков Оксфордский и

Кембриджский университеты готовили лучших специалистов. Более того, период истории, когда сексуальные отношения разрешались с 10 лет, не был современным веку кроманьонцев, но продолжался еще 38 лет после первой мировой войны. Толчком к изменению возраста официально разрешенных сексуальных отношений, как утверждает Р. Грин, стали не незаконные и насильственные действия педофилов, но проблема детской проституции. Изменения в трудовом законодательстве в XIX веке привели к тому, что занятость детей на фабриках резко сократилась, что, в свою очередь, вынудило детей пополнить рынок проституции. Детская проституция была очень распространенным явлением. Вряд ли, по мнению автора, это может свидетельствовать о том, что все клиенты были педофилами или что все они были психически больными людьми.

В своем обсуждении Р. Грин ссылается и на наблюдения за поведением человекообразных приматов.

Наблюдения за ближайшими родственниками человека, вопопо, в среде которых каждая карликовая мартышка (вопопо являются не мартышками, а карликовыми шимпанзе - прим. Г.Б. Дерягина), обладает свободным доступом к сексуальным отношениям с любой другой мартышкой. Однополые или детско-взрослые пары встречаются среди этих обезьян также часто, как и потенциально репродуктивные гетерогенные взрослые пары. Более того, одна треть "социосексуальных" контактов взрослой особи с детенышем иницируется самим детенышем (De Waal, 1990).

Изучение характерных личностных свойств и психопатологических особенностей лиц с педофилией затрудняется тем, согласно автору, что исследования проводятся на особой выборке. Почти все исследования проводятся на заключенных или тех, кто когда-то был обвинен в совершении подобного рода правонарушений. Эти выборки не могут считаться репрезентативными для всех лиц с педофилией, определенная часть которых ограничивает свои эротические тенденции лишь фантазиями и не нарушает закон. Finkelhor et al. (1986) считает, что "осужденные лица с педофилией представляют собой лишь небольшую часть сексуальных правонарушителей, самых вопиющих и серийных, наиболее социально дезадаптированных".

В одном из исследований заключенных под стражу лиц с педофилией сравнивали с выборкой пациентов психиатрических клиник без сексуальных девиаций, и обнаружили отсутствие различий по "психопатической" и "девиантной" шкале MMPI (Johnston, French, Schouwiler, Johnston, 1992). При исследовании лиц с педофилией, проходящих стационарное и амбулаторное лечение, у двух третей обнаруживается некоторое преобладание расстройств настроения и тревожных расстройств. Сложно судить о том, что является причиной, а что следствием между социальными последствиями диагноза педофилии и психиатрическими особенностями, порождающими педофилию (Raymond, Coleman, Oblerkill, Christenson, Miner, 1999). По результатам сравнительного анализа данных, полученных от лиц, совершивших сексуальные правонарушения 1) по отношению к детям и 2) по отношению к взрослым, их тестов на тревожность и гнев, личностных особенностей и состояний по опроснику на самооценку и тесту MMPI, обнаружилось следующее. Первым характерны более высокие баллы по двум шкалам из трех шкал "невротической триады", по трем из четырех шкал "психотической шкалы", а также по шкале социальной интроверсии, что отражает межличностные трудности и социальное отчуждение. Также им более свойственны гнев и тревога как личностные черты и заниженная самооценка (Kaichman, 1991).

Р. Грин приводит результаты уникального исследования (Wilson, Cox, 1983), проведенного в клинике Maudslay при Институте психиатрии в Лондоне на выборке лиц с педофилией, членов особого сообщества Pedophile Information Exchange, не находившихся под стражей и не проходивших лечение, а добровольно опрошенных с помощью Личностного опросника Айзека. Всего было опрошено 77 человек в возрасте от 20 до 60 лет, контрольную группу составили 400 человек. По результатам исследования обнаруживается, что лица с педофилией характеризуются лишь большей интровертированностью; по "невротической" и "психотической" шкалам особых различий не обнаружено. Авторы исследования пришли к следующим выводам:

Наиболее разительным результатом данного исследования является вывод, что лица с педофилией являются "абсолютно нормальными" по основным шкалам измерения личностных особенностей, а именно - по клинически релевантным шкалам "психотизма" и "невротизма" не обнаруживается различий по сравнению с контрольной выборкой. Интроверсию же саму по себе нельзя рассматривать как патологический показатель.

Р. Грин приводит еще ряд исследований в доказательство своего положения, что педофилия не является психическим расстройством. Опрос 200 студентов мужского пола, показал:

- в 21 % случаев респонденты заявляли о некотором сексуальном влечении к маленьким детям;
- 9% респондентов описывали сексуальные фантазии с участием детей;
- 5% их признавали, что мастурбировали, фантазируя о сексе с детьми;
- 7% студентов отмечали, что вступили бы в сексуальный контакт с детьми, если бы не страх наказания (Briere, Runtz, 1989).

Авторы исследования отметили, что, "учитывая социальную нежелательность подобного рода признаний, можно предположить, что реальные процентные показатели еще выше".

Лабораторные исследования подтвердили данные опроса физиологическими исследованиями лиц без педофилии. Среди 80 "здоровых" добровольцев более 25% обследованных, сообщающих о некоторых педофильных тенденциях, на плетизмографе показали выраженное возбуждение на педофильный стимул, которое было либо равным, либо превышало аналогичное возбуждение на "взрослый" стимул (Hall, Hirshman, Oliver, 1995).

В другом исследовании эрекция "здоровых" мужчин на фотографии с изображением девочек препубертатного и младшего возраста в среднем составляла 70% и 50% соответственно от их реакции на фотографии с изображением взрослых женщин (Quinsey, Steinman, Bergersen, Hohnes, 1975).

Сходные данные были получены К. Freund и R. Costell (1970), которые проводили свое исследование на чешских солдатах с предъявлением фотографий детей обоих полов 4 - 10 лет, подростков, взрослых женщин (*и мужчин - прим. Wildkids*). Исследователи обнаружили, что у всех 48 солдат обнаруживалась эрекция на стимулы с изображением взрослых женщин, у 40 (*на самом деле 46 - прим. Wildkids*) из 48 - девочек подросткового возраста, у 28 из 48 - маленьких девочек в возрасте 4 - 10 лет. (*В той же работе - 10 человек показали возбуждение на фотографии маленьких мальчиков и 16 - на фотографии мальчиков-подростков. Возбуждение на взрослых мужчин показали 9 человек. Таким образом, в популяции "нормальных" мужчин 96% испытывают влечение к девочкам-подросткам, 58% - к маленьким девочкам, 33% - к мальчикам-подросткам, 23% - к маленьким мальчикам, 19% - к взрослым мужчинам. Конечно, 48 человек для таких выводов - слишком маленькая выборка, однако в целом цифры подтверждаются и другими работами. - прим. Wildkids*)

Еще один ракурс рассмотрения проблемы педофилии, затронутый автором, - это положение диагноза педофилии в DSM. Развитие представлений о диагнозе педофилии в DSM Р. Грину представляется очень запутанным. В первой редакции DSM-1 (1952 г.) педофилия классифицировалась как "сексуальная девиация" и как "социопатическое расстройство" из-за выраженного противоречия ее симптомов господствующим социальным нормам. Во второй редакции DSM-II (1968 г.) педофилия все еще оставалась в разделе сексуальных девиаций, но категория "социопатии" исключалась, и диагноз педофилии попал в группу "непсихотических психических расстройств". Затем в DSM-III (1980 г.) педофилия уже была включена в группу парафилий. Она диагностировалась как "сексуальные действия или фантазии о сексуальных контактах взрослого с ребенком препубертатного возраста". Таковыми считались действия, если они представляли собой широкий спектр от "периодического предпочтения" до "исключительного способа достижения сексуального удовлетворения" (речь идет о двух типах педофилии - эксклюзивный и неэксклюзивный). Но "изолированные сексуальные действия с детьми не попадали под данный диагноз".

В DSM-III-R (1987 г.) необходимым и достаточным критерием стало "периодически повторяющееся предпочтение секса с детьми". Педофилию также стали диагностировать у лиц, которые осуществляли сексуальные контакты и с взрослыми партнерами.

Ранняя критика DSM и диагноза педофилии заключалась в том, что "включение так называемых сексуальных парафилий в DSM усилило подозрение в том, что они сами по себе не являются психическими расстройствами, но скорее отражают конфликт между личностью и обществом, а сами психиатры обратились к кодификации социальных нравов под прикрытием статуса объективной науки" (Suppe, 1984).

Сейчас западное медицинское общество живет с новой, пересмотренной редакцией DSM-IV (2000 г.). Критерии педофилии, согласно данному руководству, следующие:

- 1) За период, по меньшей мере, не менее 6 месяцев повторяющееся интенсивное сексуальное побуждение и сексуально активированные фантазии, включая сексуальную активность, с ребенком препубертатного или младшего возраста (обычно в возрасте 13 лет или младше);
- 2) Лицо действует согласно этим побуждениям или сильно страдает из-за них;

3) Субъекту не менее 16 лет, и он, по меньшей мере, на 5 лет старше желаемого или реального сексуального партнёра.

Примечание к DSM-IV: сюда не включаются подростки старшего возраста, вступающие в связь с 12- или 13-летними. (Ныне это называется гебефилией - прим. Г.Б. Дерягина).

При использовании диагностических критериев особо отмечается, кто сексуально привлекает субъекта:

- представители мужского пола;
- представители женского пола;
- представители обоих полов.

А так же:

- - действия ограничиваются только инцестным характером. А так же, сексуально привлекают:
- - только дети;
- - не только дети.

Р. Грин отмечает некоторую несогласованность данных критериев с общим определением психического расстройства по DSM-IV:

Для данного определения по DSM-IV необходимо, чтобы критерии педофилии согласовывались с "наличием страдания неспособностью (т.е. ухудшением в одной из важных сфер функционирования личности) или значительно возросшим риском тяжелого переживания потерей свободы". Но, согласно DSM, утверждается, что ни девиантное поведение (например, сексуальное), ни первичные конфликты между индивидом и обществом (которые, конечно, могут привести к потере свободы в случае заключения под стражу педофила) не являются психическим расстройством до тех пор, пока девиация или переживаемый конфликт не являются симптомом дисфункции субъекта.

Таким образом, педофил, который не страдает от своего влечения, за исключением ситуации, когда страдание появляется в ответ на осуждение обществом, не квалифицируется как человек с психическим расстройством.

Из-за эгосинтонической природы педофилии многие субъекты с педофильными фантазиями, побуждениями или поведением не испытывают значительного страдания. Важно понимать, что дистресс, вызванный фантазиями, побуждениями или поведением не является необходимым для диагноза педофилии. Субъекты, возбуждающиеся и сексуально активные с ребенком согласно своим фантазиям и побуждениям, подпадают под диагноз педофилии (ААП, 2000).

Тогда как быть с педофилом, который ограничивается лишь сексуальными фантазиями и побуждениями по отношению к детям? На этот вопрос, отмечает Р. Грин, DSM-IV не дает ответа. По DSM, если субъект не действует согласно своим фантазиям и побуждениям, то он не страдает педофилией. Субъект, который не страдает из-за своих фантазий и побуждений, но периодически мастурбирует, фантазируя, также не является педофилом. Но, человек, который страдает из-за своих фантазий и вступает в сексуальные контакты с детьми, считается страдающим педофилией.

Позиция Американской ассоциации психиатров (ААП), или Американской психиатрической ассоциации (АПА), отраженная в DSM-IV, по мнению Р. Грина, характеризуется логической непоследовательностью. Сталкиваясь с парадоксом, что в противоположность другим состояниям, квалифицируемым как психическое расстройство, таким, как навязчивое мытье рук или постоянно беспокоящие голоса, угрожающие уничтожить, многие педофилы не страдают от своего эротического интереса, за исключением, конечно, страха наказания. Некоторые широко демонстрируют свои интересы, организуют партии, издают журналы, печатают книги. Таким образом, если эротические фантазии и мастурбаторная активность индивида, и не более того, связана с детьми, это не значит, что субъект страдает психическим расстройством.

Р. Грин утверждает, что у этих лиц нельзя диагностировать психическое расстройство до тех пор, пока их фантазии не воплотятся в действия. Конечно, общество может устанавливать законы и нормы сексуального поведения, но это прерогатива законодательной сферы. DSM не должна обеспечивать психиатрию властью управления действиями.

Таким образом, заключает автор, сексуальное влечение к детям отмечается как субъективно, в ходе опросов, так и психофизиологически среди существенного меньшинства "здоровых" людей. Исторически сексуальное влечение к детям было общепринятым в различных культурах в различные временные периоды. Это не означает, что сегодня сексуальные контакты с детьми, находящимися в допубертатном или раннем пубертатном возрасте, должны быть культурально и законодательно приемлемыми.

А вопрос о том, является ли это влечение психическим расстройством, получает следующий ответ Р. Грина:

Нет, до тех пор, пока мы не признаем многих людей во многих культурах в течение значительного периода времени в прошлом психически больными. И уж конечно, мы не можем ответить на этот вопрос, опираясь на критерии, выработанные в DSM.

* * * * *

В другой статье, вызвавшей также массу научных откликов, философ Г. Шмидт обрисовывает свой взгляд на нравственную и психопатологическую стороны проблемы мужской педофилии. Автор считает, что на сегодня мы вовлечены в сложную полемику, которая требует крайней тщательности в рассмотрении, если мы хотим избежать, с одной стороны, абсолютной поддержки детско-взрослых сексуальных отношений, а с другой стороны, сверхдраматизации их катастрофического потенциала. Как те, кто склонен преуменьшать серьезность проблемы, так и те, кто преувеличивают ее, искажают психологическую реальность детей, вовлеченных в сексуальные отношения со взрослыми, игнорируя их собственный опыт, их воспоминания и оценки происшедшего. Автору представляется, что основой адекватного обсуждения этой проблемы является разведение нравственного и клинического аспектов проблематики. Таким образом, с нравственной точки зрения следует рассматривать нормы, а с клинической точки зрения - травматические последствия подобного рода сексуальных контактов.

Прежде, чем попытаться развести эти два уровня обсуждения проблемы, Г. Шмидт приводит свое определение педофилии, чтобы как можно яснее обозначить предмет обсуждения.

Педофилы - это мужчины, чьи сексуальные побуждения и желания близких взаимоотношений и любви сфокусированы или прерогативно, или исключительно на детях, которые не достигли подросткового возраста; таким образом, относительная важность каждой из этих трех сфер - сексуальности, взаимоотношений и любви - может быть разной так же, как это происходит у других людей. Объектом их желаний могут быть мальчики, девочки, те и другие, их предпочтения в отношении сексуальных действия разнообразны (от демонстрации половых органов до полового акта); некоторые предпочитают недлительные контакты с несколькими детьми, другие - долговременные отношения с оттенком манипулятивного или заботливого отношения. Многие учитывают желания ребенка, другие применяют силу. Очень немногие в реальности применяют насилие. Некоторые педофилы пользуются предложениями свободного рынка, которые представляют собой brutальные формы запретной сексуальности (детская порнография, детская проституция). Большая часть лиц с педофилией долгое время остается "непроявленной", т. е. ведут такой образ жизни, где свои сексуальные желания реализуют только в сфере фантазий, за что платят ценой самоотвержения и эмоционального неблагополучия.

Таким образом, педофилия - это вид сексуальности, который, как и гетеросексуальность, и гомосексуальность, проявляется в различных формах. Хотя существует одно фундаментальное отличие - педофилия всегда подразумевает вовлеченность взрослого партнера и ребенка в сексуальные отношения в отличие от гетеросексуальных и гомосексуальных отношений, где партнеры более или менее равны. В педофильных сексуальных отношениях отсутствует равенство партнеров (G. Schmidt).

И именно это неравенство сил партнеров, согласно мнению многих авторов, подвергает опасности способность ребенка к самоопределению, "угрожает полностью его разрушить".

Таким образом, Г. Шмидт рассматривает нравственный уровень обсуждения проблемы педофилии. Здесь он выделяет также два ракурса. Первый из них - традиционный взгляд на данную проблему - осуждение приставаний и домогательств к детям. Этот ракурс давно огрублен, сверхгенерализован, эмоционально заряжен, полон предвзятостей, его можно найти в бульварной прессе и не только там. Отношение к образу "сексуального домогателя" не изменилось со времен первой книги о детской сексуальности (Molly, 1909 г.), но от вменения им в вину моральной дезориентации и нравственного опустошения детей ныне

перешли к психологической катастрофе и эмоциональному уничтожению самих «домогателей-педофилов».

На сегодня существует еще один взгляд на проблему педофилии в рамках нравственного аспекта, который предположительно имеет большее влияние на современную ситуацию вокруг педофилии. Это - проблема "обоюдного согласия". Как и освещенная полемика по поводу нравственности, эта проблема особенно дискутируется в либеральных кругах, склонных скорее с осторожностью и некоторыми уступками относиться к проблеме педофилии. Это касается проблемы сексуального самоопределения и равных прав, которым уделяется основное внимание при обсуждении вопросов сексуальности на сегодняшний день.

Традиционные нормы сексуальной морали, осуждающие добрачные и внебрачные сексуальные контакты, гомосексуальные связи, оральный секс и т.д. все реже сегодня обращают на себя внимание в развитых обществах. Г. Шмидт считает, что с уверенностью можно утверждать, что это нормы вчерашнего, но не сегодняшнего дня. Они были заменены нормами сексуальных отношений "по согласию", "нормами консенсуса", "моралью по договоренности". Другими словами, если двое или несколько партнеров могут договориться о том, какими будут их сексуальные отношения, то какими бы они ни были, они считаются приемлемыми в рамках моральных норм. Речь идет, как считает Г. Шмидт, уже не о самих сексуальных действиях, которые подвергаются рассмотрению со стороны нравственных норм, но о самом способе их реализации.

Мораль консенсуса представляет собой одно из направлений сексуальной политики, основанное такими английскими социологами, как Plummer (1995 г.) и Week (1995 г.), и названное гражданским браком (intimate citizenship). Эти термины отвечают сексуальной реальности современного общества, в котором равные индивиды устанавливают способы выражения своей интимности - сексуальных предпочтений и ориентации, форм взаимоотношений и проживания вместе, принципов воспитания детей, формул маскулинности и фемининности - и следуют им на практике, учитывая желания, потребности и ограничения других. Приемлемыми считаются разнообразие и различие в стиле жизни в сочетании с уважением к автономии других.

Большинство нетрадиционных форм сексуального поведения (например, садомазохизм), рассматривается при гражданском браке уже гораздо менее катастрофично, чем это было 20 лет назад. В самом деле, подобного рода сексуальные отношения приобрели скорее статус сексуального стиля жизни, чем девиации или перверсии. В противоположность этому, педофилия все больше подвергается социальному гонению в связи с очевидным неравенством партнера-взрослого и партнера-ребенка, даже в рамках демократической морали консенсуса.

Центральным вопросом для Г. Шмидта является следующий: "Нарушает ли педофил непреклонно и категорично мораль консенсуса и гражданского брака?" Конечно, да, если речь идет о насилии, принуждении, вымогательстве и эмоциональной манипуляции, задействованных в подобного рода отношениях. Поэтому автор ставит вопрос более прицельно: "Вообще возможны ли сексуальные отношения взрослого с ребенком по согласию?"

Многие педофилы, конечно, ответят, что возможны: "Я не хочу ничего, чего не хотел бы сам ребенок. Мне нравится только то, что нравится и ребёнку". В многочисленных интервью, проведенных Г. Шмидтом с педофилами, он крайне редко обнаруживал, что сомневается в их искренности. Одной из причин этого, согласно автору, может быть тот факт, что большинство гомосексуальных педофильных отношений является отношениями идентификации. Сомнительно, чтобы эти отношения носили аналогичный характер для психологической реальности ребенка. Lautmann (1994) проводил исследование на выборке 60 педофилов, изучая самосознание и самовосприятие этих лиц, внимательно исследуя стратегию достижения консенсуса, и пришел к выводу, что не может быть так называемых сексуальных контрактов между поколениями.

Одной из возможных причин, по которым автор пришел к этому выводу, является большая озабоченность последствиями таких действий и недостаточное внимание к социальному и психологическому контексту, в которые встроены сексуальные отношения ребенка и взрослого.

Г. Шмидт иллюстрирует это следующим примером. Взрослый мужчина приглашает соседского 10-летнего мальчика к себе в дом поиграть в железную дорогу. Мальчик с радостью соглашается. Через некоторое время мужчина говорит ребенку, что у него затекла спина от долгого сидения на полу и просит помассировать ему спину. Мальчик выполняет просьбу, поскольку иногда массирует спину своему отцу, которому это тоже нравится. Затем мужчина говорит, что массаж будет более эффективным, если он снимет рубашку, на что мальчик не возражает. Затем мужчина спрашивает, не хочет ли он, чтобы ему тоже сделали массаж, на что ребенок говорит «нет». Они играют еще некоторое время, затем прощаются, и мальчик идет домой.

Очевидно, что ничего не случилось против воли мальчика, утверждает автор. Его "нет" было принято без дальнейших попыток переубеждения. На поведенческом уровне кажется, что такое отношение укладывается в рамки морали консенсуса. Но, если мы проанализируем социальный контекст, рассматривая значение этих действий для обоих партнеров, утверждает Г. Шмидт, то поймем, что они действовали согласно двум абсолютно разным сценариям. Здесь речь не идет ни о каком согласии.

О согласии мы можем говорить только в том случае, считает автор, если оба партнера играют по "одним же правилам". Мальчик хочет поиграть в железную дорогу. Мужчина же ищет сексуальной близости. Если девушка на дискотеке предлагает мужчине выпить кофе у нее дома, то это для них обоих означает намек на возможную сексуальную близость, но для мальчика поиграть в железную дорогу означает только это - поиграть и ничего больше. Ребенок рассматривает массаж как дружескую услугу, знакомую ему из его семейного контекста, когда он делал массаж своему отцу. Для мужчины же это некоторая подготовка, начало сексуальной близости. Таким образом, проблема отсутствия согласия в отношениях между ребенком и взрослым сводится к различиям в "сценариях", согласно которым они действуют.

В этих отношениях только взрослый осведомлен о различии их "сценариев". Скажи мужчина сразу, для чего он просит сделать себе массаж, "нет" мальчика последовало бы тут же. Проблема также состоит в том, что педофилы вынуждены скрывать это различие "сценариев", чтобы добиться сексуальных отношений с ребенком. Таким образом, утверждает автор, сексуальные отношения взрослого с ребенком по согласию невозможны. Конечно, есть исключения, если речь идет о мальчике, который находится в начале подросткового возраста. Который уже пробовал мастурбировать или вступал в сексуальные отношения, приводящие к оргазму, с ровесниками, а также может понимать цель подобных отношений и уже обладает некоторым знанием о своей собственной сексуальности, и, возможно, также сам с интересом ожидает сексуальных отношений с взрослым.

(Надо отметить, что пример Шмидта является спекуляцией, хотя это и не заметно на первый взгляд. Давайте изменим ситуацию.)

Бабушка предлагает маленькому внуку поиграть в «буквы», на что внук соглашается, так как до этого играл в машинки, паровозики и солдатиков с той же бабушкой. Однако в этот раз бабушка ставит задачей научить внука читать и подготовить в школу. Если бы мальчик предвидел весь последующий десятилетний сценарий, он бы однозначно сказал нет.

На самом деле взрослые обманывают детей на каждом шагу. Просто некоторые обманы мы приучены считать делающимися «во благо», а с сексом обстоит как раз наоборот. В приведенных выше племенных обычаях детей сексу обучают также, как мы обучаем их чтению. И в этом случае пример Шмидта теряет всякий смысл.

Также представляется несостоятельным аргумент против сексуальных контактов на том основании, что ребенок не может обладать компетенцией для информированного согласия. С тем же успехом ребенок не может дать информированного согласия не заниматься сексом. В целом в этом ключе следовало бы вообще запретить любые действия с ребенком, так как он ни на что не способен выразить информированное согласие. Вышеприведенная позиция означают лишь то, что в европейском обществе секс воспринимается с сильным негативным оттенком, и только поэтому на него необходимо информированное согласие. – прим. Wildkids)

Необходимо также упомянуть, считает автор, что педофилы часто оправдывают свое поведение необходимостью ребенка в самоопределении. Они утверждают, что самоопределение ребенка подвергается опасности со стороны общества, родителей, отрицающих сексуальность детей, подавляя естественное детское развитие. Педофилы же, согласно этому аргументу, "вводят детей в их сексуальность, избавляя их от подавления и сдерживания". Согласно этому взгляду, ребенка воспринимают как маленького взрослого, полного сексуальных возможностей, которые ему запрещают реализовать.

А. Кинсей являлся представителем точки зрения на детскую сексуальность как на рудиментарную форму взрослой сексуальности (Kinsey, Pomeroy, Martin, 1948; Kinsey, Pomeroy, Martin, Gebhard, 1953). (Здесь стоит сказать, что термин «рудимент» А. Кинзи явно употребил не совсем удачно в качестве синонима недоразвитости - прим. Г.Б. Дерягина.)

Кинзи утверждал, что детская сексуальность проявляется реже, чем взрослая, менее целенаправленно, но все существенные ее характеристики присутствуют: любопытство, генитальная стимуляция, сексуальное возбуждение, желание, эрекция и оргазм (с его характерными особенностями: от отсутствующего взгляда и учащенного дыхания до сокращений определенных мышц). Но Кинзи здесь рассуждал в терминах реакций и действий, а не взаимоотношений и значений. Как отмечает Г. Шмидт, эту аналогию между детской и взрослой сексуальностью педофилы часто используют в свое оправдание, и такой взгляд на детскую сексуальность ныне считается устаревшим.

Gagnon и Simon (1973 г.) также писали, что гомологичное сексуальное поведение детей и взрослых не аналогично и не идентично, так как дети в своем поведении не следуют тем же образцам и не наделяют их тем же значением, что и взрослые. Генитальная мастурбация у детей коренным образом отличается от таковой у взрослых, хотя она и приводит к эрекции и оргазму, но у взрослых она сопровождается эротическими фантазиями и представлениями. Авторы отстаивали точку зрения, что проблема педофильного поведения может обсуждаться не только в контексте вреда и насилия, и что не обязательно подчеркивать травматичный аспект педофилии.

Полемика по поводу травматических последствий педофильного поведения, отмечает Г. Шмидт, также крайне поляризована. В конце 1998 г. в Интернете (SEXNET) проводилась дискуссия на эту тему. Споры были следующие: неклиницисты критиковали клиницистов за то, что они проводят свои исследования на определенных выборках, и предлагали данные по опросу не проходивших лечение педофилов, которые обнаруживали не столь драматичные последствия сексуальных контактов взрослых с детьми. Клиницисты же утверждали, что социологические методы исследования не соответствуют всей сложности проблемы, говоря, что наивно полагать, что такие методы могут быть адекватными при исследовании острых, резистентных психических расстройств. Клиницисты делают упор на огромное значение сексуальной травмы в истории жизни ребенка. Социологи утверждают, что клиницисты преувеличивают биографическую роль опыта насилия, автоматически причисляя мальчиков и девочек, вовлеченных в сексуальные контакты с взрослыми, к категории жертв.

Согласно исследованию Sandfort (1983), одна часть его выборки - молодые мужчины, вступавшие в сексуальные отношения с мужчинами еще до подросткового возраста - относится к этому опыту как к позитивному и благоприятному. Другие же утверждали, что на протяжении всей жизни им приходилось оправдывать своих бывших сексуальных партнеров, чтобы объяснить себе странность своего собственного сексуального развития и т.д.

Однако дискуссия между двумя этими лагерями непродуктивна. Каждый стремится оправдать свои собственные суждения и оценки на определенных подгруппах разнообразных представителей группы лиц с педофилией с разнообразными формами педофильного поведения, экстраполируя затем свои утверждения на всю группу в целом.

Необходимо установить два фундаментальных положения, утверждает Г. Шмидт, как базисный минимум для научной дискуссии, а также для того, чтобы дальнейшие исследования были направлены на их уточнение.

1. Сексуальные контакты между взрослыми и детьми несут определённый риск длительной травмы для последних, даже если они не осуществляются с применением насилия; риск предположительно тем больше, чем моложе ребенок, причем его влияние может усугубиться рядом других факторов: сам характер сексуальных отношений со стороны взрослого, частота и длительность сексуальных отношений, степень вовлеченности семейных взаимоотношений, степень ущерба, нанесенного семейному и социальному окружению ребенка, степень использования детской доверчивости и др.

2. Существует много случаев сексуальных контактов между взрослым и ребенком не по согласию, которые не являются травматичными для ребёнка, хотя на самом деле они и нарушают становление его самоопределения. Сексуальные отношения не по согласию необязательно травматичны - постулирует автор (это в большей степени относится к актам эксгибиционизма, кратковременным прикасаниям к половым органам и к сексуальным играм в препубертатном возрасте). Признавая это, мы освобождаем ребенка от бремени считаться жертвой на всю оставшуюся жизнь, даже если его сексуальный опыт не был неприятным, а наоборот, интересным и приятным, а также от вопросов такого рода: "Что я за ребенок, если это со мной случилось? Почему я не чувствую опасности в этих отношениях, хотя должен бы был, как считают мои родители и полиция?"

На данный момент, утверждает Г. Шмидт, насчитывается более 100 исследований "сексуального злоупотребления" (от эксгибиционизма до полового акта с насилием, внутри и вне семьи) на материале взрослых, перенесших и не перенесших опыт сексуального насилия в детстве. Результаты метаанализа показывают, что половина мужчин и четверть всех женщин, перенесших сексуальное насилие, оценивают свой опыт как нейтральный или как позитивный (Rind, Tomovitch, Bausennan, 1998). Учитывая различные психологические особенности и проблемы зрелого периода жизни (алкоголизм, депрессия, тревога, навязчивости, пищевые расстройства, суицидальные попытки, сексуальные расстройства и т.д.), различия по показателям с контрольной группой значительны. Объяснением тому может быть тот факт, что под широким определением "сексуальное злоупотребление" скрывается то, что оно не воспринимается ни как негативное, ни как травматическое. По мнению Шмидта, очевидно, что в современном западном обществе педофилия представляет собой форму сексуальности и не может быть исключена лишь из-за противоречий с социальными нормами, базирующимися на сексуальном самоопределении и сексуальных отношениях по согласию.

Проблема педофилии тем более драматична, что педофильная сексуальная ориентация глубоко укоренена в базовой структуре самоидентичности. Педофилия - это скорее часть субъекта, как и любовь к противоположному или тому же полу для гомосексуально или гетеросексуально ориентированных мужчин или женщин. Разница лишь в том, что одно принимается, а другое категорически отвергается, запрещается и фактически является невозможным к осуществлению. Бремя педофила, как представляется Г. Шмидту, - необходимость отрицать себя, отказаться от любви и сексуальности - скорее заслуживает уважения, чем осуждения и презрения.

* * * * *

В ответ на эти две статьи, затрагивающие особо дискутируемые аспекты проблемы педофилии, не преминули высказать свои комментарии ведущие специалисты в области психиатрии, психологии, философии и юриспруденции.

Психиатр и доктор медицинских наук S. Fred поднимает вопрос о том, является ли педофилия особенностью или расстройством. Существуют лица с сильным сексуальным влечением к детям и лица с так называемыми педофильными тенденциями, полагает автор. Каждая из этих категорий представляет собой различные сексуальные феномены. Название, определяющее каждую из категорий, несет описательную информацию об их различиях, при этом, не обременяя их какими-либо значимыми утверждениями. Важными для автора являются следующие вопросы:

- 1) при каких условиях, если это вообще возможно, паттерн сексуального поведения превращается в расстройство?
- 2) как диагноз педофилии, предназначенный для предоставления описательной информации, напротив, может стать стигматизирующим и уничижительным?

Категоризация чего-либо в качестве расстройства влечет за собой определенные выводы. Например, "серповидная" анемия, рассматриваемая как расстройство из-за своих негативных последствий, тем не менее реализует защитную функцию от малярии в тех странах мира, где это заболевание широко распространено. Как с этой позиции следует относиться к педофилии?

В нашем обществе обладание педофильной сексуальной ориентацией может привести к психологическим проблемам и расстройствам. Таким образом, делает вывод S. Fred, более адекватно рассматривать педофилию как расстройство. Поступая так, возможно, мы повышаем наши шансы на изучение путей предотвращения педофилии, а также способов сопротивления педофилов своим социально неприемлемым побуждениям. На сегодняшний день одним из таких способов является фармакологическое лечение, которое подавляет интенсивность сексуального влечения.

Шизофрения, маниакально-депрессивное расстройство и педофилия - очень тяжелые расстройства. Если категоризация их как психических расстройств позволяет профессионалам в сфере психического здоровья оказывать более эффективную помощь таким людям, тогда это может быть полезно, заключает автор. Но эти диагнозы не должны быть использованы в качестве уничижительных и стигматизирующих.

W. Verer, немецкий психиатр и доктор медицинских наук, в контексте данной дискуссии отмечает недостаточную ясность термина педофильная сексуальная ориентация. Обе статьи, по его мнению, доказывают гетерогенность феномена педофилии. Гетерогенность касается не только направленности влечения (предпочтительно или исключительно направленного на детей), но также всех качеств этого влечения. "Является ли этот интерес изначально социальным (необходимость близких отношений с ребенком) и лишь потом становится сексуальным? Подразумевает ли этот интерес взаимные эротические любовные взаимоотношения? Или, скорее, этот интерес заключается исключительно в сексуальном контакте, где ребенок скорее воспринимается как фетиш, чем как личность"?

На сегодняшний день, утверждает W. Verer, существует тенденция большего обращения внимания на вторичный, "реактивный", тип педофилии, где это влечение вызвано не исключительно биологическими факторами (как в концепции Р. фон Крафт-Эбинга), но другими различными обстоятельствами. "Ребенок рассматривается как суррогатный партнер вместо адекватного взрослого партнера, который притягивает и устрашает одновременно". Согласно Finkelhor (1984 г.), цитирует W. Verer, выделяется 4 фактора, ответственных за выражение педофильного поведения:

1. эмоциональная конгруэнтность с детьми;
2. сексуальное возбуждение (собственный травматический опыт или научение (model-learning));
3. торможение в развитии гетеросексуальных или гомосексуальных влечений;
4. растормаживание влечений (старение, алкоголь и т.п.).

W. Verer ссылается на результаты фаллометрического тестирования, которое проливает свет на запутанность проблемы педофильной сексуальной ориентации. Около одной трети выборки молодых

мужчин, набранных по объявлению, были сравнены с убийцами и никогда не убивавшими людьми, совершившими развратные действия с детьми. При этом обнаружился положительный педофильный индекс, отражающий их принципиальную способность к возбуждению при показе псевдосексуального стимула (Firestone, Bradford, Greenberg, Nunes, 2000).

Таким образом, утверждает W. Веггер, сама по себе способность возбуждаться на педофильный стимул не может привести к возникновению педосексуального влечения, что противоречит предположениям Р. Грина. Более того, автору представляется сомнительным, что термин сексуальная ориентация обладает каким-либо объясняющим значением для педофилов или может помочь им найти более адекватные способы адаптации к требованиям общества.

Американский исследователь Vem L. Bullough в русле полемики по проблеме педофилии сравнивает ее с сущностью сексуальных притязаний в целом. Автор утверждает, что, несмотря на "адекватную тенденцию Шмидта отделить в своем определении педофилию от эфебофилии, он сужает обсуждение проблемы педофилии вместо того, чтобы быть точным в своем определении. Это приводит к тому, что в общественном сознании педофилия воспринимается как любые сексуальные отношения двух поколений".

Р. Грин, согласно V.L. Bullough, прав в том, что описанные сексуальные отношения с детьми пубертатного и препубертатного возраста были распространены во многих примитивных культурах. Даже в западных странах после пересмотра 10-летнего возраста как официально допускающего вступление в сексуальные отношения, браки могли заключаться с представителями раннего возраста (10-14 лет). Но вопрос не в том, отмечает V.L. Bullough, как вели себя люди в прошлом, а в том, каковы должны быть нормы сегодня.

Р. Грин сообщает о работе Wilson и Cox (1983), но одновременно подвергает сомнению, что аналогичное исследование могло бы быть проведено в современных США, учитывая тот закон, что терапевты обязаны сообщать в соответствующие органы, если их пациенты страдают педофилией. С другой стороны, отмечает V.L. Bullough, их исследование доказывает, что педофилы не психически больные люди, а значит, это дает нам, в свою очередь, определенные знания, как с ними обращаться. В ответ на эти критические замечания Р. Грин подчеркивает тот факт, что в отличие от педофилии сексуальные домогательства в ходе истории стали незаконными, но не приобрели статуса психического расстройства.

В прошлом имело место большое разнообразие форм сексуального поведения, которые сейчас не считаются приемлемыми, продолжает автор. Таким же образом обстоят дела и с проблемой сексуальных домогательств.

Сексуальные домогательства - это дискутируемая проблема, как и педофилия, но она создает много трудностей субъектам, вовлеченным в эти отношения. Основная идея V.L. Bullough в том, что если аналогичное поведение не определялось как домогательство или было нормативным в прошлом, это не означает, что это и сейчас так. Оно было не то что бы патологическим поведением, но, скорее, социально не приемлемым, что сильно отличается друг от друга. Такие выводы, заключает V.L. Bullough, не делают из педофила социопата, а, скорее, человека, мало адаптивного к социальным нормам.

Alan F. Dixon, как приматолог, находит человеческие парафилии труднообъяснимыми. В ответ на приведенные Р. Грином в поддержку своих утверждений исследования он утверждает, что не смог найти "аналогичных примеров среди наблюдений за человекообразными приматами". Это не означает, продолжает автор, что "среди обезьян не встречается сексуальное влечение к партнерам того же пола или детенышам, а также к неодушевленным предметам. Однако человеческие существа демонстрируют глубоко укорененные и извращенные эротосексуальные предпочтения, что доказывает тот факт, что с самого детства и даже в течение подросткового возраста развитие было глубоко искаженным, что привело к развитию извращенного сексуального влечения".

Не имеет значения, считает A.F. Dixon, в скольких племенах Новой Гвинеи и в других культурах на протяжении истории поощрялись сексуальные контакты между детьми и взрослыми. Эти примеры не имеют ничего общего с "истинной" педофилией. Педофилы, постулирует автор, характеризуются "особенным, часто эксклюзивным, сексуальным предпочтением детей как своих сексуальных партнеров (в реальности или в фантазии), что сочетается с невозможностью установления сексуальных контактов с взрослыми партнерами. Это извращенно и ненормально. Является ли это психическим расстройством - можно спорить, но это определенно расстройство сексуальности". A.F. Dixon так же утверждает, что педофильные сексуальные отношения невозможны по "взаимному согласию" в отличие от сексуальных отношений между взрослыми партнерами.

J.A. Ericksen, американский социолог, считает, что авторы обеих статей идут по "заманчивому", но опасному пути поиска понимания прежде чем вынести суждения (определения, утверждения). Предлагая исключить педофилию из DSM, Р. Грин упускает из виду, что DSM не является справочником, идущим вразрез с культурными и историческими определениями (тенденциями). Понятие нормы культурально и исторически обусловлено. Педофильные акты, считающиеся "нормальными" в других культурах, ничего не говорят о норме в нашей культуре, подчеркивает Ericksen. В большинстве культур многие вещи

считаются общепринятыми, в то время как в нашей культуре они воспринимаются как признаки психического расстройства (например, считать себя святым, пророком и т. д.). J. A. Ericksen высказывает мысль, что можно судить о феномене как о патологическом, только опираясь на социальные и политические нормы. "Гомосексуалы не стали нормальными только потому, что этот диагноз исключили из DSM, но потому, что это был результат политической и общественной борьбы".

Определение педофилии Г. Шмидта J.A. Ericksen находит спорным, поскольку процесс, в результате которого субъект начинает считать себя педофилом, очень сложный, как и в случае любой другой сексуальной идентичности, чего Г. Шмидт не учитывает. Некоторые люди, имевшие когда-либо опыт сексуальных отношений со зрелыми партнерами, затем признают себя педофилами как результат опыта этих отношений. Другие могут избегать признавать себя педофилами, так как это влечет за собой социальное клеймо. J.A. Ericksen выражает несогласие с тем, что выбор сексуального объекта врожденный и неизменный. По ее мнению, обращаться с педофилами как с особой категорией людей, которые нужны этому миру только для науки, означает упустить возможность их понять.

Richard C. Friedman в продолжение обсуждения проблемы классификации педофилии как психического расстройства отмечает, что понимание того, что терапия должна опираться на научное знание, пришло совсем недавно. Тем не менее, знание на протяжении всей истории периодически кодировалось. Классификационные руководства затем служили проводниками в терапии. Первые издания DSM отличались особой краткостью и примитивностью. Несмотря на то, что Р. Грин ограничивает свою критику руководства DSM-IV недовольством диагнозом педофилии, так же критично можно было бы отнестись ко всем другим диагнозам парафилий. Например, эксгибиционизм, фроттеризм, сексуальный садизм, вуайеризм, так же как и педофилия, характеризуются повторяющимся интенсивным сексуальным побуждением, фантазиями и сексуальной активностью, или вызванными ими дистрессом и межличностными трудностями. Также существует раздел "парафилий, нигде более не классифицируемых". Соответствуют ли эти парафилии критерию психического расстройства? Должны ли психиатры передавать сведения о людях с такими диагнозами, обращающихся за лечением, в полицию?

На эти практически важные вопросы автор отвечает, что, несмотря на всю ограниченность наших знаний о педофилии и о других парафилиях, представляется более полезным и не приносящим вреда, учитывая особенности правоохранительной и пенитенциарной системы, рассматривать парафилии на сегодняшний день как психиатрические расстройства.

G.A. Gaither, американский психолог, рассматривает проблему педофилии как проблему сексуальной ориентации, что согласуется с мнением Г. Шмидта. Несмотря на то, что проблема сексуальной ориентации обсуждалась в основном в терминах полов и гендерных идентичностей вовлеченных индивидов, было также проведено множество исследований, по результатам которых давалось более широкое определение сексуальной ориентации, которая в себя включала и педофилию (Barbaree, Bogaert, Seto, 1995; Berlin, 2000; Feierman, 1990; Suppe, 1984).

Barbaree et al. (1995), например, для уточнения понятия "сексуальная ориентация" учитывают следующие особенности:

- 1) способность определенного типа стимулов вызвать сексуальное возбуждение и желание у индивида;
- 2) люди или объекты, на которых направлены сексуальные желания индивида;
- 3) люди или объекты, представленные в фантазиях индивида.

Подобно гомосексуальной и гетеросексуальной ориентации, педофильная ориентация также обычно зарождается в раннем подростковом возрасте, продолжается всю жизнь и резистентна к изменениям (Abel, Osborn, 1995; Marshal, 1997) и, как утверждает Г. Шмидт, это - часть личностной идентичности.

Обсуждается и проблема лечения (исправляющее и изменяющее лечение) педофилии в связи с вопросом об исключении этого диагноза из DSM. Hakdeman (1994) считает неэтичным лечить состояние, которое не признано расстройством. Такие организации как Американская психиатрическая ассоциация (АПА), Американская академия педиатров, Национальная ассоциация социальных работников также разработали свое решение в отношении лечения, нацеленного на изменение сексуальной ориентации. АПА так сформулировало положение, касающееся лечения и сексуальной ориентации (1991 г.):

АПА отвергает любое психиатрическое лечение, такое, как "изменение половой ориентации" или "исправления влечения", которое базируется на предположении, что гомосексуальность сама по себе является психическим расстройством, или на априорном положении, что пациент должен изменить свою сексуальную ориентацию.

Другим возможным последствием исключения педофилии из DSM будут трудности в проведении соответствующих исследований. Данные из Национального института психического здоровья станут практически недоступными. Клинические исследователи потеряют доступ к реальным испытуемым, что таким образом приостановит исследования в области эпидемиологии и лечения педофилии. Таким образом, заключает Hakdeman, диагноз педофилии следует оставить в DSM.

Американский психиатр Richard B. Krueger считает критику Р. Грином диагноза педофилии необоснованной:

Мы не согласны с большинством аргументов, приведенных Р. Грином, которые позволяют ему заключить, что педофилия не является психическим расстройством. То, что подобного рода отношения в прошлом считались приемлемыми, не означает, что педофилия не является психическим расстройством. Алкогольная зависимость, шизофрения, обсессивно-компульсивное расстройство и другие психические расстройства существовали в различные времена в прошлом, но не считались психическими расстройствами до тех пор, пока их не категоризовали и не классифицировали как таковые.

Во-вторых, пример с бонобо может быть лишь иллюстрацией того, что подобные отношения есть и у приматов. В-третьих, известно, что педофилы или лица с другими парафилиями совсем незначительно отличаются от пациентов без парафилии в отношении личностных особенностей, что указывает лишь на то, что это особая группа расстройств. Демонстрация того, что сексуальное влечение к детям есть и у не педофилов говорит лишь о том, что эти испытуемые не страдают педофилией.

Согласно DSM-IV (2000), "любое психическое расстройство категоризируется как клинически значимый поведенческий или психологический синдром, который свойственен субъекту, а также сопровождается страданием (болезненными симптомами) или неспособностью (ухудшение функционирования в одной или нескольких важных сферах жизнедеятельности) или значительным риском смерти, боли, неспособности или потери свободы". Новый критерий расстройства педофилии, состоящий в том, что "субъект, действующий согласно своим побуждениям, сексуальным фантазиям и желаниям, характеризуется выраженным дистрессом или межличностными трудностями", представляется R.B. Krueger достаточно валидным и правильным способом диагностирования и отграничения педофилии.

"Если индивид с педофильными побуждениями не действует согласно своим сексуальным фантазиям, не имеет трудностей в межличностных отношениях и не страдает от этого, мы не будем ставить ему диагноз педофилии и не будем его рассматривать как пациента, нуждающегося в лечении", - утверждает R.B. Krueger.

Вопрос, поднятый Р. Грином, считает R.B. Krueger, более прицельный и касается сущности "гиперсексуальных расстройств" в DSM, обсуждаемых также Stem, Black, Pienaar (2000 г.) согласно следующим диагностическим критериям:

1. За период не менее 6 месяцев повторяющееся интенсивное сексуальное побуждение и сексуально активированные фантазии, включая сексуальную активность с ребенком препубертатного или раннего пубертатного возраста (обычно в возрасте до 13 лет);
2. Эти фантазии, сексуальные побуждения или действия причиняют сильное страдание и способствуют ухудшению социального, профессионального и другого функционирования;
3. Эти симптомы не подпадают под другие классификации психических расстройств (маниакальный эпизод, бредовые расстройства, эротомания);
4. Симптомы не возникают вследствие употребления токсичных веществ (злоупотребление наркотиками или лекарственными средствами).

Ron Langevt, канадский исследователь, не согласен с Р. Грином, что диагноз педофилии необходимо исключить из DSM по двум главным причинам. DSM, считает автор, нужно пересмотреть в отношении критериев диагноза педофилии, но не исключать этот диагноз из классификации.

Грин, как и многие другие, отмечает неадекватность критериев педофилии. Но DSM никогда не претендовала на нечто большее, чем клиническое, учебное руководство в исследовательских целях. Ученые, ее разрабатывавшие, надеялись на ее углубление и пополнение новой

информацией со временем. DSM не обеспечивает нас ясным определением основной проблемы в классификационной системе, признавая, что "ни одно определение не может установить четких границ понятию психического расстройства, которому, как и многим другим понятиям в медицине и в науке, не хватает последовательного операционального определения, которое бы охватывало все возможные случаи (ААП, 2000).

DSM всегда, считает R. Langevin, уделяла недостаточно внимания психическим расстройствам, в основе которых лежали неврологические, эндокринные или другие физиологические причины. Например, в последнем издании DSM-IV нет диагноза органического личностного синдрома.

Часто критерием исключения из классификации служит фраза "согласно медицинским показаниям", а термины эндокринный, неврологический, генетический даже не появляются в индексах DSM.

Согласно современной логике DSM, утверждает R. Langevin,

если бы исследователи обнаружили физиологические причины, обуславливающие шизофрению, этот диагноз также бы бесследно исчез из руководства. Таким образом, DSM стремится избежать тех областей знания, где может лежать объяснение этиологии сексуальных расстройств, включая педофилию, и других психических расстройств. Неврологические и эндокринные исследования могут помочь изучению и пониманию этиологии педофилии и постоянности сексуальных предпочтений на протяжении всей жизни. DSM должна больше фокусироваться на описании психических симптомов и проявлений, связанных с физическими состояниями, которые играют главную роль в психических манифестациях расстройств больше, чем в их исчезновении. Такое состояние дел ведет к игнорированию проявлений психических и физических состояний в сексуальных расстройствах так же, как и в других расстройствах: диабет, эндокринные заболевания, повреждения головного мозга и инсульт (Ron Langevin).

Вторая причина, по которой Ron Langevin не согласен с Р. Грином - это распространение взгляда нашего западного общества на педофилию в других культурах.

Его (Р. Грина) аргументы заключаются всего в нескольких примерах. Он не сообщает, какой процент всех стран разрешал сексуальные действия "педофильного характера", как мы их теперь называем. Более того, нельзя приводить примеры из истории других стран без полного описания их контекста. Не учитываются данные культурной антропологии, а именно тот факт, что продолжительность жизни в тот период была около 30 лет, а браки заключались в возрасте до 15 лет. Может ли это считаться примером того, что сейчас называется педофилией, т.е. предпочтением сексуальных контактов с детьми, чем с взрослыми?

Michael H. Miner, американский исследователь, рассматривает проблему педофилии как психосексуального расстройства. Р. Грин, считает исследователь, отстаивая свое мнение, что педофилия не является психическим расстройством, не затрагивает тот факт, что есть определенное сходство педофилии и расстройства контроля над своими импульсами, которое также определяется не столько в терминах фантазий и побуждений, сколько "не способностью удержаться от социально не одобряемого навязчивого поведения" (ААП, 2000). Согласно DSM-IV, "существенным признаком расстройства контроля над своими импульсами является неспособность сопротивляться импульсу, побуждению, "соблазну" выполнить действия, которые могут принести вред себе или другим" (ААП, 2000).

Это довольно похоже на определение педофилии, для которого необходимо "повторяющееся интенсивное сексуальное побуждение и сексуально активированные фантазии, включая сексуальную активность, с ребенком препубертатного или младшего возраста", которое "сопровождается дистрессом и межличностными трудностями" (ААП, 2000). Несмотря на известную опасность наказания за действия педофильного характера, отмечает М.Н. Miner, субъект зачастую не способен удержаться от их исполнения, что является признаком нарушения контроля за своими импульсами и незначительно отличается от поведения при патологической игре, kleptomании или пиромании. Все эти расстройства характеризуются неспособностью сопротивляться побуждению вовлечения в самодеструктивное и

социально преследуемое поведение. М.Н. Минер показал на многих примерах неспособность сопротивляться желанию сексуальных отношений с детьми в обществе, в котором такое поведение преследуется.

Р. Грин утверждает, что педофилия не может считаться психическим расстройством, так как многие здоровые люди отмечают у себя подобные тенденции, что опять же не противоречит определению других психических расстройств в DSM. Патологическая игра - это поведение, в которое вовлечено много людей без негативных последствий. Но когда такое поведение становится преобладающим, генерализованным, и приводит к негативным последствиям, тогда мы можем рассматривать его как психическое расстройство. То же самое можно сказать в отношении злоупотребления токсическими веществами. Принятие алкоголя и наркотиков становится проблематичным только в том случае, и это отвечает критерию психического расстройства, когда это периодически приводит к:

- 1) неспособности выполнять свои обязанности на работе, в школе или дома;
- 2) употреблению веществ, когда они могут представлять риск физическому здоровью;
- 3) продолжению принятия веществ, несмотря на текущие социальные и межличностные проблемы (ААП, 2000).

В случае расстройств, связанных со злоупотреблением психоактивными веществами, отмечает автор, это не само употребление или злоупотребление веществами, что приводит к диагнозу. Это совместное наличие злоупотребления и проблем, возникающих в связи с их использованием. То же самое может быть отнесено к педофилии. Согласно DSM, должно быть не только повторяющееся интенсивное сексуальное побуждение и сексуально активированные фантазии, включая сексуальную активность, но все это должно приводить к клинически значимым проявлениям (признакам, симптомам). Конечно, преследование законом нельзя считать клинически значимым проявлением, но те последствия, к которым оно приводит, а именно: потеря работы, крах брака или близких взаимоотношений, материальные трудности - являются отражением этого.

Многие лица с педофилией, даже не попадая в поле зрения представителей охраны порядка, испытывают социальную изоляцию, приводящую к неспособности развивать необходимые межличностные отношения, отчуждению от сверстников и к глубокому чувству стыда по отношению к своим педофильным влечениям. Эти факторы могут привести к значительному ухудшению эмоционального состояния, так же, как и к неспособности выполнять свои профессиональные и социальные обязанности, считает М.Н. Минер.

М.Н. Минер приходит к выводу, что педофилию можно считать крайним проявлением поведения, которое многие "здоровые" люди испытывают и которое обладает также многими характеристиками большинства, если не всех, психических расстройств.

Еще более категоричным, чем Р. Грин, в своих комментариях является Charles Moser - американский психиатр и сексолог, постулируя, что никакие парафилии в DSM не могут считаться психическими расстройствами. "Пересмотренный вариант DSM-IV-TR (ААП, 2000) характеризуется учетом культуральных изменений и опирается на обширные эмпирические данные. Хотя в случае парафилий это не совсем так. Утверждение, что парафилии представляют собой психические расстройства, ошибочно и не подтверждается объективными исследованиями. Напротив, любой сексуальный интерес может быть здоровым и жизнеспособным. Существуют исторические и кросс-культурные многочисленные примеры проявления сексуального влечения, которые раньше были запрещены, а теперь приемлемы, и наоборот, сексуальные влечения, ранее общепринятые, а теперь осуждаемы. Это доказывает то, что сексуальное влечение возникает (оформляется) в рамках культурального контекста и суждения о нем возникают в рамках господствующих социальных норм.

Человека, который не может смириться с выбором "неконвенционального" стиля жизни другими людьми, нам скорее следует воспринимать как страдающего психическим расстройством. Социальный и политический контекст, в рамках которого происходит диагностирование, нельзя игнорировать, как нельзя игнорировать и последствия постановки диагноза. Присутствие парафилий в качестве диагностической категории в DSM ненамеренно несет на себе политическую и социальную значимость. Люди теряют работу, страховку, родительские и другие права, получая клеймо диагноза. Человеческие карьера, самооценка, взаимоотношения могут оказаться под угрозой негативного влияния диагноза. Попытки вести "нормальный сексуальный" образ жизни приводят к возникновению различного рода трудностей и проблем, как для лиц с парафилиями, так и для их партнеров. Попытки превратить свое "извращенное" сексуальное влечение в "нормальное" путем лечения затрудняется нехваткой адекватных медицинских средств.

Несмотря на утверждения психотерапевтов, существуют очень малочисленные исследования, доказывающие, что психотерапия или сильное желание клиента могут помочь изменить его сексуальное

влечение. Лишь медикаментозные средства (SSRI и антиандрогены) могут помочь уменьшить интенсивность "нетрадиционного" сексуального влечения, но чаще они приводят к снижению сексуальной активности в целом и к эректильным дисфункциям (Charles Moser).

Сексуальность является одним из главных источников получения удовольствия. "Мы должны помогать нашим пациентам, - утверждает автор, - реализовывать свой сексуальный потенциал, а не ограничивать их, "патологизируя" (обременяя диагнозом) их влечение априори. Рациональный и гуманистический подход требует от нас, чтобы мы прекратили рассматривать неконвенциональные формы сексуального влечения как патологические. Нужно исключить секцию парафилий из DSM и заменить ее общим диагнозом, который не идентифицирует специфическое поведение" (Moser, 2001).

Robert A. Prentky, американский исследователь в области судебной психиатрии, утверждает, что, согласно одному из критериев психического расстройства, предложенных 25 лет назад Spitzer и Wilson, педофилия и гомосексуализм не могут считаться психическими расстройствами, так как индивид не испытывает "регулярное и значительное страдание, общее ухудшение социальной адаптации и функционирования", а также не осознает, "что хочет остановить это поведение".

"Несмотря на то, что многие лица с педофилией отмечают общее ухудшение социальной адаптации и функционирования, а также страдают от этого, большая часть педофилов не испытывает дистресса в связи со своими фантазиями и влечениями. Их сексуальное влечение к детям носит эгосинтонный характер, их социальное функционирование и адаптация остаются сохранными", - считает R.A. Prentky.

M.C. Seto, американский психиатр, считает, что, несмотря на наличие логической непоследовательности в определении диагностических критериев в DSM-IV, педофилия может считаться психическим расстройством, когда ее определение дается с использованием биологически релевантных критериев. В своих предыдущих работах Seto предлагает ограничить термин "педофилия" предпочтением детей препубертатного возраста взрослым в качестве сексуальных партнеров, а не просто сексуальным влечением к детям (M. C. Seto, 1999). Педофильное предпочтение, постулирует автор, характеризуется более высокой частотой сексуальных фантазий о детях, чем о взрослых; большим сексуальным желанием по отношению к детям, чем к взрослым, а также периодическими сексуальными контактами с детьми, даже когда есть возможность вступить в сексуальный контакт со взрослым партнером.

Сексуальное предпочтение ребенка препубертатного возраста отвечает объяснительному психопатологическому критерию Lalumiere (1995): "состояние, возникающее в связи с неспособностью психических механизмов исполнять свои естественные функции, которые состоят в действии, являющемся эволюционным объяснением существования и строения психических механизмов". В этом случае предполагаемым нарушенным психическим механизмом является сексуальное предпочтение сексуально зрелого партнера.

Американский психиатр Robert L. Spitzer считает, что в основе педофилии лежит расстройство сексуальной аттракции. Но почему при этом возникает сексуальное влечение к детям?

Возникновение определенных форм педофилии может быть связано с дисфункцией механизмов аттракции, или с дисфункцией сдерживающих механизмов, блокирующих сексуальное влечение взрослого к ребенку. Мы считаем, что паттерн исключительного (эксклюзивного) или предпочитаемого влечения взрослого к ребенку, где влечение к взрослому партнеру снижено, является главенствующим доказательством дисфункции если не во всех, то по крайней мере, в большинстве случаев педофилии. Другие возможные объяснения такого атипичного поведения - культуральное поощрение и другие способы научения или оппортунистическое поведение - могут иметь место в некоторых, но, конечно, не во всех случаях педофилии. Таким образом, основной причиной педофилии является нарушение сексуальной аттракции. Вот почему приведенные примеры Грина не отображают педофилию как психическое расстройство, так как в них нет нарушения сексуальной аттракции. Учитывая тот факт, что педофильное влечение может принести вред (самому субъекту в виде страдания, если он не воплощает свои фантазии, а также ребенку, в отношении которого совершены сексуальные действия), некоторые формы педофилии следует рассматривать как психические расстройства (R.A. Prentky).

* * * * *

В ответ на приведенные комментарии и критические замечания Р. Грин обращает внимание своих коллег на то, что он не имел в виду, что описанные им культурные вариации являются эквивалентом истинной педофилии. Но многие взрослые партнеры из его примеров, скорее всего, подпали бы под диагноз DSM. Но так как эти культуры, по-видимому, не осуждают детско-взрослые сексуальные отношения, мы не можем судить об интенсивности сексуальной мотивации участников (как ребенка, так и взрослого). Если

общество не осуждает поведение, то участников таких отношений становится все больше, утверждает Р. Грин. "Я не согласен с тем, что участвующие при условии отсутствия осуждения со стороны общества непременно являются психически больными. Антисоциальное поведение может быть криминальным (как часто и происходит), но не обязательно проявлением психического расстройства (и на самом деле, психическим расстройством оно чаще не является). Важно учитывать то, что очень многие обстоятельства оказывают влияние на то, будет ли субъект с педофильными фантазиями воплощать их в жизнь или нет", - заключил R. Green.

Перевод - Н.П. Соловьева

Корректурa и редактирование для электронной версии - д.м.н. Г.Б. Дерягин

Журнал Сексология и сексопатология. -М., 2003. - № 4. - С.39-48. (реферативный обзор статьи Р. Грина и дискуссии по её поводу)

Green R. Is pedophilia a mental disorder? /1 Arch. Sex. Behav. - 2002. - Dec. - Vol. 31, N 6. - P. 467-471; discussion - P. 479-510.

Leadmg psyclriatrists, psychologists abd lawyers disscuss the views of R. Green, M.D., Y.D., and G. Schmidt, Ph.D., on the question of pedophilia. It is analysed the diagnostic criteria of pedophilia and the legitimacy of classffiing the pedophilia as a mental disorder.

[Источник](#)

Некоторые проблемы детской сексуальности

Отрывок из книги Вильгельма Райха "[Сексуальная революция](#)".

Детские сады в Советской России, которые я посетил в 1929 г., отличались великолепной организацией коллектива. В саду было шесть педагогов, которые работали с детьми по пять часов и по часу должны были готовиться к этой работе. Руководительница сада и завхоз были фабричными работницами. В число персонала входила секретарша. Примерно половина из тридцати детей были детьми рабочих, остальные — детьми студентов технических вузов. Фабрика оплачивала содержание каждого ребенка в саду по 28 рублей в месяц. В совет сада входили руководительница, один из педагогов, два представителя родителей, один представитель комсомольской организации фабрики, представитель района и врач.

Детей воспитывали в антирелигиозном духе. В праздничные дни работали. Темы занятий были разными, например "Каково значение леса для человека?" или "Каково значение леса для здоровья?" Дети очень много работали по дереву. В целом можно отметить, что детские учреждения вполне соответствовали задаче формирования коллективных структур в соответствии с коммунистическими принципами.

Ситуация асексуальной сфере детей была хуже. Педагоги жаловались на их нервозность и в то же время вели неусыпное наблюдение за детьми, чтобы не допустить онанизма. Часто родители вынуждены были забирать из сада детей, застигнутых за мастурбацией. Рассказывая обо всем этом, педагог добавила: "Онанируют даже дети врачей". В заключение еще одно небольшое наблюдение. Я стоял у окна детского сада, выходящего в сад, разговаривая со старшим педагогом. В саду играли дети, и я увидел, как маленький мальчик вынул свой член, а маленькая девочка принялась рассматривать его. Дети стояли рядом с деревом. Все это было как раз в тот момент, когда педагог заверяла нас в том, что в ее детском саду "что-либо вроде" детского онанизма или сексуальности невозможно.

1. Коллективное структурирование

История формирования идеологии учит, что каждая система сознательно или неосознанно прибегает к воздействию на детей, чтобы закрепиться в психологической структуре человека. Проследив характер этого процесса применительно к психологической структуре детей во время перехода от общества, основанного на материнском праве, к обществу, зиждущемуся на отцовском, мы можем констатировать, что в центре системы воздействия стоит половое воспитание ребенка.

В обществе матриархата, основанном на началах первобытного коммунизма, половая свобода детей не подвергалась каким бы то ни было ограничениям. Одновременно с развитием зародышевых ячеек патриархата в экономике и социальной надстройке развивается и аскетическая идеология, регулирующая половую жизнь детей. Это резкое изменение в отношении к половой жизни детей служит созданию авторитарно ориентированных структур вместо прежних неавторитарных.

В обществе матриархата коллективному характеру всей жизни соответствует и коллективная сексуальность детей, то есть ребенок не втискивается с помощью каких бы то ни было норм в определенные формы половой жизни. Свободное проявление детской сексуальности создает прочную структурную основу добровольного включения в коллектив и соблюдения добровольной дисциплины труда.

По мере развития патриархальной семьи, приходящей в противоречие с родом, развивается и сексуальное угнетение ребенка. Сексуальные игры с друзьями запрещаются. Онанизм постепенно оказывается под запретом, как и другие сексуальные манипуляции.

Из сообщения Рохайма о жизни детей племени питчентара недвусмысленно явствует, как пугающе изменяется сущность ребенка, если ему больше не дадут свободно проявлять свою естественную сексуальность. Он становится робким, медлительным, пугливым, подавленным и начинает бояться всякого авторитета. В детской душе развиваются неестественные инстинктивные побуждения, например садистские склонности. На место прежнего свободного, «бесстрашного» существа приходит новое, характеризующееся послушанием и легкой подверженностью влиянию.

Для подавления сексуальных побуждений требуется много энергии, внимания, «самообладания». В той мере, в какой биологические силы ребенка не могут больше всецело обратиться к внешнему миру и удовлетворению влечений, он теряет также двигательную силу, подвижность, мужество и чувство реальности. Он становится «заторможенным». Коренной причиной этого состояния является, как правило, заторможенность моторики, способности бегать, «беситься», короче, заторможенность мышечной активности в целом.

Можно видеть, как дети, принадлежащие к патриархальным культурным кругам, достигая 4 — 6 лет, испытывают некое окостенение, охлаждение, становятся «тише» и начинают отгораживаться от мира. Из-за этого они теряют свою привлекательность и очень часто становятся неуклюжими, несмышленими, упрямыми, «трудновоспитуемыми». Это, в свою очередь, провоцирует новое ужесточение патриархальных методов воспитания. Обычно на таких структурных основах развиваются религиозные склонности, а также сильная привязанность к родителям и зависимость от них.

Естественную моторику, которую утрачивает ребенок, он начинает теперь заменять идеалами, рожденными фантазией. Маленький человек уходит в себя, превращаясь в «замечтавшегося» невротика. Чем слабее становится в действительности его «Я», тем более строгие требования предъявляет он себе с позиций идеала, чтобы все-таки сохранить способность к действию. Мы должны, в принципе, различать формирование идеала, являющееся результатом естественной биологической подвижности ребенка, и такого идеала, который развивается вследствие необходимости владеть собой и подавлять влечения. Первому соответствует производительная работа, принимающая форму свободного потока, второму — работа по обязанности.

На место принципа саморегулирования в процессе социального приспособления и радостного труда приходит принцип авторитарного повиновения с присущими ему внутренним неприятием и бунтом против социального давления и бремени работы, что коренится в деформации психологической структуры характера. Мы ограничимся только этой общей характеристикой. В действительности рассматриваемые отношения очень сложны и их можно изложить только в рамках специальных исследований по анализу характера.

Нас интересует, прежде всего, вопрос о том, как саморегулирующееся общество воспроизводится в детях. Существуют ли специфические различия между воспроизводством авторитарной и саморегулирующейся систем с помощью воспитания? Попытаемся охватить эту проблему на некоторых примерах.

Имеются две возможности:

1) воспитание у ребенка способности к саморегуляции вместо готовности следовать идеалам принудительной морали, что означает формирование такой структуры характера ребенка, когда он может сам себя регулировать и без сопротивления воспринимает общую атмосферу, проникнутую принципами рабочей демократии;

2) отказ от такой системы воспитания.

Мы можем без каких бы то ни было сомнений сказать, что второй вид воспроизводства соответствует желаемому саморегулированию, первый же — нет.

Если во всех исторических периодах совершалось изменение структуры психологии детей в результате преобразования их сексуальности, то исключением не может быть и формирование структуры, основанное на принципах рабочей демократии. В Советском Союзе также можно было наблюдать отдельные многочисленные попытки подхода к такому способу формирования структуры. Например, многие педагоги, особенно ориентированные на принципы психоанализа, — в частности, Вера Шмидт, Шпильрайн и т. д., — стремились добиться такого воспитания детей, которое формировало бы положительное отношение к сексуальности. Но эти попытки так и остались отдельными эпизодами, и половое воспитание детей в Советском Союзе в общем и целом по-прежнему ориентируется на негативное отношение к сексуальности.

Данному обстоятельству следует придать большое значение. Психологическая структура детей должна быть приспособлена к желаемой коллективной жизни. Это приспособление невозможно без одобрения детской сексуальности, так как нельзя воспитывать детей в коллективе, одновременно подавляя самое живое из их побуждений — сексуальное. Если все же так поступают, то ребенок хотя внешне и живет в коллективе, но внутренне ему приходится затрачивать еще больше энергии, чем в семье, чтобы подавить свою сексуальность. Поэтому он становится все более одиноким и все чаще вступает в конфликты.

Воспитатель видит только один выход из такого отчуждения от коллектива, а именно: требование жесткой дисциплины, «порядок», навязываемый извне, создание преград и идеалов, противодействующих сексуальной активности, особенно возрастающей в коллективе. Возражения против коллективного воспитания обычно зиждутся большей частью на страхе перед так называемым «плохим поведением» детей и их сексуальными играми и т. д.

Впечатления от детских садов и школ были очень противоречивы. Старые патриархальные формы сосуществовали с новыми, весьма обнадеживающими. Дети сами должны были под руководством педагога обсуждать свои дела («самоуправление»). Несомненно, объединение ручного труда с учебой оказывало воздействие на изменение структуры характеров детей. Так называемые трудовые школы, в которых дети наряду с географией, математикой и другими предметами обязательно учатся и ручному

туду, являются основными формами учебных заведений, призванных формировать коллективные структуры.

Еще совсем недавно между школьниками и учителями существовали не на словах, а на деле товарищеские отношения. В повести "Дневник Кости Рябцева" встречается немало анекдотов из жизни детей, прежде всего об их отношениях с учителями, причем критика школьников в адрес своих наставников характеризуется жизнерадостностью и остроумием.

Особо сильное впечатление как пример формирования психической структуры, обуславливающей позицию жизнеутверждения, произвели на меня "летучие детские сады" в парке культуры. Его посетители могли на время прогулки разместить детей в "детском саду", где с ними играли педагоги и воспитательницы. Исчезал безрадостный образ ребенка, который неохотно, томясь скукой, тащился с родителями по дорожкам парка. Незнакомые дети быстро знакомились и становились друзьями в этом детском саду и так же легко расставались друг с другом. Бывало, правда, что эта дружба продолжалась.

Детей в возрасте от 2 до 10 лет "в полном беспорядке" размещали в зале, и каждый получал самый примитивный "музыкальный инструмент" — ключ, ложку, тарелку и т. д. Педагог-музыкант садился за фортепиано и начинал брать какие-нибудь аккорды в любом ритме. Постепенно и дети без всякого приглашения, напоминания или руководства вступали в этот ритм, так что за несколько минут возникал просто удивительный оркестр. Революционность того, о чем я рассказывал, не в существовании парков культуры. Они есть и в самых реакционных странах. Специфику жизнеутверждения следует искать в том, что в парке культуры детей собирают вместе и развлекают таким поистине сказочным образом. В этом случае вполне учитывается моторика ребенка. Дети, пережившие радость от игры, организованной с помощью неорганизованности, будут способны и готовы не бессмысленно следовать идеалам рабочей демократии, а формировать их исходя из собственного опыта. Таким образом, вопрос об обращении с детской моторикой ведет в самый центр педагогических проблем.

Задача революционного движения, формулируемая в самом общем виде, заключается в освобождении и удовлетворении связанных и подавленных биологических побуждений человека. В результате все растущей возможности удовлетворения потребностей у людей будет все больше шансов развивать свои естественные стремления и склонности. Ребенок, который не связан и не встречает препятствий в развитии двигательных потребностей, становится самостоятельным, он почти или вовсе недоступен разрушающему воздействию реакционной идеологии. Напротив, психика ребенка, развитие моторики которого заторможено, легкоранима и может быть подвергнута любому идеологическому воздействию.

К сфере формирования свободной моторики ребенка относятся и стремления советского правительства в первые годы после революции предоставить детям полную свободу в критике их родителей. В странах Западной Европы эта мера была поначалу не понята и казалась чем-то невозможным, тогда как в Соединенных Штатах о ней давно знали. Там можно было услышать, как ребенок называет родителей по имени. Это вполне соответствовало процессу формирования свободных, неавторитарных отношений. В Советском Союзе как школа, так и родительский дом уже было начали перестраиваться в направлении саморегулирования детей, но этому направлению, которое мы могли бы проиллюстрировать еще на многих примерах, противостояло другое, и его сторонники, к сожалению, стали набирать все большую силу. Его недавний триумф выразился в возвращении родителям ответственности за воспитание детей. Следовательно, и здесь имеет место возвратное движение к патриархальным формам воспитания. В последние годы все реже приходилось слышать о продолжении усилий по решению сложных проблем коллективного воспитания. Семейное воспитание снова взяло верх.

Трудно оценить, что еще осталось от прежнего направления, но ориентация на патриархальные формы воспитания, несомненно, имеет прочную опору в характере преподавания обществоведения и других политических предметов в школе. Например, в педагогическом журнале можно прочитать о том, что школьники устраивают политбои. Вопросы типа «Что сказано в таком-то и таком-то тезисах VI Всемирного конгресса» (Коминтерна. — Прим, пер.) показывают, что преобладает привитие коммунистической идеологии извне. Не приходится сомневаться в том, что у ребенка нет ни малейших предпосылок для того, чтобы действительно глубоко понять и оценить какой-либо тезис Всемирного конгресса. И даже если в этих политбоях и найдутся победители с блестящей памятью, которые сумеют воспроизвести тот или иной тезис, они ни в малейшей степени не будут застрахованы от влияния фашистской идеологии.

Фашистские пропагандистские формулы вдалбливаются в голову так же легко, как и коммунистические. В противоположность этому ребенок, чья моторика была совершенно свободной и который мог в играх высвободить свою естественную сексуальность, сможет противостоять аскетическому влиянию, проникнутому принципами строгой авторитарности. Политическая реакция всегда может конкурировать с революционным воспитанием в том, что касается авторитарного воздействия на детей, которое при поверхностном взгляде представляется лишь внешним. Но это невозможно в области полового воспитания. Ни одной реакционной идеологии или политическому направлению не удастся предложить

детям, если речь идет об их половой жизни, того же, что может дать социальная революция, — свободного выражения биологической подвижности. Вместо этого реакционные идеологии и их носители предлагают впечатляющие шествия, марши, знамена, песни и униформу.

Итак, мы видим, что главным при структурировании характера ребенка в соответствии с революционными принципами является высвобождение его биологической, сексуальной подвижности.

2. Неавторитарное изменение структуры характера маленьких детей

Важнейшей задачей неавторитарного изменения структуры человека является воспитание ребенка, формирующее у него положительное отношение к сексуальности.

19 августа 1921 г. московский психоаналитик Вера Шмидт основала детский дом, в котором она предприняла попытку правильного воспитания маленьких детей. Собранный ею опыт, о котором рассказывает вышедшая в 1924 г. небольшая книжка "Психоаналитическое воспитание в Советском Союзе", подтверждает: то, что сегодня утверждает сексуальная экономика про развитие детей, тогда возникало стихийно из приближенной к жизни позиции, включающей в себя положительное отношение к наслаждению. Направление, избранное Верой Шмидт, полностью лежало в русле положительного отношения к детской сексуальности.

Важнейшие принципы деятельности детского дома заключались в следующем: воспитательниц учили, что здесь нет наказаний. Им указывали, что нельзя даже разговаривать с детьми строгим тоном. Не должно было быть места никакой субъективной оценке детей. Похвала и порицание рассматривались как непонятные ребенку оценки со стороны взрослых, ибо служили лишь удовлетворению честолюбия и тщеславия детей. Эти немногие основные положения одним ударом исключали из воспитания авторитарно-морализаторские принципы. Что же пришло на их место?

Оценивался результат деятельности ребенка, но не его личность. Например, дом, построенный ребенком, характеризовали как красивый или некрасивый, не хваля и не порицая за него самого строителя. В случае драки оскорбителя не ругали, а рассказывали ему о боли, которую он причинил другому. При детях воспитательницы должны были быть в высшей степени сдержанными. Им нельзя было делать каких-либо замечаний оценочного характера о свойствах и поведении детей. Точно так же воспитательницы должны были быть в высшей степени скупы на проявления нежности и ласки по отношению к детям. В детском доме были строжайше запрещены бурные выражения любви со стороны взрослых, как, например, горячие поцелуи, крепкие объятия и т. д. Вера Шмидт абсолютно правильно подчеркивала, что такие проявления любви служат скорее удовлетворению взрослых, чем соответствуют потребностям детей.

Такая позиция означала разрыв со вторым принципом воспитания детей, основанным на началах морализаторства и авторитаризма. Ведь тот, кто чувствует себя вправе бить ребенка, считает точно так же возможным, общаясь с ним, избыть свою неудовлетворенную сексуальность. В этом, как правило, преуспевают защитники семейного воспитания. Разрыв со строгостью и моральной оценкой ребенка делает излишним и необходимость искупать поцелуями зло, причиненное побоями. Все окружение ребенка было приспособлено к его возрасту и потребностям. Игрушки и материалы для игр выбирались с учетом стремления к деятельности, чтобы будить в ребенке творческие силы. При возникновении новых потребностей соответствующим образом менялись игрушки и материалы для игр.

Принцип приспособления материала к потребности, а не наоборот, вполне соответствует воззрению, лежащему в основе сексуальной экономики и применимому далеко за пределами детского сада — ко всему общественному бытию. Следует приспособлять не потребности к экономике, а экономические институты к потребностям. Таким образом, в детском саду Веры Шмидт раскрылся сексуально-экономический принцип в противоположность принципу морального авторитета, на котором строились детские сады Монтессори, где детям надлежало одинаково обращаться с однажды выданным материалом.

Вера Шмидт считала:

Чтобы приспособление ребенка к реальным внешним условиям происходило без больших трудностей, внешний мир не должен противостоять ребенку как враждебная сила. Поэтому мы стремимся сделать действительность максимально приятной для него и заменить любое примитивное наслаждение, отказу от которого он должен учиться, разумными рациональными радостями.

Это значит, что ребенку сначала надо научиться любить действительность, к которой ему необходимо приспособляться. Он должен быть в состоянии радостно идентифицировать себя с окружающим миром — таков сексуально-экономический принцип. Ему противоречит принцип морального авторитета, в соответствии с которым предпринимается попытка приспособить ребенка к окружающему миру, по определению, противостоящему и враждебному ему. Причем происходит это не с помощью преисполненной любви идентификации с этим миром, а с помощью обязательств, а то и с использованием морального давления.

Сексуально-экономическому принципу соответствует такое поведение матери или воспитательницы, когда ребенок любит их стихийно. Общественное же, религиозное или юридическое требование: "Ты должен любить свою мать, даже если ее поведение не вызывает любви" — является примером регулирования, основанного на принципах морального авторитета.

Необходимость включения в общественное сосуществование упрощалась различными способами. Требования проистекали из условий повседневной жизни и устройства жизни детского сообщества, а не были результатом произвола страдающих невротизмом, больных, одержимых честолюбием и изголодавшихся по любви взрослых.

Детям объясняли так, чтобы это было им понятно, чего от них требуют и почему, но не давали приказов. От удовлетворения влечений, с которыми действительно следовало расстаться, ребенок отказывался, «обменивая» их на удовлетворение других влечений, более высокого порядка, например, стремления к любви взрослых или товарищей и т. д. В ребенке развивались и поддерживались чувства собственного достоинства и независимости, ибо требованиям жизни легче всего подчиняются не ведомые дети, а такие, которые наделены чувствами собственного достоинства и независимости. Эти факты совершенно непонятны сторонникам "воспитания по-фельдфебельски".

Сексуально-экономический принцип добровольного отказа от удовлетворения влечений был применен и к воспитанию чистоплотности. Запреты какого бы то ни было рода со стороны воспитателей строго исключались. Воспитанники детского дома и не подозревали, что их сексуальные побуждения могли бы быть оценены как-то иначе, чем другие естественные телесные потребности. Поэтому они и удовлетворяли эти побуждения на глазах воспитательниц точно так же, как если бы речь шла о голоде или жажде, то есть совершенно спокойно и безбоязненно. Это делало ненужной какую бы то ни было таинственность, укрепляло привязанность детей к воспитательницам, содействовало приспособлению к действительности и создавало, таким образом, благоприятную основу для развития детской личности в целом. В таких условиях воспитательницы имели полную возможность наблюдать шаг за шагом за сексуальным развитием детей, содействуя сублимации отдельных инстинктивных побуждений и поддерживая этот процесс.

Достоинно благодарности указание Веры Шмидт на необходимость работы воспитателей над собой. Выяснилось, что беспокойство детей или беспорядок, который они создают, являются следствием невротически бессознательного поведения воспитателей. Воспитание ребенка в соответствии с сексуально-экономическими принципами невозможно до тех пор, пока воспитатели не будут свободными от иррациональных побуждений или, по меньшей мере, не будут знать и контролировать их.

Согласно традиционным представлениям о воспитании детей в западных культурных кругах недопустимо, если дети, которым уже гораздо больше шести месяцев, не привыкли к горшку. В детском же саду Веры Шмидт только приблизительно с конца второго года жизни переходили к высаживанию детей на горшок "через определенные промежутки времени", но никогда не побуждали их к отправлению этих потребностей именно таким способом с помощью пусть даже сколь угодно малого насилия. Детей не ругали, если им случалось обмочиться. На это не обращали внимание как на что-то вполне естественное.

Этот факт, имеющий важнейшее значение для воспитания чистоплотности у детей, показывает нам, какие предпосылки следует осуществить, прежде чем станет возможным и думать о структурировании детского характера в соответствии с сексуально-экономическими принципами. Реализация этих принципов в семье невозможна, они осуществимы только в детском коллективе. Противопоставляя свой опыт губительным взглядам и столь же вредным действиям необразованных, невежественных врачей и педагогов, полагающих, что ребенка, мочащегося в постель, следует подвергать адским карам, вот что Вера Шмидт рассказывает: у трехлетней девочки обнаружился рецидив недержания мочи. На него просто не обратили внимания. Рецидив продолжался три месяца, а потом прекратился сам собой. Этот факт также будет абсолютно непонятен педагогу, мыслящему авторитарными категориями, но от этого он не становится в меньшей степени самоочевидным.

Далее психоаналитик пишет:

Отношение детей к вопросу чистоплотности вполне спокойное и сознательное. Сопротивление и капризы не наблюдались. Дети не связывают с происходящим чувства стыда или понятия «позора». Наш метод представляется пригодным для того, чтобы уберечь детей от тяжелых травматических переживаний, которые в противном случае весьма часто оказываются следствием воспитания, направленного на контроль над выделительными процессами.

Как свидетельствует клинический опыт, очень часто причиной тяжелейших нарушений оргастической потенции у взрослых является строгое воспитание чистоплотности. Дело в том, что это воспитание приводит к образованию связи чувства стыда и позора с генитальной функцией. Очевидно, что таким образом разрушается способность к упорядочиванию запасов вегетативной энергии. Действия Веры Шмидт были совершенно правильными, ведь у маленьких детей, не связывающих чувства стыда и позора с функцией выделения, нет и причин для формирования впоследствии такого рода генитальных нарушений.

Дети в детском доме Шмидт никоим образом не были стеснены в удовлетворении своего стремления к движению. У них была возможность возиться, прыгать, бегать и вообще делать все, что им заблагорассудится. Благодаря этому у них была возможность не только проявить свои естественные стремления, но и дать им культурную оценку. Это полностью совпадало с сексуально-экономическим воззрением, согласно которому свобода детского влечения является предпосылкой его сублимации, то есть культурной оценки, а препятствие ему лишает возможности сублимации, которая заменяется вытеснением.

В наших детских садах, где детям прививают "способности к восприятию культуры" и "приспосабливают к реальности", парализуя их моторику, мы замечаем у детей примерно в 4–6 лет — в противоположность опыту Веры Шмидт — отрицательное изменение всего поведения: из естественных, живых и подвижных детей они превращаются в тихих и добропорядочных. Дети охлаждаются. Анна Фрейд, подтверждая этот факт в своем труде "Психоанализ для педагогов", не подвергает его критике, а принимает как необходимость, ибо она сознательно стремится воспитать ребенка человеком, проникнутым буржуазными ценностями. В основе этого стремления лежит свойственное всей консервативной педагогике представление, согласно которому естественная подвижность ребенка противоречит его способности к восприятию культуры. Верно же как раз обратное утверждение.

Очень важны сообщения Веры Шмидт об онанизме среди ее питомцев. Дети онанировали "относительно мало". Она поступает совершенно корректно, отличая онанизм, обусловленный чисто телесным возбуждением, исходящим от половых органов, и служащий удовлетворению генитальных потребностей в наслаждении, от такого, который проявляется "как реакция на оскорбление, унижение или ограничение свободы со стороны внешнего мира". Первая форма не представляет вообще никаких трудностей для воспитателей. Вторая является следствием повышенной вегетативной возбудимости, результатом страха и упрямства, от которых ребенок пытается избавиться с помощью генитального возбуждения.

Вера Шмидт смотрела на вещи правильнее, чем Анна Фрейд, считавшая так называемый эксцессивный онанизм детей следствием "инстинктивного проявления своего «Я»". Следует принять во внимание то обстоятельство, само собой разумеющееся для нас, что дети, воспитывавшиеся в условиях положительного отношения к влечению, мастурбировали "не таясь, на глазах воспитательниц". Надо знать о страхе воспитателей перед онанизмом, чтобы оценить утверждение о том, что "воспитатель должен быть воспитан", прежде чем он сможет спокойно наблюдать за естественным инстинктивным поведением ребенка.

Дети имели столь же полную свободу и в удовлетворении друг с другом своего сексуального любопытства. Они могли беспрепятственно рассматривать друг друга, и соответственно этому были "вполне спокойными и разумными" их высказывания об обнаженном теле — как о своем, так и о теле друга. "Мы могли заметить, что интерес к половым органам проявлялся не тогда, когда дети были голыми, а в то время, как они были одеты". На свои вопросы сексуального характера дети получали ясные и правдивые ответы. Как подчеркивает Вера Шмидт, они не знали родительского авторитета, родительской власти и т. п. Отец и мать были для них прекрасными идеальными существами. Вера Шмидт писала: "Не исключено, что все эти отношения между детьми и родителями могут установиться только там, где воспитание происходит вне родительского дома".

Но если практика воспитания в детском доме вполне соответствовала сексуально-экономическому принципу жизнеутверждения и положительного отношения к влечению, то теоретические воззрения В. Шмидт отклонялись от этого принципа. Обосновывая тезисы о работе в детском саду, психоаналитик говорила о "преодолении принципа удовольствия" и о необходимости заменить его "принципом реальности". Она оказалась в плену неправильного представления о психоанализе, о механическом противопоставлении наслаждения и производительности, вместо того чтобы именно в каждом

естественно заданном принципе наслаждения видеть лучшую основу сублимации и социального приспособления. Ее практическая работа противоречила теоретическим воззрениям.

Судьба этого детского дома имеет важное значение для оценки такого рода попыток изменения психологической структуры нового поколения. Уже очень скоро после его создания по городу начали распространяться всякого рода слухи. Говорили, что в «заведении» происходят ужасные вещи, что воспитатели для наблюдения вызывают у детей преждевременное сексуальное возбуждение и т. д. Ведомство, с согласия которого был создан детский дом, по требованию консервативно настроенных педагогов, врачей и психологов начало специальное расследование. Народный комиссариат просвещения объявил устами своего представителя, что детский дом не может далее существовать, но мотивировал свое решение якобы слишком большими расходами на его содержание. Подлинная причина заключалась, конечно, в другом. В это время сменилось руководство Психоневрологического института, в ведении которого находился детский дом. Новый директор института, также входивший в следственную комиссию по проверке детского дома, дал уничтожающее заключение. Он даже обругал дирекцию и сотрудников лаборатории, не говоря уже о детях, принимавших участие в экспериментах. Вслед за этим Психоневрологический институт не только прекратил всякую поддержку детского дома, но и поспешил идеологически отмежеваться от него.

В тот же день, когда должно было быть опубликовано решение о закрытии детского дома, там появился представитель немецкого объединения горняков «Унион» и от имени германского и русского профсоюзов шахтеров предложил материальную и идеологическую поддержку новой научной организации. С апреля 1922 г. немецкое объединение горняков «Унион» снабжало детский дом продовольствием, а русские шахтеры — топливом. Детский дом был переименован и стал называться "Детский дом-лаборатория "Международная солидарность". Но он просуществовал совсем недолго. Комиссии, проверки, лишение какой бы то ни было поддержки быстро покончили с ним. Характерно, что детский дом был ликвидирован примерно тогда же, когда общая тенденция к торможению русской сексуальной революции начала брать верх.

Следует отметить и то, что Международное объединение психоаналитиков отнеслось к попытке Веры Шмидт скептически и даже отрицательно, что объясняется постепенным превращением психоанализа в антисексуальное учение.

Тем не менее работа Веры Шмидт была первой в истории педагогики попыткой наполнить теорию детской сексуальности практическим содержанием. Если говорить об историческом значении этой попытки, то ее вполне можно — хотя речь и идет об иных масштабах — сравнить с Парижской коммуной. Вера Шмидт была, несомненно, первым педагогом, которая чисто интуитивно осознала как необходимость, так и сущность перестройки психологии человека в соответствии с социалистическими принципами. И, как это было всегда на протяжении советской сексуальной революции, ведомства, «ученые», психологи и педагоги помогли победе регресса, а профсоюзы шахтеров, напротив, доказали на практике, не обладая особыми теоретическими знаниями, что они поняли проблему во всей ее значимости. Этот пример говорит о том, что если в истории еще раз представится возможность революционного развития психической структуры личности, будет правильным опираться на интуитивное сознание шахтеров, а не на знания психологов, получивших реакционное образование.

3. Псевдореволюционное пасторское воспитание

Приступая к решению задач, которые ставит воспитание подрастающего ребенка, воспитатель едва ли сталкивается со столь сложными вопросами в какой-либо другой области, как в сфере полового воспитания. Хотя оно и неотделимо от воспитания в целом, именно эта область демонстрирует свои специфические трудности.

Дело в том, что сам педагог получал, как правило, половое воспитание, ориентированное на неприятие сексуальности, да и самой жизни во всех ее проявлениях. Такими воззрениями пропитали его родительский дом, школа, церковь, все консервативное окружение, и они не позволяют сформироваться его собственной жизнеутверждающей позиции. Тем не менее если воспитатель хочет действовать в духе положительного, а не отрицательного отношения к жизни, ему необходимо избавиться от консервативных взглядов, сформировать собственную жизнеутверждающую позицию и отстаивать ее в процессе воспитания детей. При этом он может позаимствовать некоторые важные положения консервативной педагогики, многое из нее отбросит как антисексуальное, а еще что-то «выпрямит», приспособив к своим взглядам. Это большая и трудная задача, в решении которой до сих пор удавалось сделать лишь первые шаги.

Самую большую трудность представляют пасторы из революционного лагеря. Это, большей частью, интеллигенты, чья сексуальность приобретает судорожные формы, революционеры, ставшие таковыми под влиянием невротических мотивов и только сеющие смуту. В их числе и коммунистический поп Залкинд, член Коммунистической академии и Международного объединения психоаналитиков.

Революционная молодежь в Советском Союзе ожесточенно боролась против его взглядов, но они, к сожалению, определяют характер официальной идеологии. Его статья "Некоторые вопросы полового воспитания юных пионеров", опубликованная в журнале "Дас пролетарише кинд" ("Пролетарский ребенок". — Прим. пер.) причинила немало хлопот немецким специалистам по сексуальной политике. Мы хотим на ее примере показать, насколько это безнадежная затея — перемешивание революционной формы с содержанием, враждебным сексуальности.

Залкинд начинает с верного утверждения о том, что пионерское движение охватывает детей "на важнейшей стадии их развития" и обладает средствами, которые отсутствуют у семьи и школы. Но он исходит из такого взгляда на детскую сексуальность, который вполне можно сравнить с христианским. Отсюда проистекают все дальнейшие ошибки Залкинда и его единомышленников. Он пишет:

...Поэтому (потому, что пионерское движение располагает лучшими средствами для воспитания по сравнению с семьей), оно должно быть и главным борцом против основных препятствий, против паразитического переключения энергии подрастающих детей на сексуальные цели.

Следовательно, Залкинд оценивает детскую сексуальность как «паразитическую». Как приходит он к такой оценке? Что хочет он этим сказать? Какие сделать выводы для воспитания? Под «паразитическим» он понимает нечто чуждое телу. Этот сексуальный философ, к мнению которого прислушиваются в Советском Союзе, заявляет вполне серьезно, что следует воспрепятствовать «переключению» энергии на «паразитическое», "сексуальное":

Если пионервожатые сумеют предложить детям материал для пионерской работы в такой форме, которая соответствует потребностям переходного возраста, то не останется энергии для преобладания паразитического начала.

Таким образом, Залкинд полагает, что сексуальные интересы детей и подростков могут быть полностью исключены. Он не спрашивает, как следовало бы привести коллективные интересы в соответствие с сексуальными, в каких случаях они противоречат друг другу, а в каких составляют единое целое. Чем же отличается Залкинд от какого-нибудь католического священника или реакционного педагога, убежденных в возможности стопроцентного переключения сексуальной энергии?

Теперь уже больше нельзя отрицать существования детской и подростковой сексуальности. Раньше это было возможно. Теперь говорят о стопроцентном отвращении, но это лишь старое в новом обличье. Залкинду даже не пришло в голову спросить, почему церковь не допускает половой жизни детей. Он и не задумался о том, что если хочет сформулировать правила воспитания, то должен сначала обосновать, почему он представляет ту же точку зрения, что и реакционный воспитатель. Ему представляется нечто вроде такого обоснования, когда он рассматривает половую жизнь и коллективизм как противоположности. Он хочет исключить сексуальность в интересах коллективизма.

"Раннему половому влечению подвержены главным образом одичавшие, одинокие дети, те дети, которые лишены активной живой связи с ровесниками, которые слишком часто остаются предоставленными самим себе...", что, по мнению Залкинда, приводит к слишком ранней половой зрелости.

Все это общие слова, проникнутые невежеством. Ведь что такое "ранняя зрелость"? Следует ли говорить о ранней зрелости применительно к онанирующему 4-летнему ребенку? Можно ли говорить о ранней зрелости, когда самоудовлетворяется 13 — 15-летний подросток, переживающий пору полового созревания? Можно ли говорить о ранней зрелости, если он рано или поздно начинает желать полового акта?

Залкинды с их неконкретной, лозунговой аргументацией лишь доказывают, что они не способны спуститься из сфер абстрактной этики в реальность жизни детей и подростков. И, конечно, были правы те пионервожатые, которые обращали внимание на просвещение в своих отрядах, видя нездоровые сексуальные явления и понимая, что причина возникновения так называемых "сексуальных проблем" не в недостатке «коллективизма», а наоборот, невыясненность проблем половой жизни детей, порождаемая, в частности, воззрениями Залкинда, и является наиболее существенной причиной «сбоев» в жизни коллектива.

Никогда нельзя обосновать коллективизм, жидущийся на полном подавлении половой жизни, чем-либо иным, кроме доводов авторитарного характера. По мнению Залкинда, "непрерывный контроль со стороны коллектива над сексуальным и другим поведением детей должен быть основой здорового полового

развития". Заметим при этом, что «здоровый» означает "лишенный сексуальности". Залкинд хочет достичь торжества этой "пионерской этики" с помощью "умелой организации работы".

Давайте наконец конкретно представим то, что нам предлагается. Как долго должны работать подростки? Непрерывно? Значит, и ночью? Последнее, очевидно, необходимо для того, чтобы они, лежа в постели, не касались половых органов. А должны ли мы во время игр детей и подростков осуществлять "непрерывный контроль коллектива", чтобы дети не влюбились, чтобы не начались "любовные приключения"? Залкинд говорит о «детях» 13–16 лет. А это ведь подростки, переживающие половое созревание! Почему же эти «дети» не должны влюбляться и позволять себе "любовные приключения"? Потому ли, что это вредит коллективизму? Или потому, что залкинды не могут наблюдать за ними?

Берлинские комсомольцы во время дискуссионных вечеров установили как неопровержимую истину, что группы распадаются именно в том случае, если в них слишком мало девушек, а сохраняются как раз тогда, когда в них примерно поровну юношей и девушек. Уж не потому ли, что они осуществляют "непрерывный контроль коллектива" и не допускают возникновения "ненужных любовных приключений"? Или все же потому, что партнеры находят друг друга и любовная жизнь перестает быть проблемой, мешающей коллективу? Залкинды договариваются до нелепостей, потому что они не отличают нарушенную любовную жизнь от ненарушенной, потому что они не видят: именно препятствия любовной жизни и создают одичание, так как сексуальное влечение никогда не может быть убито. Это делает совершенно невозможным и сотрудничество в коллективе. Как же сухо и бюрократически звучат нижеследующие слова, сколько в них враждебности к жизни:

"Активный коллективизм — лучшее средство воспитания чувства сексуального равенства, ведь товарищ по труду не вызывает ненужных мыслей любовного характера. На это не остается ни лишних сил, ни свободного времени".

Что означает в данном контексте "сексуальное равенство"? Мы пропагандируем равноправие между полами, мы боремся против политической реакции, используя в этой борьбе идеологию сексуальной свободы. Залкинды пропагандируют "равенство между полами" при недозволенности любовной жизни. Они делают то же самое, что и некий руководитель католической молодежи, с той лишь разницей, что они не отрицают, еще не отрицают совместного воспитания представителей обоего пола. Но именно из-за этого они доходят до абсурда. Конкретно речь идет вот о чем: что нам делать, если юноша и девушка сделали вместе важную политическую или организационную работу и влюбились друг в друга? Как же быть? Осуществлять контроль со стороны коллектива или «задушить» влюбленность в процессе дальнейшей работы? Или с помощью воздержания осуществить сексуальное равенство? И это в таком возрасте, который сам Залкинд называет "серьезнейшей стадией детского развития — стадией созревания половых влечений". Сколько же лжи и лицемерия оказывается после всего сказанного в следующих словах:

"Полное взаимное доверие и взаимное уважение, полная взаимная откровенность — таково главное условие, без которого в пионерском отряде невозможна здоровая система воспитания".

Как могут пионеры питать взаимное доверие друг к другу и к своему руководителю, если их не понимают, когда заходит речь об одном из самых важных для них вопросов?

"Ребенок в пионерском возрасте знает о половом вопросе довольно много, даже слишком уж много (в соответствии с пропагандируемым Залкиндром "сексуальным оздоровлением детей"), но он знает не то и не так, что и как было бы необходимо знать. Вожатый не должен замалчивать эту путаницу, он должен говорить. Но как?"

Итак, как же должен говорить пионервожатый? Мы в напряженном ожидании. И вот что мы узнаем буквально в следующих строчках:

"Во всяком случае, он не должен читать детям лекций о половом вопросе. Более того, он вообще не может говорить с детьми специально на сексуальные темы".

Значит, с детьми можно вести беседы только в связи с социальными и политическими вопросами? Это было бы верно, но как бы не так. Дальше он пишет:

"При тщательном наблюдении можно заметить у отдельных детей склонность к онанизму". (У «отдельных» детей, только в возрасте от 13 до 16 лет, то есть на стадии созревания половых влечений! Только при "тщательном наблюдении"!)

Далее Залкинд рекомендует следующее:

Здесь необходима величайшая осторожность со стороны водителя, так как дети особенно чувствительно (Правильно. — В. Р.) реагируют на попытки бороться с такими их вредными привычками...

В любом случае вмешательство водителя непосредственно в сексуальную сферу ребенка разрешается только при условии, если он прежде получил педологическую и педагогическую подготовку по этой проблеме.

(У кого? И какую? Заключается ли эта подготовка в формировании представления о том, что онанизм — вредная привычка?)

Открытое массовое обсуждение таких недоразумений всем отрядом под руководством водителя совершенно недопустимо. С делом надо покончить в зародыше один на один (С каким делом? Со «скандалом» из-за того, что дети занимаются онанизмом?), причем можно опираться на лучших активистов, в сексуальной безупречности которых нет оснований сомневаться.

Вот как, по мнению нашего немецкого ханжи, должна выглядеть "полная взаимная откровенность"!

Педагоги типа Залкинда капитулируют перед громадными трудностями, которые возникают сразу же, стоит только разумно и научно подойти к вопросу о половой жизни детей и подростков. Нельзя просвещать детей и подростков, одновременно запрещая им сексуальные игры и онанизм. От них нельзя утаивать правду о функции сексуального удовлетворения. Можно говорить только правду и предоставить жизнь ее свободному ходу. Сексуальная потенция, телесная бодрость и красота должны стать постоянными идеалами движения за свободу. Революции не требуется рабочий вол, ей нужен бык, ей не нужен каплун, ей требуется петух. Люди достаточно долго были волами. Кастраты не являются борцами за дело свободы.

4. И снова вопрос беспризорности

Русской революции пришлось бороться не только против последствий гражданской войны, голода, моральной деградации, доставшейся в наследство от царизма. Очень серьезная проблема огромного масштаба стояла перед советской властью. Это была детская беспризорность. Чтобы справиться с этой проблемой, революционная власть не располагала достаточным количеством образованных, прежде всего имеющих настоящую сексологическую подготовку педагогов. Да и чиновники от педагогики с душами кастратов препятствовали, подобно колодкам на ногах прыгуна, движению революции. Конечным результатом невыясненности проблемы сексуального бунта детей явилось обострение вопроса беспризорности в 1935 г.

Нельзя утверждать, что новая волна беспризорности объяснялась ситуацией, сложившейся после гражданской войны, ведь беспризорники 1934–1935 гг. были уже детьми новой общественной системы. При рассмотрении таких вопросов не помогают ложная осторожность и утаивание фактов. Советский Союз делал все мыслимое для решения вопроса беспризорности. Фильм "Путевка в жизнь", который на многие годы останется документальным свидетельством революционной воспитательной работы, показал, сколь выдающиеся результаты были достигнуты в сфере культуры труда и трудового воспитания. Но почему же тогда проблемы беспризорности не были решены. Об этом свидетельствует постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) "О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности" от 31 мая 1935 г.:

Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что в настоящее время, в условиях непрерывного улучшения материально-культурного положения трудящихся города и деревни и при производимом государством отпуске огромных средств на содержание детских учреждений, наличие беспризорных детей в столицах и других городах страны объясняется плохой работой местных советских органов и партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в области ликвидации и предупреждения детской беспризорности и отсутствием организованного участия в этом деле советской общественности, при этом:

а) в большинстве детских домов работа в хозяйственном и воспитательном отношении поставлена неудовлетворительно;

б) совершенно недостаточна, а в ряде мест и вовсе отсутствует организованная борьба с детским хулиганством и преступными элементами среди детей и подростков;

в) до сих пор не созданы условия, при которых дети, по той или иной причине очутившиеся "на улице" (потеря родителей или уход от них, бегство из детских домов и пр.), немедленно помещались бы в соответствующие детские учреждения или возвращались к родителям;

г) отсутствует воздействие и привлечение к ответственности родителей и опекунов, безучастно относящихся к своим детям и допускающих хулиганство, воровство, разврат и бродяжничество их.

Оказывается, не "плохая работа" была причиной сложившейся ситуации! Винаваты родители и опекуны! Отсюда последовало возвращение к ответственности родителей за воспитание детей и принятие мер, которые противоречили прежним принципам воспитания. Оказались ли несостоятельными сами эти принципы? Нет, они просто грешили неполнотой, они не включали постановку главной проблемы, а часто и вовсе сознательно обходили ее. Речь идет о проблеме половой жизни детей.

Коллективная общественная идеология и коллективная жизнь взрослых при сохранении требований аскетизма, обращенных к детям, сексуального лицемерия и семейного воспитания должны неизбежно вести к детской беспризорности. Совершенно немыслимо, чтобы при общем свободном развитии можно было бы подавлять сексуальные потребности детей, не нанося ущерба ребенку и обществу.

В 1935 г. советское правительство прилагало большие усилия для преодоления беспризорности. В распоряжении № 3 "Об организации борьбы против хулиганства детей на улицах" задача усиления этой борьбы была возложена на Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Народные комиссариаты просвещения союзных республик обязывались без возражений принимать детей в детские дома. Органы милиции получили право подвергать родителей в административном порядке штрафу до 200 рублей за хулиганство детей на улицах. Было принято решение о привлечении родителей и опекунов к материальной ответственности за действия детей, повлекшие за собой материальный ущерб. У родителей, которые "не заботились о надлежащем наблюдении за поведением своих детей", дети должны были отбираться и помещаться в детские дома за родительский счет.

Норвежская газета «Арбейдерблад» от 16 июня 1935 г. сообщала, что советскому правительству пришлось прибегнуть к массовым облавам на беспризорных детей. Газета подчеркивает, что наряду с воровством, кражами, грабежами как типичными занятиями беспризорных они заражались венерическими заболеваниями, и оказывались переносчиками инфекций: "Как чумной поток, дети несли с собой с места на место опасность заражения". Правда, судя по сообщению газеты, общественные бани, детские дома и больницы были доступны детям, но они отказывались пользоваться всем этим. Оказалось, что дети толпами бежали из детских домов. По сообщению «Арбейдерблад», в «Известиях» можно было чуть ли не ежедневно прочитать объявления о розыске бежавших детей.

Норвежская газета писала: "До недавних пор такие объявления никогда не встречались в русской печати, теперь же они стали чем-то обычным". Она указывала и на меры, принимавшиеся советским правительством против детской беспризорности: предоставление квалифицированных учителей, инструментов и машин, учебных фильмов и специальных учебников. Кроме того, весь народ был мобилизован на решение этой проблемы.

В 1929 г. в беседах с советскими педагогами Верой Шмидт и Гешелиной я приложил немало усилий, чтобы обратить их внимание на неполноту и бесперспективность попыток возврата беспризорных детей в детские дома.

Уже тогда было совершенно ясно, что хотя проблема беспризорности в Советском Союзе и возникла в результате гражданской войны, но ее питала в значительной мере неясность характера сексуальной жизни. Работы в Советском Союзе было достаточно. Трудотерапия была высоко развита. Безработица исчезла. Детские дома и коллективы были большей частью образцово организованы. И тем не менее дети вновь и вновь убегали, предпочитая жизни в детских домах опасную, поистине губительную жизнь на улице и антиобщественное поведение. Эту громадную проблему нельзя было решить только трудовым воспитанием или объяснить ссылкой на романтическое любопытство, свойственное детской душе.

У нас в Германии были богатейшие возможности изучить подлинную природу беспризорности и, как следствие ее, воспитание в детских домах. Когда стало известно о моих усилиях по сексуальному оздоровлению молодежи, ко мне начали приходить беглые воспитанники детских домов и от всего сердца, честно и откровенно рассказывать о своих бедах и подлинных мотивах своего асоциального существования. Это происходило потому, что я понимал их и их проблемы. Я могу уверить читателя, что мои собеседники были превосходными ребятами и, более того, среди них попадались очень умные,

наделенные большими способностями личности. Часто я ловил себя на мысли о том, насколько больше жизненной силы было в так называемых беспризорных, чем в добропорядочных лицемерах из числа школьных учителей, и именно потому, что они бунтовали, восставали против общественного строя, который отказывал им в самом простом естественном праве. В их рассказах речь шла всегда об одном и том же: мои собеседники не справлялись со своим сексуальным возбуждением и фантазиями. Родители не понимали их, столь же мало понимали их учителя и представители власти. Ребята так никогда и не смогли с кем-нибудь поговорить об этом и были вынуждены хранить тайну в себе. Они все сильнее замыкались, становились более злобными и недоверчивыми.

Понимание своих проблем эти дети и подростки находили только у ровесников с подобной психологической структурой, сталкивавшихся с такими же трудностями. Так как их не понимали в школе, они бойкотировали ее, а поскольку их не понимали и родители, они проклинали родителей. Но, будучи в то же время крепко привязанными к родителям и неосознанно ожидая от них помощи и спасения, они оказывались из-за упрямства в состоянии тяжелейших конфликтов. Конфликты еще усиливались чувством вины. Так эти дети и подростки попадали на улицу. Там они не были счастливы, но чувствовали себя свободными. И продолжалось это до тех пор, пока полиция не задерживала их и не водворяла в приюты зачастую только за то, что этих 15-, 16- и 17-летних девушек где-нибудь заставляли с парнями.

Беседуя с многими из них, я смог установить, что они были психически здоровы, обладали критическим складом ума и бунтовали (на это были все основания) до тех пор, пока не попадали в когти полиции и системы общественного призражения. С этого момента они становились психопатами, отвергнутыми обществом. Общество совершило по отношению к этим детям преступление огромного масштаба. Тем не менее удалось — и это было еще одним доказательством правильности моих взглядов, — вызвать полное доверие со стороны этих «беспризорных» и действительно управлять ими, если им доказывали на практике, что их понимают.

Если уж в Германии проблема детей и подростков была необычайно сложна, то до какой же степени должен был обостриться конфликт между нарастающими требованиями бурно развивающейся сексуальности и саботажем со стороны общества в такой стране, как Советский Союз, где была провозглашена полная свобода, но сексуальное угнетение продолжало существовать. Всеобщая коллективная жизнь и сохранение семейного воспитания детей неизбежно должны были приводить к социальным взрывам. Мы не должны забывать также, что советские матери все больше втягивались в производственный процесс, духовно и эмоционально оживали в качестве действующих членов общества, что создавало новое противоречие в их отношении к детям.

Видя участие матерей в производстве, дети тоже хотели войти в жизнь. Перед ними открывался путь в трудовую жизнь, но многие не хотели идти по нему, если им закрывали путь к сексуальности. Именно в этом причина беспризорности в Советском Союзе, все еще сохраняющая свое значение, а не в последствиях гражданской войны, которая к 1935 г. уже стала историей. Тем более такой причиной не является существование самой советской системы. Можно утверждать, без сомнений, что беспризорность детей и подростков является видимым выражением тайного сексуального кризиса их жизни. И можно предсказать, что никакому обществу не удастся решить проблему беспризорности, проблему психопатии детей и подростков, если оно не найдет мужества и знания для того, чтобы урегулировать половую жизнь детей и подростков в соответствии с принципами положительного отношения к сексуальности.

Сегодня мы никоим образом не можем предсказать, какие конкретные воспитательные меры придется принять, если мы столкнемся с необходимостью решить эту проблему. Мы можем, напротив, только вскрыть общие связи и закономерности.

Решение вопроса беспризорности, как и вопроса воспитания детей в целом, зависит от того, удастся ли и насколько удастся исключить из формирования психической структуры ребенка привязанность детей к родителям и родителей к детям, имеющую кровосмесительный характер, мотивированную ненавистью и пропитанную чувством вины.

Логичным будет утверждение, что исключить эту привязанность не удастся, если дети не начнут воспитываться в коллективе примерно до 4 лет. Сказанное не означает уничтожения естественных отношений между родителями и детьми, проникнутых любовью.

Речь идет только о ликвидации невротических, болезненных отношений. Конечно же, попытка решения этой задачи окончится неудачей, если не будет разрешено в широком масштабе противоречие между семьей и коллективом. Как родители должны любить детей, так и дети должны отвечать им тем же, так, чтобы и те, и другие имели возможность во всей полноте наслаждаться этим чувством. Но, как ни парадоксально прозвучит сказанное, это-то и предполагает упразднение принудительной семьи и воспитания в ней. Мы потерпим неудачу, если не сумеем покончить с запрещением детской сексуальности и вытекающим отсюда чувством выброшенности из общества вследствие желаний и

действий сексуального характера. Мы должны всеми средствами препятствовать тому, чтобы в будущем оказались возможными сообщения такого рода:

"Шестилетний Гарик: "Ради Бога, что случилось?" А произошло нечто неслыханное. Восемилетняя Любка, едва умеющая писать, «влюбилась» и тайком сунула своему ровеснику Павлику записку следующего содержания: "Мой сладенький пирожок, моя конфеточка, мой золотой бриллиантик..." "Влюбиться! Такое мещанство! Времена царя Николая давно прошли!" Дело возбужденно обсуждалось, и в наказание Любке запретили целых три дня появляться на детской площадке", — так писала Фанина Халле, доказывая нравственность советской системы и стремясь реабилитировать коммунизм перед всем «нравственным» миром в своей книге, снискавшей широкое признание.

Педагоги и сексологи «социалистической» ориентации, которые не выносят вида двух детей, ласкающих друг друга, будучи не в состоянии понять очарование и природную естественность детской сексуальности, совершенно не пригодны для революционного воспитания нового поколения, несмотря на их пусть даже самые благие намерения. В детском половом возбуждении, в чувственных отношениях между детьми бесконечно больше нравственности, искренности, силы и воли к жизни, чем в тысячах страниц сухого анализа и тезисов. Здесь, и только здесь, в живости детского существа, следует искать гарантию построения общества подлинно свободных людей.

Сказанное не вызывает сомнений, но было бы вредно считать все проблемы уже решенными в результате одной только этой простой констатации. Мы должны быть готовы к тому, что перестройка психической структуры человека, в результате которой его жизнь будет основываться не на патриархальных и авторитарных началах, а на добровольности и способности радоваться, окажется самой трудной из всех задач, которую нам придется решать.

Часто механически повторяют марксистское положение о том, что "сам воспитатель должен быть воспитан". Пришло время конкретно представить себе, как следует понимать это положение, и взяться за его реализацию. Воспитатели нового поколения, родители, педагоги, государственные руководители и хозяйственники должны сначала сами быть здоровы в сексуальном отношении, прежде чем они смогут допустить, чтобы воспитание детей осуществлялось правильно с точки зрения сексуальной экономики.

Общие вопросы современных реалий относительно педофилии

Геннадий Дерягин. // Независимый психиатрический журнал. – М., 2016. - No 1. – С. 73-80.

Представлен обзор современных реалий, относительно общих понятий и последних законов РФ, связанных с педофилией. Отражены различные точки зрения на само понятие педофилии. Выполнен обзор эволюционных истоков явления. Обращено внимание на асоциальные и криминальные стороны «народной» борьбы с «педофилией», а также на значительное изменение законодательства, бессмысленность ужесточения наказаний для обладателей педофилии как парафилии.

Ключевые слова: педофилия, половое поведение приматов, развратные действия, гомосексуальность, половые преступления.

1. Общие понятия с точки современных воззрений

Много лет, особенно с предвыборной кампании 2011 года, российское общество охвачено массовым психозом, имеющим название педопаники, или педоистерии. Последний термин мне больше нравится, потому что именно я внёс его в русский язык, повторяя его в своих работах с 2006 года [5], мои же работы подверглись многочисленным цитированиям и пересказам в Интернете.

Термин «педоистерия» означает индуцированный массовый психоз в связи с многочисленными и часто непроверенными сообщениями со стороны СМИ о сексуальных преступлениях против детей. Понятно, что дети для большинства людей являются символом неприкосновенности, чистоты и некой святости. Особенно люди боятся за благополучие своих детей. Поэтому беспроблемным является вариант – бить на родительские чувства.

Самое авторитетное определение термина «педофилия» даёт международный нормативный акт ВОЗ, который называется МКБ-10. Вот оно.

Педофилия – постоянное или периодическое сексуальное влечение к детям препубертатного или раннего пубертатного возраста в течение не менее 6 месяцев.

При этом под пубертатом понимают половое созревание. Темп полового созревания у каждого свой, но о педофилии можно говорить только тогда, если среднестатистический ребёнок не достиг возраста 12 лет. В случаях, когда ребенок находится в подростковом возрасте, обычно соответствующий достижению им 12 – 14 или 15 лет, в последние годы (примерно с 2009 года) говорят о гебефилии.

Влечение к лицам более старшего возраста определяется как эфебофилия (эфеб – юноша) или партенофилия (партенос – девушка). Некоторых педофилов привлекают только девочки, других – только мальчики, а третьи интересуются детьми обоего пола.

Обязательным условием по DSM-IV для установления диагноза «педофилия» считается достижение субъектом, по меньшей мере, 16-летнего возраста и наличие не менее чем 5-летней разницы с объектом посягательства или навязчивого влечения.

Педофилия – сложное, биологически обусловленное явление, чаще проявляется у мужчин, чем у женщин [5, 8]. Сексуальные контакты между взрослыми и детьми или подростками являются социально не одобряемыми, особенно если их участники одного пола, но они не обязательно связаны с педофилией [3].

В число педофилов включены люди, которые, предпочитая взрослых сексуальных партнёров, из-за проблем зрелого гетеросексуального функционирования обращаются к детям в качестве замены, т.е. существует истинная и заместительная педофилия (фиксированная и регрессивная).

Понятие «педофил» не равнозначно понятиям «преступник», «насильник», «садист». Это разные понятия. Далек не каждый педофил является преступником, так как для совершения преступления необходимо совершение деяния; далеко не каждый, совершивший сексуальное преступление в отношении ребёнка, является педофилом.

Преступления против сексуальной неприкосновенности детей с насилием и даже убийствами обычно совершают не педофилы, а сексуальные садисты, которым нередко присущ синдром «неразличения сексуального объекта», вследствие чего им не важен ни возраст, ни пол жертвы, даже не всегда важен биологический вид жертвы, т.е. жертвой может быть и животное. Важно лишь то, чтобы жертва была

много слабее и беззащитной, либо по какой-то причине не могла оказать должного сопротивления. Поэтому ребёнок – идеальный вариант на роль жертвы садиста, даже собственный ребёнок [4].

Так называемый возраст согласия на сексуальную активность (т.е. возраст младшего партнера, исключая уголовную ответственность старшего партнера) в разных странах свой, он колеблется в широком диапазоне – от 12 до 18 лет, в зависимости от страны, в среднем, в пределах 14 – 16 лет [8].

Термин «педофилия» имеет не менее пяти следующих значений.

1) В лингвистическом смысле – это любовь к детям.

2) В узком сексологическом понимании – это сексуальное влечение к не половозрелым мальчикам, так как сексуальное влечение к не половозрелым девочкам обозначается термином «корефилия».

3) Педофилия – психическое заболевание. Большинство специалистов придерживается мнения Международной статистической классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). По определению МКБ-10, педофилия – расстройство сексуального предпочтения, выражающееся в сексуальной тяге к детям препубертатного или раннего пубертатного возраста. При этом педофилию только тогда можно рассматривать как парафилию (болезненное, навязчивое извращение сексуального чувства), если обнаруживаются критерии парафилии и связанные с этим явления. (Код F65.4)

4) Педофилия – вариант нормальной сексуальной ориентации. Некоторые специалисты считают педофилию вариантом естественной сексуальной ориентации, что вытекает из мнения той же МКБ-10, утверждающей, что «сама по себе сексуальная ориентация не рассматривается как расстройство» (в кодировке F66).

В таком случае, если в психическом статусе человека не усматриваются критерии парафилий, и связанных с ними явлений, то педофилия, с медицинской точки зрения, должна приниматься как вариант нормы [14]. Эта точка зрения противоречит морально-нравственным устоям основной массы населения западных современных развитых обществ, поэтому подвергается общественной и научной критике. Научные дискуссии продолжаются, так как научные данные, научно доказанные факты не зависят от общественной морали. Ни один честный учёный не будет следовать требованиям толпы людей, не имеющих должных знаний.

Часть учёных придерживается мнения, что, в принципе, можно говорить о существовании какого-либо типа гомо-, би- или гетеросексуального влечения. Например, о преимущественно педофильном, гебефильном, эфебофильном или партенофильном типах гетеро- либо гомосексуального влечения и т.п.

Следует отметить, что не все субъекты, совершающие общественно-опасные деяния, связанные с сексуальностью, являются психически больными людьми, чаще это асоциальные личности, психопаты и садисты, способные в полной мере осознавать и руководить своими действиями, и не нуждающиеся в каком-либо лечении. Это относится и к так называемым «педофилам», процент которых в популяции довольно низок. По нашим данным, он колеблется у молодых мужчин в пределах ниже 5% (n=428), а у молодых женщин в пределах около 1% (n=614). 3% этих мужчин и менее 1% лиц женского пола из наших респондентов имели сексуальные опыты с детьми [8].

5) Педофилия – преступление. В ненаучном, общественном понимании западных обществ педофилия с начала 1980-х годов, а в России с конца 1990-х – начала 2000 годов, отождествляется с преступлением, а педофил с преступником, что не соответствует действительности.

Так, в уголовном праве подавляющего большинства стран, в том числе и в России, нет понятия «педофилия», так как педофилия изначально – биосоциальное явление, позже – медицинская патология, а понятие «преступление» определено в ст. 14 УК РФ как «виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим кодексом под угрозой наказания». То есть, деяния «педофилия» нет и быть не может. Юридические дефиниции половых преступлений определены в статьях 131 – 135 УК РФ.

Отношение того или иного общества к трансгенерационным (взросло-детским) сексуальным контактам не является чем-то устоявшимся на века, изменчиво. Динамика общественного развития, прогресса или регресса, происходит по определенным общим и частным закономерностям, на которые мы мало влияем. Поэтому бессмысленно размышлять о пересмотре общественного отношения к педофилии, в ненаучном её понимании, тем более – во всех обществах. Это утопия. В каждой стране есть свой уголовный закон, стоящий на страже морально-нравственных устоев общества, его и следует исполнять. Недовольство тем или иным законом, какими-либо положениями законов имеет право выразить каждый гражданин – это его гражданское право. Каждый гражданин имеет право приложить законные усилия для изменения каких-либо законов.

Далее мы рассмотрим **современные реалии**, связанные с педофилией и педоистерией.

Считается, что облик мальчика-подростка или юноши (девочки, девушки) является для педофила своеобразным фетишем [6], их привлекает внешний облик объекта. Обычные действия, позы, манеры детей фетишизируются и эротизируются чрезвычайным образом. Однако, по нашему мнению, не стоит сбрасывать со счетов и такой мощный для многих педофилов сексуальный стимул, как сама личность ребенка, возможность духовного общения с ним, получение эмоционального тепла.

Здесь следует понять очевидный факт, что нравственно-моральные стандарты западных обществ, берущие истоки в иудейско-христианских воззрениях, противоречат воззрениям, основанным на иных религиозных и культуральных представлениях. Несмотря на осуждение таких отношений в культурах стран Запада, существует много обществ, которые либо одобряют, либо не препятствуют сексуальным отношениям взрослых и детей, при этом такие отношения не воспринимаются как злоупотребление детьми или их эксплуатация. Западные стандарты относительно сексуального поведения не могут быть приемлемы иными обществами из-за культуральных различий. Они неприемлемы даже для многих представителей стран западного мира. К тому же в последнее время всё более очевидно, что традиционные пуританские нормы сексуальной морали, берущие истоки от революции Кромвеля, давно уже устарели и реанимируются лишь радикальными клерикалами. Аналогично неуклюже выглядят попытки западных феминисток навязать свое мировоззрение представителям исламского мира.

Педофилия (термин здесь употребляется в лингвистическом смысле) – явление вечное, широко распространено в мире приматов, не исключая и человека. В биологическом смысле (речь идёт о животных и древних обществах людей) это явление изначально конструктивно, с явной сексуальной окраской или без неё, так как обеспечивает выживание отдельных молодых особей и вида в целом, сохранение популяции, социализацию опекаемого [2, 19, 20]. Убийство потенциальных конкурентов при межсамцовой агрессии нежелательно и в животном мире.

В поведении человека и животных можно выделить целый ряд поведенческих характеристик, которые, на первый взгляд, не только не способствуют воспроизводству, но и просто препятствуют ему, однако, они возникают в процессе эволюции и продолжают сохраняться в популяции на протяжении тысячелетий. Такими признаками, в рамках традиционных эволюционных представлений, являются сексуальные взросло-детские отношения и гомосексуальная ориентация, широко распространенные как у приматов, так и практически во всех человеческих культурах. Они обычно играют важную роль в успешном выживании индивида и группы в целом [2, 19].

Многочисленными наблюдениями этологов (ученых, изучающих поведение животных) над приматами установлено, что гетеро- и гомосексуальные взаимоотношения детей и взрослых характерны не только для людей, среди приматов они явно выполняют социализирующую роль, ясно демонстрируют архаичное бисексуальное и трансгенерационное поведение, присущее всем приматам, в том числе – древним и современным человеческим обществам. Особенно малым, так называемым «развивающимся» [19, 20].

Вообще, любые сексуальные отношения для высших приматов, как и для людей, крайне важны. Причин для них много. И одна из основных причин – сексуальное поведение у приматов нередко определяется агрессивностью и, в свою очередь, определяет социальную иерархию особи. Известно, что агрессивное поведение имеет гормональную и генетическую подпитку. Давно уже выявлена устойчивая взаимосвязь между агрессивным поведением и андрогенами, на уровень которых может влиять ряд природных факторов, вплоть до фотопериодизма. Выявлено достоверное повышение уровня тестостерона, надпочечниковых андрогенов и существенное снижение индекса эстрадиол/тестостерон у мужчин и женщин с агрессивным поведением, снижение содержания андрогенов у лиц с повышенной внушаемостью и конформностью. Агрессивность изменяет биохимические процессы в организме, трансформирует метаболизм, соответственно меняется и внешний облик агрессивных и неагрессивных особей, что доказано краниологическими посмертными измерениями указанных групп [13, 17, 18, 21]. Отмечая биологическую обусловленность агрессии, мы не можем не замечать и значительное влияние на неё социальных и ситуационных факторов. Более того, оказалось, что гормональная регуляция поведения даже у животных зависит от социальных факторов [11].

Примером может быть ритуализованное «подставление» зада побежденного самца-соперника под победителя как проявление подчинения. Победитель с эрегированным половым членом (признаком агрессии у приматов), наскочив на побежденного сзади, совершает над ним коитальные движения, применительно к человеческому уголовному миру – «опускает» побежденного. Тот больше никогда не будет претендовать на лидерство в стаде, уровень его агрессии, благодаря биохимическим изменениям, резко снижается, он отходит на периферию стада. Именно такие особи и становятся «педагогами» для молодняка [2, 8, 11].

Не только между самцами, но и между самками у павианов, макак и карликовых шимпанзе бонобо также существуют трансгенерационные гетеро- и гомосексуальные отношения. Наконец, они помогают малознакомым самкам освоиться в новой группе, а это немаловажно, так как у шимпанзе самки по достижению половой зрелости переходят в другую группу [2]. А объединение в гомосексуальные пары

позволяет молодяку избежать нападений зрелых самцов, стоящих много выше них на иерархической лестнице. Таким образом, трансгенерационное и гомосексуальное поведение – специфическая форма поведения у приматов, имеет врожденную основу, позволившую выжить и эволюционировать разным видам приматов.

Наблюдения за обезьянами *Macaca arctoides* показали частое, длительное и интенсивное возбуждение гениталий при взаимодействиях между особями того же самого пола, взрослых и младенцев. Эти гомосексуальные взаимодействия сопровождались положительными эмоциями, и было очевидно их преобладание над гетеросексуальным поведением. Первые копуляции подростков выполнялись с взрослыми тот же самого или противоположного пола, при этом старшие партнеры явно обучали младших сексуальным взаимодействиям. Авторами исследования сделан вывод, что при половой социализации приматов, гомосексуальные взросло-детские контакты, как и гетеросексуальные, являются базисным образцом сексуальной социализации, присущим всем приматам, не исключая человека [12]. Более того, одна треть «социосексуальных» контактов взрослой особи с детенышем инициируется у приматов самим детенышем [14].

Следовательно, трансгенерационность и гомосексуальность являются итогом генетически закреплённого индивидуального отбора на конформность, альтруизм, дележ ресурсами, снижение межсамцовой агрессии и инфантицида. Поэтому, что характерно для многих видов приматов (павианы, мартышки, макаки, гориллы, орангутанги, шимпанзе и пр.), подростки и молодые самцы могут занимать социально периферическое положение, т.е. выжить.

Таким образом, естественный отбор связан с поведенческими реакциями, а склонность к педофильному и гомосексуальному поведению имеет под собой генетическую базу, проявляясь у разных особей (и людей) в различной степени. Генетическая вариабельность обеспечивает формирование определенной доли более феминных в своем поведении, бисексуальных по своей ориентации самцов. В естественных условиях поведение таких самцов привлекательно для самок, поскольку оно коррелирует с пониженной агрессивностью и опасностью убийства детенышей, более эффективным отцовским поведением. Поэтому в эволюции человека шел достаточно последовательный отбор на бисексуальность и трансгенерационность у мужчин; т.е. трансгенерационное и гомосексуальное поведение с его нейроэндокринной основой является продуктом эволюции. К примеру, финские исследователи Alanko K. Et al. подтвердили своими недавними исследованиями генетическую основу педофилии, но не исключили и некой доли сексуальной виктимизации в детстве [9].

На протяжении длительного периода человеческой истории проявление бисексуальности было социально выгодным. Современное же преобладание гетеросексуального поведения у изначально бисексуальных по природе мужчин является следствием культурных ограничений, общественных и религиозных стереотипов. В современных цивилизованных обществах речь идет о влиянии мощных культурных ограничений, действующих вразрез с естественными эволюционными предрасположенностями. Вероятно, даже та же педофилия не сформировалась бы у людей как парафилия, если бы не было суровых социальных ограничений для этого явления, чему примером являются иные культуры.

В древних обществах и во многих современных нам примитивных обществах бисексуальность выходила и выходит на первый план. Обряды инициации мальчиков, введения их в мир взрослых, воинов, обычно включали (по крайней мере, до конца XX века) и, может быть, даже до сих пор в некоторых малых обществах включают в себя гомосексуальные орально-генитальные или анально-генитальные контакты. Есть достаточно оснований утверждать, что древние обряды наделяния мальчиков мужским началом через гомосексуальные контакты и однополый секс были распространены не только на Востоке и в Африке, но и по всей древней Европе, в том числе и у славянских племен. Это был повсеместный индоевропейский обычай, существовавший до укрепления христианства, проявлявшийся ещё и в Средневековье, чему есть немало свидетельств в литературе того времени [8, 15, 16].

Современное же понятие педофилии как общественно опасного сексуального извращения и медицинской патологии достаточно молодое, появилось в культурах некоторых западных стран в последние два десятилетия XX века после относительно короткого расцвета западной бойлав-культуры 1960 – 1970-х годов. Оно является порождением воинствующего пуританства и феминизма. В невежественных и ханжеских представлениях ребенок является бесполом, ничего не понимающим, не видящим и не слышащим, безголосым существом, собственностью родителей.

Понятие «педофилия» более связано с политикой, чем с медициной, так как сексуальность людей, борьба «за бесконечную моральную чистоту», поиск внутреннего врага, стремление к тотальному контролю над обществом через его запугивание – всегда были козырными картами в политических играх. Объявление части населения врагами, в данном случае педофилами, гомосексуалами, «ублюдками» (расологический термин), подлежащими уничтожению или стерилизации, с оболваниванием остальных – исторический опыт фашизма. Изменился лишь образ врага.

Термин «педофилия» не относится к юриспруденции, хотя активно муссируется с подменой понятий. В результате в сознании большей части населения различные понятия «педофилия», «сексуальный садизм», «преступления» становятся тождественными. Общество начинает требовать выявления «скрытых педофилов» (т.е. лиц, которые не совершали никаких сексуальных преступлений), изоляции их от общества, кастрации, смерти. Для этого люди готовы даже к ограничению своих прав и свобод! Тотальный контроль над обществом всегда был выгоден нечистоплотным политикам.

Необходимость борьбы с педофилией, преследование педофилов обычно объясняется следующими факторами:

- развитием организованных сетей детской проституции (явление вечное);
- разоблачениями сетей нелегального производства порнопродукции с участием детей (истоки явления находятся в XIX веке, а в последнее время так называемую порнопродукцию в большом количестве по собственной инициативе производят сами дети со своим участием и размещают её в сети Интернет);
- тем, что жертвами сексуальных садистов и серийных убийц нередко являются дети (наиболее незащищенное и относительно доступное существо, безопасный объект для демонстрации сексуальным садистом своей силы, своего могущества для поднятия уровня своего самосознания, своего «Я»).

В результате, в последние два десятилетия в США, Англии, Бельгии, Австралии, в меньшинстве других стран, а сейчас уже и в России наблюдается своеобразный взрыв культурально обусловленной истерии относительно проблем педофилии. Средства массовой информации, часто «передёргивая» факты, извращая их, вызывая к эмоциям, почти каждый день нагнетают панические настроения в обществе упоминаниями о педофилии в связи с секс-бизнесом или сексуальным садизмом [10], а также сообщают на весь мир о банальных случаях бытовых изнасилований и развратных действий, которые зачастую таковыми и не являются.

Преследованию подвергаются даже классические произведения изобразительного искусства. В некоторых странах за хранение обычных фотоснимков (не порно) с обнажёнными детьми, даже своими, можно подвергнуться уголовному наказанию, иногда более суровому, чем за убийство. Раздаются требования ограничения доступа детей к классике, особенно античной. В России в Гос.Думу буквально недавно внесён законопроект об уголовном запрете хентая, приравнивая его к детской порнографии, которым, в основном, увлекаются подростки и молодые люди. Если такой законопроект будет принят, то ответственность за хранение с целью распространения хентая, будет наступать с 16 лет, т.е. закон внезапно ударит по большому количеству молодых людей и их родителей.

В Интернете с 2010 года в России стала наблюдаться тенденция призывов самостоятельно выявлять, наказывать и даже убивать потенциальных педофилов, причём иногда за вознаграждение, так как милиция, по мнению некоторой части общественности, бездействовала и якобы не может, да и не умеет справиться с возрастанием «случаев педофилии».

Вскоре многие приступили к противоправной деятельности по выявлению «потенциальных педофилов» и различным расправам над ними, от публикации личных данных, до вымогательств, разбойных нападений и даже убийств по типу ранее существовавших молодёжных банд «ремонта» гомосексуалов. Число банд вновь созданного молодёжного движения под идеологическим лидерством современного «Азефа» - Марцинкевича (и некоторых других, менее заметных) «Оккупай-педофилияй» стало стремительно возрастать в геометрической прогрессии, открыто провоцируя через Интернет и терроризируя население, пользуясь наивностью людей. Полиция при этом не только бездействовала, но и сотрудничала с новоявленными «борцами за нравственность». А движение «Сдай педофила» получила даже президентский грант, а также гранты от различных компаний на расширение сети открытых добровольных и не оплачиваемых информаторов. Один ГУГЛ вскоре осознал своё заблуждение относительно истинного лица «борцов с педофилией» и отозвал свои деньги.

Значительная часть общества и большинство СМИ бурно приветствовали подобные общественно опасные деяния, которые бумерангом могли ударить по каждому, и вскоре многие почувствовали это на себе. Полиция поддержала педоистирию, так как отлавливание и «изобличение» «педофилов» стало приносить недобросовестным сотрудникам полиции и СК прокуратуры определённые дивиденды. Диагноз «педофилия» стали ставить людям лица, не имеющие должного образования на основании лишь собственных предположений и садистских наклонностей. В качестве «наживки» обычно использовали 14 – 15-летних юношей и девушек. Существуют и другие схемы, позволяющие обвинить любого человека в «педофилии».

В отличие от времён СССР, для того, чтобы осудить человека на большие сроки лишения свободы, стало достаточно голословных обвинений, не подтверждённых экспертизами. Такие обвинения основаны лишь на предположениях, которые, в принципе, соответственно ч.4 ст. 14 УПК РФ, не могут являться доказательствами. По нашим личным наблюдениям, за обвинениями же зачастую усматривается тот или

иной материальной или иной бытовой интерес обвиняющей стороны. В постановлениях следователей о назначении экспертизы стало проскальзывать слово «виновный», а в заключениях государственных экспертов – слово «обвиняемый», «потерпевшая» вместо должного «подэкспертный». Для них они уже заведомо виновные и потерпевшие. Это проявляется и в протоколах допросов экспертов и специалистов. При этом некоторые эксперты забыли, что они должны быть максимально объективными, а не прислужниками обвинения. Судьи обычно становятся на сторону обвинения вопреки экспертизам и мнению учёных специалистов. Пренебрежение судей к мнению учёных стало нормой.

В результате, дети стали бояться общаться даже с соседями, предпочитая только свои подростковые компании и общение в интернете; а взрослые боятся и не хотят общаться с детьми. Происходит разрыв естественной связи поколений, чреватый нарушением традиционной социализации детей. Произошло извращение самого понятия «педофилия», т.е. «любовь к детям».

В противовес, для отмежевания от сексуальных садистов, сутенеров и порнодельцов, педофильно ориентированные лица стали называть себя «бойлаверами», а корефильно ориентированные – «гёрллаверами». До середины 2000-х годов в Интернете существовало множество бойлаверских сайтов с соответствующими форумами, с собственной эмблемой, обычно вставляемой в постеры, заставки, различные произведения искусства. Ныне эти сайты на территории России закрыты или стали недоступными, часть из них в усечённом и замаскированном вариантах ушла в социальные сети.

В настоящее время вышеуказанные негативные общественные явления поутихли, стали наблюдаться положительные тенденции активизации борьбы полиции с бандами «Окупай-педофилияй», арестами и осуждением их лидеров и особо «отличившихся» преступников. Движению «Сдай педофила» всё больше приходится пиариться на успехах правоохранителей, приписывая себе чужие заслуги. Да и раньше никаких реальных заслуг, кроме поломок оперативных разработок и хорошо отлаженных оперативных игр, у них не было. Были доносы, как и со стороны православных активистов, с последующей травлей нудистов, «сектантов», гомосексуальных учителей, а также тех, кто, по их мнению, пропагандировал педофилию – то, что пропагандировать невозможно в принципе. Однако их время ещё не прошло, ещё будут тысячи жертв, принесённых на алтарь педоистерии и гомофобии без какой-либо возможности последующей их реабилитации.

2. Немного об уголовном кодексе и иных законах, применительно к теме

В первой редакции УК РФ от 1996 г. гл. 18, посвящённая преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отличается от последней, как небо от земли. Интенсивное редактирование статей гл. 18 началось с 2009 года. Редактировались они почти каждый год, в результате чего глава увеличилась по объёму в несколько раз, а сами статьи, приобрели много новых частей к изначально существовавшим. Наказание существенно, в разы ужесточилось уже в 2009 г., а также в 2012 г., при этом по четырём из пяти статей главы оно стало предусматривать лишение свободы до 20 лет, а по трём - вплоть до пожизненного, что заменило собой ранее существовавшую формулировку диспозиции ч. 4 ст. 117 УК РСФСР – «вплоть до исключительной меры наказания». Меры наказания за убийство и за развратные действия уравнились. Возникла деструктивная ситуация, когда за убийство или особенно по ч.4 ст. 111 УК РФ можно получить наказание в разы более мягкое. Понятно, что этот перекокс должен уже изначально предполагать резкое возрастание случаев сексуальных убийств, особенно детей. Зачем оставлять в живых людей, которые могут что-то рассказать и опознать тебя?

Первое, коренное изменение гл. 18 произошло 08.12.03 г., когда возраст согласия на сексуальную активность (ст.ст. 134-135) был с 01.01.2004 г. поднят с 14 до 16 лет. В результате, в несколько раз возросла «раскрываемость» преступлений по ст. 133 УК РФ – с 44 за 2003 год до 112 за 2004 г.; по ст. 134 – с 203 за 2003 г. до 751 за 2004 г. и 1632 за 2005 г., а далее пошло ежегодное многотысячное возрастание «раскрываемости»; по ст. 135 – с 841 за 2003 г. до 1397 за г. [1]. При этом законодатели не учли, что в соответствии со ст. 20 УК РФ, субъектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, является лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Абсурдную ситуацию исправили лишь через полгода, подняв возраст ответственности до 18 лет. Это привело к тому, что 16-17-летние могут совершать ранее наказуемые сексуальные действия с детьми, достигшими 12 лет, по обоюдному согласию. Впрочем, здесь соблюдена 5-летняя возрастная разница и присутствует элемент половой социализации, необходимой для правильного развития всех приматов.

Таким образом, статистика раскрываемости половых преступлений за 2004 год и последующие годы подстегнула СМИ к ежедневному нагнетанию ситуации педоистерии среди населения сообщениями о сексуальных насилиях. Политики предприняли соответствующие популистские действия. В результате обыватели, не имеющие должного образования и представлений о парафилиях, но проявившие явные садистские наклонности предложениями «сдирать с педофилов кожу заживо, варить их в кипятке живьём, отрывать яйца, рубить головы, сажать на кол, убивать без суда» и т.п., стали живо обсуждать в Интернете и печачущихся СМИ законопроект «О химической кастрации», как он назывался в народе.

Этот законопроект затем вылился в ФЗ № 14 от 29.02.2012 г. Закон предусматривает принудительное и добровольное лечение сексуальных преступников, совершивших деяния по отношению к детям, а также ещё большее ужесточение уголовного наказания. Кроме того, вопреки наблюдениям из практики, данный закон априорно признал всех лиц, не достигших 12-летнего возраста, беспомощными, что позволило правоохранителям развратные действия с такими детьми без экспертизы психо-сексуального и сомато-сексуального развития квалифицировать уже не по ст. 135 УК РФ, как это уже исторически сложилось, а по ч. 4 ст. 132 УК РФ как сексуальное насилие (до 20 лет лишения свободы, вплоть до пожизненного лишения свободы). Надо сказать, что УК РСФСР (1960) за развратные действия предусматривал наказание лишь до трёх лет лишения свободы и даже условно.

ФЗ-14 породил в недрах ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития России» Информационное письмо «Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете ФЗ № 14 от 29.02.2012 г. (авторы проф. А.А. Ткаченко и к.м.н. С.Н. Шишков), о своеобразиях исполнения регламентаций которого мы расскажем в другой статье.

Здесь следует также заметить, что, по сути, ныне юристы и эксперты исходят из ничем не подтверждённой установки, что малолетние дети школьного возраста не понимают значение совершаемых сексуальных действий, не могут оказывать сопротивление таким действиям. Однако, по данным наших собственных исследований [3, 4, 8], в настоящее время уже в младшем школьном возрасте многие дети, благодаря хорошему развитию современных технических коммуникативных средств, а также общению друг с другом, хорошо осведомлены о сути и технике половых актов, орально- и анально-генитальных контактах, проявляют ту или иную сексуальную активность. А преждевременное психосексуальное развитие, высокий уровень интеллекта, психозмоциональное неблагополучие в своей собственной семье иной раз ведут к активному поиску малолетними подростками значительно старших по возрасту сексуальных партнеров. Мы встречались в нашей практике и с вполне осознанной проституцией 10 – 11-летних девочек и мальчиков, которые достаточно хорошо представляли себе суть действий преступника, но вполне добровольно посещали его. Разве они находились в беспомощном состоянии, имея возможность всегда изменить ситуацию хотя бы своей неявкой?

Чтобы объективно разрешить вопрос о беспомощности жертв ввиду малолетнего возраста школьников, необходимо назначение судебной комплексной психолого-сексолого-психиатрической экспертизы. Лишь с введением в действие ФЗ-14 от 29.02.2012 г. необходимость в таких экспертизах отпала, так как законодатель априорно, ничем не подтвердив с научно-практической стороны, принял установку, что дети, не достигшие 12 лет, безоговорочно находятся в беспомощном состоянии. На основании многочисленных практических наблюдений, с этим нельзя согласиться. Несомненно лишь одно – дети дошкольного возраста находятся в беспомощном состоянии.

Обычно психологи и психиатры в своих заключениях ссылаются на фразу, уже ставшей стандартной, что не достигшие возраста согласия дети «не понимают социального значения сексуальных действий, их моральной и нравственно-этической сущности». Это является явным предположением, на котором не может основываться обвинение (ч.4 ст. 14 УПК РФ), так как данные понятия **относятся к категории не объективных, а субъективных**, культурально обусловленных, – понятия морали, нравственности, этики всегда относительно конкретному социуму, оказывающего влияние на человека и оценивающего его поступки. Данные понятия закладываются воспитанием, формируются социальным окружением, они могут быть не сформированы или быть сформированы искажённо, неполно и у сомато-сексуально зрелых людей или соответствовать иным культуральным воззрениям.

Ещё до принятия ФЗ-14 от 29.02.2012 г., при его обсуждении Московским НИИ психиатрии (автор статьи подготовил основу нижеизложенного письма в Минздрав) предполагалась процедура принудительного лечения, назначаемая после отбытия наказания лицом, совершившим сексуальное преступление в отношении несовершеннолетних в возрасте до 14 лет. Оно должно было осуществляться в психиатрических учреждениях, предусмотренных ч. 1 ст. 99 УК РФ. Кроме того, согласно ст. 18 Уголовно-исполнительского кодекса РФ лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы за совершение любого сексуального преступления и достигшим 18 лет, предлагалось добровольно пройти освидетельствование комиссией врачей – психиатров в целях диагностирования расстройств сексуального предпочтения. Если такое расстройство выявлено, то осужденный мог пройти курс добровольного лечения. Подобные законодательные акты существуют и в других странах.

Что же касается медицинских аспектов процедуры, то следует сказать, что обратимость эффекта воздействия имеющихся препаратов обуславливает целесообразность их применения лишь как превентивную меру в период обострения патологического влечения. То есть без добровольности лечение вне обострения не может быть эффективным и не достигнет желаемой цели.

Из существующих антиандрогенных препаратов используются: (1) препараты стероидной структуры, например, Андрокур 50 (ципротерона ацетат), и (2) препараты нестероидной структуры, такие как касодекс (бикалутамид), анандрон (нилутамид), фругин (флутамид), калумид, билумид, которые

относятся к группе противоопухолевых препаратов. Обе группы препаратов имеют побочные нежелательные эффекты. Так, в результате применения стероидных препаратов есть риск возникновения ожирения, гинекомастии, снижение функции коры надпочечников, иногда тяжелые расстройства функции печени и злокачественные опухоли. Длительное применение препаратов из группы нестероидных средств может спровоцировать тяжелое поражение печени и других внутренних органов. Для обеспечения лучшей переносимости и отсутствия тяжелых нежелательных явлений подбор препарата для длительного применения должен проводиться индивидуально.

Кроме того, учитывая, что к общественно-опасным деяниям сексуального характера приводят психические расстройства, часто не связанные с уровнем тестостерона в крови, эффективным может быть лишь комплексное лечение с применением не только антиандрогенных препаратов, но и других лекарственных средств, включая психотропные препараты, а также психотерапевтические воздействия.

В настоящее время в России не существует одобренных и апробированных методик эффективной «химической кастрации». Более того, не ясны материальные затраты, которые готово понести общество в связи с внедрением данных программ, так как только одни препараты дорого стоят, не говоря уже об оплате диагностических тестов и труда специалистов.

В целом, согласно мировому опыту, можно сказать, что лечение состоит из приема препаратов, снижающих уровень андрогенов, что ведет к эректильным дисфункциям и снижению либидо (что и является целью терапии). Однако следует заметить, что подобная фармакотерапия только временно снижает уровень патологического возбуждения, возникающего в коре головного мозга. Такое патологическое сексуальное возбуждение может существовать вне адекватного ответа на него со стороны половых органов и, в свою очередь, не нуждается в ответе на него со стороны половых органов. Патология связана с работой головного мозга, а не половых органов.

Принудительное лечение в других странах также заключается в фармакотерапии, снижающей уровень продукции мужских половых гормонов, но попытки лечения сексуальных рецидивистов (садистов и педофилов), как показывают данные научной литературы, часто безуспешны, уровень рецидивности очень высок. Тем не менее, отмечается, что многие педофилы могли бы извлечь пользу от анонимного и добровольного превентивного лечения в период обострения социально неприемлемого полового влечения, что сказалось бы на уменьшении числа противоправных сексуальных контактов с детьми. Отсутствие анонимности лечения ведёт к отказу от него, что в итоге нередко, но не всегда, приводит к общественно-опасным деяниям. Таким образом, неразумные законы способствуют этим общественно-опасным деяниям.

При этом ужесточение наказаний бессмысленно, так как лица, обладающие парафилиями, впавшие в патосексуальное состояние, совершают общественно-опасные деяния во время внезапного сужения сознания, фактически не контролируя свои действия и не прогнозируя их последствий. Любое наказание для этих людей является неэффективной и неадекватной заменой медико-социальных воздействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Вводная глава. Актуальные проблемы сексуальной преступности / Дерягин Г.Б. с соавт. Криминальная сексология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – С. 5-22.
2. Бутовская М.Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. – Фрязино: «Век 2», 2004. – 368 с.
3. Дерягин Г.Б., Сидоров П.И., Соловьёв А.Г. Информированность детей по вопросам пола и сексуальная активность молодёжи на европейском Севере России // Сексология и сексопатология. – 2003. - No 5. – С.33-39.
4. Дерягин Г.Б., Сидоров П.И., Соловьёв А.Г. Инцест как вариант сексуального насилия // Сексология и сексопатология. – 2005. - No 1. – С.38-42.
5. Дерягин Г.Б., Сидоров П.И. Педофилия // Сексология и сексопатология. – М.: Изд-во «Литера-2000», 2006. - No 2. – С. 37 – 46.
6. Имелинский К. Сексология и сексопатология / Пер. с польск. - М.: Медицина, 1986. - 424 с.
7. Кон И.С. Введение в сексологию. - М.: Медицина, 1988. - 320 с.
8. Сидоров П.И., Дерягин Г.Б. Сексуальное поведение и насилие. – М.: МЕДпресс-информ, 2007. – 272 с.
9. Alanko K., Salo B., Mokros A., Santtila P. Evidence for heritability of adult men's sexual interest in youth under age 16 from a population-based extended twin design // J. Sex. Med. – 2013. - Apr; Vol.10. - No 4. – P.1090-9.

doi: 10.1111/jsm.12067. Epub 2013 Jan 24.

10. Angelides S. Historicizing affect, psychoanalyzing history: pedophilia and the discourse of child sexuality // *J. Homosex.* – 2003. – Vol. 46, N 1-2. – P. 79-109.
11. Cabib S., D'Amato F.R., Puglisi-Allegra S., Maestriperi D. Behavioral and mesocorticolimbic dopamine responses to non aggressive social interactions depend on previous social experiences and on the opponent's sex // *Behav. Brain. Res.* - 2000. - Jul. - Vol.112, N 1-2. - P.13-22.
12. Chevalier-Skolnikoff S. Homosexual behavior in a laboratory group of stumptail monkeys (*Macaca artoides*): form, contexts, and possible social functions // *Arch. Sex. Behav.* – 1976. – Nov; Vol, 5, N 6. – P. 511-527.
13. Eley T.C., Lichtenstein P., Stevenson J. Sex differences in the etiology of aggressive and nonaggressive antisocial behavior: results from two twin studies // *Child. Dev.* - 1999. - Jan-Feb. - Vol.70, N 1. - P.155-168.
14. Green R. Is pedophilia a mental disorder? // *Arch. Sex. Behav.* – 2002. – Dec. – Vol. 31, N 6. – P. 467-471; discussion – P. 479-510.
15. Herdt G. Representations of homosexuality: an essay on cultural ontology and historical comparison. Part I // *J. Hist. Sex.* – 1991. – Jan. – Vol. 1, N 3. – P. 481-504.
16. Herdt G. Representations of homosexuality: an essay on cultural ontology and historical comparison. Part II // *J. Hist. Sex.* – 1991. – Apr. – Vol. 1, N 4. – P. 603-632.
17. Hines M. Abnormal sexual development and psychosexual issues // *Baillieres Clin. Endocrinol. Metab.* - 1998. - Apr. - Vol.12, N 1. - P.173-189.
18. Kharlamova A.V., Faleev V.I., Trapezov O.V. Effect of selection for behavior on the cranial traits of the American mink // *Genetika.* - 2000. - Jun. - Vol.36, N 6. - P.823-828.
19. Miller E.M. Homosexuality, birth order, and evolution: toward an equilibrium reproductive economics of homosexuality // *Arch. Sex. Behav.* – 2000. – Feb. – Vol. 29, N 1. – P. 1-34.
20. Vasey P.L. Sexual partner preference in female Japanese macaques // *Arch. Sex. Behav.* – 2002. – Feb. – Vol. 31, N 1. – P. 51-62.
21. Wynn R. Polar day and polar night: month of year and time of day and the use of physical and pharmacological restraint in a north Norwegian university psychiatric hospital // *Arctic. Med. Res.* - 1996. - Oct. - Vol.55, N 4. - P.174-181.

Работа Райнда и коллег 1998 г.: политически некорректна, научно корректна

перевод с английского, оригинал: [\[1\]](#), [\[2\]](#)

Томас Д. Эллерих (Thomas D. Oellerich), доцент (associate professor) университета Огайо, США
Статья была опубликована в журнале [Sexuality and Culture](#) (June 2000, Volume 4, Issue 2, pp 67–81).

Реакция на работу Райнда, Тромовича и Баузермана 1998 года была удивительной. Но реакция Американской психологической ассоциации (АПА) была по меньшей мере странной и прискорбной. Вместо того, чтобы ответить на общественное возмущение в отношении этой работы путём дискуссии о праве и важности для учёных публиковать непопулярные результаты своих исследований, АПА предпочла отмежеваться от данного исследования. Это отмежевание включало в себя утверждение, что сексуальное злоупотребление детьми (СЗД) наносит серьёзный вред и что "такие действия никогда не должны считаться безвредными" (Американская психологическая ассоциация, 1999). Кроме того, в распространённом заявлении игнорировалась рекомендация Райнда и коллег проводить различие между отношениями с использованием злоупотребления и отношениями без такового.

В настоящей статье затрагиваются две проблемы. Во-первых, делается утверждение о необоснованности того мнения, что сексуальные взаимодействия с участием взрослого и несовершеннолетнего "никогда не должны считаться безвредными". Во-вторых, в данной статье поддерживается мнение в пользу важности в научной и практической сферах проводить различие между действиями такого рода, когда имеют место злоупотребления и когда они отсутствуют. Кроме того, будет дано объяснение, почему профессиональная организация, такая как АПА, могла отмежеваться от работы Райнда и коллег. И наконец, даются рекомендации в отношении реагирования на проблему сексуальных взаимодействий между взрослыми и несовершеннолетними.

Проблематика

Во-первых, обобщение, что сексуальное злоупотребление детьми наносит вред жертвам, является ошибочным. И его ошибочность подтверждалась с момента открытия самого явления "сексуальное злоупотребление детьми". Например, в 1975 году Дэвид Уэйтерс (David Waiters) установил в качестве одного из крупнейших мифов вокруг СЗД то, что оно якобы наносит долговременный психологический вред. Он заявил, что испытываемый ребёнком вред относится на долю посторонних по отношению к сексуальному злоупотреблению факторов:

Большая часть психологического вреда, если он был, происходит не от акта злоупотребления, а от интерпретации и реакции на произошедшее со стороны родителей, медицинских работников, сотрудников школ, правоохранительных органов и социальных работников.

Спустя четыре года Финкельхор (Finkelhor, 1979) предложил этическое обоснование для запрета взросло-детских сексуальных взаимоотношений (понимая под этим отношения взрослого с допубертатным ребёнком). Причиной обращения к этическому обоснованию было то, что обоснованию на основе психологического вреда не хватало убедительности. По словам Финкельхора, такое утверждение было бы эмпирически слабым, так как "возможно, что большинство этих детей не пострадали".

В более поздний период бывший президент АПА Мартин Селигман (Seligman, 1994) утверждал, что мнение о СЗД как об "особом вредителе психическому здоровью взрослых" далеко не доказано. По его словам, существующие исследования, свидетельствующие о вреде, имеют методологические ошибки. Эти исследования характеризуются предвзятостью выборки, отсутствием адекватных контрольных групп и отсутствием попыток дать альтернативные объяснения полученным данным. Он пишет: "Если отбросить идеологию, то мы всё также остаёмся в невежестве на предмет того, оставляет ли сексуальное злоупотребление в детском возрасте негативный отпечаток на взрослую жизнь и если да, то в какой мере".

Также значимым является факт, что при объективном рассмотрении вся масса свидетельств подтверждает мнение о том, что СЗД совсем не обязательно наносит вред и вред также не является типичным исходом. Например, Константайн (Constantine, 1981) проанализировал 30 исследований. Он выявил, что

в 20 из них сообщается как минимум о некоторых опрошенных без негативных последствий, из них 13 работ заключают, что для большинства опрошенных вред по сути не был выявлен. В шести исследованиях даже говорится о некоторых опрошенных, которые, путём самостоятельной оценки или с помощью других критериев, отметили детский сексуальный опыт как положительный или возможно полезный.

Конте (Conte, 1985) в своём анализе 25 работ, пытаясь опровергнуть попытку Константайна с помощью научных исследований "выступить в пользу допустимых случаев детско-взрослого секса", заключил, что "анализ литературы, описывающей последствия сексуального злоупотребления для детей, неоспоримо приводит к двусмысленному заключению, что сексуальное злоупотребление, по-видимому, сказывается на некоторых жертвах, но не на всех остальных".

Также Браун и Финкельхор (Browne and Finkelhor, 1986) проанализировали 28 исследований. Они выяснили, что среди взрослых, подвергшихся СЗД в детстве, менее 20% демонстрировали серьёзную психопатологию. Они с озабоченностью отмечают усилия "защитников детей" по преувеличению вредных последствий из политических соображений, считая эти усилия источником потенциального вреда для жертв и их семей:

"Защитники детей" не должны преувеличивать или завышать интенсивность или неизбежность [негативных] последствий, [потому что] жертвы и их семьи ... могут быть дополнительно виктимизированы преувеличенными заявлениями о последствиях сексуальных злоупотреблений.

Кендэлл-Тэкетт и коллеги (Kendall-Tackett et al., 1993) проанализировали 45 исследований. Они выяснили, что до 49% детей, подвергшихся сексуальному злоупотреблению, не испытали какого-либо психологического вреда и заключили, что отсутствие симптомов не должно использоваться для исключения возможности сексуального злоупотребления, поскольку "существует слишком много подвергшихся сексуальному злоупотреблению детей, которые на вид бессимптомны". Кроме того, среди детей с симптомами, для большинства обследованных ослабление симптомов происходило в течение двух лет при наличии терапии или её отсутствии. Эта группа учёных также установила, что при сравнении проходящих терапию детей, подвергшихся сексуальному злоупотреблению показали меньше симптомов, чем неподвергшиеся СЗД клинические пациенты.

В 1997 году Райнд и Тромович провели метаналитический анализ семи работ о последствиях СЗД. В отличие от предыдущих попыток, основанных в первую очередь на клинических выборках, в этой работе были проанализированы исследования, использовавшие национальные вероятностные выборки. Четыре исследования были из США и по одному из Великобритании, Канады и Испании. Результаты показали, что СЗД "не связано с глубоким вредом, а вред, когда он наносится, обычно не является сильным". Полученные Райндом и коллегами результаты, вызвавшие недавнюю бурю негодования, просто подтвердили выводы, сделанные в этой более ранней работе.

Более того, не было показано, что СЗД каким-то образом влияет на личность взрослого. Например, Бейтчман и коллеги (Beitchman et al., 1992) проанализировали 32 исследования. Они заключили, что по полученным данным у СЗД есть серьёзные долговременные последствия, но не ясно в какой мере они относятся непосредственно к СЗД. Левитт и Пиннелл (Levitt and Pinnell, 1995) на основании обзора литературы заявили, что "традиционно принимаемой связи между сексуальным злоупотреблением в детстве как изолированной причиной и психопатологией во взрослом возрасте недостаёт эмпирического подтверждения". Работа Райнда и коллег (Rind et al., 1998) показала, что СЗД не является причинным явлением. Авторы работы сообщили, что связь между СЗД и социальной адаптацией становилась незначительной, когда учитывался фактор семейной среды. И действительно, данные склонны подтверждать заключение, сделанное ранее Селигмэном о том, что

аргументы в пользу влияния на личность взрослого [даже] совсем незначительной детской травмы находятся в головах сторонников идеи о "внутреннем ребёнке". Среди полученных данных доказательства этого отсутствуют.

Следовательно, в противоположность утверждению АПА о том, что СЗД никогда не должно считаться безвредным, в реальности имеет место прямо противоположная ситуация. То есть, эмпирические свидетельства не дают оснований считать СЗД всегда или даже обычно наносящим вред.

Во-вторых, опираясь на полученные данные, Райнд с коллегами сделали важную рекомендацию научному сообществу использовать более нейтральные термины для исследования феномена взросло-детских и взросло-подростковых сексуальных контактов. Согласно их взгляду, к сексуальному поведению с использованием злоупотребления следует относить только ситуации нежеланного сексуального взаимодействия с негативными реакциями. Ситуации, в которых взаимодействия были добровольными, а

реакции - позитивными, должны обозначаться просто как взросло-детский секс или взросло-подростковый секс. Может возникнуть желание уточнить эту рекомендацию (напр. злоупотреблением следует называть случаи, когда ребёнок/подросток не желает вступать в отношения вне зависимости от реакции).

Тем не менее, их рекомендация была сделана с целью продвинуть научное сообщество за рамки виктимологической парадигмы, доминировавшей в области изучения и восприятия феномена СЗД. В этой парадигме ребёнок или подросток рассматривается в качестве пассивной "жертвы" (Feierman, 1990). Это основано на убеждении, что ребёнок или подросток неспособен испытывать сексуальное желание или инициировать сексуальный контакт. Оками в своей работе (Okami, 1990) пишет, что это убеждение "классифицирует участие в сексуальном поведении со сверстниками как "любопытство", а участие в сексуальном взаимодействии со взрослым как "принуждение"". Даже случаи взаимодействий, которые сам ребёнок оценивает положительно, виктимологи определяют как являющие собой злоупотребление [со стороны взрослого]. Оками в той же работе пишет, что виктимологическая парадигма отражает викторианскую идеализацию детей как бесполовых и невинных существ. Это политически корректно, но в то же время некорректно с исторической (Bullough, 1990), а также с научной точки зрения (см. работы Ceci & Bruck, 1995; Friedrich et al., 1991; Friedrich et al., 1998; Lamb & Coakley, 1993).

Виктимологическая парадигма ответственна за массу предвзятых и спорных исследований, которые, согласно замечанию Селигмана, характеризуют эту область исследования (Okami, 1990). Необходима альтернативная парадигма - та, которая была рекомендована Криттенденом (Crittenden, 1996) в его руководстве по рассмотрению случаев ненадлежащего обращения с детьми. Там эти [взросло-детские сексуальные] отношения считаются "скорее распространённым вариантом человеческого поведения, чем девиантным поведением". Это руководство было издано Американским профессиональным обществом против ненадлежащего отношения к детям. Рассмотрение сексуальных отношений между взрослым и несовершеннолетним в этой манере повысит вероятность непредвзятого подхода к изучению этих отношений. Как замечает Криттенден, такой подход также позволит применять то, что уже известно о нормальном сексуальном поведении, к тем случаям, которые сейчас обозначаются как СЗД. Это почти невозможно, пока научное сообщество настаивает на трактовке любых взросло-детских и взросло-подростковых сексуальных отношений как злоупотреблений одного участника другим.

Признание разницы между отношениями со злоупотреблениями и отношениями без таковых не мешает их идентификации как аморальных или незаконных. Конте в своей работе (Conte, 1985) заметил, что решения в части уместности сексуальных взаимодействий между взрослым и несовершеннолетним включают в себя этические, юридические и религиозные принципы. Например, грабёж является незаконным не потому, что наносит психологический вред, а потому, что общество решило, что люди имеют право на принадлежащую им собственность. Другими словами, вопрос последствий СЗД не следует путать с моральной или юридической проблемой реакции на эти отношения. Как ранее утверждал Килпатрик (Kilpatrick, 1992), по меньшей мере в профессиональных и научных дискуссиях, если не в моральных и юридических, злоупотребление является тем, что устанавливается как заключение, а не то, что просто принимается как данность.

Тогда почему многие в научном и профессиональном сообществе принимают позицию, что СЗД наносит вред и игнорируют предложение использовать при изучении этого явления более нейтральную терминологию? Думаю, часть ответа здесь кроется в попытке избежать нападков со стороны виктимологов. Их нападки на любого, кто стремится привнести долю рациональности и объективности в эту проблему, хорошо известна (Okami, 1990; Neimark, 1996). Следовательно, любой, кто взывает к рациональности и объективности в отношении СЗД, обычно будет предвзятать свои слова по принципу, использованному Селигманом (Seligman, 1994): "Поэтому такое предисловие: я считаю СЗД злом. Оно заслуживает порицания и наказания".

Но есть и дополнительная причина - деньги. Как было отмечено Динин (Dineen, 1999), психологическая индустрия (которую она широко определяет как включающую в себя психологов, психиатров, психоаналитиков, клинических социальных работников и психотерапевтов) нуждается в жертвах, чтобы оправдать расширение своей территории и, следовательно, она "производит жертв". Подобная мысль высказывалась ранее Тэврисом (Tavris, 1993) в отношении движения реабилитации пострадавших от инцеста. По словам Костин и коллег (Costin, Karger, and Stoesz, 1996)

СЗД является проблемой, обширно эксплуатируемой специалистами: вновь открытое средним классом СЗД привело также к росту индустрии ненадлежащего отношения к детям, состоящей из оппортунистически настроенных психотерапевтов и агрессивных адвокатов, разбогатевших на СЗД, используя в своих целях взрослых, подвергшихся СЗД в детстве и поощряя восстановление "воспоминаний" у тех, кто не подвергался... Очевидно, что психологическая парадигма ненадлежащего отношения к детям оказалась золотым дном для специалистов в области психического здоровья, ищущих новые болезни. К сожалению, в числе пострадавших от этой новой индустрии оказались сами взрослые, бывшие в детстве жертвами СЗД, которые рискуют подвергнуться вторичной виктимизации, в этот раз со стороны индустрии

ненадлежащего отношения к детям, ищущей новые формы экономического роста...

Общественность, сочувствующая доле подвергшихся такому отношению и брошенных детей, не понимает, что тем самым она оплачивает большую часть счетов вышедшей из под контроля и управляемой спросом индустрии юристов и психотерапевтов...

По словам Динин и коллег, СЗД стало ареной оппортунизма и использования [в корыстных целях] для некоторых деятелей индустрии психического здоровья. И эта арена весьма высокодоходна. Натан и Снедекер (Nathan and Snedeker, 1995) приводят следующие цифры:

Национальный центр по ненадлежащему отношению и брошенности детей имел в своём распоряжении лишь 1,8 млн. долл. для финансирования на все виды проектов по исследованию и демонстрации ненадлежащего отношения (из этой суммы только 237 тыс. долл. ушло на исследования). После скандала с детским садом семьи МакМартин бюджет центра на следующий год вырос в 4 раза и из него 146 тыс. долл. было заплачено Ки МакФэрлейн для интервьюирования и обследования дополнительного числа воспитанников этого учреждения. (Кроме этого, агентство Ки Макфарлейн, называющееся СИИ (Международный детский институт) в 1985 году получило 350 тыс. долл. от Калифорнии, что сделало институт первым учебным центром по диагностике и лечению ненадлежащего обращения с детьми, который получил бюджетное финансирование).

И далее, в большинстве случаев, детям подвергшимся СЗД бездумно предлагается пройти терапию, даже если у них нет симптомов (Beutler et al., 1994). По оценке Финкельхора и Берлинера (Finkelhor and Berliner, 1995) среди подтверждённых случаев СЗД от 44 до 73% [жертв] получают психотерапевтическую помощь. Недавний отчёт, опубликованный Национальным институтом юстиции (Miller et al., 1996) показал, что жертвы СЗД с гораздо большей вероятностью получают психологическую помощь, чем жертвы других преступлений. Эти данные демонстрируют, что 50 и более процентов жертв СЗД получили психологическую помощь по сравнению с всего 4% жертв других преступлений. И средняя стоимость такой помощи для типичной жертвы СЗД почти в шесть раз больше, чем для жертв других преступлений (5800 долл. США против менее 100 долл.).

Также следует обратить внимание на затраты, связанные с производной от СЗД темой, а именно терапией вытесненных воспоминаний. Например в программе штата Вашингтон по компенсации жертвам преступлений средняя стоимость терапии для взрослых, чьи заявления были основаны на вытесненных воспоминаниях пережитого в детстве сексуального злоупотребления, была в 4 раза больше, чем средняя стоимость терапии по другим видам заявлений (Loftus, 1997; Parr, 1996). По другим видам заявлений средняя стоимость составила 3000 долл, в то время как стоимость по заявлениям о вытесненных воспоминаниях СЗД составила более 12000 долл., по одному из заявлений сумма превысила 50000 долл. Всего за 4 года жители штата Вашингтон заплатили за терапию вытесненных воспоминаний в сумме 2,5 млн. долл. по 325 обращениям. Основным диагнозом в большинстве этих случаев было расстройство множественной личности. Для заявителя не было необычным наличие десятков и даже сотен личностей - один заявитель сообщил о более 700 альтернативных состояниях, а другой - о более чем 3000. Все 30 человек продолжали получать психологическую помощь в течение трёх лет, после того, как всплыло их первое воспоминание, из них 60% (18 человек) продолжали получать помощь в течение пяти лет после первого воспоминания. Пайпер (Piper, 1994) отмечает, что расстройство множественной личности требует длительной и дорогостоящей терапии. По его словам, данная терапия не оправдывает затраты. Терапия вытесненных воспоминаний даёт прекрасный пример того, что Кэмпбелл (Campbell, 1994) назвал созданием психотерапевтами агентств по принципу "друг по найму" (rent-a-friend) с длительным наймом "друга". Такие агентства хорошо отвечают интересам психотерапевтов, но не их клиентов.

Это наталкивает на вопрос - что потребители этих услуг и общество в целом получают в обмен на свои деньги? В части лечения детей и подростков, вовлечённых в сексуальные отношения со взрослым, польза для пациентов невелика или отсутствует вообще. Финкельхор и Берлинер (Finkelhor and Berliner, 1995) проанализировали 29 исследований эффективности терапии детей - жертв СЗД. Из 29 исследований 17 были построены по принципу "до терапии - после терапии". Хотя почти во всех исследованиях было показано улучшение, нельзя сказать, что улучшение было благодаря терапии. Как отмечают Финкельхор и Берлинер, лонгитюдные исследования показали, что состояние детей, подвергшихся СЗД, улучшается со временем как при наличии терапии, так и при её отсутствии. Три из семи исследований, построенных по экспериментальному принципу, сравнили группы детей, прошедших терапию и не проходивших её. В них были выявлены значительные изменения в результате терапии, но согласно комментарию Финкельхора и Берлинера "относительно небольшой масштаб [этих исследований] ... уменьшает их научный вес". Среди квазиэкспериментальных исследований, в которых имелись эквивалентные группы (из 5 исследований таких было 3), проходившие терапию дети не получили никаких преимуществ по отношению к детям, не прошедшим её. Хотя Финкельхор и Берлинер подходили с оптимистичных позиций к вопросу исхода терапевтического вмешательства, они отметили,

что нынешние исследования имеют методологические ошибки и заключили, что эффективность терапии сексуальных злоупотреблений ещё предстоит доказать.

Однако, масса полученных в этом анализе данных соответствует тому, что было выявлено в натуралистических исследованиях эффективности детской и подростковой психотерапии, а именно что они не дают результата или он незначителен (U.S. Department of Health and Human Services, 1999; Weisz et al., 1992; Weisz et al., 1995). Эти выводы подтверждаются данными из исследований системы программ заботы о детях и подростках. Одним из самых амбициозных таких исследований был проект Форт Брэгг (Bickman, 1996). Армия США потратила 80 млн. долл. чтобы продемонстрировать как "система программ помощи детям и подросткам в вопросах психического здоровья и злоупотребления веществами является более эффективной в плане стоимости, чем помощь, предоставляемая по более распространённой фрагментированной схеме". Этот проект в течение более 5 лет (июнь 1990 по сентябрь 1995) оказывал помощь стационарным и амбулаторным пациентам из числа более 42000 детей и подростков семей военнослужащих базы Форт Брэгг (штат Северная Каролина). АПА признала эту программу образцовой на совете по детской клинической психологии и в подразделении совместной группы по помощи детям, молодёжи и семье.

Исследование показало, что эта программа дала лучший доступ к лечению, большую степень удовлетворённости обратившихся и меньшее количество ограничений на лечение. Однако стоимость была выше и клинические результаты не лучше, чем на контрольном участке. Полученные данные подтолкнули Брикмэна "оспорить предположение, что клиническая помощь, оказываемая в медицинских учреждениях по месту жительства, является эффективной".

Но если она не эффективна, может ли терапия СЗД быть вредной? По словам Селигмэна (Seligman, 1994) ответ на этот вопрос утвердительный. Он предостерег против направления подвергшихся СЗД людей на терапию и отметил, например, что часто предполагается необходимость для жертв пережить свой опыт и испытать катарсис в целях улучшения состояния в будущем. Несмотря на тот факт, что терапевтическая техника использования катарсиса насчитывает длинную историю, доказательства её эффективности отсутствуют (Bushman et al., 1999; Seligman, 1994). Напротив, по мнению Селигмэна, повторное переживание события может быть вредным, поднимая его в уме ребёнка [из глубин на поверхность], тем самым препятствуя естественному процессу восстановления [психики].

В области лечения взрослых с помощью терапии вытесненных воспоминаний оно также может наносить вред (Stocks, 1998). Исследование, проведённое в рамках программы компенсации жертвам преступлений штата Вашингтон, свидетельствует в пользу, хотя и не доказывает вред, который может быть нанесён в терапии вытесненных воспоминаний о сексуальном злоупотреблении (Loftus, 1997; Parr, 1996). В промежутке между 1991 и 1995 годом в штате Вашингтон по 325 обращениям о вытесненных воспоминаниях были назначены компенсации [за лечение]. Медицинский консультант Лони Парр вместе с сотрудниками проекта проанализировали 183 из этих обращений. Они случайным образом выбрали 30 из них, чтобы сформировать предварительную характеристику. Результаты, полученные Л. Парр и коллегами, настораживают.

В целом, состояние обратившихся ухудшилось в период оказания им помощи. До попыток восстановления воспоминаний 3 человека (10%) имели мысли или делали попытки самоубийства, а после восстановления воспоминаний таких было уже 20 (67%). До терапии лишь двое (7%) были госпитализированы, а после неё - 11 (37%). До терапии лишь одна женщина (3%) делала попытки нанесения себе телесных повреждений, после терапии - 8 человек (27%) прибегали к этому (Loftus, 1997).

Более того, до терапии 25 человек (83%) из числа пациентов были трудоустроены, а после трёх лет терапии работали лишь трое (10%). До терапии 28 человек (93%) состояли в браке, а в течение 5 лет после её начала 18 человек из этих 28 (64%) развелись или расстались со своими партнёрами. 21 пациент имел несовершеннолетних детей, но во время периода терапии треть из них (7 чел.) утратила родительские права. Все пациенты стали отстранёнными от своих близких родственников (Loftus, 1997; Parr, 1996).

Эти пациенты находились в терапии дольше, чем обратившиеся по другим проблемам, и показали более высокий уровень психических и эмоциональных проблем, возникших и усугубившихся в процессе терапии. Фактически, чем больше пациенты находились на терапии, тем больше возникало ограничений, от которых они страдали. Основным диагнозом в этих случаях было расстройство множественной личности, и для обратившихся не было чем-то необычным заявлять о десятках или даже сотнях личностей, у одного насчитывалось даже более 3000. Результаты этого исследования подтверждают выводы Офши и Уоттерса (Ofshe and Watters, 1994):

Анализируя причудливый диагноз "расстройство множественной личности" жестокость терапии восстановленных воспоминаний проявляется особенно ярко. Тысячи пациентов научились демонстрировать зачастую подрывающие [психическое] здоровье симптомы расстройства,

которого у них никогда не было. Их способность жить нормальной жизнью ухудшилась, они стали более зависимыми от терапии и неизбежно более одолеваемы проблемами.

Рекомендации

Вместо попыток отмежеваться от работы Райнда и коллег, АПА вместе с научным и терапевтическим сообществом могло бы использовать эту возможность для следующих целей:

1. Объяснить общественности мифы, окружающие проблему СЗД. В это входит низложение мифа, согласно которому поскольку сексуальный контакт нарушает моральные или законодательные нормы, он непременно или даже обычно наносит психотравму. Другими словами, согласно предложению Райнда и Тромовича, пришло время прекратить приравнивать недопустимость какого-либо сексуального поведения к вредности.

Распространение этого мифа не этично и имеет возможные ятрогенные последствия, как некоторое время назад отметил Шульц (Schultz, 1980). Он написал:

Похоже, что мы произвольно создаём "нормы" для несовершеннолетних, после чего определяем любой отход от них как наносящий травму. Подобные попытки фабрикации являются неэтичными с профессиональной точки зрения и возможно наносят вред несовершеннолетним, участвующим в сексуальных отношениях. Неуместная идеология травмы натравливает специалиста на ребёнка или родителей, имеющих другое мнение. Риск состоит в том, что благодаря этому возникает пророчество, сбывающееся от того, что оно было сделано, и создающее то самое явление, которое оно якобы ненавидит, но которое фактически нужно ему, чтобы поддерживать лежащую в его основе идеологию.

Пример "натравливания" специалиста на ребёнка был приведён Джермейн Грир (Germaine Greer) в 1975 году. Она написала об опыте одной из своих школьных подруг:

С точки зрения ребёнка и здравого смысла есть огромная разница между половым актом с девочкой, которая сама этого хочет и насильственным проникновением в половой орган до смерти запуганного ребёнка. Одна женщина из числа моих знакомых занималась сексом с дядей в течение всего детства и не чувствовала в этом чего-то необычного до момента, когда пошла в школу. Её возмутило не то, что сделал её дядя, а скорее поведение учителей и школьного психиатра. Те заключили, что она должна была получить травму и питать отвращение к произошедшему и поэтому нуждается в совершенно особой помощи. Чтобы уступить перед их ожиданиями она стала имитировать симптомы, которых изначально не испытывала, и наконец действительно стала чувствовать себя виноватой за то, что не чувствовала себя виноватой. Закончилось всё тем, что она стала весьма жёстко судить себя за весь этот разворот (цит. по Schultz, 1980).

2. Провести исследования в сфере сексуальных отношений между взрослыми и несовершеннолетними, свободные от идеологической предвзятости, заполонившей большую часть работ в этой области. Первым шагом в этом направлении должно быть закрепление в научной литературе обозначения "сексуальное злоупотребление детьми" только для тех случаев, где сексуальное поведение сопровождается злоупотреблением. Сексуальное поведение такого рода может определяться как нежеланный сексуальный опыт, который мог включать принуждение, угрозы и/или демонстрируемый вред.

3. Прекратить автоматическое направление на терапию тех, кто подвергся сексуальному злоупотреблению. СЗД не является психиатрическим расстройством или синдромом (Finkelhor & Berliner, 1995). Скорее это эпизод или серия эпизодов в жизни человека. Помощь рекомендована только в случае, когда присутствует демонстрируемый вред. Лечение бессимптомного ребёнка или подростка сравнимо с лечением ребёнка, пережившего несчастный случай при езде на велосипеде. Многие дети, пережившие такие несчастные случаи, не нуждаются в каком-либо лечении. Когда лечение требуется, оно производится в отношении конкретного повреждения, а не эпизода, приведшего к этому повреждению. Другими словами, терапия не должна производиться бессимптомным детям и подросткам.

Однако, даже когда есть демонстрируемый вред, терапия должна быть рекомендована лишь с осторожностью, поскольку, как отметил Селигмэн, она может только усугубить нанесённый вред, помешав естественному процессу исцеления. По словам Селигмэна чрезмерная реакция родителей и полиции, наряду с ранним психотерапевтическим вмешательством, чтобы отменить "отрицание" и последующее терапевтическое вмешательство для восстановления и нового переживания "вытесненных" воспоминаний, может принести больше вреда, чем пользы. Поэтому тем, кто в детстве пережил СЗД или

тем родителям, чей ребёнок пострадал от подобного, он рекомендует "как можно раньше уменьшить громкость".

Направление на терапию СЗД в тех случаях, когда она чрезмерна и не требуется, отнимает ресурсы от других жертв и их потребностей (Costin et al., 1996). Наконец, и что самое важное, это приводит к невозможности сделать точную оценку эффективности лечения, поскольку в массе проходящих лечение пациентов присутствуют те, которым оно изначально не требовалось.

4. Объяснить потенциальным клиентам риски серьёзных побочных эффектов, связанных с терапией. Они имеют право знать вероятность успешного исхода и вероятность неудачи, т.е. ухудшения и отсутствия улучшений. Потенциальные клиенты имеют право знать, прошло ли эмпирическую проверку то лечение, которое будет им предоставлено, является ли оно экспериментальным и получало ли оно негативную оценку со стороны надёжных исследований. Обладая этой информацией потенциальные клиенты могут принять информированное решение о том, стоит ли подвергать себя или своих детей рискам, связанным с терапией.

Заключение

Работа Райнда и коллег, посвящённая влиянию СЗД на студентов колледжа, является политически некорректной, но научно корректной. Она несёт в себе ряд важных следствий для научного и терапевтического сообщества. Среди наиболее важных можно отметить необходимость прекратить преувеличение негативных последствий сексуальных отношений между взрослыми и несовершеннолетними, как ранее предлагалось Селигмэном, а также Брауном и Финкельхором. Другой важный вывод состоит в необходимости проводить исследования, которые не подходят к вопросу сексуальных отношений между взрослыми и несовершеннолетними с позиции политической идеологии, как часто было до настоящего времени. И наконец, пришло время прекратить распространённую практику, состоящую в 1) предположении о нанесении СЗД вреда и 2) рекомендации психотерапевтического вмешательства как стандарт во всех случаях.

Литература

см. в [оригинале статьи](#), стр 13.